

ПУТЕШЕСТВІЕ
ПО СЪВВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ
ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

ВЪ 1868—1870 ГОДАХЪ.

БАРОНА ГЕРГАРДА МАЙДЕЛЯ

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

ПО ПОРУЧЕНІЮ АКАДЕМІИ НАУКЪ

В. Л. Біанки

УЧЕНЫЙ ХРАНИТЕЛЬ ЗООЛОГИЧЕСКАГО МУЗЕЯ

Чтано въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленіи 27 марта 1891 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ LXXIV-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕР. АКАДЕМІИ НАУКЪ
№ 3.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ, 1894

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

Н. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Комп., въ С. П. Б.

Н. Книмя, въ Ригѣ

Цѣна 4 руб.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, мартъ 1894 года.

Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

·ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Настоящій трудъ заключаетъ въ себѣ описаніе путешествія на крайнемъ Сѣверо-востокѣ, продолжавшагося съ ноября 1868 по ноябрь 1870 г.; въ немъ я старался по возможности указывать на особенности посѣщенной мною страны. Но мнѣ приходится просить снисхожденія учителя, потому что дальнее разстояніе отъ мѣста печатанія не дало мнѣ возможности просматривать работу съ достаточной тщательностью. Главнѣйшія опечатки приведены, конечно, въ концѣ книги, но докучливыхъ повтореній, которыхъ нельзя не замѣтить, исправить уже не удалось.

Бланкенбургъ на Гарцѣ,
5 ноября 1894.

Гергардъ Майдель.

ПУТЕШЕСТВІЕ
ПО КРАЙНЕМУ СЪВЕРО-ВОСТОКУ
ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

въ 1868—1870 годахъ,

ВЫПОЛНЕННОЕ ПО ПОРУЧЕНІЮ ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И
ВОСТОЧНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕ-
СКАГО ОБЩЕСТВА.

Содержаніе.

**Глава первая. Цѣль поѣздки. Приготовленіе къ отъѣзду. Путь
отъ Якутска до Среднеколымска Стр. 1—60.**

Настоящее путешествіе есть результатъ поѣздки на ревизію въ 1866 году стр. 1. — Сношенія съ чукчами до 1812 года стр. 1—3. Съ 1812 по 1866 годъ стр. 3—6. Распоряженіе генераль-губернатора Корсакова и Сибирскаго отѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества относительно экспедиціи и составъ послѣдней стр. 6—7. Какъ путешествуютъ отъ Якутска до Среднеколымска стр. 7—11. Качества якутскихъ лошадей и проводниковъ стр. 11—13.

Путь отъ Иркутска до Якутска стр. 13—24.

Качуга стр. 13—14. Грузовыя суда, употребляемыя на Ленѣ, — павозки и барки стр. 14 — 16. Пассажирскія суда на Ленѣ, — почтовыя и частныя лодки стр. 16 — 17. Солеварня Усть-Куть и зобъ стр. 18—19. Окружной городъ Киренскъ и скала Пьяный Быкъ стр. 19—20. Лена и Витимъ; ихъ прѣбрежные жители стр. 20—22. Мачинская резиденція; прѣѣздъ въ Якутскъ стр. 23—24.

Путь отъ Якутска до Среднеколымска стр. 24—60.

Приготовленіе къ путешествію и отъѣздъ стр. 24 — 25. Завычиваніе лошадей и дорожная одежда стр. 25—26. Распредѣленіе дня во время путешествія; повариши стр. 26—28. Переваль на р. Тукуланъ стр. 28 — 29. Переходы и мѣста остановокъ отъ Алдана до Верхоянскаго хребта стр. 29—30. Полярная граница сосны и ели стр. 30 — 31. Долина верхняго теченія Тукулана и поднятіе на хребетъ стр. 31 — 35. Переходы и мѣста остановокъ отъ хребта до Верхоянска стр. 35. Яна и путешествіе епископа Діонисія; раздѣленіе экспедиціи стр. 36—37. Сѣверный олень какъ ѣздовое животное стр. 37—40. Юрта стр. 40—43. Верхоянскъ

стр. 43. Худяковъ и его термометрическія наблюденія стр. 43—45. Первая извѣстія о находкѣ трупа мамонта стр. 45. Николай Алексѣевичъ Соловьевъ берется довести мой караванъ до Среднеколымска стр. 45—46. Станція на моемъ пути отъ Верхоянска до Табалаха стр. 46—47. Абсолютная высота Кигеляхъ-Таса и Ыгнахъ-Хаи стр. 47. Мѣста остановокъ, моего маршрута и маршрута каравана, отъ Табалаха до Среднеколымска стр. 48—49. Неточность оцѣнки пройденнаго пути; кѣсь, якутская мѣра пути стр. 50—52. Область истоковъ р. Адычи вовсе неизслѣдована стр. 53. Пути, ведущіе черезъ хребетъ Тась-Хаяхтахъ: 1) южный Догдо стр. 53; 2) восточный Догдо и тарыны Кыры и Нехарана стр. 54—56. Селегнахъ и чибоба, *Equisetum variabile*, Midd. стр. 56—57. Путь отъ Селегнаха до Среднеколымска стр. 58—60.

Глава вторая. Положеніе дѣль въ Колымскомъ округѣ. Стр. 61—149.

Обитатели округа и ихъ взаимныя отношенія стр. 61—104.

Число жителей стр. 61. Юагиры стр. 61—63. Чуванцы стр. 63—64. Ламуты стр. 64—69. Тунгузы стр. 69. Якуты стр. 69—73. Русскіе стр. 73—77. Источникъ существованія прибрежныхъ жителей нижняго теченія Колымы и частыя голодовки въ этой мѣстности стр. 77—80. Чукчи и торговля съ ними сношенія сначала на Большомъ, а затѣмъ на Маломъ Анюѣ стр. 80—84. Торговля правилами Трескина стр. 84—88. Постепенное передвиженіе чукчей съ востока на западъ стр. 88—90. Чукчи—народъ безъ начальствующихъ лицъ и слѣдствіе этого положенія вещей стр. 90—94. Ятыргинъ присвоиваетъ себѣ власть начальника и переходъ власти къ сыну его Амвраоргину стр. 94—97. Амвраоргинъ и чукчи-оленоводы стр. 97—98. Стремленіе ихъ на западъ стр. 98—99. Торговля правилами Трескина и польза отъ нихъ въ настоящемъ стр. 99—104.

Планы путешествія и приготовленіе къ нему стр. 104—137.

Предварительныя планы поѣздки на востокъ и зависимость послѣдней отъ доброй воли чукчей стр. 104—107. Чукча Ваалергинъ и его переселеніе въ тундру къ западу отъ Колымы стр. 107—108. Прибытіе моихъ товарищей по путешествію въ Среднеколымскъ стр. 109. Николай Новгородовъ и смерть этого преданнаго мнѣ человѣка стр. 109—111. Ваалергинъ и первый опытъ введенія ясачной повинности у чукчей стр. 111—114. Поѣздка съ цѣлью розыскать Амвраоргина и Нижнеколымскъ стр. 114—116. Страхъ передъ чукчами и попрошайничество у нихъ жителей Нижнеколымска стр. 116—117. Мѣстопробываніе Амвраоргина никому неизвѣстно; Хархабирка

стр. 117 — 119. Путь отъ Хархабирки по области чукчей до встрѣчи съ Амвраоргинымъ стр. 120—122. Встрѣча съ Амвраоргинымъ и его сыномъ. Распоряженія относительно поѣздки епископа Діонисія и установленіе плана нашего путешествія. Амвраоргинъ рѣшаетъ ѣхать съ нами стр. 122—129. Мнѣніе Амвраоргина о Ваалергинѣ и его помощи обитателямъ Нижнеколымска стр. 129—130. Возвратное путешествіе въ Среднеколымскъ стр. 131—136. Тунгузъ Фока и мамонтъ стр. 136. Отъѣздъ на Алюйскую ярмарку стр. 137.

Чукотская ярмарка на Алюѣ и отъѣздъ на востокъ стр. 137—149.

Стояновеніе между собачьими нартами и оленьими санями стр. 138—140. Плохіе виды на путешествіе стр. 140. Ярмарка стр. 140—145. Чукотскія бѣговья санки и олень бѣга на Маломъ Алюѣ стр. 145—148. Послѣдній день торга. Всеобщее введеніе ясака у чукчей-оленеводовъ. Отъѣздъ къ мѣсту жительства Амвраоргина стр. 148—149.

Глава третья. Путь отъ Малаго Алюя до устья Анадыра. Стр. 150—181.

Мѣстность между Малымъ и Большимъ Алюемъ стр. 150—151. Приѣздъ къ мѣсту стоянки Амвраоргина стр. 151. Чукотская палатка стр. 152—153. Образъ жизни чукчей; занятія женщинъ и мужчинъ стр. 154. Уходъ за оленьими стадами стр. 154—156. Олений оводъ стр. 156. Яшуръ стр. 157. Чукча-стадовладѣлецъ и его слуга; ихъ взаимныя отношенія стр. 157—160. Чукотское счисленіе стр. 161. Брачное дѣло у чукчей стр. 162. Мнѣніе чукчи Айгинвата относительно многоженства стр. 162—164. Отъѣздъ на востокъ стр. 164—165. Распредѣленіе дневныхъ занятій въ теченіе этого путешествія и ихъ повтореніе изо дня въ день стр. 165—169. Путь вдоль сѣвернаго склона хребта; невозможность имъ воспользоваться стр. 169—172. Путь къ устью Анадыра вдоль южнаго склона хребта и медленный ходъ путешествія стр. 172—179. Прибытіе на устье Анадыра и жертвоприношеніе чукчей стр. 179—180.

Глава четвертая. Путь отъ устья Анадыра въ Нижнеколымскъ. Стр. 181—261.

Отъ прихода на устье Анадыра до отъѣзда въ Гижигинскъ стр. 181—222.

Пребываніе на устьѣ; исправленіе оленьихъ санокъ; прибрежные жители или анкалы стр. 181—183. Айгваны или прибрежные жители эскимоскаго племени стр. 183—184. Первый снѣгъ; стада дикихъ сѣверныхъ оленей стр. 184—185. Образованіе грунтоваго льда стр. 185. Результатъ удач-

ной охоты на дикихъ сѣверныхъ оленей стр. 186—187. Моя поѣздка въ Марково; первое появленіе лѣса; Марково на Анадырь стр. 187—191. Дальнѣйшій планъ путешествія стр. 191—192. Празднества во время путешествія и празднованіе разставанія съ чукчами стр. 192—194. Невозможность дать отвѣты на запросы г. Ринка стр. 194. Тяжелая болѣзнь Амвраоргина и отношеніе къ ней чукчей стр. 195—197. Раздѣленіе нашей экспедиціи стр. 197—198. Обзоръ пройденной нами страны стр. 198. Ея растительность стр. 198—199. Фауна млекопитающихъ, дикій сѣверный олень и охота на него стр. 200—205. Фауна птицъ стр. 205—212. Обитатели страны стр. 213—214. Число чукчей стр. 214—215. Ихъ торговля съ американскимъ племенемъ кергауловъ стр. 215—216. Неутѣшительные виды на эту торговлю и единственная возможность спасти чукчей отъ вымиранія путемъ переселенія ихъ на западъ стр. 216—219. Торговля на Алюѣ и на Анадырь стр. 219—222.

Моя поѣздка въ Гижигинскъ и обратное путешествіе въ Марково стр. 222.

Расстояніе между Марковымъ и Гижигинскомъ; непостоянство погоды стр. 222—223. Лѣсъ тянется только вдоль береговъ рѣкъ, остальная мѣстность представляетъ тундру стр. 223—224. Камчатскій хребетъ не является продолженіемъ Становаго хребта стр. 225—226. Селеніе Пенжинское стр. 226. Коряки и чукчи, близкое ихъ родство стр. 226—228. Отношеніе коряковъ къ христіанству стр. 229. Отъ Пенжины до Шестаковки стр. 229—230. Осѣдлые коряки на Шестаковкѣ; ихъ жилища, нравы и занятія стр. 230—236. Путь отъ Шестаковки до Гижигинска стр. 236—237. Городъ Гижигинскъ стр. 238—241. Возможность установленія торговыхъ сношеній между Гижигинскомъ и Среднеколымскомъ помимо Якутска стр. 241—244. Обратное путешествіе въ Марково; снѣжный обвалъ стр. 245—246. Мухоморъ (*Amanita muscaria*) какъ одуряющее средство у коряковъ стр. 246—247.

Возвратное путешествіе изъ Маркова въ Нижнеколымскъ стр. 247—260.

Чукчи Хотто и Менка стр. 247—248. Вѣроятное исчезновеніе языка чуванцевъ стр. 248. Планы дальнѣйшаго путешествія стр. 249—250. Отправленіе и путь до стоянки Амвраоргина; описаніе пройденнаго пути и встрѣчавшихся хребтовъ въ частности стр. 250—253. Перепись чукчей стр. 253—254. Чукотская церковь на Эломбалѣ стр. 254—255. Порученіе Императорской Академіи Наукъ относительно посѣщенія мѣста находки трупа мамонта стр. 256—257. Прибытіе въ Нижнеколымскъ стр. 257. Поѣздки участниковъ нашей экспедиціи стр. 257—258. Перепись чукчей и первая сдача ясака стр. 258—260.

Глава пятая. Новая попытка достигъ мыса Пэзкъ и обратное

путешествіе въ Якутскъ Стр. 261—376.

Поѣздка на востокъ до возвращенія въ Нижнеколымскъ стр. 261—294.

Планъ путешествія и его выполнимость или невыполнимость стр. 261 — 264. Кольчуга маіора Павлуцкаго стр. 264. Путь до мѣста стоянки Тинеймита и пребываніе здѣсь стр. 264—266. Дальнѣйшее путешествіе. Миссіонеръ для чукчей Аргентовъ стр. 266 — 268. Мнѣніе чукчи Тинеймита относительно принятія христіанства его народомъ стр. 268—269. Островъ Айока стр. 269—271. Мысъ Эрри стр. 271—272. Западная граница распространенія моржа стр. 272. Несуществовавшій народъ шелаги стр. 272—274. Мнѣніе Миддендорфа о мысахъ сѣвернаго побережья подтверждается и здѣсь стр. 275. Верковъ и Хуата—одна и та же рѣка стр. 276. Послѣдняя постройка Шалаурова стр. 276—277. Плохіе виды на дальнѣйшее путешествіе; возвращеніе рѣшено стр. 277—279. Западное и восточное теченія въ Ледовитомъ океанѣ стр. 279—280. Земля Врангеля; ее можно видѣть съ прибрежныхъ горъ стр. 280—282. Перелетъ птицъ стр. 282—283. Кить стр. 283. Мелкій видъ тюленя—вѣстникъ начала западнаго теченія стр. 284—285. Ящуръ и его проявленіе стр. 285—287. «Войдъ» и китовая кость стр. 288—289. Начало весны; собака и тюленьи отдушины стр. 289—291. Напрасное подкарауливаніе медвѣдя стр. 291—293. Мареву на мысѣ Медвѣжьемъ стр. 294. Рыба въ сѣтяхъ на нижнемъ теченіи Колымы какъ вѣстникъ наступленія времени радостей; прибытіе въ Нижнеколымскъ стр. 294.

Отъ Нижнеколымска до Среднеколымска стр. 294—305.

Ледоходъ на Колымѣ; пловучіе острова; пловучій дѣсь стр. 294—298. Начало рыбной ловли; собраніе птичьихъ яицъ стр. 298—300. Загадочная смерть отъ употребленія въ пищу свѣжаго рыбаго мяса стр. 300—301. Остальные члены нашей экспедиціи: топографъ Афонасевъ и фельдшеръ Антоновичъ стр. 301—302. Дальнѣйшіе планы путешествія стр. 302—303. Взрывъ эпидеміи сибирской язвы стр. 304. Увеселенія въ Среднеколымскѣ стр. 304—305.

Отъ Среднеколымска до мѣста находенія мамонта и отсюда до Якутска стр. 305—376.

Отправленіе. Олбугъ Сылгытаръ стр. 305—307. Травяныя виски и находеніе въ нихъ крупной рыбы стр. 308—309. Опусканіе и поднятіе уровня водъ въ озерахъ стр. 309—310. Ловля линяющихъ утокъ и гусей стр. 311—315. Холмистая мѣстность среди необозримой равнины стр. 316. Общдающее удачу извѣстіе о находкѣ втораго мамонта стр. 317—318. Граница дѣсной растительности; различный

характеръ лиственничнаго лѣса къ югу и къ сѣверу отъ Верхоянскаго хребта стр. 319—321. Озеро Андрей-кѣль и почвенный ледъ, стр. 322—324. Проводникъ-тунгузъ стр. 325. Характеръ мѣстности, гдѣ находятъ трупы мамонтовъ стр. 326—328. Первое мѣсто находки стр. 328—329. Кусокъ шкуры мамонта и его волосяной покровъ стр. 329 — 330. Уборка найденныхъ остатковъ мамонта, которыхъ нельзя было взять съ собой стр. 331—332. Каменные столбы или кекуры стр. 332—333. Второе мѣсто находки стр. 334—336. Почвенный ледъ и его изслѣдованіе стр. 336—342. Вѣроятное возникновеніе почвеннаго льда изъ снѣжныхъ скопленій стр. 342—346. Путь отъ мѣста находки мамонта до Индигирки; Пелевой хребетъ стр. 346—354. Мамонтъ, найденный на рѣкѣ Шангинѣ стр. 354. Озеро Ожогино и образованіе на немъ торосовъ стр. 355—359. Раннее выпаденіе снѣга и его печальныя послѣдствія стр. 359—360. Безнадежное положеніе момъ лошадей стр. 361—363. Пребываніе мое въ Абыѣ до установки зимняго пути и рѣшеніе продолжать путешествіе на оленяхъ стр. 363—368. Область озеръ; Селегяхъ, Тонгмоть и Береляхъ стр. 368—370. Ньехаранъ, Кыра и тарыны этой рѣки въ началѣ ихъ образованія стр. 371—374. Набѣгъ зайцевъ и его послѣдствія стр. 374—375. Отъ Верхоянска до Якутска стр. 375—376.

ПОГРѢШНОСТИ ВЪ ПОМѢТКѢ ПРИМѢЧАНІЙ.

Примѣчаніе 13 пропущено въ текстѣ на страницѣ 30, строка 9 сверху

»	15 bis	»	»	»	»	44,	»	20	»
»	22	»	»	»	»	61,	»	—	»
»	46	помѣчено	»	» 43-ъ	»	148,	»	—	»
»	48	пропущено	»	»	»	156,	»	34	»
»	57	»	»	»	»	194,	»	28	»

Примѣчанія 23 (въ текстѣ выпущено), 63 (стр. 215) и 68 (стр. 248) въ русскомъ переводѣ становятся излишними.

Содержаніе главныхъ примѣчаній.

1. Трескинъ и его дѣятельность въ Иркутскѣ и въ Восточной Сибири стр. 377—381.
2. Предполагавшееся проведеніе сухопутной телеграфной линіи между Сибирью и Америкой и оставленіе этого проекта стр. 381—382.
3. Мошки и комары и причиняемая ими мученія стр. 382—383.
4. Почтовое сообщеніе между Якутскомъ и Среднеколымскомъ стр. 388—385.
5. Мѣховая торговля въ Якутской области. Условія торговли. Цѣны товаровъ и пушнины. Торговля въ кредитъ. Случай съ Бережневымъ стр. 385—396.
6. Якутская вьючная лошадь стр. 396—397.
7. Табакъ махорка стр. 398.
8. Снабженіе населенія солью стр. 398—399.
9. Городъ Киренскъ, его теперешнее и прошлое значеніе стр. 399—403.
10. Золотопромышленный округъ и прилежація къ нему мѣстности. Витимъ стр. 403—409.
11. Золотопромышленная резиденція Мача и ежегодное выселеніе рабочихъ осенью стр. 409—417.
12. Занятіе якутскаго погонщика вьючныхъ лошадей стр. 417—421.
13. Сѣверная граница сосны и ели стр. 421—422.
20. Ловля рыбы неводомъ подо льдомъ стр. 428—429.
22. Якуты Колымскаго округа стр. 429—430.
24. Ламуть и его одежда стр. 430—432.
25. Обычаи сибирскихъ инородцевъ или такъ называемые таежные законы стр. 432—438.
26. Ясакъ стр. 438—441.
27. Ржаная мука и снабженіе ею населенія Якутской области. Хлѣбъ не составляетъ необходимаго предмета потребленія стр. 441—449.
28. Казацкая станица и крестьяне на нижнемъ теченіи Колымы и Яны стр. 449—450.
29. Якуты, забывшіе свой языкъ, и русскіе, не умѣющіе говорить по-русски стр. 450—453.
30. Рыболовство какъ жизненный вопросъ для жителей Сѣвера и голодовки, обусловленныя неудачнымъ ловомъ рыбы стр. 453—462.

31. Мѣха, привозимые чукчами на Анаюскую ярмарку стр. 462—465.
33. Чукотская аристократія стр. 466—473.
35. Раздача знаковъ отличія сибирскимъ инородцамъ стр. 473—475.
36. Ёздовая собака, ея качества и способность къ различнаго рода работѣ стр. 475—488.
39. Олений костный жиръ въ качествѣ освѣтительнаго матеріала и топлива стр. 490—491.
42. Христіанскіе миссіонеры у чукчей и коряковъ стр. 492—499.
44. Условія торговли между чукчами и американскими китоловами стр. 499—501.
45. Обычай и одежда чукчей стр. 501—504.
46. Сѣверный олень на бѣгахъ стр. 504—506.
47. Сѣверный олень и отношеніе къ нему чукчей стр. 506—508.
48. Олений оводъ и его личинка стр. 508.
50. Числительная система чукчей стр. 509—511.
54. Снѣжная буря 14 и 15 мая стр. 513—515.
56. Сибирское ружье или винтовка стр. 515—516.
57. Чукчи; знаніе ими своихъ старинныхъ обычаевъ; вліяніе шамановъ; характеръ чукчей стр. 516—521.
58. Сибирскій челвъ или вѣтка стр. 521—523.
59. Россомаха—пакостникъ тайги стр. 523—524.
60. Судьба моихъ коллекцій въ Иркутскѣ стр. 524—526.
64. Краткій очеркъ борьбы коряковъ съ русскими стр. 526—573.
66. Старинный путь между Нижнеколымскомъ и Гижигинскомъ стр. 574.
67. Дѣйствіе мухомора стр. 574.
69. Граница лѣсной растительности на Анадырѣ стр. 575.
71. Хижина Шалаурова и необъяснимая смерть всей его команды стр. 576.
72. Полозья нартъ стр. 578.
74. Каменные столбы или кекуры стр. 579.
- 75 и 76. Почвенный ледъ сѣверной тундры и его возникновеніе стр. 580 и 581—584.
78. Мѣщане и крестьяне нижняго теченія Яны и Индигирки стр. 584—590.
79. О находкахъ мамонта стр. 590—594.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Цѣль поѣздки. Приготовленіе къ отъѣзду. Путь отъ Якутска до Средне-колымска.

Въ 1866 году по порученію губернатора Якутской области мнѣ предстояло объѣхать два сѣверныхъ округа этой области—Верхоянскій и Колымскій—и между прочимъ посѣтить ярмарку, которая ежегодно бываетъ на Маломъ Анюѣ, правомъ притока нижняго теченія Колымы. На эту весеннюю ярмарку собираются съ одной стороны купцы изъ Якутска, Верхоянска и Колымска, а съ другой—различныя мелкія племена, живущія въ сѣверо-восточномъ углу материка, и между которыми очень выдающуюся роль играютъ чукчи. Цѣлью моей поѣздки было улаженіе различныхъ споровъ, которые возникли въ послѣднее время между торгующими, и пересмотръ на мѣстѣ старыхъ, установленныхъ еще въ началѣ этого столѣтія губернаторомъ Трескинымъ, торговыхъ правилъ, которыя будто-бы уже стали не пригодными и не отвѣчали болѣе требованіямъ времени. При этомъ оказалось, что было бы въ высшей степени желательно урегулировать отношенія чукчей къ мѣстному Колымскому окружному управленію и вообще внести ясность и порядокъ въ сношенія этого, до сихъ поръ вовсе остававшагося безъ вниманія, племени, какъ съ администраціею, такъ и съ другими инородцами.

Какъ видно изъ приводимыхъ въ этомъ отчетѣ историческихъ данныхъ, бывшее воеводское управленіе, укрѣпившись на берегахъ рѣки Анадыра и опираясь на возведенное здѣсь укрѣпленіе

Анадырскъ, затѣяло съ чукчами борьбу, которая тянулась болѣе ста лѣтъ, стоила большихъ денегъ и многихъ человѣческихъ жертвъ и все же не привела ни къ какимъ результатамъ. Въ Петербургѣ такъ мало знали о дальнемъ Востокѣ, что принуждены были предоставить веденіе дѣлъ на полное усмотрѣніе мѣстныхъ властей, а эти послѣднія въ теченіе долгаго времени предоставляли его тоже на полное усмотрѣніе своихъ подчиненныхъ; вслѣдствіе этого болѣе столѣтія, съ 1640 по 1766 г., велась война, иногда очень кровопролитная, безъ разумной причины и безъ всякой цѣли. Въ концѣ концовъ все это, равно какъ и постоянное требованіе денегъ, надѣло, и главному управленію было строго предписано выяснитъ дѣйствительное положеніе вещей. Конечно, приказаніе было исполнено, и дѣлу былъ положенъ быстрый конецъ тѣмъ, что крѣпость Анадырскъ была упразднена, а воинственные и корыстолюбивые казаки переселены; такимъ образомъ разомъ добились спокойствія. Не сбылось также и предсказанія сторонниковъ постоянной войны съ чукчами, что съ уничтоженіемъ Анадырска на берегахъ рѣки Анадыра воцарятся грабежъ и убійства и что оправившіеся отъ страха чукчи жестоко распорядятся съ ламутами, юкагирами, коряками и камчадалами. Наоборотъ, лишь только немолкавшее бряцаніе оружія затихло, повсюду наступило спокойствіе.

Съ этого времени чукчей почти предоставили самимъ себѣ, и это было вполнѣ благоразумно, потому что они не дѣлали ничего дурнаго. Они спокойно жили въ своихъ земляхъ и занимались почти исключительно разведеніемъ оленьихъ стадъ, единственнымъ источникомъ ихъ богатства, и тѣмъ самымъ положительнымъ образомъ опровергали усердно распространяемую старыми казаками дурную молву о ихъ задиричivosti и необузданной дикости. Кажется даже въ высшей степени вѣроятнымъ, что эти слухи были распускаемы, чтобы доказать въ Петербургѣ необходимость самаго укрѣпленія Анадырска и его храбраго гарнизона.

Послѣ упраздненія крѣпостцы чукчи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не имѣли никакихъ сношеній съ русскими; да сношенія

эти и должны были прекратиться, разъ пересталъ существовать пунктъ, въ которомъ они завязывались. Но чукчи не могли долго мириться съ такимъ положеніемъ вещей. Дѣйствительно, на Анадырѣ вѣдь не только сражались, но вели торгъ и общеніе, такъ что чукчи, не имѣя въ своей пустынной, совершенно безлѣсной странѣ ровно ничего, кромѣ своихъ оленьихъ стадъ и того, что олени имъ доставляли, попривыкли къ нѣкоторымъ предметамъ, именно къ желѣзнымъ и деревяннымъ издѣліямъ, обходиться безъ которыхъ казалось имъ уже труднымъ. Поэтому они старались съ своей стороны снова завести сношенія и при томъ совершенно мирныя; такъ какъ просьбы въ этомъ направленіи были съ готовностью встрѣчены правительствомъ, то образовался пунктъ мѣновой торговли сначала на Большомъ Анюѣ, а впослѣдствіи, въ виду многихъ неудобствъ этого мѣста, на Маломъ Анюѣ, въ 250 верстахъ къ востоку отъ Нижнеколымска, въ маленькомъ мѣстечкѣ на нижнемъ теченіи Колымы, противъ впаденія обоихъ Анюевъ.

Приблизительно съ 1812 года этотъ торговый пунктъ началъ собирать различныхъ инородцевъ ежегодно въ мартѣ мѣсяцѣ и, въ общемъ, сношенія эти были вполне сносныя потому, что жители Колымска, знавшіе чукчей только по слухамъ и безусловно вѣрившіе во всѣ старые анадырскіе страхи о ихъ кровожадности и дикости, сильно ихъ побаивались и обращались съ ними, вслѣдствіе этого, крайне внимательно и предупредительно.

Но этой боязни оказалось не достаточнымъ, чтобы отбить у купцовъ всякую охоту къ обману, и потому время отъ времени случалось, что при расчетѣ съ чукчами они поступали не съ безупречной честностью. Такъ, впрочемъ, поступаютъ не съ одними чукчами, тѣмъ болѣе, что жалобы на подобныя дѣла почти невозможно подвергать судебному слѣдствію и разбирательству. Вся торговля мѣхами между купцами и охотниками за пушнымъ звѣремъ ведется въ кредитъ; при этомъ купецъ сначала даетъ охотнику товаръ въ долгъ, получая въ возвратъ за него пушнину только въ слѣдующемъ году, послѣ чего тотчасъ-же соглашается

на новый заемъ. Этотъ порядокъ разъ на всегда установился на всемъ Сѣверо-Востокѣ, и, какъ бы ни былъ плохъ самъ по себѣ, онъ такъ глубоко укоренился, имѣя за себя кое-что изъ мѣстныхъ соціальныхъ условій, что его уже невозможно измѣнить. Если теперь принять въ соображеніе, что книги ведетъ только одинъ купецъ, охотникъ же полагается исключительно на свою хорошую память, то понятно бываетъ, что при расчетѣ не все сходитъ такъ гладко, какъ должно было бы сойти; свидѣтелей большею частью не оказывается, потому что подобнаго рода сдѣлки, по давно принятому обычаю, заключаются почти всегда съ глазу на глазъ. При такихъ разногласіяхъ, конечно, въ большинствѣ случаевъ въ накладѣ оставались охотники за пушнымъ звѣремъ, такъ какъ они были въ рукахъ у купца и не могли рѣшиться довести дѣла до разрыва. Разъ же обманъ удавался съ другими инородцами, то почему бы не испробовать его и въ торговыхъ дѣлахъ съ чукчами. Но на дѣлѣ вышло иное: чукчи оказались слишкомъ мало цивилизованными для того, чтобы умѣть скрывать неудовольствіе подъ любезной улыбкой; они поднимали споръ, а такъ какъ являлись на торгъ по обыкновенію вооруженными, то происходили кровавыя схватки, дававшія купцамъ поводъ подавать жалобы. Такъ какъ Якутская область въ началѣ столѣтія входила въ районъ Иркутской губерніи, то за это дѣло имѣлъ поводъ приняться тамошній губернаторъ Трескинъ (1) ¹⁾, который и рѣшилъ его въ высшей степени практично и разумно, установивъ около 1817 года для Анхойской ярмарки опредѣленные торговые правила, которыхъ должно было строго придерживаться. Впослѣдствіи будетъ случай подробно разсмотрѣть эти правила, а тутъ достаточно будетъ констатировать, что они вполнѣ достигали своей цѣли и въ теченіе всего этого времени служили вѣрной путеводной нитью въ сношеніяхъ чукчей съ русскими купцами.

Между тѣмъ съ теченіемъ времени положеніе вещей къ вос-

¹⁾ Примѣчанія смотри ниже.

току отъ Колымы значительно измѣнилось. Чукчи, мѣста обитанія которыхъ въ началѣ столѣтія начинались отъ Чаунской губы и доходили до мыса Пээкъ (Мысь Восточный) и устья Анадыра, вели совершенно обособленный образъ жизни въ своихъ печальныхъ пустыняхъ, вслѣдствіе этого они могли быть вполне предоставлены самимъ себѣ и заботиться объ нихъ не было никакой надобности. Когда же они являлись разъ въ году на Анюйскую ярмарку, то на этотъ случай, какъ уже было сказано, для нихъ было совершенно достаточно правилъ Трескина. Но мало по малу у чукчей исчезъ страхъ къ русскимъ, которымъ со времени существованія Анадырскаго укрѣпленія они были проникнуты до мозга костей. Сношенія съ купцами приучили ихъ къ различнымъ потребностямъ, ежегодное пребываніе въ тайгѣ — къ пріятнымъ ощущеніямъ, которыя доставляются человѣку на крайнемъ стѣверѣ топливомъ. Однимъ словомъ, возвращаясь ежегодно съ Анюйской ярмарки, они постепенно стали откочевывать уже не такъ далеко; затѣмъ они оставались уже близъ границы древесной растительности; наконецъ перестали ее переходить и окончательно поселились въ области Большаго Анюя. Имъ дали спокойно утвердиться, такъ какъ они жили мирно и тихо со своими богатыми оленьими стадами, не нарушая ни чьихъ правъ, ибо оба Анюя были заселены уже далеко не такъ густо, какъ во времена Врангеля, и мѣста хватало и на нихъ. Съ Большаго Анюя они перешли впоследствии на Малый и въ концѣ концовъ поселились по всему правому берегу нижняго теченія Колымы до береговъ Ледовитаго океана. Понятно, что столь близкое сосѣдство не могло оставаться безъ частыхъ сношеній чукчей съ жителями Колымска, и между ними, дѣйствительно, установился довольно оживленный обмѣнъ. Кромѣ большихъ оленьихъ стадъ у чукчей ничего не было: все, въ чемъ они еще ощущали потребность, а въ теченіе времени они кое къ чему привыкли, имъ приходилось покупать у жителей Колымска; послѣдніе же крайне нуждались въ дешевомъ и хорошемъ мясѣ. Такимъ образомъ обѣ стороны были удовлетворены и, въ общемъ,

довольны. Но, конечно, при оживленныхъ сношеніяхъ дѣло не могло обходиться безъ нѣкоторыхъ пререканій, и въ этихъ случаяхъ весьма важнымъ неудобствомъ являлось то обстоятельство, что въ глазахъ мѣстной администраціи чукчи были вполне независимымъ народомъ и не были обязаны подчиняться постановленіямъ и юрисдикціи исправниковъ. Дѣльные исправники, разумѣется, справлялись съ обстоятельствами и умѣли внести въ отношенія съ чукчами спокойствіе и порядокъ; но такими людьми не всегда можно располагать, а потому уже давно имѣлось въ виду разобраться въ этой путаницѣ, и не брались за это дѣло только потому, что какъ въ Якутскѣ, такъ и въ Иркутскѣ слишкомъ мало знали мѣстные условія, чтобы имѣть возможность или желать придти къ практическому его рѣшенію.

Когда я возвратился въ 1866 году съ ревизіи, губернаторъ Якутска, тайный совѣтникъ Лохвицкій, потребовалъ отъ меня обстоятельнаго отчета о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ на нижнемъ теченіи Колымы и началъ серьезно заниматься приведеніемъ ихъ въ порядокъ. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что какъ разъ въ это время между Азіей и Америкой предполагалось устройство телеграфнаго сообщенія (2), при чемъ имѣли въ виду провести часть его черезъ Землю Чукчей и, вѣроятно, нашли нужнымъ собрать болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, чѣмъ тѣ, которыми располагали до сихъ поръ о мѣстности и ея жителяхъ. Губернаторъ Лохвицкій сдѣлалъ по этому поводу запросъ генералъ-губернатору Восточной Сибири, генералъ-лейтенанту Корсакову, и результатомъ этого было то, что я получилъ порученіе предпринять поѣздку въ Землю Чукчей и сдѣлать тамъ нужныя распоряженія, чтобы отношенія между этимъ народомъ и мѣстной администраціей были болѣе урегулированы.

Это было поводомъ къ экспедиціи, ходъ которой будетъ разсказанъ на слѣдующихъ страницахъ. Я отправился не одинъ, но Сибирское Отдѣленіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества послало съ своей стороны д-ра К. фонъ-Неймана для астрономическихъ и магнитныхъ наблюденій

и топографа П. Аванасьева для съемки нашего маршрута. Кромѣ того къ намъ прикомандировали пять конвойныхъ казаковъ и наконецъ дали еще фельдшера Н. Антоновича для собиранія естественно-историческихъ коллекцій. Нашъ планъ состоялъ въ томъ, чтобы изъ Якутска обычнымъ путемъ отправиться черезъ Верхоянскъ на Среднеколымскъ, отсюда въ Нижнеколымскъ и направиться на чукотскую ярмарку, а затѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, виѣстѣ съ чукчами пройти всю эту область до мыса Пээкъ (Мысь Восточный), чтобы отсюда добраться до устья Анадыра; отъ этого послѣдняго мы хотѣли подняться по этой рѣкѣ, перебраться съ верхняго теченія ея на истоки Большаго, затѣмъ на истоки Малаго Анюя и, въ концѣ концовъ, спустившись по послѣдней рѣкѣ, вернуться опять въ Нижнеколымскъ. Обратный путь отъ Нижнеколымска мы думали совершить не обычнымъ путемъ, но, поднявшись по Колымѣ вверхъ до ея истоковъ, пройти поперекъ плато Оймеконъ и выбраться на нижнее теченіе Алдана. Насколько удалось выполнить этотъ планъ въ дѣйствительности, будетъ видно изъ послѣдующаго.

Прежде всего требовалось добраться до Среднеколымска. Такъ какъ приказаніе совершить эту поѣздку мнѣ было официально дано еще въ мартѣ мѣсяцѣ 1868 года, то не было препятствій къ отъѣзду изъ Якутска уже лѣтомъ того же года. Однако путешествіе въ это время года имѣетъ свои неудобства. Лѣтомъ, прежде всего, лошади менѣе выносливы, чѣмъ зимою: въ теплое время года нельзя каждую вьючную лошадь нагружать на далекія разстоянія болѣе, чѣмъ четырьмя пудами, тогда какъ въ холодное она безъ труда выдерживаетъ шесть съ половиною. Далѣе, болота и рѣчки представляютъ часто большія и трудно преодолимая препятствія, наконецъ комары и мошки (3) дѣлаютъ путешествіе въ теплое время года тяжелымъ мученіемъ не только для человѣка, но еще въ большей степени для животныхъ, которыхъ беспокоятъ укусы и потеря крови какъ разъ въ самое необходимое имъ для отдыха время, такъ что они не могутъ пи-

таться как слѣдуетъ и скоро выбиваются изъ силъ. Поэтому мы рѣшили ѣхать зимой, непріятной только своими суровыми морозами, но отъ нихъ можно защититься, а отъ лѣтнихъ мученій нѣтъ спасенія.

Подобно тому какъ выборъ времени года, такъ и способъ нашего передвиженія былъ почти навязанъ намъ обстоятельствами. Въ Якутскѣ прекращается настоящее правильное почтовое сообщеніе съ его станціями, лошадьми и экипажами; хотя отъ Якутска, черезъ Верхоянскъ до Нижнеколымска и существуетъ еще такъ называемый почтовый трактъ, но на самомъ дѣлѣ это крайне преувеличенное названіе того, что въ дѣйствительности имѣется. Правительство нуждается въ извѣстной правильности сообщенія съ окружными управленіями, и поэтому устроило рядъ станцій въ одну сторону отъ Якутска до Вилюйска, а въ другую — до Колымска и Охотска. По дорогѣ къ Колымску черезъ Верхоянскъ, устройство сообщенія состоитъ въ томъ, что черезъ каждыя приблизительно 150 верстъ (4) какой нибудь подрядчикъ обязуется по контракту за опредѣленное годовое вознагражденіе держать на готовѣ лѣтомъ шесть лошадей, а зимою или то же количество этихъ животныхъ, или двойное количество оленей. Согласно этимъ контрактамъ правительство имѣетъ право посылать три раза въ годъ почту изъ Якутска въ Колымскъ и обратно, да кромѣ того столько верховыхъ, сколько потребуютъ служебныя надобности. Частныя лица не могутъ пользоваться этимъ сообщеніемъ. Мы же не могли воспользоваться этой такъ называемой почтой уже потому, что насъ было слишкомъ много, и помимо того мы должны были везти съ собою массу багажу. Поэтому намъ не оставалось ничего инаго, какъ снарядиться тѣмъ способомъ, который практикуютъ торгующіе на крайнемъ сѣверѣ купцы. Послѣдніе продѣлываютъ ежегодно то путешествіе, которое намъ предстояло (5), а потому для снаряженія нашей экспедиціи мы нашли практическія указанія и помощь.

Путь изъ Якутска лежитъ сначала на Алданъ къ тому мѣсту,

гдѣ въ него впадаетъ Тукуланъ. Въ этомъ урочищѣ, которое называется Жэссей, находится нѣсколько юртъ и хижинъ, обитаемыхъ якутами и русскими, и небольшое число пакгаузовъ. Отъ Якутска до этого мѣста считается добрыхъ 200 верстъ, дорога идетъ по долинѣ Лены среди сравнительно густо населенной мѣстности, жители которой, якуты Якутскаго округа, состоятельные стадовладѣльцы, но занимаются также отчасти земледѣлемъ и огородничествомъ. Ёдущіе въ Среднеколымскъ купцы имѣютъ обыкновение отправлять всѣ свои товары и другой багажъ изъ Якутска въ это мѣсто и тутъ складывать ихъ въ свои пакгаузы при помощи своихъ людей. На это уходитъ время отъ августа приблизительно до конца октября. Въ теченіе этого времени собственно вьючныя животныя, которыя должны выдерживать путь отъ Алдана до Колымска, передаются для откармливанія на попеченіе различныхъ предпринимателей и отъ заботливости, съ которою послѣднее совершается, зависитъ въ значительной степени удача этого обременительнаго и затруднительнаго путешествія.

Такимъ же образомъ отослали и мы свой багажъ, который нужно было окончателно приготовить къ отправкѣ еще въ Якутскѣ. Такъ какъ каждое вьючное животное должно было нести шесть съ половиной пудовъ, т. е. 260 фунтовъ, то кладь слѣдовало распредѣлить такъ, чтобы съ каждой стороны вьючнаго сѣдла приходилось по три пуда, а сверху можно было помѣстить полъ-пуда. Для укладки боковаго багажа употребляются обтянутые кожей легкіе деревянные ящики или кожаные мѣшки; всѣ старанія должны быть направлены къ тому, чтобы какъ ящики, такъ и мѣшки были наполнены предметами до самаго верху и при томъ вѣсили ровно три пуда. Если не выполнено первое условіе, то вещи подвергаются опасности разбиться или потереться; не достааетъ второго — кладь теряетъ равновѣсіе, сѣдла соскальзываютъ на сторону, заставляють останавливаться въ пути, а на дурной конецъ могутъ причинить лошадямъ ссадины. Для укладки поперехъ сѣдла берутся предметы, которые

съ одной стороны не годны по своей формѣ къ упаковкѣ въ ящики и мѣшки, а съ другой такіе, которые постоянно необходимы въ пути, какъ напр. провизія, кухонныя принадлежности, спальные матрацы и т. д.

Для насъ было въ высшей степени важно рѣшить вопросъ о нашемъ дальнѣйшемъ снаряженіи отъ Алдана; до этого мѣста по примѣру купцовъ, мы отправили нашъ багажъ на наемныхъ животныхъ. Отсюда мы могли или снова нанять лошадей и только уплатить за каждого коня по 20 рублей, причемъ отъ другихъ заботъ мы вовсе освобождались, такъ какъ въ этомъ случаѣ подрядчикъ принимаетъ на себя всѣ хлопоты на пути (6); или, съ другой стороны, мы могли сами приобрѣсти себѣ лошадей, нанять проводниковъ и тогда, конечно, все путешествіе до Колымска принять на свой рискъ. По здравому обсужденію, я рѣшился на послѣднее, такъ какъ при этомъ мы были менѣе зависимы въ нашихъ передвиженіяхъ, хотя расходы въ такомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ въ началѣ путешествія, были много значительнѣе. Хорошая лошадь, приученая уже къ путешествію и вьюку, не могла быть приобрѣтена въ Якутскѣ дешевле 30—50 рублей, и мы нуждались въ пятидесяти животныхъ, чтобы имѣть и для себя верховыхъ лошадей и размѣститъ весь нашъ багажъ. Съ перваго взгляда такое число кажется слишкомъ большимъ: насъ и нашихъ казаковъ, которыхъ я взялъ изъ Якутска всего двоихъ, намѣреваясь выбрать остальныхъ трехъ въ Колымскѣ, было всего шестеро, и такимъ образомъ оставалось 44 лошади подъ багажъ. Между тѣмъ нужно принять въ расчетъ, что намъ нужно было взять не только жизненные припасы для путешествія отъ Алдана до Колымска, но и для поѣздки въ Чукотскую Землю требовались также значительные запасы, которыхъ или вовсе нельзя было получить въ Колымскѣ, или за очень дорогую цѣну. Кроме того съ нами шла масса мѣноваго товара, напр. такъ называемаго черкаскаго табаку или махорки (7); этотъ ужасный курительный матеріалъ, какъ мы увидимъ далѣе, совершенно необходимый товаръ, безъ котораго о сношеніи съ чук-

чами нельзя было и думать, такъ какъ деньги имъ были вовсе неизвѣстны. При такихъ условіяхъ пятидесяти лошадей только что хватало; но не легко было приобрести исключительно такихъ животныхъ, которыя годились бы для дальней поѣздки при извѣстныхъ условіяхъ. Якутская лошадь представляетъ изъ себя хорошую породу, почти безъ исключенія сѣрой масти, не очень крѣпкую, но при правильномъ уходѣ очень выносливую и довольствующуюся даже скуднымъ кормомъ. Въ виду того, что жеребенокъ растетъ сначала при кобылѣ въ табунѣ, а затѣмъ молодая лошадь остается при правильномъ хозяйствѣ до четырехъ лѣтъ тамъ же, то она не только привыкаетъ исключительно къ травяному корму, вовсе не умѣя ѣсть овесъ, но и приучается добывать сама себѣ пищу лѣтомъ и зимой, вообще круглый годъ. Якутъ запасаетъ сѣно исключительно для рогатаго скота, который содержится зимою подъ кровлей и въ стойлѣ, и для тѣхъ лошадей, которыя непосредственно нужны ему для работы. Кобылы, жеребята, молодые лошади и тѣ изъ взрослыхъ, которыя не работаютъ, находятся въ табунѣ, гдѣ имъ и предоставлено лѣто и зиму самимъ добывать себѣ кормъ на свободѣ. Все лѣто якутъ живетъ среди своихъ стадъ на пастбищахъ, такъ какъ онъ нуждается въ молокѣ, и особенно въ крайне необходимомъ для него кобыльемъ; на зиму онъ перебирается къ своимъ сѣнокосамъ, гдѣ лѣтомъ его работниками заготовляются стоги, лошади же остаются на пастбищахъ всю зиму, вдали отъ хозяина, и онъ только время отъ времени слѣдитъ за тѣмъ, чтобы животныя не отходили слишкомъ далеко. Въ это суровое время года, когда холодъ достигаетъ 40—45° Р. и ртуть въ среднемъ на три мѣсяца превращается въ твердое тѣло, лошади должны сами себѣ отрывать кормъ изъ подъ снѣга и это вполнѣ имъ удается въ нормальные годы, когда снѣгъ лежитъ слоемъ не больше 20 дюймовъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ состоятельный якутъ въ Вилюйскомъ округѣ подогналъ къ своей юртѣ табунъ, какъ разъ въ моментъ моего приѣзда, для того, чтобы заколотъ кобылу: къ нему приѣхалъ въ гости зажиточный сосѣдъ и нужно

было угостить кониной, которой якуты отдаютъ предпочтеніе передъ оленьимъ мясомъ. Это было въ концѣ февраля, термометръ показывалъ около 40° холода по Реомюру и тѣмъ не менѣе животныя казались веселыми и здоровыми. Закололи молодую кобылу—якуты охотнѣе ѣдятъ кобылье мясо и не берутъ кобылъ въ работу, а держать ихъ только изъ за молока и для приплода—и, послѣ того какъ содрали шкуру, оказалось, что туша была покрыта слоемъ жира, почти какъ добрая свинья.

Но какъ бы ни была сама по себѣ хороша эта порода лошадей, все же нельзя пользоваться неопытнымъ животнымъ для дальняго и обременительнаго путешествія, во время котораго оно, помимо тяжелой ноши, обречено, развѣ за немногими исключеніями, на добываніе себѣ корма изъ подъ снѣга во время ночнаго отдыха. Вслѣдствіе этого стараются достать такихъ лошадей, которыя уже нѣсколько разъ совершали путь на Колымскъ или, по крайней мѣрѣ, на Охотскъ; только въ этомъ случаѣ можно быть увѣреннымъ, что онѣ не спадутъ съ тѣла въ пути и ихъ не придется бросить. Поэтому мнѣ очень посчастливилось въ томъ отношеніи, что одинъ дружески ко мнѣ расположенный молодой купецъ, Митрофанъ Тимоѣевичъ Самойловскій, любезно вызвался купить для меня лошадей и такъ мастерски выполнилъ это дѣло, что я не потерялъ ни одного животнаго на всемъ пути отъ Алдана до Нижнеколымска. Но къ лошадямъ нужны и погонщики, которыхъ нанялъ тотъ же любезный человекъ. Подобный проводникъ беретъ пройти путь на своей собственной лошади и слѣдить за пятнадцатю вьючными; онъ долженъ ихъ вьючить и развьючивать, держать въ полной исправности сѣдла и остальную упряжь, какъ напр. недоуздки, ремни и т. п., и наблюдать за тѣмъ, чтобы животныя находились постоянно въ хорошемъ состояніи и особенно, чтобы они не стирали себѣ спины сѣдлами. Продовольствіе его собственное, но онъ имѣетъ право помѣстить по 20 фунтовъ своего багажа на 3—4 лошади. За все это онъ получаетъ скудное вознагражденіе, въ 65 рублей, и это за службу, которая длится со середины октября почти до

половины іюня. Трудно повѣрить, что находятся люди, принимающіе на себя за такую ничтожную плату столь тяжелую обязанность, тѣмъ болѣе, что требуется не малая опытность и много навыка, чтобы быть годнымъ проводникомъ въ столь продолжительномъ и утомительномъ путешествіи. Проводникъ не только самъ долженъ знать дорогу и всѣ броды многочисленныхъ рѣкъ, но также имѣть ясное представленіе, гдѣ находятся хорошія пастбища, чтобы дѣлать на нихъ привалы; не имѣй онъ свѣдѣній въ этомъ отношеніи, и онъ въ короткое время изнуритъ самыхъ хорошихъ животныхъ.

Такимъ образомъ, еще до нашего сбора въ Якутскѣ самое необходимое для путешествія, т. е. лошади и проводники, было приготовлено для насъ дружеской рукой самымъ старательнымъ образомъ. Сами мы были снабжены въ Иркутскѣ черезъ посредство Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества инструментами и всѣмъ необходимымъ для путешествія, и могли пуститься отсюда въ путь, сначала на Якутскъ, 15 августа 1868 г. Дорога, т. е. большой почтовый трактъ, ведетъ сначала по обширной мѣстности, застроенной богатыми деревнями, на Лену, которая беретъ начало изъ восточной части Байкальскаго хребта и становится судоходной для мелкихъ судовъ у деревни Качуги. Но такъ какъ рѣка тутъ еще незначительна и маловодна, то почтовый трактъ проложенъ на нѣсколько станцій далѣе по правую ея сторону до деревни Жигалово; отъ Качуги воднымъ путемъ можно пользоваться собственно только весною, въ половодье. Несмотря на этотъ очень короткій навигаціонный періодъ, Качуга все-таки считается начальной частью пути, такъ какъ главная отправка товаровъ совершается всегда весною. И дѣйствительно, въ это время транспортъ очень значителенъ, такъ какъ Лена является единственнымъ важнымъ путемъ сообщенія Сѣвера съ центромъ Восточной Сибири и съ главнымъ торговымъ городомъ всей Сибири. Весь хлѣбъ и всевозможные товары, нужные Сѣверу, потребности котораго сильно возросли, благодаря необыкновенному развитію золотыхъ приисковъ на Ленѣ и Витимѣ, въ

теченіе зимы необходимо свести въ Качугу, чтобы отсюда сплавить на судахъ, выстроенныхъ на самой же Ленѣ, внизъ по рѣкѣ къ мѣстамъ своего назначенія, изъ которыхъ самое дальнее, Якутскъ, удалено отъ Качуги на 2500 верстъ.

Для перевозки по Ленѣ употребляются суда двухъ типовъ, — барки и пѣвозки. Ленская барка представляетъ изъ себя одно изъ самыхъ неуклюжихъ судовъ, какое когда либо выдумывала человѣческая фантазія и производила человѣческая рука. Къ днищу изъ трехдюймовыхъ досокъ прикрѣпляются большими деревянными гвоздями древесные стволы такъ, чтобы самый стволъ лежалъ горизонтально, а оставленный въ его концѣ корень приходился къ днищу подъ прямымъ угломъ. Къ этимъ корнямъ прибавляются такими-же большими деревянными гвоздями боковыя доски внизу въ два съ половиною, сверху въ два дюйма толщиною; такимъ образомъ получается продолговатый четырехугольный ящикъ въ шесть сажень (по семи англійскихъ футовъ) длиною, въ четыре сажени шириною и въ полторы сажени вышиною. Внутри барка раздѣляется досчатыми переборками на отдѣленія для товаровъ и людей, а поверхъ пристроивается плоская крыша изъ досокъ, слегка приподнятая по длинной оси, чтобы дать хотя нѣкоторый стокъ дождевой водѣ; въ такомъ видѣ барка готова. Какъ спереди, такъ и сзади, т. е. на обѣихъ короткихъ сторонахъ четырехугольника, придѣлывается въ серединѣ по громадному веслу, вырубленному изъ длиннаго древеснаго ствола; эти два весла представляютъ изъ себя единственное приспособленіе для управленія такой безпомощной машиной. Такая барка поднимаетъ отъ 6000 до 6500 пудовъ груза и сидитъ при этомъ въ водѣ отъ одного до одного съ четвертью аршина. Собственно говоря, она можетъ плыть только по теченію, и въ этомъ ея единственное назначеніе; управлять ею можно лишь въ очень ограниченныхъ предѣлахъ: только при отчаливаніи удается направить ее на середину теченія, да при причаливаніи возможно вывести изъ середины и пригнать къ берегу. На большой рѣкѣ съ широкимъ фарватеромъ безъ всякихъ подводныхъ препятствій

такая барка въ тихую погоду вполне удовлетворяетъ своему назначенію. Но Лена обладаетъ необходимыми для такого судна качествами только много ниже города Киренска; въ верхнемъ же теченіи она сильно извилиста и загромождена разными отмелями. Поэтому, несмотря на то, что барка идетъ исключительно пока свѣтло, люди несутъ очень тяжелую службу и часто не въ состояніи избѣжать мели, съ которой барку можно снять только съ большимъ трудомъ. Избѣгнуть отмели удастся только въ томъ случаѣ, если ее можно замѣтить издалека; тогда барку отводятъ при помощи вышеуказанныхъ веселъ въ сторону, чтобы она миновала препятствіе. Къ несчастію, фарватеръ верхняго теченія рѣки крайне измѣнчивъ и мели ежегодно перемѣщаются, такъ что даже самый опытный лодманъ не всегда въ состояніи избѣгнуть неожиданной остановки. Въ томъ случаѣ, если барка сѣла на мель, бѣда поправляется только быстрой выгрузкой; другое средство сняться съ мели заключается въ выжиданіи прибыли воды, что иногда и практикуется, но способъ этотъ очень опасенъ въ томъ отношеніи, что вмѣсто ожидаемой прибыли, вода часто быстро спадаетъ; и въ этомъ случаѣ сдвинуться съ мѣста нельзя даже и думать. Изъ сказаннаго видно, что путешествіе на баркахъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть быстрымъ; и дѣйствительно, барки обыкновенно доплываютъ до Якутска въ два мѣсяца слишкомъ, а при несчастіи и если препятствій на пути встрѣчалось много, то и этого времени не достаточно. Значительно болѣе удобенъ и быстръ на ходу — пѣвозокъ. Онъ много меньше барки и не четырехугольной формы, а кпереди заостренъ; по формѣ онъ представляетъ изъ себя сочетаніе четырехугольника, имѣющаго стороны въ три сажени длиной, и треугольника, прилаженнаго спереди, при этомъ въ кормѣ онъ имѣетъ три сажени въ ширину, а общая длина его простирается отъ 4 до 5 сажень. Пѣвозокъ поднимаетъ не болѣе 700—800 пудовъ, но идетъ быстрѣе и управлять имъ легче. На такихъ судахъ ѣдутъ сами купцы и везутъ съ собою такіе товары, которые предназначаются не для городовъ, именно не для Якутска, но товары, ко-

торые продаются на пути, во всѣхъ населенныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ пѣвозки представляютъ изъ себя пловучія лавки, прибытіе которыхъ ожидается съ нетерпѣніемъ всѣми прибрежными жителями Лены, раскупающими товаръ на расхватъ. Барки, наоборотъ, везутъ только товары по заказу на опредѣленные мѣста и розничною продажею не занимаются.

Кромѣ этихъ двухъ типовъ судовъ, предназначенныхъ для товаровъ, имѣются еще лодки для пассажировъ. Каждая станція обязана держать наготовѣ известное число почтовыхъ лодокъ лѣтомъ и нѣсколько саней зимою. Единственный почтовый трактъ отъ Жигалова до станціи Покровской, сто верстъ не доѣзжая Якутска, есть сама Лена; лѣтомъ по ней плывутъ водою, зимою ѣдутъ по льду; если же кто либо пожелаетъ путешествовать въ такое время, когда по рѣкѣ ѣхать нельзя, то ему остается только ѣзда верхомъ по узкой тропинкѣ вдоль прибрежнаго яра, по преимуществу на лѣвомъ берегу рѣки. Впрочемъ время распутицы, какъ весенней, такъ и осенней, во всякомъ случаѣ очень коротко, потому что, благодаря крайней континентальности климата Восточной Сибири, оба эти времени года едва замѣтны, а лѣто и зима переходятъ почти непосредственно другъ въ друга. Почтовая лодка представляетъ изъ себя открытое судно и бываетъ различныхъ размѣровъ, смотря по количеству пассажировъ и ихъ багажа; она дѣлается въ 9, 7 или 5 досокъ и подобно тому, какъ проѣзжающій требуетъ себѣ четыре, три или двѣ почтовыхъ лошади, такъ можно заказать себѣ лодку девятирикъ, семерикъ или пятерикъ. При путешествіи внизъ по рѣкѣ двигаются съ помощью двухъ или четырехъ весель, въ зависимости отъ величины судна; противъ теченія его тянутъ бичевой. Для защиты отъ дождя и солнца приказываютъ устроить досчатую крышу, имѣющую видъ разрѣзаннаго по длинной оси цилиндра, который опирается на края средней части лодки. На такомъ суднѣ путешествуютъ съ такими же удобствами или неудобствами, какъ въ обыкновенномъ почтовомъ экипажѣ: лодка должна вернуться обратно и багажъ приходится на каждой станціи перекладывать. Во избѣ-

жаніе этого всё, кому приходится часто ѣздить по рѣкѣ, имѣютъ свои собственныя лодки и таковыя часто устроены очень удобно. Въ средней части лодки возводятъ въ полномъ смыслѣ слова домикъ, который большею частію состоитъ изъ двухъ комнатъ, — задней большей для владѣльца, и передней — меньшихъ размѣровъ для необходимой прислуги. На носу устраиваютъ изъ кирпича печку для варки кушанья, а для того, чтобы ходить съ носа на корму, минуя каюту, вдоль борта и во всю длину домика сдѣланъ проходъ, обнесенный перилами. Въ такой лодкѣ ѣхать очень удобно и при быстрой ѣздѣ, особенно если спускаться по теченію, путешествіе по величественной рѣкѣ можно назвать очень пріятнымъ.

Мы, конечно, не имѣли такого судна и *polens volens* должны были бы удовольствоваться почтовыми лодками, если бы намъ не удалось, къ счастію, очень легко получить его заимообразно. Очень рѣдко случается, чтобы тотъ, кто отправляется Леной отъ Якутска до Иркутска или обратно, возвращался назадъ водою. Обыкновенно его задерживаютъ дѣла такъ долго, что онъ долженъ вернуться зимнимъ путемъ. Отправлять лодку въ длинное обратное путешествіе пустою очень затруднительно, а потому судовладельцы бываютъ очень рады найти путешественниковъ, которымъ они могутъ довѣрить свою лодку для доставки ея на мѣсто. Поэтому намъ удалось безъ большаго труда достать двѣ хорошихъ лодки. Въ одной изъ нихъ мы помѣстились сами, другую заняли багажемъ, въ которомъ табакъ занималъ тогда еще главное мѣсто.

Мы быстро доѣхали отъ Иркутска до Жигалова и заняли готовыя уже лодки. Въ началѣ Лена имѣетъ видъ маленькой, сильно извиистой рѣчки, пробивающейся въ своихъ высокихъ берегахъ, состоящихъ изъ красныхъ пластовъ девонскихъ отложений. Да и отъ Жигалова до Киренска ничто не заставляеть предполагать, что находишься на громадной рѣкѣ, одной изъ самыхъ большихъ среди величественныхъ рѣкъ въ Сибири. Окаймленная высокими горами съ ихъ крутыми склонами, блестящими

на солнцѣ своей кроваво-красной окраской, рѣзко выступающей среди свѣжей зелени лиственницъ и темной массы елей и сосенъ, она, конечно, красива и въ своемъ верхнемъ теченіи. Первое довольно населенное мѣстечко, попадающееся на пути, помимо окружнаго города Верхоленска, есть большая солеварня Усть-Куть, принадлежащая правительству и расположенная у мѣста впаденія Кута, дѣлага притока Лены. Солеварня эта лежитъ въ котловинѣ, какъ кольцомъ опоясанной высокими горами; она была заложена уже первыми завоевателями края и имѣетъ крайне важное значеніе для совершенно лишеннаго соли сѣвера и сѣверо-востока Сибири. Хотя на правомъ притокѣ средняго теченія Вилюя, Кемпендеѣ, и есть мощныя залежи каменной соли, но онѣ слишкомъ отдаленны, чтобы ихъ разрабатывать въ настоящее время съ выгодой; вслѣдствіе этого всю Якутскую область снабжаетъ солью одинъ Усть-Куть. Правительство само завѣдуетъ выработкой и развозкой соли и ведетъ дѣло такъ, что цѣна ея, начиная съ мѣста производства и кончая отдаленными Усть-Янскомъ и Нижнеколымскомъ, повсюду одинакова. Это въ высшей степени благодѣтельная мѣра, такъ какъ для живущихъ по близости соль не удешевляется до чрезмѣрности, а отдаленнымъ жителямъ вообще только при этомъ условіи и дана возможность раздобыть ее. Правительство исчисляетъ всю сумму расходовъ по добыванію и перевозкѣ и, основываясь на этомъ, опредѣляетъ цѣну съ причисленіемъ 6% дохода на затраченный капиталъ. Какова стоимость соли теперь я не знаю, но во время моего пребыванія въ Якутскѣ цѣна за пудъ колебалась около рубля; самому же правительству въ Усть-Кутѣ пудъ обходился около тридцати копѣекъ, а въ Нижнеколымскѣ около семи рублей (8).

Какъ ни красиво мѣстоположеніе Усть-Кута, но мѣсто это не можетъ быть признано здоровымъ. Какъ тутъ, такъ и на протяженіи 100 верстъ по рѣкѣ внизъ въ ужасающей степени свирѣпствуетъ зобъ, который въ другихъ мѣстахъ Сибири почти неизвѣстенъ. Трудно встрѣтиться съ кѣмъ нибудь изъ жителей деревень, расположенныхъ на этомъ пространствѣ, кто бы не

былъ сильно изуродованъ этой болѣзною. Такъ, всѣ восемь нашихъ гребцовъ и оба рулевые страдали подобными опухолями, которыя впрочемъ ихъ, повидимому, не особенно беспокоили. Въ томъ случаѣ, если зобъ мѣшалъ работать, больные очень легко поправляли бѣду. Напримѣръ, двое изъ гребцовъ нашей лодки, передъ тѣмъ какъ взяться за весло, преспокойно хватали отвисшій до груди зобъ и откидывали его за спину, гдѣ онъ и оставался, не препятствуя исполнять имъ свои обязанности.

До окружнаго города Киренска (9) Лена остается узкой и извилистой, а теченіе ея очень умѣреннымъ; у самаго же Киренска послѣднее на столько слабо, что грести какъ по теченію, такъ и противъ него, одинаково легко и кажется, будто плывешь по запруженной рѣкѣ. Да и вообще Лена принадлежитъ къ очень спокойно текущимъ водамъ; это слѣдуетъ уже изъ того, что у Кочуги, въ 4000 верстахъ отъ впаденія Лены въ Ледовитый океанъ, она лежитъ всего на 1530 футахъ абсолютной высоты. У Киренска она принимаетъ рѣку Киренгу, берущую начало тоже въ западной части Байкальскаго хребта; тутъ Лена уже пошире, но все еще имѣетъ видъ рѣки среднихъ размѣровъ. Вслѣдствіе медленности теченія мы тихо подвигались впередъ, а помимо этого насъ задерживали еще постоянные противные вѣтры; люди уставали до такой степени, что часто вмѣсто того, чтобы продолжать надрываться въ веслахъ, предпочитали брать лошадей и тащить лодку внизъ по теченію бичевой.

Нѣсколькими станціями ниже Киренска находится мѣсто, хорошо извѣстное всѣмъ прибрежнымъ жителямъ Лены. Тутъ расположена громадная, очень красивой формы скала, круто поднимающаяся изъ волнъ лѣваго берега Лены и даже довольно далеко вдающаяся въ фарватеръ рѣки. Образующійся такимъ образомъ мысъ не опасенъ для лодокъ, но пагубенъ часто для пѣвозковъ и въ особенности для трудно управляемыхъ барокъ. Если людямъ не удастся вовремя направить судно къ правому берегу, то оно неминуемо наткнется на скалу, а это повидимому всегда сопряжено съ крушеніемъ барки. Эта скала съ

древнихъ временъ носила названіе Быка, потому что плывущимъ внизъ по рѣкѣ она напоминаетъ лобъ бодающагося быка. Лѣтъ тридцать или сорокъ тому назадъ, если только не богѣе, на этомъ мѣстѣ произошло крушеніе, которое дало скалѣ очень характерный epitheton ornans. Это было еще въ то время, когда винокуреніе въ Сибири было монополіей правительства, а вино-торговля была въ рукахъ откупщиковъ. Однажды внизъ по рѣкѣ шла громадная барка съ полнымъ грузомъ водки и, наткнувшись на злополучную скалу, моментально разбилась, а бочки съ дорогимъ товаромъ поплыли по теченію. Людямъ съ трудомъ удалось спастись и они отовсюду скликали народъ, чтобы спасти казенное имущество, которому, вѣдь, и по закону не полагается ни въ огнѣ горѣть, ни въ водѣ тонуть. Народъ дѣйствительно собрался, и, какъ говорятъ, нѣсколько бочекъ удалось спасти; впрочемъ такихъ, повидимому, было не много, такъ какъ разразилась буря, которая будто съ одной стороны крайне затруднила спасаніе, а съ другой, — сталкивая бочки другъ съ другомъ, разбивала ихъ въ щепки. Тѣмъ не менѣе народу, вѣроятно, кое-что удалось все-таки припрятать, потому что послѣ того въ окрестностяхъ наступили такіа празднества и пьянство, что о нихъ и понынѣ еще идутъ рассказы по Ленѣ, а благодѣтельная скала съ тѣхъ поръ начала называться Пьянымъ Быкомъ.

Только начиная съ селенія Витимскаго, у котораго съ правой стороны впадаетъ величественный Витимъ, Лена становится большой рѣкой. Витимъ беретъ начало на Забайкальскомъ нагорьѣ, течетъ сначала на востокъ и только впоследствии измѣняетъ это направленіе на сѣверное, а въ концѣ концовъ на сѣверо-западное. Его широко раскинутый бассейнъ на всемъ своемъ протяженіи относился еще до недавняго времени къ наименѣе населеннымъ частямъ Сибири (10). Но въ послѣднія двадцать лѣтъ область золотыхъ приисковъ, которые впервые были открыты на впадающихъ въ Лену Большомъ и Маломъ Патомакъ, распространилась до правыхъ притоковъ самаго нижняго теченія Витима; тутъ основаны были нѣсколько

заведеній для промывки золота, которыя не только принадлежатъ къ самымъ богатымъ во всей Сибири, но къ нимъ даже не приложимо уже и вышеприведенное названіе, такъ какъ золото добывается здѣсь не поверхностно, а правильнымъ образомъ въ рудникахъ и шахтахъ. Вслѣдствіе того, что такого рода заведенія привлекаютъ массу народа и требуютъ большое количество разныхъ продуктовъ и матеріаловъ, то въ этой, прежде тихой и спокойной мѣстности, развилась бойкая торговля; торговыя компаніи вмѣсто устарѣлыхъ и плохихъ судовъ принуждены были завести удобные пароходы, однако въ наше время ими не могла пользоваться посторонняя публика.

Начиная съ Витима, путешественникъ встрѣчается впервые съ народомъ, который остается преобладающимъ отъ этой южной своей границы до самаго крайняго сѣвера, съ якутами. Истоки Лены, приблизительно до Киренска, населяютъ довольно густо буряты, которые по теченію Лены и на нѣкоторомъ протяженіи параллельной съ ней Ангары, помимо скотоводства, во многихъ мѣстахъ занимаются съ большимъ успѣхомъ также и хлѣбопашествомъ. За Киренскомъ слѣдуетъ участокъ почти безъ населенія, на которомъ кромѣ прибрежныхъ станціонныхъ селеній, на всемъ протяженіи Лены обитаемыхъ почти исключительно русскими поселенцами, не встрѣчаешь вовсе человѣческаго жилья; затѣмъ уже, начиная съ Витима, какъ сказано, появляются якуты. Испоконъ вѣковъ верхнее теченіе Лены было родиной этихъ якутовъ, но буряты и дружественные съ ними тунгузы вытѣснили ихъ отсюда на среднее теченіе Лены, гдѣ ихъ и нашли еще казаки во время завоеванія Сибири. Такъ какъ гнетъ, насиліе и грабительство со стороны новыхъ хозяевъ края превосходили всякій предѣлъ, то якуты вторично предприняли переселеніе; съ одной стороны они отправились на сѣверо-западъ, на Вилюй, единственный большой лѣвый притокъ Лены, а съ другой — пошли черезъ Верхоянскій хребетъ и мало по малу заняли Яну, Индигирку и Колыму, гдѣ они и находятся въ настоящее время.

Спускаясь по Ленѣ, путешественникъ, конечно, не сразу замѣчаетъ, что коренные жители страны не тѣ, что были раньше, потому что населеніе прибрежныхъ деревень, какъ уже было сказано, исключительно русское; якуты не любятъ разбивать свои юрты на берегу, такъ какъ онѣ гористы и лишены необходимыхъ для стада пастбищъ. Но перемѣна замѣчается на людяхъ, работающихъ на судахъ: бурятскій халатъ исчезаетъ, а его замѣняетъ короткій якутскій костюмъ, который часто носятъ и русскіе. Но не только въ этомъ заключается перемѣна въ окружающей обстановкѣ; много болѣе замѣтны измѣненія въ самомъ характерѣ рѣки; они указываютъ путешественнику, что онѣ направляется съ юга на сѣверъ и, что по мѣрѣ того, какъ рѣка становится шире и величественнѣе, онѣ приближается къ негостепріимной области пушнаго звѣря.

Верхнее теченіе Лены еще хорошо заселено и воздѣлано, на пути чрезъ каждыя 20—25 верстъ не только встрѣчаются станціонныя поселенія, къ которымъ обязательно нужно приставать, чтобы смѣнить гребцовъ, но по берегу разсыяны часто и другіе болѣе или менѣе населенные пункты. Приблизительно съ Киренска ихъ уже нѣтъ, по берегу встрѣчаются только станціи, которыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ значительны и повидимому богаты; ниже впаденія Витима онѣ становятся очень маленькими и незначительными, начиная отъ границы Якутской области онѣ состоятъ всего только изъ немногихъ домиковъ, въ которыхъ живутъ люди, несущіе почтовую службу. Лена становится пустынной, но вся прелесть величественной водной поверхности (подъ Витимомъ въ двѣ слишкомъ версты шириною, а далѣе постепенно расширяющейся до 7—8 верстъ, какъ подъ Якутскомъ), убѣгающей впередъ среди высокихъ гористыхъ береговъ, часто съ неописанной красотою, не въ состояніи на продолжительное время подавить то чувство тоски, которое закрадывается въ душу каждаго при видѣ этой безжизненной и безлюдной природы.

Передъ Олекминскомъ слѣдуетъ упомянуть только объ

одномъ пунктѣ, гдѣ кипитъ неутомимая работа: это золотомойня Мача, расположенная противъ станціи Нохтуйской на правомъ берегу Лены.

Золотые пріиски, которые, какъ часто уже говорилось, привлекаютъ много народа и приводятъ въ обращеніе большіе торговые капиталы, помимо собственно золотомоевъ, гдѣ производится сама работа, должны имѣть для провіанта и для администраціи еще значительное количество зданій, располагающихся обыкновенно на торныхъ дорогахъ, а не у самыхъ золотомоевъ, ютящихся часто въ самыхъ негостепріимныхъ горныхъ долинахъ. Тутъ находятся склады всякихъ матеріаловъ для работы, въ которыхъ нуждается это дѣло, тамъ — конторы, главныя правленія, тамъ же нанимаются, увольняются и рассчитываются рабочіе. Однимъ словомъ, такого рода административный пунктъ или, по мѣстному выраженію, резиденція есть мѣсто очень оживленной дѣловой жизни.

Именно такимъ крупнымъ пунктомъ является Мача, гдѣ не только находится большая часть резиденцій золотопромышленныхъ компаній Олекмо-Витимскаго промышленнаго округа, но онъ служитъ и мѣстомъ пребыванія золотопромышленной полиціи; здѣсь же выстроена церковь и другія общественныя учрежденія.

Лѣтомъ тутъ пристаеетъ масса барокъ, привозящихъ изъ Иркутска муку, крупу и всевозможные товары и издѣлія; осенью появляются ото всюду якуты и тунгузы, поставляющіе вьючнымъ путемъ запасы въ магазиновъ резиденцій на золотые пріиски въ горахъ; зимою прибываютъ нескончаемой вереницей транспорты съ мороженой рыбой, мясомъ, дичью и саломъ; однимъ словомъ, среди этой дикой пустыни никогда не прекращается бойкая жизнь (11).

Отъ Мачи до Якутска считается около 1000 верстъ. На этомъ длинномъ пути правый берегъ совершенно не воздѣланъ и безлюденъ, а на лѣвомъ расположены лишь мелкія станціонныя поселенія; только ближайшія окрестности окружнаго города

оживлены двумя значительными русскими деревнями и поселеніем сосланных сюда послѣдователей секты скопцовъ. Якуты, живущіе между Мачей и Олекминскомъ преимущественно на лѣвомъ берегу, никогда не доходятъ до самой рѣки, которая вслѣдствіе этого носитъ пустынный характеръ. Поля, окружающія почти каждое селеніе, уменьшаются въ своихъ размѣрахъ благодаря тому, что суровый климатъ, при которомъ еще возможно воздѣлываніе ржи, ячменя и овса, по мѣрѣ приближенія къ Якутску даетъ все меньшіе и меньшіе урожаи; поэтому жители болѣе предпочитаютъ заниматься богатымъ рыбнымъ промысломъ, чѣмъ затрачивать силы и работу на обработку полей, часто неоправдывающихъ ихъ надежды.

Въ началѣ сентября, сильно запоздавши вслѣдствіе постоянно неблагопріятной погоды, мы наконецъ добрались до Якутска, а поэтому сильно были завалены дѣломъ по подготовкѣ къ дальнѣйшему путешествію. Лошади были приняты и отосланы на Алданъ, чтобы онѣ отѣлились тамъ на заготовленномъ уже сѣнѣ; багажъ былъ упакованъ вышеуказаннымъ образомъ и, по мѣрѣ упаковки, отправлялся съ купцами.

Все это заняло много времени, такъ что только поздно вечеромъ 30 октября мы могли усѣсться въ сани и отправиться къ Алдану, куда и прибыли 1 ноября, тоже вечеромъ. Въ Джели поспѣшно снаряжались; почти всѣ купцы пріѣхали еще до насъ, нѣкоторые уже выступили въ дальнѣйшій путь, другіе частью уже отправили свои караваны и хлопотали съ остатками, которые собирались везти сами.

Мы нашли нашихъ лошадей и погонщиковъ въ самомъ лучшемъ видѣ и приступили къ подготовкѣ каравана, чтобы затѣмъ сняться съ мѣста. При количествѣ сорока слишкомъ лошадей это составляетъ не малую работу, такъ какъ, не смотря на то, что кладъ была приготовлена къ перевозкѣ еще въ Якутскѣ, все же люди нашли нужнымъ кое-что передѣлать. Большіе трехпудовые ящики и мѣшки были быстро разсортированы, но нашлась еще масса мелочей, которыя должны были распределиться такъ,

чтобы каждая лошадь получила полный выюкъ, съ каждой стороны сѣдла совершенно одинаковый по вѣсу. На это послѣднее обстоятельство люди обращали большое вниманіе и пригоняли соответствующимъ образомъ мѣста багажа.

Наконецъ 7 ноября все было готово настолько, что мы могли сѣсть на лошадей. Каждый погонщикъ раскладываетъ на снѣгу длинной линіей выюки такимъ образомъ, что если въ эту линію ввести связанныхъ гуськомъ лошадей, то каждая изъ нихъ приходится противъ мѣсть своего выюка. Затѣмъ онъ подвѣшиваетъ у первой лошади выюкъ съ одной стороны сѣдла и подставляетъ подъ него подпорку, проскакиваетъ быстро подъ брюхомъ лошади на другую сторону и, привѣсивая и тутъ кладь, приводитъ выюкъ въ равновѣсіе. Такъ онъ переходитъ отъ одной лошади къ другой и всѣхъ быстро завьючиваетъ. Затѣмъ онъ кладетъ добавочный выюкъ, приблизительно въ 20 фунтовъ, поверхъ сѣдла и связываетъ все крѣпко на крѣпко длиннымъ ремнемъ, пропущеннымъ подъ животъ лошади. Очень интересно видѣть, какъ быстро и ловко управляется онъ со своими пятнадцатью лошадьми. Какъ только погонщикъ готовъ, онъ тотчасъ же пускается въ путь; онъ ѣдетъ верхомъ впереди и постоянно наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы какое либо изъ животныхъ не заставляло себя тянуть и тѣмъ не утомляло бы переднее (12). Лишь только всѣ проводники снялись съ мѣста, путешественникъ садится самъ, чтобы ѣхать. Въ первый день мы должны были проѣхать всего 15 верстъ, чтобы какъ животныя, такъ и сѣдоки попривыкли къ путешествію; для послѣднихъ это было тѣмъ необходимѣе, что докторъ Нейманъ, топографъ Аѳонасьевъ и фельдшеръ Антоновичъ никогда еще не совершали зимняго путешествія верхомъ.

Путешествіе это не такъ трудно, какъ можно бы себѣ предположить, и на мой взглядъ ѣхать верхомъ едва-ли холоднѣе, чѣмъ въ саняхъ. Верхняя часть тѣла даже выигрываетъ въ томъ отношеніи, что отъ движенія при ѣздѣ верхомъ согрѣвается сильнѣе, чѣмъ при спокойномъ сидѣніи въ саняхъ. Згѣ достается

ногамъ, которыя скоро мерзнуть, не смотря на защиту шубы на песцовомъ мѣху и на чулки изъ заячьяго или оленьяго мѣха, поверхъ которыхъ надѣваются еще такъ называемые унты, т. е. мягкіе сапоги изъ выдѣланной въ видѣ замши кожи. Ступни можно охранить еще, употребляя деревянные стремена, которыя холодятъ значительно менѣе, чѣмъ желѣзные, но колѣни ничѣмъ нельзя согрѣть. Какъ бы ни были сшиты брюки, они все-таки очень плотно прилегаютъ къ колѣнямъ и послѣднія должны забнуть потому, что мѣхъ грѣетъ только тогда, когда онъ прилежитъ къ тѣлу свободно. Лицо и особенно ротъ и носъ защищаютъ тѣмъ, что завязываютъ толстымъ платкомъ, а еще лучше шерстянымъ шарфомъ: остается только узкая щель между нимъ и краемъ мѣховой шапки для того, чтобы видѣть. Эта предосторожность совершенно необходима, и ее всегда соблюдаютъ даже очень закаленные якуты; продолжительное, непосредственное вдыханіе холоднаго сорока-градуснаго воздуха было бы пагубнымъ даже для самыхъ здоровыхъ легкихъ. Шарфъ, замѣняя хорошій респираторъ, отнимаетъ даже у самаго ледянаго воздуха значительную часть его холода и, слѣдовательно, съ этой стороны болѣе нечего опасаться.

Самое неприятное въ такого рода поѣздкахъ есть и всегда останется та ужасная медленность, съ которою двигаешься. Можно ѣхать только шагомъ, иначе лошади выбились бы изъ силъ, а потому двигаются самое большее по $4\frac{1}{2}$, въ наилучшемъ случаѣ по 5 верстъ въ часъ; цѣлый день сидишь въ сѣдлѣ при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ и подвинешься впередъ на очень небольшое разстояніе, — это и неприятно, и утомительно. Переѣхавши черезъ Алданъ и сдѣлавъ всего навсего пятнадцать верстъ, мы остановились на ночлегъ у одной курты. Ея владѣлецъ не держалъ самъ скота, но всегда запасалъ большое количество сѣна, которое продавалъ проѣзжающимъ мимо купцамъ по довольно дешевымъ цѣнамъ. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы доставить моимъ лошадямъ возможность хорошенько поужинать въ послѣдній разъ, по крайней мѣрѣ на до-

вольно продолжительное время. Вслѣдъ за тѣмъ мы устроились сами и сдѣлали распредѣленіе нашего дня, котораго обязательно придерживались въ теченіи всего путешествія. Утромъ около пяти часовъ погонщики вставали, зажигали костры и растапливали, смотря по обстоятельствамъ, то снѣгъ, то ледъ; при этомъ одинъ изъ нихъ оставался у огня, чтобы постоянно подбавлять снѣгъ, а другіе шли за лошадьми, которыхъ нужно было пригнать. Если у привала было хорошее пастбище, то животныхъ скоро находили, такъ какъ они не далеко отходятъ при такихъ условіяхъ. Если же корму по близости было мало, то отыскиваніе ихъ было очень обременительно и отнимало много времени, такъ что за это дѣло должны были приниматься не только проводники, но и оба казака. Въ такихъ случаяхъ лошадь, вырывая скудный кормъ, идетъ все дальше и дальше, покуда, наконецъ, весь табунъ не разбредется на всѣ четыре стороны, и часто проходитъ много времени, пока ихъ разыщутъ. Когда вода готова, приступаютъ къ подготовкѣ завтрака, который въ то же время и обѣдъ. Мы сами, между тѣмъ, встаемъ и занимаемся своимъ туалетомъ, что при сорока-градусномъ морозѣ не составляетъ однако ничего привлекательнаго; вслѣдъ за тѣмъ садятся за ѣду, и лишь только лошадей пригоняютъ, ихъ тотчасъ вычаты и снимаются съ мѣста. Весь дневной переходъ, составляющій, смотря по мѣсту кормежки, 40—60, иногда же до 70 верстъ, совершается всегда безъ остановокъ и къ мѣсту привала приходятъ только къ вечеру.

Поварни или постоянные дворы, о которыхъ рѣчь будетъ еще дальше, конечно не оттапливаются, а потому въ то время, какъ погонщики развьючиваютъ лошадей и выпускаютъ ихъ на пастбище, прежде всего надо розыскать сухое топливо для костра и приступить къ растапливанію льда или снѣга, чтобы поскорѣе напиться теплаго чаю. Послѣ этого, каждый принимается за свое дѣло, пока не изготовятъ ужинъ; первое время работа, конечно, ограничивалась почти исключительно нанесеніемъ маршрута, что исполнялось топографомъ каждый вечеръ подъ свѣжимъ

впечатлѣніемъ дня. Затѣмъ ужинають и ложатся спать. Въ первый нашъ привалъ мы имѣли еще то удобство, что ночевали въ жилой юртѣ; это между прочимъ было причиной того, что я сдѣлалъ первый нашъ переходъ такимъ короткимъ. На дальнѣйшее время мы могли рассчитывать только на поварьни, а онѣ довольно неудобны. Онѣ представляютъ изъ себя шестиугольные блокгаузы, среди которыхъ располагается громадный очагъ, находящійся подъ открытою въ этомъ мѣстѣ крышею; по стѣнамъ постройки устроены деревянные нары. Такимъ образомъ съ одной стороны въ этихъ поварняхъ путешественникъ защищенъ только отъ вѣтра, снѣга и дождя, а никакъ не отъ холода, а съ другой — онъ ужасно страдаетъ отъ дыма, что въ особенности бываетъ въ началѣ; пока огонь еще слабъ и помѣщеніе не нагрѣлось, дымъ не проходитъ въ отверстіе крыши, а ложится подъ ней въ видѣ густаго облака, такъ что нерѣдко трудно даже дышать. Когда костеръ разгорѣлся, становится лучше: дымъ вытягивается изъ помѣщенія, которое нѣсколько нагрѣвается. Ночью, когда огонь потухнетъ, становится скоро опять холодно, а къ утру температура поварьни обыкновенно всего на одинъ или на два градуса выше наружной. Поэтому въ такомъ помѣщеніи возможно спать только, не снимая мѣховой одежды и вдобавокъ покрываясь песцовымъ или заячьимъ одѣяломъ; тогда еще сносно, но вставаніе и особенно умываніе очень затруднительно.

При такомъ распредѣленіи времени путешествіе тянулось день за днемъ самымъ однообразнымъ образомъ: одинъ день былъ вполне похожъ на другой и отступленія были крайне рѣдки.

Мы держали путь, на первыхъ порахъ, къ Верхоянску; именно, я рѣшилъ взобраться на хребетъ по долинѣ Тукалана и выбраться на истоки Яны. Впрочемъ это не единственная дорога, имѣются и другіе горные пути; изъ нихъ одинъ пересѣкаетъ Верхоянскій хребетъ въ долинѣ Кэли, впадающей тоже въ Лену, и выводитъ на истоки Дулгалаха, большаго лѣваго притока Яны, впадающаго въ послѣднюю надъ окружнымъ городомъ Верхоянскомъ. Эта дорога имѣетъ нѣкоторыя преимущества передъ той,

которую мы выбрали, и прежде ею часто пользовались потому, что будучи отложе, она не представляетъ надобности взбираться на такую крутизну, какая встрѣчается на дорогѣ по долинѣ Тукалана. Пастбища по рѣкамъ Кэли и Дулгалаха тоже лучше, чѣмъ на нашемъ пути. Но эти преимущества не окупаютъ важныхъ недостатковъ. На томъ пути нѣтъ поварень, а при всемъ ихъ неудобствѣ ночевать въ нихъ все же лучше, чѣмъ подъ открытымъ небомъ, гдѣ не спасешься отъ вѣтра. Помимо этого долина Дулгалаха отличается, особенно въ своей верхней части, изобиліемъ снѣга; хорошія пастбища становятся недоступными, если снѣгъ лежитъ слоємъ въ аршинъ: лошадямъ трудно отрывать кормъ, онѣ не наѣдаются досыта и быстро слабѣютъ. Но окончательное рѣшеніе было принято вслѣдствіе того обстоятельства, что всѣ купцы избрали путь вдоль Тукалана: мы шли такимъ образомъ по торному пути, имѣли впереди и позади насъ караваны и, слѣдовательно, могли рассчитывать на помощь при какой либо непредвидѣнной случайности.

Отъ Адана до подошвы хребта переходы были слѣдующіе:

7 ноября до Бестумурзаха	15 верстѣ
8 » » Торей-ыряха	30 »
9 » » Мелкянсинской . . .	40 »
10 » » Ыкысь-келоча	50 »
11 » » Курунгъ-Халчагая . .	30 »
13 » » Сись-Ана	40 »

До Торей-ыряха мы шли по равнинѣ; сначала намъ встрѣтились нѣсколько озеръ, затѣмъ густой лиственничный лѣсъ, вдали же видны были уже вершины гребня горъ; затѣмъ появились по сторонамъ дороги низкія цѣпи горъ, или скорѣе холмовъ, мы перребрались черезъ небольшой притокъ Тукалана, Сердынахъ, но не успѣли еще добраться до самой рѣки. Только отъ Ыкысь-келоча началась собственно горная страна; тутъ Тукаланъ становится стремительной горной рѣкой, несущейся по долинѣ среди высокихъ горныхъ цѣпей; во время высокаго уровня воды онъ

срываетъ не только участки земли и растущій на нихъ высокоствольный лѣсъ, но перекатываетъ даже обломки скалъ весьма внушительныхъ размѣровъ. Скоро за урочищемъ Курунгъ-Хапчагаемъ исчезаютъ ель и сосна, которая къ сѣверу отсюда уже вовсе не встрѣчаются. Къ сожалѣнію, я не имѣлъ возможности прослѣдить границу этихъ древесныхъ породъ къ востоку отъ этого мѣста, но я могу съ увѣренностью сказать, что онѣ вовсе не встрѣчаются во всей области, орошенной бассейнами рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитый океанъ. Сѣверную границу этихъ двухъ породъ такимъ образомъ можно принять совпадающею съ южной подошвой Верхоянскаго хребта по столько, по сколько онъ образуетъ собою крайній хребетъ; но весьма вѣроятно, что эта граница иная на Оймяконскомъ нагорьѣ, о которомъ въ этомъ отношеніи нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Въ своемъ путешествіи въ Якутскъ Эрманъ нигдѣ не упоминаетъ объ ели и соснѣ, а говоритъ только о лиственницѣ; впрочемъ это умалчиваніе могло зависѣть и отъ того, что первыя двѣ древесныя породы, встрѣчающіяся въ Восточной Сибири вообще случайно, не попадались ему какъ разъ на пути.

Сосна (*Pinus sylvestris*) встрѣчается, конечно, въ Якутской области обширными и сплошными насажденіями, но ограничивается на столько исключительно песчаною почвою, что на всемъ необъятномъ протяженіи лиственничныхъ лѣсовъ, ея распределеніе все же до извѣстной степени является не болѣе, какъ островнымъ. На оборотъ, ель (*Pinus abies*) во всѣхъ моихъ путешествіяхъ я встрѣчалъ только по рѣкамъ, особенно по берегамъ мелкихъ горныхъ рѣчекъ и на островкахъ. Я никогда не видалъ сплошныхъ насажденій этой породы, сколько ихъ ни искалъ, но ея обыкновеніе окаймлять берега рѣкъ и особенно рѣчекъ настолько характерно, что въ глухихъ мѣстахъ проводники руководятся исключительно елью. Когда караванъ ровнымъ шагомъ идетъ по глухой мѣстности и подходитъ время подумать о привалѣ, то первымъ дѣломъ, конечно, нужно выбрать мѣсто, гдѣ можно рассчитывать на воду. Тогда проводникъ осматри-

ваетъ горизонтъ и, если онъ замѣчаетъ — что особенно легко дается осенью — среди нескончаемыхъ лиственницъ темную, черновато-зеленую полосу, то онъ направляетъ своего коня на эту послѣднюю и вполнѣ уже увѣренъ въ томъ, что по близости найдется и вода.

Такимъ образомъ можетъ быть сомнѣнiе въ присутствii ели и сосны только на Оймеконскомъ плато, гдѣ впрочемъ нѣтъ ни въ какомъ случаѣ недостатка въ богатой растительности; но отсутствiе ихъ на Индигиркѣ, а особенно на Колымѣ, повидимому, несомнѣнно. Обѣ рѣки берутъ начало съ названнаго плато и даже изъ общаго источника; между тѣмъ извѣстно, что жители Колымска строятъ свои лодки такимъ образомъ, что нижняя часть судна дѣлается обыкновенно изъ одного громаднаго ствола тополя или осины, къ которому затѣмъ уже прибиваются, смотря по величинѣ одинъ, два или три ряда досокъ изъ лиственницы. Эти громадныя осины, равныхъ которымъ въ другихъ мѣстахъ по Колымѣ нѣтъ, срубаются и выдалбливаются ламутами и юкагирами на истокахъ Колымы и ея самыхъ южныхъ притоковъ. Если бы тамъ произростала сосна, они навѣрное предпочли бы выдѣлывать боковыя доски изъ стволовъ этой породы, чтобы не возиться съ трудно обрабатываемой лиственницей.

Въ Курунгъ-Хапчагаѣ мы были задержаны на одинъ день извѣстiемъ, что слѣдующая поварня занята еще купцами, которые не могли двинуться впередъ благодаря сильному вѣтру, дѣлавшему невозможнымъ поднятiе на хребетъ. Дѣйствительно, вѣтеръ былъ силенъ и въ Курунгъ-Хапчагаѣ, но мы тутъ остались не столько потому, что боялись не найти мѣста въ поварни, сколько оттого, что въ Сись-анѣ крайне не выгодно оставаться долѣе, чѣмъ заставляетъ крайняя необходимость. Тамъ нѣтъ пастбищъ, поэтому лошади должны пробавляться исключительно осиновыми листьями, на которыхъ ихъ не удобно держать долѣе, чѣмъ необходимо.

Путь отъ Курунга въ Сись-ану идетъ по настоящей гор-

ной долины. Дно послѣдней суживается все больше и больше и представляет, собственно говоря, голую каменистую поверхность, настоящее море камней, между крупными и мелкими обломками которыхъ множествомъ протоковъ протекаетъ Тукаланъ; массой разбитыхъ въ щепки и перетертыхъ древесныхъ стволовъ выдаетъ онъ свою разрушительную дѣятельность въ періодъ таянія горнаго снѣга.

Во время нашего прохожденія, онъ оказался во многихъ мѣстахъ еще не покрытымъ льдомъ и, по увѣренію проводниковъ, остается въ такомъ видѣ большею частью до февраля мѣсяца, а въ нѣкоторые годы и вовсе не замерзаетъ.

Когда мы на слѣдующій день выступили на Сисъ-ану, термометръ показывалъ всего 30° холоду по Реомюру, не смотря на дувшій въ теченіе всего предыдущаго дня довольно сильный сѣверный вѣтеръ. Когда онъ стихъ мы отправились дальше и тѣмъ спокойнѣе, что узнали о благополучномъ подъемѣ купцовъ, выступившихъ за день передъ тѣмъ. Такъ какъ названіе Сисъ-ана (подъ горой) обыкновенно присуще поварнямъ, расположеннымъ у подошвы горъ, то мы полагали, что восхожденіе и начнется тотчасъ за нею, но мы прошли еще около пятнадцати верстъ по слегка поднимающемуся дну долины прежде, чѣмъ добрались до пользующагося во всей Якутской области дурной славой подъема. У самой подошвы его лежитъ влѣво другое узкое ущелье, изъ котораго спускается одинъ изъ источниковъ Тукалана, но, какъ говорятъ, оно еще болѣе непроходимо, чѣмъ находящійся передъ нами склонъ, изъ нижней половины котораго бьетъ ключъ, просачивающійся прямо изъ слоя гальки и дающій начало рѣкѣ. Если смотрѣть снизу, то проходъ вовсе не такъ не привлекателенъ: кажется, что имѣешь передъ собою не очень высокую и крутую сѣдловину, позади которой взору представляются мощныя, но повидимому расположенныя въ сторонѣ гребни и вершины. Нашъ топографъ, еще очень молодой и неопытный сангвиническій человѣкъ, презрительно высказывался, что изъ за такихъ пустяковъ вовсе не стоило столько говорить и храбро

двинулся на гору, не смотря на мое предостереженіе, чтобы онъ поднимался медленнѣе, рискуя въ противномъ случаѣ получить колотья и свалиться. Дѣло въ томъ, что крутизна не представляетъ изъ себя ровной наклонной плоскости, но образуетъ въ своей нижней части вогнутость, такъ что кажется будто она кончается; на самомъ же дѣлѣ видимые за сѣдлообразной поверхностью гребни представляютъ ея продолженіе и, чтобы перебраться черезъ хребетъ, ихъ необходимо преодолѣть одновременно съ нею.

Впрочемъ перевалъ не составляетъ для человѣка и для незавьюченнаго животнаго ничего особенно труднаго. Миллеръ (14) опредѣлилъ уголъ поднятія приблизительно въ 70° , но по моему сильно въ этомъ ошибся. Онъ взглянулъ на крутизну сначала сверху и видъ показался ему такимъ страшнымъ, что онъ потерялъ свое хладнокровіе. Подъемъ въ 70° не подъ силу одолѣть ни человѣку, ни животному, если въ горѣ не вырублена искусственно тропинка въ видѣ зигзага; даже при наклоненіи въ 45° уже достаточно трудно подниматься и спускаться внизъ по прямой линіи. Мы взбирались на верхоянскую крутизну по нѣсколько извивающейся линіи, но и помимо этого мнѣ кажется, что она въ среднемъ не круче, чѣмъ около 45° . Для вьючныхъ лошадей — которыя въ Якутской области зимою не куются вслѣдствіе того, что копыто, благодаря своей хрупкости, въ сильные морозы не выносятъ желѣза — стоять большихъ усилій преодолѣть подъемъ и спускъ; при этомъ вьюкъ необходимо привязывать особымъ способомъ, чтобы онъ не соскользнулъ со спины животнаго. Отстегиваютъ одинъ изъ трехъ ремней, которыми снабжено якутское сѣдло, и пропускаютъ его поперекъ груди лошади (при спускѣ, наоборотъ, ремень проводятъ подъ хвостомъ), остальные два затягиваютъ по возможности туго, а также стараются натянуть какъ можно сильнѣе и ремни, которыми привязанъ вьюкъ къ сѣдлу. Наши погонщики развязали недоуздки, которыми обыкновенно связанъ караванъ, и предоставили животнымъ идти по одиночкѣ, чтобы каждое изъ нихъ свободно вы-

бирало себѣ дорогу и паденіе одного не повлекло за собой паденія другихъ. Затѣмъ мы приступили къ подъему, прошедшему вполнѣ благополучно, но продолжавшемуся, однако, цѣлый часъ, пока мы добрались до креста, украшающаго по сибирскому обычаю вершину каждаго перевала. По дорогѣ мы нашли нашего юнаго топографа лежащимъ въ крайне безпомощномъ состояніи. Онъ жаловался на боль въ груди, которая мѣшала ему дышать, и говорилъ, что не можетъ идти далѣе. Одинъ сострадавательный проводникъ хотѣлъ посадить его на свою лошадь, но такъ какъ это напрасно утомило бы животное, то я оставилъ при немъ одного изъ казаковъ, при помощи котораго онъ благополучно добрался до вершины. Привѣшанный къ кресту барометръ показывалъ 527,6 полулиній (англійскихъ) при $-26,8^{\circ}$ R., вслѣдствіе чего, какъ по нашимъ, такъ и по наблюденіямъ Бунге высоту перевала можно принять приблизительно въ 5000 футовъ (англійскихъ), но окружающія его вершины возвышаются надъ нимъ, пожалуй, еще на добрую 1000 футовъ. Точныхъ вычисленій у меня подъ руками не имѣется, но я полагаю, что эти цифры не далеки отъ дѣйствительности, такъ какъ онѣ соотвѣтствуютъ и другимъ даннымъ. Именно извѣстно, что абсолютная высота гребня всего Становаго хребта, который пересекаетъ Якутскую область отъ границы Забайкалья до мыса Пээкъ, рѣдко превосходитъ высоту 5000 футовъ, а большею частью ниже ея; точно также только отдѣльные пики какъ главнаго хребта, такъ и его многочисленныхъ отроговъ достигаютъ 7000 футовъ. Единственнымъ исключеніемъ являются горные хребты Оймеконскаго нагорья, которые положительно много выше самыхъ высокихъ точекъ Верхоянскихъ горъ; это слѣдуетъ уже изъ того, что плато само имѣетъ очень высокое положеніе.

Лѣсъ изъ высокихъ тополей и изъ отдѣльныхъ лиственницъ, росшій еще вокругъ поварни Сисъ-аны, мало по малу сталъ пропадать по мѣрѣ движенія къ подъему, такъ что у подошвы послѣдняго оставался только стелящійся кустарникъ, а сама кру-

травы была лишена всякой растительности кромѣ низкой травы, доходящей до самой вершины перевала. На самомъ гребнѣ хребта, справа, существуетъ маленькое круглое озеро, лежащее въ глубокой котловинѣ и дающее начало Янгѣ. Этотъ же водный бассейнъ есть источникъ или одинъ изъ источниковъ Тукалана, такъ какъ послѣднй вытекаетъ изъ валуновъ, находящихся какъ разъ подъ этимъ озеромъ на южномъ склонѣ водо-раздѣла.

Когда наши лошади нѣсколько отдохнули и выючныя сѣдла были приведены въ порядокъ, мы отправились дальше. При этомъ обнаружилось, что намъ собственно не предстояло никакого спуска. Дорога шла, конечно, нѣкоторое время подъ гору, но такъ постепенно, что какъ будто за нами и не было вовсе высокаго хребта. Дойдя же до лѣса, который былъ уже съ самаго начала довольно высокъ, мы положительно почувствовали, что ѣдемъ по плоскости. Только поздно вечеромъ добрались мы до поварни Кэнгъ-ыряхъ, названной по имени рѣчки, которая впадаетъ тутъ въ Яну съ лѣвой стороны.

Дальнѣйшіе наши переходы отъ Сисъ-аны до Верхоянска слѣдующіе:

14	ноября до Кэнгъ-ыряха	40	версть
15	» » Тыряхъ-ырея	35	»
16	» » Барда-келя	40	»
17	» » Суруктаха	50	»
18	» » Эттяха	25	»
19	» » Елесынъ-келя	35	»
20	» сначала до Барыласа	7	версть,
	а отсюда дагѣ до Чайдаха	30	»
21	» до Кухаганъ-олоха	50	»
22	» » Сыси-баса	60	»
23	» » Кытялыктаха	50	»
24	» » Хайэнахъ-ылаха	50	»
25	» » Верхоянска	50	»

Начиная съ поварни Кэнгъ-ыряха, дорога идетъ все время по долинѣ Яны, которая тутъ впрочемъ называется Сартангомъ; это есть, собственно, древнее названіе рѣки, якуты и тунгузы и до сихъ поръ употребляютъ его преимущественно. Имя Яны дано рѣкѣ впервые русскими, которые, часто слыша отъ якутскихъ проводниковъ по ту сторону хребта слово «жангы» и не будучи достаточно знакомы съ языкомъ, полагали, что такъ зовутъ рѣку и передѣлали его въ Яну. Слово же «жангы» по якутски означаетъ хребетъ, буквально — голую, безлѣсную вершину, которая кромѣ того большую часть года покрыта снѣгомъ. Отроги горъ по обѣ стороны дороги становятся все ниже и ниже и отходятъ отъ нея все дальше и дальше, такъ что приходится ѣхать по широкой, ровной, покрытой лѣсомъ и лугами долинѣ. За станціей Барда-келя горъ уже вовсе не видно. Отсюда до Верхоянска встрѣчаются даже нѣсколько якутскихъ юрть, — пріятная переменъ, такъ какъ до сихъ поръ помимо пустыхъ станціонныхъ помѣщеній или поваренъ не попадалось вовсе человѣческаго жилья. На станціи Суруктахъ (мѣстопребываніе содержателя почты) мы узнали, что якутскій архіерей Діонисій прибылъ въ Барда-келю, и что верхоянскій исправникъ ожидаетъ его на станціи Барылахъ. Это былъ первый изъ якутскихъ архіереевъ, поставившій себѣ, въ самомъ дѣлѣ не легкую для престарѣлаго болѣзненнаго человѣка, задачу — лично объѣхать церкви Верхоянскаго и Колымскаго округовъ.

Онъ путешествовалъ, конечно, съ большой свитой, такъ что ему нужно было поставлять значительное число оленей. На сколько это касалось меня, какъ колымскаго исправника, то я сдѣлалъ уже распоряженія на счетъ дальнѣйшаго его путешествія, но мнѣ хотѣлось какъ можно скорѣе самому быть на мѣстѣ, чтобы предупредить задержки въ его поѣздкѣ. Поэтому мнѣ было важно переговорить какъ съ верхоянскимъ исправникомъ, такъ и съ нѣкоторыми купцами, которыхъ я тоже надѣялся встрѣтить въ Барылахъ, относительно возможности отпустить до Колымска караванъ безъ личнаго моего участія; и

въ самомъ дѣлѣ, скорое мое прибытіе туда было совершенно необходимо, какъ въ виду поѣздки архіерея, такъ и для распоряженій относительно нашей собственной экспедиціи. Поэтому я покинулъ всѣхъ моихъ спутниковъ въ Суруктахѣ, взялъ оленей и послѣдно поѣхалъ ночью на большую станцію Барылахъ; здѣсь я нашелъ всѣхъ необходимыхъ мнѣ людей, а также много духовныхъ особъ и другихъ лицъ, пріѣхавшихъ встрѣтить архіерея. Тутъ было рѣшено, чтобы нашъ караванъ пришелъ въ Барылахъ, а отсюда направился въ Табалахъ обыкновеннымъ путемъ торговыхъ каравановъ (минуя Верхоянскъ, почему онъ нѣсколько короче почтоваго тракта), подъ наблюдениемъ купцовъ, тоже собравшихся идти короткимъ путемъ. Мы же съ Нейманомъ сначала хотѣли захватить на оленяхъ въ Верхоянскъ и уже оттуда въ Табалахъ, такъ какъ Нейману необходимо было сдѣлать въ Верхоянскѣ наблюдения, а мнѣ было очень важно отыскать кого нибудь, кто бы согласился производить тутъ правильныя термометрическія наблюдения въ теченіи цѣлаго года.

Вечеромъ 19 ноября прибылъ въ Барылахъ архіерей, а ночью я возвратился верхомъ къ своему каравану, который встрѣтилъ въ Елесьнѣ-келѣ. Быстро были сдѣланы нужныя приготовленія къ нашему отдѣленію отъ экспедиціи, багажъ былъ раздѣленъ и мы, т. е. Нейманъ, я и одинъ изъ казаковъ, отправились на оленяхъ въ Верхоянскъ, караванъ же соединился съ купцами.

Не стану скрывать, что намъ было очень пріятно отсюда до Верхоянска имѣть возможность пользоваться почтовыми оленями и распроститься, на нѣкоторое по крайней мѣрѣ время, съ сѣдломъ. Оленья нарта представляетъ изъ себя очень легкія санки, имѣющія на изогнутомъ переднемъ концѣ полозьевъ полукруглое, горизонтально придѣланное дышло, посредствомъ котораго животныя запрягаются попарно. Самая упряжь очень проста: она состоитъ изъ длиннаго, плоскаго кожанаго ремня, который протягивается черезъ дышло и пропускается каждымъ изъ своихъ концовъ между передними ногами того и другаго

олена такимъ образомъ, чтобы концы обогнули запеекъ животнаго; затѣмъ ихъ прикрѣпляютъ опять къ ремню съ внутренней стороны переднихъ ногъ каждаго животнаго. Такимъ образомъ получаются двѣ петли, лежащія поперекъ наружной лопатки животныхъ и заставляющія ихъ тянуть равномерно; дѣйствительно, если одно изъ животныхъ тянетъ слабѣе, то, благодаря тому, что ремень пропущенъ только черезъ горизонтальное дышло, оно притягивается къ санямъ другимъ, болѣе сильно работающимъ животнымъ. Оленями не управляютъ: они бѣгутъ просто по тому направленію, по которому ихъ сначала поставили; если же имѣются какіе нибудь замѣтные слѣды пути, то животныя слѣдуютъ по нимъ; къ рогамъ одного оленя привязана тонкая бичевка, чтобы ихъ останавливать когда нужно. Въ рукахъ держать длинную тонкую палку, не столько для понуканія оленей, сколько для того, чтобы на плохой дорогѣ предотвращать опрокидываніе саней; животныя усердно бѣгутъ и безъ понуканья, если они сильны, а на усталыхъ и побой не дѣйствуютъ. Да и бить оленей нужно очень осторожно, такъ какъ ихъ слабыя кости легко повреждаются. Большею частію, если нужна быстрая ѣзда, вполне достаточно дотрогиваться до нихъ палкою, шагъ тотчасъ прибавляется. Если же, въ общемъ очень добродушное и усердное, животное заупрямится, что время отъ времени случается, то оно получаетъ специальное наказаніе, для котораго ни въ какомъ случаѣ не выбираютъ крайне чувствительную спину, а всегда голову. Для этого животное крѣпко привязываютъ и бьютъ его палкою по лбу и по переносицѣ, кости которыхъ по всей вѣроятности обладаютъ очень значительной крѣпостью. Я видѣлъ тунгузовъ, наносившихъ своимъ оленямъ удары изо всѣхъ силъ, но наказываемыя животныя только очень недовольно покачивали головой и вовсе не имѣли вида истязаемыхъ выше всякой мѣры. Послѣ наказанія они приступали къ исполненію своихъ обязанностей и послѣдствія показывали, что экзекуція имъ ни въ какомъ случаѣ не повредила. Пара хорошихъ оленей, запряженныхъ въ такую легкую нарту, на которой помѣщается только

одинъ человекъ — онъ же долженъ и править, потому что для другаго мѣста нѣтъ — представляютъ восхитительное зрѣлище. Несмотря на свою небольшую величину, олени бѣгутъ очень красиво, такъ какъ широко раскидываютъ заднія ноги и потому заносятъ ихъ далеко за переднія. Всѣхъ ихъ уже самъ по себѣ не великъ, а ихъ раздвоенныя копыта по отношенію къ величинѣ животнаго хорошо развиты, такъ что олени оставляютъ болѣе широкій слѣдъ чѣмъ лошади и рогатый скотъ; вслѣдствіе этого они не легко увязаютъ въ снѣгъ, если онъ покрытъ даже слабымъ настомъ, и такъ быстро несутся, что любо смотрѣть на нихъ. Нейманъ, который вообще былъ отличнымъ товарищемъ по путешествію и переносилъ со спокойствіемъ стоика многія ему до сихъ поръ незнакомыя лишенія и мученія, сопряженныя съ путешествіемъ на крайнемъ сѣверѣ, страдалъ однимъ недостаткомъ, — онъ не могъ переносить холода, что въ этомъ случаѣ было особенно неудобно. Онъ все зябъ и тѣмъ доводилъ меня до отчаянія, такъ какъ я былъ обязанъ заботиться о томъ, чтобы ввѣренныя мнѣ спутники по возможности были избавлены отъ лишеній и неприятностей; я самъ позаботился и объ одеждѣ, такъ какъ только я одинъ былъ знакомъ съ условіями сѣвера, и полагаю, что выполнилъ свою задачу удовлетворительно и практично. Остальные были вполнѣ довольны, даже никто не носилъ всей своей мѣховою одежды; зима, какъ я уже сказалъ, была теплая (морозъ рѣдко доходилъ до 40°) и обращалась съ нами до сихъ поръ, какъ въ общемъ и впоследствии, довольно милостиво. Мало по малу я привыкъ видѣть Неймана постоянно зябнущимъ и сжился съ этимъ обстоятельствомъ какъ съ неизбѣжнымъ зломъ, но все-таки мнѣ было это неприятно. Когда намъ были поданы нарты съ оленями, онъ отъ души возрадовался, тотчасъ же улегся во всю длину и велѣлъ покрыть себя мѣховымъ одѣяломъ до головы. Я просилъ его сѣсть, чтобы управлять своей нартой, но онъ не хотѣлъ объ этомъ и слышать, категорически заявляя, что разъ онъ ѣдетъ на почтовыхъ, то онъ долженъ получить и возницу и что онъ вовсе не обязанъ управлять самъ оленями и тому подобными тварями,

съ которыми и обращаться-то не умѣеть. Нѣчего было дѣлать, проводникъ нашелся и предложилъ, что онъ привяжетъ оленей барина къ своей нартѣ и такимъ образомъ станетъ управлять одновременно двумя санями подобно тому, какъ это дѣлаютъ съ нартами, нагруженными кладью; но только баринъ долженъ самъ слѣдить за тѣмъ, чтобы нарта не опрокинулась, такъ какъ дорога не ровна, а ему слѣдить за тѣмъ, что позади, не всегда удобно; къ тому же и оленей, бѣгущихъ полной рысью, нельзя остановить моментально. Нейманъ, чувствовавшій себя отлично подъ одѣяломъ и полагавшій, что широкая и низкая нарта не легко опрокинется, принялъ эти условія и мы поѣхали. Одѣяло было ему очень кстати, такъ какъ морозъ какъ разъ началъ крѣпчать и температура опустилась до -41° , а въ слѣдующую ночь даже до -46° ; но относительно устойчивости нарты онъ сильно ошибся, такъ какъ уже въ первый день она перекувырнулась три раза, причемъ дважды онъ попалъ въ воду, стоявшую на Янѣ поверхъ льда, и прибылъ на мѣсто ночлега крайне недовольнымъ. Впрочемъ, онъ замочилъ только немного свое верхнее платье, что ему ровно нисколько не повредило. 25 Ноября пріѣхали мы въ Верхоянскъ и оставались тамъ до 4 декабря. Городокъ состоитъ изъ немногихъ домовъ, раскинутыхъ безъ всякаго порядка въ перемѣшку съ многочисленными юртами по обоимъ берегамъ Яны, которая тутъ еще не широка; существуютъ здѣсь также постройки смѣшаннаго типа, — на половину юрта, на половину домъ.

Главное различіе между домомъ и юртой заключается въ томъ, что первый строится изъ горизонтально лежащихъ бревенъ, срубленныхъ другъ съ другомъ по концамъ; юрта же дѣлается изъ полубревенъ, которыя прислоняются къ остову изъ четырехъ упирающихся или врытыхъ въ землю столбовъ, соединенныхъ по концамъ на высотѣ одной сажени горизонтальными балками; при этомъ стѣны юрты не вертикальны, а стоятъ къ поверхности земли подъ угломъ въ $75-80^{\circ}$. Такимъ образомъ фуги стѣнъ юрты расположены сверху внизъ и поэтому

не выдерживаютъ конопатки изъ мха, всю же постройку, чтобы сдѣлать ее непроницаемой для холода и вѣтра, смазываютъ смѣсью изъ глины и коровьяго помета, которую накладываютъ слоемъ дюйма въ четыре. Другое коренное отличіе дома отъ юрты заключается въ томъ, что первый имѣетъ по крайней мѣрѣ одну громадную печь изъ кирпича, которую ежедневно натапливаютъ до блага каленія дверецъ; въ юртѣ же находится только каминъ очень страннаго устройства. Приблизительно въ серединѣ постройки, впрочемъ нѣсколько ближе къ двери, къ которой онъ обращенъ своей задней стороной, ставится каминъ, состоящій изъ большаго бревенчатаго квадрата въ 4—5 футовъ по сторонамъ. Этотъ квадратъ наполняютъ глиною и плотно ее утаптываютъ; съ одной стороны его устанавливаются двухдюймовыя жерди, верхніе концы которыхъ просовываются чрезъ потолокъ такимъ образомъ, что жерди изгибаются, пріобрѣтая вогнутость по направленію квадрата, и стоятъ не вполне вертикально; фута на два надъ потолокомъ онѣ обрѣзываются. Къ задней стѣнѣ камина, на высотѣ 4—5 футовъ надъ его глинянымъ поломъ, придѣлываютъ горизонтальный обручъ и другой такой же повыше, у верхняго края стѣны; по окружности этихъ обручей прикрѣпляются вертикальныя двухдюймовыя жерди, которыя и образуютъ дымовую трубу. Весь этотъ деревянный остовъ, задняя стѣна и составляющая ея продолженіе труба очень тщательно смазываются толстымъ слоемъ глины. Въ такомъ видѣ каминъ готовъ. Можно было бы предполагать, что такія печки крайне опасны въ пожарномъ отношеніи, но на дѣлѣ этого не оказывается: юрты очень рѣдко загораются отъ камина. Поэтому каминныя, благодаря простотѣ своего устройства и своимъ во многихъ отношеніяхъ превосходнымъ качествамъ, очень часто встрѣчаются на ряду съ печами даже въ жилыхъ домахъ и при томъ въ устроенныхъ очень удобно и уютно; между тѣмъ никогда не слышно о несчастіяхъ ими причиненныхъ, или по крайней мѣрѣ послѣднія происходятъ не чаще, чѣмъ отъ печей. Топятъ каминны такимъ образомъ, что дрова въ

4—5 футовъ длиною, расколотыя предварительно на тонкія полѣнья, ставятъ стоймя къ задней его стѣнкѣ. При этомъ получается громадный, горящій большимъ пламенемъ огонь, дающій сильное лучеиспусканіе тепла, которымъ только и согрѣвается внутренность жилища помѣщенія. Вполнѣ достаточное нагрѣваніе совершается очень быстро; конечно, въ суровые зимніе морозы каминъ долженъ топиться цѣлый день, но недостатка въ топливѣ нѣтъ: оно само по себѣ вовсе не имѣетъ цѣны и расчетъ составляютъ только расходы по рубкѣ и доставкѣ. Вечеромъ, передъ сномъ, сильно подтапливаютъ каминъ, даютъ угольямъ прогорѣть до совершеннаго исчезновенія снѣга пламени, какъ при топкѣ нашихъ печей, затѣмъ прикрываютъ трубу со стороны крыши заслонкой, уголья же разгребаютъ. Этимъ способомъ получаютъ нѣкоторый запасъ тепла, который держится пока не заснешь, а затѣмъ отъ проникающаго въ теченіе ночи холода приходится спасаться подъ мѣховымъ одѣяломъ, безусловно необходимымъ при жизни въ юртѣ. Къ утру становится очень холодно (мнѣ случалось видѣть, что вода въ стаканѣ покрывалась льдомъ), но растопленный каминъ въ нѣсколько минутъ даетъ такое пламя, что помѣщеніе въ самое короткое время вновь согрѣвается. Каминъ заслуживаетъ упрека въ томъ отношеніи, что онъ не даетъ постоянной температуры, а доставляетъ тепло преимущественно путемъ лучеиспусканія; но его способность быстро нагрѣвать воздухъ жилища помѣщенія вознаграждаетъ этотъ недостатокъ. Далѣе, каминъ положительно вреденъ глазамъ своимъ громаднымъ пламенемъ и, вѣроятно, нѣкоторыя глазныя болѣзни, которыми страдаютъ якуты, обязаны своимъ происхожденіемъ этому пламени. Недостаткамъ камина можно противополжить однако многія и весьма важныя преимущества. Нужно собственнымъ опытомъ испытать, что за отвратительный, трудно вдыхаемый воздухъ обдаетъ входящаго съ зимняго холода въ жарко натопленную русскую избу, и какую громадную разницу въ сравненіи съ нимъ представляетъ (днемъ, а не ночью, когда каминъ закрытъ) воздухъ юрты, въ которой ея владѣлецъ,

тѣмъ не менѣе, живетъ со своимъ скотомъ (15). Въ этомъ заключается преимущество камина, благодаря которому только и возможно безъ открыванія оконъ, т. е. въ теченіе всей долгой зимы, постоянно и вполнѣ обновлять воздухъ, не выстуживая въ тоже время жилаго помѣщенія. Мы имѣли также случай убѣдиться въ преимуществѣ поваренъ, снабженныхъ каминомъ, каковыя часто встрѣчаются въ Колымскомъ округѣ: не страдая отъ дыму, можно устроить себѣ дѣйствительно теплую комнату, въ которой возможно чѣмъ нибудь и позаняться; въ обыкновенныхъ же, открытыхъ сверху блокгаузахъ подвергаешься только постояннымъ мученіямъ.

Немногіе хорошо устроенные дома въ Верхоянскѣ сразу отличаются отъ такихъ же въ Якутскѣ тѣмъ, что они снаружи обнесены бревенчатымъ заборомъ въ два съ половиною фута высотой. Промежутокъ между заборомъ и стѣнами дома, тоже въ два съ половиною фута ширины, тщательно набивается землею. Увѣряютъ, что безъ такой предосторожности нельзя имѣть тепла внутри помѣщенія. Въ Якутскѣ этого не требуется, хотя зимняя стужа тутъ не много уступаетъ верхоянской. Но мнѣ казалось, что всѣ дома въ Верхоянскѣ выстроены изъ болѣе тонкихъ бревенъ, чѣмъ въ Якутскѣ; глѣсъ къ сѣверу отъ хребта во всякомъ случаѣ тоньше и не доставляетъ такихъ крупныхъ бревенъ, какія имѣются въ распоряженіи въ Якутскѣ, куда они сплавляются по Ленѣ изъ окрестностей Олекминска.

Къ счастью мнѣ удалось найти въ Верхоянскѣ лицо, которое съ большою готовностью вызвалось производить не только термометрическія, но и барометрическія наблюденія. Это былъ государственный преступникъ, замѣшанный въ каракозовскомъ покушеніи и сосланный сюда на поселеніе; онъ былъ въ отчаяніи, не будучи въ состояніи найти занятіе, которое хотя немного скоротало бы и сдѣлало бы нѣсколько болѣе сносными медленно тянувшіеся дни его ссылки; фамилія его Худяковъ. Барометромъ я его однако не могъ снабдить, такъ какъ у меня самого былъ только одинъ вполнѣ годный, но я предоставилъ ему два термо-

метра, одинъ очень хорошій спиртовый (Minimum), а другой ртутный, простой; я объяснилъ ему, какъ онъ долженъ дѣлать наблюденія (что не было трудно, такъ какъ это былъ вполне образованный человекъ) и просилъ его отмѣчать наблюденія трижды въ день, а также записывать ночныя миніма. Помимо этого, я просилъ его въ сильно измѣняющую погоду и при сильныхъ буряхъ наблюдать температуру ежечасно, по сколько онъ былъ въ состояніи это исполнить, для чего и оставилъ ему годные карманные часы. Онъ очень обрадовался и общался прилежно наблюдать до моего приѣзда. Такъ какъ до возвращенія оставалось почти два года, то я могъ надѣяться на двухгодичныя наблюденія въ Верхоянскѣ, что было очень важно для болѣе точнаго опредѣленія полюса холода, чѣмъ это было возможно до сихъ поръ. Худяковъ вполне оправдалъ мои надежды и даже болѣе, такъ какъ онъ дѣлалъ наблюденія ежечасно въ теченіе всѣхъ мѣсяцевъ, а глѣтомъ записывалъ температуру каждыя четверть часа; но съ другой стороны наблюденія его обнимаютъ циклъ, если я не ошибаюсь, всего 14-ти мѣсяцевъ, такъ что для холоднаго времени года они сдѣланы два раза, а для теплаго всего одинъ. Это произошло вслѣдствіе того, что Худяковъ былъ переведенъ изъ Верхоянска въ другое мѣсто, исправникъ же, въ видахъ охраненія казеннаго имущества, отобралъ отъ него инструменты. Я не предвидѣлъ, что тогдашній исправникъ, г. Иващенко, такъ скоро получить другое назначеніе и сообщилъ ему обстоятельства дѣла лишь устно, а онъ позабылъ передать ихъ своему преемнику; такъ я и лишился дальнѣйшихъ наблюденій. Но и за это короткое время очень добросовѣстные труды Худякова имѣютъ необыкновенно важное значеніе, такъ какъ только на основаніи ихъ академикъ Вильдъ могъ вычислить температуру Верхоянска и дать слѣдующіе результаты въ градусахъ Цельсія:

Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Юнь.	
—49°0	—47°2	—33°8	—14°0	— 0°4	+13°4	
Юль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Годъ.
+15°4	+11°9	+ 2°3	—13°9	—39°2	—45°7	—16°7

Самая высшая изъ температуръ была отмѣчена въ августѣ — $30^{\circ}1$, а самая низшая въ декабрѣ — $63^{\circ}2$. Ни чѣмъ нельзя доказать болѣе убѣдительно высокую степень континентальности Якутской области, какъ этими средними мѣсячными температурами, изъ которыхъ видно, что весны и осени здѣсь почти нѣтъ, а существуютъ только продолжительная и очень суровая зима, да очень короткое, но для большой широты по ту сторону полярнаго круга очень теплое лѣто. Цифра — $63^{\circ}2$ Цельсія, соотвѣтствующая $50^{\circ}2$ по Реомюру, и есть наинизшая температура, наблюдавшаяся въ нашу экспедицію, такъ какъ нами самими минимальная температура была отмѣчена всего — $48^{\circ}9$ Реомюра, въ Нижнеколымскѣ.

Во время нашего пребыванія въ Верхоянскѣ было получено извѣстіе, что на маленькой рѣчкѣ между Алазеей и Индигиркой нашли хорошо сохранившійся трупъ мамонта. Но то, что на первыхъ порахъ можно было узнать объ этомъ интересномъ предметѣ, было столь неопредѣленно и сказочно, что мы рѣшили съ г-мъ исправникомъ Иващенко заполучить сначала болѣе точныя свѣдѣнія и потомъ уже сдѣлать предварительныя распоряженія. Исправникъ долженъ былъ въ скоромъ времени отправиться на устье Индигирки и общалъ болѣе подробно разузнать у тамошнихъ жителей, которые правильно посѣщаютъ ярмарку на Анюѣ, и результаты разспросовъ сообщить намъ; архіерей Діонисій, который до прибытія въ Среднеколымскѣ собирался посѣтить церкви, расположенныя по Индигиркѣ, тоже вызвался собрать свѣдѣнія у всѣхъ, съ кѣмъ онъ встрѣтится. На послѣднее предложеніе я рассчитывалъ больше всего, потому что въ церкви стекался отовсюду народъ, чтобы увидать и послушать своего архипастыря, и можно было съ увѣренностью ожидать, что онъ объ Индигиркѣ и Алазеѣ разузнаетъ болѣе другихъ.

Наконецъ, мнѣ удалось устроить самымъ лучшимъ образомъ дальнѣйшую судьбу моего каравана и быть вмѣстѣ съ тѣмъ свободнымъ самому для возможно быстрой поѣздки въ Среднеколымскѣ, что въ то время было для меня важнѣе всего.

Мой старый другъ, якутскій купецъ Николай Алексѣевичъ Соловьевъ, соглашался соединить мой караванъ со своимъ и такимъ образомъ благополучно довести все общество до Колымска. Кроме того онъ изъявилъ готовность изъавить путешественниковъ отъ неудобствъ дальнѣйшей верховой ѣзды и предоставить каждому изъ нихъ по нартѣ съ оленями, чѣмъ дѣлалъ все путешествіе болѣе удобнымъ и болѣе пріятнымъ.

Помимо того, что въ нартѣ легче сидѣть, чѣмъ на лошади, еще имѣется преимущество болѣе скорой ѣзды и слѣдовательно можно раньше достигнуть мѣста ночевки; такимъ образомъ въ теченіе дня меньше приходится подвергаться суровому зимнему холоду.

Такъ какъ я могъ предполагать, что мои лошади, которымъ со времени пребыванія на Алданѣ я давалъ сѣно всего однажды (по близости Барылаха, гдѣ ихъ кормили три дня) значительно повзнурились, то я снова позаботился раздобыть хорошаго корма; благодаря стараніямъ Соловьева и исправника, мнѣ дѣйствительно удалось закупить достаточное количество хорошаго сѣна по близости станціи Табалаха, гдѣ мы должны были вновь соединиться; такимъ образомъ моихъ животныхъ можно было вдоволь покормить въ теченіи 3—5 дней. Это было очень важно потому, что отъ Табалаха на протяженіи слишкомъ 400 верстъ вновь начиналось пространство, на которомъ не было человѣческаго жилья и гдѣ ничего нельзя было получить; поэтому нужно было воспользоваться сравнительно густо населенною мѣстностью между городомъ и Табалахомъ и возстановить силы вьючныхъ животныхъ.

И такъ я устроилъ все, что собирался сдѣлать въ городѣ, и 5 декабря мы съ Нейманомъ поѣхали на встрѣчу нашимъ товарищамъ. До Табалаха мы проѣхали слѣдующія станціи:

5 декабря до Синяки . . .	40 верстъ.
6 » » Булгуняхъ. . .	— »
7 » » Тыбэ	55 »
8 » » Элахонъ-келя	50 »
9 » » Табалахъ . .	20 »

Мы могли бы проѣхать этотъ путь на нашихъ оленяхъ значительно скорѣе, но такъ какъ добрались бы до Табалаха во всякомъ случаѣ много раньше нашего каравана, то я по возможности щадилъ животныхъ, нужныхъ мнѣ для дальнѣйшаго путешествія, можетъ быть даже до Оринкина, что въ 40 верстахъ по ту сторону Индигирки. Никогда нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что навѣрное застанешь содержателя станціи съ его животными и часто приходится терять много времени въ розыскахъ, прежде чѣмъ его удастся найти. Поэтому я нанялъ себѣ этихъ оленей съ тѣмъ условіемъ, чтобы воспользоваться ими при надобности до Оринкина.

Отъ Верхойанска до Табалаха путь пролегаетъ почти исключительно по ровной мѣстности и только на горизонтѣ по обѣ стороны дороги видны далекіе горные кряжи. Изъ нихъ лежащія направо есть ничто иное, какъ послѣдніе отроги крайняго хребта, которые мало по малу теряются въ высокой долинѣ между Яной и Тасъ-Хаяхтакомъ; съ лѣвой же стороны возвышаются двѣ вершины горнаго массива, расположеннаго надъ мѣстомъ соединенія Яны и Адычи, — Кигелехъ-Тагъ и Ыгнахъ-Хая (16), первая изъ нихъ достигаетъ 3745, послѣдняя 5684 футъ абс. выс. У станціи Тыбэ мы переѣхали черезъ — текущую въ глубокой и широкой долинѣ и впадающую въ Яну — Адычу, которая есть главная рѣка системы, неправильно названной именемъ Яны. Каждый, кто видѣлъ обѣ рѣки выше мѣста ихъ соединенія, непременно согласится, что не Адыча есть притокъ Яны, а обратно. То обстоятельство, что на всѣхъ картахъ нарисована и помѣчена Яна, а обѣ Адычѣ упоминается рѣдко, можно приписать только тому, что дорога въ Колымскъ на большомъ протяженіи проходитъ по долинѣ первой, послѣднюю же пересѣкаетъ всего однажды.

Въ Табалахѣ (17) мы нашли сѣно уже заготовленнымъ въ большихъ стогахъ, но караванъ нашъ прибылъ лишь спустя нѣкоторое время послѣ насъ. Животныя выдержали путь довольно хорошо и только одна лошадь, споткнувшись, повредила себѣ

ногу. Такъ какъ оказалось, что пять выючныхъ лошадей слабѣе прочихъ, то я счелъ за лучшее ихъ смѣнить, и при вторичномъ дружескомъ посредничествѣ Соловьева мнѣ удалось найти чело-вѣка, ненуждавагося въ это время въ своихъ лошадяхъ. Онъ-то и выразилъ готовность помѣняться со мной, предоста-вивъ мнѣ шесть хорошихъ, свѣжихъ лошадей за пять моихъ слабыхъ и за шестую хромающую, съ придачею съ моей стороны по 4 рубля за голову. Онъ считалъ это дѣло для себя выгоднымъ, полагая, что сами по себѣ животныя хороши и что они вполне оправятся къ тому времени, когда ему понадобятся.

И такъ, было рѣшено дать лошадямъ хорошиiй отдыхъ и кор-мить ихъ вдоволь; поэтому отправленіе каравана было назначено на 14-е декабря, я же долженъ былъ выѣхать однимъ днемъ ран-ше. Скорѣе дѣло нельзя было устроить, такъ какъ для того, чтобы намъ раздѣлиться, необходимо было кое-что устроить, да кромѣ того дожидаться двухъ паръ свѣжихъ оленей въ виду того, что олени моего казака и моего проводника были не вполне надежны.

Такъ какъ съ этого пункта мы раздѣлились, то я считаю умѣстнымъ привести наши маршруты отдѣльно; они не вполне совпадаютъ, потому что съ одной стороны мои переходы были болѣе значительны, а съ другой—я иногда уклонялся отъ пути.

	Мой маршрутъ.	Версты.
13	декабря до Барылаха	30
14	» » Тынгыргестаха	60
15	» » Кыргаса	40
16	» » Кырехъ-Юрія	95
17	» » Тораха	50
18	» » Тыбэ	130
19	» » Эбеяха	105
20	» » Абы	120
21	» » Оринкина	100
22	» » Крестяха	40
23	» » Бердыгестяха	90
24	» » Берджегестяха	120

Мой маршрутъ.		Версты.
26 декабря	до Ярмонга	115
27 »	» Эселяха	115
28 »	» Среднеколымска . .	100
		<hr/> 1316

Маршрутъ каравана.		Версты.
14 декабря	до Тостаха	40
15 »	» Тынгыргестаха. . .	50
16 »	» Кыртаса	40
17 »	» Елетъ-Сыбита . . .	40
18 »	» Кыряхъ-Ырія . . .	60
19 »	» Сордаха	60
20 »	» Кыреляха	50
22 »	» Еленгняха	20
23 »	» Тыбэ.	50
24 »	» Николай-Олбыта . .	40
26 »	» Море-Кяла.	70
27 »	» Сенганяха.	30
29 »	» Тала-Кельнь-Кёлета	30
30 »	» Бере-Ылеляха . . .	30
31 »	» Абы	40
5 января	до Булгунахъ-али . . .	15
6 »	» Оринкина.	85
8 »	» Шестакова	85
9 »	» Сись-аны	50
10 »	» Сыгенияха	50
11 »	» Андылаха	70
12 »	» Унджи	55
13 »	» Ярмонга	80
14 »	» Малой	50
15 »	» Эселяха	60
16 »	» Ущугея	40
17 »	» Среднеколымска . .	60
		<hr/> 1355

Какъ видно, оба маршрута не совпадаютъ, такъ какъ мой, хотя и не много, но короче. Причина этого заключается, однако, не въ томъ, что избранный мною путь былъ короче: мы ѣхали почти-что по одному слѣду. То обстоятельство, что названія станцій въ нашихъ маршрутахъ различны, зависитъ, какъ уже было сказано, оттого, что мои переѣзды были длиннѣе, благодаря почти полному отсутствію багажа, а также и потому, что какъ мой проводникъ, такъ и проводники каравана по возможности старались избѣгать очень непріятныхъ поваренъ. Тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ жилья, избѣгать послѣднихъ часто невозможно, но при путешествіи хотя бы и по слабо-населенной мѣстности, конечно, можно пользоваться юртами якутовъ, охотно принимающихъ каждаго пришельца. При этомъ каждый возница везетъ своего сѣдока къ знакомому ему домовладѣльцу и, понятно, вслѣдствіе этого мѣста остановокъ бываютъ различны. Напр., на картѣ между Индигиркой и Селегняхомъ показаны два маршрута, — одинъ нашего каравана зимою 1868—1869 по направленію отъ Якутска на Колымскъ, а другой мой, по которому я шелъ обратно осенью 1870 г. Якуты не селятся деревнями, а живутъ отдѣльными семьями; они не любятъ, какъ и всѣ кочевые народы со временъ прародителя Авраама, видѣть дымъ своего сосѣда. Къ тому же при всякомъ удобномъ случаѣ они даютъ названія своимъ трупамъ: называютъ не только мелкія рѣчки, озера, пригорки, но и всѣ урочища или открытыя мѣста, — которыя, конечно, по преимуществу избираются мѣстомъ обитанія, — носятъ особыя имена, а по нимъ якутъ называетъ и свое жилище. Такимъ образомъ возникаютъ безчисленныя мѣстечки, изъ которыхъ многія попадаютъ и на карты; незнакомый съ мѣстными условіями читатель принимаетъ ихъ за селенія, тогда какъ въ дѣйствительности тутъ находится то одинокая юрта, то даже просто привалъ.

Разногласія въ разстояніяхъ между станціями обоихъ маршрутовъ зависятъ исключительно отъ неодинаковыхъ опредѣленій длины ежедневно пройденнаго пути (18). Это до сихъ поръ еще

очень трудное дѣло. На якутовъ въ этомъ отношеніи вовсе нельзя полагаться, такъ какъ они кладутъ въ основаніе совершенно иной маасштабъ, чѣмъ мы. Мы считаемъ только длину пройденнаго пути, якутъ же связываетъ съ нимъ представленіе о характерѣ мѣстности, т. е. считаетъ время, потребное на передвиженіе съ одного мѣста на другое. Онъ считаетъ кѣсами; кѣсомъ же называется кухонный горшокъ. Это сочетаніе двухъ несоотвѣтственныхъ понятій — мѣры пути и кухонной принадлежности — основано на томъ, что якутъ называетъ кѣсомъ то разстояніе, которое онъ успѣваетъ сдѣлать въ промежутокъ между двумя обѣдами, т. е. остановками; весной же отъ мѣста зимовки къ мѣсту лѣтняго пребыванія онъ тащится не только со взрослыми животными, но часто съ только что рожденными. Въ общемъ было принято считать кѣсъ равнымъ 10 верстамъ, но по моему это значительная ошибка, потому что сколько разъ я ни измѣрялъ дорогъ хорошими лошадьми, способными долгое время выдерживать ровный шагъ или ровную рысь, я всегда находилъ кѣсъ равнымъ только $7\frac{1}{2}$ или, самое большее, 8 верстамъ. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и эта цифра велика; не рѣдко даже случается, что одно и тоже разстояніе опредѣляется различно, смотря по времени года, состоянію пути и т. д. Въ этихъ случаяхъ становится яснымъ, насколько якутъ связываетъ извѣстный путь съ понятіемъ о затраченномъ на него временемъ. Такъ напр., они считаютъ разстояніе отъ церкви Сунтаръ на Вилюѣ до улуснаго управленія того же имени въ 5 кѣсовъ (при чемъ сами же прибавляютъ: 50 верстъ), а тотъ же самый путь, но обратно — въ 8 кѣсовъ, т. е. уже 80 верстъ, и это только на томъ основаніи, что первый идетъ внизъ по рѣкѣ, а второй вверхъ и, слѣдовательно, требуетъ значительно большей траты времени и труда. Другой разъ мнѣ сообщили, что до одной юрты, куда мнѣ хотѣлось добраться поскорѣе, два кѣса, а потомъ оказалось, что до этого мѣста всего 8 верстъ. На мой удивленный вопросъ, какъ можно тутъ считать два кѣса вмѣсто одного, якутъ отвѣчалъ: на самый путь дѣйствительно приходится одинъ кѣсъ, зимою и не

считаютъ больше, но лѣтомъ переходъ черезъ двѣ очень топкія рѣчки занимаетъ столько времени, что на нихъ нужно накинуть еще одинъ кѣсъ. И въ самомъ дѣлѣ, переходъ черезъ эти двѣ рѣчки насъ задержалъ. Когда я впоследствии рассказалъ этотъ случай въ обществѣ хорошо мнѣ знакомыхъ якутовъ, то еще болѣе былъ удивленъ, услышавъ, что всѣ они точно также признаютъ этотъ способъ измѣренія разстояній и не находятъ возможнымъ считать иначе. Помимо того, что этотъ способъ странный, онъ еще крайне неточенъ и сбивчивъ въ томъ отношеніи, что затраченное время и трудъ можно цѣнить очень различно. Вслѣдствіе этого якутскія данныя о разстояніяхъ ненадежны. Принимая кѣсъ въ среднемъ равнымъ $7\frac{1}{2}$ верстамъ, я ни коимъ образомъ не хочу сказать, что въ отдѣльныхъ случаяхъ цифра эта не можетъ значительно уклоняться въ ту или другую сторону. Вслѣдствіе этого происходитъ неточность счета самаго путешественника, который, не будучи въ состояніи воспользоваться въ этомъ отношеніи указаніями проводниковъ, предоставленъ самому себѣ при опредѣленіи разстояній. На ровной дорогѣ счетъ еще не такъ затруднителенъ, особенно когда у лошади правильный и равномерный шагъ. Когда же приходится измѣрять разстояніе по дорогѣ то ровной, то идущей черезъ горы, по обломкамъ скалъ, или по гладкой ледяной поверхности и т. д., то теряется всякій критерій и представленіе получается неточнымъ. Не рѣдко случалось, что вечеромъ, придя на привалъ, мы приходили къ совершенно противоположнымъ взглядамъ на пройденное разстояніе и положительно не соглашались другъ съ другомъ; по этому ничего нѣтъ удивительнаго, что наши маршруты, составленные независимо другъ отъ друга, не вполне совпадаютъ.

Разстилающаяся между Яною и Тасъ-Хаяхтакомъ большая равнина, начинающаяся у крайнаго, такъ называемаго Верхоянскаго хребта, становится къ сѣверу ровнѣе и прорѣзывается Адычею и ея большими притоками Бѣрулахомъ, Нелгэгэ и Тостахомъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее пересѣкаетъ путь на Колымскъ, и къ сѣверу живутъ якуты; далѣе же на югъ въ скоромъ вре-

мѣни прекращается всякое человѣческое жилье, вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстность между верховьями Яны и истоками Тостаха составляетъ совершенно неизвѣстную часть Якутской области. Этотъ обширный районъ, страннымъ образомъ, будто бы вовсе лишень пушнаго звѣря и вслѣдствіе этого не привлекаетъ даже неутомимыхъ охотниковъ — тунгузовъ. Такимъ образомъ я не могъ собрать никакихъ точныхъ свѣдѣній объ истокахъ Адычи и ея притоковъ. Объ остальной части системы Яны я добылъ полныя данныя, такъ какъ нашелъ людей, знавшихъ ее очень хорошо; что же касается до указанной мѣстности, то всѣ они съ большою увѣренностію заявляли, что туда никто не заходилъ и никто не въ состояніи дать о ней свѣдѣній. Впрочемъ, эта область не представляетъ особеннаго интереса, такъ какъ начинающіяся отсюда рѣки текутъ по изслѣдованной мѣстности и даютъ возможность довольно правильно судить о тамошнемъ рельефѣ.

На нашемъ пути къ востоку прежде всего надо имѣть въ виду рѣку Догдѣ, берущую начало приблизительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ Тась-Хаяхтахъ отдѣляется отъ Кэхъ-Таса: Она течетъ сначала почти въ меридіональномъ направленіи, затѣмъ круто поворачиваетъ на западъ и принимаетъ справа на самомъ заворотѣ притокъ, носящій тоже названіе Догдѣ, но несравненно меньшихъ размѣровъ, чѣмъ главная рѣка. Эта послѣдняя течетъ въ направленіи съ востока на западъ, начинаясь на Тась-Хаяхтахѣ, и удерживаетъ это направленіе до своего впаденія въ Тостахъ.

Чтобы попасть черезъ водораздѣлъ въ бассейнъ Индигирки можно воспользоваться обоими Догдо. Въ прежнее время избирали всегда путь по долинѣ ббльшей рѣки, текущей съ юга; этой дорогой шелъ и Биллингсъ, когда возвращался изъ Колымска въ Якутскъ. Теперь она почти забыта и оставлена, потому что, взойдя съ рѣки Догдо по ея маленькому притоку на главный водораздѣлъ, всетаки нельзя избѣгнуть скалистой, трудно проходимой долины Русской Россохи, малаго лѣваго притока Сордаха (19).

За Россохой уже не было болѣе особыхъ трудностей, дорога

вела через холмистую мѣстность истоковъ Бѣреляха, затѣмъ внизъ по этому послѣднему и вверхъ по рѣкѣ Блудной, съ которой можно попасть на Келяндину, впадающую около двухъ верстъ выше Зашиверска въ Индигирку. Путь на Колымскъ шелъ далѣе по правому берегу Индигирки, дорога была довольно широка, такъ какъ она не стѣснена горами, но за то, въ особенности лѣтомъ, приходилось испытать много мученій въ болотистыхъ участкахъ. Изъ нихъ людей доводило до отчаянiя всѣмъ известное болото Кутá-Селянъ, тянущееся почти на 200 верстъ между рѣками Падериха и Боръ-ыряхъ и имѣющее около пяти верстъ въ ширину. Оно топко и переходъ черезъ него, особенно со вьючными животными, почти невозможенъ или преодолимъ только при отчаянныхъ усилiяхъ, да и то, если годъ былъ сухой. Затрудненiя, доставляемыя съ одной стороны болотами, а съ другой долиной Русской Россохи съ ея тропинкой, и повели къ тому, что путь былъ совершенно оставленъ, такъ какъ тропа эта, идущая у самаго берега, зимой въ сильныя бури заносится снѣгомъ, а лѣтомъ зàтопляется наводненiями отъ дождей въ горахъ. Слѣдствиемъ этого обстоятельства было упраздненiе города Зашиверска, жители котораго переведены въ Колымскъ; теперь тамъ живетъ только священникъ при церкви.

Въ настоящее время единственный путь черезъ хребетъ Тасъ-Хаяхтахъ пролегаетъ по другому Догдо; впрочемъ, эта дорога, особенно зимой, имѣетъ тоже нѣкоторыя трудности, но приходится довольствоваться и ею въ виду того, что другаго годнаго пути нѣтъ. Нижнее теченiе Догдо многоводно, мѣстами рѣка дѣлится на многочисленныя рукава, въ иныхъ мѣстахъ она течетъ съ громадной силой по одному руслу; нѣкоторыя части ея, подобно Тукалану, не замерзаютъ всю зиму или покрываются льдомъ только въ февралѣ. Догдо беретъ начало изъ одного болотистаго озера, расположеннаго на высотѣ перевала и дающаго также начало Кырѣ, текущей на востокъ и впадающей въ Селегняхъ, большой лѣвый притокъ Индигирки. Зимой эга Кыра, да еще Нехаранъ (впадающiй въ Селегняхъ нѣсколько ниже первой, тоже съ пра-

вой стороны) представляют не слишкомъ удобную дорогу для путешественника, направляющагося въ Колымскъ. Въ самомъ дѣлѣ, обѣ рѣки образуютъ обширныя наледы или тарыны, переходить черезъ которые крайне затруднительно. Отъ встрѣчающихся также и въ сѣверной Европѣ наледей, сибирскіе тарыны сразу отличаются по наружному виду тѣмъ, что они очень обширны, имѣютъ холмистую, а не ровную поверхность. На тарынахъ путешественникъ видитъ передъ собою обширное, гладкое какъ зеркало ледяное поле, обыкновенно покрытое слоемъ воды въ полдюйма толщиною. По этому полю тянутся всегда покрытыя снѣгомъ возвышенія отъ двухъ до двухъ съ половиной футовъ высотой; формы ихъ очень измѣнчивы: то они круглы, то продолговаты, то, наконецъ, змѣеобразно-извилисты. Извольте теперь идти по такой поверхности, особенно по Кырѣ и Нехарану, гдѣ тарыны соединяются въ одну наледь, которая тянется на протяженіи пятнадцати верстъ. Мы ѣхали на нартахъ, запряженныхъ оленями, а потому могли облегчить послѣднимъ этотъ переходъ, тѣмъ, что шли пѣшкомъ, надѣвъ предварительно желѣзныя подковы, которыя значительно облегчали ходьбу. Онѣ имѣютъ форму стремянь, снизу снабжены шипами; въ нихъ просовываютъ ногу и затѣмъ укрѣпляютъ ремнемъ. Такимъ образомъ оленямъ оставалось тянуть только нарты, такъ что животныя подвигались впередъ удовлетворительно, хотя постоянно скользили и падали. Со вьючными лошадьми и съ нагруженными кладью оленьими нартами этотъ переходъ, однако, ужасенъ. Неподкованныя копыта скользятъ, животныя едва передвигаютъ ноги, идутъ будто ощупью, трясутся всѣмъ тѣломъ, — однимъ словомъ, жалко смотрѣть на нихъ. Паденіе животныхъ подъ вьюкомъ очень опасная вещь и довольно часто имѣетъ послѣдствіемъ столь тяжелыя поврежденія, что лошадь приходится убивать. Новичку, незнакомому съ тарыномъ, очень хочется избѣгнуть гладкой поверхности льда и воспользоваться покрытыми снѣгомъ холмиками, если только это названіе приложимо къ такимъ низкимъ возвышеніямъ. Проводники, конечно, предостерегаютъ отъ такого рода попытокъ, всякій

разъ поясняя, что тамъ находится вода. На этотъ разъ я былъ знакомъ съ дѣломъ по собственному опыту, но однажды въ Вилюйскомъ округѣ — когда я былъ безъ подковъ и мнѣ очень надоѣло скользить по льду, — я направился къ возвышенію въ расчетъ на то, что тамъ должно быть меньше воды, чѣмъ на окружающемъ льду; не смотря на настойчивые знаки находившихся вдали якутовъ, я смѣло занесъ ногу на снѣгъ, но въ испугѣ тотчасъ же ее вытащилъ, такъ какъ провалился болѣе чѣмъ на футъ въ кашецеобразную смѣсь изъ снѣга и воды. При ближайшемъ разсмотрѣніи легко убѣдиться, что вода, покрывающая поверхность льда, просачивается и вытекаетъ какъ разъ изъ подъ этихъ холмиковъ.

Перебравшись черезъ тарынъ, можно выйти на самый Селегняхъ, по долинѣ котораго отъ юрты Тыбэ на протяженіи двадцати верстъ пролегалъ болѣе дальній путь. Эта рѣка точно также часто образуетъ наледи, но (если путешествовать не ночью) ихъ большою частью можно объѣхать; только недалеко отъ того мѣста, гдѣ дорога сворачиваетъ съ рѣки, поверхность льда встрѣчается вода, которая можетъ быть опасна. Рѣка тутъ сравнительно не глубока, но большую часть зимы не замерзаетъ. Поэтому на саяхъ или на лошадяхъ перебираются черезъ это мѣсто обыкновенно вполне благополучно; но иногда ледъ, образуя какъ бы естественную плотину, запружаетъ рѣку и заставляетъ подниматься ея воду на нѣсколько футовъ. Я проѣзжалъ тутъ еще засвѣтло, а потому проводникъ могъ хорошо разсмотрѣть опасность, выѣхалъ на берегъ и избавилъ меня отъ холодной ванны. Но одинъ якутъ, ѣхавшій по той же дорогѣ и бывшій нѣкоторое время тоже моимъ проводникомъ, въ темнотѣ не разглядѣлъ воды и попалъ въ нее; такъ какъ вода на этотъ разъ была, къ счастью, не высока, онъ успѣлъ выбраться вовремя и только полузамерзшимъ пріѣхалъ въ Тыбэ.

Путь вдоль Селегняхъ пролегалъ по очень благодатной мѣстности, по которой, въ особенности лѣтомъ, можно идти, дѣлая маленькіе переходы, а иногда и остановиться на нѣсколько дней,

чтобы дать лошадямъ отдохнуть на отличнѣйшихъ пастбищахъ. Тутъ растеть одинъ видъ хвоща (*Equisetum variegatum*), называемый якутами чибога или сибехте и который лошади ѣдятъ очень охотно; онъ оказываетъ на нихъ необыкновенное дѣйствіе: даже самыя изнуренныя и усталыя животныя въ сравнительно короткое время оправляются и становятся свѣжими и бодрыми. Это растеніе появляется въ началѣ лѣта, когда трава еще молода и не можетъ доставить животнымъ достаточно корма. Когда я шелъ этимъ путемъ лѣтомъ 1866 года отъ Колымска на Якутскъ, мнѣ представился случай наблюдать, какъ хороша память лошадей, если онѣ голодны. Это было въ началѣ лѣта и животныя находились, слѣдовательно, въ очень печальномъ состояніи, не успѣвъ оправиться отъ потери силъ за зиму. Купцы ихъ почти вовсе не выючатъ и гонятъ обратно на Якутскъ небольшими переходами. Почти всѣ товары распроданы въ теченіе зимы по дорогѣ отъ Якутска на Колымскъ, а то, что не разошлось, оставляютъ въ пакгаузахъ въ Средне- и Нижнеколымскѣ; пушной же товаръ, полученный въ обмѣнъ, вѣситъ сравнительно не много; его размѣщаютъ не болѣе какъ по четыре пуда на самыхъ крѣпкихъ лошадяхъ, которыхъ къ тому же возможно чаще мѣняютъ; остальные животныя идутъ порожнемъ. Точно также потихоньку тянулись и мы, — въ тотъ разъ я ѣхалъ съ моимъ пріятелемъ, купцомъ Николаемъ Алексѣевичемъ Соловьевымъ; съ нами шли немногія выючныя лошади, далеко позади насъ медленно брели, ощиывая только что прозябавшую травку, порожнія животныя. Когда же мы стали приближаться къ Селегняху, я съ удивленіемъ замѣтилъ, что съ трудомъ тащившійся за нами табунъ сталъ насъ опережать очень оживленнымъ аллюромъ: лошади бѣжали сначала въ одиночку, затѣмъ партіями, такъ что мы совсѣмъ отстали, чего ни разу прежде не случалось. Дѣло объяснилось очень просто: животныя не успѣли еще забыть чибогу, которую они вырывали прошлой зимой изъ подъ снѣга, и спѣшили добраться по возможности скорѣе до лакомаго пастбища. Покинувъ Селегняхъ, путешественникъ выходитъ на низ-

менность, покрытую безчисленными, частью мелкими, частью болѣе обширными озерами; эта низменность разстиается между двумя большими притоками Индигирки — Селегняхомъ и Уяндиной, — и не только доходит до самой Индигирки, но, минуя ее, кончается лишь у Алазейскаго хребта. Эта мѣстность опять заселена, тогда какъ отъ Гостаха до Тыбэ почти не встрѣчаешь человѣческаго жилья. Всѣ озера, соединенныя другъ съ другомъ, а также съ рѣками посредствомъ протоковъ, называемыхъ «виски», обильны рыбою; окружающія ихъ низменности доставляютъ въ изобиліи траву и сѣно; такимъ образомъ эта мѣстность какъ будто нарочно создана для якутовъ, которые живутъ тутъ довольно густо и чувствуютъ себя прекрасно. Но я никого здѣсь не нашель, какъ будто край вымеръ: всякій, кто могъ и имѣлъ право тронуться съ мѣста, отправился къ церквамъ, которыя собирался посѣтить архіерей. Впослѣдствіи я узналъ отъ своихъ спутниковъ, что ихъ тутъ хорошо приняли и что они очень весело встрѣтили новый годъ въ юртѣ богатаго якутскаго головы Василя Ефимова, на берегу озера Абы, куда собралось и большинство купцовъ. Я долженъ былъ считать себя очень счастливымъ, что мнѣ удалось, не смотря почти на поголовное отсутствіе мужскаго населенія, купить сѣна для моихъ лошадей, изнуренныхъ труднымъ переходомъ отъ Табалаха до Абы. Кромѣ того я могъ раздобыть очень нужныхъ мнѣ оленей, такъ какъ мои порядочно утомились, да и держать ихъ я могъ только до Оринкина, куда я выѣхалъ изъ Абы. Впослѣдствіи мнѣ прислали еще нѣсколькихъ, такъ что я ѣхалъ на оленяхъ до поварни Бердыгестяха, лежащей за очень невысокимъ, покрытымъ лѣсомъ Алазейскимъ хребтомъ. Животныя были очень плохи уже въ Крестяхѣ, такъ что я взялъ на этой станціи лошадей, но отправилъ ихъ впередъ порожними, желая еще испробовать ѣзду на саяняхъ. Впрочемъ я могъ такъ медленно подвигаться впередъ на оленяхъ, что оставилъ ихъ и нарты, а остатокъ пути до Колымска сдѣлалъ на лошадяхъ. Теперь я былъ въ своемъ округѣ, люди были предупреждены о моемъ прибытіи, а потому для меня

были заготовлены лошади въ достаточномъ числѣ. Поэтому я не считалъ нужнымъ особенно беречь животныхъ и выгхалъ еще въ тотъ же вечеръ изъ Бердыгестяхъ въ Берджегестяхъ, гдѣ и рассчитывалъ найти свѣжихъ лошадей. По дорогѣ мнѣ попалась юрта, гдѣ я накормилъ лошадей сѣномъ и поѣхалъ дальше. Уже стемнѣло; это не особенно мѣшало намъ, такъ какъ мы ѣхали по лѣсу, гдѣ дорогу легко замѣтить; но въ скоромъ времени мы выбрались на большія озера и потеряли дорогу. Недавно была буря, слѣдъ занесло, а указывающіе путь значки (разстановка которыхъ—одна изъ главнѣйшихъ повинностей населенія) были поставлены такъ далеко другъ отъ друга, что ихъ можно было рассмотретьъ развѣ днемъ, а не ночью. Опять стало быть не все было въ порядкѣ, хотя люди знали, что я долженъ былъ пріѣхать. На послѣднемъ изъ большихъ озеръ, на концѣ котораго расположена станція Берджегестяхъ, мы такъ долго блуждали, что я рѣшилъ, не смотря на крюкъ, ѣхать по озеру у берега, чтобы наконецъ выбраться на вѣрный путь. Это рѣшеніе имѣло также свои неприятели; въ виду того, что тутъ не было торной дороги, населеніе вырубилло большія проруби для вытаскиванія изъ подо льда рыболовныхъ сѣтей (20), и мой казакъ едва не попалъ туда. Оставалось только одно—подвигаться впередъ шагомъ по самому берегу, безъ тропы, но и это было крайне неудобно, особенно ночью: берегъ заросъ лиственничнымъ лѣсомъ, образующимъ точь въ точь такія же заросли, какъ ель. Поэтому я очень обрадовался, когда мы послѣ короткаго, но крайне труднаго пути, быстро вышли на открытое мѣсто, на которомъ увидали станціонное зданіе. Но радость была недолговременна, такъ какъ наша надежда отдохнуть и обогрѣться въ теплой юртѣ послѣ усиленной верховой ѣзды оказалась тщетною: помѣщеніе было необитаемо и холодно. Мнѣ были необходимы однако свѣжія лошади, такъ какъ мои прошли сегодня 115 верстъ и завтра ихъ нельзя было переутомлять; поэтому я велѣлъ собрать сухаго дерева, зажечь каминъ и тотчасъ послалъ проводника за улуснымъ головой, который, какъ говорили, жилъ отъ станціи не далѣе,

какъ въ 10 верстахъ. Голова ночью дѣйствительно явился и, разсыпаясь въ извиненіяхъ, увѣрялъ, что люди ожидали меня на станціи въ теченіи четырехъ дней, но затѣмъ ушли къ своимъ юртамъ, гдѣ было у нихъ сѣно; онъ прибавилъ также, что завтра же они будутъ готовы къ дальнѣйшему пути. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ меня оказать ему честь сейчасъ же перебраться къ нему, что тамъ уже все приготовлено для моего приѣма и что я доставилъ бы ему большую радость, если бы, въ виду праздника, провелъ у него слѣдующій день. Во всемъ этомъ многое было далеко не такъ, какъ полагалось. Люди должны были прежде всего имѣть и сѣно, и лошадей на станціи, даже въ томъ случаѣ, если они, какъ на этотъ разъ и было на самомъ дѣлѣ, жили по близости отъ станціи. Но такъ какъ почтовые лошади требуются очень рѣдко, то это отступленіе отъ контракта настолько укоренилось, что сдѣлалось почти правиломъ. Правительству пришлось бы платить много дороже, если бы оно стало со всею строгостью требовать, чтобы лошади постоянно были на станціи; теперь же оно платитъ за станціи сущіе пустяки и все-таки находитъ желающихъ ихъ содержать. Голова мнѣ былъ извѣстенъ за дѣльнаго человѣка и хорошаго служаку, а потому я охотно доставилъ ему удовольствіе и принялъ его предложеніе, тѣмъ болѣе, что представлялся случай поближе разузнать положеніе дѣлъ въ его улусѣ. Такимъ образомъ я провелъ тамъ 25 декабря и съ этихъ поръ находилъ уже все въ порядкѣ, такъ что вечеромъ 28 могъ добраться до Колымска. Лошади и проводники повсюду были на готовѣ, а дороги приведены въ порядокъ, что особенно важно на этой части пути, ведущей черезъ цѣпь большихъ озеръ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Положеніе дѣлъ въ Колымскомъ округѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ разсказу о дальнѣйшей судьбѣ нашей экспедиціи, мнѣ кажется необходимымъ сначала указать, каково было положеніе дѣлъ въ округѣ, во время моего прїѣзда, и каковы были взаимныя отношенія различныхъ племенъ другъ къ другу.

Очень обширныя земли, извѣстныя подъ именемъ Колымскаго округа; заселены необыкновенно слабо: въ послѣднемъ считается около 7000 душъ обоого пола, не принимая въ расчетъ чукчей; эта цифра вѣроятно не многимъ меньше дѣйствительной, но все же къ ней нужно прибавить нѣсколько сотенъ душъ обоого пола, такъ что всего на всего населеніе округа можно принять приблизительно въ 7500 душъ. Изъ нихъ нѣсколько болѣе 1000 русскихъ, около 3500 якутовъ, приблизительно 1500 ламутовъ, 800 юкагировъ, 400 тунгузовъ и 400 чуванцовъ. Къ нимъ присоединяются кромѣ того чукчи, о числѣ которыхъ наши свѣдѣнія еще менѣе точны, но можно признать очень вѣроятнымъ, что общее число душъ этого народа не превзойдетъ 3500.

И такъ народонаселеніе, съ которымъ мнѣ приходилось имѣть дѣло, было очень незначительно, но интересы его тоже требовали вниманія, и тѣмъ большаго, что мѣстность, въ которой оно жило, не изобиловала природными богатствами, необходимыми для существованія; да и на то, что было, жители часто не обращали вниманія или уничтожали въ высшей степени легкомысленно.

Коренными жителями страны, очевидно, нужно признать юкагировъ и чуванцовъ, отъ которыхъ теперь уцѣлѣли только печальные остатки. Во время Врангеля, т. е. около 1820 г., юкагирами были еще довольно густо заселены оба Анюя, хотя уже

и въ то время число ихъ значительно уменьшилось въ сравненіи съ прошлымъ. Врангель называетъ ихъ омоками; это названіе теперь официально уже не употребляется, но сами они именуютъ себя юкагирами омокскаго племени. Со временъ Врангеля они мало по малу удалились съ обоихъ Анюевъ; теперь тамъ живутъ всего нѣсколько семей, которыя, впрочемъ, уже совершенно забыли свою родную рѣчь и приняли какъ языкъ, такъ и образъ жизни русскихъ. Въ настоящее время они обитаютъ по верхнему теченію Омолона, раздѣляются на восемь родовъ, управляясь своими начальниками родовъ, и кормятся преимущественно охотой и рыбной ловлей. Подобно тунгузамъ и ламутамъ, они живутъ въ легкихъ, конусообразныхъ хижинахъ изъ бересты, называемыхъ у русскихъ уросами, и держатъ лишь столько одеждъ, сколько имъ нужно для ихъ постоянного странствованія. Кромѣ того по нижнему теченію Колымы среди другаго населенія попадаются отдѣльныя юкагирскія семьи, которыхъ уже нельзя отличить отъ русскихъ ни по внѣшнему виду, ни по обычаямъ. Довольно большая колонія — около 60 душъ — такихъ совершенно обрусѣвшихъ юкагировъ находится не далеко отъ впаденія Омолона въ Колыму. Трудно указать причину такого сильнаго уменьшенія прежде столь многочисленнаго племени. Сами они утверждаютъ, что имъ много пришлось терпѣть отъ чукчей, да и на самомъ дѣлѣ въ войнахъ съ чукчами они и чуванцы доставляли главный контингентъ помощниковъ казакамъ; затѣмъ они были оплотомъ колымскихъ поселенцевъ съ востока, проживая на обоихъ Анюяхъ и тѣмъ преграждая чукчамъ путь къ Колымѣ. Но если внимательно вникнуть въ свѣдѣнія, собранныя Полонскимъ въ старомъ архивѣ, который еще сохранился въ Петропавловскѣ, невольно приходишь къ убѣжденію, что чукчи ни въ какомъ случаѣ не могли уничтожить столько человеческихъ жизней, сколько обыкновенно имъ приписываетъ народная молва. Вѣрнѣе было бы принять, что ссоры начинали всегда коряки (на столько родственное чукчамъ племя, что они понимаютъ другъ друга безъ переводчиковъ), а роль нападаю-

шихъ брали на себя юкагиры. Чукчи же скорѣе были обороняющимся племенемъ; да и по природѣ и задаткамъ чукчей въ нихъ никомъ образомъ нельзя видѣть воинственный народъ, а тѣмъ болѣе разбойниковъ, потому что они владѣли какъ разъ тѣмъ, чего всегда охотно добивались юкагиры и коряки, это — богатыми стадами оленей. На богатаго всегда нападаетъ бѣдный, а не наоборотъ. Конечно, въ тѣ старыя, грубыя времена частые раздоры и грабежи были, несомнѣнно, зауряднымъ явленіемъ, но очень трудно предположить, чтобы все это довело юкагировъ до степени народа, состоящаго изъ горсти людей, въ видѣ которой они встрѣчаются теперь по Омолону, да по Индигиркѣ въ числѣ 250 душъ. Въ высшей степени вѣроятно, что оспенныя эпидеміи, нѣсколько разъ свирѣпствовавшія въ Якутской области, влекли за собою вымираніе юкагировъ; но такъ какъ въ началѣ этого столѣтія ихъ прежнія мѣста обитанія, славившіяся необыкновенно прибыльными оленьими промыслами и потому кормившія массу народа, стали значительно бѣднѣть въ этомъ отношеніи, то юкагиры не могли уже оправляться такъ, какъ напр. якуты, которые хотя и сильно страдали отъ оспы, но, существуя въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, быстро достигали прежней численности. Вѣдь исчезновеніе дикихъ оленей было въ концѣ концовъ причиною и того, что юкагиры были привуждены промѣнять Анюю на Омолонъ.

Чуванцы, собственно говоря, уже и перестали существовать какъ народъ. Несмотря на всѣ старанія въ теченіе 1866, 1869 и 1870 гг., мнѣ не удалось найти въ этомъ племени ни одного человѣка, который зналъ бы свой родной языкъ. По крайней мѣрѣ тѣ, которые живутъ въ Колымскомъ округѣ, совершенно обрусѣли и принадлежность ихъ къ угасающему племени есть одно только историческое воспоминаніе. Въ прошлыя времена они были болѣе всѣхъ подвержены нападеніямъ чукчей, потому что жили по лѣвому берегу Анадыра и на его истокахъ и сами владѣли большими оленьими стадами. Кромѣ того своею неприимимою ненавистью къ чукчамъ они превосходили даже коря-

ковъ; вслѣдствіе этого весьма возможно, что ихъ сѣверные сосѣди причиняли имъ часто значительный вредъ, — во всякомъ случаѣ, вскорѣ послѣ упраздненія Анадырскаго укрѣпленія мы находимъ чукчей въ бывшихъ вотчинахъ чуванцовъ. Сами чуванцы приписываютъ свое уничтоженіе исключительно чукчамъ и особенно указываютъ на то, что имъ пришлось вынести на себѣ всю силу мести чукчей послѣ смерти извѣстнаго маіора Павлудкаго, котораго они, чуванцы, были главными союзниками и о подвигахъ котораго будутъ сообщены свѣдѣнія въ историческихъ замѣткахъ. Когда челоуѣкъ, котораго чукчи такъ боялись, что не могли безъ ужаса произносить его имени, палъ, въ крѣпостцѣ будто бы долгое время не рѣшались предпринимать противъ нихъ ничего серьезнаго, и въ это-то время чукчи изливали свою злобу: цѣлыя селенія уничтожались и вырѣзывались, а немногіе спасшіеся, чувствуя себя черезъ чуръ слабыми, бѣжали на правый берегъ Анадыра. Тамъ чуванцы живутъ и до настоящаго времени. Они занимаютъ, съ одной стороны, маленькое мѣстечко Марково на Анадырѣ и большой островъ у впаденія Маина въ эту рѣку, а съ другой, — отдѣльныя семьи ихъ селятся на Большомъ Анюѣ. По образу жизни они совершенно походятъ на тамошнихъ русскихъ, существуя рыбнымъ промысломъ и ловлею дикихъ оленей въ то время, когда послѣдніе дважды въ году — весной и осенью — громадными стадами переходятъ Анадырь (21).

Болѣе многочисленны, нежели только что названныя племена, — ламуты, принадлежащія къ тунгузскому племени и помимо Колымскаго округа находящіяся еще въ числѣ 1000 душъ въ Верхоянскомъ. Собственно говоря, не вполне ясно, почему ламуты считаютъ себя за особый народъ: они совершенные тунгузы; въ обрачкахъ, которые я привезъ, академикъ Шифнеръ призналъ тунгузскій языкъ; кромѣ того по внѣшности и по образу жизни ламуты ни въ чемъ не отличаются отъ тунгузовъ. По всей вѣроятности, сначала они принадлежали къ тунгузскому роду (всѣ азіатскіе народы дѣлятся на отдѣльные

роды); впоследствии же, будучи отдѣлены отъ своихъ соплеменниковъ нѣкоторымъ пространствомъ и проживая среди чуждыхъ народностей, они привыкли считать себя за самостоятельный народъ. Мѣста ихъ обитанія издавна находились по самому верхнему теченію Колымы и Индигирки, въ сѣверо-восточномъ углу Оймеконскаго плато, а на аренѣ анадырской борьбы они появились сравнительно недавно. Точно также они не принимали никакого открытаго и существеннаго участія въ войнѣ, покуда операціонною базою послѣдней была крѣпость Анадырскъ. Но впоследствии они имѣли извѣстное вліяніе на отношенія различныхъ народовъ другъ къ другу. Ламуть и по сихъ поръ такой же истый сынъ пустыни, какимъ онъ былъ въ старое время, — точь въ точь какъ тунгузъ. Юкагиры частью занимаются охотой, но еще въ большей степени рыболовствомъ, что обуславливаетъ уже болѣе осѣдлый образъ жизни; юкагирь, проживая по обычаю своихъ предковъ въ глуши, охотно устраиваетъ себѣ юрту или даже хижинку, чтобы защититься отъ суровости зимы: ламуть же не знаетъ ничего подобнаго. Въ настоящее время онъ обитаетъ или, вѣрнѣе, постоянно странствуетъ въ области верхней Колымы и Индигирки, насколько она еще не занята якутами. Онъ однако повсюду дома: даже тамъ, гдѣ якутъ уже не находитъ пастбищъ и, слѣдовательно, не можетъ остановиться; ламута ничто не привязываетъ къ мѣсту, онъ идетъ туда, куда бѣжитъ пушной звѣрь, и почти также подвиженъ, какъ этотъ послѣдній. Подобно тому, какъ соболь, лисица и бѣлка могутъ всюду устроить себѣ гнѣздо, гдѣ только есть лѣсъ, такъ и ламуть кладетъ на оленей свою легкую уросу (24) изъ бересты и свой незатѣйливый домашній скарбъ и бродитъ съ мѣста на мѣсто, постоянно слѣдя за пушнымъ звѣремъ. Но онъ не беретъ на себя даже и хлопотъ по переселенію: онъ кладетъ на плечо свое ружье, вѣшаетъ пороховницу, а зимой еще свои лыжи и готовъ въ путь. Онъ сообщаетъ только своей женѣ, что черезъ столько-то дней или недѣль она должна ожидать его на извѣстномъ мѣстѣ и затѣмъ уходитъ въ полномъ убѣжденіи,

что найдете тамъ свой домъ въ полной готовности. Жена должна сама позаботиться о томъ, чтобы придти съ дѣтьми и имуществомъ на назначенное мѣсто, поставить свой урость и приготовить все къ возвращенію домой хозяина. Ловко и красиво сложенный, притомъ крѣпкій и мусклистый, способный безъ труда переносить голодь и жажду, холодъ и зной, прекрасный стрѣлокъ какъ изъ ружья, такъ и изъ лука, — онъ представляетъ изъ себя истаго охотника, котораго самыя трудныя лишенія не могутъ заставить даже подумать о томъ, чтобы остаться у челоувѣческаго жилья долѣе, чѣмъ безусловно необходимо для промѣна его добычи.

Казалось бы, что съ такимъ народомъ каждому легко ужиться, потому что онъ чувствуетъ себя лучше всего тамъ, куда другіе не охотно идутъ; на дѣлѣ же выходитъ не то, и именно на ламутовъ я больше всего слышалъ жалобы въ глуши. Помимо охоты за пушнымъ звѣремъ, они усердно преслѣдуютъ также дикихъ оленей, для чего спускаются со своего нагорья въ равнины Анадыра. Олени еще до сихъ поръ ежегодно совершаютъ свои переселенія черезъ нижнее теченіе этой рѣки. Кромѣ этого мѣста мнѣ извѣстенъ всего только одинъ пунктъ, гдѣ на широкомъ пространствѣ Якутской области эта охота ведется въ большихъ размѣрахъ и является важнымъ подспорьемъ въ пропитаніи народоваселенія; именно, на крайнемъ западѣ области, по рѣкамъ Анабарѣ и Оленеку, — въ другихъ мѣстностяхъ охота такого рода почти совершенно прекратилась. Весной олени идутъ большими стадами на сѣверъ, а осенью возвращаются обратно на югъ; они должны, слѣдовательно, дважды переплыть черезъ Анадырь. Весною за ними не охотятся потому, что они тощи и мясо ихъ не хорошо на вкусъ. Но тѣмъ важнѣе осенняя охота, отъ удачи или неудачи которой въ значительной степени зависятъ благосостояніе или бѣдствіе тамошнихъ обитателей. Поэтому, такого рода охоты совершаются по опредѣленнымъ правиламъ, сообща всѣми участниками, а добыча подлежитъ раздѣлу, производимому всегда очень добросовѣстно. Никто не

сталъ бы препятствовать и ламутамъ принимать въ ней участіе, но они этого не желаютъ, какъ и вообще никогда не дѣлаютъ ничего сообща: всякій изъ нихъ проходитъ свой жизненный путь въ одиночку, какъ кто можетъ. Между тѣмъ ламуты охотно бродятъ лѣтомъ по Анадыру и обоямъ Анюямъ; въ это время нѣтъ никакой охоты за пушнымъ звѣремъ, но область къ сѣверу отъ Анадыра изобилуетъ дикими оленями, а также каменными баранами, доставляющими ловкому стрѣлку очень порядочный заработокъ и источникъ къ существованію. Именно изъ за сѣвернаго оленя, какъ дикаго, такъ и прирученнаго, и сложилась дурная слава ламута. Если спросить купцовъ, то отъ каждаго изъ нихъ услышишь, что ламутъ самый честный изъ инородцевъ Сибири, что онъ никогда не обманываетъ и выплачиваетъ свой долгъ съ неизмѣнной аккуратностью. Вслѣдствіе этого онъ пользуется много лучшимъ кредитомъ, чѣмъ всѣ остальные; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ ничего не приноситъ въ уплату своего прошлогдняго долга и тѣмъ не менѣе проситъ новаго кредита, ему всегда довѣряютъ и нисколько не сомнѣваются въ приводимыхъ имъ оправдательныхъ причинахъ: что онъ неудачно охотился, что онъ прохворалъ. Другимъ въ подобныхъ случаяхъ или вовсе не вѣрятъ или довѣряютъ много меньше. Про ламута говорятъ также, что онъ вѣренъ и отличается привязанностью, никогда не покидаетъ того купца, съ которымъ вошелъ въ соглашеніе, и не переходитъ къ другому, что съ другими инородцами случается сплошь и рядомъ и чего особенно не любятъ торговцы и купцы. Совершенно противоположное мнѣніе о ламутѣ можно слышать отъ чукчей и отъ людей, занимающихся на Анадырѣ охотой за оленями: они считаютъ его просто за вора и нарушителя спокойствія. Чукчи, какъ богатые ставовладѣльцы, особенно ненавидятъ ламутовъ. Чукчи упрекаютъ ихъ въ томъ, что они, охотясь за оленями, не всегда даютъ себѣ трудъ отличать дикихъ животныхъ отъ принадлежащихъ чукчамъ, или иными словами, бьютъ все, что ни подвернется, даже въ томъ случаѣ, если отлично знаютъ, что передъ

ними прирученное стадо; если же их ловят на мѣстѣ преступленія и пытаются отнять убитое животное, они будто бы хватаются за ружье, чтобы обороняться. Очень трудно, конечно, разобратся въ такого рода спорахъ: ламуты всегда категорически отрицають подобныя обвиненія, а свидѣтели въ такихъ происшествіяхъ бываютъ развѣ только случайно. Но мнѣ говорили, что чукчи въ этихъ случаяхъ правы, что въ подобнаго рода продѣлкахъ ламуты дѣйствительно виновны, и что извиненія въ томъ, что ламуть по ошибкѣ счелъ домашняго оленя за дикаго, вовсе не выдерживаютъ критики. Олени въ очень большихъ стадахъ, принадлежащихъ чукчамъ, конечно, на половину дики, но тѣмъ не менѣе такъ мало боятся человѣка, что онъ можетъ подойти къ нимъ безъ всякой предосторожности на самое близкое разстояніе; на оборотъ, дикій олень необыкновенно остороженъ и робокъ; кромѣ того вблизи стада прирученныхъ животныхъ всегда находится шалашъ караульныхъ, такъ что ошибка совершенно невозможна. Если это справедливо, то ненависть чукчей къ ламуту, безъ того необъяснимая, становится очень понятной: въ борьбѣ за существованіе послѣдній далеко превосходитъ перваго, чукчи ничѣмъ не могутъ вознаградить себя за причиненный имъ ущербъ, а это вызываетъ въ нихъ злобу. Чукчи—богатые и изнѣженные ставовладѣльцы. Крупныхъ размѣровъ и сильный, но при этомъ тяжелый на подъемъ и хорошо улитанный, какъ и наши богатые торговцы рогатымъ скотомъ, чукча почти безпомощенъ сравнительно съ подвижнымъ и ловкимъ ламутомъ; со своимъ копьемъ, какъ ни хорошо онъ имъ владѣетъ, чукча не можетъ подступиться къ вооруженному огнестрѣльнымъ оружіемъ ламуту, — однимъ словомъ, онъ очень отсталъ отъ этого послѣдняго, и при всякомъ удобномъ случаѣ старается ему насолить. Когда какой нибудь ламуть или чукча, которыхъ звали за частыхъ посѣтителей ярмарки, исчезаетъ, приходится иногда слышать, что гдѣ нибудь въ глуши былъ поединокъ на жизнь и смерть, и что исчезнувшій остался при этомъ на мѣстѣ. Такія происшествія теперъ рѣдки, но они тѣмъ замѣтнѣе, что на обо-

грявшея кровью въ прежнее время почвъ Анадырской земли теперь все спокойно и недоразумѣнія сравнительно рѣдки. Племена, участвующія въ ловлѣ оленей на Анадырѣ, не терпятъ ламутовъ потому, что послѣдніе охотятся все лѣто вплоть до осени; а тамъ это въ высшей степени не одобряется, въ особенности въ то время, когда дикіе олени начинаютъ собираться въ стада, чтобы большими вереницами переплывать рѣку. Въ это время, обыкновенно въ концѣ августа, тамъ не рѣшаются сдѣлать ни одного выстрѣла, не зажигаютъ даже огней, чтобы не беспокоить крайне пугливое и осторожное животное. Такихъ правилъ (25) ламутъ не придерживается, а потому онъ и ненавиденъ остальнымъ иноплеменемъ, какъ человѣкъ, портящій имъ охоту и непрошенный гость. Мнѣ часто жаловались на это, но я не могъ ничего предпринять потому, что мнѣ не могли назвать виновнаго, котораго никогда не удастся видѣть и уличить. Внутреннее устройство у ламутовъ такое же, какъ и у юкагировъ: они образуютъ шесть родовъ, управляемыхъ своими начальниками или старостами.

Близко родственные имъ тунгузы составляютъ только одинъ родъ съ однимъ старостой. Они населяютъ также южные притоки Колымы и живутъ совершенно также, какъ ламуты, съ той только разницей, что почти никогда не спускаются на Анадыръ и не посѣщаютъ Анюйской ярмарки, куда ламуты приходятъ регулярно каждый годъ.

Позднѣ всѣхъ перечисленныхъ народовъ и только не за долго передъ приходомъ русскихъ, поселились на Колымѣ якуты.

По всей вѣроятности они удалились отъ притѣсненій русскихъ сначала на Оймяконское нагорье, гдѣ часть ихъ живетъ и до сихъ поръ, а затѣмъ уже спустились по Колымѣ. Сравнительно со всѣми остальными народностями Якутской области, якуты обладаютъ самымъ совершеннымъ устройствомъ своего быта; только у нихъ однихъ существуютъ письменныя дѣловыя сношенія. Низшую единицу въ ихъ общественной организаціи составляетъ родъ, находящійся подъ управленіемъ старшины. Послѣд-

ній избирается пожизненно и облеченъ какъ полицейской, такъ и судебной властью. Каждый два или три рода составляютъ одинъ наслегъ подъ руководствомъ старосты. Мнѣ кажется, что первоначальной единицей былъ родъ, подобно тому, какъ это мы видимъ и у другихъ племенъ; впрочемъ это не совсѣмъ достовѣрно, потому что многое говоритъ за то, что уже во время покоренія народъ управлялся старостами, такъ что основной единицей былъ наслегъ. Во всякомъ случаѣ впослѣдствіи наслегъ приобрѣлъ болѣе важное значеніе потому, что представителемъ своего наслега въ сношеніяхъ съ правительствомъ выступаетъ староста. Онъ считается какъ бы за отца, наслегъ—за его семью. Староста получаетъ порохъ и свинець, выдаваемые ежегодно наслегу, и въ слѣдующемъ году сдаетъ за нихъ плату. Онъ отвѣчаетъ за правильный сборъ ясака (26), кромѣ того въ менѣ важныхъ случаяхъ онъ пользуется полицейской и судебной властью, а также можетъ назначать и тѣлесное наказаніе. Ему передаются всѣ приказы и распоряженія правительства и уже его дѣло заботиться на счетъ того, чтобы они были приведены въ исполненіе, такъ какъ онъ одинъ только и отвѣчаетъ, если они не будутъ выполнены. Наконецъ онъ же долженъ производить крайне важный надѣлъ сѣнокосами, совершаемый ежегодно весною; впрочемъ для этой цѣли назначаются понятые: сдѣланный имъ надѣлъ не можетъ подлежать обжалованію. Упомянутыя двѣ власти стоятъ подъ начальствомъ улуснаго управленія, состоящаго изъ головы, членовъ и писаря въ качествѣ дѣлопроизводителя. Улусъ слагается изъ нѣсколькихъ наслеговъ, а число улусовъ въ различныхъ округахъ различно. Такъ, въ Верхоянскомъ округѣ существуютъ четыре улуса, а въ Колымскомъ всего одинъ. Улусное управленіе, такъ называемая инородческая управа, служитъ посредникомъ между старостою и окружнымъ управленіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ облегчаетъ послѣднему его задачу. Она получаетъ распоряженія исправника, препровождаетъ ихъ старостамъ, заботясь объ интересахъ отдѣльныхъ наслеговъ и окружнаго управленія, но власти управа никакой не имѣетъ: при

всякомъ важномъ дѣлѣ она всегда собираетъ старость и затѣмъ уже представляетъ просьбы, предложенія и т. д. въ окружное управленіе, для дальнѣйшаго рѣшенія. Однимъ словомъ, она крайне необходима исправнику для облегченія дѣлопроизводства (такъ какъ въ ней только имѣется писецъ), но центръ тяжести управленія инородцами лежитъ въ старостахъ. Голова и члены избираются на три года изъ числа старость и пользуются всѣми преимуществами должностныхъ лицъ.

Какъ тунгузъ и ламуть представляютъ изъ себя охотниковъ, такъ якутъ является кочевникомъ, а въ Колымскомъ округѣ, въ виду того, что земледѣліе тамъ невозможно, номадомъ въ истинномъ смыслѣ слова. При этомъ онъ охотится и за пушнымъ звѣремъ, но это его побочное занятіе; для него стадо составляетъ то, что для тунгуза и ламута ихъ огнестрѣльное оружіе, т. е. основу всего существованія. Якуты населяютъ оба берега Колымы, преимущественно же лѣвый между Верхне- и Среднеколымскомъ, и въ предѣлѣ этихъ широтъ распространяются до западной границы округа. Впрочемъ, одинъ изъ семи наслеговъ этого улуса поселился по нижней Колымѣ и живетъ отдѣльными домами по лѣвому ея берегу до станціи Кресты, находящейся приблизительно въ 80 верстахъ ниже впаденія Омолона. Этотъ улусъ отказался отъ кочевой жизни, живетъ подобно русскимъ въ постоянныхъ домахъ и существуетъ преимущественно рыбнымъ промысломъ; но за то онъ забылъ свой языкъ и говоритъ только порусски.

Одни якуты не принимали никакого участія въ борьбѣ съ чукчами. Они выселились изъ прежнихъ своихъ земель, лежавшихъ по Ленѣ, на Оймеконъ, а съ этого нагорья въ долину Колымы для того, чтобы избѣжать ссоръ и непріятностей; поэтому они не обнаруживали никакого желанія пускаться здѣсь въ новыя приключенія. Изъ всей ихъ исторіи, на сколько мы можемъ судить по стариннымъ архивнымъ дѣламъ, ясно видно, что они были искони безусловно мирнымъ народомъ; только превосходившія всякую мѣру притѣсненія казаковъ заставляли ихъ во время пребыванія

на Ленѣ предпринимать иногда воинственные походы на Якутскъ, о которыхъ будетъ сообщено въ историческихъ замѣткахъ. Русскіе, нашедшіе на Колымѣ другихъ противниковъ, здѣсь ихъ не беспокоили, а отъ чукчей они были отдѣлены съ одной стороны большими разстояніями, а съ другой юкагирами и чуванцами. На свое счастье якуты не были подчинены начальнику Анадырска, но принадлежали къ Зашиверску, такъ что не могли попасть въ число союзниковъ русскихъ въ борьбѣ съ чукчами. Поэтому якуты и чукчи въ прежнее время никогда не приходили въ соприкосновеніе, ни въ дружеское, ни во враждебное; единственной повинностью, выпавшей на долю якутовъ въ теченіе долго тянувшейся борьбы, было привлеченіе ихъ къ транспортировкѣ. Путь, служившій для снабженія командъ на Анадырѣ безусловно-необходимымъ провіантомъ и другими матеріалами, велъ съ Аддана вверхъ по Хандыгѣ, черезъ истоки Индигирки къ истокамъ впадающей въ Колыму Зырянки, затѣмъ внизъ по Колымѣ до впаденія въ нее двухъ Анюевъ и, наконецъ, по Большому Анюю на Анадырѣ. Этотъ крайне своеобразный путь шелъ на значительномъ протяженіи по мѣстности, населенной якутами. Направленіе его станетъ понятнымъ только тогда, если принять въ соображеніе, что древніе завоеватели Сибири придерживались преимущественно рѣчныхъ системъ, оставляя ихъ очень рѣдко, чтобы воспользоваться болѣе ближайшей дорогой. Поэтому на долю якутовъ выпала значительная часть тѣхъ очень нелегкихъ тягостей, которыя налагала эта доставка на чрезвычайно разбросанное населеніе.

Эта повинность была, конечно, очень тяжала, но не разоряла жителей въ конецъ, почему жизнь якутовъ на Колымѣ сложилась болѣе сносно и во всякомъ случаѣ болѣе спокойно, чѣмъ жизнь другихъ народовъ крайняго сѣвера. Они владѣли рыбными озерами и рѣками, а скотоводство, перенесенное ими сюда изъ долины Лены, давало въ общемъ на столько благопріятные результаты, что они не терпѣли недостатковъ. Конечно, содержаніе скота и лошадей — единственныхъ животныхъ, разведе-

ніемъ которыхъ якуты занимаются — не столь уже прибыльно къ сѣверу отъ хребта, какъ къ югу отъ послѣдняго. Нельзя сказать, чтобы причиной этого была суровость зимы, такъ какъ здѣсь она не болѣе сурова нежели на Вилюѣ и Ленѣ къ сѣверу отъ впаденія Алдана. Бѣльшее значеніе имѣетъ скорѣе то обстоятельство, что лѣто тутъ короче и не такъ жарко, почему пастбища и покосы хуже, а кормъ для скота много менѣе питателенъ. На Ленѣ и Вилюѣ составляетъ правило, что лошадь и корова родятъ ежегодно, исключенія бываютъ, но, какъ и въ другихъ мѣстахъ, рѣдко. На Колымѣ же телята и жеребята родятся нормально только въ три года разъ, хорошія матки носятъ около года, а ежегодный приплодъ является положительнымъ исключеніемъ. Такимъ образомъ приростъ стадъ и табуновъ здѣсь очень замедляется; съ другой стороны тутъ чаще свирѣпствуетъ самый ужасный бичъ якута — сибирская язва, болѣе рѣдкая къ югу отъ хребта; главной причиной этого бѣдствія является, по всей вѣроятности, почти исключительно болотистый характеръ здѣшнихъ пастбищъ, и если бы якуты жили на Колымѣ болѣе тѣсно, такъ что передача ужасной заразы была бы облегчена, опустошенія среди скота и лошадей были бы еще значительнѣе. Не смотря на тяжелыя обстоятельства, въ которыхъ поставленъ кочевникъ на Колымѣ, все же его положеніе сносно. Богатыя рыбою воды спасаютъ его отъ голодной смерти и постоянно доставляютъ ему возможность вознаграждать свои потери, такъ какъ онъ можетъ обойтись въ годины бѣдствій и безъ мяса своихъ животныхъ. Вслѣдствіе всего сказаннаго, якуты и по сю пору живутъ въ удовлетворительныхъ условіяхъ.

Русскіе должны были появиться на Колымѣ не задолго до 1644 года; по нѣкоторымъ стариннымъ даннымъ названную рѣку открылъ около этого времени казакъ Иванъ Эрастовъ съ его спутниками. Но въ этомъ году уже существовали три такъ наз. зимовья, т. е. блокгауза въ Верхне-, Средне- и Нижне-колымскѣ; они были настолько фундаментально построены, что

въ нихъ можно было защищаться. Затѣмъ изъ Нижнеколымска въ 1648 г. казакъ Дежневъ впервые обогнулъ мысъ Пээкъ, что повторилъ только черезъ столѣтіе Берингъ, но въ другомъ направленіи. Эта отважная поѣздка, кончившаяся впрочемъ кораблекрушеніемъ, повела къ открытію рѣки Анадыра и къ основанію Дежневымъ, по всей вѣроятности въ 1650 г., деревянной крѣпости Анадырска въ 10 верстахъ вверхъ отъ мѣстечка Маркова. Такимъ образомъ основаніе господства на Анадырѣ исходило изъ Колымска; но этимъ и кончается отношеніе рѣкъ Колымы и Анадыра другъ къ другу, такъ какъ казаки Анадырскаго укрѣпленія были подчинены не Колымску, а получали распоряженія сначала изъ Якутска, а затѣмъ изъ Охотска, пока наконецъ укрѣпленіе не было упразднено въ 1766 году.

И такъ русскіе, жившіе по рѣкѣ Колымѣ, не имѣли въ старинныя времена никакихъ близкихъ сношеній съ чукчами. Они были отдѣлены отъ послѣднихъ густымъ въ то время населеніемъ юкагировъ, жившимъ въ области двухъ Анюевъ. Тѣмъ не менѣе чукчи имѣли нѣкоторое, и притомъ очень благотворное, вліяніе на первыхъ русскихъ поселенцевъ, отвлекая къ себѣ вниманіе юкагировъ и чуванцовъ; вслѣдствіе этого занятіе Колымы русскими совершилось, противъ обыкновенія тогдашнихъ временъ, необыкновенно-мирнымъ путемъ. Въ долинѣ Колымы царили миръ и спокойствіе въ то время, какъ на сосѣднемъ Анадырѣ почти непрерывно раздавались громъ огнестрѣльнаго оружія и свистъ стрѣлъ; поэтому на Колымѣ не было необходимости строить крѣпости и считалось достаточнымъ имѣть три зимовья. Точно также на Колымѣ не поселяли много казаковъ. Но съ другой стороны, сюда время отъ времени пріѣзжали русскіе, чтобы вести торговлю мѣхами. Въ ту пору въ этой мѣстности было изобиліе различной дорогой пушнинаы; особенно много было здѣсь соболей, которые теперь убиваются на Колымѣ только случайно; такимъ образомъ мѣновая торговля процвѣтала. И такъ, на Колымѣ жилось спокойно и пріятно, рыбы и мяса было вдоволь и не доставало только муки: приво-

зимая купцами была очень дорога, потому что ее приходилось доставлять выюками за 2000 слишком верстъ. Жители Колымска привыкли къ своему, исключительному въ этомъ отношеніи положенію, — они совершенно отвыкли отъ хлѣба, хорошо обходятся безъ него и считаютъ мучное до сихъ поръ за лакомство, которое можно позволить себѣ развѣ при случаѣ. Казаки, получающіе въ числѣ провіанта и муку, пользуются такого рода обстоятельствомъ, сами ее не ѣдятъ, а продаютъ съ большою выгодой богатымъ купцамъ или пріѣзжимъ изъ Якутска, привыкшимъ къ хлѣбу (27).

Не смотря на то, что между русскими и чукчами вовсе не было сношеній, а можетъ быть именно вслѣдствіе этого, въ старинныя времена со стороны русскихъ только изрѣдка дѣлались одиночныя попытки къ мѣнновой торговлѣ. Поѣздка Дежнева въ основаніи своемъ имѣла никакъ не набѣгъ или не путешествіе съ цѣлію открытій, но это было торговое предпріятіе, задуманное однимъ колымскимъ купцомъ, который отъ себя предложилъ Дежневу сопутствовать ему въ видѣ военной охраны. Впослѣдствіи такія предпріятія совершались время отъ времени колымскими обитателями на такъ называемыхъ кочахъ, т. е. гребныхъ судахъ, снабженныхъ на всякій случай парусомъ, а также громаднымъ камнемъ въ качествѣ якоря. Купцы отправлялись на востокъ, приставали въ мѣстахъ, гдѣ они подозрѣвали присутствіе жителей, раскладывали тутъ на берегу товары, затѣмъ удалялись, и выжидали, что будетъ далѣе. Какъ только они отчаливали, приходили вооруженные чукчи, наблюдавшіе конечно за всѣмъ, что происходило раньше, брали изъ разложенныхъ вещей тѣ, которыя имъ казались нужными, клали вмѣсто нихъ различныя мѣха, моржовыя клыки и, въ свою очередь, уходили прочь. Если купцы находили, что оставленные предметы оправдывали ихъ надежды, то они посѣщали это мѣсто впослѣдствіи снова, а то такъ на этомъ дѣло и прекращалось. Въ такого рода поѣздкахъ они, повидимому, добирались до Чаунской губы, но по всей вѣроятности не огибали мыса Эрри

(Шелагскій). Во всякомъ случаѣ мѣстность до этой губы была имъ очень хорошо извѣстна уже издавна, объ области же, лежащей къ востоку отъ нея, они не имѣли никакихъ свѣдѣній. Переимѣна въ этомъ идилическомъ порядкѣ вещей произошла только со времени упраздненія Анадырскаго укрѣпленія, по крайней мѣрѣ въ воображеніи, потому что дѣло и послѣ этого не доходило до враждебныхъ столкновений. Уничтоженіе крѣпости и переводъ оттуда командъ произвели среди всѣхъ колымскихъ обитателей неописанный переполохъ: такъ сильно вѣрили здѣсь въ рассказы о злыхъ чукчахъ. Большая часть казаковъ была переведена въ Нижнеколымскъ; вокругъ этого мѣста, или вокругъ его части, была возведена бревенчатая стѣна, чѣмъ оно было превращено въ острогъ или въ крѣпостцу. Здѣсь стали ждать нападенія чукчей, которое считали неизбѣжнымъ; но нападенія, какъ извѣстно, не послѣдовало, послѣ чего, конечно, успокоились и стали возобновлять бывшія сношенія съ чукчами. Сношенія эти были не только выгодны для обѣихъ сторонъ, но стали для чукчей въ скоромъ времени крайне важнымъ вопросомъ жизни; съ тѣхъ поръ какъ Анадырь совсѣмъ опустѣлъ, чукчи имѣли возможность получать только изъ Нижнеколымска предметы, сдѣлавшіеся имъ уже безусловно необходимыми, но объ этомъ мы ниже поговоримъ подробнѣе.

И такъ, уже въ концѣ прошлаго столѣтія мѣста обитанія русскихъ опредѣлились такъ, какъ мы ихъ видимъ въ настоящее время. Уже сказано, что въ округѣ нужно считать ихъ всего навсего свыше тысячи душъ. Около семи сотъ изъ нихъ живутъ въ двухъ главныхъ пунктахъ, т. е. въ Средне- и Нижнеколымскѣ, остальные же сосредоточиваются въ Каретовѣ, Черноусовѣ и Походскомъ, — болѣе или менѣе значительныхъ поселеніяхъ по нижнему теченію Колымы къ сѣверу отъ Нижнеколымска, — а также проживаютъ разбросанно по берегамъ рѣки и Ледовитаго океана; въ Верхнеколымскѣ теперь осталась только церковь съ принадлежащимъ къ ней духовенствомъ. Кромѣ немногочисленныхъ семей чиновниковъ и духовенства,

русское населеніе состоитъ приблизительно изъ 500 лицъ (обоого пола) казацкаго сословія, болѣе чѣмъ изъ 300 лицъ, принадлежащихъ къ мѣщанскому, изъ 127 крестьянъ и изъ немногихъ купцовъ. Къ счастью, число ссыльныхъ очень невелико, приблизительно не болѣе 30 лицъ обоого пола. Сравнительно большое число казаковъ объясняется бывшимъ положеніемъ этой страны на границѣ русскихъ владѣній. Нижнеколымскъ и мелкія деревни составляютъ до сихъ поръ еще казачью станицу, — остатокъ давно прошедшихъ временъ, — которую просто забыли упразднить. Къ этой станицѣ принадлежатъ 250 душъ, слѣдовательно половина всего казачьяго населенія; за ними осталось только имя казаковъ, но сами они очень мало отличаются отъ мѣщанъ и крестьянъ. Даже въ томъ случаѣ, если сбросить со счета населеніе этой станицы, число казаковъ всетаки слишкомъ велико, много больше, чѣмъ нужно для полицейской службы, на которую теперь они исключительно и употребляются. Благодаря тому, что имъ приходится наряжать на службу очень мало народу, она для нихъ вовсе не обременительна: большая часть ихъ имѣетъ возможность заниматься своими дѣлами, подобно крестьянамъ и мѣщанамъ (28).

Главнѣйшимъ источникомъ существованія этихъ людей является рыбный промыселъ; особенно это касается жителей самаго нижняго теченія Колымы, начиная со станціи Кресты; къ югу отъ послѣдней населеніе занимается вмѣстѣ съ рыбной ловлей также скотоводствомъ. Рука объ руку съ этими занятіями идетъ торговля съ чукчами, юкагирами и другими инородцами, причемъ казаки часто играютъ роль посредниковъ между этими послѣдними и купцами, приѣзжающими изъ Якутска всего разъ въ году.

То обстоятельство, что обитатели нижней Колымы (29) (къ которымъ относятъ и жителей самаго нижняго теченія обоихъ Анюевъ), избрали себѣ главнымъ источникомъ пропитанія рыбный промыселъ, имѣетъ нѣкоторыя неудобства, не рѣдко доходящія до того, что даже самое существованіе населенія можетъ

подвергаться риску. Обыкновенно Колыма очень изобилуетъ рыбой и несомнѣнно можетъ прокормить населеніе въ десять, даже во сто разъ большее, чѣмъ то, которое возлагаетъ на нее теперь свои надежды. Но самый ловъ совершается крайне примитивнымъ способомъ и ведется исключительно при помощи гребныхъ лодокъ только на самой рѣкѣ или у самаго берега моря; объ употребленіи паруса ни одинъ изъ колымскихъ жителей не имѣетъ ни малѣйшаго представленія. Если теперь во время хода рыбы, — которое, повидимому, для каждаго вида рыбъ различно, — погода стоитъ благопріятная, то при сравнительно очень небольшой затратѣ труда народъ имѣетъ очень большой уловъ и живетъ, по своимъ понятіямъ, прекрасно и весело. Но случаются годы, когда ловъ вовсе не удается. Къ сожалѣнію, я не могъ точнѣе установить причину этого печальнаго явленія на основаніи показаній населенія, но жители утверждаютъ, что иногда рыба проходитъ мимо Колымы, и идетъ метать икру въ Индигирку; иногда же будто бы случается на оборотъ — она избѣгаетъ этой послѣдней рѣки и направляется вверхъ по Колымѣ. Трудно добраться до причины того, что на сѣверѣ заставляетъ рыбу быть столь капризной и разборчивой въ своихъ странствованіяхъ, которыя подчинены повсюду строго неизмѣннымъ законамъ. Мнѣ кажется, что причина неудачи лежитъ не въ рыбѣ, а скорѣе въ самомъ населеніи. Колыма представляетъ изъ себя могучую рѣку, которая въ бурную погоду очень легко приходитъ въ сильное волненіе, много болѣе сильное, чѣмъ то, которое я наблюдалъ, напр., на болѣе широкой и болѣе многоводной Индигиркѣ. Помимо того, нижнее теченіе Колымы необыкновенно широко; уже у Нижне-колымска она имѣетъ отъ берега до берега свыше четырехъ верстъ, далѣе она все болѣе и болѣе расширяется, у устья же достигаетъ слишкомъ 15 верстъ. Вслѣдствіе этого въ бурную погоду по ней абсолютно нельзя плавать въ тѣхъ несчастныхъ лодченкахъ, которыя тамъ имѣются. Если теперь ходъ рыбы совпадетъ съ непогодой, то ловъ, конечно, не удается. Показанія

жителей столь противорѣчивы и сбивчивы, что изъ нихъ очень трудно сдѣлать правильные выводы, но изъ разсказовъ я вынесъ убѣжденіе, что годы плохаго улова почти всегда совпадаютъ съ бурными лѣтомъ и осенью; поэтому я полагаю, что жалобы на плохой ловъ врядъ-ли были бы слышны, если бы населеніе употребляло парусныя лодки и ловило рыбу не только въ рѣкѣ, но и въ морѣ; дѣйствительно, судя по той массѣ рыбы, которая въ годы хорошаго лова поднимается по рѣкамъ, богатство Ледовитаго океана должно быть необычайно велико.

На нижней Колымѣ въ настоящее время живетъ не много менѣе 3000 душъ, существованіе которыхъ всецѣло зависитъ отъ рыбной ловли. Къ этому надо прибавить болѣе тысячи упряжныхъ собакъ, которыхъ кормятъ также исключительно рыбой, а каждая собака требуетъ больше пищи, чѣмъ взрослый человѣкъ. Въ случаѣ большой нужды человѣкъ можетъ довольствоваться двумя селедками въ день (30), правда, при этомъ онъ не будетъ имѣть ощущенія сытости, но онъ можетъ такимъ образомъ пробиться безъ вреда для здоровья и опасности для жизни всю зиму, пока его не выручитъ весна; а собака, получая двѣ селедки ежедневно, можетъ только оставаться въ живыхъ, но не больше. Получающее такую порцію животное еле держится на ногахъ и не способно ни на какую, даже самую легкую, работу. Въ случаѣ, если ловъ совершенно не удался, три тысячи людей и тысяча собакъ остаются ни съ чѣмъ во всю долгую, холодную зиму; наступаетъ ужасное бѣдствіе. Хотя въ каждомъ селеніи имѣются запасныя магазины съ рыбою, которые значительно помогаютъ въ нуждѣ, но вполне обезпечить пропитаніе 4000 желудковъ они не могутъ. Помощи же нельзя ждать ни съ какой стороны: Индигирка удалена приблизительно на 800 верстъ, и на такое разстояніе нельзя доставить рыбы въ количествѣ мало-мальски достаточномъ. Съ верхней Колымы точно также ждать нечего, если даже тамъ ловъ и удался, что обыкновенно и совпадаетъ съ неудачей на нижнемъ теченіи; но тамъ вообще рыбы ловится не такъ много, чтобы, за удовлетвореніемъ соб-

ственныхъ нуждъ, ее можно было отсылать въ количествѣ, достаточномъ для помощи во время бѣдствія.

Въ такихъ случаяхъ наступаетъ столь отчаянное положеніе и такое бѣдствіе, о которомъ не можетъ составить себѣ яснаго представленія тотъ, кто не знакомъ съ условіями печальнаго сѣвера и не знаетъ на сколько больше, чѣмъ въ умѣренныхъ широтахъ, во время продолжительной и сильной стужи долженъ принимать пищи и человѣкъ, и животное, чтобы сохранить себѣ жизнь и здоровье.

При такихъ условіяхъ никто не въ состояніи помочь горю, кромѣ чукчей съ ихъ громадными стадами оленей, и они это дѣлали на столько щедро и такъ часто, что, желая оставаться справедливымъ, нельзя достаточно хвалить ихъ и цѣнить эти услуги такъ часто ругаемыхъ варваровъ.

Уже въ началѣ сочиненія было упомянуто, какимъ образомъ съ конца прошлаго столѣтія этотъ народъ началъ вступать въ сношенія съ жителями Колымы. Но обстоятельства, при которыхъ это произошло, играли столь большую роль въ развившихся впоследствии отношеніяхъ чукчей какъ къ ламутамъ, такъ и къ мѣстному колымскому окружному управленію, что кажется не лишнимъ поговорить здѣсь объ этомъ подробнѣе.

Только лѣтомъ 1772 г. чукчи совершенно случайно узнали о томъ, что годъ тому назадъ, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія 1766 года, послѣдовало окончательное уничтоженіе и сожженіе грозной крѣпости Анадырска, которая болѣе столѣтія держала въ страхѣ страну на востокъ отъ Колымы. Понятно, что это извѣстіе вызвало среди нихъ необыкновенное возбужденіе; но очень страннымъ кажется то обстоятельство, что впечатлѣніе оказалось скорѣе угнетающимъ, чѣмъ радостнымъ; чукчи стали жаловаться, что ихъ бросили на произволъ судьбы и отдали въ руки хищническихъ юкагировъ, ламутовъ и коряковъ, которые теперь уже безнаказанно могутъ уводить ихъ стада; они также печалились и о томъ, что теперь имъ уже не откуда будетъ получать безусловно необходимые имъ товары, именно желѣзные

котлы и табакъ. Оказалось, что мѣновая торговля, которая во время лова оленей и рыбы ежегодно велась на нижнемъ теченіи Анадыра, въ Чекаевѣ и Красномъ, не могла уже уничтожиться, а должна была какъ ни на есть возобновиться въ другомъ удобномъ для этого пунктѣ. Такъ какъ укрѣпленіе Анадырскъ было разрушено, то для такого пункта болѣе всего цѣлесообразнымъ казался выборъ укрѣпленія Гижигинска, выстроеннаго въ трехъ верстахъ отъ впаденія Гижиги въ Охотское море. Туда же была переведена большая часть бывшей анадырской команды и перевезены всѣ матеріалы, тогда какъ въ Нижнеколымскъ переселились только 180 казаковъ и духовенство анадырской церкви. Но этотъ пунктъ показался чукчамъ очень отдаленнымъ и поэтому негоднымъ для ежегодной ярмарки. Ближе находился Большой Анюй, который своими прекрасными пастбищами, въ изобиліи находящимися тамъ на горахъ, представлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ удобныя условія для оленьихъ стадъ. Поэтому, вскорѣ по уничтоженіи крѣпости, чукчи стали дѣлать попытки посѣщать Анюй, но въ этомъ отношеніи ихъ въ высшей степени стѣсняло присутствіе юкагировъ и ламутовъ, охотничій районъ которыхъ простирался до упомянутыхъ горъ. Между тѣмъ комиссаръ Зашиверска узналъ о таковыхъ попыткахъ чукчей и вступилъ съ ними въ переговоры. Въ то время этотъ постъ занималъ нѣкто Банеръ, дѣятельный, осмотнительный и дальновидный чиновникъ, ежегодно бывавшій на Колымѣ и обомхъ Анюяхъ, чтобы собирать ясакъ. Къ сожалѣнію Банеръ, повидимому, вовсе не былъ знакомъ съ подробностями отношеній бывшаго гарнизона Анадырска къ чукчамъ, а особенно съ тѣмъ, что въ послѣднее время не только эти отношенія были сравнительно мирны, но что чукчи уже не разъ предлагали платить правильнымъ образомъ ясакъ, если бы ихъ освободили отъ обязательства выдавать заложниковъ, на что они никакъ не могли рѣшиться. Благодаря незнакомству съ этими фактами, Банеръ позволилъ себѣ поступки, которые причинили очень много затрудненій послѣдующимъ исправникамъ. Онъ придерживался того взгляда, что правительство уничтожило

крѣпость Анадырскъ вслѣдствіе невозможности справиться съ чукчами. Поэтому онъ полагалъ, что сдѣлаетъ очень благое дѣло, если постарается какимъ нибудь мирнымъ способомъ приучить ихъ къ Анюю; вовсе упуская изъ виду, что чукчамъ былъ крайне необходимъ торговый пунктъ, Банеръ не только принялъ ихъ предложеніе платить ясакъ, который былъ очень незначительнымъ подъ видомъ того, что чукчи не богаты пушвиной, но и пообѣщалъ имъ выхлопотать отъ правительства ежегодный подарокъ, если они на самомъ дѣлѣ станутъ выплачивать свой ясакъ. Конечно, чукчи охотно согласились на это предложеніе, а Банеръ назначилъ имъ мѣстечко Ангарскъ у впаденія Ангарки въ Большой Анюю, куда онъ предполагалъ приѣзжать регулярно каждую весну и извѣщать о своемъ прибытіи чукчей, къ тому времени собиравшихся на истоки Анадыра. Затѣмъ они должны были являться къ нему и по сдачѣ ясака вести мѣнковой торгъ, подъ его же защитой, въ безопасности отъ юкагировъ и ламутовъ. Свое обѣщаніе выхлопотать имъ отъ правительства подарокъ Банеръ исполнилъ; въ 1788 г. послѣдовала ежегодная ассигновка въ 143 рубля, на которые потомъ постоянно до 1869 г. покупали въ Якутскѣ различные товары въ родѣ табаку, желѣзныхъ котловъ и т. п. и отсылали ихъ чукчамъ чрезъ колымскаго исправника.

Этимъ начались отношенія чукчей къ Колымѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ была сдѣлана важная по своимъ послѣдствіямъ ошибка; съ этихъ поръ чукчи, не въ ихъ собственныхъ глазахъ — они въ томъ ровно ничего не понимали, — но въ глазахъ всѣхъ колымскихъ обитателей, стали занимать особенное положеніе, являясь какъ бы самостоятельнымъ народомъ: ихъ ясакъ не называли уже ясакомъ, а подарками, за которые правительство, въ свою очередь, давало имъ отдарки. Но самымъ сквернымъ было то, что недалекіе исправники полагали, что чукчи представляютъ изъ себя какъ бы чужеземный, самостоятельный народъ, съ которымъ, конечно, можно было вести дипломатическія сношенія, но которому никакъ нельзя было приказывать. Поэтому съ чукчами постоянно обращались не такъ какъ слѣдовало, и только

большому равнодушію, простотѣ и въ общемъ очень спокойному и мирному характеру этого народа можно приписать то обстоятельство, что они не обнаруживали по временамъ большей назойливости, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ.

Какъ долго длились торговыя сношенія на Большомъ Анюѣ съ точностью мнѣ не удалось узнать, но очень вѣроятно, что въ 1805 г., съ упраздненіемъ комиссаріата въ Зашиверскѣ и перенесеніемъ центра управленія Колымскимъ краемъ въ Среднеколымскъ, предпочли перевести и ежегодную ярмарку на Малый Анюй, который для чукчей былъ одинаково хорошъ, а для колымскихъ жителей былъ много удобнѣе, чѣмъ Ангарскъ на Большомъ Анюѣ. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что мѣновой торгъ съ 1810 года производится уже на Маломъ Анюѣ: это хорошо еще помнили въ Нижнеколымскѣ и говорили, что въ скоромъ времени послѣ того были изданы такъ называемые законы Трескина, о которыхъ и пойдетъ сейчасъ рѣчь.

Сначала торговали на маломъ островкѣ на Анюѣ, приблизительно въ 10 верстахъ выше того мѣста, гдѣ торгъ ведется теперь. Каждую весну туда приплывали, съ одной стороны, колымскіе жители, а съ другой — приходили чукчи и торговали подъ наблюденіемъ мѣстной полиціи. Въ общемъ дѣла шли довольно мирно и дружелюбно. Колымскіе жители были очень довольны, что могли торговать, не пускаясь въ затруднительное путешествіе на лодкахъ вдоль берега Ледовитаго океана; чукчи тоже не могли желать ничего лучшаго, какъ такого случая сбывать русскимъ съ большой выгодой товары, полученные ими въ обмѣнъ отъ американскихъ прибрежныхъ племенъ. Такое, въ общемъ благопріятное, положеніе дѣлъ тѣмъ не менѣе не рѣдко нарушалось отдѣльными непріятными препирательствами; по принятому обыкновенію за всѣ подобныя происшествія считали отвѣтственными, конечно, чукчей, ихъ дикость и страсть къ дракамъ. Исправникъ или комиссаръ, какъ его въ то время еще называли, имѣлъ достаточно сильную власть, чтобы судить и рядить въ такихъ случаяхъ, и справлялся очень хорошо съ ламутами

и юкагирами безъ всякой помощи свыше. Но пагубное убѣжденіе, что чукчи-де иноземное и независимое племя, отдѣльныхъ членовъ котораго нельзя прибрать хорошенько къ рукамъ, если они вели себя непристойно, заставляло комиссаровъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ надо было дѣйствовать справедливо и энергично, прибѣгать къ просьбамъ и убѣжденіямъ; такими средствами, конечно, нельзя было вводить порядокъ среди возбужденныхъ, препирающихся дикарей и полудикарей. Вслѣдствіе слабости и ненаходчивости комиссаровъ при подобныхъ обстоятельствахъ часто случались схватки, оканчивавшіяся вплось и рядомъ кровавымъ побоищемъ и бывшія далеко не шуточными при такомъ стеченіи многихъ сотенъ вооруженныхъ людей, изъ которыхъ нѣкоторые — напр. чукчи съ одной стороны, а ламуты и юкагиры съ другой — были испоконъ вѣковъ непримиримыми врагами. Для рѣшенія споровъ приходилось тогда обращаться къ высшимъ инстанціямъ, а такъ какъ Якутскъ въ то время управлялся изъ Иркутска, то одно подобное дѣло попало на разсмотрѣніе иркутскаго губернатора Трескина, который посмотрѣлъ на него очень серіозно и приказалъ произвести подробное слѣдствіе. Разсмотрѣвъ доставленный матеріалъ, Трескинъ нашелъ три главные пункта, которые составляли причину всѣхъ споровъ и препирательствъ. Во первыхъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что чукчи очень боязливый, но легко возбуждающійся народъ, который еще вовсе не привыкъ вести дѣла съ другими людьми такъ, чтобы представлять возникающіе споры на разсмотрѣніе судей или какихъ либо другихъ авторитетовъ; чукчи всегда сами ищутъ удовлетворенія при помощи кулака или оружія. Во вторыхъ, Трескинъ нашелъ очень вреднымъ то обстоятельство, что купцы продавали чукчамъ въ долгъ: съ одной стороны они вводили полудикарей въ искушеніе брать въ долгъ больше, чѣмъ они могли впоследствии уплатить, а съ другой — сами купцы при расчетахъ поступали, повидимому, не съ безупречной честностью. Въ томъ и другомъ случаѣ являлся поводъ къ недовольству и основаніе для ссоръ, которыхъ нужно было во что бы то ни стало из-

бѣгать. Въ третьихъ, изъ доставленныхъ губернатору свѣдѣній выяснилось, что при мѣнновой торговлѣ на Колымѣ не малую роль играетъ водка, не смотря на самое строгое запрещеніе продавать спиртные напитки сибирскимъ инородцамъ. На основаніи собранныхъ данныхъ и вытекающихъ изъ нихъ слѣдствій Трескинъ установилъ для ярмарки на Анюѣ торговыя правила, которыхъ всякій, кто бы онъ ни былъ и къ какому племени ни принадлежалъ, долженъ былъ обязательно придерживаться подѣ страхомъ, въ противномъ случаѣ, тотчасъ же быть удаленнымъ съ ярмарки съ потерей права являться на нее впослѣдствіи.

Руководящія параграфы этихъ правилъ были слѣдующіе:

1) Чукчи должны были располагаться своей стоянкой отдѣльно и въ сторонѣ отъ другихъ племенъ, имѣли право являться на ярмарку только днемъ, и вообще не смѣли покидать мѣста своей стоянки въ ночное время.

2) Другія племена, въ томъ числѣ и русскіе, могли посѣщать мѣсто остановки чукчей только днемъ.

3) Если на стоянкѣ чукчей обнаружилось воровство и доказано, что ночью былъ тамъ кто либо изъ другихъ племенъ, причемъ совершенно безразлично кто именно, то потерпѣвшій чукча долженъ былъ во что бы то ни стало быть вознагражденнымъ. Вслѣдствіе этого, покрывать убытки пострадавшаго должны были купцы, если имъ не удавалось обнаружить вора; до тѣхъ поръ пока это не было исполнено, разрѣшеніе открывать торговлю не получалось.

4) Съ чукчами можно было торговать исключительно на наличныя. Нельзя было подавать жалобъ на долги чукчи; чукча тоже не могъ жаловаться, что ему долженъ русскій; помимо этого должникъ исключался изъ числа посѣтителей ярмарки.

5) Въ торговыхъ дѣлахъ съ чукчами слѣдующіе товары были исключены изъ продажи по вольной цѣнѣ: бобры, всякіе сорта лисицъ, куница и моржевые бивни. Всѣми этими предметами можно было торговать только по установленной раньше таксѣ, отъ которой никто не имѣлъ права отступить.

6) Имѣть при себѣ водку, даже для собственнаго употребленія, строжайшимъ образомъ воспрещалось; всѣ отправлявшіеся на ярмарку осматривались съ этою цѣлью; если-же у кого нибудь оказывалась водка, то онъ разъ на всегда лишался права принимать участіе въ ярмаркѣ.

Кромѣ того въ правилахъ было много частныхъ, но перечисленные параграфы составляютъ самыя главныя и основныя положенія, на основаніи которыхъ въ послѣдующее время велась вся торговля. Островное, такъ называлось селеніе на Анюйскомъ островѣ, вскорѣ затѣмъ было разрушено наводненіемъ, почему на лѣвомъ берегу, въ мѣстѣ, защищенномъ отъ наводненія, въ 10 приблизительно верстахъ книзу, было выстроено другое поселеніе. Обширное мѣсто обнесено было высокимъ деревяннымъ заборомъ, имѣвшимъ только одни входныя ворота, охраняемые постоянно въ теченіи дня стражей и запиравшіяся къ ночи. Внутри забора помѣщались—маленькая часовня, квартира исправника, нѣсколько лавокъ и множество небольшихъ деревянныхъ домиковъ, выстроенныхъ для себя колымскими жителями. Такъ какъ это селеніе во всю остальную часть года совершенно пустовало, то передъ началомъ ярмарки необходимо было очищать мѣсто отъ снѣга, а также запастись топливомъ и т. п. Для этой цѣли въ извѣстное время туда отправляютъ всегда нѣсколькихъ казаковъ, которые исполняютъ указанную работу и обыкновенно остаются тамъ до тѣхъ поръ, пока не получаютъ извѣстія о приближеніи чукчей. Тогда они ѣдутъ въ Нижнеколымскъ и даютъ объ этомъ знать; послѣ того дается разрѣшеніе отправляться на Анюй каждому, кто пожелаетъ. По прибытіи туда всѣ народности, т. е. ламуты, русскіе, юкагиры и т. д. могутъ начинать свои занятія; но чукчи въ это время имѣютъ право торговать только оленьими шкурами и другими произведеніями оленеводства, — торговля цѣнными мѣхами запрещена имъ до тѣхъ поръ, пока исправникъ не назначитъ на то особаго дня. Пока же происходятъ совѣщанія купцовъ съ чукчами. Въ этихъ переговорахъ условливаются по сколько различныхъ мѣховъ должны платить

чукчи за пудъ хорошаго и сухаго табаку, т. е. махорки (черкасскій табакъ). Табакъ кладется въ основаніе всей торговли на Колымѣ. Американцы, много разъ наносившіе этой торговлѣ ущербъ тѣмъ, что, поджидая возвращавшихся изъ Америки чукчей, отбирали у нихъ за водку самыя лучшіе мѣха, потому только и не могли совершенно отвлечь чукчей отъ Анюя, что не имѣли табаку, который по своей крѣпости могъ бы удовлетворить вкусу инородцевъ.

Въ послѣднее время устанавливалась обыкновенно слѣдующая такса:

Одинъ пудъ (40 русскихъ фунтовъ) черкаскаго табаку со-
отвѣтствовалъ:

- 10 краснымъ лисицамъ
- или 5 сиводушкамъ (31)
- » 5 бобрамъ
- » 10 куницамъ
- » 4 моржовымъ бивнямъ по 10 фунтовъ каждый.

Два пуда табаку приравниваются одной чернобурой лисицѣ.

Когда цѣны на товары были установлены, въ присутствіи полиціи и представителей купечества, табакъ раскладывался въ одно- и двухпудовые мѣшки, взвѣшивался и послѣ того, какъ вѣсъ оказывался надлежащимъ, — запечатывался. Во время этой процедуры чукчи ежедневно приходятъ къ купцамъ и ведутъ переговоры о дѣлахъ. Сдѣлки заключаются на приведенныхъ выше основаніяхъ, но самый обмѣнъ можетъ происходить только публично и въ опредѣленное время. Это бываетъ только послѣ того, какъ представители чукчей и купечества заявили исправнику, что все готово и торгъ можетъ начаться. Торговля происходитъ на льду Анюя въ присутствіи исправника и продолжается одинъ день. Въ этотъ день на основаніи выше упомянутыхъ правилъ можетъ происходить только мѣна мѣховыхъ товаровъ на табакъ, всякія другія сдѣлки запрещены. На слѣдующій день, а если нужно, такъ и на третій, точно также ведутъ мѣновую торговлю; кушцы предлагаютъ желѣзные товары: топоры, котлы, ножи,

ружья и т. п., а чукчи — моржевые или тюленьи ремни, моржевые бивни, оленьи кожи и другие предметы оленеводства, изъ которыхъ особенно видную роль играютъ выдѣланныя въ видѣ замши оленьи шкуры. По окончаніи сдѣлокъ, продолжающихся въ общемъ итогѣ 10—12 дней, всѣ участвующіе въ ярмаркѣ оставляютъ мѣсто торговли, которое въ теченіе остальнаго года совершенно пустоуетъ. Въ такомъ родѣ, какъ это здѣсь рассказано, ярмарка и велась ежегодно со времени изданія правилъ Трескина; правила эти оказались очень хорошими и весьма практичными: всякія недоразумѣнія прекратились благодаря тому, что обѣ стороны, будучи обязаны строго придерживатьсь всѣхъ пунктовъ, пріучились вести дѣла дружелюбно, а потому попривыкли другъ къ другу. Хорошо торговали не только одни русскіе, но и чукчи, очень выгодно перепродававшіе табакъ жителямъ Америки, которыхъ они называли кергаулами.

Какъ однако ни была важна мѣновая торговля для обѣихъ сторонъ,—все же ярмарка имѣла еще другое, болѣе важное значеніе въ томъ отношеніи, что она ставила чукчей все въ болѣе и болѣе близкія отношенія къ Колымѣ, а впоследствии повела къ тому, что самые богатые изъ нихъ, наиболѣе состоятельные изъ стадовладѣльцевъ, переселились въ область этой рѣки. Вслѣдъ за уничтоженіемъ Анадырска, чукчи, опасаясь ламутовъ и юкагировъ, удалились на крайній сѣверо-востокъ, къ Берингову проливу, такъ что самыя западныя мѣста ихъ пребыванія не выходили изъ предѣловъ Чаунской губы. Особенно густо населяли они островъ Айоку, заслоняющій входъ въ названную губу, мѣстность отъ мыса Эрри до Рыр-кайпи, и далѣе землю, прилежащую къ мысу Пээкъ. Но подобное удаленіе было чисто вынужденнымъ и становилось для самихъ чукчей крайне тяжелымъ благодаря тому, что они были почти совершенно лишены топлива. Внутренность своей небольшой палатки, сдѣланной изъ шкуръ, они могли еще кое-какъ нагрѣть тюленьимъ жиромъ, но для варки кушанья имъ приходилось довольствоваться исключительно лѣсомъ, выброшеннымъ волной на берегъ моря. Лѣсъ этотъ въ

мѣстахъ необитаемыхъ собирается иногда въ значительномъ количествѣ, но быстро исчезаетъ въ мѣстахъ населенныхъ, потому что ежегодно его прибываетъ и выкидываетъ на столько мало, что далеко не хватаетъ на удовлетвореніе потребностей даже самаго рѣдкаго населенія. Чукча — человѣкъ очень закаленный: онъ можетъ просуществовать и вовсе безъ топлива, какъ это доказываютъ, напр., пастухи, проводящіе все время у своихъ стадъ; но особеннаго удовольствія онъ въ этомъ вовсе не видитъ: чукча очень хорошо умѣетъ цѣнить теплоту и охотнѣе ѣстъ вареное мясо, чѣмъ сырое, хотя послѣднее ему и кажется настолько вкуснымъ, что онъ употребляетъ его въ пищу, для разнообразія, даже и въ томъ случаѣ, если не терпитъ недостатка въ топливѣ.

Какъ только чукчи увидѣли, что ихъ принимаютъ дружелюбно, а тѣмъ болѣе убѣдились въ томъ, что имъ рѣшительно нечего бояться нападеній на ихъ стада со стороны русскихъ, они стали придвигаться къ Колымѣ все ближе и ближе, и въ концѣ концовъ заняли своими стадами всю область двухъ Анюевъ, за исключеніемъ самаго нижняго теченія этихъ рѣкъ. Съ жителями Колымы они находились въ наилучшихъ отношеніяхъ и все шло бы прекрасно, если бы нашлось средство улаживать по справедливости отдѣльные случаи различныхъ непріятностей, которые встрѣчаются не только тутъ, но и повсюду на свѣтѣ. Въ сношеніяхъ русскихъ съ другими инородцами Сибири давно установился уже такой порядокъ: исправникъ обращался къ старостѣ, начальнику надъ своимъ родомъ, приказывалъ ему представить виновнаго, затѣмъ держалъ судъ, а рѣшеніе приводилъ въ исполненіе либо самъ, либо приказывалъ исполнить его старостѣ. Но этотъ простой и въ высшей степени практичный *modus vivendi* не могъ примѣняться къ чукчамъ, потому что среди нихъ не было такихъ начальствующихъ лицъ. Эта странная анархія бросалась въ глаза уже во время бывшей войны съ чукчами. Никогда не приходилось имѣть дѣла съ признаннымъ главой всего народа или даже съ главой какого либо рода, но всегда казалось, что руководителями небольшихъ группъ выступали всякій разъ

какіе нибудь лица особенно богатые и потому пользовавшіеся уваженіемъ и властью; вмѣстѣ съ тѣмъ было ясно, что такого рода полномочія сами по себѣ были очень незначительны, да и продолжались очень короткое время. Никогда нельзя было придти къ какому либо обязательному соглашенію съ приходившими къ русскимъ депутатами; они всегда предупреждали, что пришли только за тѣмъ, чтобы разузнать чего отъ нихъ требуютъ и сообщить объ этомъ своимъ соплеменникамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавляли, что условія соглашенія должны считаться обязательными только для тѣхъ, кто принялъ ихъ лично. Никогда не приходилось имѣть дѣло съ народомъ, или съ какимъ нибудь отдѣльнымъ его племенемъ, но всегда только съ извѣстнымъ количествомъ отдѣльныхъ лицъ, изъ которыхъ каждый могъ поступать по своему усмотрѣнію. Несомнѣнно, что при мирномъ характерѣ чукчей, даже при анадырскихъ порядкахъ, уже давно удалось бы придти къ соглашенію, удовлетворяющему обѣ стороны, если бы только у нихъ было какое нибудь начальствующее лицо (какъ оно существуетъ у всѣхъ остальныхъ народовъ Сибири), съ которымъ можно было бы вести переговоры.

Замѣчательно, какъ можетъ существовать народъ безо всякихъ начальствующихъ лицъ. Это можно объяснить себѣ только условіями жизни оленеводовъ, гдѣ каждый живетъ отдѣльно, самъ по себѣ и на большомъ разстояніи отъ своего ближайшаго сосѣда. Такая жизнь даетъ возможность избѣгать безчисленныхъ поводовъ для споровъ и недоразумѣній, столь часто встрѣчающихся у осѣдлыхъ народовъ, но бывающихъ много рѣже у кочевниковъ. Тѣмъ не менѣе видимъ же мы, что и кочующіе народы создаютъ себѣ начальствующихъ лицъ, и даже народы, которые принуждены вести столько же изолированный образъ жизни, какой выпалъ и на долю чукчей. По этой причинѣ, объясненіе такого страннаго явленія должно заключаться не въ одной изолированности. По моему мнѣнію слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что чукчамъ съ самаго начала не приходилось защищать свою землю отъ враждебныхъ сосѣдей, да и сами они никогда не совершали

завоевательныхъ походовъ. Въ обыкновенныхъ случаяхъ, для живущаго въ одиночку номада вполне достаточно власти главы семьи, который существуетъ, конечно, и у чукчей и умѣетъ отлично держать въ повиновеніи своихъ чадъ и домочадцевъ. Но какъ скоро кочевниковъ тѣснить врагъ, имъ необходимъ начальникъ; изъ этой необходимости, вѣроятно, и выработалось повсюду возрѣніе на неизбѣжность начальства. За исключеніемъ Чукотской Земли врядъ ли существуетъ другой населенный клочекъ въ мірѣ, который не подвергался бы нападеніямъ разбойничьихъ сосѣдей; только одни чукчи совершенно недоступны въ своемъ естественномъ укрѣпленіи. Изъ исторіи мы, конечно, знаемъ, что чукчи находились въ постоянной враждѣ съ коряками; даже Анадырское укрѣпленіе было вовлечено въ войну съ чукчами только коряками. Но это были не болѣе, какъ пограничныя разбойническія набѣги, исходившіе почти исключительно отъ коряковъ и вызывавшіе въ отместку только оборонительныя дѣйствія со стороны чукчей. Для подобныхъ дѣйствій, имѣвшихъ всегда характеръ быстрого, неожиданнаго нападенія, оканчивавшагося угономъ стадъ, не было никакой нужды въ предводителѣ: набѣги исполнялись нѣсколькими главами семей. Въ самую же землю чукчей не вторгался никто ни до маіора Павлуцкаго, ни послѣ него; его вторженіями и объясняется необычайный страхъ чукчей передъ этимъ человѣкомъ; если бы такого рода походы продолжались еще нѣкоторое время, то очень возможно, что и у чукчей появились бы начальники, или они привели бы въ исполненіе свое намѣреніе переселиться въ Америку, къ чему были уже на полпути.

Въ тѣ старинныя времена и отношенія чукчей другъ къ другу были въ высшей степени просты. Будучи владѣльцами стадъ или рыболовами, они жили въ одиночку,—кому тамъ было судиться да рядиться? Но съ теченіемъ времени столь простыя условія должны были видоизмѣниться, а прежнее, повидимому болѣе равномѣрное, распредѣленіе имущества измѣнилось къ выгодѣ однихъ и къ невыгодѣ другихъ. Морское побережье

замѣтно обѣднѣло рыбою, стада сѣверныхъ оленей часто въ конецъ уничтожались эпизоотіями, почему многіе состоятельные люди обратились въ нищихъ. Съ другой стороны, особенно въ области обѣихъ Анюевъ, стадовладѣльцы разбогатѣли по тамошнимъ условіямъ до колоссальныхъ размѣровъ. Но еще болѣе усложнило дѣло то обстоятельство, что торговля на Анюѣ породила среди чукчей купеческое сословіе, котораго прежде не было. Древнѣйшія торговыя сношенія чукчей огравичивались мѣнковой торговлей ихъ съ жителями Америки, которыхъ они называли кергаулами. Земля чукчей имѣетъ очень бѣдную фауну, какъ относительно числа видовъ, такъ и по числу особей; особенно мало въ этой землѣ пушныхъ звѣрей, за исключеніемъ только волка. Послѣдній попадаетъ довольно часто, лисица и остальные хищники необыкновенно рѣдки, а соболь и куница вовсе не встрѣчаются. Наоборотъ, кергаулы, не держащіе оленей, а ѣздящіе на собакахъ, имѣютъ полную возможность добывать въ высшей степени цѣнные мѣха, — прекраснѣйшихъ красныхъ лисицъ, такъ наз. огневокъ, чернобурыхъ лисицъ, песцовъ — особенно голубыхъ, очень рѣдкихъ въ Сибири — и первосортной доброты куницъ; за нихъ они вымѣниваютъ олени шкуры, крайне имъ необходимыя въ ихъ суровомъ климатѣ. Поэтому съ самыхъ древнихъ временъ между чукчами и американцами установились сношенія, которыя росли и укрѣплялись къ пользѣ обѣихъ народовъ. Сношенія эти состояли въ простой мѣнѣ того, что стадовладѣлецъ считалъ для себя излишнимъ, а поэтому не требовали никакого посредничества; и въ послѣдующее время торговля на Анадырѣ не переходила также очень скромныхъ границъ. Только съ открытіемъ ярмарки на Анюѣ послѣдовалъ значительный приливъ русскихъ товаровъ, а среди чукчей съ этого времени образовалось собственно торговое сословіе изъ людей, единственное занятіе которыхъ заключалось въ томъ, чтобы мѣнять пріобрѣтенные на Анюѣ и столь же важныя кергауламъ котлы на цѣнные мѣха, которые въ свою очередь переходили въ руки русскихъ купцовъ. Такого

рода торговцы принуждены совершать дважды въ году длинное и затруднительное путешествіе и, собственно говоря, цѣлый годъ по ихъ словамъ уходитъ у нихъ на эти поѣздки и дѣла, изъ коихъ тѣ, которыя имъ приходится вести съ кергаулами (32), очень трудны и опасны.

Какъ бы тамъ ни было, но социальныя условія среди чукчей сдѣлались много сложнѣе и запутаннѣе и требовали очень часто начальническаго разбирательства и рѣшенія, которыхъ однако не было. Поэтому вполне вѣроятно, что не всегда все шло у нихъ какъ слѣдуетъ и что грабежи и убійства были тоже не неслыханными вещами. Такъ напр., надѣлало много шума исчезновеніе одного извѣстнаго богатаго чукчи, Леута, о которомъ часто упоминалъ и Врангель. Однажды онъ не явился на ярмарку, причемъ нельзя было хорошенько разузнать, заболѣлъ ли онъ, или съ нимъ произошло какое нибудь приключеніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ прибылъ одинъ изъ его бывшихъ помощниковъ и выдавалъ себя торгующимъ по порученію отсутствующаго своего хозяина, Леута. Въ слѣдующемъ году появился тотъ же самый помощникъ, но торговалъ значительнымъ количествомъ товара уже отъ собственнаго имени; про Леута же никогда нельзя было ничего больше узнать. Со времени этого происшествія прошло слишкомъ тридцать лѣтъ тогда, когда я посѣтилъ Анюй; это дѣло, о которомъ я случайно услышалъ въ Колымскѣ, меня заинтересовало, а потому я выспрашивалъ у хорошо мнѣ знакомыхъ чукчей не знаютъ ли они чего нибудь о смерти Леута. Мнѣ казалось, что они неохотно распространялись объ этомъ дѣлѣ, давали уклончивые отвѣты, а въ концѣ концовъ увѣряли, что ничего о немъ не знаютъ. И дѣйствительно, вполне вѣроятно, что Леутъ былъ убитъ своимъ слугой, который и велъ впоследствии дѣла при помощи имущества убитаго. Говорятъ, что такіе случаи бывали; но при наклонности колымскихъ обитателей приписывать чукчамъ всевозможные безчестные поступки, нужно крайне осторожно относиться къ такого рода рассказамъ.

Во всякомъ случаѣ для чукчей было очень счастливымъ

обстоятельствомъ, что около тридцатыхъ годовъ одинъ очень богатый чукча, Ятыргинъ, присвоилъ себѣ высшую власть надъ своими соплеменниками и могъ проявлять ее на дѣлѣ. Уже его отецъ былъ очень состоятельнымъ человѣкомъ, жившимъ со своими стадами у Чаунской губы. Отъ капитана Биллингса онъ получилъ двѣ медали — одну серебряную, другую бронзовую, съ вензелемъ императрицы Екатерины — и часто щеголялъ ими. Его же сынъ, Ятыргинъ, прямо началъ съ того, что повѣсилъ ихъ себѣ на шею, выдавая за данные ему правительствомъ служебные знаки, и присвоилъ себѣ на основаніи этого судебную власть. Но однѣхъ медалей было бы, вѣроятно, недостаточно, чтобы оправдать передъ чукчами притязанія на судебную власть; онъ воспользовался для этого совершенно другими средствами, а таковыя были къ его услугамъ и онъ умѣлъ пустить ихъ въ ходъ. Среди номадовъ вообще легче возникаетъ знать, чѣмъ между земледѣльцами. Приобрѣсть громадную стада при счастливыхъ обстоятельствахъ много легче, чѣмъ сдѣлаться собственникомъ большихъ земельныхъ угодій, чего у первобытныхъ народовъ вовсе не встрѣчается. Но большія стада требуютъ и большаго числа вполнѣ зависящихъ отъ своего хозяина подчиненныхъ, содержаніе которыхъ необыкновенно облегчается самими стадами. Этимъ путемъ возникаютъ такія отношенія, что появляется повелитель и безусловно повинующіеся; такой порядокъ продолжается по наслѣдству и тѣмъ становится все устойчивѣе и нормальнѣе. Далѣе, при маломальски ловкомъ способѣ дѣйствій, состоятельный стадовладѣлецъ легко приобретаетъ высшую власть, благодаря тому, что богатый всегда имѣетъ возможность доставить массѣ бѣдныхъ источникъ къ существованію, который привязываетъ къ нему бѣдняковъ безъ большихъ съ его стороны жертвъ: благотворительность не уменьшаетъ численности стада, разъ послѣднія перешли за извѣстное число головъ (33). Ятыргинъ пошелъ именно этимъ путемъ и съумѣлъ распространить свое господство даже на своего сына. Каждого онъ требовалъ къ себѣ на судъ, постановлялъ рѣшеніе и тотчасъ

же приводилъ его въ исполненіе, большою частью награждая виновника значительнымъ количествомъ сильныхъ ударовъ. Никогда не случалось, чтобы ему не повиновались, или даже рѣшались не явиться къ нему, когда его посланецъ являлся съ подобнымъ требованіемъ. Даже въ его преклонные дни, когда онъ уже не могъ хорошо ходить, онъ заставлялъ виновнаго стать передъ нимъ на колѣни, приподымался со своего мѣста и доказывалъ, что руки его тѣмъ не менѣе достаточно еще сильны, чтобы вызвать уваженіе къ его рѣшенію. Онъ умеръ въ очень преклонныхъ лѣтахъ, а чукчи и теперь еще прославляютъ его за то, что при всей своей строгости онъ былъ всегда справедливъ въ своихъ рѣшеніяхъ и что ни одинъ голодный не уходилъ изъ его палатки безъ того, чтобы не насытиться. Сынъ его, Амвръ-оргинъ, пошелъ по слѣдамъ отца; онъ покинулъ Чаунскую губу и перенесъ свое мѣстопробываніе на источники Большаго Анюя, гдѣ его необъятныя стада чувствовали себя превосходно. Самъ уже очень богатый, онъ сосваталъ своихъ сына и дочерей тоже за очень богатыхъ чукчей, такъ что вокругъ его дома образовалась сила, которой ничего не могло противостоять. Стройный, высокаго роста, славившійся умѣніемъ владѣть копьемъ, онъ уже самъ по себѣ производилъ на своихъ соплеменниковъ сильное впечатлѣніе. Но и въ отношеніи умственныхъ и нравственныхъ качествъ онъ представлялъ изъ себя — или вѣрнѣе и теперь представляетъ, такъ какъ, на сколько мнѣ извѣстно, онъ еще живъ, — положительно выдающуюся личность. Не будучи, въ противоположность своему отцу Ятыргину, грубымъ и жестокимъ, онъ такъ превосходно понимаетъ средства, при помощи которыхъ онъ долженъ управлять своимъ народомъ, что просто можно удивляться. Каждое изъ его приказаній исполняется безпрекословно, даже богатые и властные чукчи говорятъ съ нимъ и являются передъ нимъ со знаками высочайшаго уваженія и глубокой преданности.

И такъ, мы видимъ, сила обстоятельствъ сдѣлала то, чего не доставало для нормальности отношеній чукчей къ колымскимъ

жителямъ; хотя вліяніе Амвраоргина и было по своему существу узурпированнымъ, но оно все же было признаннымъ, а бѣльшаго на первыхъ порахъ и не требовалось. Исправнику слѣдовало бы всѣ свои распоряженія относительно чукчей дѣлать и приводить въ исполненіе черезъ одного Амвраоргина и изъ простаго обычія, въ сравнительно непродолжительномъ времени, развились бы правовыя отношенія. Къ сожалѣнію, вышло не такъ. Между чукчами, ежегодно посѣщавшими ярмарку на Анюѣ, съ теченіемъ времени возникла рознь, которая съ годами все больше и больше обострялась. Сюда являлись съ одной стороны собственно чукчи-оленоводы, торговавшіе преимущественно произведеніями своихъ стадъ, — шкурами, кожами и т. п., а съ другой — чукчи-торговцы съ мыса Пээкъ, такъ наз. носовые чукчи (34). Большая часть первыхъ признавала надъ собою главенство Амвраоргина, а тѣ, которые не признавали, по крайней мѣрѣ не противились ему открыто. Носовые же чукчи ничего не хотѣли знать о немъ, но тѣмъ не менѣе должны были ему подчиняться въ виду того, что исправникъ могъ держать ихъ крѣпко въ рукахъ при помощи правилъ Трескина. Между ними особенно выдавался нѣкто Хотто, порядочный сорви-голова, о которомъ циркулировали среди народа различные разбойничьи рассказы и который частенько велъ себя на ярмаркѣ очень нахально. Онъ ничего не хотѣлъ и слышать о главенствѣ Амвраоргина, утверждая что онъ глава носовыхъ чукчей. Вслѣдствіе же того, что его соплеменники съ мыса Пээкъ фактически подчинялись ему безусловно, одинъ исправникъ, Шевелевъ, попалъ въ просакъ, признавши его тѣмъ, за кого онъ себя выдавалъ; онъ выхлопоталъ ему отъ правительства даже золотую медаль, тогда какъ Амвраоргинъ ея не имѣлъ и носилъ медали, полученныя чрезъ Биллингса, не имѣя на то, впрочемъ, никакого законнаго права кромѣ наслѣдства (35). Это обстоятельство очень повредило Амвраоргину въ глазахъ чукчей и потребовались весь его умъ и все его умѣнье пользоваться бывшими въ его распоряженіи средствами для того, чтобы удер-

жать въ повиновеніи по крайней мѣрѣ чукчей-оленеводовъ на двухъ Анюяхъ. Последнее ему вполне удалось, но къ величайшему его сожалѣнію и досадѣ, власть его не распространялась дальше этихъ рѣкъ.

Тѣмъ не менѣе власть Амвраоргина была все же очень велика и центръ ея тяжести находился какъ разъ тамъ, гдѣ она была всего важнѣе, т. е. она распространялась на тѣхъ именно чукчей, которые чаще всего могли приходиться въ соприкосновеніе съ колымскими жителями. Поэтому въ спорныхъ вопросахъ можно было всегда обращаться къ его содѣйствію, когда удавалось его разыскать: область Большаго Анюя очень велика, а онъ къ тому же по нѣсколько разъ въ годъ мѣнялъ свое мѣсто-пробываніе, какъ дѣлаютъ это всѣ чукчи ради своихъ стадъ. Но во всякомъ случаѣ уже одно его присутствіе на Анюѣ было большой гарантіей порядка и не мало приносило пользы. Выгоднѣе же всего было то обстоятельство, что чукчи съ одной стороны располагали большими богатствами, а съ другой — были довольно-таки безпомощны. Они прекрасные стадоводы и превосходятъ этимъ искусствомъ всѣхъ остальныхъ инородцевъ Сибири. Стада въ 2—3000 головъ доставляютъ человѣку извѣстное положеніе; 5—8000 головъ не составляютъ большой рѣдкости; но у Амвраоргина насчитывается до 40,000 животныхъ, а у нѣкоторыхъ изъ его богатыхъ и самыхъ вѣрныхъ приверженцевъ было по 20 и 25,000 оленей. Но далѣе оленеводства чукчи не идутъ: то, что имъ требуется изъ домашнихъ принадлежностей, желѣзныя, деревянныя издѣлія и другіе необходимые предметы, они покупаютъ; чукчи-оленеводы неохотно занимаются даже рыбной ловлей, хотя и очень любятъ рыбу. Вслѣдствіе этого является масса случаевъ, въ которыхъ бѣднѣйшіе изъ колымскихъ жителей могутъ оказать чукчамъ услуги; во время голодовокъ послѣднія предлагаются даже въ излишкѣ, просто за пищу и теплую одежду, которыя всегда и доставляются чукчами съ неисчерпаемымъ добродушіемъ и щедростью. Должно считать за большое счастье для всего края, что чукчи такъ хо-

рошо сошлись съ остальнымъ населеніемъ; лишь благодаря существованію такихъ добрыхъ отношеній и возможно успѣшно бороться съ послѣдствіями неудачнаго рыбнаго лова, о которомъ упоминалось выше; но кромѣ того съ помощію ихъ не только уравнивается, но и съ избыткомъ вознаграждается годъ отъ году все болѣе бросающійся въ глаза упадокъ торговли пушшиной, которая въ скоромъ времени, пожалуй, дойдетъ до самыхъ малыхъ размѣровъ. Дѣло въ томъ, что тунгузы, ламуты и юкагиры, единственные ивородцы, занимающіеся оленеводствомъ въ сколько нибудь порядочныхъ размѣрахъ, никакъ уже не въ состояніи удовлетворять все болѣе и болѣе растущій въ Якутской области спросъ на олени шкуры для зимнихъ одеждъ. Этого рода торговля дѣла значительно расширились въ послѣдніе годы, передъ моимъ посѣщеніемъ ярмарки, и очевидно, что они будутъ еще оживленнѣе, если устранятся тѣ препятствія, которыя стоятъ еще имъ на пути. Для этого необходимо было привлечь чукчей какъ можно далѣе на западъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ мало по малу слить и сравнять ихъ въ правахъ и обязанностяхъ съ остальнымъ населеніемъ области. Того же желали и сами чукчи. Еще въ 1866 г. Амвраоргинъ говорилъ мнѣ, что на Анияхъ чукчамъ становилось уже тѣсно, что ихъ стада очень велики, а потравленные оленями моховыя пастбища могутъ поправляться только черезъ четыре года, почему уже часто случались въ нихъ недостатки. Далѣе, по его словамъ, необходимо разбивать стада и отдѣлять ихъ другъ отъ друга большими пространствами; стада у нихъ доходятъ до 6—8000 головъ, но это очень скверно въ виду того, что при появленіи ящура погибаетъ обыкновенно все стадо, такъ какъ противъ этой заразной болѣзни нѣтъ никакихъ средствъ. Вслѣдствіе этого никогда не слѣдовало бы имѣть стада болѣе, чѣмъ въ 2000 головъ, да и эти надо пасти такъ, чтобы между ними были большіе промежутки; но для этого не достаетъ мѣста. Хотя въ предѣлахъ собственно Земли Чукчей и довольно мѣста, но имъ туда не хотѣлось бы возвращаться: они облюбовали себѣ большую

тундру между Алазеей и Кольмой, гдѣ, какъ они убѣдились, въ изобиліи есть хорошая пища для сѣверныхъ оленей.

Съ другой стороны, уже тогда оказалось, что правила Трескина, которыя по существу своему были направлены все же противъ чукчей, необходимо измѣнить въ ихъ отдѣльныхъ основныхъ пунктахъ, давно утратившихъ всякое значеніе. Сами чукчи чувствовали себя несправедливо стѣсненными этими правилами и нѣсколько лѣтъ тому назадъ начали ѣздить съ мыса Пээкъ на Анадырь, куда также собирались изъ Гижигинска купцы съ товарами и гдѣ чукчи могли торговать безъ всякихъ правилъ, по свободному соглашенію. Къ тому же, еще при посѣщеніи ярмарки въ 1866 г., я убѣдился, что сами купцы, постоянно между собою спорившіе и старавшіеся перебивать другъ у друга становившіеся все рѣже и рѣже чукотскіе товары, давнымъ давно нарушили самый основной изъ пунктовъ правилъ, — торговать только на наличныя. Послѣдовало это на основаніи крайне іезуитскаго толкованія правилъ въ томъ смыслѣ, что они относятся только до торговли мѣхами и до мѣны на ярмаркѣ. Поэтому, исключительно для соблюденія формы составлялась такса да развѣшивался и запечатывался табакъ, чтобы казалось, что ни та, ни другая сторона не имѣютъ преимущества. Но во время совѣщаній, когда купцы принимали къ себѣ торговцевъ изъ чукчей, дѣлались темныя дѣлишки, которыя должны были держаться подъ строгимъ секретомъ. Напр. чукчѣ, — жаловавшемуся на то, что олени его плохи и что онъ опасается не добратся на нихъ до мыса Пээкъ, — отпускался табакъ или котелъ въ долгъ съ условіемъ возврата за это въ слѣдующемъ году моржовыхъ клыковъ или песцовъ, или какойнибудь другой пушныны, не принадлежавшей къ числу запрещенныхъ. Далѣе, пользуясь тѣмъ, что среди чукчей выдѣлилось вполне самостоятельное сословіе купцовъ, стали толковать, явно нарушая правила, что эти правила относятся исключительно къ чукчамъ-торговцамъ, а не къ живущимъ на Анюѣ чукчамъ-оленеводамъ; вслѣдствіе этого обходили законъ тѣмъ способомъ, что вели мѣну съ торговцами

при посредствѣ ставовладѣльца, отпускали послѣднему, напр., табакъ въ долгъ, а получали отъ него за это мѣха, принадлежавшіе собственно торговцу. Однимъ словомъ, была масса способовъ обхода торговыхъ правилъ, и купцы въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ пользовались ими только для того, чтобы совершенно вытѣснить невыгодную имъ мелочную торговлю; они вовсе не продавали табака до конца ярмарки, объявляя основнымъ пунктомъ правилъ, что продавать табакъ иначе, чѣмъ пудовыми мѣшками не допускается. Когда же правила обращались противъ нихъ самихъ, какъ я напр. поступилъ въ 1866 г., то это непріятно поражало ихъ. Въ послѣднее время стали слишкомъ явно нарушать распоряженія на счетъ строгаго обособленія чукчей отъ остальныхъ посѣтителей ярмарки. Уже очень давно не случалось никакого скандала; чукчей, даже торговцевъ, такъ называемыхъ носовыхъ, перестали вовсе бояться, крѣпко опираясь особенно на власть старика Амвраоргина. Вслѣдствіе этого высокому забору, окружавшему мѣсто торговли, дали придти въ совершенную негодность; но, чтобы формально исполнять законъ, громадныя ворота держали въ полной исправности, затворяли ихъ каждую ночь и ежедневно ставили около нихъ караулъ. Когда я, на слѣдующее утро послѣ моего перваго пріѣзда въ 1866 г. на Анюй, гдѣ мнѣ все было еще ново, подойдя къ окну, попросилъ одного изъ присутствующихъ показать чукчу, меня крайне разсмѣшило то обстоятельство, что указали на двухъ человѣкъ, которые перелѣзали черезъ очень невысокій въ этомъ мѣстѣ заборъ, какъ разъ рядомъ съ крѣпко запертыми воротами. Наканунѣ же, когда я въѣзжалъ, караулъ у воротъ отдалъ мнѣ честь, а унтеръ-офицеръ, начальникъ караула, доложилъ, что все въ исправности и крѣпость — мѣсто торговли тоже зовется крѣпостью — въ полномъ порядкѣ. Само собою разумѣется, что другія подобныя распоряженія тоже не исполнялись, не рѣдко и чукчамъ случалось принимать въ своемъ лагерьѣ ночными посѣтителеми различныхъ личностей, которыя, собственно, не имѣли права бывать тамъ. За день до открытія торговли съ чукчами мнѣ донесли,

что въ лагерѣ чукчей открыли воровство, причемъ у молодаго чукчи былъ похищенъ весь его, правда не очень значительный, товаръ. Хотто, который долженъ былъ первый доложить мнѣ объ этомъ происшествіи, не явился потому, что я сдѣлалъ ему строгій выговоръ тотчасъ же по моемъ пріѣздѣ, когда онъ отрекомендовался мнѣ тоже начальникомъ; я ему прямо заявилъ, что онъ долженъ считать себя не болѣе, какъ помощникомъ Амвраоргина и всѣ свои нужды и желанія обязанъ представлять мнѣ черезъ этого послѣдняго. Такая рѣчь не пришлась ему по вкусу, и онъ не пошелъ просить Амвраоргина идти съ нимъ ко мнѣ; тогда я самъ послалъ за Амвраоргинымъ и разузналъ все дѣло. Палатка была разрѣзана снаружи и мѣшокъ съ мѣхами вытащенъ черезъ это отверстіе. Затѣмъ я призвалъ Хотто, который констатировалъ, что въ лагерѣ чукчей ночью несомнѣнно были посторонніе. При этомъ оба, какъ Амвраоргинъ, такъ и Хотто, просили не давать дѣлу дальнѣйшаго движенія въ виду того, что имъ казалось невѣроятнымъ, чтобы воровство было совершено кѣмъ нибудь изъ немногихъ русскихъ, которые были въ лагерѣ; сами они имѣли подозрѣніе на одного изъ своихъ соплеменниковъ и просили его арестовать.

Но это было не въ моихъ видахъ; мнѣ вовсе не нравилось, что правила, покуда они имѣли еще силу, вообще такъ явно нарушались. Всѣмъ было извѣстно, что цѣлью моего пріѣзда было именно рѣшить, нужны ли еще существующія ограниченія, или нѣтъ; но пока правила эти были еще въ силѣ и просто на просто гласили, что въ случаѣ воровства купцы обязаны вознаграждать потерпѣвшаго, если въ лагерѣ чукчей въ то время былъ посторонній, особенно русскій, и что до полной оплаты убытка мѣновой торгъ не могъ быть открытъ. Поэтому я велѣлъ позвать купеческаго старшину, который, хотя и сдѣлалъ кислую мину, но тѣмъ не менѣе безъ всякаго возраженія обѣщалъ исполнить требуемое. Украдены были одиннадцать бобровъ и одна красная лисица, слѣдовательно требовалось представить нѣсколько болѣе двухъ пудовъ табаку; сборъ его занялъ цѣлый

день, такъ какъ одни желали разложить это количество на всѣхъ купцовъ поровну, другіе предлагали сдѣлать раскладку сообразно съ состояніемъ cadaго. На слѣдующій день вечеромъ принесли мнѣ, наконецъ, табакъ, но безъ мѣшка, такъ какъ таковой не указанъ въ торговыхъ правилахъ; большое неудовольствіе вызвали мои слова, когда я объяснилъ, что желаю имѣть и мѣшокъ, въ противномъ же случаѣ ярмарка не будетъ открыта. Это обстоятельство испортило много крови купцамъ; мѣшокъ нельзя было собрать по частямъ, а никто не хотѣлъ давать его вмѣсто другаго; я получилъ его конечно тоже, но только на слѣдующій день къ полудню, когда чукчи уже ожидали открытія торго на льду. Все ждали, что я не допущу, чтобы всѣ по напрасну собрались на торгъ, и явлюсь; но такъ какъ послѣдняго не случилось, то одинъ рѣшился принести себя въ жертву всѣмъ и все пошло въ исправности.

Теперь началось слѣдствіе. Чукча, котораго Амвраоргинъ имѣлъ въ подозрѣніи, былъ очень молодой парень, уже съ самаго начала казавшійся мнѣ мало подозрительнымъ. Выяснилось только, что въ ночь происшествія онъ не былъ въ своей палаткѣ и не хотѣлъ сказать, гдѣ онъ былъ и что дѣлалъ; но онъ положительно отрицалъ свою причастность къ воровству, а потому пришлось сначала посадить его подъ стражу. Когда его вывели, Амвраоргинъ считалъ вужнымъ дать мнѣ добрый совѣтъ на случай, если парень будетъ продолжать отпираться: онъ совѣтовалъ примѣнить средство, которое всегда оказывается дѣйствительнымъ. Именно, я долженъ былъ велѣть принести толстый шестъ длиною въ ростъ человѣка, приставить его къ спивѣ послѣдняго и затѣмъ тюленьими ремнями (которые совѣтчикъ охотно предоставлялъ мнѣ въ достаточномъ количествѣ) такъ крѣпко привязать, чтобы тотъ не могъ пошевелнуть ни однимъ членомъ, особенно головой. Въ такомъ положеніи я долженъ былъ положить его на полъ и продержатъ безъ пищи, а особенно безъ питья, цѣлый день; онъ не сомнѣвался, что послѣ этого парень перестанетъ отпираться. Но такихъ радикальныхъ мѣръ не по-

требовалось; еще до того какъ Амвраоргинъ на слѣдующее утро явился на дознаніе, сильное подозрѣніе пало на двухъ, пользовавшихся дурной славой лицъ изъ Нижнеколымска, которыми вообще было запрещено посѣщать ярмарку, но которыхъ тѣмъ не менѣе находились по сосѣдству; было доказано, что въ ночь кражи они посѣщали лагерь чукчей. Уличить ихъ однако было тоже невозможно; но съ молодаго чукчи обвиненіе было совершенно снято, такъ какъ оказалось, что вмѣстѣ съ другими парнями онъ участвовалъ въ какомъ-то походе. Амвраоргинъ остался доволенъ этими данными, но просилъ у меня позволенія сдѣлать молодому человѣку внушеніе въ присутствіи всѣхъ и особенно Хотто. Противъ этого я ничего не могъ имѣть. Онъ поднялся съ мѣста и сталъ держать къ стоящему передъ нимъ, согнувшемуся и удрученному, парню длинную и сильную рѣчь, дѣйствіе которой онъ старался подкрѣпить еще тѣмъ, что въ интервалахъ — очевидно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обыкновенно ставятся знаки препинанія — давалъ провинившемуся чувствительные щелчки въ лобъ; затѣмъ онъ приказалъ ему пасть передо мною на колѣни и высалъ вонъ. Мнѣ же Амвраоргинъ объяснилъ, что внушалъ парню, зачѣмъ дескать онъ таскается по ночамъ вмѣсто того, чтобы спать въ своей палаткѣ. Наконецъ привели и обворованнаго; онъ получилъ свой табакъ, отъ чего пришелъ въ сильное волненіе и съ сіяющимъ отъ радости лицомъ выслушалъ рѣчь своего начальника о томъ, чтобы на будущее время онъ лучше смотрѣлъ за своимъ добромъ и пожитками. И такъ, это дѣло кончилось къ общему удовольствію, и только купецъ, доставившій мѣшокъ, ворчалъ, что онъ потерпѣлъ убытокъ изъ за своихъ товарищей.

На основаніи всего того, что я видѣлъ и слышалъ на мѣстѣ, и у меня установилось убѣжденіе, что чукчи, особенно торговцы съ мыса Пээкъ, вовсе не нуждались въ огражденіи особыми постановленіями. Они давнымъ давно были посвящены въ ходячія торговыя уловки и плутни, чувствовали себя очень опытными на этой почвѣ и въ сношеніяхъ съ русскими могли быть постав-

лены, поэтому, на одну доску съ остальными инородцами. Въ виду стеченія столькихъ разнохарактерныхъ элементовъ несомнѣнно надо было позаботиться объ установленіи регламентаціи торговли, но вовсе не было необходимымъ считать чукчей за взрослыхъ ребятъ, какъ это совершенно справедливо признавалось во время изданія правилъ Трескина: чукчи совершенно вышли уже изъ пеленокъ.

Эти объясненія завели насъ нѣсколько далеко въ сторону отъ нити нашего разсказа; но безъ этой картины положенія дѣлъ, которую мы нашли при нашемъ пріѣздѣ, и картины того, какъ исторически слагались эти дѣла, нѣтъ возможности понимать приводимые нами далѣе факты. Теперь вернемся къ разсказу о нашемъ путешествіи.

До прибытія моего каравана я имѣлъ по крайней мѣрѣ двѣ недѣли времени, которое необходимо было утилизировать какъ можно лучше. Пріемъ управленія дѣлами округа былъ быстро оконченъ, такъ какъ мѣстныя бытовыя условія на крайнемъ сѣверѣ, благодаря незначительности населенія, очень просты, а соотвѣтственно этому и весь правительственный аппаратъ не можетъ быть сложнымъ. Самымъ непріятнымъ обстоятельствомъ было то, что въ правительственномъ магазинѣ былъ слишкомъ незначительный запасъ ржаной муки, а находящіеся въ пути транспорты могли прибыть еще не скоро. Мнѣ же необходимо было сдѣлать запасъ сухарей на восемь человѣкъ и на цѣлый годъ, такъ какъ я отправлялся въ неизвѣстную мнѣ мѣстность. Считая только по три четверти фунта сухихъ сухарей на человѣка въ день, и то мнѣ требовалось болѣе пятидесяти пудовъ; взять меньшее количество я не рѣшался, такъ какъ боялся, что мои спутники не будутъ въ состояніи просуществовать на одномъ мясѣ, если мы будемъ принуждены провести холодную зиму на безгнсомъ сѣверѣ. Мнѣ, впрочемъ, удалось собрать необходимое количество муки, но я наткнулся на новыя, совершенно неожиданныя для меня затрудненія; оказалось, что въ Колымскѣ есть всего на всего двѣ очень небольшія пекарни, а потому было

крайне сомнительнымъ, чтобы удалось приготовить столь значительное количество сухарей. Какъ будетъ видно изъ послѣдующаго, мои опасенія въ этомъ смыслѣ были очень основательны, такъ что мы попали впоследствии въ очень непріятное положеніе. Затѣмъ мнѣ пришлось позаботиться на счетъ лошадей для путешествія въ Чукотскую Землю; мнѣ удалось это въ томъ смыслѣ, что я могъ закупить 25 штукъ здоровыхъ животныхъ по 15 рублей каждое. Но всѣ эти лошади совершенно не были приучены къ продолжительному путешествію и надо было опасаться, что онѣ не выдержатъ всѣхъ тягостей въ теченіи долгаго времени. Порода лошадей на сѣверѣ въ высшей степени вынослива, если животныя тренированы какъ слѣдуетъ, но самая тренировка должна совершаться очень постепенно въ теченіи двухъ или даже трехъ лѣтъ, въ продолженіи которыхъ ежегодныя разстоянія переходовъ все увеличиваются; если же послѣднее не соблюдается, можно наткнуться на очень непріятныя случайности. Между тѣмъ опытныхъ животныхъ я вовсе не могъ получить, или только въ небольшомъ количествѣ и за очень дорогую цѣну, почему и рѣшилъ постараться обойтись безъ нихъ, въ расчетѣ, что лѣтомъ на свѣжей травѣ и при легкомъ выюкѣ и неопытныя лошади выдержатъ путешествіе. Послѣднее я представлялъ себѣ въ то еще время въ слѣдующемъ видѣ. Какъ только начнетъ исчезать снѣгъ и появится свѣжая трава, т. е. въ іюнѣ, я предполагалъ выйти съ Малаго Анюя и направиться на востокъ, въ общемъ придерживаясь дороги, по которой шелъ Биллингсъ въ 1791 году. По прямому пути разстояніе отъ ярмарки на Анюѣ до мыса Пээкъ можно считать въ 1030 верстѣ, а разстояніе отъ мыса Пээкъ до впаденія Маина въ Анадырь, тоже по прямой линіи, въ 925 верстѣ; такимъ образомъ нужно было принять, что намъ предстояло пройти всего на всего около 2000 верстѣ или 2134 километровъ прежде, чѣмъ мы вновь попадемъ въ пунктъ съ осѣдлымъ человѣческимъ населеніемъ, за который можно принять Марково на Анадырѣ. Въ итогѣ мы имѣли возможность рассчитывать на сто приблизительно дней,

въ которые лошади могли кормиться на хорошихъ пастбищахъ; хорошей травы на пути туда нельзя было ожидать ранѣе 15 іюня, а уже во второй половинѣ сентября въ долинѣ Анадыря долженъ былъ лежать глубокой снѣгъ, причѣмъ было сомнительно, чтобы лошадямъ удалось вырывать себѣ изъ подъ него пищу. Вслѣдствіе этого намъ предстояло совершать въ среднемъ ежедневно по 20 верстъ или около 21 километра прямого пути, — задача очень трудная, но не невозможная. На этомъ основаніи я имѣлъ намѣреніе направиться отъ мыса Пээкъ къ юго-западу и выйдти на Анадырь, или при его устьѣ, или гдѣ либо выше послѣдняго, и рассчитывать, поднявшись по этой рѣкѣ, достигнуть Маркова до наступленія сильныхъ холодовъ. Исполнить это можно было только въ томъ случаѣ, если бы чукчи взялись помочь мнѣ и, самое главное, обязались бы доставить къ мысу Пээкъ часть моего багажа, т. е. провіантъ для обратнаго путешествія. При этихъ условіяхъ я могъ надѣяться выполнить мой планъ даже въ томъ случаѣ, если вслѣдствіе утомленія лошадей мнѣ не удалось бы подняться вверхъ по Анадыру; я имѣлъ возможность съ устья этой рѣки дать знать въ Марково о моемъ затруднительномъ положеніи: все равно я имѣлъ при себѣ чукчей въ качествѣ проводниковъ и могъ рассчитывать получить оттуда нарты съ оленями или собаками. Въ случаѣ удачи всѣхъ этихъ предположеній, лошади тоже не скоро должны были выбиться изъ силъ, такъ какъ вьюки были сравнительно очень легки: мы взяли провіантъ только до мыса Пээкъ, а отсюда снова взяли бы только тотъ запасъ, который былъ необходимъ для достиженія устья Маина; вещи же, необходимыя для обратнаго пути въ Колымскъ, отправлялись съ ярмарки прямо въ Марково при посредствѣ тамошнихъ жителей, которые ежегодно посѣщаютъ Анкой и, конечно, возвращаются домой съ пустыми нартами.

На помощь чукчей въ то время я не могъ рассчитывать даже приблизительно, а потому всѣ мои планы не имѣли тогда еще никакого прочнаго основанія. Въ ту пору я не зналъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ; все то, что было сообщено мною

по этому поводу выше—совершенно справедливо, но я вполне хорошо ознакомился съ этимъ только во время нашего странствованія по Чукотской Землѣ. Когда я пріѣхалъ въ Среднеколымскъ и вступилъ въ свою должность, мнѣ было ясно только одно, — что Амвраоргинъ очень усердный человѣкъ и что всѣ рассказы о дикости и задиристости чукчей должны быть отнесены къ области басенъ и дѣтскихъ сказокъ. Но съ другой стороны передо мною лежалъ отчетъ Биллингса, въ которомъ говорилось о плохомъ обращеніи съ нимъ чукчей и объ ихъ отвратительной грубости. Такимъ образомъ я не имѣлъ никакихъ точекъ опоры для того, чтобы судить стануть ли теперь чукчи держать себя съ людьми, находящимися въ полной отъ нихъ зависимости, лучше или позволять себѣ прежнее обращеніе. Несомнѣнно, что я имѣлъ въ рукахъ совершенно другія средства, чтобы при надобности смирить ихъ, чѣмъ тѣ, которыя находились въ распоряженіи Биллингса; да и не слѣдуетъ упускать изъ виду, что я въ высшей степени скомпромитировалъ бы мѣстную администрацію въ глазахъ чукчей, если бы проѣхалъ по ихъ землѣ не какъ господинъ, а въ качествѣ вполне зависящаго отъ нихъ путешественника. Поэтому моимъ намѣреніемъ было сейчасъ же разыскать Амвраоргина и переговорить съ нимъ обо всемъ нужномъ, чтобы найдти, наконецъ, выходъ изъ этой мучительной неизвѣстности. Я все приготовилъ къ быстрому отъѣзду въ Нижнеколымскъ, даже назначилъ день отъѣзда, какъ вдругъ получилъ извѣстіе, которое обѣщало значительно улучшить мое положеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильно затягивало мой отъѣздъ.

Именно, 7 января пріѣхалъ въ Среднеколымскъ чукча и сообщилъ, что онъ сильно торопился, чтобы застать меня, и что ему поручено заявить мнѣ просьбу отъ имени богатаго стадовладельца Ваа́лгергина и нѣсколькихъ его соплеменниковъ. Они находились уже на пути сюда и просили меня обождать ихъ прибытія, такъ какъ имъ крайне важно переговорить со мною; они опасались не найти меня впоследствии, когда я выѣхалъ бы уже въ Нижнеколымскъ. Я узналъ также и причину ихъ поѣздки:

они перешли со своими семьями и всѣми пожитками Колыму и, хотя заднимъ числомъ, желали получить на то позволеніе. Это было въ высшей степени радостное и неожиданное извѣстіе. Уже въ 1866 году я велъ съ Амвраоргинымъ различные переговоры относительно возможности переселенія чукчей въ тундру между Колымой и Алазеей; по выше уже приведеннымъ причинамъ, лично я былъ очень расположенъ въ пользу переселенія, но не хотѣлъ самъ этого предлагать, чтобы тѣмъ самымъ не уменьшить его значенія. Амвраоргинъ же говорилъ объ этомъ дѣлѣ какъ о такомъ, которому время еще терпитъ и скорѣе какъ о планахъ на будущее время. Если, теперь, чукчи рѣшились совершить переходъ, да еще въ порядочномъ числѣ — по собраннымъ мною свѣдѣніямъ свыше ста человѣкъ — на основаніи просто случайнаго разговора, сообщеннаго имъ, вѣроятно, Амвраоргинымъ, то это заставляло предполагать, что такое переселеніе было для нихъ дѣйствительною потребностью. А мнѣ только это и было нужно: иначе я ничѣмъ не могъ быть имъ полезенъ и очутился бы въ высшей степени невыгодномъ положеніи требующаго, но ничего недающаго. Я отослалъ посланца назадъ и велѣлъ сказать Ваа́лдергину, что я его буду ждать, но чтобы онъ спѣшилъ насколько возможно. Впрочемъ, уже а priori можно было сказать, что я не такъ-то скоро выберусь изъ Среднеколымска, такъ какъ люди, по слухамъ, шли со своими стадами и медленное движеніе было въ порядкѣ вещей.

И такъ, я остался въ Среднеколымскѣ, а потому вновь встрѣтилъ тутъ всѣхъ тѣхъ, кого я очень старался опередить. 14 Января пріѣхалъ архіерей, онъ путешествовалъ хорошо, былъ бодръ и здоровъ и вполне доволенъ тѣмъ, что до сихъ поръ видѣлъ. Онъ привезъ мнѣ очень радостную вѣсть: ему удалось разыскать тунгуза, который увѣрялъ, что нашелъ вышеупомянутаго мамонта; архіерей посоветовалъ нашедшему отправиться въ Среднеколымскъ, гдѣ онъ могъ рассчитывать получить хорошее вознагражденіе; тотъ обѣщался прійти, но это могло случиться не такъ скоро, такъ какъ у него не было оле-

ней. Въ виду того, что до нашего окончательнаго отъѣзда я все равно долженъ былъ еще разъ вернуться въ Колымскъ, я имѣлъ всѣ шансы рассчитывать, что выспрошу тунгуза лично. 16 Января прибылъ Нейманъ, а на слѣдующій день топографъ Аеонасьевъ съ частью каравана. Ихъ путешествіе сошло тоже хорошо, если не считать одного очень печальнаго случая. Одинъ изъ казаковъ, Николай Новгородовъ, сдѣлался въ одной поварѣ жертвой самоубійства; его нашли только тогда, когда онъ былъ уже безъ признаковъ жизни. Это происшествіе меня очень опечалило; уже въ теченіи многихъ лѣтъ я зналъ этого казака за очень преданнаго и честнаго человѣка; онъ сопровождалъ меня почти всегда въ моихъ частыхъ служебныхъ поѣздкахъ, отличался расторопностью и мало по малу приобрѣлъ большую опытность въ путешествіяхъ. О томъ, что его побудило къ такому печальному шагу, можно было только догадываться. Въ его роду было расположеніе къ меланхоліи и къ угнетенному состоянію духа; отецъ его, какъ говорятъ, покончилъ такимъ же способомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ записокъ, которыя нашли между его вещами, и которыя казались попытками письма къ женѣ, видно было, что онъ жилъ съ ней въ ссорѣ и считалъ себя въ правѣ дѣлать ей серіозныя упреки. Самъ я, передъ отправленіемъ въ путешествіе, ничего не могъ замѣтить въ немъ особеннаго. Поѣхалъ онъ не противъ своей воли: онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей, а потому могъ быть откомандированъ въ такое долгое отсутствіе только по собственному желанію. Впрочемъ, онъ показался мнѣ нѣсколько болѣе разсѣяннѣмъ, чѣмъ обыкновенно, и не такъ хорошо управлялся съ багажемъ, какъ прежде. Такъ напр., за нѣсколько дней до оставленія мною каравана, я потребовалъ у него одну вещь, которую онъ не могъ найти. Онъ долго ее искалъ, но я наконецъ сказалъ ему, что она мнѣ не такъ нужна и что при распаковкѣ въ Средне- или Нижнеколымскѣ она сама собою найдетъ. Этимъ дѣломъ по моему и должно было бы кончиться и я забылъ о вещи. Отправившись впередъ, я взялъ вмѣсто него другаго казака,

его же оставилъ при караванѣ. Его это, повидимому, очень обидѣло, такъ какъ прежде онъ бывалъ всегда при мнѣ. Я долженъ былъ долго объяснять ему, что какъ ему ни неприятно оставаться позади меня, но все же это безусловно необходимо: въ крайности я могъ ѣздить и безъ казака, но для другихъ моихъ спутниковъ было очень важно имѣть при себѣ опытнаго человѣка, такъ какъ они совершали такое затруднительное путешествіе въ первый разъ; наконецъ, я не могъ поручить всѣхъ моихъ лошадей и мой цѣнный багажъ казаку, въ честности и способности котораго я не убѣдился на опытѣ. Это показалось моему казаку, повидимому, достаточно убѣдительнымъ, мы разстались въ добромъ согласіи и онъ обѣщалъ мнѣ доставить все въ полной цѣлости въ Колымскъ. Но вскорѣ послѣ моего отъѣзда онъ, говорятъ, сдѣлался очень безпокойнымъ, постоянно искалъ потерянную вещь въ ящикахъ и высказывалъ, что онъ несчастный человѣкъ, что онъ не смѣетъ болѣе показаться мнѣ на глаза, такъ какъ не могъ отыскать той вещи. Нейманъ часто его успокаивалъ, говоря, что ничего нѣтъ удивительнаго, если при такомъ большомъ багажѣ вкралась ошибка въ списки и вещь попала не въ то мѣсто, гдѣ ей полагалось быть, и что обнаружиться это можетъ только при распаковкѣ всего багажа, и т. д. Караванъ пришелъ на Догдо къ поварнѣ Убиенной, — названіе не рѣдкое въ сѣверной части Якутской области и указывающее на мѣсто, гдѣ въ старинныя времена происходило кровавое побоище. Такъ, если я не ошибаюсь, на мѣстѣ этой поварни какъ-то разъ казаками была вырѣзана маленькая партія тунгузовъ съ женщинами и дѣтьми; во время вечерней остановки проводники рассказывали ужасы этого происшествія въ томъ видѣ, какъ они жили въ воспоминаніяхъ народа. Возможно, что эти рассказы подѣйствовали потрясающимъ образомъ на болѣзненно-настроенный мозгъ Новгородова и что слову Убиенная онъ приписалъ фаталистическое значеніе. Онъ былъ суевѣренъ, какъ всѣ жители Якутска, и повидимому окончательно рѣшился покончить съ собою еще съ вечера. Всѣ свои вещи онъ уложилъ и привелъ въ

полный порядокъ, въ томъ числѣ и свое дорожное платье, какъ будто оно ему уже не было болѣе нужно. Счеты, которые онъ велъ для меня, были доведены до вечера и былъ подведенъ балансъ; однимъ словомъ, все было въ полной исправности, какъ будто ему предстояло на слѣдующій день отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ. По утру онъ всталъ, по обыкновенію, рано, поставилъ на огонь котелъ, приготовилъ завтракъ; на вопросъ фельдшера Антоновича спокойно отвѣтилъ, что еще рано и что онъ можетъ еще поспать, а затѣмъ вышелъ. На мѣстѣ, о которомъ идетъ рѣчь, стоятъ другъ подлѣ друга двѣ небольшія поварни; когда Новгородовъ не явился къ девяти часамъ, а Нейманъ и другіе встали, то имъ пришлось самимъ подавать другъ другу умываться; они подумали, что казакъ пошелъ пить чай къ проводнику, полагая, что господа еще спятъ. Въ это время пришелъ одинъ человѣкъ, которому они и поручили позвать Новгородова. Онъ очень удивился и заявилъ, что самъ пришелъ за тѣмъ, чтобы сказать Новгородову, что пора пить чай, такъ какъ они должны сѣдлатъ и выючить пригнанныхъ уже лошадей. Тогда всѣ встревожились, — начали искать и нашли несчастнаго въ 50 приблизительно шагахъ отъ юрты, въ снѣгу, съ перерѣзаннымъ горломъ и уже остывшимъ. Рано покончилъ съ собой въ здѣшней одинокой глуши этотъ преданный человѣкъ, — и я долго горевалъ о немъ.

Отслуживши богослуженіе въ Среднеколымскѣ, архіерей уѣхалъ 20 января въ Верхнеколымскъ, чтобы посѣтить тамошнюю церковь. День спустя, прибылъ наконецъ Ваалерганъ со своими чукчами. Я повелъ съ ними очень серьезный разговоръ по поводу недозволеннаго кочеванія въ области, которая не была разрѣшена имъ подлѣ мѣсто жительства: выставилъ на видъ, что уже на обоихъ Анюяхъ терпятъ ихъ только изъ милости и что настоящей ихъ родиной они должны считать островъ Айоку. Упомянутое объ этомъ мало привлекательномъ островкѣ поразило ихъ очень неприятно; они замѣтили очень униженнымъ тономъ, что неужели же захотятъ отправить ихъ обратно на Айоку,

когда они успѣли уже привыкнуть къ лѣсу. Чукчи сознавали, что они или, вѣрнѣе, ихъ отцы пришли на Анкой безъ разрѣшенія, но если ихъ не желали тамъ терпѣть, то слѣдовало бы заявить имъ это сначала, и возвращеніе тогда не было бы столь тягостнымъ. Ваалергинъ не упустилъ тоже случая упомянуть о благодареніяхъ, оказанныхъ имъ жителямъ Нижнеколымска; эта заслуга его была дѣйствительно неоспорима: въ трудныя времена онъ продавалъ имъ оленей не только по очень дешевой цѣнѣ, но и безвозмездно подарилъ бѣднѣйшимъ изъ жителей двѣсти или триста животныхъ, чѣмъ много смягчилъ несчастіе. Онъ также утверждалъ, что Амвраоргинъ сказалъ ему, что я не буду вовсе противиться переходу чукчей черезъ Колыму, въ западную тундру. Это конечно была ложь съ его стороны, потому что я не высказывался въ этомъ смыслѣ, да и старый, въ высшей степени осторожный Амвраоргинъ не могъ ему этого сообщить. Между тѣмъ ему необходимо было какое нибудь оправданіе своего преждевременнаго шага потому, что если бы я его принудилъ вернуться обратно, то ему пришлось бы держать отвѣтъ передъ своими земляками, пришедшими съ нимъ въ числѣ 143 душъ въ 20 палаткахъ. Въ концѣ концовъ я разрѣшилъ ему остаться на первыхъ порахъ тамъ, пока я не обдумаю зрѣло все дѣло и не отошлю въ Якутскъ доклада. Но я поставилъ непремѣннымъ предварительнымъ условіемъ платежъ ясака и избраніе хорошаго начальства, заявивъ, что въ противномъ случаѣ обо всемъ дѣлѣ не можетъ быть и рѣчи. На это чукчи были совершенно согласны и сказали, что они уже съ самаго начала желали быть поставленными на одинаковую ногу съ остальными туземными племенами, но только хотѣли бы знать какими мѣхами должны платить они свой ясакъ. Они указывали, что сами они не охотники, да и оленеводство никакъ не дозволяетъ такого побочнаго занятія; потому имъ въ высшей степени важно, чтобы тотъ мѣхъ, которымъ имъ придется платить, можно было легко и повсюду вымѣнивать. Впрочемъ у меня вовсе и не было намѣренія облагать ихъ ясакомъ въ видѣ мѣховъ, такъ какъ такое обло-

женіе въ данномъ случаѣ собственно вовсе не соотвѣтствовало опредѣленію ясака. Дѣйствительно, ясакъ или подати, которыя инородческія племена обязаны ежегодно платить Императорскому Кабинету, доставлялись всегда мѣхами. Но въ древнемъ Указѣ Императрицы Екатерины Второй, впервые урегулировавшемъ все это дѣло, такой видъ подати объясняется тѣмъ, что племена Сибири не знакомы съ денежными знаками, а также не имѣютъ никакихъ иныхъ мѣстныхъ произведеній, кромѣ мѣховъ; поэтому предписывалось принимать послѣдніе вмѣсто денегъ, а также указывалось, что каждое племя обязано платить только такими мѣхами, которые встрѣчаются въ его области. Чукчи же не охотники, да и обитаемая ими пустынная, безлѣсная равнина не привлекаютъ пушныхъ звѣрей; поэтому этимъ инородцамъ пришлось бы прежде всего покупать пушнину, что положительно противорѣчитъ основному смыслу Императорскаго Указа. Помимо того и ясачная комиссія вовсе не настаивала непременно на мѣхахъ; она уже часто обращала подать пушниной въ подать денежными знаками, если плательщики просили объ этомъ, даже дѣлала это очень охотно потому, что работа черезъ то значительно упрощалась, хлопоты по приѣмкѣ мѣховъ прекращались, такъ какъ комиссія избавлялась отъ труда продавать ихъ, для отправки денегъ въ Императорскій кабинетъ. Вообще въ случаѣ, если плательщики не могутъ платить деньгами — какъ это и было съ чукчами, не имѣвшими понятія о денежныхъ знакахъ — дѣло заключается въ томъ, чтобы подыскать какой нибудь ходкій предметъ, который могъ бы быть обращенъ въ деньги во всякое время и безъ особаго труда. Такимъ предметомъ, всюду имѣвшимся обращеніе, чукчи обладали въ видѣ такъ называемой родвуги или выдѣланной какъ замша оленьей кожи. Эта вещь повсюду въ Якутской области имѣетъ громадный спросъ и служить простонародью для изготовленія верхняго платья. Хорошая родвуга цѣнится въ Якутскѣ въ 80 копѣекъ рix fixe. Поэтому было рѣшено, что каждая мужская душа до 16-лѣтняго возраста обязана платить ежегодно по 40 копѣекъ или по

поль-родвугѣ, а съ 16 до 55 лѣтъ по 80 копѣекъ или по цѣлой родвугѣ; лица съ 55-лѣтняго возраста освобождались отъ подати. Для Кабинета, на первыхъ порахъ, не имѣла значенія цѣнность ихъ ясака: нужно было только соблюсти принципъ; къ тому же остальные охотничьи племена платили не больше, а чукчи могли очень легко справляться съ этимъ налогомъ. Они въ высшей степени обрадовались такому открытію, очевидно представляя себѣ дѣло много серіознѣе, и были повидимому очень довольны, что такъ легко откупились. Затѣмъ были избраны голова и староста и утверждены мною въ должностяхъ. Послѣ этого чукчи отправились домой, предварительно расторговавшись оленями очень выгодно. Этимъ покончили мои дѣла въ Среднеколымскѣ и я могъ, наконецъ, отправиться на поиски стоянки Амвраоргина. Я выѣхалъ 23 января въ Нижнеколымскъ и прибылъ туда 26 вечеромъ. Разстояніе до этого города было въ 500 верстъ и путь лежалъ почти исключительно по льду Колымы. На этомъ участкѣ для служебныхъ надобностей правительства имѣются станціи съ нартами, запряженными собаками (36), а потому сообщеніе довольно сносно. По дорогѣ я убѣдился, что для архіерея повсюду были приготовлены нарты, такъ что его путешествіе въ Нижній могло идти безостановочно; на пути я имѣлъ также дѣла съ различными лицами, которыя ожидали меня по ихъ собственнымъ надобностямъ въ мѣстахъ остановокъ, и наконецъ прибылъ, какъ выше сказалъ, вечеромъ 26 января въ Нижнеколымскъ.

Уже и Среднеколымскъ довольно печальное мѣстечко, но куда лучше, чѣмъ Нижнеколымскъ. Тамъ есть всеже нѣсколько красивыхъ домиковъ, имѣющихъ, по крайней мѣрѣ лѣтомъ, настоящія стекольные окна. Въ Нижнеколымскѣ же всѣ постройки крайне сомнительной вѣднѣности, почти всѣ безъ крышъ, такъ какъ потолки покрываются просто слоемъ земли, на который кладется дернъ, придающій постройкѣ очень мало изящества. Окна малы и, подобно самимъ домишкамъ, часто кривы, почти всегда безъ стеколъ, которыя замѣнены слюдой очень плохаго

качества, или рыбьей кожей. Зимомъ вставляется въ оконное отверстіе ледяная плита; впрочемъ такое обыкновеніе существуетъ и въ Среднеколымскѣ. Для этой цѣли осенью, когда толщина льда достигла приблизительно семи дюймовъ, вырѣзаютъ ледяныя доски величиною въ окно, вынимаютъ лѣтнія рамы и приставляютъ ледяную плиту къ окну снаружи. Затѣмъ мѣшаютъ снѣгъ съ водою и замазываютъ этою смѣсью всѣ пазы и щели самымъ тщательнымъ образомъ; послѣ этого зимнее окно готово и выдерживаетъ въ этомъ видѣ всю зиму до самой весны. Черезъ такую ледяную плиту проникаетъ столько же свѣта, какъ черезъ сильно замерзшее стеклянное окно, и видно черезъ нее то, что происходитъ снаружи, такъ же мало, какъ и черезъ послѣднее; но устройство ледянаго окна дешево и оно хорошо держитъ тепло, такъ какъ абсолютно не допускаетъ сквозняка. Но что кладетъ на Нижнеколымскъ свойственчый одному ему отпечатокъ, — такъ это собаки съ ихъ постояннымъ воемъ. Подобныхъ упряжныхъ собакъ можно кое-гдѣ увидеть и въ Среднеколымскѣ, но тамъ онѣ не особенно бросаются въ глаза: ихъ тамъ въ общемъ рѣдко употребляютъ, такъ какъ держать преимущественно лошадей, а зимомъ немногихъ оленей. Въ Нижнеколымскѣ же лошадей не имѣютъ, не потому что для нихъ нельзя было бы припасти корма, а вслѣдствіе того, что жители, привыкнувъ разъ къ собакамъ, ничего другаго уже и знать не хотятъ. Почти передъ каждымъ домомъ лежатъ и спятъ здѣсь эти упряжныя собаки, съ ошейникомъ, къ которому приделанъ длинный ремень, прикрѣпленный къ двумъ столбамъ или привязанный къ шесту. Просто невѣроятно, сколько эти животныя въ состояніи спать, если они не на работѣ; день и ночь лежатъ они неподвижно, свернувшись клубкомъ, въ снѣгу и крѣпко спятъ, пробуждаясь только тогда, когда имъ приносятъ пищу. Это бываетъ трижды въ день; тогда они проглатываютъ съ невѣроятной жадностью замерзшую рыбу и снова ложатся спать. Но вотъ, вдругъ встаетъ одна изъ собакъ, отряхивается, потягивается, подымаетъ голову кверху и начинаетъ выть, — отчаянный, удру-

чающий, переливающийся на разные тоны вой. Переставъ выть, она снова укладывается и спокойно засыпаетъ, какъ будто ничего не было. Но встаетъ вторая собака и затягиваетъ ту же музыку; такъ идетъ отъ собаки къ собакамъ, отъ дома къ дому, пока, наконецъ, всѣ пять или шесть сотенъ псовъ, которые обыкновенно живутъ въ Нижнеколымскѣ, не пропѣли своихъ партій въ этомъ ужасномъ концертѣ. Затѣмъ наступаетъ пауза, пока музыка не возобновится снова и не будетъ исполнена въ томъ же порядкѣ. Днемъ еще выносимо, собаки воютъ рѣже, или это не такъ замѣтно среди дневныхъ хлопотъ, но ночью этотъ вой, распространяющийся по всѣмъ улицамъ мѣстечка, дѣйствуетъ убійственно и проходитъ много времени прежде, чѣмъ къ нему, какъ и ко всему, привыкнешь.

Такъ какъ мнѣ было извѣстно, что чукчи и жители Нижнеколымска находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ, то я вполне надѣялся на то, что узнаю отъ послѣднихъ о мѣстопробываніи Амвраоргина. Но къ моему удивленію я не могъ получить объ этомъ свѣдѣній: знали только, что и само собою разумѣется, что онъ находится въ области либо Большаго, либо Малаго Анюевъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ никто не бывалъ и, повидимому, уже одна мысль отправиться туда, къ злымъ чукчамъ, казалась большинству ужасной; а между тѣмъ люди жили и кормились преимущественно благодаря милости этихъ же самыхъ чукчей. Эта чукчефобія съ невѣроятнѣйшимъ въ тоже время попрошайничествомъ у чукчей очень рѣзко бросалась мнѣ въ глаза. На мои частые вопросы, отчего они такъ боятся людей, отъ которыхъ получали да и постоянно продолжаютъ получать столько благодѣній, я получалъ всегда, собственно, только одинъ отвѣтъ: да, такой-то и такой-то изъ названныхъ чукчей дѣйствительно хорошій человекъ, да и вообще ближайшіе къ Колымѣ чукчи добродушны; но тѣхъ, которые живутъ подальше, нужно считать за опасный народъ, не говоря уже объ носовыхъ, которымъ можно приписать любыя изъ злодѣній, на какія только способенъ человекъ. Мое намѣреніе отправиться на поиски Амвраоргина

одному, безъ провожатыхъ, привело ихъ въ положительный ужасъ и меня старались удержать отъ такого шага всевозможными способами. Одинъ изъ сильно тревожившихся по этому поводу явился даже разъ ко мнѣ, чтобы сообщить, что чукчи, особенно нѣкто Пангао (37) затѣваютъ противъ меня что-то недоброе; послѣдній все справлялся, не приѣду ли я въ скоромъ времени и когда можно ожидать моего приѣзда. Навѣрное-де тутъ есть какой нибудь злой умыселъ и мнѣ не мѣшало бы принять предосторожности. Все это объяснилось, конечно, совершенно другими мотивами, именно желаніемъ чукчей перейти къ западу отъ Колымы, но не помогло мнѣ получить необходимыхъ для меня свѣдѣній и я долженъ былъ рѣшиться попытать счастье, рассчитывая лишь на самого себя. При этомъ было очень непріятно то, что я не могъ достать порядочнаго переводчика. Постоянный переводчикъ, юкагиръ Теодоръ Лыкчинъ, обыкновенно не жилъ въ Нижнемъ, но приходилъ сюда только во время ярмарки; поэтому въ обыкновенныхъ сношеніяхъ съ чукчами обходились при помощи объясненій знаками и своего рода *lingua franca*, что вполнѣ удавалось. Но мнѣ подобный переводчикъ при переговорахъ съ Амвраоргинымъ могъ мало принести пользы: легко могли произойти недоразумѣнія, которыхъ по возможности требовалось избѣгать. Однако дѣлать было нечего, нужно было обойтись съ тѣмъ, что было подъ руками, а потому 28 января я и тронулся по направленію къ Малому Анюю. Найти старика Амвраоргина въ сущности было не трудно, во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ жить въ области названныхъ рѣкъ и при всемъ своемъ желаніи не могъ предпринять со своими громадными стадами путешествія безъ того, чтобы сосѣди этого не замѣтили. Поэтому я долженъ былъ его найти, направившись вверхъ по лѣвымъ притокамъ Малаго Анюя и спустившись внизъ по правымъ Большаго Анюя: при этомъ я не могъ не наткнуться на чукотское жилье, гдѣ, конечно, мнѣ указали бы дорогу далѣе. Главное заключалось въ томъ, чтобы направиться настоящимъ путемъ, а не дѣлать по напрасну крюка. Поэтому, я имѣлъ

въ виду слѣдовать по Малому Анюю до Эломбала и навести точныя справки въ находящемся тутъ мѣстечкѣ Хархабиркѣ, гдѣ живутъ послѣдніе къ востоку русскіе или обрусѣвшіе юкагиры. Эти люди должны были знать о мѣстопребываніи главы чукчей потому, что сами они жили, вѣдь, среди чукчей. До того мѣста мнѣ предстояло сдѣлать около 340 верстъ и я взялъ всего три нарты, — одну для меня, другую для переводчика и третью подъ пищу для собакъ. Животныя имѣли продолжительный отдыхъ и поэтому могли потрудиться побольше. Но за то торная во время ярмарки дорога теперь оказалась очень плохой и ее приходилось большею частію прокладывать вновь. 31 Января я достигъ мѣста Анюйской ярмарки, которое было теперь пусто, а 1 февраля — до Лабугена, гдѣ встрѣтилъ людей, расчищавшихъ дорогу для архіерея. У устья Большой Баранихи находится временная церковь, въ которой время отъ времени чукотскій миссіонеръ совершаетъ богослуженіе. Посѣщеніе этой церкви тоже входило въ программу архіерея, почему туда и нужно было устроить сообщеніе. Сначала хотѣли проложить дорогу по морю; хотя она много длиннѣе, но даетъ возможность ѣхать по льду, что само по себѣ уже вознаграждаетъ нѣкоторый излишекъ разстоянія. Изслѣдованія однако показали, что вокругъ мысовъ Большаго и Малаго Баранова Камня море образовало далеко въ него вдающіеся тороса, которые можно было преодолѣть развѣ только при нечеловѣческихъ усиліяхъ. Такъ какъ этотъ путь оказался неудобнымъ, то оставалось попробовать провести дорогу по правымъ притокамъ Малаго Анюя — по Погиндену или по Лабугену, и во время моего проѣзда люди были заняты расчисткою долины послѣдняго. Отъ Лабугена до Хархабирки мнѣ оставалось около 50 верстъ и я прибылъ туда вечеромъ 1 февраля. Тамъ я тоже встрѣтилъ прекрасную иллюстрацію къ баснѣ о злыхъ чукчахъ. Сюда, т. е. на Лабугенъ и Хархабирку, отправились зимовать отъ 8 до 10 семействъ, приблизительно со 100 собаками и съ ясно выраженнымъ намѣреніемъ прокормиться на счетъ чукчей. У нихъ было нѣсколько табуку и

другихъ предметовъ для мѣны, но въ крайне маломъ количествѣ; они могли оказать чукчамъ еще кое-какія услуги, такъ напр. одинъ изъ нихъ былъ кузнецомъ; но тѣмъ не менѣе главнымъ ихъ источникомъ пропитанія была и оставалась добродушная щедрость чукчей. Потребности этихъ людей тоже были далеко не ограничены; для содержанія однѣхъ собакъ требовалось ежедневно по четыре оленя, а между тѣмъ и люди тоже должны были чѣмъ нибудь питаться.

Не смотря на все это, для меня у нихъ не оказалось никакихъ свѣдѣній; они заявили, что не имѣютъ никакого представленія, гдѣ въ настоящее время можетъ находиться Амвраоргинъ, указывали, что по дорогѣ трудно пробраться на собачьихъ нартахъ, что горы очень круты и т. д. Но все это они говорили съ злымъ умысломъ. Если въ Нижнемъ еще могли оправдываться незнавіемъ, то тутъ нельзя было допустить такой отговорки. Поэтому я заявилъ имъ, что завтра же отправлюсь дальше, а потому они должны поставить нарты съ собаками, чтобы мои могли отдохнуть. Я приказалъ немедленно приступить къ приготовленію четырехъ нартъ — одной для меня, другой для переводчика и двухъ остальныхъ для тѣхъ изъ мѣстныхъ жителей, которые поѣдутъ меня провожать, — приказалъ также захватить съ собою ремни и остальные принадлежности, чтобы спускать нарты и собакъ на помочахъ съ крутыхъ, по ихъ словамъ, мѣстъ. Они остались очень недовольны моими распоряженіями, но это нисколько не помогло и имъ пришлось-таки начать приводить въ порядокъ нарты и готовить собакъ къ пути. Но вдругъ случилось чудо: вечерѣло и уже сильно стемнѣло, когда мой хозинъ заявилъ мнѣ, что неожиданно пришли двое чукчей, которые сообщили, что мѣстопребываніе начальника имъ извѣстно. Чудо, повятно, очень просто объяснилось нежеланіемъ предпринимать трудное путешествіе. Эти люди рассчитывали, что я поддамся на ихъ ложь, но такъ какъ надежды ихъ не оправдались и имъ же пришлось быть моими проводниками, то тотчасъ же явились ангелы-спасители въ видѣ тѣхъ двухъ чукчей.

Я велѣлъ позвать этихъ послѣднихъ и узналъ отъ нихъ, что Амвраоргинъ разбилъ свои палатки на истокахъ Орловки, праваго притока Большаго Анюя, и что доѣхать до того мѣста можно въ три, самое большее въ четыре дня, если подняться вверхъ по Эломбалу, берущему начало изъ того же хребта, что и Орловка. Они увѣряли, что дорога хороша и по пути всюду встрѣчаются палатки чукчей, такъ что я проѣду очень удобно. Такъ какъ одинъ изъ чукчей имѣлъ пару хорошихъ оленей, то я поручилъ ему немедленно отправиться къ Амвраоргину и извѣстить его, что мнѣ необходимо съ нимъ переговорить, чтобы онъ захватилъ съ собою, поэтому, свою форменную одежду (38) и отправился бы въ сопровожденіи своего старшаго сына мнѣ на встрѣчу, дабы мнѣ не пришлось понапрасну ѣхать дальше, чѣмъ необходимо. Я приказалъ ему также захватить съ собой челоуѣка, понимавшаго по русски, если у него такой нашелся бы, такъ какъ отъ моего переводчика можно было многого желать въ этомъ отношеніи. Далѣе посланцу было поручено позаботиться о томъ, чтобы въ мѣстахъ моихъ ночевокъ были приготовлены для меня отдѣльныя палатки, а для собакъ — олени. Приказавши все это, я сказалъ гонцу, что даю ему на это два дня и велѣлъ ему топиться, чтобы Амвраоргинъ имѣлъ достаточно времени выѣхать мнѣ на встрѣчу.

Чукча тотчасъ же отправился и, какъ сейчасъ увидимъ, въ точности исполнилъ всѣ порученія. Въ назначенное время я поѣхалъ съ тремя нартами, такъ какъ, помимо нужной для переводчика, я долженъ былъ имѣть еще запасную для Амвраоргина, котораго хотѣлъ захватить съ сыномъ для представленія архіерею. Проѣхавъ три версты по Анюю, мы добрались до Эломбала, по которому направились вверхъ; однако мы часто отъ него удалялись, чтобы перерѣзывать его многочисленные извивы. Сначала мѣстность была еще очень мало населена, но скоро начали появляться высокія, острыя кожаныя палатки чукчей, которые жили тутъ, повидимому, въ довольно большомъ количествѣ. Вслѣдствіе этого дорога стала лучше, часто можно было ѣхать по

колеямъ чукотскихъ саней и не приходилось прокладывать пути по снѣгу. Въ первый день мы совершили только короткій переѣздъ, такъ какъ снялись съ мѣста поздно, а между тѣмъ доѣхали уже до палатки, владѣлецъ которой сказалъ мнѣ, что у него заказанъ для меня ночлегъ. И дѣйствительно, здѣсь стояла уже приготовленная, совершенно чистая и новая палатка, устроенная на сколько возможно хорошо, натопленная и свѣщенная вмѣсто тюленьяго жира — костнымъ (39).

Самъ хозяинъ былъ очень любезенъ; давши мнѣ достаточно времени, чтобы напиться чаю и отдохнуть, онъ пришелъ ко мнѣ и спросилъ, не приму ли я нѣсколькихъ чукчей, которые пришли меня повидать. Я конечно ихъ принялъ и узналъ среди толпы, которую привело любопытство, нѣсколькихъ знакомыхъ мнѣ еще съ 1866 г.; они выражали радость по поводу встрѣчи и стали меня спрашивать обо всемъ и о каждомъ. На слѣдующее утро чукчи приготовили двое саней и предложили быть моими проводниками, чтобы провести по болѣе торной дорогѣ, которую мои люди не знали. Мы было воспользовались этимъ, но такое совмѣстное путешествіе оленей и собакъ въ теченіе продолжительнаго времени трудно выполнимо. Собаки находятся въ постоянномъ возбужденіи и ихъ очень трудно сдерживать на вожжахъ, чтобы онѣ не накинулись на оленей. Псы безъ всякаго милосердія рвутъ каждаго оленя, до котораго имъ удастся добраться. Поэтому то невозможно, какъ нѣсколько разъ уже пробовали въ Нижнемъ, завести оленей тамъ, гдѣ есть собаки, чтобы сократить число послѣднихъ въ тѣ тяжелые годы, когда ощущается недостатокъ въ рыбѣ. Одно съ другимъ не вяжется: можно держать либо собакъ, либо оленей и нужно совершенно уничтожить первыхъ прежде, чѣмъ завести послѣднихъ. Поэтому, какъ только мы достаточно выяснили себѣ нашъ дальнѣйшій путь, мы распростились съ нашими любезными проводниками и поѣхали одни. На второмъ ночлегѣ тоже было все приготовлено для приѣма; точно также собралась толпа любопытныхъ, очевидно очень довольныхъ возможностью поболтать вдоволь и

внести тѣмъ самымъ нѣкоторую перемѣну въ скучное однообразіе переживаемыхъ дней. На третій день вечеромъ я уже надѣялся навѣрное найти Амвраоргина и мой хозяинъ былъ того же мнѣнія, такъ какъ уже заготовилъ и для своего начальника тоже вполне устроенную палатку. Но послѣдній не пріѣхалъ; онъ не явился также и въ ночь. Мой хозяинъ полагалъ, что это можно объяснить себѣ только тѣмъ, что старикъ куда нибудь уѣхалъ: гонецъ проѣхалъ тутъ въ надлежащее время, такъ что начальникъ долженъ былъ бы прибыть сюда еще наканунѣ. Хозяинъ совѣтовалъ мнѣ лучше подождать здѣсь, чѣмъ донепрасну ѣхать дальше, потому что для меня все равно было бы бесполезнымъ добраться до стоянки Амвраоргина и не найти его. Между тѣмъ послѣдній, получивши извѣстіе, можетъ прибыть сюда на оленяхъ скорѣе, чѣмъ мнѣ удастся доѣхать до его палатки на своихъ усталыхъ собакахъ. Это было совершенно справедливо; поэтому я спокойно остался на своемъ мѣстѣ и сдѣлалъ очень хорошо, потому что скоро послѣ полудня ужаснѣйшей вой собакъ заявилъ о приближеніи нѣсколькихъ оленьихъ нартъ: Амвраоргинъ пріѣхалъ со своимъ наслѣдникомъ. Сначала онъ отправился въ свою палатку, чтобы переодѣться въ форменное платье, и уже затѣмъ только явился вмѣстѣ съ сыномъ. Настроеніе его показалось мнѣ нѣсколько угнетеннымъ, впрочемъ это скоро прошло, такъ какъ я принялъ его самымъ любезнымъ образомъ и угостилъ завтракомъ, за которымъ не отсутствовала также столь дорого цѣнимая, но трудно добываемая водка. Промедленіе въ пріѣздѣ объяснилось тѣмъ, что въ то время, когда къ нему пріѣхалъ посланецъ, сынъ его былъ въ отсутствіи, а онъ не рѣшился выѣхать ко мнѣ на встрѣчу одинъ. Онъ сознался мнѣ также, что очень испугался и особенно приказанію захватить съ собою медали, форменную одежду и сына: онъ полагалъ, что по какой нибудь причинѣ я хотѣлъ лишить его знаковъ достоинства и званія и передать ихъ его пріемнику. Я самымъ убѣдительнымъ образомъ могъ разсѣять его опасенія въ этомъ отношеніи, заявивъ о пріѣздѣ архіерея и сообщивъ мое желаніе

представить его архипастырю отъ имени его народа и вмѣстѣ со своимъ наслѣдникомъ. Это Амвраоргину необыкновенно польстило, потому что у него была слабость показываться въ своемъ мундирѣ, особенно если то удавалось устроить въ присутствіи большаго числа чукчей. Онъ очень охотно согласился содѣйствовать возможно большому собранію чукчей какъ у маленькой часовни на мѣстѣ ярмарки, такъ и у временной церкви и очень сожалѣлъ о томъ, что нельзя было сдѣлать многого въ этомъ отношеніи. До ярмарки оставалось еще много времени, поэтому по близости народа было мало, чукчи же со своими стадами подвигаются впередъ очень медленно, а ускорить движеніе нельзя было уже потому, что періодъ беременности оленьихъ самокъ подвинулся значительно впередъ и ихъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало утомлять сверхъ силъ. Впрочемъ, Амвраоргинъ хотѣлъ постараться собрать столько мушницъ, сколько возможно: они могли быстро пріѣхать на своихъ нартахъ, но женщинъ и дѣтей не было возможности доставить. Далѣе старикъ обѣщалъ, что какъ только онъ будетъ оповѣщенъ на какихъ станціяхъ пожелаетъ остановиться архіерей, тамъ будутъ заготовлены палатки и въ достаточномъ числѣ животныя на убой; онъ говорилъ объ этомъ какъ о само собой понятномъ дѣлѣ, которое чукчи обязаны сдѣлать для своего архипастыря.

И такъ, обо всемъ было переговорено, кромѣ самага жгучаго вопроса — о поѣздкѣ въ Чукотскую Землю. Я рассказалъ Амвраоргину сначала о данныхъ мнѣ порученіяхъ, которыя должны были быть выполнены во что бы то ни стало; затѣмъ объяснилъ ему свой планъ и спрашивалъ у него мнѣнія относительно возможности его выполнить. Это свалилось ему какъ свѣтъ на голову и потребовалось извѣстное время пока онъ совершенно ясно понялъ, чего я собственно хотѣлъ. Было очень досадно, что при насъ не было годнаго переводчика; тотъ, котораго онъ захватилъ съ собою, понималъ по русски тоже весьма мало, такъ что мнѣ удавалось почти-что лучше самому объясняться со старикомъ, который мало по малу все же немножко научился по русски. Нако-

нецъ онъ разобрался въ моихъ словахъ и заявилъ, что приказаніе конечно должно быть исполнено, но что только съ лошадьми мнѣ никакъ не удастся выполнить моей поѣздки, такъ какъ эти животныя погибнутъ за недостаткомъ пищи. Я тщетно указывалъ на то, что по собраннымъ мною справкамъ въ долину Анадыра должны быть годныя для лошадей пастбища, что у Чаунской губы лошадей держали нѣсколько зимъ подрядъ, при чемъ онъ отъ этого не страдал, да и до сихъ поръ на лошадяхъ ежегодно совершаютъ въ лѣтнее время путь отъ Анюя до Чаунской губы. Онъ это вполне допускалъ, но всеже оставался при своемъ мнѣніи, такъ какъ по личному опыту зналъ, что отъ Якана на востокъ почва становилась каменистою и не производила болѣе травы. Я очутился въ самомъ непріятномъ положеніи; по моимъ даннымъ должны были встрѣчаться хорошія пастбища до самаго мыса Пээкъ, это видно было изъ путевого отчета Биллингса, который повсюду упоминаетъ объ ивахъ и ольхахъ, а тамъ, гдѣ послѣднія встрѣчаются, не можетъ отсутствовать по крайней мѣрѣ осока (*Carex*). Я возражалъ Амвраоргину, что до мыса Пээкъ держатъ оленей, что и внутри страны повсюду спорадически живутъ чукчи со своими стадами, а слѣдовательно тамъ тоже должны быть дуга, такъ какъ олени лѣтомъ не ѣдятъ мха. Онъ согласался съ присутствіемъ въ тѣхъ мѣстахъ оленей, но увѣрялъ, что стада тамъ незначительны, отчего людямъ приходится кормиться преимущественно тюленьимъ и рыбнымъ промысломъ. Онъ говорилъ, что большія стада находятся только по сию сторону Чаунской губы, а тѣхъ, которыя по ту сторону, не стоитъ и считать, да кромѣ того олени лѣтомъ питаются преимущественно листьями и молодыми отпрысками ольхи и ивы; но и эти кустарники встрѣчаются въ такомъ незначительномъ количествѣ, что стадовладѣльцамъ приходится постоянно кочевать, чтобы найти для своихъ животныхъ скудное пропитаніе по долинамъ рѣкъ и на берегу моря. Во всякомъ случаѣ онъ настаивалъ, что я не могу рассчитывать на непрерывныя пастбища, какъ того требуетъ путешествіе по совершенно незнакомой мѣстности;

если же лошади потеряютъ силы, то мой караванъ неминуемо погибнетъ.

То были плохія вѣсти. Я не могъ отказаться отъ мысли, что трава должна была найтись по всему Чукотскому полуострову, но мнѣ было также извѣстно, что трава совершенно безгѣсной тундры часто совсѣмъ лишена пригодности въ качествѣ корма; послѣднее знали, впрочемъ, уже и раньше. Безполезно было совѣтываться съ человѣкомъ, который при всемъ желаніи и при своемъ несомнѣнномъ опытѣ и разсудительности зналъ объ уходѣ и обращеніи съ лошадьми только одно, именно то, что эти животныя ѣдятъ траву; такимъ образомъ, своимъ знаніемъ мѣстности онъ рѣшительно ни чѣмъ не могъ помочь мнѣ въ этомъ вопросѣ. Въ то время я впервые пожалѣлъ, что отправлялся въ путешествіе не одинъ; самъ я несомнѣнно кое-какъ пробился бы, но съ такимъ количествомъ спутниковъ, изъ которыхъ трое къ тому же никогда не видали сѣвера, дѣло было иное.

Я перемѣнилъ разговоръ и спросилъ его, не можетъ ли онъ снабдить меня надежнымъ проводникомъ. Старикъ довольно долго думалъ объ этомъ и наконецъ сказалъ, что онъ знаетъ только одного надежнаго проводника, но что это — онъ самъ; онъ готовъ безъ всякихъ отговорокъ ѣхать со мною, только не можетъ отправиться безъ своихъ оленей, а олени и лошади могутъ идти лишь различными дорогами, различными способами и даже въ различное время года. Лошадь можно примѣнить лучше всего лѣтомъ, на зимнее пастбище для нея нельзя тамъ разсчитывать уже потому, что его нельзя видѣть; между тѣмъ достаточно остановиться разъ или два на такомъ мѣстѣ, гдѣ лошадямъ не удастся раздобыть себѣ корма, чтобы силы животныхъ оказались надломленными. На оборотъ, олень лѣтомъ вовсе непригоденъ съ цѣлью путешествія, потому что онъ можетъ тащить сани по мху только съ большими усиліями и при очень небольшомъ грузѣ.

Такъ мы толковали; сынъ Амвраоргина тоже принималъ участіе въ разговорѣ, но во всемъ соглашался со своимъ отцомъ.

Переводчикъ, казакъ изъ Нижняго, который лѣтомъ часто сопровождалъ миссіонера до Чаунской губы на лошадахъ, тоже принималъ до извѣстной степени сторону чукчей, указывая на то обстоятельство, что въ окрестностяхъ Нижняго скотоводство, не смотря на частые опыты, никогда не удавалось какъ слѣдуетъ. Луга есть, сѣно можно запасти, да и запасалось, но животныя никогда не набирали силъ и имѣли всегда хмурый и изнуренный видъ; молока же отъ коровъ получали необыкновенно мало. Да и мнѣ самому было не безизвѣстно, что всѣ прежнія старанія исправниковъ ввести въ Нижнемъ и его окрестностяхъ скотоводство, не привели ни къ какимъ удовлетворительнымъ результатамъ; но съ другой стороны мнѣ было извѣстно, что исправники приписывали эти неудачи неисправимой лѣности и апатіи тамошнихъ жителей, хотя впрочемъ въ Среднеколымскѣ не было недостатка въ людяхъ, не раздѣлявшихъ этого послѣдняго взгляда. Однимъ словомъ, чѣмъ больше я вдумывался въ положеніе дѣлъ и взвѣшивалъ рискъ, которому я подвергалъ ввѣренный мнѣ караванъ, тѣмъ менѣе я могъ скрывать отъ себя, что я легко могъ наткнуться на пастбища, которыя, не смотря на всѣ хорошія качества моихъ лошадей, могли бы сдѣлать послѣднихъ негодными (40) въ самое короткое время; я попалъ бы въ безвыходное положеніе въ негостепріимной странѣ, и при томъ со спутниками, врядъ ли способными выдержать продолжительное путешествіе пѣшкомъ и — весьма возможно — при скудной пищѣ. Въ виду того, что я лично не зналъ страны и такъ какъ тамъ дѣйствительно не было другихъ животныхъ кромѣ оленей, я не считалъ себя въ правѣ настаивать на способѣ путешествія вопреки совѣту людей, знавшихъ лучше меня страну и ея обитателей. Дѣйствительно, если мой способъ путешествія не удался бы, я уже не могъ бы найти никакого оправданія: меня достаточно настойчиво предостерегали.

Но было очень трудно отказаться разомъ отъ всего того, что было до сихъ поръ рѣшено, и выдумывать новыя комбинаціи, которыя дѣлали необходимымъ совершенно другое распредѣленіе времени и труда.

Послѣ того, какъ мои планы были отвергнуты за ихъ неисполнимостью, Амвраоргинъ долженъ былъ изложить свои. Онъ началъ съ того, что выставилъ на видъ, что предстоящая зима выбрана для путешествія, къ сожалѣнію, очень неудачно. Ему было извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, что дорога очень плоха, потому что чувствуется большой недостатокъ въ пищѣ для оленей. Прошлой осенью сѣверо-восточный вѣтеръ принесъ много дождя въ то время, когда снѣгъ уже выпалъ; вслѣдъ за тѣмъ быстро наступилъ холодъ и образовалась гололедица. Вслѣдствіе этого оленямъ стали совершенно недоступны пастбища, а потому необходимо сначала дожждаться носовыхъ чукчей, чтобы точно разузнать отъ нихъ, гдѣ можно пройти. Если извѣстія окажутся не столь плохими, какъ это можно теперь думать, то Амвраоргинъ своевременно придетъ съ 200—250 упряжными оленями и со стадомъ въ 1000 головъ на ярмарку, гдѣ я въ это время долженъ буду ожидать его со своимъ караваномъ. По окончаніи ярмарки мы можемъ тогда отправиться на востокъ, по возможности вдоль сѣверной стороны горнаго хребта, гдѣ, судя по обыкновеннымъ условіямъ, можно надѣяться на хорошее состояніе пастбищъ и снѣгъ лежитъ много дольше. При этомъ, слѣдовательно, можно было рассчитывать сдѣлать большую часть пути по сносной дорогѣ. Теплые мѣсяцы, іюнь и іюль, мы проведемъ на мысѣ Пээкъ, а затѣмъ начнемъ постепенно подвигаться къ устью Анадыра, куда можемъ надѣяться придти къ концу августа. Въ первой половинѣ сентября можно уже снова рассчитывать на снѣгъ, а съ появленіемъ его отправиться вверхъ по Анадыру и безъ препятствій достигъ Маркова. Но если оказалось бы, что состояніе оленьихъ пастбищъ плохо, то идти придется по южной сторонѣ горнаго хребта, но тогда сомнительно, удастся ли добраться до мыса Пээкъ; впрочемъ и въ этомъ случаѣ можно будетъ попытать счастье, хотя на первыхъ порахъ ничего нельзя сказать опредѣленнаго, такъ какъ все зависитъ отъ обстоятельствъ.

Съ этими предложеніями я согласился по той уже причинѣ,

что не могъ противопоставить имъ ничего лучшаго послѣ того, какъ пришлось оставить мысль проѣхать на лошадахъ. Въ теченіе нашего разговора открылись также нѣкоторыя обстоятельства, которыя уяснили мнѣ, что я могу рассчитывать на полное содѣйствіе Амвраоргина моей поѣздкѣ, только въ случаѣ, если приму его условія, а его участіе имѣло уже само по себѣ очень большое значеніе. Онъ слишкомъ быстро предложилъ мнѣ свои услуги относительно путешествія, чтобы можно было предположить, что онъ дѣлаетъ это изъ одной любезности ко мнѣ. Ему должно было казаться совершенно безразличнымъ, проѣду ли я по Землѣ Чукчей или нѣтъ; если же онъ охотно соглашался быть моимъ спутникомъ и проводникомъ, то дѣлалъ это несомнѣнно по причинамъ, которыя хотя и не называлъ, но которыя достаточно ясно проскальзывали въ теченіе нашего длиннаго разговора. Его власть надъ чукчами - оленеводами держалась въ общемъ довольно крѣпко, но непоколебимо-крѣпка и вполне признана она была только у анюйскихъ чукчей, которые однако составляли, если не большую, то во всякомъ случаѣ самую богатую, а потому самую вліятельную часть народа. Но съ другой стороны, къ его не малой досадѣ, носовые чукчи почти совсѣмъ не хотѣли его знать, а онъ имѣлъ очень мало средствъ подчинить ихъ своему вліянію. Съ значительною частью послѣднихъ онъ не приходилъ ни въ какія сношенія; они жили осѣдло отъ Колючинской губы до мыса Пээкъ, почти не покидая своихъ мѣстъ жительства, потому что у нихъ не было оленей, а собакъ держали какъ разъ столько, сколько считали необходимымъ для своего хозяйства и обихода. Только незначительная часть ихъ, именно торговцы, были знакомы ему и его чукчамъ нѣсколько поближе, такъ какъ они ежегодно пріѣзжали на Анюй и въ известной степени зависѣли отъ анюйскихъ чукчей. Дѣло въ томъ, что оленей можно купить дешево только на западѣ, а безъ оленей нельзя совершать длинныхъ поѣздокъ. Амвраоргинъ уже нѣсколько разъ намѣревался, какъ я узналъ потомъ отъ его семьи, да и отъ него самого, посѣтить мысь, какъ говорили, для

того, чтобы поторговать тамъ лично; но на самомъ дѣлѣ, вѣроятно, для того, чтобы импонировать здѣсь своею свитою и своимъ богатствомъ и тѣмъ укрѣпить свое вліяніе. Но ему это все не удавалось, повидимому, по случайнымъ причинамъ, а главнымъ образомъ, кажется, потому, что онъ не могъ быть вполне увѣренъ, какъ его тамъ примутъ, и боялся неудачи. Молодымъ человекомъ, еще при жизни отца, онъ былъ на мысѣ дважды и снискалъ себѣ большое уваженіе за свое умѣнье фехтовать копьемъ; послѣ того онъ однако ни разу туда не ѣздилъ; но онъ отправлялся теперь со мною, въ качествѣ единственно-признаннаго главы всѣхъ чукчей; обыкновенно было принято, что если кто либо изъ чукчей желалъ представиться мнѣ, то долженъ былъ сначала обратиться къ нему и допускался ко мнѣ только тогда, когда онъ вводилъ просителя самъ. Все это, понятно, имѣло для него большую выгоду, а потому онъ и рѣшилъ не упускать случая воспользоваться такимъ удобнымъ обстоятельствомъ. Съ тою же цѣлью онъ не только гналъ 1000 убойныхъ оленей, но и взялъ помимо того еще четырехъ совершенно преданныхъ ему чукчей, сопровождавшихъ его съ женами и дѣтьми и составлявшихъ его свиту.

Послѣ того, какъ мы вдоволь поговорили о поѣздкѣ, Амврагинъ спросилъ меня, не могу ли я сообщить ему что либо по поводу нашихъ прежнихъ разговоровъ относительно большой западной тундры. Я сказалъ ему, что объ этомъ дѣйствительно шла рѣчь, но онъ нѣсколько затруднилъ дѣло тѣмъ, что отъ себя разрѣшилъ Ваалергину и его товарищамъ перейти Колыму, на что онъ не имѣлъ права. Это подѣйствовало на него, повидимому, очень неприятно; онъ категорически заявилъ, что совершенно непричастенъ къ этому дѣлу и во всякомъ случаѣ не давалъ Ваалергину, котораго онъ считаетъ за совершенно негоднаго человѣка, никакого разрѣшенія уже по той причинѣ, что онъ не могъ распоряжаться лично землей, которая ему не принадлежитъ. Вообще онъ плохо отзывался о Ваалергинѣ и называлъ его обманщикомъ. Ваалергинъ былъ представленъ

исправникомъ къ кортику, который дѣйствительно и получилъ, за оказанное будто бы благодарѣніе голодавшимъ жителямъ Нижнеколымска. Дѣло же это Амвраоргинъ объяснилъ такъ. У Ваалергина было по близости маленькое оленье стадо, которое захворало ящуромъ. Въ этомъ случаѣ стадо всегда безъ исключенія потеряно, и обыкновенно не дѣлается даже попытки удалить еще здоровыхъ животныхъ: по опыту извѣстно, что и они почти никогда не спасаются отъ заразы. Поэтому какъ можно скорѣе убиваютъ всѣхъ оленей зараженнаго стада и покидаютъ мѣсто, оставляя даже весь домашній скарбъ, чтобы только не занести съ собою ужасной болѣзни. Ваалергинъ же, увидавъ что дѣло плохо, перекололъ всѣхъ больныхъ животныхъ, а тѣхъ, которыя были еще здоровы, не оставилъ на мѣстѣ, какъ того требуетъ старинный, освященный временемъ обычай чукчей, а пригналъ ихъ въ Нижнеколымскъ и такимъ образомъ разыгралъ роль спасителя. То же обстоятельство, что онъ получилъ столь желанный старикомъ Амвраоргинымъ кортикъ, огорчало этого послѣдняго еще больше и онъ считалъ Ваалергина за окончательно потеряннаго человѣка.

Послѣ этого маленькаго инцидента мы дружелюбно продолжали нашу бесѣду и безъ особыхъ трудностей пришли къ соглашенію. Амвраоргинъ призналъ поставленные мною товарищамъ Ваалергина условія за легко выполнимыя и обѣщался ввести ихъ и у своихъ чукчей, — само собою понятно, у всѣхъ: какъ у перешедшихъ Колыму, такъ и у оставшихся на Анюяхъ. Подъ его руководствомъ должны были быть выбраны четыре старосты; онъ хотѣлъ самъ руководить выборами, и затѣмъ представить старость мнѣ на утвержденіе. Затѣмъ онъ очень просилъ меня предоставить чукчамъ Медвѣжьи острова, которые весьма удобны для лѣтняго пребыванія оленей. Такъ какъ послѣдніе рѣшительно ни къ чему болѣе не пригодны, то эта его просьба была исполнена.

Такимъ образомъ были исчерпаны всѣ вопросы, о которыхъ я хотѣлъ переговорить съ Амвраоргинымъ. Между тѣмъ уже

наступила ночь, а потому объ отправленіи въ путь нечего было и думать. Поэтому мы рѣшили отправиться на слѣдующій день, 8 февраля, и по возможности скоро доѣхать до Хархабирки, гдѣ Амвраоргинъ надѣялся найти двухъ своихъ пріятелей, Тинеймита и Кеутѣгина; онъ хотѣлъ передать имъ хлопоты по поводу приготовленія всего необходимаго для архіерея, такъ какъ самъ онъ долженъ былъ отправиться со мною въ Нижній. Но своего сына онъ долженъ былъ непременно отослать обратно: времени оставалось мало, а между тѣмъ, имѣя въ виду его отсутствіе почти въ теченіе цѣлаго года, было необходимо сдѣлать многое, чтобы устроить его домашнія дѣла. Такъ онъ разстался со своимъ наслѣдникомъ, который отправился домой, а мы рано утромъ 8 февраля выѣхали въ обратный путь. По дорогѣ чуть-чуть не приключилось съ нами маленькаго несчастія. Собаки находились почти въ постоянномъ возбужденіи, потому что чукчей въ окрестностяхъ было много и въ воздухѣ, вѣроятно, пахло оленями. Вожакъ первой нарты, на которой сидѣлъ я, замѣтилъ еще издалека съ одного пригорка палатку, мимо которой лежалъ нашъ путь. Ему показалось, что владѣлецъ гналъ къ ней въ это время свое стадо, а такъ какъ мы были на четырехъ нартахъ, т. е. имѣли въ упряжи 48 собакъ, то могло легко случиться несчастіе. Поэтому мы остановились и стреножили половину животныхъ. Это дѣлается такимъ образомъ, что одна изъ переднихъ ногъ собаки просовывается черезъ ошейникъ, за который собака тянетъ нарту; собака бѣжитъ тогда на трехъ ногахъ, слѣдуетъ за товарищами, но не можетъ сама тянуть. При такихъ условіяхъ тормозить нарту палкою несравненно легче, тогда какъ при полной силѣ 12 собакъ, особенно когда онѣ возбуждены, нельзя сдѣлать многого. И такъ, мы поѣхали далѣе заторможенными; чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ палаткѣ, тѣмъ возбужденнѣе становились собаки, хотя стада, которое должно было находиться гдѣ-либо по близости, нельзя было разсмотрѣть. Собаки быстро неслись впередъ, что было очень пріятно, но ничего особеннаго не представляло, потому что можно было надѣяться,

что возбужденіе исчезнетъ, разъ мы минуемъ палатку, а вмѣстѣ съ нею и близость стада. Наконецъ вынырнула и палатка, скрывавшаяся отъ нашихъ взоровъ за маленькимъ холмомъ и теперь находившаяся отъ насъ всего въ 300 шагахъ, но у самой палатки стоялъ олень. Лишь только собаки завидѣли послѣдняго, какъ круто свернули съ дороги и повесились прямо къ палаткѣ, не обращая вниманія ни на сопротивленіе передовой собаки, ни на зовъ погонщика. Далеко высунувъ свои красные языки, съ хриплымъ воемъ, будто дьяволы изъ ада рвались онѣ впередъ; ни тормазъ палкою, ни то обстоятельство, что половина животныхъ бѣжала на трехъ ногахъ, нисколько ихъ не задерживали. Хуже всего было то, что повидимому совершенно ручной олень спокойно стоялъ на мѣстѣ и глазѣлъ какъ мы приближались бѣшенымъ маршемъ. Но дѣло могло принять положительно критическій оборотъ, если бы кто либо изъ чукчей вздумалъ отворить палатку и выйти, чтобы разузнать причину шума: случись это въ моментъ нашего подъѣзда, и ему пришлось бы очень плохо, потому что въ подобные моменты собаки взбѣшены и не щадятъ никого.

Но этого къ счастью не случилось. Мы были уже почти въ 20—30 саженьяхъ отъ палатки, когда олень, повидимому, сообразилъ что-то неладное, быстро повернулся, пустился большими прыжками и скрылся за пригоркомъ. Это успокоило собакъ и ихъ удалось, наконецъ, остановить. Все случившееся произошло гораздо скорѣе, чѣмъ здѣсь рассказано и серьезно насъ испугало; особенно обезпокоились вожаки и были положительно того мнѣнія, что имъ трудно было бы спасти чукчу, который имѣлъ бы несчастье выйти въ тотъ моментъ.

Вечеромъ 9 февраля пріѣхали мы въ Хархабирку, но собаки были крайне утомлены: онѣ сдѣлали, вѣдь, 200 верстъ, а это порядочный трудъ, если принять въ расчетъ, что дороги были неторныя и что животныхъ кормили исключительно оленьей (41). Уже подъ вечеръ, когда намъ оставалось еще болѣе 20 верстъ, на пути снова попался олень, но на этотъ разъ дѣло

обошлось безъ тревоги и послужило намъ только въ пользу. Собаки бѣжали уже очень усталой рысью, подгонять ихъ было довольно трудно, когда онѣ замѣтили на дорогѣ стоявшаго и спокойно кормившагося оленя. Конечно, онѣ вновь припустились бѣшеннымъ бѣгомъ. Олень оглянулся на насъ и побѣжалъ впередъ, но къ счастью по направленію нашего пути, такъ какъ принадлежалъ, вѣроятно, къ какому либо стаду въ окрестностяхъ Хархабирки. Отбѣжавъ порядочное разстояніе, онъ остановился, снова принялся ѣсть и подпустилъ насъ къ себѣ очень близко; затѣмъ опять повторилъ свой маневръ и продолжалъ его до тѣхъ поръ, пока не ударился въ сторону и не скрылся въ кустахъ верстахъ въ четырехъ или пяти отъ Хархабирки. Какъ ни были уставши наши собаки, но онѣ не могли отказать себѣ въ удовольствіи усердно преслѣдовать животное, и мы добрались до мѣста назначенія гораздо скорѣе, чѣмъ это было бы возможно съ такими утомленными собаками при другихъ обстоятельствахъ.

Вскорѣ послѣ нашего прибытія, въ Хархабирку явились двое богатыхъ чукчей Тинеймитъ и Кеутегинъ; оба они, въ особенности первый, были горячими приверженцами Амвраоргина, который ими очень дорожилъ и считалъ ихъ даже болѣе богатыми, чѣмъ онъ самъ. При мнѣ же были сдѣланы всѣ безусловно необходимыя распоряженія относительно приема и безпрепятственнаго слѣдованія архіерея, а также немедленно отосланъ гонецъ въ Нижній съ точными указаніями пунктовъ, въ которыхъ должны быть на готовѣ убойные олени для собакъ, чтобы сообразно съ этимъ можно было распредѣлить ежедневные переѣзды. На убой предназначалось значительное количество животныхъ, такъ какъ на каждую нарту считали по два оленя, что на 10 нартъ составитъ 20 животныхъ для каждого ночлега, да столько же на обратный путь; тѣмъ не менѣе все отпускалось съ большой охотой и нельзя было даже замѣтить, чтобы особенно тяготились этимъ.

При обсужденіи этого дѣла рѣчь зашла также и о томъ, что тутъ, т. е. въ Хархабиркѣ, на Эломбалѣ и на Лабугенѣ, чукчи

содержали зимой помимо собакъ, о которыхъ я уже упоминалъ, еще 76 человекъ; чукчи содержатъ этихъ, имъ совершенно чужихъ и безразличныхъ людей уже три года подрядъ, и въ нынѣшнемъ году сюда прибыло больше народу, чѣмъ въ два предыдущіе. Конечно, я поблагодарилъ за эти благодѣянія и Тинеймита и Кеутегина, на которыхъ, вѣроятно, падала львиная доля по содержанию пришельцевъ. Тинеймитъ производилъ очень пріятное впечатлѣніе и впоследствии оказался очень милымъ и обходительнымъ человекъ; я долго съ нимъ разговаривалъ относительно такого рода помощи мясомъ и спрашивалъ не эксплуатируется ли колымскими жителями благотворительность чукчей черезъ-чуръ беззащитно и не потворствуетъ ли она лѣни. Онъ полагалъ, что въ общемъ — нѣтъ, что пріѣзжающіе къ нимъ люди большею частью находятся въ сильной нуждѣ, особенно благодаря своимъ собакамъ, которыхъ очень трудно содержать въ неудачные годы. Съ другой стороны и пришельцы, по его словамъ, въ свою очередь оказываютъ имъ услуги, которыхъ тоже нельзя не принимать въ расчетъ: русскіе работаютъ на чукчей, доставляютъ имъ повозки и т. д., такъ что они отлично ладятъ другъ съ другомъ; чукчи очень рады, если близъ нихъ селятся русскіе. Такимъ образомъ тутъ рука руку моетъ, а это является наилучшимъ связующимъ звеномъ между людьми такихъ различныхъ національностей, какія живутъ другъ съ другомъ на нижнемъ теченіи Колымы.

10 Февраля мы снова пустились въ путь; но Амвраоргинъ просилъ позволенія отстать отъ меня со своей нартой, увѣряя, что онъ всегда будетъ имѣть возможность во время догнать меня въ Нижнемъ. Быстрая безостановочная ѣзда, въ которой принималась въ расчетъ исключительно способность животныхъ къ работѣ, пугала его: онъ, какъ истый азіатецъ, смертельно боялся спѣшки. Конечно, я согласился на его просьбу, потому что о пріѣздѣ архіерея не было ничего извѣстно, я же одинъ, благодаря этому, могъ ѣхать много скорѣе и такимъ образомъ уже 11-го, поздно вечеромъ, прибылъ въ Нижній. На пути встрѣ-

тилъ меня гонецъ изъ Нижняго съ письмомъ отъ архіерея, въ которомъ послѣдній извѣщалъ, что вслѣдствіе непредвидѣнныхъ обстоятельствъ онъ долженъ измѣнить свои намѣренія. Онъ не имѣлъ возможности посѣтить церковь на Баранихѣ и просилъ, чтобы чукчи пріѣхали на ярмарку, гдѣ онъ совершитъ богослуженіе въ тамошней часовнѣ; онъ прибавлялъ, что 24 февраля долженъ непременно отправиться на Индигирку. Эти извѣстія, конечно, измѣняли все дѣло: чукчи ожидали его только въ концѣ мѣсяца и не могли такъ скоро прибыть на Анюю. Но такъ какъ измѣнить его новый планъ было нельзя, то я поспѣшно отослалъ гонца дальше, чтобы прекратить работы по подготовкѣ пути на Баранихѣ и просить Амвраоргина ускорить движеніе его соплеменниковъ къ Анюю; впрочемъ я зналъ, что послѣднее выполнимо только отчасти, такъ какъ, благодаря своимъ стадамъ и вообще всему складу жизни, чукчи настолько привыкли къ медленнымъ передвиженіямъ, что даже понятіе о поспѣшности имъ было вовсе неизвѣстно.

12 Февраля прибылъ въ Нижній архіерей. Когда на слѣдующій день я представилъ ему Амвраоргина и онъ переговорилъ съ послѣднимъ, то рѣшилъ посѣтить сначала селенія къ сѣверу отъ Колымска, — Каретово, Черноусово и Походское, а затѣмъ уже, 21 февраля, совершитъ богослуженіе въ часовнѣ на ярмаркѣ и, наконецъ, 25 февраля выѣхать на Индигирку. Впослѣдствіи это и было такъ исполнено, но, конечно, чукчей собралось очень мало; впрочемъ, число крещенныхъ между ними очень ничтожно (42) и если съ одной стороны прибытіе архипастыря несомнѣнно привлекло бы большее количество народа, то съ другой—поспѣшность его поѣздки отнимала у чукчей возможность собраться во время. Передъ нашимъ отъѣздомъ Амвраоргинъ сообщилъ архіерею, что онъ имѣетъ намѣреніе построить при устьѣ Эломбала на собственныя средства небольшую церковь и домъ для духовенства. Предложеніе было принято, понятно, съ благодарностью, а мнѣ было поручено позаботиться о приведеніи плана въ исполненіе. 25 Февраля архіерей выѣхалъ изъ Нижняго, и я

такимъ образомъ могъ тоже отправиться въ путь, чтобы приняться за свои дѣла; 1 марта я былъ снова въ Среднеколымскѣ.

Между тѣмъ сюда уже прибылъ въ полной сохранности мой багажъ и я могъ приступить къ подготовленію его для отправки въ дальній путь на ярмарку. Но одно дѣло было выполнено во время моего отсутствія крайне небрежно, — я говорю о подготовкѣ сухарей для нашего каравана. Хлѣбъ хотя и былъ испеченъ въ достаточномъ количествѣ, но сушка сухарей тѣмъ не менѣе едва начата. Это было крайне непріятно потому, что нельзя было рассчитывать, чтобы въ сыромъ климатѣ, по всей вѣроятности свойственномъ Чукотской Землѣ, хлѣбъ могъ долго сохраняться не портясь, не говоря уже о его значительномъ вѣсѣ, затруднявшемъ перевозку. Эти опасенія дѣйствительно оправдались на дѣлѣ и причинили намъ много бѣдъ. Насколько могъ, я торопилъ сушку, но нельзя было многого сдѣлать при двухъ малыхъ печахъ, находившихся въ нашемъ распоряженіи. Я долженъ былъ взять съ собою огромное количество хлѣба, который впоследствии большею частью испортился.

Среди людей, ожидавшихъ съ нетерпѣніемъ моего приѣзда, находился также тунгузъ Фока, который нашелъ упомянутого выше мамонта. Я его подробно распросилъ и узналъ, что на одной рѣчкѣ между нижнимъ теченіемъ Алазеи и Индигиркою виденъ изъ земли большой кусокъ шкуры, покрытой волосами, и что можно было рассчитывать найти тамъ хорошо сохранившееся животное. Тунгузъ получилъ въ подарокъ значительное количество — около двухъ пудовъ — табаку и ушелъ очень довольнымъ; я же немедленно сообщилъ полученное мною извѣстіе Императорской Академіи Наукъ. Кромѣ того я далъ порученіе очень опытному проводнику, Якову Сивцову, отправиться весною въ сопровожденіи Фоки на мѣсто, убѣдиться въ находкѣ и затѣмъ донести мнѣ, можно ли туда добраться съ вычными лошадьми и есть ли возможность вывезти оттуда значительныя тяжести.

Въ различныхъ хлопотахъ время быстро проходило и срокъ

отъѣзда приближался. 18 Марта я снарядилъ моихъ спутниковъ въ Нижній съ послѣдними купцами, покидавшими Колымскъ, а самъ остался еще въ городѣ, такъ какъ мнѣ необходимо было закончить много дѣлъ прежде, чѣмъ оставить округъ на такое продолжительное время и передать его моему помощнику. Мой багажъ былъ приготовленъ уже вскорѣ послѣ моего прибытія, кромѣ сухарей, отправленныхъ много позже. Для этого я воспользовался 25, закупленными преимущественно въ Колымскѣ, лошадьми: съ одной стороны я хотѣлъ дать отдыхъ животнымъ, продѣлавшимъ путь отъ Якутска, а съ другой — желалъ испытать выносливость свѣжихъ, но за то и непривыкшихъ къ путешествію. Опытъ далъ очень плачевные результаты: изъ 25 лошадей, покинувшихъ Среднеколымскъ въ наилучшемъ видѣ, пять не могли дойти до Нижняго, десять пришлось оставить тутъ за негодностью и только остальные десять животныхъ донесли свой вьюкъ до ярмарки, выдержавъ кое-какъ 750 верстъ. Лошадямъ приходилось довольствоваться на всемъ пути только пищею изъ подъ снѣга, чего съ непревычки вынести онѣ не могли. Изъ этого, конечно, нельзя было еще сдѣлать прямого заключенія относительно пригодности животныхъ для лѣтняго путешествія по Чукотской Землѣ: негодность зимнихъ пастбищъ вовсе не обуславливала плохаго качества свѣжей травы лѣтомъ; тѣмъ не мѣнѣе необходимость лишиться столькихъ лошадей вызвала на размышленія. Наконецъ 24 марта я тоже прибылъ въ Нижній, приготовилъ на слѣдующій день мой караванъ къ дальнѣйшему пути и могъ выѣхать самъ 25 вечеромъ на ярмарку, куда прибылъ 26, тоже вечеромъ.

Теперь я ѣхалъ быстрѣе, чѣмъ прежде: дорога была уже наѣзжена; первые 30 верстъ она пролежала по болоту и озерамъ, а далѣе почти исключительно по льду Малаго Анюя. Въ мѣстахъ остановокъ находились теплые дома и было запасено топливо, тогда какъ прежде все было пусто, а нѣкоторыя строенія были даже совершенно занесены и наполнены снѣгомъ. Когда я приѣхалъ на ярмарку, мнѣ донесли объ одномъ несчастіи, кото-

рое могло бы имѣть очень дурныя послѣдствія, но обошлось, къ счастью, безъ большихъ непріятностей. По одному старому правилу, чукчи, юкагиры и вообще всѣ тѣ, кто пріѣзжаетъ на торгъ на оленяхъ, должны располагаться лагеремъ не очень близко отъ ярмарки и непременно на востокъ отъ нея. Точно также всѣмъ имъ запрещено появляться съ оленьими нартами на льду Анюя къ западу отъ мѣста ярмарки съ того времени, какъ отсюда пошлютъ въ Нижній гонца съ извѣстіемъ, что чукчи прибыли. Въ виду того, что въ крѣпосцѣ собирается до тысячи собакъ, эта предосторожность безусловно необходима и исполняется всегда въ точности, потому что люди сами очень хорошо знаютъ склонность собакъ считать за свою неотъемлемую добычу каждаго встрѣченнаго оленя. Съ другой стороны и тѣ, кто ѣдетъ на собакахъ, не имѣютъ права отправиться къ ярмаркѣ раньше, чѣмъ упомянутый выше гонецъ не извѣститъ исправника или исправляющаго его должность и не выйдетъ разрѣшеніе тронуться. Разрѣшеніе на этотъ разъ было уже дано и двѣ нарты тотчасъ же пустились въ путь, но хотя на вполнѣ законномъ основаніи, тѣмъ не менѣе раньше, чѣмъ это обыкновенно бывало прежде. Для того, чтобы понять дальнѣйшее, необходимо ознакомиться съ топографическими условіями ближайшихъ окрестностей крѣпосцы. Дорога здѣсь идетъ по правому берегу рѣки и, подѣзжая къ мѣсту ярмарки, имѣешь слѣва высокій склонъ, нѣчто въ родѣ вала, поросшаго травой и кустарникомъ и тянущагося на протяженіи почти четырехъ верстъ по прямой линіи. Потомъ рѣка изгибается влѣво и за поворотомъ видъ въ даль скрывается до тѣхъ поръ, пока не доѣдешь до самаго мыска, гдѣ на лѣвомъ берегу рѣки разомъ становится видна крѣпосца въ 400 приблизительно саженьяхъ. Обѣ нарты ѣхали близко одна за другой, вдоль прибрежнаго вала, собаки уже порядкомъ устали и ослабѣли, но вдругъ онѣ оживились и съ лаемъ понеслись впередъ. Такъ какъ это было обыкновеннымъ явленіемъ и происходило оттого, что животныя чуяли близость массы оленей, находившихся по ту сторону крѣ-

посцы, на него не обратили никакого вниманія. Но передъ самымъ мыскомъ животныя пустились бѣшеной рысью и не успѣли еще люди опомниться, какъ при самомъ поворотѣ нарты уже налетѣли на сани, запряженные парюю оленей и занятыя двумя чукчами. Всякое описаніе блѣднѣетъ передъ тѣмъ, что затѣмъ послѣдовало: взору вожаковъ представились вдругъ два валявшіеся на землѣ оленя и двадцать четыре собаки, которыя съ лаемъ и воемъ дѣлили добычу. Соскочить съ нарты и начать колотить эту бѣшеную стаю куда ни попало тяжелыми тормазными палками съ желѣзными наконечниками, было для людей дѣломъ одной минуты, но и это средство не сразу помогло. Разъяренныя животныя при такихъ условіяхъ не обращаютъ вниманія ни на какіе побои. Наконецъ тварей удалось-таки отогнать и привязать: оленя превратились въ груды мяса и костей, на снѣгу между ними или подъ ними валялся одинъ изъ чукчей, который съ испугу тотчасъ же растянулся и лежалъ безъ движенія. При такихъ обстоятельствахъ это было самымъ дѣйствительнымъ средствомъ; его спасла двойная одежда изъ оленьихъ шкуръ; верхняя была сильно изодрана, но нижняя и онъ самъ оказались невредимыми. Но куда же могъ дѣться другой чукча?—людямъ показалось, что ихъ было двое на саняхъ, да и сожрать его въ такое короткое время собакамъ было, конечно, невозможно. Этого и не случилось; его нашли висящимъ въ полусознательномъ состояніи на высокомъ откосѣ берега, куда со страха онъ прыгнулъ и уцѣпился за кусты или что-то подобное. Когда я производилъ слѣдствіе, изъ котораго и выяснилось вышесказанное, прошло уже много времени со дня происшествія, но чукчи все еще не могли опомниться отъ испуга: они не могли себѣ ясно представить, какимъ образомъ одинъ изъ нихъ очутился на дорогѣ между оленями, а другой попалъ на откосъ берега. Они не предполагали, чтобы нарты съ собаками уже могли прибыть изъ Нижняго и потому считали ѣзду по Авюю еще безопасною; они ѣхали довольно быстрою рысью, какъ вдругъ на нихъ напала стая бѣшенныхъ собакъ, — далѣе они уже ничего

ясно не могли рассказать. Но очевидно, что все случилось такъ, какъ объясняли вожаки нартъ.

На слѣдующее утро послѣ моего приѣзда я имѣлъ разговоръ съ Амвраоргинымъ. Извѣстія были плохія: съ мыса Пээкъ прибыло всего около 15 торговцевъ, потому что, какъ онъ уже и раньше слыхалъ, зимнія пастбища пострадали во многихъ мѣстахъ отъ гололедицы. Поэтому онъ заявилъ, что съ ярмарки невозможно отправиться прямо на востокъ, — стада этого не вынесутъ. Основываясь на собранныхъ имъ свѣдѣніяхъ, онъ выработалъ себѣ новый планъ. Съ Анюя онъ предлагалъ сначала отправиться на мѣсто своей стоянки на истокахъ Большаго Анюя, тщательно выбрать тамъ самыхъ крѣпкихъ животныхъ и прежде всего направиться на истоки Анадыра. По приходѣ туда онъ надѣялся разузнать, есть ли возможность перебраться тамъ черезъ хребетъ, а также можно ли рассчитывать на годныя пастбища по сѣверному склону этого послѣдняго. Одинъ изъ чукчей-оленоводовъ собирался направиться со своими стадами этимъ путемъ для своихъ собственныхъ цѣлей и можно было рассчитывать получить извѣстія о его судьбѣ до нашего прихода на Анадырь. Амвраоргинъ спросилъ меня согласенъ ли я съ его планомъ; само собою разумѣется, что я ничего не имѣлъ противъ него: вообще съ этихъ поръ мое участіе въ подобныхъ совѣщаніяхъ могло быть только формальнымъ; я не зналъ ни страны, куда мы ѣхали, ни обращенія съ животными, на которыхъ мы собирались путешествовать, — слѣдовательно я не могъ имѣть никакого самостоятельнаго сужденія.

Что касается ярмарки, то нельзя сказать, чтобы съ перваго взгляда она казалась пустою. Приѣхало много народу не только изъ Колымска, но и изъ другихъ мѣстностей. Всѣ домики, по видимому, были заняты, что доказывали весело дымящіяся трубы. Пестрыя толпы — русскихъ, юкагировъ, ламутовъ и чукчей — тѣснились по лавкамъ и брали товаръ на расхватъ. Вообще картина являлась разнохарактерною и прикащики въ лавкахъ были очень довольны. Но не такъ успѣшно велись дѣла

въ домикахъ, въ которыхъ расположились купцы съ чаемъ и сластями и поджидали чукчей-торговцевъ. Послѣднихъ дѣйстви-тельно прибыло немного, и, что всего хуже, они привезли съ собою очень мало товара, который къ тому же былъ незначительной цѣн-ности. Причина этого зависѣла тоже отъ плохаго состоянія пути, но только отчасти; главнымъ образомъ это обусловлива-лось тѣми обстоятельствами, которыя уже давно причиняли жи-телямъ Колымска много безпокойства. Среди пушныхъ това-ровъ, которыми обыкновенно торговали чукчи, различные пре-восходные сорта лисицъ и куницъ считались, да и теперь счи-таются, за самые дорогіе, а бобры цѣнятся гораздо ниже. Въ прежнее время число лисихъ и кунихъ мѣховъ, ежегодно при-возившихся на Анюй, было довольно значительно, и въ то время можно было еще въ крайнемъ случаѣ прихватить и бобровъ, хотя торговцы уже очень давно стали брать ихъ неохотно. Но такое положеніе дѣлъ сильно измѣнилось со времени передачи Соединеннымъ Штатамъ прежде принадлежавшихъ русско-аме-риканской компаніи владѣній, расположенныхъ въ крайнемъ сѣверо-западномъ углу Америки. Съ тѣхъ поръ американцы начали ежегодно посѣщать Берингово море и вести тюленьи промыслы какъ по берегамъ Америки, такъ и на побережьяхъ Азіи. Въ то же время они торгуютъ съ чукчами и кергаулами и скупаютъ у нихъ всѣ цѣнные мѣха, такъ что въ Азію попа-даютъ почти одни бобры, которыхъ азіатамъ не нужно. Вредъ, который американцы этимъ причиняютъ жителямъ Колымска, былъ бы еще значительнѣе (и пожалуй на Анюй вовсе пере-стали бы ѣздить чукчи-торговцы), если бы американскій табакъ какъ чукчамъ, такъ и кергауламъ, нравился больше, чѣмъ рус-ская махорка. Но за то американцы имѣютъ другую приманку, противъ которой азіаты рѣдко въ состояніи устоять, но которую вовсе нельзя получить на Анюѣ, — это водка. Эту отраву они возятъ съ собою въ значительномъ количествѣ и пускаютъ ее въ обращеніе, къ несчастію, съ большимъ успѣхомъ. Благодаря ей, погибь, или по крайней мѣрѣ обѣднѣль, уже не одинъ чукча:

напившись, онъ спускаетъ всѣ свои пожитки и имущество за безцѣнокъ, лишь бы пріобрѣсти какъ можно больше водки.

Жалобы на хищнической тлюеній промыселъ и на отравленіе чукчей водкою дѣйствительно вполне основательны. Подобныя сѣтованія раздавались уже прежде, во время генералъ-губернаторства графа Муравьева; тогда были отправлены къ тѣмъ берегамъ крейсера, которые и принесли пользу; но впоследствии этотъ развращающій образъ дѣйствій снова получилъ широкое распространеніе.

Если появленіе американцевъ нанесло русскимъ вообще значительный ущербъ, такъ какъ пушной товаръ, попадавшій въ ихъ руки, въ отношеніи количества и качества теперь уступалъ прежнему, то колымскимъ жителямъ въ частности оно причинило еще одну неприятность. Дѣло въ томъ, что по нѣкоторымъ причинамъ часть чукчей считала для себя болѣе выгоднымъ ѣздить торговать не къ Колымску, а въ Марково на Анадырь. Конечно, чукчамъ нельзя было запретить торговать тамъ, гдѣ они находили для себя наиболѣе выгоднымъ, но жителямъ Колымска это вовсе не нравилось, а потому послѣдніе и на этотъ разъ были въ очень плохомъ расположеніи духа.

На ярмаркѣ этого года правила Трескина не должны были приниматься въ расчетъ, за исключеніемъ пункта, требовавшего, чтобы табакъ былъ развѣшанъ, запечатанъ и каждый мѣшокъ помѣченъ цифрою заключавшихся въ немъ фунтовъ. Тѣмъ не менѣе старый порядокъ сохранился еще на столько, что по крайней мѣрѣ наружный видъ ярмарки не измѣнился. Какъ и прежде, чукчи собрались въ день торга на льду, гдѣ они разставили свои сани широкимъ кругомъ, отпрягли оленей и спокойно выжидали, что будетъ далѣе. Когда всѣ чукчи въ сборѣ, приходятъ купцы съ мѣшками табаку и становятся въ центръ круга; затѣмъ всѣ они наскоро крестятся и каждый изъ нихъ устремляется къ санямъ тѣхъ изъ чукчей, съ которыми онъ велъ предварительные переговоры. Поднимается страшная суматоха: всѣ бѣгутъ, протискиваются, толкаются, падаютъ, вновь вскакиваютъ и бѣгутъ

дальше, какъ будто всё они ужалены тарантуломъ. Въ прямую противоположность этому необыкновенно выгодное впечатлѣніе производитъ важное, стоическое спокойствіе, съ которымъ чукчи ведутъ дѣла у своихъ саней. Объ этомъ сообщаетъ въ своемъ отчетѣ уже Матюшкинъ (43). Не слѣдуетъ однако упускать изъ виду, что положеніе обѣихъ партій въ день торга далеко не одинаково. Чукчи получаютъ табакъ, который крѣпко упакованъ, хорошо свѣшанъ и запечатанъ, такъ, что одинъ мѣшокъ отъ другаго, того же вѣса, ничѣмъ не отличается. Купецъ же принимаетъ мѣха, а это совсѣмъ другое дѣло. Какъ всюду въ торговлѣ, каждая шкурка извѣстнаго сорта мѣха цѣнится какъ разъ столько, сколько другая. Если мнѣ, напр., полагается получить за одинъ пудъ табаку 10 красныхъ лисицъ или 10 куницъ, то мнѣ не приходится уже принимать въ расчетъ доброту каждаго отдѣльнаго экземпляра, а только слѣдить за тѣмъ, чтобы число шкурокъ оказалось вѣрнымъ. За остальное не отвѣчаетъ ни одинъ охотникъ, а также и чукча. Однако на дѣлѣ замѣчается большая разница между отдѣльными шкурками, а потому тотъ, кто прибылъ раньше, можетъ выбирать себѣ изъ всего наличнаго запаса и самыя лучшія связки: всё мѣха разложены и связаны по столько шкуръ, по сколько полагается платить за одинъ пудъ табаку: бобры всегда по пяти, лисицы и куницы по десяти штукъ. Другая причина спѣшки заключается въ томъ, что какъ по торговымъ правиламъ, такъ и по обычаю, десять лисьихъ шкурокъ считаются равными десяти куньимъ, а между тѣмъ на рынкѣ послѣднія цѣнятся выше; точно также названное число указанныхъ сортовъ мѣха принимается соотвѣтствующимъ пяти бобрамъ, а эти на рынкѣ значительно упали въ цѣнѣ (44). Каждый купецъ, поэтому, желаетъ получить преимущественно куницъ, менѣе охотно онъ беретъ лисицъ, и очень неохотно принимаетъ бобровъ, да и то только тогда, когда уже нельзя получить ничего другаго. Но онъ не можетъ жаловаться, если получить за каждый пудъ табаку только одинъ изъ указанныхъ сортовъ мѣха въ надлежащемъ

числѣ шкурокъ. Вслѣдствіе этого становится понятной та лихо-радочная поспѣшность, съ которою купцы стремятся къ санямъ чукчей: каждый хочетъ быть первымъ, каждый желаетъ имѣть выборъ. Чукча же смотритъ на все это равнодушно: онъ долженъ получить за каждую связку, лежащую у него на саняхъ, по пуду табаку, въ этомъ онъ нисколько не сомнѣвается, а кому достанутся его куницы, кому бобры, — ему совершенно безразлично. Правда, на предварительныхъ переговорахъ, онъ обѣщаль каждому изъ купцовъ дать по возможности куницъ, но онъ и не скрываль, что у него есть и другія шкуры; пусть каждый самъ торопится, если пожелаетъ получить лучшіе мѣха. Въ 1866 году одинъ сильно раздраженный купецъ подозваль меня къ санямъ, на которыхъ лежали двѣ или три связки бобровъ и больше ничего. Купецъ жаловался, что чукча обѣщаль ему лисицъ, за которыхъ онъ хотѣль было отдать уже табакъ, какъ вдругъ подскочиль другой купецъ, перерылъ лежавшія на возу связки, схватиль лисицъ, кинуль свой табакъ и ушелъ. Чукча показаль, что у него было шесть или восемь связокъ мѣха, что жаловавшійся купецъ подошелъ къ его санямъ первый и сталъ пересматривать шкурки, но такъ какъ онъ дѣлаль это очень медленно и долго при этомъ размышляль, то явился другой, который быстро взяль лисицъ и удалился; чукча прибавиль, что онъ никому не препятствовалъ дѣлать свое дѣло. Конечно, торговыми правилами это не возбранялось и жалобщикъ — въ данномъ, интересномъ, случаѣ родной отецъ обвиняемаго — остался въ убыткѣ: быстро-дѣйствовавшій сынъ сумѣль воспользо-ваться медлительностью своего отца и послѣднему *polens volens* пришлось удовольствоваться бобрами.

Въ то время какъ купцы — и русскіе, и чукчи — вымѣнивали табакъ и мѣха, независимо отъ нихъ велась мелочная торговля между чукчами-оленеводами съ одной, и различнымъ народомъ съ другой стороны. Въ противоположность чукчамъ съ мыса Пэакъ, чукчи съ Анюя прибыли въ большомъ числѣ, и тутъ легко было замѣтить, что этотъ мелочной торгъ былъ много

важнѣе для Колымскаго округа, чѣмъ приходящая въ упадокъ оптовая торговля. Громадное количество оленьихъ шкуръ, род-вугъ, нитей изъ оленьихъ сухожилій, олени языки, мясо, цѣлыя туши предлагались и продавались за отдѣльныя пачки табаку, ножи, топоры, наконечники и палки для копій и т. п. Тутъ чукчи являлись уже далеко не столь спокойными и сдержанными, какъ въ оптовой торговлѣ: они шумѣли и рядились также, какъ и другіе.

Въ этотъ день торговля закрылась около четырехъ часовъ пополудни, во первыхъ потому, что купцы уже кончили свои дѣла, а во вторыхъ вслѣдствіе того, что по старинному обычаю было назначено празднество съ состязаніемъ между чукчами. Эти состязанія заключались въ гонкѣ на оленяхъ, въ бѣгѣ взапуски и въ борьбѣ. Призами я назначилъ: лучшему ѣздоку на оленяхъ 10 фунтовъ табаку, а лучшему бѣгуну и борцу по одному фунту этой травы. Интересъ представляетъ, собственно говоря, лишь гонка на оленяхъ, остальные два состязанія замѣчательны развѣ только тѣмъ, что состязающіеся являются на арену полунагими, не смотря на 25—30° холода по Реомюру: они одѣты только въ штаны и мѣховую обувь (45).

На ристалище явились около 20 саней; каждая изъ нихъ были запряжены парой оленей и имѣли по сѣдоку-кучеру.

Такія чукотскія бѣговыя санки необыкновенно красивое произведеніе и чукчи не прочь щегольнуть содержаніемъ ихъ въ опрятности и ихъ изяществомъ. Санки дѣлаются изъ березоваго дерева; отдѣльныя, гладко выстроганныя части и бруски скрѣпляются искусно-сплетеными ремешками изъ ослѣпительно-бѣлой кожи. На двухъ тонкихъ длинныхъ полозьяхъ, которыя въ передней части загибаются и прикрѣпляются къ передку саней, расположены спицы изъ оленьихъ костей или изъ дерева. Ихъ стараются вырѣзать какъ можно тоньше и изящнѣе и соединяютъ другъ съ другомъ очень красивою сѣткою изъ тонкихъ ремешковъ. На спицахъ укрѣплено сидѣнье съ художественно сдѣланной спинкой. Высота такихъ санокъ не превышаетъ де-

сяти дюймовъ; ширина почти такая же, но въ сидѣнны около 18 дюймовъ; длина саней около четырехъ футовъ, но впереди далеко за станокъ выдаются полозья; вѣсятъ онѣ не болѣе 8—10 фунтовъ. Для того, чтобы было легко скользить по твердому снѣгу, полозья, имѣющія въ ширину около двухъ съ половиною пальцевъ, снизу покрываются китовымъ усомъ. Олени запрягаются не однимъ общимъ ремнемъ, какъ въ якутскихъ нартахъ, но каждое животное имѣетъ свой ремень, который впрочемъ протягивается тоже между передними ногами и проводится поперекъ лопатки. Чукотская запряжка имѣетъ преимущество предъ якутской, потому что здѣсь можно управлять животными. Для этой цѣли подъ уши и подъ челюсти очень остроумно подкладываются пластинки, сдѣланныя изъ рога каменнаго барана и имѣющія на сторонѣ, прилегающей къ тѣлу, острые бугорки. Когда кучеръ натягиваетъ вожжи, то при помощи очень ловко приспособленной системы петель и рычажковъ пластинка своими бугорками давитъ на кожу животнаго и беспокоитъ его, не причиняя впрочемъ вреда. Животныя повинуются подобнымъ игламъ очень хорошо и поэтому ими можно управлять столь же вѣрно, какъ лошадей посредствомъ мундштука. Наконецъ, чукчи употребляютъ еще длинную, гибкую палку для того, чтобы погонять оленей, но рѣдко пускаютъ ее въ дѣло.

По правиламъ бѣга всѣ сани трогаются съ мѣста одновременно и ѣдутъ вверхъ по рѣкѣ до скалистаго мыска, который отстоитъ отъ крѣпости въ 7 или 8 верстахъ, а затѣмъ возвращаются назадъ. Тотъ, кому удастся пріѣхать первымъ и захватить пачку табаку, прикрѣпленную на воткнутой въ ледъ по срединѣ рѣки палкѣ, — тотъ выигралъ. Рѣка сама по себѣ достаточно широка для сотни саней, но не во всю свою ширину одинаково пригодна для бѣга. По срединѣ ледянаго покрова рѣки обыкновенно пролегаетъ старая, наѣзженная дорога, которая однако часто бываетъ занесена; но на изгибахъ и заворотахъ большую частію лежитъ масса вырванныхъ древесныхъ стволовъ, обломковъ скалъ и тому подобнаго сора, которымъ загро-

мождается русло то многоводной, то бѣдной водою и образующей стремительные водопады горной рѣки. Каждый изъ состязающихся имѣетъ полную свободу въ выборѣ дороги, но только онъ не можетъ поворотить раньше, чѣмъ доѣдетъ до назначеннаго мыска.

Какъ только по данному знаку сани устремились впередъ, интересъ къ нимъ на нѣкоторое время ослабѣваетъ. Отъѣздъ не представляетъ изъ себя ничего важнаго, на основаніи его еще нельзя сдѣлать никакого заключенія, да кромѣ того черезъ двѣ или три версты все скрывается изъ глазъ за поворотомъ рѣки. Въ это время разговариваютъ, расхаживаютъ и каждый старается провести возможно хорошо время до возвращенія состязающихся, которые должны проѣхать болѣе десяти верстъ прежде, чѣмъ снова покажутся зрителямъ. Наконецъ даютъ знать, что они приближаются; тутъ возникаетъ первый вопросъ, — сколько ихъ ѣдетъ? Въ самомъ дѣлѣ: на бѣломъ полѣ видны одна, двѣ или три черныя точки, далѣе появляются еще двѣ или три; — всѣ остальные сани, слѣдовательно, остались позади. Это случается каждый годъ, потому что гонка на такихъ санкахъ съ перваго взгляда кажется много невиннѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Сѣверный олень имѣетъ сравнительно со своимъ ростомъ очень развитыя раздвоенныя копыта, которыя при ступаніи расходятся очень широко. Когда животное все болѣе и болѣе горячится, когда оно уже закинуло свою голову назадъ, положило рога на спину и высунуло далеко изо рта языкъ, оно раскидываетъ изъ подъ своихъ далеко разсѣвшихся копытъ комки свѣга съ необычайною силою. Такимъ образомъ въ голову и грудь сидящаго на низкихъ — въ 8 или 10 дюймовъ — саночкахъ летитъ комокъ за комкомъ пока наконецъ какой нибудь крѣпкій кусокъ не попадетъ въ лобъ или високъ ѣздока и онъ, не взвѣдя свѣта, не упадетъ оглушеннымъ и не прекратитъ своего бѣга.

Изъ появившихся точекъ нѣсколько остается позади; наконецъ рѣзко вырисовываются только двѣ или три, онѣ быстро

приближаются, становится уже возможным различать сѣдоковъ, и теперь бьются объ закладъ кто выиграетъ призъ. Подъ конецъ споръ можетъ касаться только двоихъ, но они оказываются почти равносильными. Послѣдній отрѣзокъ пути образуетъ сильно-волнистую дугу. Вдругъ однѣ изъ саней, которыя до сихъ поръ оставались позади другихъ на половину своей длины, рѣшительно направляются по прямой линіи къ шесту, на которомъ привязанъ табакъ. Всѣ чукчи вскрикнули, — самъ старикъ Амвраоргинъ отважился на этотъ смѣлый поступокъ. Дѣйствительно, хотя послѣдній путь и былъ короче, потому что онъ представлялъ изъ себя прямую, но трудно себѣ представить какъ можно было пронестись въ санкахъ по лежавшимъ тутъ осколкамъ и камнямъ, едва прикрытымъ тонкимъ слоемъ снѣга. Однако Амвраоргину удалось; нѣсколько разъ сани съ сѣдокомъ, правда, взлетали высоко, но всегда правильно становились на землю и крикамъ радости не было конца, когда онъ сорвалъ пачку табаку. Но на что онъ былъ похожъ: его мѣховой кафтанъ былъ сплошь покрытъ крѣпкимъ обледенѣвшимъ слоемъ снѣга слишкомъ въ палецъ толщиною, который его слуги очистили съ большимъ трудомъ; лицо его покраснѣло, надъ однимъ глазомъ былъ большой синякъ; однимъ словомъ, онъ значительно пострадалъ (43). Мало по малу прибывали и остальные сани. Многіе отказались отъ состязанія какъ только убѣдились, что выиграть они не могутъ; но тѣ, которые могли вполне рассчитывать на своихъ оленей, покинули ристалище только потому, что не могли ѣхать дальше благодаря поврежденіямъ, полученнымъ отъ летѣвшихъ въ нихъ комьевъ снѣга; одинъ же опрокинулся и ударился объ стволъ такъ, что потерялъ на нѣкоторое время сознаніе, но скоро, впрочемъ, оправился. Съ момента отъѣзда до момента, когда табакъ былъ сорванъ, бѣгъ продолжался около 20 минутъ; очень жалко, что разстояніе не было измѣрено точно: о быстротѣ бѣга сѣвернаго оленя можно было бы сдѣлать болѣе правильныя заключенія, чѣмъ теперь.

На слѣдующій день торгъ на льду продолжался; купцы яви-

лись съ желѣзными котлами, чукчи — съ моржевыми бивнями, которыхъ впрочемъ въ этомъ году было очень мало, такъ что дѣла шли туго. Въ мелочной торговлѣ предлагались въ порядочномъ количествѣ ремни изъ тюленьей кожи, славящіеся своею крѣпостію, а также китовыя кости, безъ которыхъ собачьи нарты весною мало годны къ употребленію. Чукчи вырѣзываютъ, частію изъ китовыхъ реберъ, частію же — и это гораздо лучший сортъ — изъ челюстей кита плоскіе куски костей шириною приблизительно въ три пальца, толщиною въ палецъ, а длиною около двухъ футовъ. Такія костяшки весною, когда снѣгъ становится уже рыхлымъ, прикрѣпляются къ нижней поверхности полозьевъ; этимъ достигается очень легкій ходъ савей, тогда какъ намокшее дерево полозьевъ очень трудно скользить по снѣгу.

Это былъ послѣдній день ярмарки, а эта ярмарка была первою, въ которой чукчи платили свой ясакъ еще мѣхами, но не получили отъ правительства за него отдарка. Со слѣдующаго года они обязаны были платить совершенно правильно ясакъ роддугами, на что всѣ очень охотно согласились и еще благодарили меня черезъ Амвраоргина за позволеніе переходить на западъ отъ Коломы.

Всѣ сваряжались въ путь; посѣтители ярмарки — нѣсколько болѣе 1000 человекъ — отправлялись къ мѣстамъ своихъ жилищъ, мы же готовились сначала къ поѣздкѣ на Большой Анюй, къ мѣсту стоянки Амвраоргина. Часть моего багажа, безъ котораго я надѣялся обойтись въ эту поѣздку, была отправлена съ людьми, возвращавшимися въ Марково на Анадырѣ. Благодаря этому, мы не везли съ собою по крайней мѣрѣ ничего лишняго, хотя и то, безъ чего мы не могли обойтись, все же было достаточно тяжело. Послѣдніе купцы покинули мѣсто ярмарки 3 апрѣля, а 4-го выѣхали мы съ Амвраоргинымъ въ юго-восточномъ направленіи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Путь отъ Малаго Аноя до устья Анадыра.

Область, по которой намъ приходилось идти на первыхъ порахъ, была альпійская страна системы двухъ Аноевъ. Эти двѣ рѣки, истоки которыхъ находятся не далеко другъ отъ друга, скоро принимаютъ совершенно различныя направленія. Малый Аноя течетъ довольно прямо съ востока на западъ, а Большой Аноя описываетъ обширную дугу къ югу; затѣмъ ихъ теченія снова сближаются, чтобы въ концѣ концовъ впасть однимъ устьемъ въ Колыму какъ разъ противъ того большаго острова, на восточномъ концѣ котораго расположенъ Нижнеколымскъ. Мѣстность, по которой эти рѣки протекаютъ и которую онѣ охватываютъ своими бассейнами, сплошь гориста; хребты тутъ такъ близко тѣснятся одинъ къ другому, что для самихъ рѣкъ остается только дно долинъ, въ которомъ едва умѣщаются одни ихъ русла. Болѣе широкихъ долинъ почти нигдѣ нѣтъ и только на Большомъ Аноѣ то тамъ, то сямъ встрѣчаются по берегамъ незначительныя низменности. Хребты и вершины не высоки и не круты, самые высокіе, вѣроятно, не превосходятъ 3000 футовъ, а въ среднемъ гребни горъ, повидимому, около 2000 футовъ абсолютной высоты. Всѣ долины поросли лиственничнымъ лѣсомъ, который подымается на высоту 1500 футовъ надъ уровнемъ моря, и такимъ образомъ оставляетъ самые гребни и пики обнаженными. За исключеніемъ обоихъ Аноевъ, по которымъ можно ѣздить на лодкахъ, всѣ остальные рѣки и рѣчки этой системы слишкомъ стремительны, слишкомъ мелководны, на нихъ слишкомъ часто встрѣчаются мели, песчаныя банки и т. д., чтобы пользоваться ими какъ путями сообщенія. Рыбы въ нихъ тоже почти нѣтъ, она ловится въ достаточномъ количествѣ только въ двухъ главныхъ рѣкахъ. Это крайне негостепріимная страна и только то обстоятельство, что черезъ нее проходили въ преж-

нее время дикіе олени, дало возможность поселиться здѣсь значительному количеству юкагировъ; да и то слѣдуетъ предположить, что народъ кормили не столько сами Анюи, сколько нижнее теченіе Колымы. Въ настоящее время, какъ уже указывалось, тутъ поселились чукчи, а въ виду того, что послѣдніе кочуютъ вмѣстѣ съ источникомъ своего существованія, т. е. со своими стадами, становится само собою понятнымъ, что мѣстность имъ нравится. Не только оголенные отъ лѣса гребни и вершины здѣшнихъ горъ покрыты ягелемъ самаго лучшаго качества, но онъ растетъ тутъ также въ большомъ количествѣ и по долинамъ. Эта страна какъ бы нарочно приспособлена къ потребностямъ народа, занимающагося оленеводствомъ.

На этотъ разъ мы не поѣхали вверхъ по Эломбалу, но, поднявшись на нѣкоторое разстояніе по Малому Анюю и пересѣкши самое верхнее теченіе многихъ — сначала текущихъ въ Малый, затѣмъ направляющихся въ Большой Анюю — рѣкъ, направились почти по прямой линіи къ истокамъ послѣдняго. На этомъ пути намъ удалось почти всегда идти по плоскому гребню горныхъ хребтовъ; тутъ дорога была свободна и насъ не задерживали ни деревья, ни кустарникъ, ни глубокій снѣгъ, который на оголенныхъ отъ лѣса гребняхъ всегда совершенно крѣпокъ, тогда какъ въ лѣсу въ него глубоко увязаетъ.

14 Апрѣля мы прибыли къ мѣсту стоянки Амвраоргина, проведя въ дорогѣ, слѣдовательно, 11 дней и пройдя около 360—380 верстъ. Мы не торопились потому, что могли отправиться въ дальнѣйшій путь только послѣ Пасхи и надо было щадить животныхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя должны были отправиться съ нами въ длинное путешествіе.

Мѣсто, которое выбралъ себѣ старикъ, было очень живописно: на небольшомъ плато, лежащемъ еще въ лѣсномъ поясѣ, но уже близко отъ его верхней границы — оно было покрыто только немногими, одинокими, довольно-таки кривыми лиственницами — возвышалась громадная кожаная палатка Амвраоргина, окруженная многими малыми палатками, въ которыхъ располагалась

его многочисленная челядь. Это плато со всѣхъ сторонъ окружено постепенно-восходящими и поднимающимися выше границы гѣса высотами, доставлявшими пастбища той части его стада, которую онъ держалъ всегда при себѣ. Остальныя его стада находились подѣ присмотромъ собственныхъ его пастуховъ и были распределены по различнымъ пастбищнымъ участкамъ. Чукотская палатка состоитъ изъ двухъ, рѣзко другъ отъ друга отличающихся частей, — изъ большой паружной, холодной палатки и изъ теплаго жилища и спальнаго помѣщенія, или такъ называемаго полога. Первая покоится на деревянномъ остовѣ, который, смотря по величинѣ семьи, бываетъ то больше, то меньше. Основу его составляютъ три длинныхъ шеста, сверху связанныхъ ремнемъ и поставленныхъ въ видѣ треножника. Эти шесты съ одной стороны даютъ возможность подвѣсить котелъ для варки кушанья, а съ другой — доставляютъ главную опору искусно сдѣланному станку изъ жердей, изъ которыхъ составленъ весь остовъ палатки. На остовъ накладываются два громадныхъ кожаныхъ покрывала, составленныхъ изъ массы мягко-выдубленныхъ и затѣмъ прокопченныхъ родвугъ. Ихъ приспособляютъ такимъ образомъ, чтобы одно значительно заходило краями за другое и только вверху оставалось бы дымовое отверстіе. Входомъ служить мѣсто, гдѣ покрывала закидываются другъ за друга. Днем и въ хорошую погоду края отгибаются въ стороны, на ночь и въ ненастье ихъ закрываютъ. Въ такомъ видѣ палатка хорошо защищаетъ отъ дождя и вѣтра; кожа не пропускаетъ воды, а гибкій остовъ изъ жердей вполне выдерживаетъ порывы вѣтра. Только при особенно сильныхъ буряхъ приходится прибѣгать къ дальнѣйшимъ предосторожностямъ: тогда особымъ способомъ подпираютъ остовъ со стороны вѣтра. Для этого употребляется длинный шестъ съ поперечиной вверху, нѣчто вродѣ печатнаго латинскаго Т, но поперечина не прямая, а дугообразная. Когда такая подпорка правильно поставлена къ той сторонѣ, въ которую дуетъ вѣтеръ, весь станокъ изъ жердей въ состояніи выдержать самый ужасный ураганъ; онъ стонетъ и тре-

щитъ все время, но не ломается, какъ мы сами лично убѣдились въ страшную снѣжную бурю 14 мая. Внутри большой палатки вѣшаются полога, обыкновенно одинъ, такъ какъ большинство чукчей имѣютъ по одной женѣ; если же женъ нѣсколько, то каждая получаетъ для себя и своихъ дѣтей особенный пологъ. У богатыхъ хозяевъ, какъ напр. у Амвраоргина, наружная палатка такъ велика, что въ ней могутъ помѣститься и спальни для гостей; такъ, былъ устроенъ отдѣльный пологъ для меня и общій для всѣхъ остальныхъ моихъ спутниковъ. Эти спальни дѣлаются изъ зимнихъ оленьихъ шкуръ, обращенныхъ волосами внутрь, а кожу кнаружи. Онѣ имѣютъ видъ продолговатаго ящика безъ крышки, дно котораго обращено вверхъ, а открытая сторона покоится на землѣ. Высота и ширина обыкновенно по шести футовъ, а длина полога бываетъ, смотря по надобности, отъ 7 до 10 футовъ. Пологъ вѣшаютъ на остовъ изъ жердей такимъ образомъ, что верхъ его, т. е. потолокъ, туго натянутъ на рамѣ, а боковыя стѣнки свѣшиваются и стелятся по землѣ приблизительно на двѣнадцать дюймовъ. Полъ устилается зимними шкурами оленей, а подъ нихъ подгибаются съ трехъ сторонъ концы боковыхъ стѣнокъ полога, такъ что они плотно прижимаются и не даютъ возможности проходить ни малѣйшему дуновению вѣтра. Если хочешь войти или выйти, то поднимаешь переднюю стѣнку, вновь опуская ее за собою; но если погода теплая, переднюю стѣнку можно на половину откинуть и тогда въ пологѣ свѣтло. Для освѣщенія и согрѣванія служитъ лампа, которая, будучи налита костнымъ жиромъ, даетъ свѣтлый огонь безъ запаха и достаточно нагрѣваетъ такое малое помѣщеніе. Внутри полога можно очень удобно исполнять всякую работу, но необходимо научиться заниматься, сидя на полу, — безъ стула или скамьи.

Днемъ чукча обыкновенно вовсе не бываетъ въ пологѣ, предоставляя его женщинамъ и дѣтямъ. Подобно большинству сибирскихъ инородцевъ, онъ не обѣдаетъ, а ѣстъ только два раза, утромъ — тотчасъ по пробужденіи и вечеромъ — передъ отходомъ ко сну. Время между завтракомъ и ужиномъ онъ проводитъ либо

на открытомъ воздухѣ, либо въ наружной палаткѣ. Ежедневную работу по хозяйству исполняютъ и мужъ, и жена. Но на послѣднюю возлагается все, что касается постановки и снятія жилища, нагрузки и разгрузки саней, приготовленія кушанья, однимъ словомъ, всѣ домашнія дѣла, включая сюда дубленіе шкуръ, приготовленіе нитокъ и шитье платья. Мужчина пасетъ стада и ухаживаетъ за ними, запрягаетъ и распрягаетъ оленей, пригоняетъ къ дому назначенныхъ на убой животныхъ, убиваетъ ихъ ударомъ въ сердце, послѣ чего дальнѣйшія хлопоты о нихъ предоставляетъ женѣ.

Уходъ за стадами составляетъ, собственно, почти единственное занятіе мужчины, но оно поглощаетъ рѣшительно все его время. Я думаю, что многочисленность и хорошее состояніе чукотскихъ стадъ, далеко превосходящихъ въ этомъ отношеніи стада всѣхъ остальныхъ инородцевъ, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ Якутской области, обуславливаются исключительно заботами и вниманіемъ ихъ владѣльцевъ. Въ древнее время мнѣ рассказывали очень часто объ одномъ богатомъ тунгузѣ, жившемъ на Оймяконскомъ нагорьѣ, и указывали на его стада изъ трехъ тысячъ оленей какъ на колоссальное богатство, не имѣвшее ничего себѣ подобнаго въ окружности; многіе даже сомнѣвались, считая его преувеличеннымъ. Чукча же полагаетъ, что при трехъ тысячахъ головъ онъ можетъ только свести концы съ концами, а зажиточнымъ онъ становится только тогда, когда стадо достигаетъ 8000 головъ. Но за то, въ общемъ довольно лѣнивый, этотъ народъ неусыпно слѣдитъ за своими животными, и его не страшатъ при этомъ ни непогода, ни другія препятствія. Когда надъ нами разразилась во время путешествія снѣжная буря, въ палаткахъ оставались только мы да женщины, всѣ же мужчины, не исключая и самого старика Амвраоргина, находились при оленяхъ, а между тѣмъ снѣгъ шелъ такой, что нельзя было различить человѣка на разстояніи шести шаговъ. Мужчины были на открытомъ воздухѣ весь день и половину ночи и возвратились только тогда, когда ураганъ прекратился. Они говорили, что оставлять оленей безъ при-

смотря въ такую сильную непогоду очень опасно. Когда стадо не видитъ или не слышитъ пастуха, оно легко увлекается желаніемъ уйти отъ бури, бѣжитъ по вѣтру все скорѣе и скорѣе, пока, совершенно обезумѣвъ, бѣшено не понесется впередъ, не разбирая пути, и не погибнетъ гдѣ нибудь въ пропасти.

Пастуху прежде всего надо озаботиться о томъ, чтобы животныя имѣли хорошее и богатое кормомъ пастбище; далеко не всякій мохъ одинаково питателенъ. Чукчи различали и показывали намъ четыре или пять видовъ мха; нѣкоторые они считали за очень хорошіе, одни особенно полезными осенью и зимою, другіе въ то время, когда коровы телятся; однимъ словомъ, они обращали большое вниманіе на пищу. Когда хорошее пастбище найдено, то осенью и зимою со стадомъ не много хлопотъ, нужно только оберегать его отъ волковъ и показываться животнымъ, чтобы они не чувствовали себя оставленными и постоянно сознавали себя находящимися подъ защитою человѣка (47). Но въ мартѣ наступаетъ, хотя непродолжительное, но тѣмъ не менѣе очень трудное время: коровы начинаютъ теляться. Олень необыкновенно выносливъ, мало чувствителенъ къ вѣтрамъ и непогодѣ, и самка передаетъ эти хорошія качества своему теленку. Все же, въ первый день своей жизни онъ еще нѣженъ и его приходится тщательно оберегать отъ холоднаго вѣтра. Мартъ и начало апрѣля еще очень суровы и въ это время часто дуютъ рѣзкіе вѣтры; поэтому пастухъ постоянно долженъ загонять коровъ въ долины и лощины, по возможности защищенныя, чтобы телята не погибли, пострадавши отъ вѣтра во время рожденія. Шкурка такого умершаго при родахъ или скоро послѣ того теленка, такъ называемая выпоротка, обыкновенно покрыта красивыми, темно-бурыми волосами; она очень мягка и ее легко дубить, вслѣдствіе чего она охотно покупается какъ легкій мѣхъ, на который всегда есть большой спросъ. Тѣмъ не менѣе чукча всегда бываетъ въ дурномъ расположеніи духа, если у него много выпоротки,—это значитъ, что у него погибло много телятъ. Заботы о приплодѣ своихъ стадъ заставили чукчей подвигаться все

болѣе и болѣе на западъ, въ область древесной растительности или по крайней мѣрѣ къ границѣ ея. Дѣло въ томъ, что снѣжныя бури свирѣпствуютъ много сильнѣе на открытомъ мѣстѣ, чѣмъ внутри лѣса. Въ теплое время животное много чувствительнѣе, чѣмъ въ холодное: лѣтомъ оно требуетъ хорошаго пастбища поросшаго ивнякомъ, листья и отпрыски котораго оно съ жадностью поѣдаетъ. Тогда олени страдаютъ отъ укушеній комаровъ и еще сильнѣе отъ преслѣдованія оленьихъ оводовъ. Послѣдніе въ состояніи обратитъ стадо въ такое же бѣшеное бѣгство, какъ и снѣжная буря. Часто случается, что внутренности оленя переполнены личинками этихъ оводовъ и иногда животныя вычихиваютъ и откашливаютъ по пяти или десяти такихъ личинокъ за разъ. Онѣ имѣютъ около дюйма въ длину, около трехъ линій въ толщину и окрашены въ бѣло-сѣрый цвѣтъ. Если видишь животное съ взъерошенной шерстью, то можно быть увѣреннымъ, что подъ кожей сидятъ личинки; стоитъ только нащупать возвышенія на кожѣ и подавить послѣднюю въ такихъ мѣстахъ, чтобы тотчасъ выдавить и личинку. Во время нашего путешествія случалось, что заколотыхъ животныхъ приходилось бросать какъ негодныхъ въ пищу потому, что всѣ ихъ внутренніе органы были переполнены личинками; мнѣ разъ показали печень, въ которой ихъ было такъ много, что она казалась нашпигованною. Шкура оленей часто никуда негодна, потому что содержитъ такъ много дырокъ, что не стоитъ ее чинить; одежда чукчей почти всегда покрыта круглыми, красиво нашитыми заплатками, — все это дырки отъ личинокъ. Чукчи увѣряютъ, что эти личинки происходятъ отъ оводовъ, которые кладутъ свои яйца въ шерсть животныхъ, и что это обстоятельство является причиной сильнаго страха оленей, какъ только показывается оводъ. Насколько эти объясненія правильны, я судить не могу, но мнѣ кажется, что личинка слишкомъ крупна въ сравненіи съ самимъ оводомъ, который величиною съ нашего обыкновеннаго шмеля и походить на этого послѣдняго, хотя полосы на задней части тѣла окрашены нѣсколько иначе. Личинка же величиною съ личинку майскаго жука. Но мы

были сами свидѣтелями безумнаго страха, вызываемаго въ оленьемъ стадѣ появленіемъ овода. Во время лета этой мухи пастухъ долженъ обращать вниманіе держится ли она въ той мѣстности, гдѣ онъ какъ разъ пасеть свое стадо, чтобы еще во время угнать послѣднее; во всякомъ случаѣ онъ долженъ предупредить возникновеніе страха у животныхъ; въ противномъ случаѣ онъ, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ поплатиться всемъ своимъ стадомъ. Вслѣдствіе этого обязанность хорошаго пастуха далеко не легка; она требуетъ неусыпнаго вниманія и заботливости, если онъ не хочетъ разорить владѣльца, все состояніе котораго зиждется исключительно на этомъ животномъ. Изъ болѣзней, которыми страдают олени, чукчи называли мнѣ только ящуръ, но послѣдній проявляется съ такою страшною интензивностью, что, если не бываетъ замѣченъ въ самомъ началѣ, все стадо гибнетъ безъ исключенія. По рассказамъ чукчей и тунгузовъ—сами мы не видали больныхъ животныхъ—эта инфекціонная болѣзнь начинается маленькими нарывчиками между копытами, которые становятся замѣтными не разомъ. Захворавшее животное безвозвратно потеряно и мнѣ не могли привести ни одного случая выздоровленія. Распространеніе заразы происходитъ такъ быстро, что стадо, въ которомъ показалась болѣзнь, всегда погибаетъ. Поэтому чукчи такъ и стремятся теперь къ тому, чтобы по возможности разбивать свои стада и тѣмъ хотя нѣсколько ограничивать опустошающее дѣйствіе ящура.

Вслѣдствіе многихъ заботъ, которыхъ требуетъ отъ своего владѣльца хорошо содержимое стадо, послѣднему необходима довольно значительная помощь, какъ только число его животныхъ увеличивается. Первыми его помощниками являются съ ранняго возраста сыновья, если только они у него есть; уже десяти- и двѣнадцатилѣтніе мальчики могутъ оказать во многихъ случаяхъ помощь отцу, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень основательно изучить дѣло. Кромѣ того къ услугамъ ставовладѣльца—сыновья богатыхъ его друзей, въ томъ случаѣ, если онъ имѣетъ дочерей, которыхъ можно выдать замужъ, а также много бѣдныхъ моло-

дыхъ людей его племени, для которыхъ пастушество является единственнымъ путемъ сдѣлаться независимыми хозяевами и собственниками. Отношенія, которыя вырабатываются тутъ между хозяиномъ и наемниками, въ высшей степени интересны и служатъ доказательствомъ здраваго смѣсла и сильно развитаго чувства законности этого народа. Когда пастухъ поступаетъ на службу, ему сначала даютъ мѣсто помощника при большомъ стадѣ, гдѣ онъ находится подъ наблюдениемъ или самого владѣльца, или одного изъ его главныхъ помощниковъ; тутъ онъ долженъ доказать, что онъ пригоденъ на свою должность. Жалованья онъ не получаетъ, но онъ имѣетъ право кормиться и одѣваться отъ стада; — на первыхъ порахъ этимъ и кончается. Если онъ оказывается пригоднымъ къ дѣлу и старательнымъ, то ему довѣряютъ часть стада въ самостоятельное завѣдываніе. Теперь онъ долженъ доказать свою способность быть пастухомъ. Онъ одинъ долженъ заботиться обо всемъ, что касается стада, переходить съ нимъ съ мѣста на мѣсто, отыскивать пастбища и т. д., по личному усмотрѣнію, какъ будто онъ его владѣлецъ. Жалованья онъ и на этомъ мѣстѣ не получаетъ, но по старинному обычаю можетъ убивать столько оленей, сколько онъ считаетъ необходимымъ для того, чтобы пропитать себя и одѣться. Съ этихъ поръ хозяинъ заботится объ отданномъ стадѣ только въ томъ отношеніи, что время отъ времени посѣщаетъ его, чтобы убѣдиться въ его хорошемъ состояніи и въ соотвѣтственномъ приростѣ. Въ послѣднемъ заключается его единственное мѣрило: если хозяинъ при всякомъ осмотрѣ стада находитъ, что число головъ значительно возрасло, то онъ доволенъ и хвалитъ своего пастуха, такъ какъ все дѣло въ приростѣ стада, — плохо содержимыя животныя размножаются слабо. Сколько истратилъ пастухъ на самого себя, — вовсе не принимается въ расчетъ: ему и полагается жить со стада, которое онъ оберегаетъ и за которымъ ухаживаетъ, а что онъ послѣднее дѣлаетъ удовлетворительно, такъ это доказывается, какъ хорошимъ состояніемъ стада, такъ и числомъ его головъ. У чукчей является основ-

нымъ правиломъ то, что подъ присмотромъ хорошаго пастуха должно не только увеличиваться стадо хозяина, но и пастухъ можетъ мало по малу составить себѣ маленькое стадо, съ которымъ онъ, покинувъ должность, начинаетъ свое собственное хозяйство. Я много говорилъ съ Амвраоргинымъ объ этомъ, на столько же необычномъ, на сколько рациональномъ способѣ веденія хозяйства; я тѣмъ болѣе интересовался имъ, что не встрѣчался ни съ чѣмъ подобнымъ (49) ни у кого изъ инородцевъ Сибири, по скольку я имѣлъ возможность сталкиваться съ послѣдними лично. У богатыхъ бурятскихъ ставовладѣльцевъ есть обычай платить пастухамъ за ихъ труды скотомъ и лошадьми, но никогда не случается, чтобы слуга какъ будто самъ, по своему личному усмотрѣнiю, удѣлялъ себѣ плату за свои труды изъ собственности хозяина. Тѣмъ не менѣе нужно согласиться, что чукчамъ посчастливилось при такомъ веденiи дѣла: доказательство на лицо — въ ихъ богатствѣ стадами. Старикъ Амвраоргинъ разсуждалъ такъ: что мнѣ въ томъ, если я стану платить пастуху опредѣленное содержанiе, онъ запуститъ мнѣ мое стадо; онъ станетъ отговариваться тѣмъ, что сдѣлалъ все, что могъ, но что погода и пища были нехороши и т. д. Я заинтересованъ только въ процвѣтанiи и приростѣ моего стада; я очень хорошо знаю на сколько увеличилось или уменьшилось стадо, которое я самъ пасу, а также мнѣ извѣстны и причины, вызвавшiя и то, и другое. Если теперь я вижу, что стада, находящiяся въ завѣдыванiи моего пастуха, тоже въ удовлетворительномъ состоянiи, то я доволенъ, — все остальное до меня не касается. Но одно только несомнѣнно и проверено на опытѣ, — что у пастуха, который самъ ничего не наживаетъ, и вѣренное стадо не увеличивается; такого человѣка нужно отпустить, въ пастухи онъ негоденъ. Всѣ наши разговоры объ этомъ насущномъ для нихъ вопросѣ чукчи резюмировали такъ: я хочу, чтобы мое стадо росло; если я нахожу, что оно увеличивается сообразно условiямъ погоды и другимъ обстоятельствамъ, то я оставляю своего пастуха до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не придетъ и не скажетъ, что не желаетъ служить

у меня дольше, а хочет быть самостоятельнымъ. Это правило глубоко укоренилось въ правовыхъ воззрѣнiяхъ народа и очевидно сдѣлалось источникомъ его богатства, потому что, благодаря существованiю этого обычая, дана возможность и немущимъ, при усердiи и ловкости, добиться, если не всегда благосостоянiя, то по крайней мѣрѣ обезпеченнаго существованiя. Поэтому можно сказать, что тотъ изъ чукчей, кто бѣденъ, — виновать самъ. Однако, къ такому образу дѣйствию побудили чукчей не исключительно гуманныя побужденiя, а скорѣе правильное пониманiе своей собственной выгоды. Смотри по мѣсту своего жительства, человѣкъ приручилъ различные виды животныхъ, но ни одно домашнее животное въ такой сильной степени не зависитъ отъ индивидуальныхъ способностей пастуха, какъ олень. Его пропитанiе нельзя регулировать человѣческимъ прилежанiемъ и смѣтливостью, нужно пользоваться исключительно тѣмъ, что доставляетъ сама природа; отдѣльныя стада должны содержаться по возможности изолировано, такъ что владѣлецъ не можетъ наблюдать за своими пастухами или руководить ими по одному опредѣленному плану. Пастухи должны поступать вполнѣ самостоятельно и оберегать ввѣренное имъ имущество отъ различныхъ неприятныхъ случайностей, которымъ оно такъ часто подвергается. При такихъ условiяхъ лучшiй исходъ — заинтересовать въ благосостоянiи стада самого пастуха, что и сдѣлали чукчи. При благоприятныхъ обстоятельствахъ олень можетъ размножиться очень сильно. Когда я однажды спросилъ старика Амвраоргина, какъ великъ долженъ быть ежегодный приростъ стада, онъ отвѣтилъ, что сказать это очень трудно; при этомъ онъ взялъ изъ стоявшей на столѣ корзинки для хлѣба кусокъ слоевой лепешки, раскрошилъ его и сказалъ: «попробуй-ка сосчитать, сколько тутъ кусковъ; какъ только я ихъ перемѣшаю, каждый кусокъ ломается на два, а эти послѣднiе снова; гдѣ-жъ опредѣлить сколько тутъ кусковъ. Тоже самое и съ оленемъ: каждая корова ежегодно превращается въ двухъ животныхъ, каждое изъ послѣднихъ снова въ двухъ, — сосчитать никакъ нельзя». И

дѣйствительно, стадъ своихъ чукчи не считаютъ уже потому, что ихъ счисленіе (50) очень ограниченно и даже сотни задаютъ имъ головоломную работу. Правда, они имѣютъ еще смутное понятіе о тысячѣ, какъ о производномъ сотенъ, но далѣе дѣло движется очень слабо при посредствѣ сложенія, да и то съ большимъ трудомъ. Очевидно, что ихъ счисленіе было давнымъ давно закончено еще до того времени, какъ богатство ихъ стало возрастать; въ настоящее время они начинаютъ пользоваться для высшихъ единицъ русскими числительными, что дѣлаютъ впрочемъ и другіе инородцы. Тѣмъ не менѣе они очень точно знаютъ сколько чего они имѣютъ, очень легко замѣчаютъ всякую убыль и всегда навѣрняка находятъ заблудившихся животныхъ, хотя окраска отдѣльныхъ экземпляровъ имъ не много помогаетъ: цвѣтъ оленей очень однообразенъ — лѣтомъ темно-бурый, зимою бѣлый или грязный желто-сѣрый. Они опредѣляютъ численность своего стада тѣмъ же способомъ, какимъ царь Ксерксъ опредѣлялъ численность своего войска, которое онъ повелъ на Грецію. Они огораживаютъ саними и шестами мѣсто извѣстной величины и загоняютъ въ него часть своихъ животныхъ; такъ какъ такимъ образомъ удается огородить обыкновенно не болѣе двухъ или трехъ сотъ оленей, то исчисленіе не выше ихъ ариметическихъ познаній и удается къ ихъ удовольствію. Затѣмъ животныхъ выпускаютъ, а въ огороженное мѣсто загоняютъ новыхъ и только замѣчаютъ сколько разъ повторится эта процедура. Этимъ дѣло кончается и владѣлецъ знаетъ, какъ велико его стадо; при послѣдующихъ посѣщеніяхъ онъ опредѣляетъ его убыль или прибыль уже на глазъ. Чукчи утверждаютъ, что они никогда не ошибаются въ оцѣнкѣ своего имущества, хотя и не гонятся за десяткомъ, двумя, а при большихъ стадахъ въ вѣскольکو тысячъ штукъ даже за сотней животныхъ. По всей вѣроятности на дѣлѣ такъ и оказывается, потому что, на сколько я замѣтилъ, чукча очень хорошій и расчетливый хозяинъ, который управляетъ своимъ имуществомъ очень заботливо и отлично знаетъ, что ему можно и чего нельзя себѣ позволить.

Какъ все въ жизни чукчей, такъ и очень важное брачное дѣло тѣсно связано съ оленеводствомъ. Невѣста должна быть выкуплена у отца, таковъ обычай всѣхъ инородцевъ Сибири, а также и чукчей. Но плата производится тутъ не деньгами, а работою: будущій женихъ вступаетъ въ домъ своего будущаго тестя на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ всѣ остальные слуги. По прошествіи нѣкотораго времени, если будущій женихъ почему либо не симпатиченъ дѣвущкѣ или ея отцу, послѣдній подѣ какимъ либо предлогомъ сообщаетъ молодому человѣку, что онъ не нуждается болѣе въ его услугахъ; въ такомъ случаѣ этимъ все и кончается. Если же онъ этого не дѣлаетъ, то отношенія съ честію могутъ закончиться только свадьбою, причемъ, конечно, отцу принадлежитъ право самому назначить время послѣдней. Рѣшающее значеніе при заключеніи браковъ имѣютъ преимущественно богатство и связи. Такъ, подѣ вліяніемъ этихъ соображеній, Амвраоргинъ очень выгодно сосваталъ своего сына и старшую дочь, а во время нашего путешествія служилъ у него одинъ богатый молодой чукча въ качествѣ работника съ цѣлью получить его вторую дочь. У чукчей въ обычаѣ многоженство, но, какъ кажется, одна жена, большею частію первая, играетъ главную роль. Амвраоргинъ путешествовалъ съ двумя женами, однако имѣлъ еще третью, совсѣмъ молодую и очень хорошенькую женщину, которую, какъ я узналъ, онъ тоже хотѣлъ захватить съ собою, но оставилъ это намѣреніе подѣ вліяніемъ энергической оппозиціи двухъ другихъ. Эти послѣднія очень хорошо ладили другъ съ другомъ во все время нашего довольно-таки продолжительнаго путешествія; но легко было замѣтить, что настоящей хозяйкой считалась первая жена Анна, которая была крещена подобно самому Амвраоргину и его дѣтямъ. Тѣмъ не менѣе, вѣроятно изъ практическихъ расчетовъ, многоженство является исключеніемъ, а одноженство — правиломъ. Такъ, одинъ изъ спутниковъ Амвраоргина, Айгинватъ, сущій великанъ по росту и по силѣ, рассказывалъ дру Нейману, съ которымъ онъ очень сблизился, нижеслѣдующее. Они часто сходи-

лись другъ съ другомъ и, вѣроятно, вели между собою очень интимные разговоры, потому что Нейманъ сказалъ мнѣ однажды, что онъ бесѣдовалъ съ Айгинватомъ о преимуществахъ и неудобствахъ многоженства и что послѣдній самымъ рѣшительнымъ образомъ совѣтывалъ ему ограничиться одной женой, если онъ устроится своимъ домою. Онъ допускалъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ очень пріятно имѣть двухъ женъ, но что при этомъ нужно не упускать изъ вида одно неудобство: жены почти никогда не ладятъ другъ съ другомъ, а въ большинствѣ случаевъ сильнѣйшимъ образомъ воюютъ. «Посмотри—говорилъ онъ Нейману—моя жена порядочна и прилежна, но стара и некрасива (дѣйствительно, ея наружность была по меньшей мѣрѣ непривлекательна, а объ ея внутреннихъ качествахъ не могъ ничего сказать и Нейманъ), а потому я собирался завести себѣ еще другую и исполнилъ это, какъ только нашелъ красивую молодую женщину. Но съ той поры, какъ я привелъ ее въ свою палатку, я не имѣлъ уже ни минуты покоя. Бабы ежедневно таскали другъ друга за волосы, дрались, ругались, такъ что я не могъ выдержать и былъ радъ, когда мнѣ не нужно было сидѣть дома. Я началъ бѣгать изъ дому, потому что я не желалъ слышать постоянныхъ ссоръ, однимъ словомъ, все пошло плохо. Когда я однажды, послѣ продолжительнаго отсутствія, вернулся домой, то удивился, что тамъ все тихо и спокойно, но я нашелъ только мою первую жену, занимавшуюся шитьемъ. Когда я ее спросилъ, гдѣ другая, она крикнула мнѣ: — ступай въ ея пологъ (51), тамъ ты найдешь свою красотку. Я ее и нашелъ, но.... съ разбитымъ черепомъ. Бабы опять дрались и старуха раскроила молодой черепъ лопатой для снѣга. Съ тѣхъ поръ я оставилъ намѣреніе заводить вторую жену и имѣю, по крайней мѣрѣ, спокойствіе дома».

Возможно, что и другіе испытали подобныя сильныя ощущенія, но во всякомъ случаѣ многоженство не сильно распространено у чукчей. Кстати сказать, что пріобрѣтеніе жены путемъ работы и службы имѣетъ мѣсто только при первомъ бракѣ,

да и то лишь въ томъ случаѣ, если невѣста приносить съ собою значительное приданое. Послѣдующія жены, насколько я могъ узнать, просто покупаются, чѣмъ вѣроятно и объясняется различіе ихъ положенія въ домѣ. Впрочемъ, мнѣ въ данномъ отношеніи не удалось добраться до истины и я вывожу подобное заключеніе скорѣе изъ того, что видѣлъ и слышалъ. Во всякомъ случаѣ Амвраоргинъ купилъ свою молодую жену у ея родителей, какъ самъ говорилъ, за очень дорогую цѣну, за очень большое число оленей. Въ домѣ она, повидимому, не успѣла занять еще подобающаго положенія; хотя она и наряжалась лучше, чѣмъ обѣ пожилыя жены, но положительно не имѣла никакого значенія (52) ни у домашнихъ, ни въ глазахъ другихъ чукчей.

На мѣстѣ жительства Амвраоргина мы оставались десять дней, совершенно понапрасно теряя дорогое время. Но тутъ ничего нельзя было подѣлать: разъ рѣшившись ѣхать съ чукчами, мы и должны были путешествовать такъ, какъ кочевники и отучиться дорожить временемъ. Чукчи должны были сдѣлать различныя подготовительныя работы, а это сильно замедляло отъѣздъ. Амвраоргинъ въ свое оправданіе совершенно справедливо сказалъ мнѣ однажды, что его очень задержалъ пріемъ архіерея; для того, чтобы покинуть свой народъ и свое большое хозяйство на годъ, какъ это легко могло случиться, ему нужно было сдѣлать различныя распоряженія, но онъ не могъ этого выполнить раньше потому, что находился въ Нижнемъ и на Маломъ Аякуѣ, а затѣмъ помѣшала ярмарка; однимъ словомъ, къ тому были различныя препятствія. Предполагалось тотчасъ же послѣ Пасхи отправиться на востокъ и ѣхать на истоки Анадыра и Чауна. По дорогѣ насъ должны были встрѣтить Тинеймитъ и Айгинватъ, которые собирались выѣхать туда же съ мѣста ихъ стоянки. Приблизительно при переходѣ изъ системы Анадыра въ систему Чауна должны были найти насъ гонцы, которыхъ Амвраоргинъ послалъ на легкихъ оленьихъ санкахъ за Якапъ съ цѣлью узнать можно ли въ этомъ году добраться на оленяхъ

до мыса Пээкъ. Въ томъ случаѣ, если бы это было какимъ либо образомъ выполнимо, мы могли разсчитывать на удачу нашего предпріятія; если же нѣтъ, — то намъ оставалось только продолжать нашъ путь вдоль южнаго склона хребта, а наши наміренія считать совершенно неосуществимыми.

24 Апрѣля можно было, наконецъ, считать наше путешествіе начатымъ, потому что мы снялись съ мѣста и, проѣхавши шесть верстъ, остановились на первомъ ночлегѣ. Такъ какъ путешествіе съ этихъ поръ проходило въ утомительномъ однообразіи, день за днемъ, со своими выступленіями, переходами и привалами до самаго нашего прихода въ ноябрѣ въ Марково на Анадырѣ, то я приведу для примѣра только одинъ изъ подобныхъ дней. Намъ предоставили для холоднаго времени года прекрасный, обширный пологъ, который мы сдѣлали посредствомъ нѣкоторыхъ улучшеній болѣе удобнымъ для дневнаго пребыванія во время остановокъ. Когда пологъ совершенно спущенъ, въ немъ царитъ тьма египетская, если же поднять переднюю его стѣнку — становится такъ холодно, что нельзя работать или вообще чѣмъ либо заниматься. Поэтому мы велѣли надрѣзать въ потолкѣ съ трехъ сторонъ кусокъ въ два съ половиною фута, который могъ откидываться на подобіе клапана. Въ образовавшееся четырехугольное отверстіе вшили кусокъ бѣлой матеріи, при чемъ устроилось нѣчто въ родѣ окна, дававшего достаточно свѣта для занятій. Такимъ образомъ улучшенный пологъ мы занимали до 29 мая, когда перешли въ нашу собственную полотняную палатку и стали нѣсколько независимѣе отъ постановочныхъ и разборочныхъ работъ чукчей, которыя всегда отнимали у насъ необыкновенно много времени.

Каждое утро около пяти часовъ я будилъ казаковъ, а они — чукчей. Затѣмъ послѣдніе тотчасъ отправлялись къ стаду, или, какъ тамъ называли, къ табуну, и пригоняли оленей. Между тѣмъ женщины приступали къ разборкѣ палатокъ, при чемъ изъ любезности онѣ брались за нашъ пологъ всегда подъ самый конецъ. Впрочемъ, это не избавляло насъ отъ необходимости

пить чай и завтракать подъ открытымъ небомъ, такъ какъ сани нужно было нагружать еще до прихода оленей. Готовыя сани, которыхъ было около сотни, устанавливали въ широкій кругъ съ однимъ небольшимъ входомъ въ него и, покончивъ съ этимъ, ждали пригона стада. Если пастбище было хорошо, то животныхъ находили утромъ тамъ, гдѣ они были оставлены вечеромъ; при дурномъ, скудномъ пастбищѣ олени разбѣгались также, какъ прежде у насъ лошади, и проходило много времени, пока ихъ удавалось собрать. Пастухи и погонщики старались по возможности пригнать только упряжныхъ животныхъ, которыхъ съ нами было около 200 штукъ, но отдѣлить ихъ отъ остальнаго стада удавалось только отчасти: въ кругъ всегда попадало большее или меньшее число убойныхъ оленей. Когда всѣ они были въ серединѣ, въ проходъ становились женщины или дѣти, а мужчины принимались выбирать тѣхъ животныхъ, которыхъ имѣлось въ виду запрягать на этотъ день. Каждое изъ нихъ подводилось къ соответственнымъ санямъ и припрягалось. Какъ только были запряжены всѣ сани, остальныхъ животныхъ выпускали и они уже сами возвращались къ стаду. При благоприятныхъ обстоятельствахъ всѣ эти подготовленія занимали не менѣе трехъ часовъ, если же животныя разбѣгались, то много больше. Затѣмъ сани устанавливались другъ за другомъ и связывались по 15—16 штукъ вмѣстѣ; послѣдними помѣщались тѣ, которыя нагружены были шестами отъ палатокъ; такую вереницу вела женщина. На этомъ всѣ приготовленія въ путь оканчивались и караванъ или кавраль могъ начать потихоньку двигаться впередъ. Чукчи ѣхали на своихъ небольшихъ, легкихъ саночкахъ; каждый изъ насъ имѣлъ тоже сани, запряженные однимъ оленемъ, которымъ долженъ былъ управлять самъ. Только Нейманъ составлялъ исключеніе, такъ какъ отказался править; поэтому ему былъ предоставленъ чукча, который привязывалъ его оленя къ своимъ, нагруженнымъ багажемъ санямъ. Я купилъ для себя у чукчей сани съ парой прекрасныхъ бѣгуновъ, но получилъ ихъ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы жи-

вотныя по возвращеніи снова достались ихъ бывшему владѣльцу, если имъ удастся выдержать путешествіе.

Такимъ образомъ кавраль медленно шелъ длиннымъ, тянувшимся часто на цѣлую версту цугомъ; чукчи катили обыкновенно впередъ, осматривая мѣстность, выискивая лучшую дорогу, высматривая болѣе удобные переходы черезъ рѣки и другія препятствія и, наконецъ, выбирая самыя лучшія пастбища для приваловъ. Въ первые дни мы могли еще дѣлать по 30, даже по 50 верстъ въ день, но впоследствии, когда снѣгъ началъ таять, дневные переходы становились все короче и короче; наконецъ, когда пришлось ѣхать только по травѣ и мху, животныя утомлялись до такой степени, что, не смотря на частыя дневки, въ цѣлый день намъ удавалось проходить не болѣе трехъ или шести верстъ.

Когда дневной переходъ былъ оконченъ, мы останавливались, первымъ дѣломъ распрягали животныхъ и пускали ихъ въ табунъ; на этомъ работа мужчинъ и кончалась, а все остальное лежало на обязанности женщинъ. Прежде всего нужно было очистить отъ снѣга мѣста для палатокъ; для этого употреблялись лопатки, сдѣланныя изъ лобнаго отростка оленьихъ роговъ. Животное имѣетъ у основанія роговъ два лопатообразныхъ отростка, растущихъ горизонтально впередъ; изъ нихъ одинъ всегда развитъ слабѣе, а иногда и вовсе отсутствуетъ. Въ послѣднемъ случаѣ другой отростокъ, на оборотъ, очень хорошо развитъ и представляетъ родъ лопатки, очень удобной для того, чтобы ею разгрести снѣгъ; для этого стоитъ только просверлить въ немъ дыру и вставить короткую деревянную рукоятку. Мѣсто стоянки очищается очень тщательно до самаго мха или дерна, такъ что отъ снѣга не остается и слѣда. Затѣмъ ставятъ остовъ изъ шестовъ, прикрѣпляютъ къ нему большія кожаныя покрывала палатки, вѣшаютъ полога и, наконецъ, разводять огонь подъ котломъ. И въ этомъ случаѣ женщины изъ любезности къ намъ тоже нѣсколько отступали отъ давно заведеннаго порядка и сейчасъ же ставили нашъ пологъ, какъ только былъ

поставленъ остовъ изъ шестовъ; кромѣ того, тотчасъ по очисткѣ мѣста отъ снѣга, онѣ разводили даже на время огонь, чтобы мы могли какъ можно скорѣе согрѣться теплымъ чаемъ. Справедливость требуетъ тутъ же прибавить, что этимъ, во всякомъ случаѣ очень пріятнымъ, вниманіемъ мы были обязаны исключительно Нейману, который снискалъ себѣ у нашихъ спутниковъ громадную популярность, вѣроятно тѣмъ, что онъ былъ для нихъ положительно загадочнымъ явленіемъ. Они, очевидно, не могли себѣ представить, какъ это человѣкъ могъ постоянно зябнуть, да къ тому же еще въ то время года, когда имъ становилось уже слишкомъ жарко. Они очень радовались каждому болѣе холодному дню, обѣщавшему продлить санный путь, что было для нихъ важнѣе всего, — и вдругъ они видятъ человѣка, чувствующаго себя при такой прекрасной погодѣ крайне нерасположеннымъ и несчастнымъ. Даже и намъ онъ казался черезъ-чуръ чувствительнымъ къ холоду. Топографъ Аэонасьевъ, который тоже впервые совершалъ такую поѣздку, переносилъ холодъ очень легко, хотя онъ долженъ былъ подвергаться его вліянію больше всѣхъ остальныхъ: въ теченіе всего перехода ему приходилось наблюдать свой пель-компасъ и постоянно дѣлать отмѣтки въ своемъ дневникѣ. Фельдшеръ Антоновичъ тоже чувствовалъ себя вполне хорошо; да это и не могло быть иначе, такъ какъ термометръ обыкновенно показывалъ не больше двадцати градусовъ ниже нуля, а слѣдовательно стояла очень мягкая погода сравнительно съ той стужей, которую эти господа выдержали раньше. Нейманъ же чувствовалъ себя хорошо только тогда, когда онъ, выпивъ нѣсколько стакановъ горячаго чаю, сидѣлъ въ тепломъ пологѣ. Онъ былъ въ этомъ отношеніи прямою противоположностью Амвраоргину, который ѣлъ постоянно вмѣстѣ съ нами (53): послѣднему было всегда слишкомъ жарко въ пологѣ, и потъ струился у него по лбу, какъ только онъ принимался пить чай. Нейманъ смотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ упрекомъ, когда онъ утиралъ свое лицо и, вѣроятно, время отъ времени въ глубинѣ души сер-

дито восклицалъ: «посмотрите-ка, ужъ опять ему черезъ-чуръ жарко». Громадный Айгинватъ, который чувствовалъ къ Нейману особенную симпатію, былъ очень озабоченъ этимъ, казавшимся ему очень страннымъ состояніемъ своего друга; онъ заставилъ свою жену спать для него длинный мѣшокъ изъ шкуръ—родъ очень оригинальной муфты, — въ который Нейманъ могъ прятать свои руки по локоть. Когда же и это приспособленіе не достигло желанной цѣли, Айгинватъ явился ко мнѣ съ переводчикомъ, чтобы сдѣлать въ высшей степени практичное предложеніе. Онъ имѣлъ въ виду совершенно зашить Неймана въ оленьи шкуры и оставить только одно отверстіе для дыханія и принятія пищи. Нейманъ, однако, ужасно разсердился на такое предложеніе, такъ что проектъ не могъ быть выполненъ на дѣлѣ. Въ виду того, что постановка палатки требовала около трехъ часовъ, мы ежедневно теряли самымъ непродуманнымъ образомъ по крайней мѣрѣ шесть часовъ; такая трата времени была особенно неприятна въ началѣ нашего путешествія, когда дороги были еще хороши. Впрочемъ, какъ я уже говорилъ, устроить дѣло иначе было невозможно: чукчи сами хотѣли двигаться какъ можно скорѣе, но не могли измѣнить всего своего образа жизни.

По прошествіи трехъ дней, направляясь прямо на востокъ, мы достигли водораздѣла между Большимъ Анюемъ и Анадыромъ,— т. е. между Ледовитымъ и Тихимъ океанами. Въ этомъ мѣстѣ водораздѣлъ мало примѣтенъ и состоитъ изъ плоскаго хребта, который, однако, не можетъ быть ниже 3000 футовъ абсолютной высоты, потому что мѣсто стоянки Амвраоргина — лежавшее еще въ полосѣ лѣса, хотя уже на границѣ ея — мы опредѣлили въ 2000 футовъ, а здѣсь уже вовсе не было лѣса. Онъ встрѣчался намъ вверхъ по Анюю еще въ теченіи двухъ переходовъ, и затѣмъ мы замѣтили, что чукчи нагрузили свои сани, насколько это было возможно, дровами; на наши вопросы они отвѣчали, что слѣдующій привалъ будетъ уже внѣ лѣса и что съ этихъ поръ мы болѣе его уже не встрѣтимъ. Теперь мы спустились внизъ по до-

линя Теннеке, притока Эннвы или, у русскихъ, Менкерёвы, и находились такимъ образомъ уже въ системѣ Анадыра, который чукчи называютъ Яй. Менкерёва, по которой бѣдутъ изъ Маркова на Малый Анюй, представляетъ изъ себя западный истокъ Анадыра, который имѣетъ еще восточный, такой же величины, у русскихъ носящій названіе главной рѣки; чукчи же называютъ обѣ эти рѣки тоже Яй. Вообще добиться отъ этихъ людей какихъ нибудь географическихъ свѣдѣній было крайне трудно; проговоривши съ ними цѣлые часы, приходишь къ тому же, что узналъ при началѣ разговора; въ концѣ концовъ даже переводчикъ отказывался переводить, заявляя, что онъ не можетъ взять въ толкъ того, что ему говорятъ чукчи. Въ этомъ отношеніи они сильно уступаютъ якутамъ, а еще болѣе ламутамъ и тунгузамъ—очень хорошимъ географамъ. Еще болѣе страннымъ было то обстоятельство, что они не могли назвать намъ ни одной рѣки даже въ области Большаго Анюя, гдѣ тѣмъ не менѣе отлично знали каждый камень, каждый кустъ. Вслѣдствіе этого мы не могли съ ихъ помощью провѣрить нашу карту, что было крайне необходимо. Они все время называли только истоки Орловки, притоки Орловки и на этомъ дѣло и кончалось. Уже много позже, въ Нижнемъ, намъ удалось провѣрить нашъ маршрутъ и вообще нашу карту съ помощью ламутовъ; но въ дорогѣ мы ничего не сдѣлали въ этомъ направленіи. Чукчи ничего не могли сообщить намъ также и объ Анадырѣ кромѣ того, что намъ было извѣстно и безъ нихъ, именно, что мы находимся въ бассейнѣ Анадыра и что всѣ намъ встрѣчавшіяся на пути рѣки представляютъ его притоки. Карта этой части пути была установлена только въ Марковѣ при одновременной помощи чукчей, юкагировъ и русскихъ.

29 Апрѣля встрѣтились мы съ Тинеймитомъ и Айгинватомъ, такъ что вся наша компанія была теперь въ сборѣ. И такъ, кромѣ Амвраоргина съ нами путешествовали еще два богатыхъ ставовладѣльца; нашъ лагерь состоялъ изъ пяти палатокъ, въ которыхъ помѣщались, кромѣ насъ самихъ и нашихъ четырехъ казаковъ, около 40 чукчей, считая въ томъ числѣ жен-

пинъ и дѣтей. Наше стадо состояло приблизительно изъ 1500 животныхъ, предназначавшихся на убой, да кромѣ того изъ 300 упряжныхъ оленей. По понятіямъ чукчей мы производили въ общемъ очень внушительное впечатлѣніе и Амвраоргинъ могъ быть, да и былъ, въ этомъ отношеніи очень доволенъ: онъ сознавалъ, что можетъ показать себя.

Перваго мая, совершенно неожиданно, мы встрѣтили на пути маленькій островочекъ лѣса изъ нѣсколькихъ сотъ очень красивыхъ высокоствольныхъ тополей, въ вѣтвяхъ которыхъ свили себѣ гнѣзда множество воронъ; въ гнѣздахъ были, по видимому, яйца, молодыхъ же мы увидѣли только черезъ недѣлю. Вскорѣ за этимъ рѣшилась судьба нашей экспедиціи; 3 мая нагнали насъ посланные Амвраоргинымъ гонцы, которые привезли намъ печальное извѣстіе: хребетъ, лежавшій передъ нами и отдѣлявшій насъ отъ истоковъ рѣки Чауна, перейти было совершенно невозможно, а на сѣверномъ склонѣ его въ этомъ году вовсе не было пастбищъ для оленей. Посланцы сами не дошли до Якана, но имъ повстрѣчался одинъ чукча-оленеvodъ съ печальными остатками прекраснаго стада и посоветывалъ имъ вернуться. Вообще я не могъ понять, съ какой стати этому человѣку непременно понадобилось теперь же идти на мысъ Пээкъ, такъ какъ и раньше было уже извѣстно, что пастбища негодны; насколько я могу припомнить, объ этомъ говорилось еще въ Островномъ; чукча заявилъ, что хорошо знаетъ мѣстность, а потому можетъ рассчитывать пройти навѣрное. На этомъ послѣднемъ основаніи Амвраоргинъ и построилъ свой планъ. Но теперь этотъ человѣкъ возвращался обратно, потерявши большую часть своихъ стадъ, да и тѣ животныя, съ которыми онъ шелъ обратно, находились, по словамъ гонцовъ, въ такомъ состояніи, что было сомнительно, чтобы они уцѣлѣли. Тотчасъ же собрались всѣ мужчины и началась оживленная бесѣда, которую переводчикъ не могъ мнѣ перевести дословно, но изъ которой слѣдовало, что чукчи съ трудомъ вѣрили тому, чтобы путь по сѣверному склону былъ безусловно непроходимъ. Изъ стадовладѣльцевъ, по видимому, только

одинъ Айгинватъ находилъ возможнымъ одолѣть переходъ во что бы то ни стало; Тинеймитъ же тотчасъ сталъ на сторону Амвраоргина въ томъ, что природу нельзя перебороть и что если бы даже и попробовали двинуться впередъ, то ничего не достигли бы кромѣ потери стадъ. Послѣ долгаго разговора чукчи согласились съ этимъ, а потому намъ оставался только путь вдоль южнаго склона горной цѣпи, но — онъ велъ къ устью Анадыря.

Этимъ было рѣшено все и на нашу экспедицію приходилось смотрѣть, какъ на совершенно неудавшуюся, а съ этихъ поръ даже какъ на совершенно безцѣльную. У насъ были двѣ задачи: сравнить чукчей въ административномъ отношеніи съ остальными жителями нижней Колымы и болѣе подробно изслѣдовать область, по которой предстояло проложить телеграфную линію. Первая задача была въ большей части выполнена, да и другую можно было въ сущности выполнить, если бы мы отправились въ Марково, выждали бы тамъ ледоходъ, а затѣмъ спустились бы внизъ по Анадыру на лодкахъ. Вначалѣ у меня и была эта мысль, но я ее скоро оставилъ: разъ мы уже добрались до мѣста, гдѣ теперь находились, то мы могли несравненно больше сдѣлать для географическаго изслѣдованія страны, пройдя ее поперекъ, чѣмъ ѣдучи по рѣкѣ на лодкахъ, что всегда имѣли возможность выполнить на обратномъ пути.

Откровенно говоря, и при этомъ мы достигали очень не многого для такого продолжительнаго и скучнаго путешествія, которое, судя по весеннему опыту, намъ предстояло, но разъ сдѣланные большіе расходы не должны были пропадать даромъ, — оставалось постараться достигъ по крайней мѣрѣ того, что было еще возможно. Тѣмъ не менѣе 3 мая 1870 года было для насъ крайне печальнымъ днемъ. Во всякомъ случаѣ теперь мы не могли и думать о рѣшеніи тѣхъ вопросовъ, которые насъ больше всего интересовали: — какъ велико число осѣдло-живущихъ по берегу Ледовитаго океана чукчей; могутъ ли они вполнѣ самостоятельно снискивать себѣ источники пропитанія; могутъ ли они продолжать свое существованіе безъ чукчей-оленоводовъ, если послѣдніе

окончательно переселятся на западъ? Все то, что я зналъ объ этомъ, основывалось исключительно на слышанномъ, возможность же лично убѣдиться въ положеніи дѣлъ теперь окончательно исчезла.

И такъ, мы продолжали нашъ путь по южному склону горной цѣпи; при этомъ съ 6-го мая произошла перемѣна въ томъ смыслѣ, что мы ѣхали по ночамъ: не смотря на повсюду еще лежавшій снѣгъ, солнце жгло уже такъ сильно, что животнымъ становилось очень тяжело. Какъ видно изъ прилагаемой карты, мы двигались теперь, и при дальнѣйшемъ нашемъ слѣдованіи, исключительно по области бассейна лѣвыхъ притоковъ Анадыра. Путешествіе это было очень затруднительно, — приходилось идти вверхъ по одному притоку, а спускаться внизъ по другому. Поэтому уже тогда зашла рѣчь о томъ, чтобы спуститься къ югу, гдѣ приходилось имѣть дѣло съ меньшимъ количествомъ рѣкъ. Но въ этомъ случаѣ предвидѣлись новыя затрудненія. На равнинѣ снѣгъ долженъ былъ таять быстрѣе, и намъ пришлось бы раньше начать тащиться по моховой тундрѣ; кромѣ того мы врядъ-ли имѣли бы возможность перебираться черезъ рѣки, которыхъ хотя встрѣчалось и меньше на нашемъ пути, но за то онѣ были шире, а мы шли по безлѣсной мѣстности и не могли строить плотовъ для переправы. До сихъ поръ это было еще возможно благодаря тому, что ледъ былъ крѣпокъ, но 14 и 15 мая (54) разразилась сильная, теплая буря, перешедшая въ концѣ концовъ въ ужасную метель, и условія измѣнились. Ледъ сдѣлался рыхлымъ, ѣздить по немъ стало невозможно и 19 мая мы были у рѣки, которую намъ предстояло перейти, но такъ и не удалось. Сама по себѣ незначительная, она до такой степени вздулась отъ таявшаго снѣга, что несла свои мутныя воды къ Анадыру съ неизвѣрною быстротою. Найдя на ея берегу небольшой тополе-вый лѣсокъ — послѣдній, видѣнный нами до Маркова, — мы рѣ-рѣшили построить плотъ и попробовать переправиться. Но это оказалось невозможнымъ потому, что теченіе было слишкомъ быстро. Поэтому мы были принуждены направиться вверхъ

по правому ея берегу и 28 мая пришли къ небольшому (въ три версты длиною и только въ одну ширину) озеру, черезъ которое протекала наша рѣка. Само озеро было еще покрыто льдомъ, но къ сожалѣнiю послѣднiй растаялъ у береговъ на пространствѣ трехъ или четырехъ сажень и не довалъ намъ возможности перейти и здѣсь. При ближайшемъ изслѣдованiи чукчи нашли, что при выходѣ изъ озера рѣка текла тихо и допускала возможность переправы. Для этой цѣли были связаны двое легкихъ оленьихъ санокъ съ шестью отъ нашихъ палатокъ такъ, что образовался маленькiй паромъ, на которомъ сначала попробовалъ перебраться я самъ. Переправа удалась довольно хорошо, если не считать того обстоятельства, что отъ тяжести двухъ человекъ легкiй плотъ глубоко погрузился и намъ пришлось стоять по колѣна въ водѣ. Такимъ образомъ можно было перевезти какъ людей, такъ и багажъ. Переправа послѣдняго, тѣмъ не менѣе, надѣлала много хлопотъ и заняла у насъ цѣлый день, но всѣ вещи были перевезены такъ, что не подмокли. Слѣдующiй день былъ данъ людямъ на отдыхъ потому, что было Вознесенiе, а затѣмъ мы снова продолжали нашъ путь. Безотрадное однообразiе этого долгаго странствованiя нарушалось только довольно частыми посѣщенiями чукчей. Это были чукчи-оленеводы, которые, по-видимому, повсюду тутъ жили разбросано и не упускали случая представиться своему начальнику или, какъ они его называли, своему ерѣму. Нѣкоторые изъ нихъ были удостоены Амвраоргинымъ чести быть представленными мнѣ. Въ этихъ случаяхъ онъ появлялся въ своемъ мундирѣ и испрашивалъ позволенiе привести ко мнѣ своихъ единоплеменниковъ. Конечно, я ихъ всегда принималъ въ надеждѣ получить отъ нихъ кое-какия географическiя свѣдѣнiя, но надежды мои большею частью не оправдывались: въ этомъ отношенiи они были намъ также мало полезны, какъ и наши спутники. Своимъ положенiемъ они, по-видимому, были вполне довольны: олени достаточно хорошо плодились. Имъ было только довольно трудно обходиться зимою безъ топлива, но тѣмъ не менѣе приходилось оставаться здѣсь потому, что въ

другихъ мѣстахъ корму хватаетъ лишь для тамошнихъ стадъ, а для ихъ оленей совершенно нѣтъ пастбищъ. Что же касается до тундры къ западу отъ Коломы, то хотя она ихъ и интересовала, но была настолько отдалена (55), что было трудно предположить, чтобы они постарались ознакомиться съ нею теперь же. Съ большею частью посѣтителей я лично не знакомился: Амвраоргинъ полагалъ, что это были совершенно бѣдные, простые люди, съ которыми вовсе не стоило церемониться.

До Троицы, т. е. до 18 іюня, мы подвигались все-таки по 12—15 верстъ въ день, вѣриѣ, въ ночь. На Троицынъ и на Духовъ день пошелъ такой густой, сопровождавшійся сильными вѣтрами снѣгъ, что мы не могли двинуться съ мѣста, но непрерывное такимъ образомъ время мы наверстали въ слѣдующіе дни, такъ какъ благодаря снѣгу могли ѣхать нѣсколько быстрѣе. Затѣмъ мы стали дѣлать только по шести, самое большее по восьми верстъ, да и то животныя сильно утомлялись. Снѣгъ въ это время лежалъ только отдѣльными полосами, которыя приходилось тщательно разыскивать, чтобы доставить оленямъ хотя легкое облегченіе. Наконецъ и эти остатки зимы исчезли и настало то время, которое здѣсь называется лѣтомъ и которое характеризуется преимущественно туманной погодой. Эта сырость оказывала очень плохое вліяніе на наши припасы и багажъ; при переѣздахъ по топкимъ болотамъ, преобладавшимъ во всей странѣ и дававшимъ ей характерный отпечатокъ, сани постоянно опрокидывались, а багажъ падалъ въ воду. Просушивать измокшіе кожаные мѣшки и ящики было невозможно потому, что солнце показывалось рѣдко, — всѣ вещи грозили испортиться. 8 Іюля мнѣ пришлось выкинуть весь мой запасъ хлѣба, состоявшій изъ 30 приблизительно хлѣбовъ; весь онъ такъ проплѣсневѣлъ, что, даже разрѣзывая его на тонкіе ломти, не удавалось находить неповрежденныхъ кусковъ. Это была большая непріятность. Мы подвигались впередъ очень медленно, а чукчи положительно не знали, гдѣ мы находимся, такъ какъ они сами проходили по этому мѣсту въ первый разъ; поэтому я положительно не могъ

себѣ представить какъ намъ удастся выбратъся изъ нашего положенія и не придется ли намъ, въ концѣ концовъ, зазимовать на нижнемъ теченіи Анадыра. Вслѣдствіе этого я не рѣшался трагитить запасъ сухарей, которыхъ у меня было очень мало, опасаясь, что мои спутники не будутъ въ состояніи провести зиму безъ хлѣба. Мяса же у насъ было вдоволь и, пока держалось тепло, можно было обходиться имъ однимъ, не боясь заболѣть цынгою. И такъ, я велѣлъ готовить только мясныя блюда, да два раза въ недѣлю кашу, на мѣшки же съ сухарями повѣсилъ замки. Это вызвало большое недовольство среди моихъ спутниковъ: они были того мнѣнія, что жить однимъ мясомъ невозможно, особенно же неудобнымъ казалось имъ ѣсть мясо съ утра, за чаемъ. Но дѣлать было нечего, пришлось покориться, такъ какъ положеніе было серьезно. 10 Іюля мы пришли къ большой рѣкѣ, которую не могли перейти, а между тѣмъ ея глубокое и широкое русло указывало на то, что обходя ея общалъ слишкомъ отклонить насъ отъ нашего направленія. Въ такомъ случаѣ хорошій совѣтъ былъ дорогъ, но хотя одинъ совѣтывалъ одно, другой — другое, однако никто не далъ дѣльнаго указанія. Сначала мы попробовали устроить изъ саней и шестовъ отъ палатокъ такой же плотъ, какой съ успѣхомъ былъ пущенъ въ ходъ 28 іюня, но управлять имъ было никакъ нельзя: онъ держался на водѣ, но впередъ не двигался. Столь же безуспѣшной осталась попытка примѣнить и другое средство, хорошо извѣстное дикимъ народамъ. Съ убитыхъ оленей тщательно снимаютъ шкуру мѣшкомъ такъ, чтобы вся туша прошла черезъ разрѣзъ шеи; затѣмъ завязываются немногія естественныя отверстія и мѣшки надуваются. Послѣдніе отлично поддерживали двое саней, къ которымъ были привязаны, но сооруженіемъ этимъ тоже нельзя было управлять и оно не двигалось впередъ. Дѣло въ томъ, что такой, держащейся посредствомъ надутыхъ мѣшковъ плотъ можетъ двигаться только тогда, когда его тащатъ пловцы, чукчи же, какъ и всѣ азіаты, сами въ воду не ходятъ, а потому и не имѣютъ никакого представленія о плаваніи. Въ минуту такого

отчаяннаго положенія Амвраоргинъ неожиданно спросилъ меня, что бы я сказалъ о большой кожаной лодкѣ? Онъ предложилъ связать ремнями нѣсколько своихъ легкихъ санокъ такъ, чтобы онѣ имѣли приблизительную форму большой лодки; затѣмъ онъ собирался растянуть одно изъ кожаныхъ покрывалъ своей палатки, поставить на него остовъ изъ саней, загнуть края покрывала надъ сидѣньями и затѣмъ привязать ихъ къ послѣднимъ. Я не очень-то довѣрялъ пригодности подобнаго судна, потому что мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы составленное изъ столькихъ кусковъ покрывало могло быть непроницаемо для воды; Амвраоргинъ же полагалъ, что добиться непроницаемости будетъ уже дѣло женщинъ и что онѣ съ этимъ справятся. Работа началась. Въ то время, какъ женщины осматривали кожу самымъ тщательнымъ образомъ и чинили самыя мелкія дырочки и отверстія, мужчины связывали крѣпко накрѣпко сани и устроили нѣчто въ родѣ довольно сноснаго лодки. Затѣмъ связанные такимъ образомъ сани поставили на починенное покрывало, а повсюду достаточно широкіе края послѣдняго были загнуты и связаны. Такимъ образомъ получилось подобіе паррома или лодки, имѣвшей 5—6 сажени длины, 3 сажени ширины и около $1\frac{1}{2}$ фута высоты. Много труда стоило спустить такую неуклюжую машину въ воду; поднять ее было неудобно, а тащить по крупному песку — небезопасно, такъ какъ тонкая кожа могла быть легко повреждена. Тѣмъ не менѣе дѣло удалось, а когда странное судно благополучно попало въ свою стихію и оказалось хорошо выдерживавшимъ тяжести и легко управляемымъ и двигавшимся, то радости чукчей не было конца. Хотя нельзя было разомъ слишкомъ нагружать судно, тѣмъ не менѣе мы имѣли возможность перебраться мало по малу, временемъ же мы ужъ давно перестали дорожить. Чукчамъ кромѣ того надо было переправиться черезъ рѣку непременно въ этомъ мѣстѣ, потому что все стадо находилось уже на томъ берегу. За день передъ тѣмъ неожиданно появился оленій оводъ и привелъ табунъ въ такую тревогу, что онъ бѣшено пронесся

въ безумномъ страхѣ черезъ нашъ лагерь къ рѣкѣ и переплылъ на другой берегъ. Животныя были такъ сильно возбуждены, что вовсе не обращали никакого вниманія на встрѣчавшееся имъ на пути. Какъ разъ въ это время Нейманъ поставилъ свои инструменты для наблюденія; тутъ налетѣло стадо и онъ едва успѣлъ снять со станка свой теодолитъ, но уже не имѣлъ времени схватить ртутный горизонтъ, такъ что принужденъ былъ прикрыть его собственнымъ тѣломъ. Животныя, надѣливъ Неймана порядочнымъ числомъ здоровыхъ ударовъ ногами, пронесли къ рѣкѣ. Эта рѣка, Танлэо, была послѣдней широкой рѣкой, которую намъ пришлось переходить на нашемъ пути, — до устья Анадыра оставалось уже недалеко. Наши переходы становились однако все короче, а остановки на цѣлые дни все чаще и чаще благодаря тому, что животныя сильно устали; мы подвигались впередъ очень тихо. 27 Юля Нейманъ намѣревался наблюдать солнечное затмѣнiе, продолжительность котораго опредѣлялась приблизительно въ четыре минуты. Къ сожалѣнiю наблюденiе удалось не вполнѣ въ томъ отношенiи, что къ названному дню мы не могли достигнуть мѣста, откуда видно было полное затмѣнiе, и едва примѣтная узкая полоска солнца оставалась для насъ незакрытою. Чукчи были совершенно спокойными и апатичными даже тогда, когда начало темнѣть и на совершенно ясномъ небѣ стали видны крупныя звѣзды. Только нѣкоторыя изъ женщинъ полагали, что, собственно говоря, это страшно. Мы подумали, что безучастное отношенiе нашихъ чукчей обуславливалось тѣмъ, что они слишкомъ много слышали отъ насъ о предстоявшемъ явленiи и даже сами предлагали всѣ усилiя къ тому, чтобы доставить насъ въ область полнаго затмѣнiя. Но причины лежали не въ томъ: когда мы черезъ нѣсколько дней встрѣтились съ нѣсколькими чукчами изъ тѣхъ, которые жили здѣсь со своими многочисленными стадами, и разспросили ихъ, то оказалось, что и они не обратили никакого вниманiя на явленiе, хотя находились въ это время въ томъ мѣстѣ, откуда можно было видѣть полное затмѣнiе. Сна-

чала казалось, что они не вполне понимали, чего мы отъ нихъ хотимъ, и только тогда, когда ихъ вниманіе было обращено нами на нѣкоторыя обстоятельства, они рассказали, что дѣйствительно нѣсколько времени тому назадъ солнце исчезло съ неба и совершенно стемнѣло, но что это однако быстро прошло и солнце вновь засвѣтило столь же свѣтло, какъ и раньше. Не было и слѣда тревоги при этомъ небесномъ явленіи, которое обыкновенно производитъ очень сильное впечатлѣніе на другіе дикіе народы. Не зависѣло ли это индифферентное отношеніе отъ того, что на крайнемъ, пасмурномъ сѣверѣ, гдѣ къ тому же солнце зимою вовсе не показывается надъ горизонтомъ, моментальное исчезновеніе его оставляетъ меньше впечатлѣнія, чѣмъ на югѣ, гдѣ привыкли видѣть свѣтило въ каждый ясный день.

Тоскливое настроеніе во время нашей поѣздки усиливалось еще тѣмъ, что мы никакъ не могли даже приблизительно опредѣлить день нашего прибытія къ устью Анадыра. Довольно часто посѣщавшіе насъ мѣстные чукчи давали самыя противорѣчивыя показанія; даже самъ Айгинватъ, котораго мы послали впередъ для того, чтобы собрать свѣдѣнія о пути, сдѣлалъ по возвращеніи ошибочный расчетъ, опредѣливъ на путешествіе меньше времени, чѣмъ слѣдовало. Мы подвигались впередъ день за днемъ, все болѣе и болѣе короткими переходами, все время по кочковатымъ болотамъ, въ которыхъ можно было, смотря по желанію, то балансировать по кочкамъ въ $1\frac{1}{2}$ —2 фута, то идти по водѣ. Это была самая скучная, самая печальная поѣздка, какую мнѣ когда-либо приходилось совершать. Наконецъ 15 или 16 августа съ болѣе высокихъ горъ показался темной полосой на горизонтѣ Великій океанъ: это событіе было принято нами за избавленіе, — мы знали по крайней мѣрѣ, гдѣ мы находимся, могли предвидѣть конецъ нашего бѣдственнаго положенія.

Наконецъ мы достигли рѣки и 19 августа разбили нашъ лагерь на одномъ холмѣ, который довольно круто спускался къ ея устью и имѣлъ около 200 футовъ высоты. Мы оставались на

этомъ мѣстѣ довольно продолжительное время — до 3 сентября — потому что всѣ сани, благодаря тренію о землю, сдѣлались крайне плохими и требовали коренной поправки; животныя должны были тоже отдохнуть для того, чтобы служить намъ впоследствии.

День нашего прибытія былъ отпразднованъ церемоніей жертвоприношенія, о смыслѣ и значеніи которой намъ не удалось получить отъ чукчей никакихъ свѣдѣній. Поэтому я полагаю, что они исполняли только обрядъ, который, получивъ начало въ древности, сдѣлался простою привычкою и пересталъ уже вызывать какія нибудь сознательныя идеи. Когда наружныя палатки были разбиты, чукчи подводили къ одному мѣсту близъ палатки Амвраоргина по очереди девять оленей, выбранныхъ изъ лучшихъ упряжныхъ животныхъ. Амвраоргинъ пожертвовалъ четырехъ, Тинеймитъ, Айгинватъ и остальные чукчи каждый по одному; принесена въ жертву была даже собака, потому что одинъ чукча, какъ и всѣ мужчины, насъ сопровождавшіе, не имѣлъ лично своихъ оленей, но тѣмъ не менѣе желалъ принести въ жертву единственное домашнее животное, которое онъ могъ назвать своимъ. Каждого оленя держали съ двухъ сторонъ за рога до тѣхъ поръ, пока приносящій жертву не вонзалъ своего ножа въ его сердце, затѣмъ животное освобождали и наблюдали на какую сторону оно свалится. Всѣ жертвы были удачны: каждое изъ животныхъ падало на колѣни и вслѣдъ за тѣмъ спокойно ложилось на правый бокъ, такъ что рана, причинявшая смертельный ударъ, приходилась кверху. Паденіе на пораненный бокъ было бы принято за предвѣщаніе несчастія. Когда животныя издохли, пришла сначала жена Амвраоргина, Анна, обмакнула пучекъ травы въ сочившуюся изъ раны кровь и, обходя кругомъ палатку, помазала въ разныхъ мѣстахъ ея стѣны. Послѣ этого пришли женщины изъ другихъ палатокъ; вторая жена Амвраоргина не показывалась при этой церемоніи.

Жертвоприношеніе этимъ собственно и закончилось. Затѣмъ пришли женщины, ободрали шкуры съ животныхъ, сняли мясо съ костей, какъ онѣ это дѣлали послѣ всякаго убоя оленей, но

оставили рога и кости на мѣстѣ жертвоприношенія. Трупъ собаки остался тамъ, конечно, цѣликомъ, но шкуру съ нея содралъ владѣлецъ и взялъ себѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Путь отъ устья Анадыра въ Нижнеколымскъ.

Насколько мы могли осмотрѣть мѣстность съ нашего возвышеннаго мѣста, мы находились въ самомъ устьѣ Анадыра; къ юго-юго-востоку отъ насъ простиралось открытое море, а на западъ большая, но довольно мелкая бухта, въ которой находился островъ потерпѣвшаго въ 1866 году крушеніе двухмачтоваго корабля. Послѣдній принадлежалъ телеграфной компаніи и привозилъ нужные ей матеріалы. Какъ намъ рассказали двое чукчей, оставленныхъ сторожами при хранившихся тутъ товарахъ, корабль получилъ течь во время сильной бури; чукчи указали капитану бухту и ему удалось еще вовремя ввести въ нее свое разбитое судно. Затѣмъ всѣ товары были перевезены на берегъ, изъ обломковъ корабля выстроены два маленькихъ блокгауза и всѣ вещи спрятаны туда. Послѣ этого чукчи отвезли капитана и команду въ Марково, а годъ спустя были доставлены въ это селеніе и товары. Къ югу отъ насъ возвышалась высокая группа скалъ; благодаря тому, что противоположный берегъ во все время нашего пребыванія былъ скрытъ въ туманѣ, намъ такъ и не удалось опредѣлить представляли-ли названныя скалы островъ или принадлежали правому берегу Анадыра. На картѣ Генеральнаго Штаба обозначенъ въ этомъ мѣстѣ островъ Глюмка, но тоже довольно неопредѣленно и, повидимому, соединеннымъ съ материкомъ. Какъ видно изъ составленной впоследствии карты, нашъ лагерь былъ расположенъ на лѣвомъ берегу, къ востоку отъ двухъ большихъ бухтъ — Нерпичьей и Онемена — и воз-

выпался надъ уровнемъ прилива на $2\frac{1}{2}$ фута. Большимъ счастьемъ для насъ было то обстоятельство, что остовъ разбитаго корабля лежалъ въ такой мелкой бухтѣ и былъ такъ легко доступенъ: чукчи могли доставать оттуда необходимое для починки саней дерево и тотчасъ-же съ похвальнымъ усердіемъ принялись за это дѣло. На этомъ пустынномъ въ другое время берегу закипѣла оживленная дѣятельность. По прибытіи мы сейчасъ-же замѣтили на берегу Нерпичьей бухты нѣсколько палатокъ, жители которыхъ вскорѣ явились къ намъ, чтобы торговать. Ихъ примѣру послѣдовали другіе, такъ что стеклось не мало народу, желавшаго получить оленинъ шкуры для платья. Этотъ товаръ продавался по высокой цѣнѣ, что указывало на ту зависимость, въ которой находятся, да и должны по существу дѣла находиться, осѣдлые чукчи отъ чукчей-оленеводовъ. Всѣ люди, тутъ нами встрѣченные, принадлежали къ такъ называемымъ анкаламъ или осѣдымъ чукчамъ (слово анкаль значитъ, собственно говоря, «у моря» и просто обозначаетъ каждыя, кто живетъ при морѣ). Они отправились на Анадырь съ цѣлью ловить рыбу и намѣревались, повидимому, остаться здѣсь еще на довольно продолжительное время, а впоследствии принять участіе въ имѣвшейся скоро въ виду ловлѣ дикихъ оленей у Чекаева на Анадырѣ. Судя по ихъ рассказамъ, жизнь ихъ довольно-таки нищенская, такъ какъ имъ очень трудно получить отъ моря столько, сколько нужно для ихъ пропитанія. Да при томъ море можетъ въ самомъ лучшемъ случаѣ только прокормить, но одежды, особенно зимней, оно не доставляетъ, потому что шкуры моржей и тюленей не годны на теплую одежду. Въ послѣднемъ отношеніи жителей нѣсколько вознаграждаетъ ловъ оленей на Анадырѣ, но онъ недостаточно обилень для того, чтобы покрывать весь спросъ на оленинъ шкуры со стороны достаточно густаго населенія мыса Пээкъ и его окрестностей. Насколько хватаетъ возможности, чукчи-торговцы привозятъ съ собою родвуги, но имъ не удается вполне удовлетворять потребителей, потому что въ ихъ распоряженіи находится не много упряжныхъ животныхъ; кромѣ того по сходнымъ цѣ-

намъ шкуры можно получить только на Анюѣ, но не въ Марковѣ. Отъ прибрежныхъ жителей со всѣхъ сторонъ слышались жалобы, что прежде морскіе промыслы были много прибыльнѣе, что они имѣли тюленьи шкуры, моржевые клыки, да и рыбу въ достаточномъ количествѣ для того, чтобы вымѣнивать ихъ у чукчей-оленоводовъ на необходимый матеріалъ для зимней одежды; но съ тѣхъ поръ какъ американцы начали ловлю тюленей и моржей у самаго берега, добыча, выпадавшая на долю чукчей, стала много бѣднѣе, а нужда сильно возрасла. Было много безутѣшной покорности судьбѣ въ этихъ рассказахъ несчастныхъ людей, которые сознавали, что они приближаются вѣрными шагами къ гибели. Многие изъ нихъ стараются помочь себѣ тѣмъ, что поступаютъ сначала работниками, а затѣмъ пастухами къ стадовладѣльцамъ, которые странствуютъ спорадически по всей странѣ. Но въ общемъ населеніе не прониклось, повидимому, еще сознаниемъ безусловной необходимости покинуть море и начать переселеніе на западъ, что представляеть единственное средство избѣжать окончательной гибели.

Кромѣ этихъ осѣдлыхъ чукчей, насъ посѣщали еще такъ называемые айгваны, остатки народа, повидимому эскимоскаго племени, которые спорадически живутъ среди осѣдлыхъ чукчей до мыса Пээкъ и уже сильно смѣшались съ послѣдними. Айгваны по наружному виду очень мало отличаются отъ осѣдлыхъ чукчей; лѣтнія палатки, —которыя я только и видѣлъ, — у тѣхъ и другихъ тоже очень сходны; но я слыжалъ, что зимою айгваны зарываютъ свои жилища на половину въ землю, чтобы было теплѣе. Они пришли на Анадырь частью для того, чтобы заняться тутъ рыбною ловлею, а частью для торговли съ нашими чукчами, но со своей стороны имѣли очень мало что предложить. Число представителей этого племени, какъ говорятъ, не очень велико; кажется, что въ очень непродолжительномъ времени они совершенно сольются съ чукчами. Уже теперь почти утратились отличительныя черты ихъ типа, ихъ различаешь исключительно потому, что одни говорятъ только по-чукотски, а другіе кромѣ

чукотскаго языка имѣютъ еще свой собственный. Смѣшанные браки и совмѣстная жизнь сдѣлаютъ, конечно, свое дѣло в айгваны мало по малу исчезнуть съ лица земли.

Между тѣмъ стала приближаться зима, ночные *minima* стали спускаться много ниже нуля, было уже нѣсколько метелей, птицы усиленно потянулись къ югу и мы ежедневно наблюдали ихъ перелеты на теплыя зимнія квартиры. Пришло и намъ время пуститься въ обратный путь, тѣмъ болѣе, что нарты были приведены снова въ порядокъ, а олени порядочно оправились на здѣшнихъ хорошихъ пастбищахъ. Амвраоргинъ полагалъ, что оставалось еще кое-что сдѣлать, но повидимому не желалъ оставаться дольше въ обществѣ своихъ соплеменниковъ, жившихъ у моря. Дѣло въ томъ, что мѣновая торговля съ бѣдными людьми все болѣе и болѣе обращалась въ раздачу подарковъ съ его и въ изъясненіи благодарности съ ихъ стороны, а онъ, повидимому, полагалъ, что уже достаточно сдѣлалъ сообразно своему положенію. Поэтому 3 сентября мы сняли наши палатки и направились сначала по старой нашей дорогѣ вдоль лѣваго берега Нерпичьей бухты. Послѣ двухдневнаго, довольно медленно совершеннаго путешествія, мы снова остановились на шесть дней, чтобы привести въ полную исправность сани и затѣмъ уже окончательно двинуться обратно. 17 и 18 Сентября выпалъ достаточно глубокій снѣгъ, который уже не стаявалъ и далъ намъ возможность снова воспользоваться саннымъ путемъ. Сначала, конечно, мы двигались впередъ довольно тихо, такъ какъ высокія кочки все еще выдавались, но путешествіе пѣшкомъ кончилось и это уже могло быть встрѣчено съ радостью. Стало уже холоднѣе, термометръ обыкновенно показывалъ отъ 5 до 8° мороза по Реомюру, что для оленей составляло большое облегченіе. Очень рѣзко бросалось въ глаза большое количество попадавшихся намъ дикихъ оленей. Мы и раньше натыкались на незначительныя стада ихъ, но преимущественно на одиночныхъ. Теперь же мы видѣли оленей ежедневно стадами по нѣсколько сотъ штукъ, а одно изъ нихъ заключало много тысячъ головъ. Оно держалось

на пригоркѣ, находившемся очень близко отъ того мѣста, гдѣ мы расположились лагеремъ, и, повидимому, ни мало не боялось насъ. Амвраоргинъ выпросилъ себѣ у меня заряжавшееся съ казенной части ружье и направился къ стаду на своихъ, запряженныхъ парой оленей бѣговыхъ санкахъ. Животныя такъ близко подпустили его къ себѣ, что ему удалось убить пятерыхъ изъ нихъ прежде, чѣмъ остальные стали приходить въ безпокойство. Несмотря на то, что пало пять оленей, стадо медленно оставило свое мѣсто, да и то только тогда, когда къ нему подошли нѣсколько чукчей, чтобы подобрать застрѣленныхъ животныхъ. 23 Сентября нѣкоторыя небольшія рѣчки успѣли уже замерзнуть, а въ болѣе значительныхъ оказалась масса грунтоваго льда, такъ что мѣстами вся галька русла рѣки была покрыта толстымъ слоемъ послѣдняго. Этотъ ледъ постоянно отдѣлялся большими кусками отъ дна рѣки, захватывая съ собою много мелкихъ камешковъ, но на освобожденномъ мѣстѣ въ необыкновенно короткое время тотчасъ же появлялся новый. Когда эти плавушіе, имѣвшіе видъ пропитаннаго водою снѣга, куски вынимаешь изъ воды, то замѣчаешь массу необыкновенно тонкихъ ледяныхъ табличекъ. Послѣднія не примерзаютъ крѣпко другъ къ другу, но и не прилегаютъ неплотно одна къ другой,—онѣ скорѣе дѣлаютъ впечатлѣніе, будто онѣ врѣзались другъ въ друга благодаря своей многоугольной формѣ. Хотя вся масса образуетъ одинъ кусокъ, но отдѣльныя таблички легко выдѣляются безо всякаго поврежденія дѣлаго. Камешки, которые часто находились подъ табличками, примерзали только къ нѣкоторымъ изъ послѣднихъ. 25 Сентября мы пришли къ Танюреру, большому лѣвому притоку Анадыра, но не могли его перейти потому, что онъ, хотя и былъ покрытъ льдомъ, но послѣдній былъ еще настолько тонокъ, что не допускалъ перехода стада оленей. Мы должны были оставаться до 2 октября, когда чукчи объявили, что ледъ достаточно окрѣпъ для переправы. Мы находились, вѣроятно, на полупути въ Марково; я охотно отправился бы впередъ на легкой нартѣ и выслалъ бы на встрѣчу моимъ товарищамъ сани, запряженные собаками, чтобы

покончить, наконецъ, путешествіе въ сообществѣ чукчей. Но это еще не могло состояться потому, что по даннымъ, собраннымъ нами у одного богатаго чукчи-оленевода, посѣтившаго насъ, мы все еще слишкомъ далеко находились отъ ближайшихъ русскихъ поселеній, чтобы добраться до нихъ безъ ночевки на пути. Поэтому намъ приходилось по крайней мѣрѣ одинъ разъ кормить животныхъ, а по мнѣнію чукчей послѣднее было довольно рискованно; легко могло случиться, что во время нашего сна олени убѣжали бы обратно къ стаду, съ которымъ они въ продолженіе долгаго времени были неразлучны, а намъ пришлось бы остаться ни при чемъ. Вслѣдствіе этого не было другаго исхода, какъ оставаться съ чукчами до приближенія къ какому либо русскому поселенію, достичь котораго въ скоромъ времени мы имѣли надежду потому, что дѣлали теперь значительные переходы. Тѣмъ не менѣе прошло еще около двухъ недѣль прежде, чѣмъ Амвраоргинъ сказалъ мнѣ, что мы въ тотъ же день можемъ доѣхать до русскихъ селеній, если отправимся налегкѣ впередъ. Это было исполнено и мы поѣхали на легкихъ санкахъ. Нашъ путь лежалъ по долинѣ маленькой рѣчки, впадавшей въ Анадырь; ѣхали мы довольно скоро и къ полудню достигли мѣстечка Утѣщики, по чукотски называвшагося Энмотъ, гдѣ находилось два или три блокгауза, представлявшихъ для насъ давно желанное зрѣлище. Но что въ высшей степени заинтересовало меня, — это масса убитыхъ оленей: много ихъ лежало еще неободранными въ кучахъ, но съ большинства шкура была снята и туши разрублены на большіе куски. Одинъ изъ блокгаузовъ былъ наполненъ ими до самаго потолка. Отъ престарѣлаго юкагира, который жилъ въ одномъ изъ блокгаузовъ и, повидимому, былъ сторожемъ, мы узнали, что какъ тутъ, такъ и внизъ, и вверхъ по теченію отъ этого мѣста происходила ежегодная охота на оленей, которая въ этомъ году была очень удачна. Сюда уже пріѣзжало много нартъ, чтобы увозить оленей, но болѣе тысячи штукъ ихъ лежало еще на берегу. Говорили, что это было то мѣсто, которое въ старину называлось Чекаевымъ и въ которомъ охоты на

оленей происходили еще во времена древняго острога. Интересно было бы посмотрѣть какъ велико общее количество убиваемыхъ при такой ловлѣ животныхъ, потому что число оставшихся еще на мѣстѣ оленей можно было считать далеко за тысячу. Рассказывали также, что значительная часть добычи была кромѣ того истреблена пожаромъ: здѣсь находился еще одинъ, тоже сверху до низу наполненный битыми животными блогаузъ, который загорѣлся, вѣроятно, отъ неосторожности, и весь запасъ былъ уничтоженъ. Отъ сторожа мы узнали, что въ данное время нарты тутъ не было, но что скоро можно было ожидать прибытія ихъ изъ Маркова за мясомъ. Однако ждать ихъ намъ казалось слишкомъ долгимъ, а потому мы дождались прихода каравана, прошли съ нимъ вмѣстѣ еще нѣкоторое время, а затѣмъ, 17 октября, я съ Амвраоргинымъ отправился впередъ въ Марково. Едва мы сдѣлали по рѣкѣ около двадцати верстъ, какъ намъ повстрѣчались четыре нарты, запряженныя собаками. Къ счастью мы замѣтили другъ друга еще во время, такъ что довольно опасная встрѣча сошла безъ дальнѣйшихъ неприятностей. Мы отослали оленей обратно, а я съ Амвраоргинымъ поѣхали на двухъ нартахъ далѣе вверхъ по рѣкѣ. Снѣгъ на рѣкѣ былъ плотенъ, собаки находились въ хорошемъ состояніи, такъ что мы быстро подвигались впередъ. Дорога вела сначала вверхъ по самому Анадыру, затѣмъ по Майну, его большому правому притоку и по берегу большаго острова, который образуютъ при своемъ соединеніи Анадырь и Майнъ. Замѣчательнымъ было то обстоятельство, что какъ только мы свернули на Майнъ, на нашемъ пути по обоимъ берегамъ рѣки потянулся высокій кустарникъ изъ ивняка, сильно отличавшійся отъ той мелкой ивняковой поросли, съ которой мы встрѣчались все гдѣто. Это не были еще деревья, но тѣмъ не менѣе стволики ивъ въ два дюйма диаметра и въ двѣ сажени высотой производили на мои неизбалованные глаза очень пріятное впечатлѣніе. Ночь на 19 мы провели въ юртѣ, принадлежавшей людямъ, которые находились здѣсь для рыбной ловли. Они тоже рассказывали о ловлѣ оленей

и были очень ею довольны, какъ и рыбною ловлею, которая была тоже удачною. Кромѣ прекрасной рыбы, намъ предложили одно блюдо, продуктъ охоты на оленей, которое въ тѣхъ мѣстахъ очень цѣнится, да и въ самомъ дѣлѣ довольно вкусно. Оно состоитъ изъ мозга, вынутаго изъ костей заднихъ ногъ, и изъ головного мозга оленей; ихъ варятъ вмѣстѣ въ котлѣ и наполняютъ ими желудокъ животнаго. Приготовленный такимъ способомъ родъ колбасы кладутъ въ ледникъ и сохраняютъ. Колбаса подается на столъ въ замороженномъ видѣ, при чемъ ее колютъ на куски подобно тому, какъ у насъ сахаръ, и затѣмъ ѣдятъ съ солью и сухарями. Я надѣялся пріѣхать въ Марково 19, но это не удалось; сначала мы спустились по рукаву Маина, который ведетъ къ западному углу острова, и проѣхали мимо домовъ, представлявшихъ изъ себя уцѣлѣвшіе до сихъ поръ остатки бывшаго селенія. Спустя приблизительно 60 лѣтъ послѣ уничтоженія Анадырскаго острога, собирались устроить новое мѣсто для мѣновой торговли между жившими по Анадыру кочевыми и охотничьими племенами; для этого избрали западную оконечность довольно высокаго Анадырскаго острова, при устьѣ западнаго рукава Маина, носящаго названіе Прорвы. Поселокъ былъ основанъ для торговли и обмѣна товаровъ, а вовсе не съ военными цѣлями; но въ виду того, что мѣсто было все же очень уединенно, церковь и строенія окружили деревянной стѣною, что по всей вѣроятности послужило поводомъ назвать и это селеніе острогомъ или крѣпостью; поэтому многіе полагали, будто оно основано на развалинахъ прежней пресловутой крѣпости Анадырска. Но старожилы очень хорошо помнятъ, что старая крѣпость находилась около десяти верстъ выше теперешняго Маркова; они увѣряютъ также, что ее уничтожили до самаго основанія и уже черезъ нѣсколько лѣтъ мѣсто, гдѣ она находилась, можно было узнать только по прогалинѣ въ лѣсу. Въ настоящее время и послѣдняя уже мало замѣтна, потому что съ одной стороны она заросла лѣсомъ, а съ другой — русло рѣки расширилось и теченіемъ снесло большую часть того мѣста, гдѣ

прежде стояла крѣпость. Впослѣдствіи нашли болѣе удобнымъ перевести селеніе съ острова и переселить его жителей на 40 приблизительно верстъ выше, на правый берегъ Анадыра, — это и есть теперешнее Марково, куда мы въ настоящее время стремились. Но такъ какъ собаки утомились, мнѣ пришлось еще разъ заночевать въ хижинѣ рыболововъ, обитатели которой прибыли сюда изъ Маркова для ловли рыбы вершами и ставными сѣтями. Отсюда мнѣ оставалось сдѣлать только 20 верстъ, а потому я выѣхалъ рано по утру, чтобы имѣть еще въ распоряженіи день. Кустарныя заросли по обимъ берегамъ рѣки становились все выше и выше, а десять верстъ недоѣзжая Маркова появился настоящій лѣсъ, котораго мы не видѣли въ теченіи пяти мѣсяцевъ. Тому, кто не жилъ долго въ совершенно безлѣсной мѣстности, трудно понять, что одного вида оголенныхъ зимою деревьевъ достаточно, чтобы вызвать уже чувство бодрости и удовольствія. Тѣмъ не менѣе это такъ: кажется, что ты не одинъ, что ты не покинуть, что чувствуешь подъ собою снова твердую почву и можешь легко противостоятъ тѣмъ непріятностямъ, которыя человѣкъ часто испытываетъ на крайнемъ сѣверѣ. Лѣтомъ чувство это гораздо слабѣе. Пустынная тундра или степь и въ это время производитъ гнетущее впечатлѣніе своимъ однообразіемъ, но ея видъ никогда не приводитъ человѣка въ такое подавленное настроеніе, какъ зимній ландшафтъ необозримой снѣговой поверхности, по которой съ бѣшеной силой несется снѣжная буря, оставляя только одно средство къ спасенію: — спокойно оставаться на мѣстѣ, гдѣ она тебя настигла, томиться часами, а часто и цѣлыми днями, пока она перестанетъ свирѣпствовать и дастъ тебѣ возможность продолжать твой путь. Лѣсъ, который мы встрѣтили здѣсь, подъ Марковымъ, не состоялъ, конечно, еще изъ лиственницы, а только изъ тополя и рябины. Это являлось доказательствомъ того, что собственно лѣсная область еще не начиналась. Дѣйствительно, дерево, которое образуетъ настоящій сплошной лѣсъ къ сѣверу отъ Верхоянскаго хребта, — есть всегда

*

лиственница, всѣ же остальные породы встрѣчаются спорадически.

Скоро я прибылъ и въ Марково. Мѣстечко это состоитъ изъ нѣсколькихъ, около 20, домиковъ и изъ маленькой часовни, гдѣ богослуженіе совершаетъ живущій въ Марковѣ миссіонеръ для чукчей и коряковъ. Жители Маркова частью русскіе, частью юкагиры и чуванцы. Эти инородцы совершенно обрусѣли и едва знаютъ свой собственный языкъ; въ особенности чуванскій языкъ можно считать совершенно исчезнувшимъ, потому что единственный человѣкъ его знавшій, старикъ 117 лѣтъ отъ роду, умеръ за нѣсколько лѣтъ до моего посѣщенія Маркова. Эти обрусѣвшіе юкагиры и чуванцы, которые живутъ частью въ Марковѣ, частью въ разбросанныхъ по Анадыру и острову Маину хижинахъ, пришли сюда съ Анюевъ въ то время, когда тамъ оскудѣли—какъ мы уже говорили раньше—олени и рыбные промыслы; съ ними же пришло и нѣсколько русскихъ. Впослѣдствіи изъ Гижигинска по распоряженію тамошняго исправника была переведена сюда небольшая команда казаковъ подъ начальствомъ одного урядника, который несетъ здѣсь полицейскую службу. Вслѣдствіе этого возникло такое странное положеніе, что юкагиры и русскіе, въ судебномъ и полицейскомъ отношеніи фактически зависящіе отъ Гижигинска, считаютъ себя принадлежащими къ Колымску: отсюда они пришли, платятъ туда свои подати и отсюда же утверждаютъ ихъ старосты. Такимъ образомъ они подчинены двумъ совершенно различнымъ областямъ, потому что Колымскъ находится въ административной зависимости отъ Якутска, а Гижигинскъ отъ Благовѣщенска на Амурѣ.

Въ Марковѣ былъ своего рода голодь. Рыбы и мяса было у жителей къ счастью вдоволь, такъ какъ лѣтняя и осенняя ловля была удовлетворительна, но за то вышли всѣ запасы продуктовъ, которыхъ тамошняя мѣстность не производила, а это давало-таки себя чувствовать. У нихъ не было ни муки, ни крупы, ни чаю, ни табаку,—старые запасы вышли, а новыхъ еще не привезли изъ Гижигинска. Поэтому болѣе заботочные жители, а особенно

миссіонеръ и урядникъ уже давно съ нетерпѣніемъ ожидали моего прибытія, въ надеждѣ, что имъ удастся кое-что получить заимообразно изъ моихъ запасовъ, присланныхъ весною въ Марково. Мою собственность они усердно берегли, но сознались мнѣ, что имъ было подчасъ довольно трудно удержаться, чтобы не вскрыть мѣшокъ съ мукою въ то время, когда у нихъ наступила безхлѣбница. Въ данную минуту я могъ ссудить ихъ только мукой, чаю же и сахару у меня здѣсь не было: всѣ запасы того и другаго шли съ караваномъ. Вслѣдствіе этого миссіонеръ и урядникъ, чтобы получить скорѣе напитокъ, безъ котораго трудно обойтись сибиряку, рѣшили отправиться со мною, когда я 23 октября поѣхалъ съ нѣсколькими нартами съ цѣлію доставить моихъ спутниковъ въ Марково. Поэтому мнѣ представился случай путешествовать въ обществѣ, что было очень пріятно. Въ виду того, что караванъ безостановочно шелъ впередъ, самъ Амвраоргинъ не зналъ навѣрное, гдѣ его найти, а потому нужно было приготовиться къ нѣсколькимъ бесполезнымъ поѣздкамъ для его розыска. Такъ оно и случилось: въ бывшемъ селеніи на островѣ, гдѣ по нашимъ расчетамъ долженъ былъ находиться нашъ караванъ, мы его не нашли и ѣхали еще цѣлый день и ночь пока раннимъ утромъ, когда еще было темно, по внезапному оживленію нашихъ собакъ не догадались о его близости. Мы застали его какъ разъ въ то время, когда оленей вогнали въ кругъ, чтобы запрягать.

Было рѣшено сдѣлать отдыхъ въ этотъ день, такъ какъ путешествіе въ Землю Чукчей можно было считать оконченнымъ и нужно было сдѣлать распоряженія на будущее время. Самъ я собирался отправиться въ Гижигинскъ, чтобы переговорить съ тамошнимъ исправникомъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ, касавшихся чукчей и коряковъ; мнѣ было также очень важно узнать, какіе народы живутъ на протяженіи шести или семи сотъ верстъ отъ Анадыра до Гижигинска въ виду того, что телеграфная линія должна была идти между этими двумя пунктами. Нейманъ хотѣлъ произвести наблюденія сначала въ Марковѣ, а затѣмъ воз-

можно скоро отправиться въ Нижнеколымскъ, чтобы сдѣлать отсюда экскурсію на группу Медвѣжьихъ острововъ, гдѣ ему предстояло тоже сдѣлать магнитныя наблюденія. Фельдшеръ и топографъ должны были тотчасъ же отправиться въ Нижній и на первыхъ порахъ оставаться тамъ. Амвраоргину тоже нужно было нѣкоторое время остаться въ Марковѣ; ему было очень важно собрать вѣрныя свѣдѣнія о чукотской ярмаркѣ, имѣвшей тамъ мѣсто въ концѣ декабря или въ началѣ января; эта ярмарка вовсе не правилась не только жителямъ Колымска, но и чукчамъ съ Анюя, такъ какъ она отвлекла съ Анюйской ярмарки значительную часть и безъ того уже уменьшившагося въ количествѣ пушнаго товара. Благодаря такому разнообразію миссій участниковъ нашей экспедиціи, нужно было предпринять раздѣленіе нашего каравана, что конечно требовало остановки. Цѣлый день дѣлили и упаковывали багажъ, а вечеромъ я рѣшилъ отпраздновать разставаніе съ нашими вѣрными и, надо сказать, очень внимательными и услужливыми спутниками.

Прежде всего нужно было щедро надѣлать всѣхъ табакомъ; дагѣ важную роль, въ качествѣ усладительницы жизни, играла водка и, наконецъ, для нашихъ спутниковъ было величайшимъ лакомствомъ все, что готовилось изъ муки. Чукчи питаются исключительно мясомъ въ силу того, что земля ихъ другаго ничего не производитъ, но потребность человѣческой природы въ растительной пищѣ настолько сильна, что они ищутъ ее гдѣ только возможно. Такъ чукчи, живущіе на морскомъ побережьи, охотно ѣдятъ примытые къ берегу водоросли; въ тѣхъ случаяхъ, когда я желалъ получить послѣднія, я долженъ былъ присутствовать при самомъ вытаскиваніи сѣтей изъ подъ льда, — въ противномъ случаѣ женщины и дѣти тотчасъ же поѣдали всякія морскія растенія. Чукчи-оленоводы съ большимъ рвеніемъ собираютъ извѣстныя растенія, корни и клубни которыхъ не очень тверды, и варятъ ихъ вмѣстѣ съ мясомъ. Если желаешь привести ихъ въ веселое расположеніе духа, то стоитъ только насыпать нѣсколько пригоршней муки имъ въ котелъ, въ которомъ они варятъ оле-

нину; особенную радость вызывало это обстоятельство среди женщинъ и дѣтей. Руководясь этими соображеніями я и приготовилъ пиршество при разставаніи. Уже во время самаго путешествія, по большимъ церковнымъ праздникамъ и въ царскіе дни (день Св. Троицы, Тезоименитство Государя Императора, день Коронаціи) мы всегда останавливались на отдыхъ и праздновали ихъ. Особенно торжественно справляли мы Тезоименитство Государя Императора, при чемъ были устроены всевозможныя игры и воздвигнуть высокій деревянный крестъ изъ двухъ самыхъ длинныхъ бревенъ, какія мы могли найти въ остовѣ потерпѣвшаго крушеніе корабля. Чукчи очень искусно срубили этотъ крестъ, а топографъ украсилъ его вензелемъ Государя съ обозначеніемъ дня и года празднества. Затѣмъ всѣ присутствовавшіе, между прочимъ и гости изъ чукчей, торжественно направились на высшее мѣсто прибрежной горы, чтобы водрузить тамъ крестъ. Процессія удалась очень хорошо, при чемъ особенно выдѣлялся Амвраоргинъ въ своемъ красномъ мундирѣ, увѣшанномъ медалями. Самымъ слабымъ мѣстомъ празднества была стрѣльба: по обычаю намъ слѣдовало сдѣлать 101 выстрѣлъ, но, конечно, мы не имѣли необходимыхъ на то пушекъ. Все, что мы могли дать въ этомъ отношеніи — это десять выстрѣловъ изъ нашихъ двустволокъ и изъ ружей казаковъ; сибирскія винтовки (56), которыхъ мы имѣли нѣсколько, не могли способствовать торжественности, такъ какъ выстрѣлы изъ нихъ очень тихи. Мы производили, такимъ образомъ, другъ за другомъ десять выстрѣловъ, послѣ чего наступала пауза, во время которой заряжали ружья и кричали «ура!», исполнявшееся чукчами съ большою энергіей. Сдѣлавъ 100 выстрѣловъ, мы произвели послѣдній, сто первый, изъ всѣхъ ружей сразу, что вышло очень удачно и эффектно. Стрѣльба происходила не совсѣмъ по правиламъ, но намѣреніе было доброе, а такъ какъ наша публика была не европейская, а полудикая азіатская, то и это произвело на нее сильное впечатлѣніе. Надѣлъ табакомъ и водкою сдѣлалъ свое дѣло и всѣ участники остались очень довольны.

Несмотря на продолжительное путешествие, сильно истощившее мои запасы, я все же и въ этотъ день могъ кое-чѣмъ угостить чукчей. Спирту было у меня, дѣйствительно, очень мало, но за то и публика моя была не избалована; щедро разбавивъ спиртъ водой, я получилъ достаточное количество влаги, которая въ другихъ мѣстахъ уже не считалась бы за годную водку, но тѣмъ не менѣе привела весь нашъ чукотскій персоналъ въ настроеніе высшей степени шумливой веселости. Имъ дѣйствительно удалось напиться совершенно пьяными; они танцовали и катались по снѣгу, но все обошлось безъ нарушенія порядка и безъ ссоръ, хотя спектакль продолжался всю ночь и празднеству, повидимому, не предвидѣлось конца. При этомъ чукчи истребляли массу сухарей, чаю и ячменной каши, сваренной просто на водѣ, безъ всякихъ приправъ; эта послѣдняя, была для нихъ, повидимому деликатесомъ. Въ то время, какъ все вокругъ насъ веселилось и радовалось, на нашу долю выпало удовольствіе другаго рода. Именно, поздно вечеромъ пришла почта изъ Колымска и привезла намъ, между прочимъ, письма изъ Якутска и съ родины. Было много чего почитать, много о чемъ подумать, потому что каждый что нибудь да получилъ; было также нѣсколько газетъ, въ которыхъ впрочемъ не заключалось ничего особенно интереснаго кромѣ извѣстія, что королева Изабелла покинула Испанію. Мнѣ было очень досадно, что я только съ этою почтою, т. е. уже слишкомъ поздно, получалъ нѣкоторыя свѣдѣнія о племенахъ эскимосовъ. Эти свѣдѣнія, содержащія эскимосскіе рассказы и рисунки эскимосовъ, были посланы мнѣ г. Ринкомъ чрезъ Императорскую Академію Наукъ; мнѣ поручалось узнать не извѣстны-ли эти рассказы также и упомянутымъ выше айгванамъ. Конечно еще вопросъ, удалось-ли бы намъ собрать эти данныя, потому что при сношеніяхъ съ айгванами намъ пришлось бы пользоваться въ качествѣ переводчиковъ чукчами, которые въ свою очередь говорили съ нами черезъ переводчика. Такимъ образомъ все сообщенное выдерживало бы два перевода, при томъ крайне несовершенные. Во всякомъ случаѣ, если бы вышеупомянутыя свѣдѣнія получились ранъ-

ше, мы могли бы попытаться сдѣлать все возможное по этому поводу.

На слѣдующій день я собирался отправить Неймана въ Марково, но намъ удалось доѣхать только до селенія на островѣ, гдѣ предстояло остаться еще на одинъ день, такъ какъ было забыто кое-что изъ багажа. Тутъ съ нами случилось приключеніе, которое легко могло бы имѣть дурной исходъ: старикъ Амвраоргинъ внезапно и серьезно захворалъ. Вообще онъ былъ человѣкъ желѣзнаго здоровья, а потому я полагалъ, что дѣло не представляетъ важности, когда онъ объяснилъ мнѣ черезъ переводчика, что у него сильно болитъ животъ. Принялъ ли я болѣзнь за послѣдствія вчерашняго торжества, или потому, что мнѣ не совсѣмъ правильно объяснили въ чемъ заключается недомоганіе, но, полагая, что дѣло идетъ о простомъ поносѣ, я далъ ему значительную дозу опія и думалъ, что этимъ все и кончится. Но болѣзнь приняла дурной оборотъ; послѣ полудня меня позвали къ нему: онъ катался отъ боли на своей постели, животъ былъ очень вздутъ и у него былъ сильный жаръ. Что теперь было дѣлать? Фельдшеръ полагалъ, что помочь въ данномъ случаѣ могъ только каломель, который и былъ тотчасъ же данъ больному. Послѣ того, какъ онъ принялъ одинъ за другимъ нѣсколько порошковъ съ перерывами въ два-три часа, а дѣйствіе тѣмъ не менѣе не наступало, я очень сильно перепугался, особенно тому, что фельдшеръ сказалъ, что продолжать давать каломель болѣе невозможно, онъ же не знаетъ чѣмъ помочь далѣе. Интересно было поведеніе чукчей. Сначала они вовсе не обратили вниманія на болѣзнь своего ерема, но когда замѣтили, что онъ не поправляется, что мы постоянно приходили къ нему, щупая, вѣроятно съ озабоченнымъ видомъ, пульсъ, — чукчи стали очень внимательными и спрашивали, что могло бы это означать. Я имъ прямо сказалъ, что боюсь плохаго исхода, такъ какъ лихорадка очень сильна, а я не могу рѣшиться дать снова трижды имъ уже принятое лѣкарство. Съ этой минуты вокругъ дома, гдѣ мы остановились, воцарилась мертвая тишина, хотя, передъ нимъ собра-

лась масса народа, потому что извѣстіе объ опасной болѣзни ерема тотчасъ же дошло до расположившагося въ десяти верстахъ лагерь; каждый, кто только имѣлъ возможность, явился сюда. Но кромѣ нашихъ сдучниковъ пришли сюда и другіе чукчи, какъ жившіе на Анадырѣ, такъ и прибывшіе съ Анюя. Весь этотъ народъ очень тревожился за своего ерема. Было трогательно видѣть, какъ тихо прокрадывались эти грубые, неуклюжіе люди въ комнату больнаго, чтобы взглянуть на старика, не причиняя ему тѣмъ безпокойства, и какъ жадно слушались другими сообщавшіяся ими шопотомъ извѣстія. Они приходили и ко мнѣ, прося дать ему еще лѣкарства и сообщить, что я думаю о его состояніи. Между тѣмъ дѣло становилось все серіознѣе; хотя мы не могли измѣрять температуру, но жаръ очевидно, былъ очень силенъ. Наконецъ фельдшеръ заявилъ, что слѣдуетъ еще разъ попробовать дать каломель: положеніе было такое критическое, что повредить болѣе ничто не могло, а между тѣмъ доза каломеля могла преодолѣть данный мною опій и вызвать дѣйствіе кишечника. Больной получилъ еще разъ лѣкарство и приблизительно черезъ два часа оно подѣйствовало, а вмѣстѣ съ тѣмъ миновала и опасность. Нейманъ вскорѣ послѣ этого отправился, я же остался, чтобы еще послѣдить за больнымъ, потому что каломель началъ теперь дѣйствовать съ большою силою; мнѣ не хотѣлось оставить старика, пока онъ совсѣмъ не оправится.

Чукчи были очень обрадованы. Мнѣ пришлось принять массу поклоновъ и отвѣтить на нихъ; это длилось очень долго, потому что они считали приличнымъ явиться ко мнѣ не разомъ, но благодарить меня по одиночкѣ. Во все это время мнѣ было все же пріятно, что они не знаютъ, насколько я былъ, вѣроятно, виноватъ въ этомъ, самомъ по себѣ можетъ быть и не серіозномъ заболѣваніи, давъ несвоевременно опій. Въ ночь, когда больному было особенно плохо, волки утащили у Амвраоргина нѣсколько оленей и въ томъ числѣ одного изъ его знаменитыхъ бѣгуновъ, на которыхъ онъ постоянно бралъ призы на Анюй-

ской ярмаркѣ. Очень опечаленный пастухъ пришелъ заявить объ этомъ своему господину, когда опасность уже прошла: онъ ждалъ упрековъ, такъ какъ вмѣсто того, чтобы оберегать какъ слѣдуетъ стадо, онъ тоже находился въ селеніи. Но господинъ его принялъ извѣстіе очень благосклонно, а мнѣ сказалъ, что этимъ онъ уплатилъ дань духу этихъ мѣстъ и теперь можетъ быть спокоенъ: послѣдній требовалъ жертвы, которая ему полагалась, онъ же охотно откупился своими бѣгунами за свою жизнь и здоровье.

Когда Амвраоргинъ совершенно оправился, онъ пожелалъ передъ отправленіемъ со мной посѣтить еще разъ свой лагерь. Тутъ его приняли въ высшей степени торжественно. Пологъ его былъ на половину откинуть, въ немъ горѣла лампа; покрывало наружной палатки было приподнято и у входа въ нее сидѣла ожидавшая его прибытія первая жена, Анна. Всѣ присутствовавшіе въ лагерѣ чукчи успѣшили явиться и стали длинными шпалерами до самой палатки, такъ что Амвраоргинъ, подъѣзжая къ ней на оленьихъ санкахъ, проѣхалъ по этой живой улицѣ, которая встрѣтила его радостными восклицаніями и низкими поклонами. Затѣмъ его подняли съ саней и онъ подошелъ къ своей женѣ, которая тоже отвѣсила ему поклонъ до земли, послѣ чего онъ поднялъ ее, поцѣловалъ и вошелъ съ нею въ палатку, куда никто за ними на этотъ разъ не послѣдовалъ. Постоянно и во всемъ было замѣтно, что чукчи не только считали его за своего начальника, но и относились къ нему съ истинной любовью и уваженіемъ.

Теперь было окончено все то, что намъ было нужно сдѣлать сообща. Караванъ пустился въ путь съ фельдшеромъ, топографомъ и казаками на Большой Анюй, откуда они должны были направиться далѣе — въ Нижнеколымскъ; я же съ Амвраоргинымъ поѣхалъ въ Марково. Здѣсь я сначала снарядилъ въ дорогу Неймана, отправлявшагося на собачьихъ нартахъ прямо на Малый Анюй. Съ Амвраоргинымъ я условился, что онъ приметъ на себя хлопоты по переписи чукчей, необходимой въ виду введенія ясачной повинности, а затѣмъ снова вернется въ

Марково, гдѣ и найдеть меня, потому что я собирался вернуться изъ Гижигинска еще до Рождества.

Итакъ, этимъ мы снова закончили еще часть нашего путешествія, и именно ту, отъ которой ожидали болѣе всего, но которая дала намъ довольно бесплодное странствованіе по средней части Чукотской Земли. Собранныя нами данныя оказались, поэтому, очень незначительными и состояли преимущественно въ составленіи вѣрной карты рѣчной системы Анадыра, до тѣхъ поръ почти вовсе неизвѣстной; кромѣ того удалось прослѣдить тутъ границу древесной растительности, хотя и ранѣе было уже извѣстно, что весь сѣверо-востокъ континента лежалъ внѣ предѣловъ ея. До насъ эту область Биллингсъ перерѣзалъ зимою 1790—91 отъ Берингова пролива до Малаго, а затѣмъ до Большаго Анюевъ и нашелъ, что она совершенно безлѣсна. Онъ шелъ, конечно, по сѣверной сторонѣ того хребта, который, начинаясь отъ источниковъ Анадыра и рѣки Чауна, тянется пологими, волнистыми возвышенностями къ окрестностямъ мыса Пээкъ; но несомнѣнно, что чучки навѣрное предпочли бы идти по южному склону хребта, если бы имъ не было извѣстно, что южные его склоны столь же безлѣсны, какъ и сѣверные; хотя они и не страдали отъ холода въ той мѣрѣ, какъ Биллингсъ и его спутники, но все же умѣли цѣнить преимущества ночлега у огня. Подобно тому какъ Биллингсъ привѣтствовалъ первый лѣсъ на истокахъ Малаго Анюя, такъ и мы простились съ нимъ на истокахъ Большаго Анюя. Впрочемъ на нашемъ дальнѣйшемъ пути мы трижды наталкивались на маленькіе островки тополеваго лѣса, производившіе странное впечатлѣніе тѣмъ, что они состояли изъ высокоствольныхъ, красивыхъ и совершенно прямыхъ тополей, рѣзко отличавшихся отъ корявыхъ деревьевъ, которыя вообще растутъ близъ границы древесной растительности.

Далѣе на востокъ встрѣчался только кустарникъ, состоявшій преимущественно изъ представителей богатыхъ здѣсь видами и индивидами ивъ. *Alnus incana* и *Betula nana* были тоже въ значительномъ количествѣ; напротивъ, *Betula alba* и *Ribes rubrum*

попались намъ каждая по одному экземпляру; послѣдніе были совершенно корявы и стелились по землѣ своими, толщиною въ линію, стволиками; при этомъ на кустѣ *Ribes* были мелкія, темно-красныя, совершенно спѣлыя ягоды. Кустарникъ, который сначала достигалъ еще высоты человѣческаго роста, далѣе на востокъ становился все мельче и мельче, пока, наконецъ, на морскомъ побережьѣ и вблизи его не достигъ высоты 15—16 дюймовъ; онъ являлся тутъ въ видѣ маленькихъ, круглыхъ кустиковъ, такъ гладко подрѣзанныхъ сверху, какъ будто о красотѣ мѣстности заботился садовникъ со своими ножницами. Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ долинѣ маленькой рѣчки, по которой мы ѣхали къ Анадыру, намѣреваясь достигнуть мѣста осенней охоты за оленями, встрѣтился довольно частый кустарникъ *Pinus Cembra pumila*, который мы менѣе всего рассчитывали найти здѣсь: этотъ видъ къ востоку отъ нижняго теченія Большаго Анюя намъ нигдѣ уже болѣе не попадался. Впрочемъ, чучки увѣряли, что онъ встрѣчается еще довольно часто на нижнемъ теченіи Анадыра. Такимъ образомъ вся обширная мѣстность отъ водораздѣла Анадыра до моря представляетъ довольно пустынный, безотрадный видъ. Кромѣ низкаго кустарника тутъ есть еще безконечныя, покрытыя *Carices* кочковатыя болота, часто прерываемыя маленькими озерками; большихъ же водныхъ поверхностей мы вовсе не встрѣчали. Въ виду того, что на нашемъ пути туда мы придерживались южнаго склона хребта, можно было ожидать, что далѣе къ югу, въ долинѣ Анадыра, озеръ будетъ больше, но на дѣлѣ оказалось противное: на обратномъ пути мы тоже не нашли большихъ озеръ, хотя нашъ путь шелъ какъ разъ по анадырской низменности. Собранный нами гербарій опредѣленъ Траутфеттеромъ и показываетъ насколько флора этой мѣстности бѣдна видами; точно также сразу бросается въ глаза незначительность высоты всего растенія въ отношеніи величины цвѣтка, — характерный признакъ растительности далекаго сѣвера.

Соотвѣтственно флорѣ, и фауна очень бѣдна видами; особями

она тоже не богата. Наибольше частыми ея представителями являются различные виды утиныхъ, голенастыхъ и чаекъ. Изъ млекопитающихъ мы могли отыскать только медвѣдя, волка, лисицу, дикаго сѣвернаго оленя, каменнаго барана (*Ovis nivicola*), *Spermophilus Eversmanni*, *Myodes torquatus* и еще одинъ видъ лемминга, *Sorex sp.* и *Lepus hyperboreus*. Впрочемъ, въ большомъ количествѣ попадался только *Myodes torquatus*, который встрѣчался рѣшительно повсюду. *Ovis nivicola* въ прежнее время часто попадался на двухъ Барановыхъ Камняхъ къ востоку отъ Колымы, да и теперь еще водится въ довольно большомъ количествѣ въ горахъ къ востоку отъ Бѣлой, гдѣ мы и убили два экземпляра. Лисица и песецъ (последній, конечно, только на морскомъ побережьи) въ общемъ рѣдки; охотятся за ними тоже не часто, такъ какъ чукчи не охотники. Кромѣ *Myodes torquatus*, за настоящаго обитателя этой области можно признать только дикаго сѣвернаго оленя, потому что по числу особей онъ далеко превосходитъ всѣхъ остальныхъ млекопитающихъ. Это животное встрѣчается повсюду, хотя, какъ можно заключить изъ рассказовъ охотниковъ и чукчей, олень въ теченіи года и не держится стадами, а бродитъ самостоятельными семьями, состоящими изъ одного самца съ нѣсколькими самками и дѣтенышами. Животныхъ обыкновенно оставляютъ совершенно въ покоѣ; только пастухи тщательно наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы въ стадо не замѣшался дикій самецъ, потому что последній легко уводитъ примкнувшихъ къ нему прирученныхъ самокъ. Съ другой стороны пастухи очень рады, когда ихъ самки посѣщаются дикими самцами, потому что ихъ потомство отличается быстротой бѣга и доставляетъ тѣхъ хорошихъ бѣгуновъ, которыхъ чукчи такъ высоко цѣнятъ. Поэтому время отъ времени они допускаютъ дикихъ оленей въ стадо и помѣчаютъ самокъ, съ которыми они сходились, но при этомъ должны очень тщательно наблюдать за тѣмъ, чтобы последнія не были уведены. Когда приближается осень, отдѣльные самцы съ ихъ семьями примыкаютъ къ болѣе крупнымъ стадамъ, пока наконецъ не образуются громадныя стада въ нѣсколько тысячъ

головъ и олени не подготовятся мало по малу къ путешествію на югъ. Это и есть то время, когда начинаютъ съ большимъ вниманіемъ слѣдить за передвиженіями животнаго. Еще раньше чѣмъ начнется переселеніе, многіе ловкіе развѣдчики проходятъ дикія мѣста лѣваго берега Анадыра, чтобы разузнать, гдѣ именно начинаютъ собираться стада и въ какомъ направленіи они двигаются. По стародавнему опыту переходъ черезъ рѣку издревле происходитъ въ Чекаевѣ; этимъ именемъ не обозначаютъ какое нибудь опредѣленное мѣсто, но часть теченія рѣки вверхъ отъ впаденія Танюрера, берегъ же внизъ отъ послѣдняго называется Краснымъ. Но эта мѣстность тянется на протяженіи болѣе сотни верстъ и такимъ образомъ мѣсто охоты можетъ быть намѣчено только приблизительно: каждый годъ нужно точно опредѣлить, гдѣ животныя перейдутъ черезъ рѣку. Около конца августа со всѣхъ сторонъ собираются жители Анадыра—юкагиры, чуванцы, чукчи и коряки, — чтобы сообща принять участіе въ этомъ важномъ дѣлѣ. Это очень утомительная работа, которая требуетъ громаднаго терпѣнія и выдержки и сопряжена съ большими лишеніями. Какъ было уже ранѣе сказано, во все это время не только нельзя сдѣлать выстрѣла, но люди не позволяютъ себѣ развести даже огня для варки пищи или сторожеваго костра, чтобы не возбудить ни малѣйшаго подозрѣнія пугливаго животнаго. Начинаются болѣе усиленныя развѣдки, на основаніи которыхъ люди дѣлятся на группы, располагающіяся въ тѣхъ мѣстахъ противоположнаго берега, на которыя указываетъ все болѣе и болѣе опредѣляющееся направленіе хода стада.

Наконецъ узнаютъ пріятную вѣсть, что большое стадо приближается къ какому нибудь совершенно опредѣленному пункту. Приближеніе къ рѣкѣ совершается всегда въ строгомъ порядкѣ. Все стадо дѣлится на фаланги съ широкимъ фронтомъ и въ пять или шесть шеренгъ; впереди идутъ не самцы, а нѣсколько самокъ. Люди объясняютъ это тѣмъ, что старые самцы, благодаря своимъ большимъ рогамъ, слишкомъ тяжеловѣсны и неповоротливы, чтобы нести тяжелую службу предводителей.

Въ самомъ дѣлѣ, старый самецъ, какихъ иногда встрѣчаешь и между прирученными оленями, имѣетъ рога, которые вовсе не соразмѣрны съ его малымъ и слабымъ тѣломъ, такъ что кажется, что онъ несетъ ихъ съ видимымъ усиленемъ, а потому всегда передвигается съ мѣста на мѣсто тяжело и неуклюже, съ низко опущенной головой. Въ то время, какъ стадо медленно идетъ на погибель, люди съ лихорадочной поспѣшностью, но въ глубокой безмолвной тишинѣ готовятъ къ его встрѣчѣ на противоположной сторонѣ. Охотники располагаются тутъ на берегу, разставляютъ въ различныхъ мѣстахъ свои лодки и тщательно маскируютъ ихъ срубленными ивовыми вѣтвями. Главные дѣятели наступающаго теперь момента охоты, люди, принимающіе на себя трудъ убивать животныхъ, садятся въ свои вѣтки (58); это маленькія лодки, сбитыя всего изъ трехъ досокъ, предназначенныя только для одного человѣка и снабженныя рулевымъ весломъ; охотникъ вооруженъ копьемъ и съ своей стороны долженъ принимать всевозможныя предосторожности, чтобы не быть замѣченнымъ. Теперь все готово; послѣдующихъ событій ждутъ, притаивъ дыханіе и съ величайшимъ вниманіемъ. До сихъ поръ все шло хорошо, но, пока животныя не вошли въ самую рѣку, нельзя рассчитывать на вѣрную удачу охоты: не рѣдко бывали случаи, когда большимъ прекраснымъ стадомъ, находившимся уже на берегу рѣки, овладѣвало подозрѣніе и оно поворачивало обратно. Прежде всего, конечно, нужно принять во вниманіе направленіе вѣтра, чтобы подозрительныя животныя, не почувяли близости человѣка, не дойдя еще до рѣки: дикій олень болѣе довѣряетъ своему чутью, чѣмъ зрѣнію. При встрѣчномъ вѣтрѣ къ оленю очень легко подкрасться съ ружьемъ; часто даже животное въ этомъ случаѣ стоитъ неподвижно долгое время, пристально смотря на приближающагося человѣка, не думая о бѣгствѣ, и вовсе не трудно подойти къ нему на выстрѣлъ. Если же вѣтеръ попутный охотнику, то боязливое животное пускается на утекъ, почувявъ его уже издали, и о стрѣльбѣ нельзя и думать.

Наконецъ въ глубокой тишинѣ раздается тихое хлопанье; это

шумъ, постоянно производимый оленьимъ стадомъ и происходящій отъ того, что короткія заднія копытца животныхъ ударяются одно о другое; его слышно на довольно большомъ разстояніи. Вскорѣ послѣ того на береговомъ валѣ появляется лѣсъ роговъ первой фаланги, предводительствуемой четырьмя или пятью самками. Дѣлается послѣдняя остановка: высоко поднявъ голову и расширивъ ноздри, предводительницы еще разъ обнюхиваютъ воздухъ со всѣхъ сторонъ, еще разъ испытующимъ взглядомъ окидываютъ противоположный берегъ и, не замѣтивъ ничего подозрительнаго, медленно спускаются къ рѣкѣ и входятъ въ воду; за ними тотчасъ же слѣдуетъ фаланга, а затѣмъ и слѣдующія, чтобы идти на свою погибель уже безъ остановки и безъ возврата.

Какъ только первая фаланга пустилась вплавъ, вѣтки, которыми пловцы управляютъ при помощи длинной, тонкой жерди съ лопаткой на каждомъ концѣ, устремляются на животныхъ; охотники имѣютъ теперь свою задачу лѣвой рукой управлять лодкой, а правой — бить животное въ сердце длиннымъ, тонкимъ копьемъ. Для этого нужна большая доля хладнокровія и ловкости, потому что человекъ держится передъ фронтомъ плывущихъ животныхъ и непрерывно вонзаетъ въ нихъ свое копье и вмѣстѣ съ тѣмъ не долженъ подпускать къ себѣ оленей: животныя въ этомъ случаѣ кидаются съ испуга на вѣтку, которая, легко опрокидывается, возвышаясь бортами надъ поверхностью воды всего на два или самое большее на два съ половиною пальца. Единственное спасеніе въ такомъ случаѣ для охотника, который, какъ и всѣ сибиряки, никогда не умѣетъ плавать, ухватиться за одного или двухъ сильныхъ животныхъ и тѣмъ заставить ихъ вынести себя на берегъ. Въ виду того, что бой оленей далеко не безопасенъ, издревле выработалось правило, по которому люди, убивающіе животныхъ, помимо своей обычной части въ качествѣ участниковъ охоты — всѣ добытыя животныя раздѣляются между послѣдними поровну — получаютъ еще всѣхъ тѣхъ оленей, которые достигли берега и тамъ только свалились. Это, само по себѣ очень простое соглашеніе, судя

по жалобамъ народа, было причиною частыхъ злоупотребленій; дѣло въ томъ, что недобросовѣстные люди преднамѣренно не попадаютъ въ сердце, а прокалываютъ только легкія; такимъ образомъ животныя достигаютъ берега и, пробѣжавъ небольшое пространство, тутъ уже издыхаютъ. Принимали мѣры къ тому, чтобы исключать такихъ недобросовѣстныхъ людей изъ числа убивающихъ, но примѣнять эти мѣры на дѣлѣ оказалось весьма трудно, потому что число годныхъ на такую работу очень ограничено и *plens volens* приходилось примиряться съ положеніемъ вещей.

Въ то время, какъ убивающіе невозмутимо совершаютъ свое кровавое дѣло, лодки направляются на рѣку, перехватываютъ плывущіе внизъ по теченію трупы и тащатъ ихъ на отмели рѣки, гдѣ они на первыхъ порахъ и остаются: дѣла въ это время по горло и нужно стараться только о томъ, чтобы ни одно животное не ускользнуло. Весь остальной народъ остается на берегу, дожидаясь момента, когда стадо приблизится къ берегу, тогда всѣ кидаются въ воду на встрѣчу животнымъ, идя до такой глубины, до какой позволяетъ человѣческой ростъ, и здѣсь продолжаютъ избивать оленей. На этомъ охота и кончается: какъ только стадо почувствовало подъ ногами твердую почву, оно бѣшено уносится прочь.

Въ томъ случаѣ, когда добыча обильна, какъ и было въ годъ нашего путешествія, наступаетъ непосредственно послѣ охоты жаркая работа. Прежде всего животныхъ нужно выпотрошить и начать это дѣло безъ промедленія; затѣмъ трупы кладутъ опять въ воду, въ которой они сохраняются лучше, чѣмъ на воздухѣ. Послѣ этого съ нихъ начинаютъ сдирать шкуру и разрубать туши на куски; въ случаѣ холодной погоды послѣднее можетъ быть и отложено. Только теперь люди имѣютъ время освѣдомиться была ли охота удачна и въ другихъ мѣстахъ; если и тутъ работали съ прибылью, радости нѣтъ конца, потому что всѣ со спокойнымъ сердцемъ могутъ встрѣтить долгую, тяжелую зиму.

Изъ остальныхъ млекопитающихъ могутъ быть приняты въ расчетъ, какъ предметъ охоты, только волкъ, да еще росомаха; послѣдняя встрѣчается, однако, въ собственно Чукотской Землѣ, очень рѣдко, такъ какъ она не находятъ здѣсь достаточно добычи. Шкуры обоихъ животныхъ цѣнятся чукчами очень высоко; это доказываетъ какъ сильно зависитъ цѣнность мѣха отъ вкуса потребителей, а не отъ той пользы, которую человекъ могъ бы извлечь изъ него. Чукчи, которые сами привозятъ на ярмарку самые дорогіе лисьи и куньи мѣха (чукотская куница принадлежитъ къ самымъ лучшимъ сортамъ этого рода), вовсе не дорожатъ ими и никогда сами ихъ не носятъ. Съ другой стороны, зажиточный чукча очень стремится къ тому, чтобы имѣть зимнюю шапку изъ бѣлаго полярнаго волка и цѣнить ее тѣмъ выше, тѣмъ она бѣлѣе. Вслѣдствіе этого бѣлыя волчьи шкуры имѣютъ непомерно высокую цѣну. Далѣе, для приличной одежды необходимо, чтобы обшлага и воротъ были обложены полосками мѣха росомахи. Хотя эти животные и водятся на всемъ сѣверѣ Сибири, но нигдѣ не встрѣчаются достаточно часто для того, чтобы за ними можно было вести правильную охоту (59); вслѣдствіе этого происходитъ странное явленіе: якутскіе купцы, которые вывозятъ изъ Чукотской Земли только одни мѣха, должны сами привозить туда шкуры росомахъ, если желаютъ торговать съ чукчами. Чукча цѣнить такую шкуру тѣмъ выше, тѣмъ она пестрѣе, т. е. тѣмъ шире и ярственнѣе выступаютъ бѣлыя полосы, которыя животныя имѣютъ на спинѣ и бокахъ. Во время переговоровъ между купцами на Анкѣйской ярмаркѣ шкуры росомахи играли большую роль; въ придачу къ каждымъ двумъ пудамъ табаку давалась одна подобная шкура, но не въ качествѣ продаваемого товара (что запрещалось правилами Трескина), а въ видѣ подарка; чукчей старались приманить еще тѣмъ, что каждый купецъ выдавалъ свои мѣха за лучшіе.

Много богаче, тѣмъ классъ млекопитающихъ, классъ птицъ. Зимой, конечно, и онъ очень бѣденъ и я сомнѣваюсь, чтобы въ области оставалась какая либо другая птица кромѣ ворона (*Cor-*

vis corax), бѣлой совы (*Stryx noctea*) и бѣлыхъ куропатокъ (*Lagopus albus* и *Lagopus alpinus*); дѣйствительно, въ этой землѣ, лишенной деревьевъ, нечего искать даже дятламъ, которыхъ въ остальныхъ мѣстахъ Якутской области слышно повсюду, гдѣ есть какой либо лѣсъ. Воронъ, какъ кажется, чувствуетъ себя зимою лучше всѣхъ остальныхъ птицъ и идетъ на сѣверъ дальше всѣхъ ихъ: Нейманъ видѣлъ и слышалъ его на морѣ, высоко въ воздухѣ, много сѣвернѣе Медвѣжьихъ острововъ. Въ маѣ мѣсяцѣ пустынные мѣста начинаютъ оживляться; въ виду того, что мы имѣли въ нашемъ распоряженіи пять ружей и двигались очень медленно и постоянно, я думаю, что мы собрали почти всѣ виды, которые тутъ живутъ. Къ сожалѣнію, наша большая коллекція, состоявшая изъ 446 нумеровъ шкурокъ изъ Чукотской земли, а также другая меньшая, заключавшая болѣе 120 нумеровъ съ Колымы, не попали въ Петербургъ, подобно гербарію и собранію рыбъ, а остались въ Иркутскѣ, гдѣ и погибли въ 1879 году во время большого пожара вмѣстѣ съ цѣннымъ собраніемъ тамошняго музея Географическаго Общества. Поэтому я могу привести здѣсь только каталогъ, составленный во время пути по Палласу и Миддендорфу для того, чтобы ориентироваться, и указать въ общихъ чертахъ тѣ виды, которые избираютъ для своего лѣтняго мѣстопробыванія посѣщенную нами область. Между пѣвчими птицами славки были самыми многочисленными; въ теченіи мая и іюня пустынные мѣста особенно оживлялись веселою пѣснью двухъ прекрасныхъ пѣвцовъ — красношейки (*Sylvia Calliope*) и варакушки (*Sylvia coerulescula*); цеврицы (*Anthus arboreus* и *Anthus cervinus*) ихъ часто поддерживали въ этомъ прекрасномъ занятіи. Въ противоположность представленнымъ различными видами славкамъ, представителями овсянокъ являются только два вида подорожниковъ — *Plectrophanes lapponica* и *Plectrophanes nivalis*. Первый изъ нихъ, который въ другихъ мѣстахъ Якутской области мнѣ раньше не встрѣчался, принадлежалъ здѣсь вмѣстѣ съ *Lagopus alpinus* и нѣкоторыми другими птицами къ ежедневнымъ нашимъ спутникамъ; на обо-

ротъ, *Plectrophanes nivalis*, встрѣчающійся на Вилюѣ и на Ленѣ каждую весну въ такомъ громадномъ количествѣ, что дѣти ловятъ его въ силки и предлагаютъ на продажу цѣлыми корзинами, показываясь здѣсь въ общемъ довольно рѣдко. Одинъ видъ выюрка (*Fringilla sp.*) попался всего однажды; чечетка (*Pyrrhula linaria*) была тоже не особенно часта; изъ дроздовъ встрѣчались — *Turdus fuscatus* и *Turdus sp.*; желтая и бѣлая плиски (*Motacilla flaveola* и *Motacilla alba*) были очень часты. Очень бросалось въ глаза отсутствіе лебедей; хотя мы и убили однажды одинъ сильно линающій экземпляръ *Cygnus olor*, но больше этихъ птицъ нигдѣ не видали. У Якутска, на Вилюѣ и на Индигиркѣ его часто видишь летящимъ высоко въ воздухѣ, — ясный признакъ того, что онъ находится еще далеко отъ цѣли своего путешествія; только однажды мнѣ случилось встрѣтить на одномъ маленькомъ озеркѣ или, вѣрнѣе, лужѣ стаю болѣе чѣмъ во сто штукъ, которая расположилась здѣсь, вѣроятно, отдыхать. Лебедь летитъ всегда за границу лѣсной растительности и живетъ тутъ на озерахъ въ такомъ громадномъ количествѣ, что жители Колымска, нуждаясь въ пухѣ, отправляются на нѣсколькихъ вартгахъ къ озерамъ и собираютъ его; они говорятъ, что пухъ лежитъ здѣсь на берегахъ подобно снѣгу. Вся Земля Чукчей безлѣсна и имѣетъ достаточно озеръ, а потому очень странно, что лебедь тутъ не держится по крайней мѣрѣ къ югу отъ хребта. Изъ гусей встрѣчались здѣсь только *Anser albifrons* и *Anser segetum*, но тоже въ гораздо меньшемъ количествѣ, чѣмъ я ожидалъ. Хотя гусь и не избѣгаетъ лѣса такъ усиленно, какъ лебедь, избирая для гнѣздованія и линянія также и озера, лежація въ предѣлахъ лѣсной растительности, но тѣмъ не менѣе онъ все же предпочитаетъ открытую тундру. Большія охоты на линяющихъ гусей сосредоточиваются преимущественно въ области, лежащей по ту сторону границы лѣса; за средній уловъ принимается 3000 штукъ, а за хорошій — 5000 и 6000. Во время нашего путешествія мы не встрѣчали этихъ птицъ даже приблизительно въ такихъ количествахъ, хотя и убивали почти ежедневно по нѣсколько

штукъ. *Anser segetum* встрѣчался при этомъ въ экземплярахъ очень различнаго вѣса: изъ двухъ очень худыхъ особей, убитыхъ въ одинъ и тотъ же день, одна вѣсила $7\frac{1}{2}$, а другая около 9 фунтовъ; 19 же іюня была застрѣлена птица, вѣсившая $9\frac{1}{2}$ фунтовъ и имѣвшая въ длину 810 миллиметровъ, считая отъ конца клюва до конца хвоста. Утки встрѣчались въ нѣсколько большемъ количествѣ видовъ, чѣмъ гуси, но значительно уступали послѣднимъ въ числѣ индивидовъ. Чаше всего попадались морянки (*Anas glacialis*), затѣмъ также шилохвосты (*Anas caudacuta*); по одному разу попались и были убиты нырокъ и чирокъ (*Anas marila* и *Anas crecca*); красивая каменушка (*Anas histrionica*) была добыта три раза на быстро текущихъ рѣчкахъ, а самка моклока (*Anas glocitans*) дважды; самца послѣдней утки я встрѣтилъ вообще всего одинъ разъ, на Вилюѣ, самку же встрѣчаешь нерѣдко повсюду въ Якутской области. Кряковую утку (*Anas boschas*) мы не видали ни разу и мнѣ кажется, что эта птица и морянка (*Anas glacialis*) другъ друга исключаютъ. На востокъ до Индигирки кряква является самой обыкновенной птицей или, по крайней мѣрѣ, принадлежит къ тѣмъ видамъ утокъ, которыхъ встрѣчаешь повсюду въ большомъ количествѣ; морянка же вовсе неизвѣстна къ западу отъ Колымы; во всякомъ случаѣ она не только мнѣ ни разу не встрѣтилась, но и была совершенно чуждымъ явленіемъ для якутскихъ казаковъ, которые, конечно, уже знаютъ каждую съѣдобную птицу. Напротивъ, на Колымѣ, гдѣ морянка и шилохвость доставляютъ главный контингентъ зимнихъ запасовъ, крякву никогда не стрѣляютъ.

На многочисленныхъ мелкихъ озерахъ часто жили краснозобья и черноголовья гагары (*Colymbus septentrionatis* и *Colymbus arcticus*), впрочемъ, раздобыть этихъ птицъ не такъ-то легко. Во первыхъ, онѣ необыкновенно крѣпки на рану, такъ напримѣръ, одна птица оживленно плавала и ныряла въ то время, какъ дробиной былъ оторванъ кусокъ ее черепа съ частью мозга; съ другой стороны вполне достаточно выстрѣлить по птицѣ хотя мимо, чтобы сдѣлать ее очень осторожной и чтобы она при каж-

домъ дальнѣйшемъ выстрѣлѣ ныряла прежде, чѣмъ до нея достигнетъ дробь. Онѣ стояли мнѣ большаго количества дроби и пороха, особенно первой, которой у насъ сразу поубавилось: нашими стрѣлками обуяло страстное желаніе во что бы то ни стало убить одну изъ этихъ птицъ и они разстрѣливали дробь положительно непростительнымъ образомъ. Однажды я обратилъ вниманіе на необыкновенно оживленную стрѣльбу близъ одного мѣста остановки какъ разъ въ то время, когда происходили сборы для отправленія въ путь. Я пошелъ туда и нашелъ Неймана, фельдшера, топографа и одного изъ казаковъ, которые стояли *vis à vis*, какъ въ кадрили, вокругъ маленькаго озера и непрерывно во что-то стрѣляли; по озеру плавали двѣ гагары, очевидно подстрѣленные въ крыло, потому что не взлетали; возможно впрочемъ, что онѣ просто не желали улетѣть, такъ какъ и безъ того могли достаточно дразнить охотниковъ. Какъ только раздавался выстрѣлъ, птицы издавали свой звонкій свистъ и моментально скрывались подъ водой; между тѣмъ стрѣлки цѣлили совершенно правильно, это было очевидно изъ того, что зарядъ дроби каждый разъ попадалъ на воду въ то мѣсто, гдѣ только что была птица. Охотники настолько увлеклись, что вовсе не обращали вниманія на самихъ себя, а между тѣмъ озеро было вовсе не такъ велико, чтобы зарядъ дроби, попавши въ верхнюю часть тѣла, а можетъ быть даже и въ лицо, не возымѣлъ очень неприятныхъ послѣдствій. По крайней мѣрѣ я, стоя невдалекѣ отъ одного изъ охотниковъ, вдругъ почувствовалъ какъ бы ударъ хлыстомъ въ ногу, одѣтую въ длинный, кожаный чулокъ; былъ ли то прямой или рикошетный выстрѣлъ, я не знаю, но я предпочелъ покинуть это мѣсто; птицы же такъ и не были убиты.

Къ воднымъ же птицамъ нужно отнести и двухъ премилыхъ плавунчиковъ (*Phalaropus rufus* и *Phalaropus ruficollis*), которыхъ довольно часто видишь плавающими и кивающими другъ другу. Большой крахаль (*Mergus merganser*) былъ встрѣченъ и убитъ однажды. Въ маломъ количествѣ видовъ, но въ очень боль-

помомъ количествѣ особей, встрѣчались чайки и изъ нихъ преимущественно чайка полярная и поморникъ (*Larus glaucus* и *Cattarrhactes parasita*). Въ теченіе всего нашего путешествія мы часто наблюдали, какъ задорно, съ крикомъ нападалъ поморникъ на мирно плавающую по озеру полярную чайку. Ни одна изъ тамошнихъ птицъ, за единственнымъ, можетъ быть, исключеніемъ морской ласточки (*Sterna hirundo*), не могла сравниться въ ловкости полета съ поморникомъ, а также въ его склонности къ ссорамъ; онъ являлся постояннымъ нарушителемъ спокойствія, нападалъ по возможности на каждую птицу, но повидимому болѣе всего на спокойную, флегматичную *Larus glaucus*. Я видѣлъ какъ онъ отчаянно преслѣдовалъ летѣвшую съ рыбой въ клювѣ чайку и въ концѣ концовъ вырвалъ-таки у нея изъ клюва рыбу и проглотилъ раньше, чѣмъ та могла опомниться. Чайки, несмотря на свою величину и большое количество особей, постоянно позволяли поморнику сгонять себя съ мѣста; казалось даже, что онѣ вовсе не хотѣли ссориться съ этимъ отчаяннымъ забіякой, а предпочитали удалиться, чтобы только сохранить спокойствіе. *Larus glaucus* встрѣчалась нами постоянно въ двухъ формахъ, при томъ какъ самцы, такъ и самки; изъ этихъ формъ одна вполне соответствуетъ описаной Палласомъ, другой же я не могъ у него найти. Ихъ опереніе было совершенно тождественно, обѣ онѣ имѣли желтый клювъ съ киноварно-краснымъ пятномъ на нижней челюсти; но величина была, однако, нѣсколько различна. Большая форма имѣла приведенныя Палласомъ сѣрыя плюсна и тѣлеснаго цвѣта плавательныя перепонки; у мелкой же формы какъ плюсна, такъ и плавательныя перепонки были лимонно-желтаго цвѣта. Эти различія оставались постоянными до конца путешествія и обѣ формы встрѣчались повсюду вмѣстѣ. Очень обыкновенными были также различные виды: *Tringa*, *Scolopax* и *Charadrius*, изъ которыхъ, кромѣ многихъ не опредѣленныхъ мною, нужно назвать слѣдующихъ: *Limosa sp.*, *sp.*, *Numenius phaeopus*, *Tringa pugnax*, *Charadrius apricarius*, *Tringa cinclus*, *Tringa glareola*, *Tringa salina*, *Charadrius hia-*

ticula, *Scolopax gallinula*, *Scolopax alpina*, *Tringa naevia*, *Charadrius hypomelanus*, *Charadrius cinchus*. Потеря нашей коллекции особенно достойна сожалѣнія по поводу этого, богатаго здѣсь видами, семейства; большое число видовъ, которыхъ я не могъ опредѣлить ни по Палласу, ни по Миддендорфу, указываетъ какъ разъ на то, что именно они по преимуществу избираютъ Чукотскую Землю для своего лѣтняго мѣстопробыванія. Кулики гнѣздились повсюду въ большомъ количествѣ и изъ молодыхъ птицъ, которыхъ мы убивали въ концѣ лѣта, они были самыми многочисленными.

По близости того мѣста, гдѣ происходитъ охота на оленей, былъ встрѣченъ въ большомъ количествѣ и добытъ одинъ видъ сороки.

Бѣлый журавль (*Grus leucogeranus*), который въ другихъ мѣстахъ сѣвера, особенно у Нижнеколымска, попадаетъ довольно часто на глаза, во время путешествія по Чукотской Землѣ не былъ нами замѣченъ; за то тутъ встрѣчался довольно часто другой видъ журавля, котораго я не могъ опредѣлить, но видалъ въ Музеѣ Академіи въ числѣ птицъ, собранныхъ Радде; въ послѣднемъ учрежденіи его считаютъ за американскій видъ. Если я еще прибавлю, что мы повсюду встрѣчали гнѣздившуюся на открытыхъ возвышенностяхъ бѣлую сову (*Strix nyctea*), что мы видали какого-то орла, вѣроятно *Aquila albicilla*, и одного сокола, да убили еще *Accipiter hypoleucis*, то будетъ приведено все, что намъ приходилось наблюдать во время нашего путешествія. Мы зорко слѣдили за всѣмъ, что намъ попадалось, и если бы коллекція не погибла (60), то по моему мнѣнію представила бы полную картину лѣтней фауны посѣщенной нами области. Не мѣшаетъ, можетъ быть, прибавить еще заявленіе моихъ спутниковъ о томъ, что они слышали иногда кукушку, которой однако не видали; топографъ утверждалъ также, что онъ видѣлъ однажды тетерева, но далъ по немъ промахъ. Онъ былъ неважный охотникъ и его заявленіе не особенно цѣнно, но онъ положительно утверждалъ, что очень отчетливо разглядѣлъ красное пятно надъ глазомъ.

Въ началѣ мая начали уже появляться птицы, потому что 5-го мая былъ убитъ изъ пары *Plectrophanes lapponica*, а 10, 11 и 14-го того же мѣсяца — *Anser segetum*, *Limosa sp.*, *Tringa sp.* и *Sylvia sp.* Тотчасъ же по прилетѣ птицы съ большимъ рвеніемъ приступали къ гнѣздованію. Первое яйцо мы нашли 14-го мая; оно принадлежало хищной птицѣ, которую однако нельзя было ни убить, ни даже приблизительно опредѣлить: какъ разъ въ этотъ день бушевала ужасная снѣжная буря и воздухъ былъ совершенно непрозраченъ. Впрочемъ, это не было началомъ гнѣздоваго періода, потому что уже 8-го мая мы нашли воронятъ, а 25-го гнѣздо — по всей вѣроятности *Haliaeetus albicilla*, — въ которомъ были молодые; родители послѣднихъ таскали имъ для корма полу-оперенныхъ птенцовъ изъ находившейся невдалекѣ колоніи воронь. 25 Мая въ гнѣздѣ *Pyrrhula linaria* находилась уже кладка изъ пяти яицъ. Съ 1-го іюня, когда въ гнѣздѣ *Plectrophanes* были найдены четыре сильно насиженныхъ яйца, мы болѣе уже не находили ненасиженныхъ яицъ, а послѣ 26-го іюня вообще не встрѣчалось гнѣздъ съ яйцами. Первыхъ немногихъ птенцовъ на взлетѣ мы убили 4 и 5 іюля; это были *Scolopax sp.* и *Plectrophanes lapponica*. Затѣмъ наступила пауза до 20 іюля; но съ этого времени вплоть до 11-го августа, т. е. до прекращенія охоты и собиранія, птицы, попадавшіяся подъ выстрѣлъ, были преимущественно молодыя. Во время нашего пребыванія на берегу моря, продолжавшагося до 4 сентября, птицы постоянно летѣли къ югу; отлетъ тѣмъ не менѣе въ это время еще не кончился, потому что 16 сентября, когда все уже было покрыто снѣгомъ, на одномъ изъ озеръ мы видали стаю гусей и утокъ, а также одного журавля; даже еще 19 сентября мы встрѣтили одного *Charadrius hiaticula* и одинокаго *Anser segetum*. Но на этомъ дѣло и покончилось: только 16 октября мы нашли у Чекаева, какъ было уже сказано, большое количество сорокъ, которыя лакомились сложеннымъ въ кучу оленьимъ мясомъ. Я не берусь сказать зимуютъ ли онѣ тутъ, или отлетаютъ къ югу позднѣе.

Само собою разумѣется, что страна, въ которой живетъ такъ много дикихъ оленей, должна имѣть въ изобиліи пищу и для прирученныхъ животныхъ. Такъ на дѣлѣ и есть; за немногими развѣ исключеніями наши спутники были въ этомъ отношеніи совершенно удовлетворены; дальнѣйшимъ доказательствомъ пригодности страны для оленеводства было то, что мы нашли разсѣянными въ различныхъ мѣстахъ чукчей-оленеводовъ въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ мы ожидали (61). Даже Амвраоргинъ говорилъ мнѣ нѣсколько разъ, что онъ не предполагалъ найти страну заселенной до извѣстной степени на всемъ ея протяженіи. Конечно, по дорогѣ намъ постоянно встрѣчались только одинокія семьи, но тѣмъ не менѣе посѣщенія ихъ были довольно часты и происходили въ теченіе всего нашего путешествія. Очень богатыхъ ставовладѣльцевъ, которые могли бы сравняться съ чукчами съ Анюя, среди нихъ было не много; впрочемъ мнѣ представляли нѣкоторыхъ, которымъ придавался эпитетъ «очень уважаемые люди» и для которыхъ считалось необходимымъ просить у меня бутылку водки, чтобы получше ихъ угостить: старикъ Амвраоргинъ былъ въ этомъ отношеніи разборчивъ, а потому они должны были владѣть уже очень значительными стадами. Совершенныхъ бѣдняковъ мы встрѣтили однако всего одинъ разъ, уже на Анадырѣ; большинство же, по видимому, жило въ полномъ достаткѣ. Весь этотъ народъ живетъ почти исключительно на лѣвомъ берегу Анадыра и неохотно переходитъ рѣку; только во время рыбной ловли да охоты на оленей различныя племена встрѣчаются другъ съ другомъ по обоимъ берегамъ рѣки. На правомъ берегу Анадыра живетъ значительное количество чукчей только близъ его устья, именно по обѣимъ сторонамъ Онемена или Большой рѣки, но и по ней они не идутъ очень высоко. Чукчи избѣгаютъ этого потому, что коряки—родственный имъ народъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ старинные враги чукчей — пасутъ свои стада до озера Краснаго: оба народа всегда предпочитали имѣть между собою полосу незаселенной земли. Они никогда не могли жить другъ съ другомъ въ

мирѣ, да и до сихъ поръ еще не ладятъ, несмотря на то, что родство ихъ столь близко, что они называютъ себя общимъ именемъ «чауча» и вполне понимаютъ другъ друга безъ переводчика.

И такъ народъ или, лучше сказать, племя чукчей живетъ въ настоящее время отъ Колымы до мыса Пээкъ и отъ побережья Ледовитаго океана до Анадыра, занимая такимъ образомъ значительное пространство. Какъ же многочислененъ этотъ народъ? На послѣдній вопросъ уже часто старались отвѣчать, но безуспѣшно, потому что отдѣльныя показанія колеблются между 2000 и 10.000 душъ. Перепись, которая была произведена среди Анюйскихъ чукчей, дала цифру менѣе 900; если къ нимъ прибавить 140 душъ, которыя перешли съ Ваалергинымъ черезъ Колыму, то составитя приблизительно около 1000 человекъ. При этомъ чукчи прибавляли, что послѣдняя цифра не точна: они, конечно, старались записать столько народа, сколько могли припомнить, но кое-кого безъ сомнѣнія забыли; они полагали также, что число такихъ забытыхъ могло простираться во всей области до нѣсколькихъ сотъ. Допустимъ, что къ приведенной уже тысячѣ нужно прибавить еще около 200 человекъ, тогда число чукчей въ области Анюевъ выразилось бы цифрою 1200 душъ обоого пола. Лейтенантъ Нордквистъ, принадлежавшій къ экспедици *Вега* (62), предпринялъ основанную на числѣ палатокъ перепись всѣхъ чукчей отъ мыса Эрри до мыса Пээкъ и пришелъ при этомъ къ цифрѣ 2000 душъ, вѣрной конечно только при допущеніи, что въ палаткѣ живетъ въ среднемъ по пяти человекъ. Послѣднее число, кажется, нѣсколько велико, но такъ какъ Нордквистъ ссылается на точное исчисленіе, сдѣланное въ 10 палаткахъ, а полученная цифра оказалась въ 2160 человекъ, то округленное число 2000 душъ, по всей вѣроятности, недалеко отъ истины. На основаніи двухъ приведенныхъ исчисленій количество переписанныхъ чукчей составляетъ 3200 душъ обоого пола. Если теперь принять въ соображеніе, что въ теченіе нашего путешествія насъ постоянно посѣщали разбросанно жившіе въ

странѣ чукчи-оленоводы, что таковыя же живутъ въ довольно значительномъ количествѣ у устья Анадыра по его правому берегу и что лейтенантъ Нордквистъ совершенно оставилъ безъ вниманія тоже далеко не незначительныя чукотскія поселенія между мысомъ Пээкъ и устьемъ Анадыра, — то мнѣ кажется, что всѣхъ непереписанныхъ членовъ этого племени можно исчислить приблизительно въ 1800 душъ, а общее количество этого народа вѣроятно достигаетъ 5000 человекъ. Изъ нашихъ долгихъ сношеній съ этимъ народомъ, въ теченіе которыхъ мы приходили въ соприкосновеніе какъ съ чукчами-оленоводами, такъ и купцами и осѣдлыми чукчами, и имѣли достаточно возможности изучить ихъ обычаи и образъ жизни, выяснилось, что главную роль несомнѣнно играютъ чукчи-оленоводы, если не по числу (тѣ и другіе, по всей вѣроятности, числомъ одинаковы), то во всякомъ случаѣ по влиянію и значенію. Очень вѣроятно, что богатство, на которомъ основано это влияніе, сильно увеличилось только съ того времени, какъ чукчи начали селиться въ области двухъ Анюевъ; возможно также, что въ послѣдней мѣстности народонаселеніе увеличивается, тогда какъ на морскомъ побережьи оно держится на той же цыфрѣ, если только мало по малу не уменьшается. Возникаетъ теперь вопросъ, сколько времени вообще просуществуютъ еще чукчи-купцы? Появленіе ихъ было обусловлено значительнымъ количествомъ пушнины, которую они могли получать изъ Америки. Въ настоящее время эта торговля сильно упала и сомнительно, чтобы она могла достигнуть когда-либо прежней высоты. Докторъ Аврелій Краузе (63) приводитъ паденіе ея въ связь съ усиленіемъ китоловства; въ такомъ случаѣ на долю чукчей-торговцевъ могли бы снова выпасть лучшія времена: китовъ въ настоящее время столь ревностно преслѣдуютъ, что результатомъ этого должно неминуемо быть исчезновеніе животнаго. Но и помимо возникновенія китоловнаго промысла, торговля мѣхами не обѣщаетъ ничего хорошаго въ будущемъ уже по той причинѣ, что она ведется при помощи большаго числа посредниковъ. Сами чукчи рассказываютъ, что они получаютъ

мѣха отъ кергауловъ или икергауловъ, но что послѣдніе добываютъ пушнину тоже не сами, а привозятъ ее издалека; чукчи однако торгуютъ не непосредственно съ кергаулами, но между ними также существуютъ посредники. По увѣренію моего друга Пангáo, чукчи ѣдутъ въ своихъ кожаныхъ лодкахъ около дня Петра и Павла на островъ Илиръ, на которомъ живетъ народъ, носящій названіе иммалиновъ, говорящій совершенно особымъ языкомъ, не похожимъ ни на языкъ кергауловъ, ни на языкъ айгвановъ, обитающихъ среди чукчей между устьемъ Анадыра и мысомъ Пээкъ; иммалины одѣваются въ платья изъ птичьихъ шкуръ. Поѣздка на этотъ островъ, ближайшій къ Азіи изъ группы Діомеда, описывается за крайне опасную: въ это время, т. е. около дня Петра и Павла, бываетъ весьма сильное теченіе въ Ледовитый океанъ и пловцамъ удастся попасть на очень маленький островокъ только при рѣзкомъ сѣверномъ или, какъ выражается Пангáo, холодномъ вѣтрѣ; въ противномъ случаѣ ихъ проноситъ мимо. Но при этомъ вѣтрѣ волненіе очень велико и лодки нерѣдко тонуть вмѣстѣ съ пловцами. На островѣ торговля ведется съ иммалинами, которые такимъ образомъ являются простыми посредниками; такъ дѣло происходитъ обыкновенно, но изрѣдка случается торговать тутъ и съ самими кергаулами. Пангáo утверждалъ, что однажды онъ рѣшился даже посѣтить кергауловъ и предпринялъ поѣздку въ мѣста ихъ жительства, но что такое путешествіе не совсѣмъ безопасно, потому что это дикое разбойничье племя. Они жили въ бревенчатыхъ домахъ и ѣздили на собакахъ; оленей у нихъ было очень мало, и то только тѣ, которыхъ они вымѣнивали у чукчей. Предметами торговли, на которые было больше всего спроса, являлись всегда оленье шкуры, безусловно необходимыя этому народу для одежды.

Такимъ образомъ нельзя предположить, чтобы столь сложная и соединенная со многими затрудненіями и опасностями торговля могла продержаться долгое время; въ случаѣ же прекращенія ея исчезнутъ и купцы. Очень мало утѣшительны будутъ условія существованія и осѣдлыхъ чукчей, какъ только прекра-

тятся торговля съ Америкой. Докторъ Краузе ошибается, полагая, что американскіе товары попадаютъ на Колыму чрезъ посредство китолововъ; до сихъ поръ это врядъ-ли можно было сказать, хотя бы по той простой причинѣ, что американцы торгуютъ исключительно водкой, да еще въ очень маломъ количествѣ порохомъ, свинцомъ, чаемъ и американскимъ табакомъ. Но этотъ табакъ не любимъ азіатскими племенами, которыя болѣе предпочитаютъ южно-русскій, а все остальное, очень незначительное количество другихъ перечисленныхъ товаровъ остается, по видимому, у чукчей; но за то водка окончателно сотретъ несчастный народъ съ лица земли. Если же мѣновая торговля съ кергаулами совершенно прекратится, то и положеніе носовыхъ чукчей или анкаловъ (какъ ихъ называютъ чукчи-оленеводы, удерживающіе названіе чауча только за собой, да развѣ еще за богатыми купцами) сдѣлается совсѣмъ отчаяннымъ. Въ этомъ случаѣ у нихъ нечѣмъ будетъ платить чукчамъ-оленеводамъ за постоянно имъ необходимыя шкуры, а также и за мясо оленей, которымъ они въ случаѣ нужды могутъ просуществовать въ голодные годы. Впослѣдствіи мы будемъ имѣть случай указать на то печальное положеніе, въ какомъ находятся осѣдлые чукчи уже и теперь, когда они еще въ состояніи кое-что заработать перевозкой товаровъ. Сами торговцы только въ рѣдкихъ случаяхъ владѣютъ безусловно необходимыми для ихъ дальнихъ поѣздокъ оленями и собаками, а потому въ этомъ отношеніи нуждаются на западѣ въ ставовладѣльцахъ, а въ восточной части ихъ пути—въ осѣдлыхъ чукчахъ. Несмотря на этотъ источникъ дохода, для осѣдлыхъ чукчей рѣдко выпадаютъ годы, про которые они могли бы сказать, что прожили зиму безъ голода; каково же будетъ положеніе этихъ людей, когда торговля станетъ настолько незначительна, что заработокъ сдѣлается ничтожнымъ? Насколько выяснилось для меня изъ близкаго знакомства съ чукчами положеніе тамошнихъ дѣлъ, я могу только сказать, что единственное средство спасенія большей части народа отъ вѣрнаго уничтоженія нужно искать въ общемъ переселеніи его

на западъ. Послѣднее не можетъ совершиться разомъ, да этого и не требуется; однако я полагаю, что сила обстоятельствъ въ концѣ концовъ принудитъ къ этому чукчей. Къ западу отъ мыса Эрри, конечно, уже не встрѣчаются ни моржи, ни киты, даже тюлени не очень часто попадаютъ на западномъ побережьи, но рыбы окажется, по всей вѣроятности, больше тутъ, чѣмъ вокругъ Рыр-кайпи и мыса Пээкъ. Очень богаты рыбою не только Колыма и Индигирка, но массу ея доставляютъ и мелкія рѣки, лежація между этими двумя большими и текуція въ Ледовитый океанъ. Если же, какъ иной разъ случается, ловъ рыбы будетъ неудаченъ, населеніе, обитающее на побережьи между Индигиркой и Колымой, легко и вѣрно можно будетъ выручать изъ бѣды потому, что оно будетъ имѣть за собою большую тундру, гдѣ стадовладѣльцы собираются пасти излишекъ своихъ стадъ: на крайній же сѣверо-востокъ материка трудно протянуть руку помощи. И въ настоящее время бываетъ довольно часто, что осѣдлые чукчи становятся чукчами-оленеводами и обратно. Чукчи-оленеводы, которые, благодаря какому нибудь несчастному случаю, потеряли свои стада, не всегда идутъ въ пастухи, чтобы вновь выслужиться; они часто ищутъ счастья на морскомъ побережьи, въ надеждѣ добиться удачнымъ ловомъ моржей извѣстнаго достатка, который помогъ бы имъ снова приобрести нѣсколькихъ оленей. Но много чаще купцы становятся стадовладѣльцами, а бѣдные изъ осѣдлыхъ чукчей поступаютъ пастухами къ чукчамъ-оленеводамъ. Тѣмъ не менѣе, пока это только единичные случаи, но движеніе въ этомъ направленіи началось и вѣроятно не остановится, а усилится. Это было бы только дальнѣйшимъ развитіемъ условій, созданныхъ уничтоженіемъ крѣпости Анадырска и особенно уходомъ изъ области двухъ Анюевъ юкагировъ и чуванцевъ. Совершенно ошибочно мнѣніе—основанное на прежнихъ, недостаточныхъ выдержкахъ изъ старыхъ архивовъ и приводимое также докторомъ Краузе въ его сочиненіи, — что чукчей въ старое время вытѣснили на востокъ нападенія русскихъ. Послѣдніе никогда не воевали съ чукчами

со стороны Колымы: войны вели юкагиры и чуванцы. Жили ли чукчи въ прежнее время къ западу отъ Чаунской губы, мы не имѣемъ доказательствъ, но въ высшей степени невѣроятно, чтобы они когда нибудь выходили на долгое время за предѣлы этой губы, именно за островъ Аойку. Совершенно справедливо, что на Большой Чукочей, слѣдовательно къ западу отъ Колымы, русскіе имѣли частыя стычки съ чукчами, но послѣдніе представляли изъ себя небольшую кучку племени, которая, странствуя съ Чауна на западъ, въ послѣдствіи безслѣдно исчезла. Съ чукчами, какъ съ народомъ, русскіе встрѣтились только у мыса Эрри и ихъ первая встрѣча, какъ и всѣ подобныя посѣщенія, предпринимавшіяся со стороны Колымы, была совершенно мирная. Такимъ образомъ, чукчи уже давнымъ давно имѣли стремленіе переселяться на западъ, но въ виду того, что первый сдѣланный въ болѣе крупныхъ размѣрахъ опытъ оказался неудачнымъ, они его болѣе уже не повторяли, по всей вѣроятности тоже и по той причинѣ, что гарнизонъ крѣпости Анадырска въ очень скоромъ времени сталъ къ нимъ, благодаря корякамъ и юкагирамъ, во враждебныя отношенія.

То, чему въ настоящее время положено, кажется, начало, является только продолженіемъ давно лелѣянныхъ въ тишинѣ плановъ и намѣреній; если удастся дать ходъ этому дѣлу, то осѣдлые чукчи на будущее время, конечно, спасены, если же нѣтъ, то съ одной стороны водка американцевъ, а съ другой — постепенное оскудѣніе лова крупныхъ морскихъ млекопитающихъ сдѣлають ихъ положеніе въ высшей степени безнадежнымъ.

Тѣмъ не менѣе въ то время я былъ далекъ отъ этихъ мыслей: это было дѣло будущаго, и хотя планъ былъ уже намѣченъ, но выполнение его нельзя было ускорить. Въ ту пору меня неотступно преслѣдовала жалоба колымскихъ купцовъ и анюйскихъ чукчей по поводу ярмарки въ Марковѣ; они желали, чтобы послѣдняя была запрещена правительствомъ, а чукчамъ было дозволено вести мѣновую торговлю исключительно на Анюѣ.

Исполнить ихъ просьбу было много легче на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ; прежде всего вовсе не было основанія запрещать чукчамъ ѣздить на Анадырь, если они считали это для себя выгоднымъ; но я, конечно, желалъ подробно разузнать положеніе дѣлъ въ Марковѣ, чтобы составить себѣ о немъ болѣе точное понятіе. Очень скоро выяснилось, что жители Маркова сами почти не принимаютъ никакого участія въ собственно мѣнновой торговлѣ; у нихъ нѣтъ для этого необходимыхъ предметовъ: табаку, желѣзныхъ издѣлій и хлопчато-бумажныхъ матерій. Въ самомъ Марковѣ не добывается ничего за исключеніемъ оленьяго мяса и рыбы, которая доставляется Анадыромъ въ большомъ количествѣ; кромѣ этого тамъ ничего нѣтъ, не воздѣлываются даже овощи, имѣющіяся въ Среднеколымскѣ хотя и въ маломъ количествѣ. Все, въ чемъ люди нуждаются помимо рыбы и мяса, они должны сами себѣ привезти изъ Гижигинска на Охотскомъ морѣ. Мѣнновая торговля ведется исключительно купцомъ Брагинымъ изъ Гижигинска или, вѣрнѣе, Филиппеусомъ, управляющимъ и компаніономъ котораго является этотъ Брагинъ. Филиппеусъ же имѣетъ желѣзные и другіе товары лучшаго качества и дешевле, чѣмъ якутскіе купцы, потому что до Гижигинска ему открытъ морской путь, а затѣмъ остается только провезти товаръ 600—700 верстъ сухимъ путемъ на собачьихъ нартахъ; между тѣмъ товары на Анюйскую ярмарку нужно везти сухимъ путемъ чрезъ всю Сибирь. Съ другой стороны, его табакъ худшаго качества, чѣмъ тотъ, который привозятъ купцы изъ Якутска. Американскій табакъ, который онъ сталъ предлагать сначала, азіаты вообще не любятъ, а его опыты съ настоящимъ черкасскимъ табакомъ или махоркой были до сихъ поръ болѣе или менѣе неудачны; морское путешествіе отнимаетъ, повидимому, у этого растенія часть его отвратительныхъ качествъ: онъ становится слабѣе и даетъ менѣе пронзительный запахъ, чѣмъ табакъ, который привозится сухимъ путемъ; по мнѣнію же азіатовъ это—невознаградимая потеря, которая значительно понижаетъ цѣнность товара. Далѣе Филиппеусъ цѣнить свой та-

бакъ выше, чѣмъ якутскіе купцы и не соглашается на вошедшую на Анюѣ въ общее употребленіе придачу котла или шкуры россوماхи на каждыя два пуда табаку; кромѣ того его мѣшки съ табакомъ не развѣшиваются и не запечатываются подъ надзоромъ правительственныхъ лицъ.

Такимъ образомъ, собственно говоря, шансы Анюя стоятъ выше, чѣмъ Анадыра, потому что выдающуюся роль среди товаровъ играетъ всегда табакъ. Не вполне справедливо, какъ кажется, заявленіе нѣкоторыхъ чукчей-торговцевъ, что имъ удобнѣе ѣздить на Анадырь, чѣмъ на Анюю: несмотря на болѣе близкое разстояніе, имъ все-таки тутъ труднѣе управиться съ перевозкой товаровъ, чѣмъ на старомъ пути. Пангáo, который правильно посѣщаетъ обѣ ярмарки, тоже вполне соглашался, что на Анюю ѣздить легче; его же свидѣтельство достаточно важно потому, что онъ очень интеллигентный торговецъ. Дѣло кроется скорѣе въ томъ, что на Анюѣ водка не играетъ никакой роли въ качествѣ посредника при торговлѣ, а если и удастся провезти нѣсколько бутылокъ украдкою, то онѣ не могутъ имѣть замѣтнаго вліянія. Я не могу сказать насколько справедливъ часто дѣлаемый Филиппеусу упрекъ въ томъ, что онъ основываетъ свою торговлю подобно американцамъ на водкѣ; но во всякомъ случаѣ привозъ этого напитка въ Гижигинскъ вполне свободенъ, а сколько оттуда идетъ далѣе внутрь страны, никто не знаетъ; достовѣрно только то, что жители Гижигинска не могутъ выпить всего привозимаго количества. Послѣ моего возвращенія изъ Гижигинска, я съ своей стороны могъ замѣтить, что въ Марковѣ не было недостатка въ водкѣ и что, слѣдовательно, этотъ соблазнъ могъ имѣть значеніе также и при мѣнковой торговлѣ; въ такомъ случаѣ этимъ объясняется многое, что иначе было бы трудно понять. Сюда между прочимъ относится то обстоятельство, что олени шкуры, играющія столь выдающуюся роль въ жизни сѣверныхъ народовъ, предлагаются къ продажѣ на Анадырѣ въ значительно меньшемъ количествѣ, чѣмъ на Анюѣ. Хотя коряки тоже владѣютъ очень порядочнымъ количествомъ

стадь, но мѣста ихъ жительства расположены не близъ Маркова, а потому они являются на здѣшнюю ярмарку лишь въ маломъ числѣ. Имъ ближе къ Гижигинску, гдѣ товары кромѣ того дешевле, вслѣдствіе этого они тамъ и обдѣлываютъ свои дѣла. Если же чукчи тѣмъ не менѣе посѣщаютъ ярмарку въ Марковѣ, то для этого трудно найти иную причину кромѣ безконтрольной торговли спиртомъ.

Болѣе подробныя свѣдѣнія обо всемъ этомъ можно было имѣть только въ Гижигинскѣ, куда я направился 7 ноября изъ Маркова. Жители Маркова считаютъ разстояніе до Гижигинска приблизительно въ 800 верстѣ и дѣлятъ этотъ путь на три довольно равныхъ участка: сначала отъ Маркова до Пенжинска, поселенія на лѣвомъ берегу Пенжины; отсюда до селенія коряковъ на Шестаковкѣ, а отъ этого пункта до Гижигинска. Они ѣздятъ туда дважды въ году, именно въ ноябрѣ и въ апрѣлѣ; духовенство и казаки получаютъ при этой окказіи отсюда свое жалованье и провіантъ, состоящій изъ муки и крупы, а также закупаютъ все то, въ чемъ они еще нуждаются. Жители Маркова, а также чуванцы и юкагиры везутъ туда для обмѣна на различные товары рыбу, которой Анадырь много богаче, чѣмъ море у устья Гижиги. На этотъ разъ большинство нартъ уже уѣхало въ Гижигинскъ, но со мною ѣхали священникъ, урядникъ и еще нѣсколько казаковъ, такъ что всего набралось одиннадцать нартъ. Въ виду того, что по дорогѣ мы не могли мѣнять нашихъ собакъ, да къ тому же приходилось сдѣлать на нихъ и обратное путешествіе, мы принуждены были беречь животныхъ; поэтому путешествіе было разсчитано на 16 или 17 дней. Говорили, что по дорогѣ всюду встрѣчаются поварни, а потому путешествіе не могло быть очень затруднительнымъ, но только при томъ предположеніи, что насъ не застигнетъ снѣжная буря, которая можетъ быть очень опасной именно на этомъ пути. Участокъ земли, лежащій между Анадыромъ и Охотскимъ моремъ, находится подъ измѣнчивымъ вліяніемъ двухъ противоположныхъ воздушныхъ теченій, — сѣвернаго и южнаго вѣт-

ровъ; эти послѣдніе въ состояніи такъ сильно измѣнять здѣсь температурныя условія, какъ нигдѣ въ остальной Сибири. Продолжительныя теченія воздуха съ Ледовитаго океана заставляютъ термометръ опускаться до 40° ниже нуля; если же вѣтеръ подуетъ съ Охотскаго моря, которое остается незамерзшимъ въ теченіи всей зимы, то не рѣдко наступаетъ оттепель и даже выпадаетъ дождь. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1867 года отправилось нѣсколько вартъ изъ Гижигинска на Анадырь; было необыкновенно тепло, но въ скоромъ времени разразилась снѣжная буря, которая была необыкновенной силы и въ концѣ концовъ снѣгъ сдѣлался такимъ влажнымъ, что люди промокли насквозь, не смотря на толстую мѣховую одежду. Въ непогоду путешественники сбились съ дороги, а когда снова разъяснилось, то оказалось, что они находятся въ незнакомомъ имъ мѣстѣ открытой тундры. Между тѣмъ направленіе вѣтра измѣнилось и стало сильно морозить: промокнушее на нихъ платье стало скоро твердымъ. Оставалось одно средство — постоянно двигаться по возможности въ одномъ и томъ же направленіи въ надеждѣ, что удастся напасть на рошу и развести огонь. Они такъ и сдѣлали, но мерзлое платье натерло имъ тѣло до крови; особенно пострадали ноги у лодыжекъ, которыя были сильно окровавлены; люди могли тащиться съ большимъ трудомъ. Къ счастью, они набрали на палатку коряка-оленевода и были спасены; но безъ этой случайности даже такіе закаленные люди врядъ-ли избѣжали бы смерти: очень вѣроятно, что они выбились бы изъ силъ раньше, чѣмъ имъ удалось бы добраться до какого нибудь жилища или спасительнаго гѣсочка.

Въ первый день мы сдѣлали всего 33 версты и остановились въ одной изъ поваренъ, которыя тутъ къ счастью всѣ снабжены каминами. Нашъ путь шелъ по совершенно ровной мѣстности, покрытой только ивнякомъ да кедровымъ кустарникомъ (*P. cembra pumila*); высокіе тополя и осины, росшіе въ окрестности Маркова, покинули насъ, какъ только мы проѣхали нѣсколько верстъ. 8 Ноября мы выѣхали рано и сдѣлали сначала

21 версту по совершенно ровной тундрѣ: не было видно ни одного дерева и передъ нами разстился только низкій кустарникъ; затѣмъ намъ повстрѣчалась снова поварня, у которой мы остановились и дали роздыхъ собакамъ. Далѣе мѣстность тоже была ровная, а затѣмъ мы направились вверхъ по хребту, носящему названіе Русскаго; онъ былъ совершенно обнаженъ, тутъ не росло даже кустарника. Только на южной сторонѣ, гдѣ мы ѣхали внизъ по теченію ручья Щечки, снова показались ивы и кедровый кустарникъ и встрѣчались вплоть до Орловки, въ которую впадаетъ Щечки и которая въ свою очередь является лѣвымъ притокомъ Майна. Во второй переходъ мы сдѣлали около 48 верстъ, такъ что въ этотъ день проѣхали всего на всего 69 верстъ. Въ долину Орловки снова появились тополя и осины, хотя ихъ было тутъ меньше чѣмъ на Анадырѣ и они окаймляли лишь самые берега рѣки. На слѣдующій день мы ѣхали вверхъ по теченію маленькаго притока Орловки, по Коврижкѣ, и такимъ образомъ взобрались на вторую возвышенность, которая казалась менѣе высокою и называлась Налгимскимъ хребтомъ; съ этого послѣдняго мы направились внизъ по теченію Налгимки, впадающей въ Черную, которая въ свою очередь течетъ въ Пенжину. Въ этотъ день мы сдѣлали около 46 верстъ. Поварню на Налгимкѣ мы нашли въ такомъ разрушенномъ состояніи, что намъ пришлось ночевать подъ открытымъ небомъ; но въ виду того, что въ этомъ мѣстѣ на берегу рѣки росли тополя и можно было разложить большой огонь, ночь была проведена сносно, такъ какъ было только 28,9° Реомюра ниже нуля. 10 Ноября первыя 18 верстъ мы сдѣлали частью по Налгимкѣ, частью по Черной, а затѣмъ дали отдохнуть собакамъ; такъ какъ далѣе Черная дѣлаетъ большую излучину, мы ее покинули и вышли снова на эту рѣку въ 6 верстахъ отъ ея впаденія въ Пенжину; отсюда мы поѣхали уже по льду и достигли селенія Пенжинскъ, расположеннаго въ одной верстѣ къ низу отъ впаденія Черной. Тутъ снова встрѣтились со старымъ пейзажемъ: по обѣимъ сторонамъ рѣки росли тополя, но въ сторону отъ берега разстилась безлѣсная тундра.

Такимъ образомъ я достигъ Пенжины, которая тутъ представляетъ собою уже значительную рѣку, спокойно текущую въ широкой долинѣ; вообще, за исключеніемъ только самой верхней части теченія, она имѣетъ характеръ вполне равнинной рѣки. Въ первую часть пути, приблизительно до Налгимскаго хребта, по лѣвую руку я имѣлъ нижнее теченіе Майна; эта рѣка точно такъ же течетъ безъ сильнаго уклона; вообще мѣстность, по которой я сдѣлалъ эти 203 версты, является равниною или, вѣрнѣе, низменностью, потому что anerоидъ отъ Маркова до Гижигинска все время показывалъ 30 дюймовъ, рѣдко падая до 29 съ дробью, да и то только при южномъ вѣтрѣ. Два хребта, черезъ которые мы до сихъ поръ перешли, заставляли падать барометръ тоже на очень незначительную величину; эти хребты подымались на равнинѣ такъ рѣзко и имѣли такую узкую подошву, что я (за неимѣніемъ точныхъ измѣреній) могу опредѣлить ихъ высоту не болѣе какъ въ 1000 футовъ надъ поверхностью равнины. Изъ всѣхъ нашихъ наблюденій несомнѣнно, что всѣ тѣ пять хребтовъ, которые переходить на пространствѣ отъ Маркова до Гижигинска, суть только отроги Становаго хребта, спускающіеся до Майна и Пенжины, но никакъ не самый этотъ хребетъ. Вслѣдствіе этого горную цѣпь Камчатки нельзя разсматривать за продолженіе горной системы материка, какъ это обозначено на большинствѣ картъ, но должно признать, что она является особенною системою; кромѣ того высота ея много значительнѣе, чѣмъ самыя высокія вершины Становаго хребта. Камчатскій хребетъ къ сѣверу переходитъ въ безлѣсную тундру, носящую названіе Парапольскаго дола; южная часть полуострова въ прежнее время была, вѣроятно, совершеннымъ островомъ. Парапольскій долъ далѣе на сѣверъ снова возвышается, такъ что правый берегъ Анадыра образуется крутыми обрывами въ 200 или 300 футовъ высоты. На западѣ на этомъ плато возвышается еще одинъ горный узелъ, такъ называемый Полъ-полъ, съ восточнаго склона котораго беретъ начало Майнъ; эта рѣка огибаетъ южную его подошву широкою дугою и, въ концѣ концовъ,

нижнимъ своимъ теченіемъ поворачиваетъ на сѣверо-востокъ. Мнѣ показалось какъ будто бы Налгимскій хребеть соединяется съ западными отрогами Поль-пола, но этому противорѣчили показанія какъ коряковъ, такъ и жителей Пенжинска, которые утверждали, что Черная вытекаетъ не изъ горъ, а беретъ свое начало изъ кочковатыхъ болотъ. По всей вѣроятности это нужно понимать въ томъ смыслѣ, что хотя соединеніе Налгимскаго хребта съ Поль-поломъ и существуетъ, однако оно настолько постепенно, что не получается впечатлѣнія возвышенности.

Пенжинское представляетъ собою маленькое селеніе, состоящее приблизительно изъ десяти домиковъ, въ которыхъ живутъ такъ называемые мѣщане, занимающіеся рыбною ловлею. Мы остановились тутъ на два дня, чтобы дать какъ слѣдуетъ отдохнуть собакамъ: животныя устаютъ на этомъ участкѣ пути болѣе, чѣмъ на двухъ послѣдующихъ. Утомленіе зависитъ будто бы отъ того, что снѣгъ здѣсь не такъ твердъ, какъ дальше, гдѣ онъ болѣе подверженъ вліянію вѣтра; на мягкомъ же снѣгу животныя такъ сильно сбиваютъ ноги, что слѣды часто окрашиваются кровью. Во время моего пребыванія въ Пенжинскомъ, я впервые имѣлъ случай встрѣтиться съ нѣсколькими коряками-оленеводами (64) и говорить съ ними. Сходство ихъ съ чукчами тотчасъ бросается въ глаза; не говоря уже о языкѣ, который настолько близокъ, что до прихода переводчика мы могли объясняться съ ними нѣсколькими выученными у чукчей фразами и словами, — это сходство простирается до самыхъ мелочей: сани, одежда, домашнія принадлежности, рѣшительно все одинаково у обоихъ народовъ, но только коряки имѣютъ менѣе почтенный видъ, чѣмъ чукчи.

Какъ мнѣ кажется, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что оба эти народа составляли прежде одинъ и что ихъ теперешнее раздѣленіе произошло только благодаря пространственному обособленію. Если Дитмаръ (65) указываетъ, что даже пять колѣнъ, на которыя въ настоящее время дѣлятся коряки (съ одной стороны на коряковъ-оленеводовъ, а съ другой на четыре колѣна осѣдыхъ

коряковъ), различаются между собою по языку, несмотря на то, что они близко живутъ другъ отъ друга и находятся между собою въ постоянныхъ сношеніяхъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и языкъ чукчей и коряковъ не совсѣмъ одинаковъ; скорѣе нужно удивляться тому, что разница еще такъ незначительна и что они вполне понимаютъ другъ друга: корякъ, говорящій по русски, можетъ быть очень хорошимъ переводчикомъ съ чукотскаго, и на оборотъ — чукча при томъ же условіи несомнѣнно можетъ служить переводчикомъ съ корякскаго языка. Очевидно, прежде оба племени обитали на полуостровѣ до Анадыра, составляя одинъ народъ, и только вслѣдствіе ссоръ и пререканій часть его, которую въ настоящее время называютъ чукчами, перешла на сѣверъ отъ рѣки. Но даже это добровольное удаленіе или можетъ быть и вытѣсненіе не удержало постоянныхъ нарушителей спокойствія, коряковъ, отъ частыхъ хищническихъ набѣговъ на чукчей, которые, конечно, отвѣчали имъ тѣмъ же. Случаевъ къ тому представлялось очень много, потому что одна часть чукчей съ самаго начала поселилась на Онеменѣ; хотя ихъ и отдѣляло отъ коряковъ значительное пространство, однако перейти его было возможно во всякое время. Теперь, конечно, очень трудно доказать, которое изъ двухъ племенъ нападало первымъ; несомнѣнно только одно, что русскіе изъ крѣпости Анадырска были втянуты въ борьбу съ чукчами исключительно коряками. Вѣроятно же всего, что зачинщиками ссоръ были всегда тоже коряки. Трудно предположить, чтобы чукчи — главная масса которыхъ во время основанія Анадырскаго острога жила уже у Чаунской губы и вокругъ мыса Пээкъ и только незначительная часть которыхъ держалась со своими стадами по обѣ стороны самаго нижняго теченія Анадыра — предприняли походъ противъ коряковъ, занимавшихъ въ то время въ полномъ своемъ составѣ мѣстность къ югу отъ Анадыра и отъ отроговъ Становаго хребта до океана. Изъ важныхъ данныхъ, добытыхъ Полонскимъ въ старинныхъ архивахъ, очевидно, что, вопреки ни разу не повѣреннымъ гарнизономъ Анадырска жалобамъ коряковъ, чукчи никогда не напа-

дали сами, а всегда являлись оборонявшеюся стороною; на оборотъ, коряки очень часто дѣлали нападенія на русскихъ и война съ ними, собственно говоря, никогда не прекращалась. Вслѣдствіе этого я крайне удивился, прочтя у Дитмара, что кочующіе коряки въ высшей степени хорошіи и нравственный народъ; онъ, повидимому, даже не желаетъ, чтобы ихъ коснулась культура, могущая-де лишить ихъ простодушія и чистосердечія. Дитмаръ, конечно, имѣлъ съ ними больше дѣла, чѣмъ я, и долженъ былъ знать ихъ лучше меня, но его взгляду противорѣчитъ вся исторія этого народа и его мнѣніе не раздѣлялось людьми, съ которыми я имѣлъ случай объ этомъ говорить.

На Анадырѣ я часто слышалъ о вновь повторившемся нападеніи чукчей на коряковъ, причѣмъ первые будто бы увели у послѣднихъ оленей. Но коряки ничего мнѣ объ этомъ не сообщали, такъ что эти слухи, по всей вѣроятности, касались какой нибудь стычки, въ которой коряки были тоже не безгрѣшны; иначе они не преминули бы воспользоваться такимъ прекраснымъ случаемъ, какъ мое присутствіе, чтобы подать жалобу. Въ настоящее время кочующіе коряки, число которыхъ Дитмаръ опредѣляетъ въ 2700 душъ обоюго пола, живутъ со своими, если не очень многочисленными, то все же вполне достаточными для ихъ существованія стадами въ той же области, которую занимали съ древнѣйшихъ временъ; кромѣ того они распространились къ западу даже до верхняго теченія Омолона и, слѣдовательно, перешли Становой хребетъ. Однако, въ послѣдней мѣстности ихъ немного и они живутъ тутъ между юкагирами и ламутами. Въ общемъ эти народы ладятъ довольно хорошо, хотя отношенія ихъ и не отличаются особенною сердечностью; впрочемъ, какъ ламуты, такъ и юкагиры нуждаются въ добрыхъ отношеніяхъ съ коряками; дѣло въ томъ, что оба племени, особенно же ламуты, ежегодно странствуютъ черезъ пастбища коряковъ, чтобы попасть въ богатые прекрасными пушными звѣрями Камчатскія горы; такимъ образомъ, они до извѣстной степени находятся въ зависимости отъ этого народа. Кочующіе коряки до сихъ поръ почти безъ исключенія язычники

и не имѣютъ, повидимому, ни какой наклонности къ принятію христіанства. Въ Пенжинскѣ мнѣ съ большимъ негодованіемъ рассказывали, что два архіепископа, Иннокентій и его преемникъ Павелъ, лично говорили во время своего посѣщенія передъ собраніемъ коряковъ и склоняли ихъ къ принятію христіанства, но не произвели на этихъ грубыхъ людей никакого впечатлѣнія. Возможно, что это и было такъ, но исторія мисіонерства различныхъ народовъ не даетъ намъ ни одного примѣра, чтобы подобныя торжественныя воззванія имѣли успѣхъ. Среди осѣдлыхъ коряковъ въ Камчаткѣ есть много христіанъ, такъ что народъ самъ по себѣ не имѣетъ отвращенія къ истинному ученію, но выгоды послѣдняго должны быть ему разъяснены, а этого до сихъ поръ не случилось. Коряки, съ которыми я говорилъ, повидимому, вовсе не интересуются этимъ дѣломъ; на мои вопросы, сильно ли они стоятъ за свои старинные обычаи, они отвѣчали съ невообразимымъ равнодушіемъ. Одинъ изъ нихъ, кажется, повернулъ даже эти разговоры въ шутку: онъ сказалъ мнѣ, что если я ужъ этого такъ желаю, то онъ согласенъ креститься, но что сначала долженъ получить на то разрѣшеніе своего отсутствующаго отца; между тѣмъ онъ самъ имѣлъ видъ 50—60-лѣтняго человѣка и жилъ со своимъ стадомъ вполне самостоятельно.

14 Ноября мы поѣхали дальше, перебравшись сперва черезъ рѣку, а затѣмъ двигаясь по равнинѣ, поросшей тополями, къ которымъ впослѣдствіи присоединились березы и даже отдѣльныя лиственницы. Такъ какъ Пенжина составляетъ большую рѣку, то деревья растутъ не только непосредственно по ея берегамъ, но и раскинуты въ сторону широкою полосою, правда довольно рѣдкаго, лѣса. Этотъ лѣсъ тянулся почти до рѣчки Кондерева; переѣхавши послѣднюю, мы перешли затѣмъ черезъ низкій хребетъ Ычигинскій, составляющій отрогъ нѣскольکو болѣе высокаго Ушканьяго хребта. Съ Ычигинскаго хребта мы спустились по истоку Пенжины—Ушканихъ. Тутъ мы остались ночевать, переѣхавъ всего 33 версты благодаря тому, что снѣгу лежало очень

мало и дорога была крайне тяжела для собакъ. 15 Ноября мы тоже боролись съ безсиѣжіемъ, а потому подвинулись впередъ опять только на 39 верстѣ. Сначала мы взобрались на Ушканій хребетъ, чтобы тотчасъ же съ него спуститься; затѣмъ мы прибыли на рѣку Продольную, впадающую въ Окланъ или Акланъ, и продолжали по ней нашъ путь до поварни. 16 Ноября мы ѣхали по тундрѣ и перебрались черезъ три маленькія рѣчки, которыя всѣ носили названія Поперечныхъ и впадали въ Продольную. Вслѣдъ за тѣмъ мы достигли самого Оклана, окаймленнаго густымъ и очень стройнымъ лѣсомъ изъ тополей; тутъ намъ улыбнулось счастье въ томъ отношеніи, что мы наткнулись на наѣзженную коряками дорогу; въ противномъ случаѣ мягкій и глубокій снѣгъ причинилъ бы намъ много хлопотъ. Проѣхавъ немного по Оклану, мы достигли поварни, сдѣлавши въ этотъ день все же около 50 верстѣ. Окланъ является самымъ большимъ притокомъ Пенживы и имѣетъ совершенно одинаковую съ нею ширину. Благодаря соединенію двухъ большихъ рѣкъ, лѣсъ тутъ очень хорошъ; вслѣдствіе этого съ прошлаго лѣта здѣсь поселились служащіе телеграфной компаніи и рубили телеграфные столбы. По первоначальному плану столбы по всей линіи проектировались желѣзные, но, найдя хорошій высокоствольный лѣсъ, рѣшили сдѣлать ихъ временно изъ тополевыхъ стволовъ. По рассказамъ этихъ людей лѣсъ такой же высоты простирается до окрестностей устья Пенжины и матеріала, слѣдовательно, было достаточно. Слѣдующій день мы ѣхали сначала по Оклану, затѣмъ по маленькому его притоку, Чимиткѣ, взобрались на Каменный хребетъ къ истокамъ Шестаковки, по которой спустились до впаденія ея въ море и прибыли къ юртамъ осѣдлыхъ коряковъ; эти юрты, въ числѣ 6 или 7 штукъ, высились на самомъ берегу. Мы проѣхали 75 верстѣ, а всего на всего отъ Пенжинска 197 верстѣ; эта цифра противорѣчила показаніямъ нашихъ погонщиковъ, положительно увѣрившихъ, что второй участокъ пути длиннѣе перваго, который по моимъ исчисленіямъ равнялся 203 верстамъ.

Коряки, живущіе на Шестаковкѣ, принадлежатъ къ роду

каменцовъ или паренцовъ, поселки которыхъ выдвинуты на сѣверъ дальше, чѣмъ всѣхъ остальныхъ осѣдлыхъ коряковъ. Эти послѣдніе обитаютъ сѣверную часть полуострова Камчатки и административно принадлежатъ къ Петропавловску, каменцы же, какъ и кочевые коряки, причисляются къ Гижигинскому округу. Селенія каменцовъ простираются на востокъ до рѣки Таловки, а на западъ до устья Парени. Какъ говорятъ, ихъ всего 250 душъ обоего пола.

Юрты, дома или палатки, какъ бы мы ни назвали жилища этихъ коряковъ, производятъ очень оригинальное впечатлѣніе; ихъ можно сравнить только съ зимними жильями осѣдлыхъ чукчей Берингова моря, которыя тоже на половину врыты въ землю. Передъ собою видишь высокую ульеобразную постройку, имѣющую на верхушкѣ горизонтальную, укрѣпленную на шестахъ площадку изъ досокъ, очень похожую на большіе тарелкообразные воротники, которые носили въ Германіи въ XVI столѣтіи. Изъ купола выходитъ дымъ, а по внѣшней сторонѣ постройки на площадку ведетъ лѣстница. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ боку замѣчаешь пристроенный изъ балоковъ ходъ, закрывающійся тяжелою дверью, и имѣющій около двухъ саженей длины и высоту человеческого роста. Священникъ уже раньше рассказывалъ мнѣ, что въ зимнее время въ жилище коряка можно проникнуть только черезъ дымовое отверстіе, а что нижній ходъ открывается исключительно лѣтомъ. Какъ только наступаетъ весна и становится тепло, хозяинъ открываетъ дверь, выноситъ свою кожаную лодку и исправляетъ ее. Лодка эта состоитъ изъ крѣпкаго деревяннаго остова, который обтягивается спшитыми непроницаемо для воды тюленьими шкурами шерстью наружу; въ такомъ видѣ она можетъ быть пущена въ дѣло. До тѣхъ поръ, пока ѣздить на лодкѣ, въ хижину ходятъ только черезъ нижнюю дверь; когда же наступаетъ холодное время года, кожи съ остова лодки снимаютъ, хозяинъ снова вноситъ ее въ свой домъ и ходъ внизу запирается; съ этого времени до весны можно пользоваться только верхнимъ ходомъ. Хозяинъ юрты, у которой мы остановились,

*

жески бесѣдовали между собой какъ въ этотъ разъ, такъ и на обратномъ пути.

Мой хозяинъ былъ, очевидно, вполне состоятельный чело-вѣкъ; за это говорили какъ его просторный, хорошо содержав-шійся домъ съ его громаднымъ котломъ для воды и обильною домашнею утварью, такъ и его кладовыя съ большими запасами рыбы и тюленей. Онъ увѣрялъ, что имъ живется здѣсь хорошо: море богато тюленями, Пенжина же и особенно рѣки Камчатки изобилуютъ рыбой. Каменцы живутъ теперь спокойно и мирно, но подобно корякамъ-оленеводамъ они не крещены. Я нигдѣ не слышалъ жалобъ на ихъ задорность и любовь къ ссорамъ, однимъ словомъ въ нихъ никто не подозрѣваетъ потомковъ тѣхъ коря-ковъ, которые такъ долго вели энергичную борьбу съ гарнизо-номъ Анадырска и имѣли на своей совѣсти столько русскихъ жизней. Приблизительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоятъ теперь ихъ юрты, происходила, говорятъ, та битва, которая стоила жизни знаменитому казацкому головѣ Шестакову. Рѣка прежде называлась Ягѣча и только съ марта 1730 года получила свое теперешнее названіе въ память Шестакова. Въ историческихъ замѣткахъ мною будетъ подробно рассказано объ этомъ сраженіи по даннымъ, оставленнымъ сподвижниками Шестакова, но я считаю теперь нужнымъ обратить вниманіе на одно обстоятель-ство, о которомъ тамъ я не упоминаю. Дѣло въ томъ, что старинныя преданія чуванцевъ положительно отрицаютъ въ этомъ случаѣ битву съ чукчами и утверждаютъ, что Шестаковъ по-гибъ въ борьбѣ съ возмущившимися коряками; чукчи въ то время никогда не заходили такъ далеко на западъ, да и не могли этого сдѣлать потому, что должны были бы прежде пройти всю область, занятую крайне враждебными имъ коряками. Это во всякомъ случаѣ очень вѣское доказательство въ пользу того, что чукчи нисколько не повинны въ этомъ геройскомъ подвигѣ. Такимъ образомъ, если исключить единственный несчастный случай, стоившій жизни храброму Павлуцкому, благодаря измѣнѣ его же собственныхъ людей, въ историческихъ данныхъ нельзя найти

ни одной чувствительной потери, причиненной русскимъ чукчами.

Въ настоящее же время и коряки давнымъ давно бросили всѣ воинственные замыслы; кочевые занимаются исключительно оленеводствомъ, а осѣдлые помимо рыбной и тюленьей ловли очень успѣшно промышляютъ здѣсь кузнечнымъ ремесломъ и выдѣлываютъ очень хорошія вещи при помощи самаго примитивнаго приспособленія. Оно состоитъ изъ небольшого мѣха, лежащаго на землѣ въ ямѣ; работникъ раздуваетъ мѣхъ въ то время, какъ хозяинъ, стоя въ той-же ямѣ, обрабатываетъ желѣзо нѣсколькими молотками и другими самыми простыми инструментами на камнѣ вмѣсто наковальни. Выдѣлываются преимущественно наконечники копій и ножи разныхъ формъ, въ какихъ они употребляются чукчами и другими обитателями тѣхъ странъ; готовится также много цѣпей для собакъ. На Шестаковкѣ я не могъ получить ничего изъ этихъ вещей, такъ какъ хозяинъ не былъ кузнецомъ; онъ совѣтывалъ мнѣ приобрести ихъ въ Куэлѣ или Парени, гдѣ по его словамъ находились самые искусные кузнецы. Впрочемъ онъ могъ показать мнѣ нѣсколько вещей, изготовленныхъ корякскими кузнецами. Обрабатываютъ, конечно, только желѣзо, потому что выдѣлка стала имъ неизвѣстна. За то они очень долго и энергично куютъ клинки для ножей въ полу-холодномъ состояніи, точь въ точь какъ якуты. Благодаря этой операціи желѣзо шлифуется очень хорошо, ножи получаютъ очень острые, почти никогда не зазубриваются и очень легко точатся. Этого достигаютъ и якуты, но они не умѣютъ украшать свои произведенія, подобно корякамъ, латунию и мѣдью. Въ желѣзо врубаются вычурнымъ узоромъ глубокія линіи, въ которыя вгоняются пластинки изъ мѣди и латуни, а затѣмъ вещи шлифуются; издѣлія получаютъ такимъ образомъ очень красивый видъ. Коряки выдѣлываютъ также очень изящныя ручки для ножей, употребляя на это китовый усъ и рога каменнаго барана; эти произведенія очень любимы чукчами. Однимъ словомъ, тутъ царитъ въ этомъ отношеніи оживленная дѣятельность. Издѣлія

коряковъ доходятъ до Анюя и до кергауловъ и ихъ покупаютъ пожалуй охотнѣе, чѣмъ стальные товары русскихъ и англичанъ; эти послѣдніе легко получаютъ зазубрины или ломаются, точить же ихъ труднѣе, чѣмъ корякскіе ножи и наконечники стрѣлъ.

19 Ноября мы поѣхали дальше. Намъ предстоялъ теперь самый непріятный участокъ пути, потому что до Парени намъ приходилось сдѣлать около 120 верстъ вдоль морскаго побережья. Въ хорошую погоду такая поѣздка ничего особеннаго не представляетъ, но во время снѣжной бури она можетъ сдѣлаться очень опасной вслѣдствіе того, что берегъ очень отлогъ, такъ что во время отлива трудно различить, гдѣ кончается собственно берегъ и гдѣ начинается обнаженное морское дно. Когда вода отступаетъ, послѣднее остается покрытымъ кашицеобразнымъ слоемъ, состоящимъ частію изъ снѣга, а частію изъ воды. Такимъ образомъ въ ясную и тихую погоду собственно берегъ легко отличить; во время же снѣжной бури какъ земля, такъ и обнаженное дно равномѣрно покрываются свѣжимъ снѣгомъ; если теперь собьешься съ пути и будешь застигнутъ приливомъ, то не удастся спастись даже на самыхъ быстрыхъ собакахъ. Въ первый день мы сдѣлали всего 20 верстъ и остановились у Минкина, небольшого корякскаго селенія, состоящаго изъ шести домовъ. 20 Ноября мы ночевали въ Куэлѣ, сдѣлавши 58 верстъ; тутъ живетъ одинъ изъ самыхъ искусныхъ кузнецовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ горькій пьяница, пропивающій весь свой заработокъ. Этотъ человѣкъ продаетъ свой товаръ исключительно во время поѣзда нартъ изъ Гижигинска и обратно, потому что при этихъ случаяхъ онъ можетъ получить плату водкой, за иную же плату у него ничего нельзя достать. Я вовсе не былъ расположенъ давать примѣръ торговли при посредствѣ водки, а потому сначала ничего не могъ отъ него получить: онъ просто отговаривался, что у него нѣтъ ни только ничего готоваго, но даже и желѣза; такъ я съ нимъ ничего и не могъ подѣлать; наконецъ мнѣ все же удалось раздобыть его произведенія за очень большое количество табаку, потому что онъ пришелъ къ совершенно спра-

ведливому убѣжденію, что табакъ можетъ во всякое время промѣнять на водку. Такимъ образомъ я приобрѣлъ нѣсколько прекрасныхъ ножей и наконечниковъ для стрѣлъ для моихъ пріятелей изъ чукчей. 21 Ноября мы продолжали наше путешествіе и остановились только у Парени, проѣхавши 45 верстъ до этого послѣдняго коряккаго поселенія, расположеннаго у устья рѣки того же имени; тутъ мы дали отдохнуть собакамъ, а затѣмъ проѣхали еще около 28 верстъ до рѣки Продольной Осиновки, притока Парени. Здѣсь мы встрѣтили нарты, которыя возвращались изъ Гижигинска къ Анадыру и заночевали подъ открытымъ небомъ въ довольно густомъ осиновомъ лѣсочкѣ. Мы имѣли въ виду сдѣлать тоже самое, но такъ какъ барометръ упалъ и поднялся сильный вѣтеръ, то я предпочелъ ѣхать въ теченіи ночи, чтобы по возможности скорѣе доѣхать до Гижигинска. Я справился у моихъ спутниковъ будутъ ли въ состояніи собаки выдерживать этотъ путь; мнѣнія раздѣлились, но въ концѣ концовъ три нарты рѣшили ѣхать со мной, священникъ же и остальные предпочли переночевать. Въ общемъ эта поѣздка была довольно непріятной: дорога вела не вдоль берега — ночью мы на это и не рѣшились бы, — но черезъ совершенно ровный полуостровъ Тайгоносъ, отдѣляющій Пенжининскую бухту отъ Гижигинской; не было видно ни одного холмика, ни одного кустика, по которымъ можно было бы ориентироваться, а такъ какъ небо было облачно и мы не могли опредѣлять направленіе по звѣздамъ, то порядочно-таки поблуждали. Лишь утромъ 22 прибыли мы къ поварнѣ, отъ которой до Гижигинска оставалось, какъ говорили, только 45 верстъ. Въ теченіе ночи мы проѣхали 40 верстъ: по крайней мѣрѣ сколько считается между Осиновкой и тѣмъ мѣстомъ, куда мы теперь пріѣхали; такимъ образомъ мы должны были сильно блуждать по различнымъ направленіямъ, потому что, въ противномъ случаѣ, ѣдучи съ 8 часовъ вечера до 10 часовъ утра, успѣли бы сдѣлать по меньшей мѣрѣ 60 верстъ. Накормивъ досыта собакъ и давъ имъ отдохнуть два часа, мы продолжали наше путешествіе и послѣ 15-ти верстной ѣзды, достигли Ги-

жиги, у устья ея притока Черной, гдѣ я снова встрѣтилъ лиственничный лѣсъ,—первый послѣ нашего отъѣзда съ Большаго Анюя; это знакъ того, что Становой хребетъ подходитъ здѣсь ближе къ морю. Отсюда намъ оставалось сдѣлать около 30 верстъ частью по Гижигѣ, частью же около нея, причемъ лѣсъ сопровождалъ насъ верстъ съ десять, а затѣмъ разомъ прекратился. Въ 7 часовъ вечера мы достигли города, расположеннаго на лѣвомъ берегу рѣки и на открытой тундрѣ. Послѣдній производитъ довольно непріятное впечатлѣніе: около 30 низкихъ домишекъ неправильно разбросаны по болоту, нѣтъ ни заборчиковъ, ни оградъ, однимъ словомъ люди живутъ безъ всякихъ претензій. На мое счастье я получилъ довольно хорошую квартиру у одного казака и чувствовалъ себя по этому вполне хорошо.

На другой день я посѣтилъ исправника Волкова, очень любезнаго петербуржца, который Богъ вѣсть какими судьбами былъ закинутъ со своею семьей въ этотъ пустынный уголокъ. Онъ соединялъ въ своей персонѣ все управление округа, потому что у него не было не только помощника, но даже и писца; такимъ образомъ онъ былъ принужденъ самъ переписывать свои донесенія. Кромѣ него жили тутъ еще два духовныхъ лица, одинъ казацкій урядникъ со своею командой и два купца, братья Брагинны; они составляли все высшее общество этого отдаленнаго форпоста. Съ остальнымъ міромъ Гижигинскъ имѣетъ очень рѣдкое сообщеніе. Однажды въ году проходитъ здѣсь почта, или вѣрнѣе двѣ почты за разъ. Около Рождества приходитъ сюда изъ Якутска почта, предназначенная для Петропавловска и дожидается тутъ почты изъ этого послѣдняго въ Якутскъ; нарты мѣняются пакетами, послѣ чего возвращаются тѣмъ же путемъ, по которому пріѣхали. Издавна это и было единственнымъ правильнымъ сообщеніемъ съ внѣшнимъ міромъ. Въ послѣдніе годы присоединилось еще сообщеніе моремъ, которое впрочемъ происходитъ не правильно и даже не ежегодно. Оно заключается въ томъ, что правительственныя суда снабжаютъ

провіантомъ отдѣльныя, расположенныя у Охотскаго моря поселенія, какъ-то Аянъ, Охотскъ, Гижигинскъ и т. д. Но въ виду того, что море это очень бурно посѣтить всѣ мѣста удается не ежегодно; поэтому тутъ всегда приходится имѣть запасъ провіанта, чтобы не ощущалось недостатка въ немъ, въ случаѣ, если пароходу не удастся зайти въ извѣстный пунктъ. Прежде сообщеніе поддерживалъ казенный пароходъ Сахалинъ, но съ тѣхъ поръ какъ онъ погибъ (если не ошибаюсь, въ 1866 году близъ Тигиля), дѣло это было передано правительствомъ Филиппеусу по контракту. Кромѣ того порты Охотскаго моря начали посѣщать американскія суда; это были частью пароходы телеграфной компаніи, которые привозили въ Гижигинскъ различные машины и строительные матеріалы для проводимой линіи, частью же — американскія торговыя суда. Привлекаемые богатствомъ Камчатки дорогими мѣхами, купцы держали въ Гижигинскѣ своихъ представителей и снабжали ихъ различными товарами для мѣнновой торговли съ коряками и камчадалами. Такимъ образомъ, благодаря этимъ сношеніямъ жители заброшеннаго мѣстечка получаютъ лѣтомъ извѣстное удовольствіе и выгоды, которыхъ прежде они были совершенно лишены.

Основанный въ 1752 году, т. е. около ста лѣтъ послѣ Анадырска, Гижигинскъ далеко не игралъ въ исторіи страны той выдающейся роли, какъ старое поселеніе. Когда въ 1770 году сюда перебралась большая часть гарнизона упраздненной крѣпостцы, успѣли уже убѣдиться въ томъ, что столкновенія съ чукчами и побоища съ ними были совершенно безцѣльны. Поэтому новой крѣпости ничего не оставалось дѣлать по отношенію къ чукчамъ, коряки были тоже усмирены, да и далѣе не давали никакого предлога къ военнымъ дѣйствіямъ, побаяваясь сильнаго гарнизона. Вслѣдствіе этого крѣпость скоро пришла въ упадокъ, такъ что въ настоящее время нѣтъ и слѣда стараго палиссаднаго огражденія: мѣстечко лежитъ совершенно открыто среди печальной тундры. Послѣдняя является тутъ тундрой въ полномъ смыслѣ слова, — она представляетъ такое топкое, кочко-

ватое болото, что всё дома окружены рвами, чтобы защитить ихъ не отъ нападенія непріятеля, а отъ напора воды. Старые казаки на этотъ разъ снова доказали, что они положительно не въ состояніи принимать въ расчетъ годно или не годно избранное ими для поселенія мѣсто. Они очень хорошо умѣли обсудить выгодно ли оно для защиты и снабжается ли водою, но вовсе упускали изъ вида остальные удобства, необходимыя для постоянного жительства. Такъ напр., всё безъ исключенія поселенія на Колымѣ весною затопляются полой водою, тогда какъ вблизи всѣхъ ихъ находятся высоко расположенныя мѣста, которыя при всѣхъ другихъ условіяхъ вполне пригодны и для жилья. Первый острогъ на Анюѣ былъ разрушенъ рѣкою; мѣсто, на которомъ стоялъ Анадырскъ, было тоже уничтожено бурнымъ потокомъ, хотя уже послѣ упраздненія крѣпостцы. Среднеколымскъ ежегодно затопляется такъ сильно, что каждую весну приходится жить по нѣсколько дней на крышахъ домовъ и предпринимать по улицамъ города увеселительныя поѣздки на лодкахъ; между тѣмъ у самаго города новыя казенныя зданія стоятъ на возвышенномъ мѣстѣ, до котораго не могутъ достигнуть самыя высокія вешнія воды, даже въ случаѣ загроможденія рѣки льдомъ. Такихъ примѣровъ можно было бы привести массу и къ нимъ между прочимъ принадлежитъ и Гижигинскъ. Старый острогъ былъ возведенъ на берегу рѣки, съ одной стороны въ 25 верстахъ отъ ея устья, а съ другой — въ 10 верстахъ отъ границы древесной растительности; здравому человѣческому смыслу трудно найти причину того, что могло заставить древнихъ завоевателей выбрать такое невозможное мѣсто. Въ окрестностяхъ, одинаково пустынныхъ какъ лѣтомъ, такъ и зимой, не растетъ даже достаточно травы для того, чтобы дать возможность жителямъ мѣстечка содержать рогатый скотъ и лошадей. Было сдѣлано нѣсколько опытовъ, но молочный скотъ не плодился, а лошади доставляли столько заботъ и хлопотъ, что изъ за нихъ не стоило прекращать содержаніе собакъ, къ которымъ издавна успѣли уже привыкнуть, несмотря на ихъ большія неудобства. Такимъ

образомъ жители питаются исключительно оленинымъ мясомъ и рыбою, овощей же не знаютъ вовсе.

Въ Гижигинскѣ я оставался до 8 декабря и могъ въ достаточной мѣрѣ убѣдиться, что условія торговли мѣхами сложились тутъ во многихъ отношеніяхъ выгоднѣе, чѣмъ на Анюйской ярмаркѣ. Всѣ товары можно было пускать здѣсь въ продажу по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ въ Нижнеколымскѣ; въ непродолжительномъ времени рассчитывали даже соответственными мѣрами достигнуть того, чтобы предлагать самый важный предметъ выгодной торговли, табакъ, въ такомъ видѣ, который удовлетворилъ бы самыхъ изысканныхъ знатоковъ среди чукчей и другихъ инородцевъ. Если это удастся, торговля можетъ остаться за якутскими купцами, которые пока одни ведутъ дѣла въ Нижнемъ и на Анюѣ, только благодаря почти полному отсутствію предприимчивости сибирскихъ купцовъ, съ трудомъ отыскивающихъ себѣ новые рынки. Въ самомъ дѣлѣ, дорогъ, по которымъ можно было бы везти изъ Гижигинска на Колыму даже тяжеловѣсные товары, какъ тогда выяснилось, исполнѣ достаточно. Источники, дающіе начало какъ Гижигѣ, такъ и Парени, находятся на вполнѣ удобныхъ даже для длинныхъ собачьихъ нартъ перевалахъ Становаго хребта и ведутъ къ истоку Поворотной, которая впадаетъ въ Омолонъ. Отсюда идетъ открытая дорога какъ по самому Омолону (66), такъ и перерѣзывая страну поперекъ, на Среднеколымскъ. Путешествіе до Нижняго зимою очень удобно на нартахъ, а лѣтомъ можно направиться черезъ Марково на Большой Анюй, а затѣмъ спуститься по этой рѣкѣ. Последней дорогой уже раньше ходили съ лошадьми и оказалось, что для выючныхъ животныхъ лѣтомъ тамъ было достаточно корма. Впрочемъ очень вѣроятно, что лѣтній путь по Гижигѣ или по Парени вверхъ на хребетъ, а затѣмъ поперекъ страны на Среднеколымскъ окажется болѣе удобнымъ потому, что нагорье Омолона и верхняго теченія Колымы представляетъ мало затрудненій, а между тѣмъ на правомъ берегу последней рѣчки живутъ якуты со своими табунами. Въ виду того, что ка-

рабли приходятъ въ Гижигинскъ въ іюлѣ, условія торговли этого пункта много благопріятнѣе въ томъ отношеніи, что полученные здѣсь товары могутъ быть доставлены въ Среднеколымскъ уже въ концѣ августа; между тѣмъ якутскимъ купцамъ имѣтъ возможности прибыть туда раньше ноября, да и то только на легко навьюченныхъ лошадяхъ, т. е. съ усиленными издержками по доставкѣ. Если сравнить тогдашнія цѣны на русскіе товары въ Гижигинскѣ и въ Колымскѣ, то разомъ бросается въ глаза ихъ дешевизна въ первомъ изъ названныхъ пунктовъ; а между тѣмъ они были и тутъ достаточно высоки уже потому, что вся торговля сосредоточивалась въ рукахъ одного купца, которому, благодаря этому, вовсе не было необходимости быть слишкомъ предупредительнымъ относительно своихъ покупателей. Поэтому онъ имѣлъ полную возможность направлять свои товары на колымскій рынокъ и, несмотря на путевыя издержки, предлагать ихъ здѣсь все же по болѣе дешевымъ цѣнамъ, чѣмъ то могли купцы изъ Якутска. Я много разъ говорилъ объ этомъ съ Брагинымъ и онъ такъ ясно излагалъ обстоятельства дѣла, что было очевидно, что онъ вполне сознавалъ выгоды того положенія, которое занималъ. Но у сибирскаго купца, какъ сказано, отъ слова до дѣла очень далеко, а потому якутскимъ купцамъ нечего еще особенно беспокоиться. Но если Гижигинскъ въ дѣйствительности приступитъ къ дѣлу, то Колыма, а можетъ быть и Индигирка безвозвратно потеряны въ качествѣ рынковъ для Якутска; послѣднее обстоятельство доставило бы тамошнимъ купцамъ большіе убытки, колымскимъ же жителямъ было бы въ высшей степени выгодно. Положеніе, въ которомъ они въ настоящее время находятся, никакъ нельзя назвать пріятнымъ: они пребываютъ теперь въ полной и безповоротной зависимости отъ Якутска, который имѣетъ полную возможность опредѣлять съ одной стороны цѣны пушнины, а съ другой — русскихъ товаровъ, какъ ему заблагоразсудится. Мало того, практикующеюся системою отпуска товара въ долгъ взаимныя отношенія до такой степени запутаны, что колымскій житель находится въ вѣчномъ

долгу у якутскаго, да къ тому же еще никогда и не знаетъ какъ великъ его счетъ. Вслѣдствіе этого, чтобы задобрить кредитора, онъ дѣлаетъ ему массу услугъ, которыя, будучи переведены на деньги, оказались бы очень дорого стоящими, но безъ такого перевода признаются какъ нѣчто само собою понятное. Колымскій житель принимаетъ у себя якутскаго купца, кормить его, поставляетъ чуть ни за грошъ нарты и работниковъ, такъ что доставка товаровъ до Нижняго и до Анюя обходится якутскому купцу баснословно дешево; однимъ словомъ, колымецъ оказываетъ послѣднему, какъ принято тамъ выражаться, хлѣбосольство; этого рода услуги, конечно, не заносятся въ расчетныя книжки, а между тѣмъ тому, кто ихъ получаетъ, онѣ крайне важны, такъ какъ пребываніе въ Колымскѣ продолжается приблизительно съ начала января до конца августа. Правда, что якутскіе купцы наживаютъ не Богъ вѣсть какіе капиталы, потому что общее количество здѣсь обращающихся товаровъ не очень велико, но при выдержкѣ и терпѣніи кое-что нажить они все-же могутъ. Однако, для Колымы эти капиталы оказываются потерянными, такъ какъ купецъ, возвратясь въ Якутскъ, живетъ и расходуетъ въ концѣ концовъ свои сбереженія здѣсь. Колымскій торговецъ никогда не можетъ сдѣлаться самостоятельнымъ, кромѣ развѣ того случая, если особенно благопріятныя обстоятельства помогутъ ему торговать непосредственно съ Якутскомъ, т. е. если ему удастся отправиться туда съ пушнымъ товаромъ и торговать имъ за свой собственный счетъ. Во всякомъ другомъ случаѣ разстояніе слишкомъ велико, чтобы въ теченіе одного года можно было вести самостоятельно торговлю въ двухъ мѣстахъ. Напротивъ, съ Гижигинскомъ дѣло обстоитъ совершенно иначе, потому что разстояніе много короче и колымскій торговецъ можетъ очень удобно употребить зиму для мелочной торговли съ охотничьими племенами, а лѣтомъ совершить поѣздку въ Гижигинскъ и обратно. Инициатива, тѣмъ не менѣе, должна была въ этомъ случаѣ принадлежать Гижигинску, потому что жители Колымска не обладали для предпрія-

тія достаточными капиталами, да кромѣ того находились въ то время въ такой зависимости отъ якутскихъ купцовъ, что не могли самостоятельно пошевелиться. Если бы эти обстоятельства измѣнились, Колыма вздохнула бы свободнѣе, но, какъ уже сказано, гижигинскій купецъ находился и при тогдашнемъ положеніи, дѣлъ въ столь выгодномъ положеніи, что было очень сомнительно, чтобы онъ рѣшился пуститься въ новыя предпріятія. Чтобы ознакомиться съ условіями еще во время моего пребыванія, онъ хотѣлъ побывать на Анюѣ въ ту же зиму, но не исполнилъ своего намѣренія. По этому дѣла спокойно пойдутъ, вѣроятно, старымъ, давно заведеннымъ порядкомъ до тѣхъ поръ, пока не найдется предпріимчивый человекъ и не проложитъ болѣе раціональнаго пути.

Торговля американской водкой, носящей здѣсь громкое названіе коньяка или рома, несомнѣнно въ сильномъ ходу и прекратить ее можно было бы только абсолютнымъ запрещеніемъ ввоза спирта. Разъ онъ привезенъ въ Гижигинскъ, слѣдуетъ затѣмъ, чтобы водка не попадала къ инородцамъ не представляется ни малѣйшей возможности даже самому бдительному начальству; да и везутъ ее спеціально для нихъ, потому что русское населеніе слишкомъ незначительно для того, чтобы израсходовать все выгружаемое количество. Насколько водка успѣла уже оказать пагубное вліяніе на обитателей, я не могу судить, потому что я слишкомъ мало приходилъ съ ними въ соприкосновеніе. Можно только было замѣтить, что осѣдлые коряки отъ Парени до Шестаковки сильно пристрастились къ спиртнымъ напиткамъ и вслѣдствіе этого благосостояніе ихъ сильно пошатнулось. Во всякомъ случаѣ было бы желательно, чтобы и къ пристающимъ въ Гижигинскъ кораблямъ былъ примѣненъ повсюду дѣйствующій въ Сибири законъ, безусловно запрещающій всякую торговлю спиртными напитками вблизи мѣстъ жительства инородцевъ. То обстоятельство, что Гижигинскъ не принадлежитъ къ этимъ послѣднимъ, не можетъ составить для него исключенія, потому что привозимые туда товары предназначаются почти исключительно для тѣхъ же инородцевъ.

8 Декабря я пустился въ обратный путь и 23 числа того же мѣсяца прибылъ въ Марково. На этотъ разъ я могъ бы проѣхать много быстрѣе, потому что былъ одинъ и во время пути имѣлъ даже возможность дважды смѣнить свои нарты. Между тѣмъ я долженъ былъ останавливаться какъ на Парени, такъ и на Шестаковкѣ и жить по нѣсколько дней въ корякскихъ хижинахъ; меня задержали снѣжныя бури, ѣхать во время которыхъ нельзя было и думать. При этомъ случаѣ я разузналъ кое-что относительно того участка пути, который лежитъ между Гижигинскомъ и Паренью и который всегда считался за очень опасный, между тѣмъ какъ я не могъ замѣтить на немъ ничего опаснаго. Дѣло оказалось очень простымъ; но оно такъ прекрасно иллюстрируетъ инертность населенія, что о немъ стоитъ упомянуть. Старая дорога тянулась по льду Осиновки на протяженіи нѣсколькихъ верстъ и была очень легка и удобна за исключеніемъ одного мѣста, съ версту или нѣсколько больше, — точно сказать не могу; тутъ оба берега рѣки были высоки, а лѣвый представлялъ даже почти отвѣсную стѣну. Вслѣдствіе снѣжныхъ бурь, при измѣнчивой температурѣ, по верхнему карнизу этой стѣны каждую зиму образовывался навѣсъ изъ обледенѣлаго снѣга, который обыкновенно держался до весны, а потомъ обваливался. Нерѣдко впрочемъ случалось, что вслѣдствіе какихъ либо причинъ онъ обрушивался и среди зимы, затѣмъ снова нарасталъ и снова падалъ и такъ далѣе, пока не исчезалъ окончательно весною. Благодаря этому названный участокъ пути и пользовался дурной славой: прежде чѣмъ проѣхать на нартахъ подъ навѣсомъ приходилось всякій разъ изслѣдовать, крѣпко ли онъ держится; если имѣли основаніе предположить, что онъ не обвалится, на поѣздку рѣшались въ глубочайшемъ молчаніи и тишинѣ; въ виду того, что собаки во время бѣга имѣютъ обыкновеніе лаять, имъ завязывали рты, чтобы предупредить всякій звукъ, который могъ бы вызвать сотрясеніе воздуха. Несмотря на всѣ предосторожности, все-таки случались обвалы, которые почти постоянно имѣли послѣдствіемъ смерть потерпѣвшихъ. Это, однако, не мѣшало людямъ

продолжать ѣздить постоянно по старой, привычной дорогѣ. Уже много разъ мѣстное начальство приказывало старостамъ отмѣтить вѣхами другую дорогу, но они постоянно возражали, что тутъ ничего нельзя подѣлать и что другой дороги нѣтъ. Такъ и оставались при старой, пока наконецъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ не случился новый обвалъ, который засыпалъ лавиной изъ снѣга и льда, если не ошибаюсь, три изъ четырехъ другъ за другомъ ѣхавшихъ нартъ. Тогда, наконецъ, терпѣніе исправника лопнуло, онъ не ограничился предписаніями и увѣщаніями, а отправился самъ, чтобы изслѣдовать происшествіе на мѣстѣ. При этомъ выяснилось, что вовсе не было необходимости непременно ѣхать по льду рѣки, а можно было преспокойно направиться по ея правому берегу: горъ тутъ никакихъ не оказалось. Я проѣзжалъ по этой новой дорогѣ и нашелъ, что она всюду очень удобна.

На Парени я получилъ сушеный мухоморъ (*Amanita muscaria*), который у коряковъ цѣнится очень высоко, благодаря своей способности вызывать одуряющее дѣйствіе. Въ свѣжемъ состояніи, въ которомъ, какъ говорятъ, онъ ядовитъ, его не ѣдятъ, но всегда коптятъ до тѣхъ поръ, пока онъ не сморщится и не высохнетъ; въ этомъ видѣ его можно очень хорошо сохранять. По рассказамъ онъ растетъ только подъ березами и, такимъ образомъ, распространеніе его ограничивается извѣстными мѣстностями, изъ которыхъ мнѣ особенно указывали на Пежинское и Марково. Корякъ жуетъ сухой грибокъ, запиваетъ его водой и проглатываетъ. Черезъ нѣсколько времени наступаетъ возбужденіе и галлюцинаціи, заключающіяся въ томъ, что человѣкъ видитъ людей, которыхъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ, самодовольно рассказываетъ имъ о своихъ мнимыхъ богатствахъ и т. д. Онъ можетъ понимать вопросы и иногда отвѣчаетъ на нихъ вполне разумно, но всегда только по отношенію къ тому, что во время бреда кажется ему дѣйствительностью. Въ состояніи одурѣнія человѣкъ можетъ ходить съ мѣста на мѣсто, не качаясь, но зелье, повидимому, оказываетъ странное дѣйствіе на зрительный аппаратъ: всѣ предметы кажутся въ очень увеличенномъ видѣ. По-

этому среди населенія надъ такимъ опьяненнымъ часто практикуется слѣдующая шутка: его заставляютъ идти и кладутъ на его пути какоенибудь маленькое препятствіе, напр. палку: одурманенный останавливается, смотритъ на палку испытующимъ взглядомъ и наконецъ перепрыгиваетъ черезъ нее большимъ прыжкомъ. Другое дѣйствіе, производимое грибомъ, какъ говорятъ, заключается въ томъ, что зрачекъ сильно расширяется, а затѣмъ вновь сильно суживается, при чемъ это повторяется нѣсколько разъ подрядъ. Когда одурѣніе проходитъ, человѣкъ не чувствуетъ никакого физическаго недомоганія, имъ овладѣваетъ только сожалѣніе о томъ, что суровая дѣйствительность замѣнила прекрасные образы; онъ рассказываетъ, что находился въ очень пріятномъ обществѣ, былъ обладателемъ прекрасныхъ стадъ и тому подобное. Во всякомъ случаѣ дѣйствіе мухомора отличается отъ опиума въ томъ отношеніи, что видѣнія никогда не имѣютъ эротическаго характера; имъ вызывается только ощущеніе большаго внутренняго довольства и счастья въ связи съ внѣшнимъ благосостояніемъ. Дурныхъ послѣдствій въ родѣ распатаннаго здоровья, ослабленія умственныхъ способностей и т. д., отъ употребленія гриба до сихъ поръ не наблюдалось, по всей вѣроятности потому, что въ общемъ коряки только въ очень рѣдкихъ случаяхъ могутъ предаваться такого рода удовольствію: мухоморъ находятъ не часто, да и то въ очень маломъ количествѣ (67).

Чукчи, по крайней мѣрѣ тѣ, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло, вовсе не были знакомы съ этимъ зельемъ; но въ Марковѣ мнѣ говорили, что и они не отказываются отъ него, и что жители этого мѣстечка время отъ времени прибѣгаютъ къ мухомору въ томъ случаѣ, если не могутъ достать водки.

Возвратившись въ Марково, я нашелъ нѣсколько чукчей, которые пріѣхали сюда съ мыса Пзэкъ; между ними былъ Хотто, который разыгрывалъ прежде на Маломъ Аноѣ роль предводителя носовыхъ чукчей; съ нимъ былъ также нѣкій Василій Менка, ужасный дуракъ, который, въ качествѣ крещенаго, ходилъ боль-

шею частію съ образомъ, висѣвшимъ у него на веревкѣ вокругъ шеи. Онъ былъ, повидимому, фактотумомъ уже престарѣлаго и болѣзненнаго Хотто. Онъ рассказывалъ мнѣ длинную исторію о влияніи, которое послѣдній имѣлъ на своихъ земляковъ у мыса Пээкъ, объ его богатствѣ и о разныхъ разностяхъ; отвязаться отъ него можно было только, вышвырнувъ его за дверь (68). Главная масса чукчей была еще довольно далеко, да и не могла скоро прибыть; такимъ образомъ у меня оставалось достаточно времени, чтобы заняться ламутскимъ языкомъ и для этого воспользоваться счастливымъ случаемъ, который свелъ меня съ человѣкомъ, владѣвшимъ, при достаточномъ развитіи, кромѣ своего собственнаго языка еще русскимъ. Съ другой стороны, всѣ мои старанія найти человѣка, знавшаго языкъ чуванцевъ, остались тщетными. Мнѣ называли одну старую женщину, которая, какъ сказывали, могла на немъ говорить, почему я и сдѣлалъ распоряженіе — привести ее ко времени моего возвращенія въ Марково, что и было исполнено. Старуха пришла ко мнѣ въ сопровожденіи своего внука, молодаго, сильнаго и очень шустрого парня, но о языкѣ чуванцевъ я не могъ ничего отъ нея узнать. Она, повидимому, уже нѣсколько выжила изъ ума, однако заявила, что сама она никогда не знала языка, но что на немъ говорилъ ея дядя, который теперь уже умеръ старикомъ болѣе ста лѣтъ отъ роду. Сама она не происходила изъ племени чуванцевъ, а была юкагиркою, вышедшею замужъ за чуванца. Итакъ я отъ нея ничего не добился; за то молодой парень могъ сообщить мнѣ кое что изъ слышаннаго отъ того старика о старыхъ временахъ. Это были очень интересныя вещи, проливавшія много свѣта на то, что не выяснялось старыми официальными данными; онъ рассказалъ мнѣ между прочимъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ кончину храбраго маіора Павлуцкаго, добрая память о которомъ и до сихъ поръ живетъ еще между жителями Анадыра.

Скоро пріѣхалъ и старикъ Амвраоргинъ и могъ убѣдиться въ томъ, что трудно будетъ удержать чукчей отъ поѣздки въ Марково, если они сочтутъ ихъ для себя желательными. Тѣмъ

не менѣе онъ имѣлъ твердое убѣжденіе въ томъ, что носовые чукчи мало по малу будутъ подвигаться къ западу, потому что они не могутъ долгое время обходиться безъ чукчей-оленоводовъ, послѣдніе же положительно имѣютъ тяготѣніе къ Колымѣ. Амвраоргинъ разсказалъ мнѣ теперь, что на устьѣ Анадыра онъ говорилъ съ чукчами-стадовладѣльцами, жившими на правомъ берегу самаго нижняго теченія этой рѣки, и что послѣдніе очень подробно разспрашивали его о большой западной тундрѣ. Было очевидно, по его словамъ, что его народъ желалъ покинуть востокъ; Амвраоргинъ прибавлялъ, что совсѣмъ уйти съ востока было бы трудно, потому что онъ, особенно лѣтомъ, представляетъ очень удобное мѣстопробываніе для большихъ стадъ, но что зимою чукчи будутъ стараться прискивать себѣ, на сколько это возможно, болѣе защищенныя пастбища. Что же касается до торговцевъ съ мыса Пээкъ, то онъ полагалъ, что заставить ихъ переселяться нельзя, а потому въ этомъ отношеніи приходилось подчиняться существующимъ обстоятельствамъ; впрочемъ онъ не допускалъ, чтобы купцы вовсе перестали посѣщать Анюй: для торговли съ кергаулами имъ необходимо помимо табака еще большое количество оленьихъ шкуръ, которыя они могли получать у чукчей-оленоводовъ за болѣе дешевую цѣну, чѣмъ у коряковъ. Въ концѣ концовъ мы оба убѣдились въ томъ, что дѣлать намъ тутъ болѣе нечего, и что намъ слѣдуетъ спѣшить какъ можно скорѣе домой, чтобы привести въ окончательный порядокъ дѣла объ ясакѣ и о народной переписи. По поводу послѣдней онъ далъ самыя строгія приказанія и обѣщалъ сообщить результаты какъ только мы пріѣдемъ въ его стоянку, гдѣ будутъ насъ ожидать счетчики съ листами.

Развязаться съ этимъ для меня было очень важно, потому что на остальную часть зимы были у меня другія задачи. Я хотѣлъ отправиться какъ можно скорѣе въ Нижнеколымскъ и осмотрѣть тамъ рыбныя магазины, которые въ теченіе послѣдняго лѣта должны были устроить жители деревень подъ Нижнимъ; кромѣ того я хотѣлъ предпринять поѣздку на нартахъ къ

востоку и достигнуть мыса Пээкъ. Ловъ рыбы на Колымѣ былъ сносный, такъ что можно было заготовить достаточное количество пищи для собакъ на время поѣздки; такимъ образомъ этимъ путемъ представлялась возможность достигнуть того, что не удалось прошлый годъ. Амвраоргинъ хотѣлъ сопровождать меня и на этотъ разъ; хотя для него и трудно было снова пуститься въ большое путешествіе, но ему самому было очень важно посѣтить мысъ вмѣстѣ со мною, а потому онъ вторично предложилъ себя мнѣ въ проводники. Однако все это было выполнимо только въ томъ случаѣ, если бы намъ удалось пуститься въ путь еще въ мартѣ; поэтому мы должны были спѣшить и покинули Марково 21 января.

Нашъ путь лежалъ на сѣверо-западъ, такъ какъ намъ надо было преѣхать Анадырь вблизи Пеледона и выбраться сначала на Большой Анюй, а затѣмъ на Ангарку, гдѣ въ то время находилась главная квартира Амвраоргина. День отъѣзда мы выбрали неудачно: уже въ Марковѣ было вѣтрено, но вѣтеръ такъ ослаблялся лѣсомъ, что мы не обратили на него вниманія. Но какъ только мы переѣхали черезъ рѣку и выбрались на тундру, мы почувствовали всю силу бури, которая не давала намъ возможности разглядѣть путь. Вслѣдствіе этого въ первый день мы ѣхали недолго, найдя пріютъ въ чукотской палаткѣ, которая попалась намъ по дорогѣ. Последняя находилась на притокѣ рѣки Щучей, впадающей въ Анадырь слѣва, ниже Маркова. Подобно намъ тутъ укрылись отъ сильнаго вѣтра нѣсколько чукчей, такъ что собралось довольно большое общество людей, пріѣхавшихъ изъ самыхъ различныхъ частей страны. Мы должны были оставаться на мѣстѣ также весь слѣдующій день, чѣмъ я и воспользовался для пополненія моихъ географическихъ познаній. Въ нашей прошлой поѣздкѣ мы прежде всего прошли область истоковъ рѣкъ, впадающихъ въ Анадырь слѣва, оставаясь при этомъ, однако, такъ близко у водораздѣла, что было очень трудно опредѣлить, которой изъ большихъ рѣкъ, нами перейденныхъ на возвратномъ пути, принадлежали эти истоки. На съемкѣ, сдѣланной

топографомъ, въ этомъ отношеніи есть нѣкоторая путаница, несмотря на всѣ приложенныя старанія и тщательность работы; произошла она потому, что провожавшіе насъ чукчи не могли намъ помочь въ этомъ отношеніи, такъ какъ сами проѣзжали по этой дорогѣ въ первый разъ. Въ настоящее же время я имѣлъ возможность посоветоваться съ людьми, пріѣхавшими, какъ съ мыса Пээкъ, такъ и съ обитателями внутренней части страны. Кое что удалось разъяснить, но безукоризненно вѣрной карту нашу считать нельзя, потому что впоследствии, въ Нижнеколымскѣ, мы не могли сойтись съ топографомъ во взглядахъ. Тогда онъ уступилъ мнѣ и Нейману, но потомъ вернулся къ своему особому мнѣнію, какъ это видно изъ сравненія карты Генеральнаго Штаба съ моею.

30 Января поѣхали мы дальше, сначала придерживаясь еще истоковъ Щучей и, съ цѣлью перебраться черезъ горы, направились вверхъ по одному изъ нихъ, именно по рѣкѣ Отворотной, на которой находился тополевыи лѣсъ. Прежде чѣмъ попасть на Анадырь, намъ предстояло перейти высокій горный хребетъ, который тянется отъ главной цѣпи горъ на юго-западъ и заставляетъ рѣку сдѣлать большой изгибъ. Внизу, на равнинѣ, барометръ показывалъ 29,39, а термометръ—9,0°; въ долину Отворотной, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она уже замѣтно начинаетъ подниматься, барометръ показывалъ 28,78, а версть 12 дальше—28,38 при —14,3° (все по Реомюру); на вершинѣ водораздѣла при той же самой температурѣ барометръ далъ 27,41. Къ Анадыру мы спускались по теченію маленькой безымянной рѣчки. Какъ только кончилась собственно крутая часть склона (при барометрѣ 28,33 и термометрѣ — 21,1°), снова показался лѣсъ, состоявшій теперь уже не изъ тополей, а изъ лиственницъ (69); когда мы достигли самой рѣки, оказалось, что ея берега были окаймлены густымъ и высокимъ лѣсомъ изъ этихъ деревьевъ. На берегу барометръ показывалъ 28,62, а термометръ — 22,8°. Проѣхавши нѣкоторое время внизъ по теченію Анадыра, мы переѣхали на Малый Пеледонъ или Анетву, а съ этого послѣдняго на Большой

Пеледонъ или Кимгимъ-вэмъ, который мы прослѣдили до его истоковъ. Горы образуютъ тутъ большой узелъ и, такимъ образомъ, появляется широкій гребень, съ котораго нельзя непосредственно попасть (со стороны Пеледона) въ область Анюя, а нужно еще перейти черезъ истоки Яблона или Каруле-вэма, представляющаго изъ себя значительную рѣку, впадающую далѣе книзу въ Анадырь съ лѣвой стороны. Вслѣдствіе этого намъ предстояло перейти два хребта, прежде чѣмъ достигъ Анюя. Оба они оказались одинаковой высоты, хотя собственно за водораздѣлъ между системою Анадыра и Колымы слѣдуетъ считать первый изъ нихъ. Утромъ 3 февраля, когда мы выступили съ Пеледона, барометръ показывалъ 28,39, а термометръ — 25,0°; послѣ приблизительно трехъ-часовой ѣзды достигли мы водораздѣла, лишеннаго, конечно, древесной растительности; барометръ показывалъ 27,12, а термометръ — 23,4°. Спускъ, противъ обыкновенія, былъ очень крутъ и занялъ у насъ много времени, такъ что мы проѣхали наиболѣе крутую часть склона и вновь достигли лѣса только послѣ двухъ-часоваго путешествія, при чемъ барометръ показывалъ 27,76. Затѣмъ мы поѣхали внизъ по теченію одного изъ истоковъ Яблона и перебрались черезъ эту послѣднюю рѣку, которая здѣсь едва отличается отъ своего притока; проѣхавъ такимъ образомъ два часа мы остановились, чтобы дать отдыхъ собакамъ. Вообще дорога, съ той поры какъ мы попали въ область рѣки Анадыра, была очень затруднительна, потому что на льду рѣкъ лежалъ только рыхлый снѣгъ, по которому собаки могли подвигаться впередъ лишь съ большимъ трудомъ. Чтобы нѣсколько облегчить животнымъ путь, впереди все время шелъ на лыжахъ кто нибудь изъ людей, придавливая снѣгъ своею тяжестью; за нимъ слѣдовали нарты такимъ порядкомъ, что черезъ нѣсколько верстъ первая нарта останавливалась, пропускала мимо себя остальные и затѣмъ уже слѣдовала послѣднею. При этомъ силы животныхъ сохраняются долѣе, потому что труднѣе всѣхъ приходится первой нартѣ; но несмотря и на такой порядокъ животныя натерли себѣ лапы, такъ что на нихъ пришлось надѣть

башмаки (70). Послѣ того какъ собаки нѣсколько отдохнули, мы стали взбираться на второй водораздѣлъ, котораго достигли уже черезъ часъ, въ три часа по полудни, при барометрѣ 27.14; у подошвы мы снова имѣли 27,84. Теперь мы находились въ области Анюя, именно въ долинѣ Дракливой, притока рѣки Худыя Воды. Проѣхавши нѣкоторое время, мы снова остановились; горы остались далеко позади, и вокругъ насъ разстилась равнина, имѣющая видъ кочковатаго болота съ рѣдкимъ лѣсомъ; барометръ показывалъ 28.49, а термометръ—29,8°. Здѣсь меня оставилъ Амвраоргинъ. Медленная ѣзда на нартахъ, запряженныхъ усталыми собаками, ему, повидимому, надоѣла; воспользовавшись случаемъ, онъ взялъ изъ попавшейся намъ на дорогѣ чукотской палатки сани, запряженные парой оленей, и поспѣшилъ впередъ; онъ извинялъ свое бѣгство желаніемъ приготовить мнѣ у себя квартиру. По расчету до мѣста его жительства было уже недалеко, но на собакахъ, измученныхъ ѣздой по рыхлому снѣгу, я могъ добраться туда только черезъ два дня. 4 Февраля мы ѣхали почти исключительно по ровной мѣстности и хотя видѣли справа безлѣсныя вершины, но оставили ихъ въ сторонѣ, потому что дорога, къ моему неудовольствію, отвела насъ сильно на западъ. Я хотѣлъ направиться на Орловку, чтобы выѣхать оттуда на Эломбаль, но старикъ Амвраоргинъ имѣлъ свою главную квартиру на Ангаркѣ, дорога же туда составляла большой крюкъ. Только 5 февраля выбрались мы на нѣсколько болѣе возвышенную мѣстность, послѣ того какъ оставили позади себя долину Орловки; большихъ горныхъ хребтовъ мы, понятно, не могли замѣтить, но лѣсная растительность свидѣтельствовала, что мы находились на болѣе высокой мѣстности, барометръ же показывалъ 27.73 при температурѣ —20,9°. Наконецъ въ полночь 6 февраля, когда барометръ показывалъ 29.12 при термометрѣ —29,4°, мы пріѣхали къ Амвраоргину.

Противъ ожиданія я нашелъ въ палаткѣ только Амвраоргина съ Анной. Изъ людей никто не явился, но его сынъ велѣлъ сказать, что перепись вовсе не удалась, потому что съ нею не

справились люди, которымъ она была поручена; онъ прибавилъ еще, что дѣло это вообще нельзя будетъ выполнить, если я не пришлю ему на помощь грамотныхъ людей. Это обстоятельство было въ высшей степени неприятно; я не могъ отказаться отъ переписи, хотя бы даже, въ наилучшемъ случаѣ, она и дала мало надежные результаты: нужно было сдѣлать начало, чтобы въ послѣдствіи пополнять добытыя данныя. вмѣстѣ съ тѣмъ у меня вовсе не было времени, разъ я не желалъ пожертвовать моею поѣздкою на востокъ; но я могъ съ полною увѣренностію предсказать, что перепись прекратится, если только я отправлюсь въ путешествіе до ея окончанія. Это было безвыходное положеніе: какъ будто какой то рокъ тяготѣлъ надъ главнѣйшей задачей моею поѣздки, препятствуя мнѣ ее выполнить. Чтобы дать отдохнуть моимъ собакамъ, 6 февраля я оставался у Амвраоргина и обдумывалъ съ нимъ, что дѣлать въ такомъ положеніи. Онъ тоже, повидимому, приунылъ и полагалъ, что поѣздка не удастся; безъ нашей помощи перепись не могла быть доведена до конца, а такъ какъ до сихъ поръ ничего еще не было сдѣлано, то работа обѣщала протянуться до ярмарки, когда ѣхать было уже поздно. Дѣйствительно, предпринявъ поѣздку въ такое позднее время, можно было надѣяться достичь мыса Пээкъ только при особенно благоприятныхъ обстоятельствахъ. Но какъ бы то ни было перепись нужно было выполнить во чтобы то ни стало и какіе бы результаты она ни дала. Поэтому я приказалъ тотчасъ же начать ее снова и обѣщалъ прислать на помощь нѣсколько опытныхъ людей изъ Нижняго; самъ же отправился 7 февраля далѣе, чтобы какъ можно скорѣе достигнуть этого мѣста. Мой путь шелъ теперь съ истоковъ Ангарки на истоки Эломбала, по долину котораго я продолжалъ свое путешествіе до самаго Анюя. Недалеко отъ впаденія Эломбала въ Анюй мнѣ предстояло осмотрѣть маленькую церковь и домъ для священника, которые Амвраоргинъ взялся построить на свои средства. Онъ выразилъ это желаніе архіерею, мотивируя его тѣмъ, что мисіонеръ, живущій постоянно въ Нижнемъ, имѣлъ для нихъ мало значенія. Имъ при-

ходило его видѣть только во время ярмарки, когда каждый занятъ дѣловыми соображеніями, неимѣющими ничего общаго съ религіознымъ настроеніемъ; Амвраоргинъ полагалъ, что это и было причиной медленнаго распространенія среди нихъ христіанства. Имѣть постоянного священника на Эломбалѣ было желаніемъ положительно всѣхъ чукчей-оленеводовъ: въ этой мѣстности находится много чукотскихъ палатокъ, а потому какъ мисіонеръ могъ часто навѣщать чукчей, такъ и они его. Эти соображенія были найдены архіереемъ правильными и такимъ образомъ началась постройка, руководить которой, за полную неопытностію Амвраоргина въ такихъ вещахъ, пришлось мнѣ. Онъ освѣдомился у меня довольно ли для выполненія подобнаго предпріятія 400 оленей, заявляя, что о дальнѣйшемъ содержаніи священника позаботятся его чукчи. Въ виду того, что какъ церковь, такъ и домъ проектировались небольшими, этой суммы оказалось достаточно и я сдалъ постройку живущимъ на Маломъ Анюѣ юкагирамъ за 250 оленей. За эту плату они обязаны были выполнить всю плотничную и столярную работу, получая отъ меня необходимые желѣзные матеріалы и стекло. Они обязались вполнѣ окончить всю постройку къ веснѣ 1870 года. Необходимыя для иконостаса иконы и церковную утварь архіерей обѣщалъ выслать изъ Якутска.

Я нашелъ работу далеко подвинувшеюся впередъ; оба зданія были окончены вчернѣ, не доставало только дверей, оконъ и половъ, тоже уже начатыхъ. Людямъ была уплачена большая часть животныхъ, а потому они работали старательно, будучи вполнѣ довольны. Отдавши имъ купленные мною очень выгодно въ Гижигинскѣ желѣзныя принадлежности и стекло, я отправился далѣе, придерживаясь исключительно Анюя, чтобы какъ можно скорѣе добраться до Нижняго. Странное впечатлѣніе производило теперь мѣсто ярмарки: Островное, которое я видѣлъ прежде оживленнымъ многоязычною, бойко торговавшею толпою, было теперь совершенно пусто. Повсюду лежалъ глубокій снѣгъ, такъ что трудно было проложить себѣ путь къ какому нибудь дому;

казалось даже, что съ прошлой весны мѣсто никѣмъ не посѣщалось кромѣ медвѣдя, слѣды котораго были замѣтны на нѣсколькихъ крышахъ. Медвѣдь неисправимый воръ и разрушитель и, къ величайшему негодованію жителей, продѣлываетъ часто удивительнѣйшія вещи. Если чутье заставляеть его предположить, что въ какомъ нибудь строеніи находится для него пожива, онъ не жалѣеть ни усердія, ни труда, чтобы до нея добраться. Сначала онъ испытываетъ свое искусство на дверяхъ и окнахъ, а если это не помогаетъ, принимается за крышу, которая обыкновенно не можетъ противостоятъ его усиліямъ. Настоящія крыши имѣють на крайнемъ сѣверѣ только очень немногіе дома. Эти послѣдніе невелики, а потому поперечныхъ балокъ вполне достаточно, чтобы выдержать давленіе снѣга (которое вообще можно не принимать въ расчетъ) и толстаго слоя земли, которымъ покрываютъ потолки отъ холода. Медвѣдь взрываетъ замерзшую землю, отрываетъ толстыя балки, которыя всегда кладутся тѣсно одна подлѣ другой, и такимъ образомъ попадаетъ внутрь дома. Люди пробуютъ все возможное, чтобы защититъ свои потолки отъ подобнаго взламыванія, но медвѣдь очень настойчивъ въ задуманныхъ предпріятіяхъ и почти всегда проламываетъ даже самыя крѣпкія постройки; по всей вѣроятности это удается ему только благодаря тому, что здѣсь вовсе не употребляютъ желѣза, а дѣлають все изъ дерева. Въ Островномъ онъ обревизовалъ такимъ образомъ три дома, но можно было пожалѣть о его напрасной работѣ, потому что найти ему ничего не удалось, такъ какъ въ домахъ никогда не оставляють сѣстнаго. Недоѣзжая до Нижняго, 12 февраля я встрѣтилъ посланца, который привезъ мнѣ порученіе Императорской Академіи Наукъ; мнѣ предлагалось посѣтитъ мѣсто находки мамонта на нижнемъ теченіи Алазеи и дать отчетъ о томъ, что я тамъ найду. Хотя до извѣстной степени я самъ вызвался на него, это дѣло было мнѣ въ настоящее время не совѣтъ съ руки, такъ какъ оно удерживало меня отъ другихъ изслѣдованій, которыя были мнѣ ближе къ сердцу. Главною задачей моего путешествія я поставилъ себѣ исправле-

ніе карты Сибири, которая находилась въ очень печальномъ состояніи, по крайней мѣрѣ относительно дальняго сѣверо-востока Азіи; за исключеніемъ сравнительно очень хорошо извѣстнаго морскаго побережья, все остальное, нанесенное на карту, было невѣрно и фантастично. Особенно это справедливо по отношенію Оймеконскаго нагорья, изслѣдованіе котораго я приберегалъ до обратнаго путешествія. И теперь, я не могъ выполнить моего плана, потому что мнѣ предстояло отправиться снова на сѣверъ вмѣсто того, чтобы ѣхать на югъ; я не считалъ тогда еще возможнымъ допустить, чтобы остальные участники нашей экспедиціи могли рѣшить эту задачу удовлетворительно. Былъ моментъ, когда я думалъ самъ отправиться на югъ, а остальнымъ членамъ экспедиціи поручить съѣздить на мѣсто находки мамонта; но тотчасъ же отказался отъ этой мысли, противорѣчившей точному смыслу порученія Академіи, которое сдѣлано было мнѣ лично и поэтому, худо ли, хорошо ли, а должно было быть выполнено мною самимъ.

13 Февраля я пріѣхалъ въ Нижній и нашелъ тамъ доктора Неймана и топографа, фельдшеръ же Антоновичъ отправился уже въ Среднеколымскъ.

Мои товарищи тоже не бездѣйствовали. Нейманъ прилежно дѣлалъ магнитныя наблюденія, а также пытался дойти до Медвѣжьихъ острововъ, гдѣ онъ хотѣлъ повторить наблюденія на томъ же самомъ мѣстѣ, на которомъ Врангель замѣтилъ отклоненіе магнитной стрѣлки въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Однако Нейману это не удалось, потому что постоянныя снѣжныя бури принудили его вернуться обратно съ Малаго Чукочьяго, расположеннаго нѣсколько къ западу отъ устья Колымы. Топографъ нанесъ свой маршрутъ на отчетную карту, такъ что мы имѣли возможность еще разъ, втроемъ, досконально переговорить о всѣхъ добытыхъ до сихъ поръ данныхъ и переработать ихъ на основаніи нашихъ записныхъ книжекъ. Къ сожалѣнію впоследствии, при составленіи карты въ Петербургѣ, топографъ снова вернулся къ своимъ ошибочнымъ взглядамъ (относительно неправильности

которых онъ соглашался съ нами раньше) и такимъ образомъ внесъ неточности въ карту Генеральнаго Штаба. Наши довольно значительныя колекціи пришлось пересмотрѣть, высушить, провѣтрить и упаковать, однимъ словомъ, хлопотъ было у насъ достаточно. Кромѣ того мнѣ предстояло исполнить нѣкоторыя служебныя дѣла, накопившіяся во время моего отсутствія; въ числѣ ихъ особенно много труда и хлопотъ доставляла мнѣ постройка запасныхъ магазиновъ въ деревняхъ на Нижней Колымѣ. Однимъ словомъ, жаловаться на скуку не приходилось.

Рыбный ловъ былъ, если не очень прибыльный, то во всякомъ случаѣ настолько удачный, что для меня былъ приготовленъ достаточный запасъ рыбы на тотъ случай, если бы я предпринялъ поѣздку на востокъ; поэтому я могъ отправить впередъ, къ мысу Эрри, необходимое количество пищи для собакъ. Среди всевозможныхъ хлопотъ и приготовленій въ дальнее путешествіе быстро протечало время и вновь начали собираться купцы на Анойскую ярмарку. Она должна была начаться въ концѣ марта, а по окончаніи ея я хотѣлъ сдѣлать послѣднюю попытку достигъ мыса Пээкъ. Надеждъ на благоприятный результатъ было мало, но попытаться все же слѣдовало. Нейманъ имѣлъ въ виду отправиться еще разъ, тотчасъ послѣ ярмарки, съ Анюя на Медвѣжьи острова. Топографъ долженъ былъ поѣхать съ ламутами, прибывшими на ярмарку съ верхняго теченія Омолона, чтобы снять возможно болѣе полную карту этой рѣки. Ему надо было постараться, пройдя поперекъ страны, проникнуть какъ можно далѣе вверхъ на Омолонъ, а затѣмъ спуститься по нему на лодкѣ до Колымы. Наконецъ фельдшеру было поручено остаться въ Среднеколымскѣ и съ весны приняться за составленіе возможно болѣе полной колекціи шкурокъ. Такимъ образомъ на долю каждаго выпала часть работы на остатокъ зимы и на весну. Въ іюнѣ всѣ мы должны были снова встрѣтиться въ Среднеколымскѣ, чтобы переговорить объ обратномъ путешествіи въ Якутскъ. Еще до начала ярмарки прибылъ я въ Островное, чтобы принять списки по переписи. Въ нихъ значилось около 900 душъ обоюго пола, но

списки были составлены въ высшей степени неполно. Случалось, что нѣкоторыя семьи приводились по два раза, но эту ошибку легко можно было исправить, такъ какъ Амвраоргинъ и всѣ счетчики находились на лицо. Труднѣе было пополнить пробѣлы, потому что хотя и было извѣстно, что въ томъ или другомъ мѣстѣ должно быть больше семей, чѣмъ значилось, но никто не могъ сказать навѣрное сколько ихъ не доставало и изъ сколькихъ членовъ онѣ состояли. Несмотря на всѣ эти недостатки, я все-же остался очень доволенъ полученными результатами. Въ то время я заботился не столько о вѣрности числовыхъ данныхъ, сколько о введеніи самой системы переписи, ставившей чукчей въ одинъ рядъ съ остальными инородцами. Со сборомъ ясака вначалѣ тоже обстояло не все благополучно: старикъ Амвра оргинъ пришелъ ко мнѣ смущеннымъ и заявилъ, что онъ отдалъ самыя строгія приказанія, чтобы собрать необходимое число родвугъ, но что дѣло это слишкомъ ново и непривычно, поэтому не все исполнено какъ слѣдуетъ, — съ одной стороны сами родвуги плохи, а съ другой ихъ мало доставлено. Вслѣдствіе этого онъ хотѣлъ попробовать закупить бобровыхъ и лисьихъ шкуръ, чтобы пополнить недостающее; послѣднее онъ дѣйствительно и исполнилъ. Когда онъ явился ко мнѣ со всѣмъ ясакомъ, оказалось, что большая часть родвугъ была плохого качества, а недочетъ не вознаграждался малымъ количествомъ представленныхъ мѣховъ. Поэтому я предложилъ ему продать все съ аукціона, чтобы такимъ образомъ оцѣнить недостающее, такъ какъ каждому взрослому человѣку приходилось платить по 1 рублю, а за cadaго недостигшаго 16-лѣтняго возраста по полтиннику. Былъ назначенъ аукціонъ, который благодаря упорству двухъ купцовъ принялъ для чукчей столь благоприятный оборотъ, что можно было заплатить не только весь ясакъ этого года, но осталось кое-что и для будущаго. Это была очень забавная исторія: объявили аукціонъ, на который явились почти всѣ купцы, но, повидимому, никто изъ нихъ не хотѣлъ покупать съ молотка родвугъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были очень хороши, а большая часть, какъ уже сказано, очень малоцѣнны.

Наконецъ одинъ молодой купецъ заявилъ, что онъ возьметъ шкуры, если не потребуютъ, чтобы онъ уплатилъ за нихъ тотчасъ же наличными деньгами; онъ предложилъ выдать асигновку на получение съ казны за поставку товара денегъ, которыя ему предстояло получить въ июль, въ Якутскѣ. На это я могъ согласиться и совѣтовалъ уже Амвраоргину принять его предложеніе, которое при нежеланіи другихъ купцовъ купить товаръ, не будучи очень выгоднымъ, тѣмъ не менѣе было сносно. Амвраоргинъ далъ или только что хотѣлъ дать свое согласіе, какъ дверь открылась и вошелъ еще одинъ купецъ, Николай Бережневъ. Онъ сказалъ, что не былъ вовремя увѣдомленъ объ аукціонѣ и спросилъ, что было предложено за родуги. Купившій эти послѣднія молодой купецъ Гаврилъ Соловьевъ замѣтилъ, чтобы онъ не беспокоился, такъ какъ шкуры остались за нимъ. Бережневъ, нѣсколько обидчивый и вспыльчивый человѣкъ, нашелъ это заявленіе неумѣстнымъ и очень вѣжливо обратился ко мнѣ съ вопросомъ, исключенъ ли онъ изъ участія въ публичномъ торгѣ? Я, конечно, предоставилъ и ему право принять участіе въ аукціонѣ. Тогда-то началось наддаваніе цѣны на перебой сначала между Бережневымъ и Соловьевымъ, а затѣмъ и со стороны остальныхъ купцовъ, которые, хорошо зная Бережнева, находили удовольствіе подзадоривать его. Когда Бережневъ, наконецъ, назначилъ шальную цѣну, все смолкло и онъ увидѣлъ себя обладателемъ всѣхъ шкуръ; если я не ошибаюсь, каждая шкура обошлась ему въ среднемъ по 1 руб. 80 коп., тогда какъ дѣйствительная стоимость ея была приблизительно вдвое ниже. На Бережнева посыпалась масса насмѣшекъ, съ которыми онъ вполнѣ и соглашался, когда улеглась его горячность; Амвраоргинъ же былъ очень доволенъ, что такъ удачно вышелъ изъ непріятнаго положенія.

На ярмаркѣ этотъ разъ расторгвались очень выгодно; Брагинъ изъ Гижигинска однако не прибылъ, такъ что о дѣлахъ съ этимъ мѣстечкомъ не удалось узнать ничего новаго. На этотъ разъ тоже были состязанія между чукчами, но на бѣгахъ Амвраор-

гинъ имѣлъ непріятность придти къ цѣли четвертымъ. Его знаменитыхъ бѣгуновъ съѣли волки на Анадырѣ, а за краткостью времени онъ не имѣлъ возможности обзавестись другими животными. Для меня это обстоятельство было доказательствомъ того, что его олени были въ то время дѣйствительно самыми лучшими; прежде я полагалъ, что чукчи только изъ вѣжливости позволяли ему постоянно выигрывать.

4 Апрѣля я снарядилъ топографа Аеонасьева съ ламутами къ югу, 6-го числа — Неймана на сѣверъ, а 7-го — отправился самъ на востокъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Новая попытка достигъ мыса Пээкъ и обратное путешествіе въ Якутскъ.

Въ теченіе долгаго времени оставалось нерѣшеннымъ будетъ ли меня сопровождать Амвраоргинъ или нѣтъ. Съ одной стороны у него было большое желаніе принять участіе въ поѣздкѣ, съ другой же — ему предстояло много дѣла дома; такимъ образомъ онъ долго колебался. Конецъ этому колебанію положило то обстоятельство, что тотчасъ же перейти черезъ Кольму выразило желаніе гораздо бѣльшее количество чукчей, чѣмъ онъ ожидалъ. Въ виду того, что среди нихъ были также и обитатели нижняго теченія Анадыра, нужно было принять необходимыя мѣры, чтобы изъ за переселенія, въ концѣ концовъ, не вышло ссоръ и пререкашій съ якутами и тунгузами, которые съ давнихъ временъ жили въ Большой тундрѣ; вслѣдствіе этого Амвраоргинъ предпочелъ остаться со своимъ народомъ и наблюдать за порядкомъ. Но для сопровожденія меня онъ назначилъ чукчу, по имени Петръ Манголъ, который бывалъ на мысѣ Пээкъ уже нѣсколько разъ и на котораго, по словамъ Амвраоргина, я могъ положиться столько-же, сколько и на него самого. Кромѣ того Тинеймитъ тоже вызвался сопутствовать мнѣ.

Такимъ образомъ составилось вновь довольно большое общество и въ началѣ казалось, что путешествіе имѣеть большіе шансы на успѣхъ; но время отъ времени появлялось опасеніе, что было уже поздно и поѣздку не удастся довести до конца. Последняго отрицать было нельзя. Съ другой стороны при болѣе длинныхъ весеннихъ дняхъ можно было дѣлать большіе переходы; снѣжныя бури представляли тоже меньше затрудненій, чѣмъ въ темное время, когда сравнительно незначительная буря уже принуждаетъ останавливаться, благодаря тому, что она еще болѣе усиливаетъ темноту и не позволяетъ ничего видѣть. Такимъ образомъ мы могли рассчитывать на благопріятный исходъ, если только ранніе восточные вѣтры не принесутъ намъ неожиданной оттепели. Однако заставляло подумать то обстоятельство, что изъ Колымска мы не могли запасть кормомъ для собакъ на все путешествіе, а должны были надѣяться въ этомъ отношеніи на прибрежныхъ чукчей. При путешествіи на собакахъ въ ненаселенныхъ мѣстностяхъ приходится везти съ собою весь запасъ корма, потому что по самому свойству этихъ поѣздокъ нельзя, какъ извѣстно, въ теченіе долгаго времени получать поддержку среди окружающей природы, а это обстоятельство крайне затрудняетъ путешествіе. Сотня рыбъ, такъ называемыхъ селедокъ, вѣситъ пудъ; весною на каждое животное нужно считать по крайней мѣрѣ отъ 6 до 8 рыбъ, что составляетъ на нарту въ 14 собакъ два съ половиною пуда ежедневно. Хотя нарты и можно грузить 40—50 пудами, но въ такомъ случаѣ посадить на нее пассажира или положить другой багажъ уже нельзя, да и двигается такая тяжелая нарта едва 40 верстъ въ день; мы же должны были ѣхать какъ можно скорѣе, а потому не могли и думать нагружаться такъ тяжело кормомъ для собакъ. Вслѣдствіе этого было приказано, чтобы насъ сопровождали нарты съ провіантомъ; такимъ образомъ наши собственные запасы могли оставаться нетронутыми до мыса Эрри; кромѣ того въ извѣстныхъ пунктахъ, начиная съ Большой Баранихи, дѣлались склады пищи, чтобы обезпечить намъ обратный путь отъ этой рѣки до устья Колымы. Итакъ,

въ-поѣздкѣ отъ мыса Эрри на востокъ мы должны были обойтись тѣми запасами, которые везли съ собою. Но и это было уже невыполнимо: путешествіе слишкомъ длинно для того, чтобы на все время поѣздки можно было запасти пищу. Совершенно справедливо, что Врангель проникъ на собачьихъ нартахъ до Колючинской губы, но въ его распоряженіи находилась дѣлая зима и онъ имѣлъ возможность устроить болѣе значительные склады далѣе, чѣмъ до мыса Пээкъ; однимъ словомъ, онъ могъ проникнуть такъ далеко благодаря тому, что его приготовленія были болѣе обширны. Я не былъ зимою въ Колымскѣ, поѣздку на востокъ на нартахъ я еще тогда не рѣшилъ окончательно, а потому не было причины дѣлать заблаговременно обширныхъ приготовленій; когда же я пріѣхалъ наконецъ весною въ Нижній, то было уже поздно, да нельзя было и найти необходимое мнѣ количество корма для собакъ. Поэтому я рассчиталъ запасы такъ, чтобы выйти съ ними до Рыр-кайпи. Здѣсь по собраннымъ мною свѣдѣніямъ я долженъ былъ найти значительное число палатокъ осѣдлыхъ чукчей. Если бы оказалось, что они могли снабдить меня рыбой и тюленийной, то моя поѣздка до мыса Пээкъ была бы обезпечена, въ противномъ же случаѣ мнѣ пришлось бы вернуться. Но какъ сложатся обстоятельства ко времени прибытія нашего въ Рыр-кайпию, никто мнѣ не могъ объ этомъ сказать: носовые чукчи, собравшіеся на ярмарку, не проѣзжали по морскому побережью и не имѣли свѣдѣній на счетъ улова рыбы въ Ледовитомъ океанѣ. Въ виду того, что они совершаютъ свои ежегодныя поѣздки необыкновенно медленно и покидаютъ морское побережье всегда въ такое время, когда виды на зиму еще не выяснились, они могли высказывать только предположенія, которыя были къ тому же настолько противорѣчивы, что изъ нихъ нельзя было сдѣлать никакого вывода. Такимъ образомъ наша поѣздка была путешествіемъ на авось: намъ, конечно, могло улыбнуться счастье, но нельзя было рассчитывать на вѣрное.

Манголь предоставилъ себя въ мое распоряженіе уже въ Островномъ, Тинеймитъ же уѣхалъ впередъ къ мѣсту своего

жительства на верхнемъ теченіи Погиндена; тутъ я долженъ былъ его встрѣтить, чтобы дальше отправиться вмѣстѣ. Уже всѣ покинули мѣсто ярмарки, когда 8 апрѣля я очень трогательно разстался со старикомъ Амвраоргинымъ. Болѣе года мы провели другъ съ другомъ въ самомъ добромъ согласіи и ему, очевидно, было тяжело прощаться навсегда. Въ качествѣ послѣдняго дара онъ принесъ мнѣ кольчугу Павлущкаго, которая находилась въ его семействѣ, насколько онъ могъ припомнить, со времени дѣда. О смерти Павлущкаго онъ не могъ мнѣ ничего рассказать или не желалъ этого по какимъ-то ему одному извѣстнымъ причинамъ, но онъ утверждалъ, что кольчуга принадлежала майору; по всей вѣроятности оно такъ и было. Она состояла изъ очень искусно вложенныхъ другъ въ друга желѣзныхъ колецъ и напоминала собой родъ панцирей, которые носили сподвижники Ермака Тимофѣевича и первые продолжатели его дѣла. Въ западной Сибири такихъ кольчугъ было найдено нѣсколько, въ восточной же онѣ крайне рѣдки. Во всякомъ случаѣ онѣ были уже неизвѣстны завоевателямъ Колымы. Только про Павлущкаго рассказывается, что въ своихъ походахъ онъ всегда носилъ подобный кольчатый панцирь. Принимая въ расчетъ съ одной стороны то обстоятельство, что такая кольчуга у него дѣйствительно была украдена, а съ другой, что сраженіе, въ которомъ онъ погибъ благодаря измѣнѣ сотоварищей, было единственнымъ, въ которомъ чукчи одержали верхъ надъ русскими, не подлежитъ сомнѣнію, что кольчуга эта принадлежала ему. Я принесъ ее въ даръ Иркутскому музею, гдѣ она погибла во время пожара 1879 г.

Нашъ путь лежалъ сначала вверхъ по Погиндену. Этотъ правый притокъ Малаго Анюя впадаетъ въ послѣдній ниже Лабугена и имѣетъ три главныхъ истока, которые всѣ носятъ тоже имя. Мы избрали средній, шли по нему до его истоковъ, затѣмъ перебрались черезъ довольно высокій горный хребетъ, — а отсюда достигли западнаго, болѣе длиннаго Погиндена, вверхъ по которому мы слѣдовали до тѣхъ поръ, пока не дошли до мѣста

стоянки Тинеймита. Онъ разбилъ свою палатку недалеко отъ границы древесной растительности, среди мѣстности, занятой его многочисленными оленьими стадами. Путь, по которому мы ѣхали, ничѣмъ не отличался отъ пройденнаго нами раньше въ области, лежащей между двумя Анюями: повсюду находились очень узкія долины рѣкъ, поросшія лиственницей, которая однако не достигала гребня горъ. Можно было замѣтить, что чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ стволы деревъ становились все тоньше и короче; сколько было среди нихъ съ засохшими верхушками, зимой было опредѣлить невозможно. Возвышенность между первымъ и вторымъ Погинденами представляла широко раскинутую плоскую сѣдловину (барометръ 26,97; термометръ — 8,5), такъ что, проѣзжая на нартахъ, мы не могли видѣть находящихся по сторонамъ и покрытыхъ лѣсомъ долинъ, что почти всегда было возможно въ другихъ случаяхъ. Мѣстопробываніе Тинеймита имѣло большое сходство со стоянкой Амвраоргина, но палатка была значительно меньше и все устройство было проще. Тѣмъ не менѣе громадное число оленей, пасшихся по склонамъ горъ, свидѣтельствовало о благосостояніи владѣльца, что было уже видно изъ щедрости, съ какою онъ дозволилъ моимъ людямъ убивать столько оленей, сколько они сочтутъ нужнымъ. Впрочемъ я пользовался всѣмъ этимъ не даромъ, потому что условился платить за каждое предоставленное мнѣ животное по пяти папушъ табаку. Черкасскій табакъ продается связками, или такъ называемыми папушами; на каждый фунтъ приходится, смотря по сорту табака, отъ двухъ до четырехъ папушъ. Амвраоргину я платилъ большими связками, а потому за cadaго оленя считалъ по три папуши, тутъ же у меня были маленькія пачки, а потому за каждую голову требовали по пяти. Хотя счетъ и вели такимъ образомъ, но только приблизительный: считали собственно оленей, служившихъ кормомъ собакамъ, тѣхъ же, которыхъ израсходовали люди, прибывшіе на нартахъ съ запасами за нѣсколько дней до меня, въ расчетъ вовсе не принимали. Когда мы закончили всѣ наши приготовленія къ отъѣзду и весь нашъ багажъ былъ упа-

кованъ и уложенъ на нарты, оказалось, что людямъ понадобилось еще нѣсколько оленей для продовольствія въ пути. Такъ какъ было очевидно, что это дѣлалось исключительно съ цѣлью не упустить удобнаго случая поживиться, то я не захотѣлъ снова развязывать табакъ, а потому не исполнилъ ихъ просьбы; впоследствии я узналъ, однако, что люди тѣмъ не менѣе захватили съ собой около десяти оленей, за которыхъ, такимъ образомъ, не было заплачено. Когда я пожелалъ покрыть и этотъ расходъ, Тинеймитъ просто отказался принять плату, заявляя, что нѣсколькими животными болѣе или менѣе не составляетъ для него никакого расчета; однимъ словомъ, во время нашего пребыванія было доставлено, по всей вѣроятности, много мяса, за которое вовсе не было уплачено. Впоследствии, во время путешествія, я завелъ объ этомъ предметѣ разговоръ съ Тинеймитомъ и предостерегалъ его отъ бесполезной расточительности, ставя ему на видъ, что такимъ путемъ люди скоро значительно уменьшатъ его стада. На мое замѣчаніе онъ только разсмѣялся и сказалъ, что до этого еще далеко и что онъ можетъ кормить голодныхъ людей и безъ особаго ущерба въ хозяйствѣ.

Вечеромъ 10-го апрѣля мы пріѣхали къ Тинеймиту. Въ субботу, 11-го, я снарядилъ тяжелыя нарты съ кладью, которыя не могли бы поспѣвать за нами; 12-го, Пасхальное воскресенье, я провелъ еще у моего хозяина, въ сопровожденіи котораго выѣхалъ 13-го. Намъ предстояло слѣдовать вверхъ по Погиндену до его истоковъ, а затѣмъ, перейдя черезъ горный хребетъ, выйти на истоки лѣваго притока Малой Баранихи, спускаясь по которой, мы хотѣли добраться до побережья Ледовитаго океана. Черезъ 12 верстъ лѣсъ исчезъ и на сѣверномъ склонѣ хребта болѣе уже не появлялся: мы достигли сѣвернаго предѣла древесной растительности. Хребетъ повышался постепенно и такъ же полого спускался на сѣверной сторонѣ. Проѣхавъ 62 версты, мы остановились на ночлегъ уже въ области Малой Баранихи, устья которой мы достигли на слѣдующій день, 14 апрѣля, сдѣлавъ приблизительно еще 60 верстъ. Побережье Ледовитаго океана

представляло здѣсь равнину, возвышавшуюся къ западу и, насколько можно было видѣть, заканчивавшуюся высокою вершиной Большаго Баранова Камня, который получилъ свое названіе отъ каменныхъ барановъ (*Ovis nivicola*), встрѣчающихся тамъ, по рассказамъ, въ большомъ количествѣ. На востокъ же мы видѣли передъ собою исключительно плоскую равнину и только въ отдаленіи, на самой крайней точкѣ горизонта, замѣтны были болѣе возвышенныя гряды. Намъ предстояла дорога, по которой шелъ Врангель и которую онъ въ своемъ путешествіи описалъ настолько точно, что не было уже возможности сказать о ней что нибудь новое. На слѣдующій день мы продолжали наше путешествіе, смотря по обстоятельствамъ, то по морскому льду, то по берегу. Ѣхать по льду не всегда удобно, потому что на немъ довольно часто выступаютъ кристаллы соли, по которымъ полозья нартъ скользятъ лишь съ большимъ трудомъ. 15 Апрѣля пріѣхали мы къ часовнѣ при устьѣ Большой Баранихи, гдѣ въ одномъ изъ строеній нашли пріютъ на ночь. Большая Бараниха течетъ съ юга на сѣверъ, но передъ впаденіемъ въ Ледовитый океанъ она дѣлаетъ крутой изгибъ на востокъ, протекая въ этомъ направленіи около десяти верстъ и оставляя между собою и моремъ узкую полосу земли всего въ двадцать сажень шириною. Въ то время, когда чукчи жили еще въ значительномъ числѣ на Чаунской губѣ и на островѣ Айокѣ, одинъ купецъ, по фамиліи Трифоновъ, выстроилъ, какъ уже было сказано, въ устьѣ Баранихи жилой домъ со службами, чтобы торговать отсюда съ богатыми владѣльцами стадъ. Впослѣдствіи онъ выстроилъ тутъ вышеуказанную маленькую часовню, въ которой въ теченіе многихъ лѣтъ мисіонеръ Аргентовъ совершалъ богослуженіе и старался обратить въ христіанство чукчей, среди которыхъ онъ жилъ. Результаты его стараній оказались на дѣлѣ ничтожными, но, насколько я могъ собрать свѣдѣнія относительно этого обстоятельства, не онъ виноватъ въ томъ, что такъ хорошо начатое дѣло въ концѣ концовъ потерпѣло полную неудачу. Всегда должно пройти много времени прежде, чѣмъ подобныя, разсѣян-

ные среди язычниковъ провозвѣстники духовнаго просвѣщенія могутъ разсчитывать на хорошіе результаты и, какъ мнѣ кажется, ихъ и не слѣдуетъ ожидать отъ того поколѣнія, которое мисіонеры застали выросшимъ. Проходитъ много лѣтъ, пока они основательно изучаютъ языкъ и нравы людей, къ которымъ посланы, и въ теченіе этого времени они совершенно не имѣютъ возможности оказывать вліяніе въ направленіи своей спеціальной задачи. Помимо этого духовное общеніе съ взрослымъ населеніемъ крайне затруднительно по причинѣ преобладанія среди него обыденныхъ, матеріальныхъ интересовъ, и даже при знаніи языка мисіонерамъ очень трудно достигъ какихъ либо результатовъ. Совершенно иначе дѣло обстоитъ съ дѣтьми, которыя растутъ на ихъ глазахъ и на которыхъ они имѣютъ возможность вліять; но для этого они должны постоянно жить среди того народа, обратитъ который въ христіанство они поставили себѣ задачей. Аргентовъ такъ и поступалъ; память о немъ и до сихъ поръ еще живетъ среди чукчей. Когда же онъ былъ отозванъ, замѣстившій его мисіонеръ счелъ для себя болѣе удобнымъ поселиться въ Нижнеколымскѣ, а на Большую Бараниху ѣздить для богослуженія всего разъ въ годъ. Между тѣмъ чукчи все болѣе и болѣе подвигались на западъ, мѣстность вокругъ Баранихи совершенно опустѣла, а ежегодныя поѣздки мисіонера стали чисто официальными и совершались только для того, чтобы можно было сказать, что онъ что нибудь да дѣлалъ. Такимъ образомъ доброе начало, положенное Аргентовымъ, изучившимъ языкъ чукчей, погибло благодаря бездѣятельности его преемника: даже крещенные чукчи остались совершенными язычниками, потому что и они не имѣли абсолютно никакого понятія о христіанскомъ ученіи и принадлежность ихъ къ православію выражалась только въ имени, полученномъ ими при крещеніи. Я имѣлъ долгую бесѣду на эту тему съ Тинеймитомъ, Манголомъ и еще съ нѣсколькими встрѣченными тутъ чукчами какъ разъ передъ старой церковью на Баранихѣ. Передъ тѣмъ рѣчь шла объ ихъ собственныхъ религіозныхъ воззрѣніяхъ, при чемъ выяснилось, что таковыхъ

у нихъ, собственно говоря, вовсе не было. Казалось, правда, что они вѣрили въ загробную жизнь, но я слышалъ о ней такія противорѣчивыя мнѣнія, что не могъ составить себѣ яснаго представленія объ ихъ взглядахъ на этотъ предметъ. Въ моемъ отвѣтѣ на запросы академика Бэра я сообщилъ все, что могъ узнать о религіозныхъ вѣрованіяхъ чукчей и результатъ оказался очень плачевнымъ. Онъ вполне резюмировался словами Тинеймита: передъ нами все темно и мы ничего не знаемъ. Поэтому, продолжалъ онъ, мы желаемъ имѣть у себя духовное лицо; пришлите его намъ, ему нечего опасаться, ему будетъ у насъ очень хорошо, такъ хорошо, какъ мы будемъ въ состояніи это устроить; пусть онъ не думаетъ, что ему придется тутъ голодать: мы охотно доставимъ ему все, въ чемъ онъ нуждается; для насъ, стариковъ, конечно уже поздно, мы ничего не въ состояніи болѣе понять, но нашимъ дѣтямъ будетъ очень полезно слышать его поученія. Это говорилось съ полнымъ убѣжденіемъ и съ такою теплотою, которая представляла разительный контрастъ съ обыкновеннымъ флегматическимъ спокойствіемъ этого человѣка; его земляки тоже присоединялись къ этимъ заявленіямъ и постоянно настаивали на томъ, что мисіонеръ непременно долженъ жить среди нихъ, чтобы его вліяніе имѣло успѣхъ. Аргентову пришлось испытать въ послѣдствіи много нападокъ; я не могу судить справедливы онѣ были или нѣтъ, но мнѣ кажется, что въ вышеупомянутыхъ заявленіяхъ чукчей нужно видѣть несомнѣнные слѣды его вліянія: несмотря на большое число лѣтъ, прошедшихъ съ его отъѣзда, можно и теперь видѣть, что труды его не пропали даромъ.

Отъ Большой Баранихи берегъ моря поворачиваетъ на сѣверо-востокъ, но, какъ и до этого мѣста, остается плоскимъ. Мы перешли черезъ двѣ маленькія рѣчки, черезъ Мышкину и Хоюянку, и вышли, наконецъ, къ мелкому проливу, отдѣляющему большой островъ Айоку — бывшее отечество чукчей — отъ материка. Этотъ проливъ по чукотски называется Айока-Пелинткиръ, что значитъ проливъ Айока; говорятъ, что онъ такъ мелокъ, что лѣтомъ въ тихую погоду черезъ него можно пере-

ѣхать на лошади. По русски этотъ проливъ называется Травяной протокой, потому что, по рассказамъ людей, дно его поросло травою. Эти рассказы, по всей вѣроятности, основаны на ошибкѣ, но очевидно, что прежде островъ Айока соединялся въ этомъ мѣстѣ съ материкомъ и только морскія волны и ледъ мало по малу раздѣлили ихъ. Полоса земли между моремъ и Чаунской губой носитъ совершенно тотъ же характеръ, какъ и самъ островъ Айока; путь, который проложило себѣ море, длиненъ и извилистъ, однимъ словомъ не подлежитъ никакому сомнѣнiю, что прежде Чаунская губа имѣла только одно соединенiе съ моремъ, именно къ востоку отъ Айоки. Отъ западнаго угла материка, носящаго названiе мыса Песчанаго, ближайшiй для насъ путь лежалъ поперекъ острова или вдоль его восточнаго берега, но мы предпочли болѣе далекiй по южному берегу, потому что островъ, благодаря кочкамъ и кустарникамъ, трудно проходимъ, а сѣверный берегъ почти постоянно загроможденъ торосами, въ самой же бухтѣ можно ѣхать по гладкому льду. Островъ Айока совершенно плоскiй и поднимается надъ поверхностью моря на высоту всего 50—60 футовъ, образуя при этомъ вдоль южной своей стороны низкую береговую полосу, совершенно напоминающую противолежащiе ей западный и сѣверный берега материка. Поверхность острова, какъ было уже сказано, представляетъ кочковатое болото, доставляющее оленямъ очень хорошiй кормъ; по этой причинѣ чучки и въ настоящее время часто избираютъ его своимъ лѣтнимъ мѣстопребыванiемъ: обильный ивовый кустарникъ, которымъ поросли его болота, служить лѣтомъ отличной пищей для животныхъ. По срединѣ острова находится углубленiе, въ которомъ весною вслѣдствiе таянiя снѣга собирается вода въ видѣ озера, стекающаго двумя рукавами къ сѣверу и къ югу. На картѣ Врангеля это такъ и изображено. Послѣдующiе чертежники, имѣя въ виду линiю, обозначающую эти рукава, сдѣлали заключенiе, что островъ состоитъ изъ двухъ частей, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Кромѣ имени Айока, островъ носитъ еще названiе Сабадей, но послѣднее въ настоящее время

употребляется, повидимому, довольно рѣдко, потому что мнѣ называли его почти всегда Айокой. До сихъ поръ была почти постоянно ясная погода, теперь же начались туманы и въ ночь съ 17-го на 18-е апрѣля, когда мы ѣхали по южному берегу острова, туманъ былъ такъ силенъ, что мы съ трудомъ могли разсмотрѣть что нибудь вокругъ себя. Наконецъ, доѣхавъ до восточной оконечности острова, мы должны были рѣшиться переѣхать черезъ море на авось. Мы взяли по компасу направленіе на Руйту — довольно высокій скалистый берегъ материка, передъ которымъ расположены два маленькихъ острова того же имени и который на картѣ Врангеля носитъ названіе Араутанъ — и поѣхали туда въ потемкахъ. Море было гладко какъ зеркало и наша поѣздка, несмотря на темноту, удалась вполне. Когда къ утру начало нѣсколько свѣтать мы могли различить на горизонтѣ темныя скалы Руйты и ориентироваться уже по нимъ. Скалистая цѣпь, которая тянется вдоль восточнаго побережья Чаунской губы, къ югу отъ мыса Матюшкина подходитъ къ самому берегу и сопровождаетъ послѣдній до мыса Эрри или, правильнѣе, Ырри, какъ чукчи называютъ мысъ Шелагскій. Мы ѣхали вдоль этой цѣпи скалъ, потому что не рѣшались взять прямое направленіе черезъ море по случаю все еще продолжавсягося тумана. Вдоль берега моря тянется узкая полоса ровной земли, которая, по рассказамъ, въ прежнее время была усѣяна большимъ количествомъ чукотскихъ палатокъ; теперь же въ шести верстахъ отъ мыса Эрри мы нашли всего двѣнадцать палатокъ, представлявшихъ изъ себя остатки нѣкогда густаго населенія. Если ближе всмотришься въ окружающую мѣстность, то, конечно, не удивишься, что чукчи предпочли перенести мѣста своего жительства далѣе на западъ: мѣстность, дѣйствительно, непривлекательна. Мы должны были оставаться тутъ въ теченіе двухъ дней, потому что сильныя сѣверо-западные вѣтра дѣлали дальнѣйшую поѣздку невозможною. Палатки (которыя были устроены точно также какъ и у чукчей-оленоводовъ, но имѣли очень маленькіе размѣры, а нижніе края кожъ, покрывавшихъ наружную палатку были при-

давлены къ землѣ камнями) такъ и трещали подъ буйными порывами вѣтра и каждую минуту можно было опасаться, что ихъ сорветъ. Тѣмъ не менѣе изъ спокойнато равнодушія хозяевъ можно было заключить, что большой опасности не представлялось. Они говорили, что такіе вѣтры у нихъ обыкновенное явленіе, совершенно же безвѣтренные дни очень рѣдки. Отъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ ихъ защищала до извѣстной степени высокая горная цѣпь, вслѣдствіе чего они и предпочли материкъ острову Айокѣ, гдѣ отъ вѣтра вовсе нельзя было укрыться. О силѣ тамошнихъ бурь можно было заключить уже по полному отсутствію снѣга, какъ на побережьи, такъ и на горахъ: передъ нами разстился черный оголенный берегъ, который былъ чище, чѣмъ хорошо выметенная улица большаго города. Въ остальномъ чукчи были совершенно довольны мѣстомъ своего жительства. Какъ въ самой губѣ, такъ и при выходѣ изъ нея, гдѣ они жили, рыба была не только въ достаточномъ, но и въ большомъ количествѣ; тюлени и моржи — послѣдніе, однако, только до мыса Руйта, который чукчи называли также Пээкъ — встрѣчались тоже въ изобиліи; такимъ образомъ, по ихъ словамъ, они никогда не терпѣли недостатка. Это казалось намъ много обѣщающимъ, а потому я попробовалъ закупить у нихъ корма для собакъ въ виду того, что мои запасы приходили къ концу; однако это мнѣ не удалось. Они заявили, что, знай они о такомъ случаѣ раньше, то легко могли бы сдѣлать соотвѣтственные запасы; въ настоящее же время въ ихъ кладовыхъ находится какъ разъ столько, сколько имъ нужно, чтобы просуществовать зиму, которая къ тому же приходила уже къ концу. Трудно себѣ представить какъ лѣнивъ и безпеченъ этотъ народъ: у нихъ, дѣйствительно, почти не было рыбы и при насъ они питались преимущественно тюленьимъ жиромъ, а между тѣмъ они жили на берегу моря, изобиловавшего рыбой, и легко могли бы сдѣлать богатые запасы, какъ для себя, такъ и для собакъ. Меня очень интересовало узнать отъ этихъ людей что нибудь о загадочныхъ шелагахъ, о которыхъ рассказываетъ Врангель, но о которыхъ я

не могъ собрать никакихъ свѣдѣній отъ чукчей-оленеводовъ. Изъ словъ Врангеля видно, что онъ не могъ слышать имени «шелаги» отъ чукчей, потому что онъ говоритъ: «старикъ заявилъ, что онъ потомокъ древнихъ шелаговъ, или чавановъ (какъ ихъ обыкновенно называютъ чукчи), которые много лѣтъ тому назадъ отправились вдоль морскаго побережья на западъ и болѣе уже не возвращались». Можно поэтому предположить, что Врангель узналъ о шелагахъ въ Колымскѣ отъ тамошнихъ русскихъ, а отъ чукчей старался узнать подробности объ этомъ народѣ. Трудно сказать, откуда русскіе взяли это названіе. Послѣднее упоминается впервые однимъ охотникомъ за пушнымъ звѣремъ Иваномъ Вилегинымъ, который заявилъ, что онъ зналъ нѣкоего Копая, называвшаго себя шелагомъ и говорившаго, что онъ живетъ на разстояніи приблизительно двухъ сотъ верстъ отъ Нижнеколымска. Въ этомъ мѣстѣ шелаговъ считаютъ за одно изъ племенъ чукчей. На одной картѣ того времени, начерченной въ Якутскѣ нѣкимъ Львовымъ, мысъ, который мы теперь называемъ Восточнымъ или, правильнѣе, мысомъ Пээкъ, названъ мысомъ Шелагскимъ. Но все это не объясняетъ, откуда русскіе взяли названіе, которое совершенно чуждо самимъ чукчамъ и которое, повидимому, вовсе не чукотское. Въ высшей степени вѣроятно, что вышеупомянутый Копай сказалъ Вилегину, что онъ чукча, а затѣмъ прибавилъ имя своего ерема или старшины, или своего рода, а Вилегинъ его не понялъ и исказилъ чукотское имя такимъ образомъ, что нѣтъ возможности допытаться, отъ какого слова произошло названіе шелагъ.

Несмотря на мои тщательные распросы, я ничего не могъ узнать о шелагахъ отъ чукчей, живущихъ у мыса Эрри. Они заявляли, что это слово русское, а потому значеніе его имъ неизвѣстно; по ихъ словамъ мысъ постоянно назывался Эрри и на немъ, какъ и на островѣ, всегда жили осѣдлые чукчи и чукчи-оленеводы, но послѣдніе впоследствии переселились на Анюй. Когда же Манголъ замѣтилъ, что прежде тамъ жили осѣдлые чукчи, которые говорили инымъ языкомъ, чѣмъ теперешніе, то

они съ этимъ согласились, но полагали, что они назывались не шелагами, а анкалами, такъ какъ жили на берегу моря. Вполнѣ возможно, что эскимосообразные анкалы, которые и до сихъ поръ встрѣчаются въ одиночку среди чукчей у Берингова моря, жили прежде и по берегу Ледовитаго океана; тѣмъ болѣе, что и теперь еще, на всемъ побережьѣ отъ мыса Эрри до мыса Пээкъ, находятъ остатки жилищъ, отличающихся отъ палатокъ осѣдлыхъ чукчей. Здѣшніе чукчи слышали тоже отъ своихъ предковъ, что у мыса и у Чаунской губы происходили битвы, но они положительно отрицали, что удалившаяся часть населенія переселилась въ неизвѣстныя земли за Ледовитымъ океаномъ. Они хорошо знали, что на этомъ послѣднемъ находится земля, которую всѣ они видѣли съ Якана къ востоку отъ Эрри, но столь же положительно они утверждали, что туда нельзя попасть на байдарахъ, тѣмъ болѣе, что покинувшіе ихъ земляки захватили съ собою и стада, которыя уже, конечно, нельзя было помѣстить на байдарахъ. Зимой точно также нельзя попасть на эту землю, потому что море на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея никогда не замерзаетъ. Если и одинокой нартѣ, запряженной собаками, невозможно туда перебраться, то какъ можно было совершить это путешествіе съ оленями, женщинами и дѣтьми. Чукчи рассказывали также, что ихъ исчезнувшіе единоплеменники направились къ западу по берегу и поселились сначала на Медвѣжьихъ островахъ, но затѣмъ они снова перебрались на материкъ и пошли еще далѣе на западъ; гдѣ же они въ концѣ концовъ остались, — имъ, здѣшнимъ чукчамъ, неизвѣстно.

На Анадырѣ тоже ничего не знали о шелагахъ. Такимъ образомъ это имя извѣстно исключительно со словъ Ивана Вилегина, который, по всей вѣроятности, ошибся, — и такого народа, повидимому, вовсе никогда не существовало.

20 Апрѣля мы продолжали наше путешествіе. Сначала я имѣлъ намѣреніе объѣхать вокругъ мыса Эрри по морю, такъ какъ при выходѣ изъ Чаунской губы ледъ былъ гладокъ какъ зеркало, но чукчи отсовѣтовали мнѣ это, потому что по ихъ сло-

вамъ гладкая ледяная поверхность вскорѣ послѣ того оканчивалась и вокругъ самаго мыса лежала такая масса обломковъ льда, что не было никакой возможности проѣхать на нартахъ. Вслѣдствіе этого мы избрали дорогу по сухому пути, которая отрѣзывала самый мысъ. На восточномъ побережьи Ледовитаго океана можно наблюдать такое-же самое явленіе, какое бросилось въ глаза Миддендорфу на Таймырскомъ полуостровѣ: каждый возвышенный мысъ имѣетъ передъ собою либо островъ, либо отдѣляется отъ возвышеннаго берега материка ложбиной. Особенно рѣзко выступало это явленіе у мыса Эрри. Послѣдній представляетъ изъ себя громадную скалу, круто поднимающуюся изъ моря. По Врангелю высота ея 3000 футовъ, но изъ его словъ не видно, есть-ли приводимая имъ цифра результатъ измѣренія или только глазомѣрнаго опредѣленія; впрочемъ, скала эта дѣйстви-тельно кажется очень высокою и дикою. Восточный берегъ Чаунской губы, насколько мы могли его видѣть при туманѣ, т. е. отъ мыса Руйта или Матюшкина, представляетъ хребетъ изъ чернаго глинистаго сланца. Приблизительно въ шести верстахъ къ югу отъ самаго мыса Эрри мы замѣтили пониженіе почвы, которое шло безъ замѣтнаго поднятія до моря, куда мы пріѣхали по теченію двухъ маленькихъ ручейковъ, направлявшихъ одинъ на востокъ, а другой на западъ. То же явленіе наблюдалось у всѣхъ мысовъ, которые мы встрѣчали отъ Эрри до Якана; всѣхъ ихъ можно было избѣжать такимъ путемъ, что было крайне выгодно для нашихъ усталыхъ собакъ, которымъ благодаря этому не приходилось ни тащиться по неровному льду, ни подыматься на крутые склоны.

Отъ мыса Эрри до мыса Кибера горная цѣпь, состоявшая все время изъ чернаго глинистаго сланца, подступаетъ къ самому берегу, только изрѣдка оставляя узкую полоску низменной земли, большею же частью круто опускаясь къ морю. Передъ мысомъ Киберъ расположенъ маленький островъ Ангаочка, названный Врангелемъ островомъ Шалаурова, въ память отважнаго купца, который хотя и тщетно, но съ большою настойчивостью старался

объехать мысъ Пээкъ, но здѣсь заплатился за это жизнью. Мысъ Киберъ, т. е. скала его образующая, называется у чукчей Эйчуномъ, а горный кряжъ, отъ котораго она отдѣляется ложбиной, носить названіе Перкаіона. Этотъ послѣдній идетъ на востокъ и кончается у рѣчки Вейгу-вэмъ (травянистая рѣка); отсюда начинается губа, въ которую впадаетъ рѣка Куэтъ. Биллингсъ называетъ послѣднюю Хуата; онъ прослѣдилъ ее на довольно значительномъ протяженіи. Врангель не приводитъ этого названія, но у него встрѣчается рѣка Верконъ. Такое кажущееся противорѣчіе объясняется очень просто тѣмъ, что, по словамъ чукчей, эта рѣка называется у своего устья — или вѣрнѣе у своихъ устьевъ, потому что она оканчивается довольно значительною дельтою — Веркономъ, а выше носить имя Куэтъ и принимаетъ притокъ Пейтумленъ. Очевидно, что Куэтъ и Хуата одно и то-же названіе. Дельта расположена у губы съ низкими берегами, отдѣляющейся съ западной стороны отъ моря длинною песчаной косою, которая далеко простирается къ востоку и называется Аачикъ. Къ востоку отъ устья Веркона поднимается горный кряжъ Пааоренъ, имѣющій среднюю высоту и оканчивающійся на сѣверѣ мысомъ Кекурный, отъ котораго отдѣляется опять таки ложбиной. Этотъ кряжъ получилъ свое названіе отъ возвышающихся на немъ каменныхъ столбовъ, кекуровъ; эти послѣдніе, какъ говорятъ, встрѣчаются также и на другихъ хребтахъ, но нигдѣ ихъ нѣтъ въ столь большомъ количествѣ, какъ на этомъ мысѣ. Къ юго-западу отъ мыса Кекурнаго мы нашли на низкомъ песчаномъ берегу остатки старой постройки. По угламъ квадрата въ землю были врыты вертикально четыре крѣпкихъ балки, соединенныя на верхнихъ своихъ концахъ столь же крѣпкими горизонтальными; такимъ образомъ получился остовъ, имѣвшій въ длину и ширину по три сажени, а въ вышину нѣсколько меньше. Отъ верхнихъ горизонтальныхъ балокъ съ трехъ сторонъ спускались косо къ землѣ еще по одной балкѣ; съ четвертой стороны эта косая балка свалилась и лежала на землѣ, на которой валялось еще нѣсколько чурбановъ, принадлежав-

шихъ, по всей вѣроятности, тоже строенію, потому что всѣ они носили слѣды обработки топоромъ. Не было никакого сомнѣнія въ томъ, что надъ постройкой работало значительное количество народа: балки были очень велики и несмотря на большое число лѣтъ, протекшихъ съ того времени, на старыхъ бревнахъ легко было убѣдиться, что срубались они плотниками совершенно правильно; благодаря же краткости лѣта гниеніе идетъ очень медленно. О происхожденіи этой постройки хозяинъ, у котораго мы жили на мысѣ Пээкъ, и который насъ проводилъ до этого мѣста, могъ сообщить мнѣ слѣдующее. Въ то время, когда прибылъ сюда отецъ его дѣда, тутъ находился крѣпкій домъ, который былъ обнесенъ заборомъ. Въ домѣ этомъ лежало двадцать труповъ, а всего передъ тѣмъ жило сорокъ человекъ. Двадцать человекъ отправились въ горы, чтобы добраться до чукчей, но девятнадцать изъ нихъ по дорогѣ погибли, а одинъ дошелъ до чукотской палатки, былъ тамъ принятъ, жилъ, однако, очень короткое время и вскорѣ затѣмъ умеръ, не будучи въ состояніи произнести ни одного слова. Таковъ былъ рассказъ чукчи, который самъ жилъ на мысѣ Эрри, но предки котораго были чукчами-оленеводами изъ области, лежавшей на востокъ отъ Чаунской губы (71).

Между тѣмъ виды на наше путешествіе становились менѣе утѣшительными. На мысѣ Эрри мы могли получить только небольшое количество тюленьяго жира, который представляетъ очень плохую пищу для собакъ, потому что онъ вовсе не питателенъ и можетъ служить только для того, чтобы заглушить чувство голода. Въ томъ случаѣ, если находишься недалеко отъ цѣли своей поѣздки, жиръ этотъ очень удобенъ тѣмъ, что собаки ѣдятъ его охотно и нѣкоторое время чувствуютъ себя сытыми. Вслѣдствіе этого собакъ можно кормить имъ въ теченіе двухъ или трехъ дней въ надеждѣ, что на это время хватить силъ у животныхъ, которыя въ скоромъ времени получаютъ питательную пищу; но для дальнихъ поѣздокъ жиръ не годится и въ нихъ нельзя обойтись безъ рыбы или мяса. До сихъ поръ мы могли

давать нашимъ собакамъ кромѣ жира еще отъ двухъ до четырехъ селедокъ въ день, но и этого скуднаго продовольствія не могло хватить надолго. Чукчи, стоянки которыхъ мы посѣщали по дорогѣ, ничѣмъ уже не могли подѣлиться съ нами и съ нетерпѣніемъ ждали наступленія весенняго лова; они говорили также, что, по слухамъ, въ Рыр-кайпѣ наступилъ уже голодъ. Вслѣдствіе этого мы держали военный совѣтъ, на которомъ между прочимъ разсматривался вопросъ, не съѣздить ли къ морю съ цѣлью поохотиться за медвѣдями; если бы такая охота удалась, недостатокъ въ пищѣ былъ бы устранивъ на довольно продолжительное время. Но этотъ планъ по совѣту чукчей былъ оставленъ: море у берега замерзло гладко, а болѣе высокія ледяныя горы, между которыми только и можно было надѣяться встрѣтить медвѣдей, находились отъ берега въ разстояніи приблизительно ста верстъ. Такимъ образомъ съ одной стороны нельзя было навѣрно рассчитать на удачную охоту, а съ другой — пришлось бы, при неудачѣ, возвращаться на измученныхъ собакахъ, которыя могли бы еще кое-какъ добраться до мыса Эрри, но о дальнѣйшемъ путешествіи на нихъ нельзя было бы и думать. Поэтому я рѣшился на послѣднее средство: я отослалъ обратно двѣ нарты, такъ что съ нами вмѣстѣ поѣхали только три, между которыми и была распределена оставшаяся рыба. Такъ я продолжалъ поѣздку до 25 апрѣля, когда пріѣхалъ на Яканъ въ чукотскій лагерь, который состоялъ изъ шести палатокъ. Яканъ собственно не представляетъ изъ себя мыса, какъ его часто неправильно называютъ, это только названіе береговой полосы. Здѣсь собралось довольно много чукчей, и между прочимъ были обитатели Рыр-кайпѣ, пришедшіе сюда съ цѣлью избѣжать господствовавшаго тамъ голода. Это извѣстіе вызвало съ моей стороны рѣшеніе возвратиться назадъ и отказаться отъ плана, который, по здравому обсужденію, не могъ быть выполненъ. По разсказамъ пришедшихъ оттуда людей, вокругъ Рыр-кайпѣ въ прошломъ году былъ очень неудачный ловъ; мало ловилось не только рыбы, но также тюленей и моржей. Къ тому же чукчи имѣютъ очень дурную привычку жить

съ осени не экономно и расходовать провизию въ изобиліи до тѣхъ поръ, пока погреба и кладовыя полны. Такимъ образомъ уже ко времени наступленія короткихъ дней оказался недостатокъ, а съ тѣхъ поръ, понятно, бѣдствіе продолжало расти, такъ какъ зимній ловъ на побережьи Ледовитаго океана никогда не бываетъ прибыльнымъ.

Если бы я даже заставилъ собакъ бѣжать изъ послѣднихъ силъ, давая имъ самую скудную пищу, то, конечно, съ грѣхомъ пополамъ добрался бы до Рыр-кайпи, которая и была первоначальной цѣлью моей поѣздки; но въ этомъ случаѣ были бы съѣдены послѣднія селедки, а безъ пополненія на мѣстѣ пищевыхъ запасовъ нечего было и думать какъ о продолженіи путешествія; такъ и о возвращеніи на мысъ Эрри. Но такъ какъ на такое пополненіе вовсе невозможно было рассчитывать, то нельзя было продолжать и поѣздки. Правда, чукчи полагали, что ловъ тюленей въ настоящее время, по всей вѣроятности, начался или по крайней мѣрѣ предвидѣлся въ ближайшемъ будущемъ, но даже самый удачный ловъ, по ихъ словамъ, могъ на первыхъ порахъ только удовлетворить потребности голоднаго народа и собакъ, достать же провіантъ для моей поѣздки было положительно немислимо. Чукчи основывали свои надежды относительно начала ловли на слѣдующемъ наблюденіи. Лѣтомъ въ морѣ происходитъ сильное теченіе съ востока на западъ, продолжающееся до наступленія темныхъ дней, а затѣмъ оно поворачиваетъ и направляется съ запада на востокъ. До тѣхъ поръ, пока продолжается восточное теченіе — рыба ловится хорошо; когда же оно становится западнымъ — рыба, а также и тюлени, уходятъ и ловъ прекращается. Въ данное же время скоро должно было начаться восточное теченіе, которому предшествуетъ появленіе большаго количества мелкихъ тюленей. На Яканѣ самое теченіе незамѣтно, а узнать о немъ можно только по появленію этихъ мелкихъ тюленей. То, что мнѣ сообщали здѣсь о морскомъ теченіи и его ежегодныхъ смѣнахъ, вполне согласовалось съ тѣмъ, что рассказывали объ этомъ чукчи-торговцы. Какъ извѣстно, они

торгуютъ съ кергаулами не на материкѣ Америки, а отправляются на одинъ изъ мелкихъ острововъ Св. Діомида, который они называютъ Илиромъ и который, по ихъ словамъ, населенъ иммалинами, одѣвающимися въ платье изъ птичьихъ шкуръ. Добраться до этого острова на байдарахъ крайне трудно, потому что въ это время, т. е. приблизительно въ концѣ іюня, происходитъ очень сильное теченіе на сѣверъ, легко проносящее лодки мимо острова. Вслѣдствіе этого чукчи избираютъ для переѣзда тѣ дни, когда господствуютъ сильные сѣверные вѣтры, и такимъ путемъ попадаютъ на желанный островъ несмотря на очень сильное волненіе; не рѣдко впрочемъ бываетъ, что байдары опрокидываются и пловцы тонутъ. Пангао, который зналъ эти поѣздки по собственному опыту, говорилъ мнѣ, что зимою движеніе воды въ проливѣ не имѣетъ никакого опредѣленнаго направленія, о чемъ легко заключить по ходу льдинъ; но онъ ничего не могъ сообщить мнѣ о теченіи весною.

О землѣ Врангеля чукчи могли сообщить различныя свѣдѣнія, такъ какъ всѣ они видали ее по нѣсколько разъ. Всѣ они утверждали, что съ прибрежныхъ скалъ въ ясные дни вполне отчетливо можно видѣть на горизонтѣ высокій мысъ, нѣсколько понижающійся къ западу. Позднимъ лѣтомъ снѣгъ исчезаетъ тутъ съ горъ, но остается въ ущельяхъ самыхъ высокихъ вершинъ, и тогда его можно ясно различить въ видѣ бѣлыхъ полосъ. Зимою возвышенныя точки заслоняются ледяными горами, но какъ только море очистится, онѣ становятся легко замѣтными. Еще лучше видна земля Врангеля съ того мѣста, гдѣ Яканское побережье выступаетъ далѣе на сѣверъ; мѣсто это находится отсюда приблизительно въ 15 верстахъ на востокъ. Никто, однако, изъ чукчей не достигалъ этой земли, да и до нихъ никому это не удавалось. Для поѣздки туда по водѣ ихъ байдары не годятся, а зимою точно также невозможно перебраться по льду, такъ какъ море никогда не замерзаетъ сплошь, а всегда остается открытое пространство. Время отъ времени и эта полоса покрывается льдомъ, но онъ ненадеженъ и постоянно движется.

Изъ разговоровъ съ чукчами выяснилось, что они очень хорошо были знакомы съ условіями состоянія льда на ихъ побережья, благодаря тому, что въ теченіе зимы они при всякомъ удобномъ случаѣ дѣлають попытки ловить тюленей. Вслѣдствіе этого они очень хорошо знаютъ расположеніе зимнихъ ледяныхъ горъ и отлично между ними ориентированы. Но на дальнемъ разстояніи отъ берега эта увѣренность исчезаетъ, потому что цѣпи ледяныхъ горъ не остаются неподвижными, а часто мѣняютъ мѣсто. Тутъ-то и начинается опасность, потому что гладкій ледъ между подвижными ледяными горами настолько тонокъ, что его можно проткнуть копьемъ. Однимъ словомъ, всѣ эти данныя о состояніи морскаго льда вполне совпадаютъ съ тѣмъ, что мы узнаемъ изъ путешествія Врангеля: чукчи въ своихъ поѣздкахъ могли убѣдиться въ томъ же, что наблюдалъ и онъ. Двое изъ нихъ съ большимъ жаромъ рассказывали объ одномъ приключеніи, которое случилось съ ними во время такой поѣздки по льду. Они отправились на охоту за медвѣдями и, попавъ на свѣжій слѣдъ, отъѣзжали все дальше и дальше отъ берега; наконецъ, когда начало смеркаться, они опомнились и увидѣли себя въ совершенно незнакомой имъ мѣстности. Тогда они рѣшили заночевать. Утромъ, когда разсвѣло, съ одной изъ ледяныхъ горъ они могли отчетливо видѣть горныя вершины на землѣ Врангеля, но, вернувшись къ своимъ нартамъ, замѣтили, что ледъ былъ чрезвычайно тонокъ, а потому посиѣшно возвратились назадъ. Мое возраженіе, что они могли ошибиться и принять высокія ледяныя горы за землю, они положительно отрицали, да и другіе полагали, что настоящія горы нельзя смѣшать съ ледяными. Точно также рассказывали объ одной поѣздкѣ, совершенной чукчами на байдарѣ съ цѣлю поохотиться за моржами. При этомъ люди отъѣхали отъ берега дальше, чѣмъ обыкновенно, такъ что оставались видными только возвышенныя части побережья; на землѣ Врангеля охотники тоже видѣли горы, которыя на этотъ разъ были совершенно покрыты снѣгомъ.

Этими рассказами снова буквально подтверждаются слова

Врангеля, который заявляетъ, что тамъ находится земля, но что добраться до нея на нартахъ, при обыкновенныхъ условіяхъ состоянія льда, невозможно.

Такимъ образомъ существованіе тамъ земли твердо установлено, но эта земля есть островъ Врангеля, а не сказочная земля Андреева, какъ предполагаетъ начальникъ экспедиціи «Веги». Тутъ нужно упомянутьъ объ одномъ, очень замѣчательномъ обстоятельстве. Даже въ томъ случаѣ, если бы Врангель не доставилъ намъ никакихъ свѣдѣній о существованіи суши на сѣверѣ, уже на основаніи птичьихъ перелетовъ мы должны были бы все-таки заключить о существованіи ея, и именно земли большихъ размѣровъ. Побережье Ледовитаго океана въ предѣлахъ Якутской области необыкновенно богато птицами: утками, гусями и лебедями, такъ что ловля ихъ играетъ важную роль въ хозяйствѣ жителей. Но это обиліе птицъ прерывается въ двухъ мѣстахъ побережья: одно изъ нихъ простирается отъ Омолоя на западѣ до Хромы на востокѣ, а другое начинается верстъ пятьдесятъ къ западу отъ Якана и тянется до Рыр-кайпи. На этихъ двухъ участкахъ ловъ птицъ очень незначителенъ, но тутъ можно наблюдать пролетъ большаго количества ихъ на сѣверѣ. Для участка отъ Омолоя до Хромы послѣднее обстоятельство можно было бы объяснить присутствіемъ большихъ сибирскихъ острововъ, если бы не было доказано, что на нихъ проводятъ лѣто только небольшое количество птицъ, а ббольшая часть ихъ продолжаетъ свое путешествіе густыми стаями въ сѣверо-восточномъ направленіи. Я говорилъ объ этомъ какъ въ Усть-Янскѣ, такъ и въ Русскомъ Устьѣ и Ожогинѣ съ людьми, которые по нѣсколько разъ посѣщали острова: всѣ они единогласно подтверждали сказанное. Этотъ фактъ могъ удостовѣрить также Санниковъ изъ Якутска. Изъ птицъ, которыя совершаютъ эти перелеты, упоминаются преимущественно слѣдующія: бѣлый гусь, гага, различные виды утокъ, *Tringa* и *Totanus*, т. е. иными словами, формы, либо питающіяся непосредственно растительною пищею, либо поѣдающія животныхъ, которыя живутъ на счетъ растений. На

основаніи этого слѣдуетъ заключить, что на сѣверѣ есть суша, достаточно обширная для того, чтобы производить растительность, могущую прокормить столь большое количество птицъ. Вслѣдствіе этого очень странно, что по наблюденіямъ «Жанетты» и другихъ экспедицій земля Врангеля, куда, повидимому, направляются всѣ перелетныя стаи, представляетъ изъ себя лишь островъ незначительныхъ размѣровъ. Хотя экспедиція Жанетты доказала присутствіе и другихъ острововъ, но и они, повидимому, не достаточно велики, чтобы на нихъ могла существовать удовлетворительная растительность или даже растительность вообще; къ тому же не вѣроятно, чтобы вообще мелкіе острова на Ледовитомъ океанѣ могли покрываться растительнымъ ковромъ. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло еще съ нерѣшенной загадкой.

Точно также и киты, повидимому, кое-когда появляются у Яванскаго побережья, но за ними уже болѣе не охотятся, какъ прежде. Поэтому нашъ хозяинъ продалъ мнѣ китовый гарпунъ, который пускалъ въ дѣло, можетъ быть, его отецъ, но не онъ самъ. Показавшійся китъ держится такъ далеко отъ берега, что людямъ невозможно охотиться за нимъ. Съ моржомъ дѣло обстоитъ иначе, — охота за нимъ продолжается еще и до сихъ поръ, хотя она и менѣе прибыльна, чѣмъ прежде. Это животное встрѣчается до мыса Эрри, который составляетъ западную границу его распространенія. Въ горлѣ Чаунской губы моржъ встрѣчается довольно часто, но въ самую бухту онъ не заходитъ. Последнее обстоятельство можетъ находиться въ связи съ распространеніемъ водорослей и водящихся на нихъ мелкихъ морскихъ животныхъ, которыми моржъ питается. На побережьи Ледовитаго океана до мыса Матюшкина встрѣчаются широкія водоросли, къ западу же и къ югу отъ послѣдняго мыса, какъ и во всей Чаунской губѣ, онѣ отсутствуютъ, а вмѣстѣ съ ними исчезаетъ и моржъ.

26 Апрѣля мы пустились въ обратный путь, но въ первый день сдѣлали только короткій переходъ, потому что мой казакъ

изъ Колымска, Иванъ Котельниковъ, сильно захворалъ лихорадкой. По необходимости мы должны были пріютиться въ чукотской палаткѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не оправился, хотя остановка эта была намъ вовсе не кстати. Какъ извѣстно, наши запасы шли на убыль, на чукчей же въ это время года нельзя было надѣяться, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы должны были остановиться, чувствовался недостатокъ даже въ топливѣ. Побережье довольно густо заселено, а потому плавучаго лѣса требуется больше, чѣмъ его приноситъ море: приходится долго искать прежде, чѣмъ найдешь кусокъ дерева. Не имѣя дровъ, чукчи прекрасно обходятся и безъ нихъ, намъ же они были необходимы и потому мы должны были пріобрѣтать ихъ за несоразмѣрно-большое количество табаку и желѣзныхъ ножей. Конечно, чукчи отправлялись на поиски и всегда приносили нѣсколько полгънвевъ, но заставляли оплачивать свои труды очень дорого. Намъ пришлось остаться на мѣстѣ 27-го и 28-го числа, такъ какъ лихорадка казака не прекращалась, но за то мы имѣли удовольствіе убѣдиться, что весенній ловъ начался. 28 Апрѣля можно было замѣтить, что чукчи пришли въ необыкновенное возбужденіе и движеніе: всѣ они окружили двухъ парней, которые, по-видимому, только-что вернулись съ моря. Я пошелъ туда съ переводчикомъ и увидѣлъ, что они расположились вокругъ убитаго тюленя, причемъ оживленно разговаривали и шутили; тюлень былъ небольшой и имѣлъ всего два съ половиною фута въ длину. Я узналъ, что животное составляло очень важную, обрадовавшую ихъ добычу въ томъ отношеніи, что съ появленіемъ мелкихъ тюленей несомнѣнно совпадало начало восточнаго теченія и съ этихъ поръ можно было рассчитывать на болѣе прибыльный ловъ. Въ виду того, что людямъ были необходимы преимущественно мясо и жиръ, я рассчитывалъ пріобрѣсти шкуру для моей коллекціи и предложилъ купить ее у владѣльца. Но тутъ я наткнулся на неожиданное сопротивленіе, причемъ чукча съ полного одобренія всѣхъ своихъ земляковъ объяснилъ, что онъ можетъ уступить шкуру, но только безъ черепа, потому что послѣдній дол-

жень быть принесенъ въ жертву. Никакіе разговоры не помогли, а привели только къ согласію уступить черепъ, но съ отрубленной мордой: лишить боговъ или демоновъ — точно я не могъ узнать — этой части было никакъ нельзя. Я предлагалъ табакъ, даже водку, но и эти заманчивыя вещи не помогли, такъ что я долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Всѣ эти люди необыкновенно суевѣрны, да и русскіе не мѣнѣе, чѣмъ чукчи. Мои казаки увѣряли, что черепъ перваго пойманнаго животнаго непременно слѣдуетъ посвящать нечистой силѣ, но что чукчи поступаютъ неправильно въ томъ отношеніи, что они приносятъ эту жертву отъ каждаго животнаго, чего вовсе не требуется. Старикъ Котельниковъ былъ того убѣжденія, что въ данномъ случаѣ можно было бы сдѣлать исключеніе и, въ виду столь высокой платы, продать и черепъ: можно было бы при другомъ случаѣ задобрить нечистую силу и тѣмъ застраховать себя отъ ея гнѣва.

Между находившимися тутъ чукчами мнѣ указали на одного человѣка, бывшаго прежде оленеводомъ; въ настоящее же время, потерявъ свои стада отъ ящура, онъ пришелъ на мысъ Пээкъ, чтобы заняться рыбной и тюленьей ловлей. Казалось, что онъ совершенно покорился своей горькой участи: онъ рассказывалъ, какъ его постигло несчастье и объяснилъ, что собирается на нѣкоторое время заняться чѣмъ нибудь другимъ до тѣхъ поръ, пока гнѣвъ судьбы не успокоится. Если ему не посчастливится на мысѣ, онъ собирался поступить въ услуженіе къ стадовладѣльцу пастухомъ и такимъ путемъ снова достигнуть самостоятельности. Въ тотъ моментъ, когда его постигло несчастье, онъ жилъ со своими стадами на истокахъ Малой Баранихи; Котельниковъ и переводчикъ Лыкчинъ видѣли это мѣсто, когда въ началѣ нашего путешествія поѣхали впередъ съ запасомъ пищи для собакъ. Манголь рассказалъ имъ объ этомъ происшествіи, и когда они остановились по близости на отдыхъ, свелъ ихъ къ мѣсту палатки. Уже раньше они встрѣчали въ тундрѣ значительное количество обглоданныхъ волками и лисицами оленьихъ тру-

повъ, а у палатки нашли много правильно содранныхъ шкуръ, которыя были сложены въ одну кучу. Рядомъ помѣщалось точно также правильно разрѣзанное на куски мясо животныхъ, тоже сложенное въ кучу. Въ самой палаткѣ все осталось въ томъ видѣ, какъ было при владѣльцѣ: подъ дымовымъ отверстіемъ висѣлъ котелъ, лампа стояла въ спальной палаткѣ, домашнія принадлежности, сани, посуда и все остальное было на своемъ мѣстѣ и въ полномъ порядкѣ; можно было ожидать, что вотъ-вотъ появится хозяинъ и его жена и станутъ привѣтствовать гостей. Но все было пусто и мертво, — хозяинъ навсегда покинулъ мѣсто несчастія и проклятія и принесъ все свое состояніе въ жертву демону; не были взяты даже нѣсколько лисьихъ шкуръ и моржевые клыки. По мнѣнію Мангола все это было сдѣлано такъ, какъ оно и слѣдовало. Въ началѣ эпидеміи владѣлецъ пытался прекратить распространеніе болѣзни, отдѣляя и убивая зараженныхъ животныхъ; но, какъ и всегда, это средство не принесло пользы. Тогда онъ пришелъ къ заключенію, что ему было предопредѣлено разореніе, и, въ надеждѣ умиловити злаго духа послушаніемъ, онъ рѣшилъ самъ привести въ исполненіе этотъ приговоръ надъ собой. Онъ собралъ всѣхъ здоровыхъ животныхъ, убилъ ихъ, содралъ шкуры и разобралъ туши; затѣмъ онъ привелъ въ порядокъ все свое имущество, положилъ его въ палаткѣ и вокругъ нея, такъ что нечистый духъ могъ легко убѣдиться, что ничего не удержано. Вслѣдъ затѣмъ хозяинъ удался, не взявъ съ собою ничего, кромѣ посоха и того платья, которое носилъ на себѣ. Такъ требовалъ священный обычай страны и только этимъ путемъ можно снять съ себя проклятіе.

Нельзя отрицать, что этотъ обычай жестокъ, но онъ, несомнѣнно, благодѣтеленъ и полезенъ и, по всей вѣроятности, является самымъ лучшимъ средствомъ предотвратить распространеніе страшной заразы. Трупы разлагаются въ глуши, а вмѣстѣ съ тѣмъ пропадаютъ и зародыши заразы; такого мѣста всѣ избѣгаютъ, никто не прикасается къ проклятому имуществу, такъ что дождь и непогода могутъ достаточно дезинфицировать очагъ заразы.

Между тѣмъ при иныхъ условіяхъ зараза легко могла бы быть переносима въ другія мѣста, что было бы громаднѣмъ несчастіемъ. Казаки нашли, конечно, совершенно излишнимъ героическое пожертвованіе столь большаго имущества и пожелаѣ присвоить себѣ кое-что изъ него; въ этомъ Манголъ положительно отказалъ и рѣшительно ничего не далъ взять съ собой, но однако дозволилъ накормить собакъ оленьимъ мясомъ.

29 Апрѣля Котельниковъ оправился настолько, что мы могли продолжать наше путешествіе, да было и пора. Морозы, которые прежде держались приблизительно на 10 градусахъ ниже нуля по Реомюру, послѣдніе два дня сдѣлались легче и термометръ показывалъ —5 и —6°; вмѣстѣ съ тѣмъ начали дуть теплые вѣтры: все указывало на то, что весна на этотъ разъ намѣрена поспѣшить своимъ появленіемъ. Къ тому же мы могли давать нашимъ собакамъ, помимо сала, всего по двѣ селедки ежедневно, что составляло очень небольшую порцію въ пути, становившемся все хуже и хуже. Вслѣдствіе этого мы двигались по направленію къ дому такъ поспѣшно, какъ только могли. Намъ помогало въ этомъ отношеніи то обстоятельство, что участокъ пути отъ Якана до устья Веркона сравнительно очень удобенъ. Побережье въ общемъ очень ровно; немногіе, къ тому же не очень высокіе мысы можно обойти, такъ какъ между ними и высотами, находящимися къ югу отъ нихъ, разстилается значительная низменность, покрытая множествомъ соединенныхъ другъ съ другомъ озерковъ, ледъ которыхъ представляетъ прекрасную дорогу. Какъ говорятъ, эти озера находятся также въ сообщеніи съ моремъ, вслѣдствіе чего, въ извѣстное время года, они очень богаты рыбою; этимъ и объясняется сравнительно большое число находящихся тутъ чукотскихъ палатокъ. Здѣсь живетъ много чукчей не только зимою, но и лѣтомъ къ берегу прикочевываютъ чукчи-оленоводы: животнымъ очень полезна въ это время года близость моря, людей же въ свою очередь привлекаетъ изобиліе рыбы.

Къ вечеру 29-го апрѣля нѣсколько прояснѣло до сихъ поръ

постоянно туманный горизонтъ, и это дало намъ возможность убѣдиться, что солнце перестало уже заходить: огненно-красный дискъ его въ полночь не опускался уже за горизонтъ и, прокатившись нѣкоторое время по гладкой ледяной поверхности, снова начиналъ подниматься. Съ этихъ поръ для нашихъ переходовъ мы пользовались свѣтлыми ночами, а днемъ отдыхали, потому что войдъ, или тонкій слой льда, которымъ передъ выѣздомъ покрываютъ полозья нартъ, не могъ болѣе держаться. Но и ночныя путешествія были уже не въ мочь, — съ началомъ мая термометръ пересталъ опускаться ниже нуля, намораживать войдъ было больше нельзя и только съ большимъ трудомъ собаки могли волочить по мягкому свѣгу намокшія полозья. Давнымъ давно пора было добраться до мыса Эрри, а между тѣмъ мы могли подвигаться лишь медленно, такъ что прибыли сюда только утромъ 4 мая. На побережьи къ востоку отъ Эрри, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ скалы подступали близко къ берегу, оставляя только узкую его полосу, свѣгъ уже началъ сильно ставать, а во многихъ мѣстахъ показалась обнаженная трава. При этомъ можно было убѣдиться насколько густо было тутъ населеніе въ прежнее время. Повсюду видны были слѣды чукотскихъ палатокъ, легко замѣтныхъ по расположеннымъ въ кругъ камнямъ, которыми прикрѣпляли къ землѣ ихъ стѣны. Въ одномъ мѣстѣ я могъ насчитать тринадцать такихъ круговъ; мѣсть же, гдѣ ихъ было по пяти и шести, встрѣчалось много.

Для насъ очень важно было получить отъ чукчей достаточное количество китовыхъ костей, чтобы обтянуть ими полозья нашихъ нартъ. Отъ этого зависѣла участь нашей дальнѣйшей поездки, потому что иначе собаки не были бы въ состояніи довести насъ до Колымска. Вслѣдствіе этого тотчасъ по приѣздѣ начались розыски и справки, которыя при нѣкоторомъ трудѣ и терпѣніи увѣнчались желаннымъ успѣхомъ главнымъ образомъ потому, что послѣ покупки всякаго куска кости продавцу подносилась рюмка водки. Этотъ въ высшей степени важный для крайняго сѣвера предметъ послѣднее время становится рѣдкимъ;

вполнѣ удовлетворяющіе своему назначенію куски кости могутъ быть выдѣланы только изъ нижней челюсти кита и добыты лишь въ томъ случаѣ, если выкидывается на берегъ мертвый или живой (72) китъ; къ сожалѣнію какъ тѣ, такъ и другіе встрѣчаются рѣдко.

4 Мая моимъ людямъ пришлось работать очень усердно: отдѣльные куски кости, имѣвшіе отъ одного до двухъ футовъ въ длину, три дюйма въ ширину и приблизительно четыре линіи въ толщину, приходилось пригонять подъ полозья, просверливать въ нихъ дыры и привязывать ремнями; все это стоило большаго труда и многыхъ хлопотъ. Куски кости, какъ и всѣ остальные принадлежности нарты, могутъ быть прикрѣплены къ послѣдней только ремнями; въ виду того, что сами ремни должны быть защищены отъ всякаго тренія — въ противномъ случаѣ они износились бы очень скоро — пригонять ихъ приходится очень тщательно въ томъ отношеніи, что каждый ремень долженъ аккуратно ложиться въ сдѣланный для него желобокъ. Въ этихъ хлопотахъ прошелъ день, принесшій намъ первый дождикъ въ теченіе года. Дождемъ согнало со льда губы послѣдній, кое-гдѣ еще лежавшій, снѣгъ. И тутъ жители были въ радостномъ настроеніи и надеждѣ: здѣсь тоже появился тюлень, а вмѣстѣ съ тѣмъ счастливо миновало время продолжительной голодовки.

5-го Мая мы отправились въ путь. Былъ тихій и прекрасный день при 4° тепла. Почти все мужское населеніе находилось съ гарпунами въ рукахъ на льду и слѣдило за трещинами и прорубями въ надеждѣ, что изъ нихъ выглянетъ тюлень. Повидимому на это рассчитывали и наши собаки, потому что онѣ были крайне возбуждены и, приподнявъ головы, съ хриплымъ лаемъ бѣжали по гладкой ледяной поверхности, очевидно чуя тюленей. Обивка полозьевъ костями имѣетъ громадное значеніе: нарта скользитъ по льду почти безъ тренія, такъ что животнымъ не приходится тянуть и она несется при повисшихъ постромкахъ. Но это иногда имѣетъ и свои дурныя стороны, въ чемъ мы не замедлили въ скоромъ времени убѣдиться. Мы ѣхали очень быстро,

что было вполне понятно: на мысѣ мы оставили всѣ наши запасы, нарты были очень легки, а животныя между тѣмъ получали пищу вдоволь. Вдругъ собаки понесли: везшій меня Котельниковъ успѣлъ только выругаться и поспѣшно началъ тормозить нарту. Это однако ему не удавалось: снѣгу не было, гвоздь тормазной палки плохо втыкался въ гладкій, покрытый тонкимъ слоемъ воды ледъ и, несмотря на всѣ усилія Котельникова, мы неслись впередъ какъ шальные. Я никакъ не могъ понять причины, почему мы вдругъ такъ помчались; Котельниковъ же не могъ говорить, потому что съ одной стороны онъ былъ занятъ торможениемъ, а съ другой оттого, что принужденъ былъ плотно сжимать ротъ, такъ какъ 48 собачьихъ лапъ окатывали его массой воды. Такъ неслись мы нѣкоторое время впередъ, а затѣмъ повернули назадъ съ такою силой, что нужно было все искусство Котельникова, чтобы нарта не опрокинулась; мы продолжали нестись такъ-же бѣшено и такъ-же безумно. Пробѣжавши нѣкоторое пространство, собаки начали оглядываться, а казакъ, воспользовавшись этимъ моментомъ, удачно остановилъ нарту. Видъ его былъ ужасенъ: вся передняя сторона тѣла, отъ головы до ногъ, была залита водою, что не могло не подѣйствовать и на его расположеніе духа. Облегчивши себя нѣсколькими проклятіями, онъ рассказалъ о случившемся: собаки увидѣли вдали на льду тюленя и, понятно, понеслись на него; когда онъ приблизился къ животному, оно нырнуло въ дырку; миновавъ эту послѣднюю, не чуя болѣе тюленя и не видя ничего передъ собой, собаки вдругъ повернули, вторично перенеслись черезъ трещину и только тогда были, наконецъ, остановлены. Подобное же происшествіе приключилось съ нами и въ дальнѣйшемъ нашемъ путешествіи, при чемъ собакамъ удалось вознаграждать себя за свои труды. Какъ и тотъ разъ, онъ начали бѣшеннымъ бѣгомъ, на что сначала не обратилъ вниманія, такъ какъ это сдѣлалось уже обыкновеннымъ явленіемъ; но вдругъ онъ остановились и съ перваго взгляда казалось, будто онъ начали между собою драку. Котельниковъ соскочилъ съ нарты и сталъ ихъ разгонять тор-

мазной палкой, предварительно закричавъ мнѣ, чтобы я не подходилъ близко, такъ какъ въ такой моментъ животныя могутъ быть очень опасны. Послѣ нѣсколькихъ здоровыхъ, отвѣщенныхъ со всею силою убѣжденія, ударовъ виѣпившимся другъ въ друга животнымъ, собаки разступились и тогда только можно было замѣтить лежащаго на льду, растерзаннаго маленькаго тюленя, голова котораго на половину была затиснута въ пасти одной изъ собакъ; только съ трудомъ удалось вырвать животное. Свора замѣтила на льду матку съ дѣтенышемъ и накинулась на нихъ; самкѣ удалось вовремя скрыться въ трещину, дѣтенышъ же собрался, повидимому, посмотрѣть, что собственно случилось и пагъ жертвою своего любопытства. Намѣреніе снять шкуру съ животнаго пришлось оставить, такъ какъ вся она была изодрана, изъ костей уцѣлѣли тоже не многія, такъ что тюлень представлялъ изъ себя безформенную массу, которая тотчасъ же и была раздѣлена между собаками, участвовавшими въ охотѣ.

Путешествіе наше, насколько позволяли обстоятельства, шло хорошо; въ условленныхъ пунктахъ мы находили заготовленной пищу, а багодаря тому, что мы придерживались по возможности льда и избѣгали сдѣлавшагося уже рыхлымъ снѣга, собаки были бодры. Большой Барановъ камень мы миновали вышеуказаннымъ способомъ, т. е. объѣхали его по находящейся тутъ ложбинѣ; мы выбрались къ бухтѣ между нимъ и Малымъ Барановымъ камнемъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилась маленькая охотничья хижина. Здѣсь мы хотѣли дать собакамъ лишь короткій отдыхъ, а затѣмъ ѣхать далѣе; но случилось одно обстоятельство, давшее людямъ поводъ просить меня остаться тутъ ночевать. Нашлись явные указанія на то, что сыновья Ивана Котельникова незадолго передъ тѣмъ были тутъ на промыслахъ: здѣсь просушивались ихъ сѣти для ловли тюленей, что было несомнѣннымъ доказательствомъ того, что они намѣревались вернуться сюда въ самомъ непродолжительномъ времени. У запертой накрѣпко двери хижины Котельниковъ нашелъ даже одного тюленя и въ началѣ не мало ворчалъ по поводу лѣности своихъ сыновей, которые

не постарались спрятать животное въ хижину или, по крайней мѣрѣ, взять его съ собой. Впрочемъ, ближайшія изслѣдованія показали, что старикъ напрасно бранилъ своихъ сыновей: виновникомъ происшествія оказался медвѣдь, намѣревавшійся совершить кражу, довести до конца которую помѣшало ему, по всей вѣроятности, наше неожиданное прибытіе; и дѣйствительно, медвѣдь поработалъ тутъ немало. Хижина была срублена изъ крѣпкихъ стволовъ пловучаго лѣса и имѣла приблизительно сажень въ высоту; потолокъ состоялъ изъ такихъ же толстыхъ балокъ, положенныхъ одна подлѣ другой и скрѣпленныхъ деревянными брусьями; поверхъ потолка былъ наваленъ слой мерзлой земли въ футъ слишкомъ толщиною. Земля была сброшена съ трехъ балокъ на всемъ ихъ протяженіи; самыя же балки были вытащены изъ-подъ брусевъ, не смотря на то, что онѣ были заклинены; такимъ образомъ получилась дыра, достаточно широкая для того, чтобы медвѣдь могъ пролѣзть въ нее. Кромѣ того онъ умудрился еще вытащить изъ избы цѣлаго тяжелаго тюленя, но эта работа обошлась ему, вѣроятно, дорого, потому что разстояніе отъ пола до потолка было все же очень значительно для животного. Люди были вполне увѣрены въ томъ, что медвѣдь возвратится за своимъ, добытымъ съ такимъ трудомъ, тюленемъ, а потому просили позволенія притянуть его къ отвѣтственности. Въ виду того, что мы приближались уже къ Колымѣ и нечего было опасаться, что остановка насъ задержитъ, я согласился остаться тутъ переночевать. Собакъ спрятали въ оврагъ, находившійся на разстояніи нѣсколькихъ верстъ; мою палатку поставили въ сторонѣ, такъ что медвѣдь не могъ ее замѣтить, тѣмъ болѣе, что вѣтеръ дулъ съ той стороны, откуда шли его слѣды, и такимъ образомъ все было подготовлено къ его приему. Но онъ не приходилъ, несмотря на то, что его стерегли всю ночь и слѣдующій день; не раскладывали даже огня и принимали всевозможныя предосторожности, чтобы его не испугать; по всей вѣроятности, онъ насъ замѣтилъ или почувалъ издалика, потому что такъ и не показался. Но когда мы поѣхали дальше и двигались по льду у

подошвы довольно круто спускающагося къ морю Малаго Баранова камня, мы увидѣли его сидѣвшимъ и наблюдавшимъ за нашимъ отъѣздомъ. Онъ находился внѣ выстрѣла, выраженіе его лица нельзя было разсмотрѣть, но вся осанка его выражала полное довольство: онъ несомнѣнно имѣлъ въ виду продолжать начатое и прерванное дѣло, какъ только мы скроемся изъ вида. И дѣйствительно, какъ я впоследствии узналъ отъ Котельникова, онъ привелъ свое намѣреніе въ исполненіе; но на этотъ разъ люди такъ крѣпко задѣлали потолокъ, что сыпавья Котельникова, тотчасъ же туда отправившіеся, могли констатировать только попытки медвѣдя проникнуть внутрь хижины.

На мысѣ Медвѣжьемъ намъ случилось наблюдать прекрасное свѣтовое явленіе. Въ этомъ мѣстѣ мы находились противъ западнаго берега устья Колымы и имѣли его къ юго-западу на разстояніи болѣе ста верстъ въ прямомъ направленіи. Въ устьянной множествомъ отмелей и низкихъ острововъ Колымской губѣ ледъ бываетъ, какъ и на этотъ разъ, совершенно гладокъ, но тѣмъ не менѣе, разсмотрѣть противоположный берегъ никогда не удастся даже въ самый ясный, солнечный день, потому что онъ возвышается надъ поверхностью воды не болѣе какъ на сто футовъ. Между тѣмъ на этотъ разъ мы могли видѣть весь берегъ въ высшей степени отчетливо на значительномъ протяженіи. Все возвышенное побережье, со всѣми его ущельями и трещинами, появилось надъ горизонтомъ; оно было покрыто еще снѣгомъ, но на нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣдняго не замѣчалось. Обмывъ зрѣнія былъ на столько силенъ, что люди въ первое время были просто озадачены и совершенно забыли, что видятъ передъ собой свѣтовое явленіе, съ которымъ они были прекрасно знакомы. Въ зрительную трубу можно было разсмотрѣть, что берегъ хотя и представлялся отчетливо, но въ обратномъ видѣ.

Съ мыса Медвѣжьяго мы направились вверхъ по Колымѣ къ Нижнеколымску, куда приѣхали 13-го мая, — какъ разъ во время: весеннее солнце начало уже и тутъ проявлять свою силу, такъ что черезъ нѣсколько дней ледъ сдѣлался ненадежнымъ.

Жителямъ Нижнеколымска мы могли привезти съ собой пріятную вѣсть. Приблизительно противъ Черноусова мы нашли сѣти для ловли рыбы, опущенныя въ воду. Мои люди не могли отказатья отъ удовольствія пробить затянутое льдомъ отверстіе и осмотрѣть снасть. Подобныя сѣти ставятъ въ продолженіе всей зимы въ надеждѣ, что попадется рыба, идущая въ это время въ море; но ловъ не всегда бываетъ удаченъ, потому что въ обратное путешествіе рыба идетъ не сомкнутыми массами, какъ во время нереста, а отдѣльными экземплярами. Но люди хотѣли удостовѣриться не начала ли рыба подниматься вверхъ по рѣкѣ и принялись вытягивать сѣть. Эта процедура продолжалась довольно долго; извлечь сѣть изъ глубокой проруби дѣло далеко не легкое, но труды ихъ увѣнчались тѣмъ, что они добыли трехъ муксуновъ и одного омуля, а главное убѣдились, что рыбы торчали въ ячеяхъ головой противъ теченія. Такимъ образомъ ходъ рыбы вверхъ по рѣкѣ уже начался, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для Колымска настало время радостей.

Я нашелъ Нижнеколымскъ совершенно опустѣвшимъ, но меня ожидали тутъ письма моихъ товарищей по путешествію; изъ нихъ я узналъ, что Нейманъ счастливо совершилъ поѣздку за Медвѣжьи острова; кромѣ того онъ извѣщалъ, что онъ и фельдшеръ вмѣстѣ съ коллекціями и другимъ имуществомъ экспедиціи благополучно пребывали въ Среднеколымскѣ. Отъ топографа Аеонасьева, отправившагося на Омолонъ, конечно, еще нельзя было ожидать извѣстій. Что же касается меня самого, то мнѣ приходилось остаться въ Нижнемъ еще около мѣсяца: нужно было переждать ледоходъ, закончить цѣлый рядъ административныхъ дѣлъ, да кромѣ того дожидаться той части моего багажа, которую я оставилъ на Анюѣ. Ледъ на Колымѣ первый разъ пришелъ въ движеніе 19 мая, но онъ только тронулся и тотчасъ же остановился неподвижно, какъ и прежде. Онъ трогался и въ послѣдующіе затѣмъ дни, но настоящаго ледохода еще не было замѣтно. 23 Мая вскрылись оба Анюя и ихъ черная вода съ большою силою хлынула на державшійся еще на Колымѣ ледъ.

Это обстоятельство сдѣлало свое дѣло, потому что вечеромъ 24 мая слышенъ былъ шумъ и трескъ, которыми всегда сопровождается ледоходъ могучихъ рѣкъ Сибири: ночью ледъ двинулся на всей Колымѣ, отъ берега до берега. Настоящій ледоходъ продолжался два дня и только къ вечеру 26 мая на рѣкѣ можно было замѣтить свободное ото льда пространство; ночью того же дня исчезли послѣднія льдины, а вмѣстѣ съ тѣмъ сильно начала прибывать вода. Сначала рѣка несла только одинъ ледъ, но къ вечеру перваго дня началъ показываться пловучій лѣсъ, количество котораго постоянно прибывало, пока наконецъ не начали дефилировать глыбы земли съ находящимися на нихъ кустами, высокоствольными деревьями и цѣлые пловучіе острова, оторванные льдомъ отъ берега. Трудно было допустить, чтобы пловучія льдины могли обладать такой силой и дѣйствительно факты доказываютъ, что значительные поросшіе лѣсомъ участки земли отрываются не въ теченіе одного только года, а что эта работа льдинъ есть результатъ цѣлаго ряда ледоходовъ. На Колымѣ я самъ не наблюдалъ этой разрушительной работы рѣки, но могъ убѣдиться въ ней на нижнемъ теченіи Лены и на Вилюѣ и всегда въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ берегъ рѣки не заселенъ человѣкомъ и гдѣ не успѣли еще проложить бичевники. Въ мѣстности, гдѣ устроены подобныя дороги, усиліямъ вешнихъ водъ противопоставляется поросшія травкою откосъ, по которому скользитъ ледъ, не причиняя берегу большихъ поврежденій. На оборотъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ къ руслу рѣки непосредственно подходитъ высокоствольный лѣсъ, ледъ и вода могутъ причинять громадныя опустошенія. Дѣло обыкновенно начинается съ того, что льдины врѣзываются въ высокій берегъ рѣки, часть котораго благодаря этому онѣ подмываютъ. Такимъ образомъ возникаетъ нависшій карнизъ, держащійся въ первое время очень крѣпко, несмотря на тяжесть слоя земли, иногда достигающаго нѣсколькихъ сажени въ толщину, и находящихся на немъ высокоствольныхъ деревьевъ. Такъ можетъ продолжаться нѣсколько лѣтъ, смотря по толщинѣ слоя земли, висящая въ воздухѣ часть котораго становится все

шире и шире. На лѣвомъ берегу Лены, ниже впаденія Алдана, я находилъ нависшіе карнизы, которые были подмыты на протяженіи 70—80 саженой въ длину и 10—15 саженой въ ширину; когда полая вода сбывала, оказывалось, что они возвышались надъ поверхностью рѣки футовъ на десять. Такая громадная тяжесть не могла бы удержаться въ воздухѣ, если бы почва не была замерзшей, да кромѣ того широко раскинутые корни лиственницъ не снабжали бы землю надежнымъ скрѣпленіемъ. Я знакомъ съ лиственницею, растущею только на мерзлой почвѣ, а потому не знаю способа образованія ея корней въ непромерзающей землѣ. На мерзлой же почвѣ она положительно не имѣетъ вертикальныхъ корней, образуя исключительно горизонтальные, развѣтвленія которыхъ даютъ у ствола кругъ отъ двухъ до трехъ саженой въ діаметрѣ. По моимъ наблюденіямъ корни не погружаются въ землю глубже, чѣмъ на шестнадцать дюймовъ, т. е. на ту глубину, на которую оттаиваетъ лѣтомъ земля. Я часто разрывалъ почву въ концѣ августа и въ началѣ сентября, т. е. тогда, когда земля вновь начинаетъ замерзать съ поверхности, и всегда находилъ, что на этой глубинѣ, варьирующей въ предѣлахъ одного или полутора дюймовъ, крупные, имѣющіе въ толщину отъ семи до восьми дюймовъ корни высокоствольныхъ деревьевъ примерзали къ землѣ своею нижнею поверхностью. Очевидно, что подобныя, сплетающіеся другъ съ другомъ корни должны придавать мерзлой почвѣ необыкновенную прочность и давать ей возможность въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ держаться въ нависшемъ положеніи. Въ концѣ концовъ тяжесть становится черезчуръ велика и карнизъ обваливается или лѣтомъ, попадая въ этомъ случаѣ въ воду, или это случается во время ледохода, помогающаго обвалу новымъ подрѣзываніемъ; въ послѣднемъ случаѣ масса земли ложится на ледъ и уносится въ видѣ пловучаго острова. Подобнаго рода явленія происходятъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ берегъ высокъ; тамъ же, гдѣ онъ поднимается всего на одну или двѣ сажени надъ лѣтнимъ уровнемъ воды, разрушительное дѣйствіе послѣдней проявляется инымъ путемъ. Въ этихъ случаяхъ

первый рядъ подмытыхъ стволовъ наклоняется къ рѣкѣ, но такъ какъ корни деревьевъ во многихъ мѣстахъ сплетаются другъ съ другомъ, то и слѣдующія за ними деревья тоже нагибаются, а почва при этомъ трескается въ вертикальномъ направленіи и образуется масса щелей, которыя дѣлаютъ подобныя участки берега положительно непроходимыми ни для человѣка, ни для лошади. Эти мѣста необыкновенно опасны также и для судовъ: одна изъ мовхъ барокъ получила течь отъ такого торчащаго въ водѣ ствола, при чемъ онъ просто на просто проткнулъ насквозь доску въ полтора дюйма толщиной. Санниковъ испыталъ еще болѣшую непріятность въ то время, когда везъ грузъ мамонтовыхъ клыковъ изъ Будуна въ Якутскъ. Онъ шелъ подъ парусомъ при попутномъ вѣтрѣ по срединѣ рѣки; между тѣмъ волненіе, какъ всегда при сѣверномъ вѣтрѣ, дуящемъ противъ теченія, было очень сильно, такъ что жена Санникова постоянно упрасивала его держаться поближе къ берегу. Противъ своего желанія онъ уступилъ ея просьбамъ и поѣхалъ вдоль западнаго берега, но при этомъ не замѣтилъ торчащей изъ рѣки лиственницы, которая, по всей вѣроятности, даже вовсе не высывалась изъ воды, или развѣ только чуть-чуть; однимъ словомъ, въ тотъ моментъ, когда судно получило толчекъ, проткнуло остриемъ ствола и палубу. Санниковъ едва успѣлъ крѣпко привязать мачту къ острию и тѣмъ самымъ выиграть время, чтобы, пока судно держалось надъ водой, спасти жену, ребенка и небольшое количество съѣстныхъ припасовъ; вслѣдъ за тѣмъ барка затонула, а вмѣстѣ съ ней пошла ко дну и большая часть его состоянія.

Вокругъ Нижнеколымска растетъ еще въ достаточномъ количествѣ лѣсъ, но въ Покровскомъ, а также въ Русскомъ Устьѣ на Индигиркѣ, время ледохода очень важно въ томъ отношеніи, что люди во время его запасаются дровами для топлива, а также вылавливаютъ изъ рѣки бревна для постройки домовъ. Это далеко не легкое и не безопасное занятіе, которое въ бурную погоду даетъ плохіе результаты; въ этихъ случаяхъ наступаетъ большой недостатокъ въ лѣсѣ. Въ Русскомъ Устьѣ уже не разъ слу-

чалось добывать лѣса на столько мало, что нельзя было и думать о томъ, чтобы топить жилия помѣщенія. Въ такихъ случаяхъ въ каминѣ разводять огонь утромъ и вечеромъ, при томъ ровно на столько времени, сколько необходимо для того, чтобы сварить пищу, а затѣмъ его гасятъ и во время суровыхъ холодовъ обходятся, по возможности, только шубами и одѣялами.

По окончаніи ледохода вода поднялась очень сильно, но настоящаго наводненія не было; впрочемъ, въ Нижнемъ оно случается рѣдко, потому что необыкновенно широкое устье рѣки даетъ достаточный стокъ даже самымъ обильнымъ внешнимъ водамъ. За то для жителей наступило необыкновенно оживленное и развеселое время: они не стали даже дожидаться, пока рѣка совершенно очистится ото льда, и вытащили свои сѣти для ловли рыбы, несмотря на льдины и половодье. Повсюду видны были веселые, поющіе и смѣющіеся люди, занятые вытаскиваніемъ сѣтей, ловлею рыбы, ея сушкою и копченіемъ и т. п.; однимъ словомъ, всѣ были довольны, что прошло долгое, тяжелое зимнее время.

Лишь только позволило состояніе воды, я въ маленькой лодкѣ отправился внизъ по теченію рѣки, чтобы удостовѣриться въ томъ, были ли устроены рыбные магазины, которые я приказалъ завести подъ страхомъ немилосерднаго штрафа. Приказаніе было дѣйствительно исполнено. Только страхъ могъ заставить людей сдѣлать то, что уже давнымъ давно должно было быть исполнено: всѣ погреба были построены такъ, какъ было предписано, и можно было надѣяться, что запасы рыбы хорошо сохранятся въ теченіе лѣта. Повсюду я нашелъ картину неутомимой человѣческой дѣятельности: колымскій житель не знаетъ полевыхъ работъ, но тѣмъ не менѣе въ короткое лѣто дѣла у него по горло. Сначала идетъ крупная, цѣнная рыба: нельма, чирь, омуль, муксунъ или бѣлорыбица и таймень; вся она проходитъ въ промежутокъ времени отъ ледохода до іюля; въ августѣ идетъ осетръ, а подъ самый конецъ селедка, которая употребляется почти исключительно въ кормъ для собакъ.

Къ лову рыбы присоединяется въ скоромъ времени сборъ яицъ, которымъ люди очень дорожатъ потому, что этотъ предметъ составляетъ въ высшей степени важное подспорье къ рыбному продовольствию населенія. Вокругъ Средне- и Верхнеколымска собираютъ преимущественно яйца различныхъ видовъ утокъ; въ окрестностяхъ же Нижняго запасаются большимъ количествомъ болѣе цѣнныхъ гусиныхъ яицъ. Сборъ продолжается недолго, потому что вскорѣ птицы начинаютъ высидывать яйца; надо пользоваться временемъ безъ промедленія и люди бываютъ тогда сильно заняты.

Однимъ словомъ, дѣла вполне достаточно, но это трудъ очень веселый, къ тому же наступаетъ время, когда желудокъ и чувство вкуса получаютъ наслажденіе: рыба бываетъ самаго превосходнаго качества, особенно въ Нижнемъ, куда она попадаетъ прямо изъ Ледовитаго океана, и ея благородное мясо не успѣло еще пострадать отъ долгаго странствованія противъ теченія и отъ теплой воды. По тому, что имѣется въ этомъ отношеніи въ Европѣ, нельзя составить себѣ ни малѣйшаго понятія о превосходномъ вкусѣ рыбы, идущей изъ ледяныхъ волнъ Сѣвернаго океана. За то и ѣдятъ же ее! Своеобразная природа крайняго сѣвера сообщаетъ человѣку такое замѣчательное умѣніе приспособляться, какимъ обладаютъ развѣ только одни животныя. Уже въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи земледѣлецъ каждое гѣто исполняетъ такое количество работы, которое превосходитъ среднюю мѣру человеческихъ силъ: съ трехъ часовъ утра до девяти часовъ вечера непрерывно занятъ онъ тяжелымъ физическимъ трудомъ, отдыхая самое непродолжительное время; но спать онъ идетъ только въ десять или одиннадцать часовъ, посвящая такимъ образомъ отдыху какихъ нибудь четыре часа; это продолжается цѣлые мѣсяцы, причеиъ люди остаются здоровыми, бодрыми и веселыми. Еще болѣе неутомимо работаетъ человѣкъ на Колымѣ, гдѣ незаходящее солнце вовсе исключаетъ ночь, но за то количество пищи, которое онъ въ это время потребляетъ, можетъ положительно привести въ изумленіе. Подъ котломъ для

варки пищи огонь горитъ непрерывно въ теченіе всего того времени, пока люди заняты вытаскиваніемъ сѣтей и другими неотложными работами; такъ что и помимо опредѣленныхъ завтрака, обѣда и ужина каждый можетъ ѣсть сколько только въ состояніи.

При этомъ случаются странныя вещи. Я слышалъ, что не задолго передъ тѣмъ въ Нижнемъ нѣсколько человѣкъ умерло отъ свѣжаго мяса осетра. Хотя отравленіе соленымъ мясомъ осетра давнымъ давно извѣстно по всей Волгѣ, но мнѣ показалось очень страннымъ, что въ данномъ случаѣ оно вызвано свѣжей рыбой, а потому я приказалъ придти нѣсколькимъ изъ числа ѣвшихъ этого осетра и оставшихся въ живыхъ и подробно ихъ распросилъ. Пришло три человѣка и рассказали о случившемся слѣдующее. Осенью въ числѣ восьми человѣкъ они отправились къ устью двухъ Анюевъ, гдѣ преимущественно ловится осетръ. Поставивши тутъ сѣти, они попарно направились вверхъ по теченію рѣки, чтобы заняться тѣмъ же самымъ и въ другихъ мѣстахъ. Предварительно они условились сойтись ко времени обѣда всѣмъ вмѣстѣ, къ первому привалу. Вскорѣ послѣ раздѣленія двое изъ тѣхъ, которые оставались на мѣстѣ, поймали прекраснаго осетра пуда въ три вѣсомъ; его тотчасъ же разрѣзали и часть положили въ котелъ, а когда рыба сварилась, стали ее ѣсть. Не успѣли они утолить голода, какъ пришли два слѣдующихъ и тоже начали ѣсть. Къ тому времени подоспѣли еще двое и присоединились къ своимъ товарищамъ; такимъ образомъ осетра ѣли шесть человѣкъ. Вдругъ первые двое почувствовали сильнѣйшія боли и судороги, а остальные четверо, желая имъ помочь, бросили ѣсть, но, понятно, ничего не могли подѣлать, да къ тому же и у нихъ начались тѣ же самыя боли. Тутъ подошли послѣдніе два человѣка и нашли первыхъ двухъ уже при послѣднемъ издыханіи; два другіе валялись на землѣ, испытывая ужаснѣйшія боли, да и остальные двое изъ ѣвшихъ чувствовали себя очень плохо. Первые два умерли тотчасъ же на мѣстѣ, тѣ двое, которые начали ѣсть послѣдними, отдѣлялись легкими болями и страхомъ, а изъ остальныхъ — одинъ умеръ на слѣдующій день,

другой же долго хворалъ, но остался живъ. Такимъ образомъ изъ шести человѣкъ, поѣвшихъ только что пойманнаго осетра, трое умерло, но спрашивается — чѣмъ можно это объяснить? Рыба была поймана въ большой рѣкѣ недалеко отъ ея устья и, благодаря тому, что берегъ былъ необитаемъ, не могла съѣсть ничего вреднаго, а тѣмъ не менѣе мясо ея имѣло такое ужасное дѣйствіе!

Я оставался въ Нижнемъ до тѣхъ поръ, пока не покончилъ со всѣми дѣлами и пока вода не сбыла на столько, что бичевникъ обнажился и явилась возможность тянуть лодку вдоль берега. Къ этому времени наступило совершенное лѣто, какъ можно убѣдиться изъ прилагаемыхъ термометрическихъ наблюденій. Тѣмъ не менѣе большая широта мѣста и близость Ледовитаго океана давали о себѣ знать сильными колебаніями температуры. Такъ, 20 мая мы имѣли въ тѣни $+ 20$ градусовъ, ночью минимум $+ 10$ градусовъ, а на солнцѣ въ тотъ же день $+ 40$ градусовъ Реомюра; ночью же 12-го іюня при минимум 'ѣ въ 4,2 градуса холода шелъ сильный дождь. Но такія колебанія температуры нисколько не вліяютъ на привычную сѣверную растительность: уже съ начала іюня лѣсъ и лугъ щеголяли прекрасной зеленью, — однимъ словомъ, наступило лѣто. 13 Іюня я выѣхалъ изъ Нижняго и до непріятности медленными переходами — лодку приходилось тянуть людьми — въ десять дней добрался до Среднеколымска, куда успѣли уже собраться всѣ мои товарищи по экспедиціи.

Топографъ Аеонасѣевъ поработалъ очень прилежно. Съ Малаго Анюя онъ отправился вмѣстѣ съ ламутами на верхнее теченіе Омолона, но могъ прослѣдить эту рѣку только до впаденія праваго ея притока Кигали; отсюда онъ спустился по Омолону на лодкѣ до его впаденія въ Колыму. На всемъ этомъ пути онъ велъ съемку, да кромѣ того сдѣлалъ вполне годное опредѣленіе широтъ. Этимъ онъ исполнилъ очень цѣнную работу, потому что его путь пролегалъ по мѣстности, которая до сихъ поръ была совершенно неизвѣстна. Фельдшеръ Антоновичъ очень

прилежно изслѣдовалъ окрестности Колымска какъ вверхъ по теченію рѣки, такъ и внизъ ея; онъ собралъ коллекцію птичьихъ шкурокъ, которая была крайне интересна въ томъ отношеніи, что представляла въ своемъ составѣ рѣзкій контрастъ съ нашей коллекціей изъ Чукотской Земли. Стренатки и утки были представлены на Колымѣ очень богато, на оборотъ, славки отступали на задній планъ; *Grus leucogeranus*, обыкновенный журавль, поганка, *Mergus albellus*, различные виды куриныхъ: *Tetrao urogallus* и *T. urogalloides*, *Tetrao tetrix* и *Tetrao bonasia*, сокола и ястреба встрѣчались тутъ въ большомъ количествѣ, тогда какъ въ Чукотской Землѣ мы ихъ вовсе не видали. Такимъ образомъ намъ удалось собрать въ зоологическомъ отношеніи очень не дурной матеріалъ и крайне жаль, что впоследствии онъ погибъ.

Теперь нужно было рѣшить, что дѣлать далѣе и какъ довести наше путешествіе до конца. Уже раньше я говорилъ о томъ, что намъ было важно изслѣдовать истоки Колымы и отношеніе ихъ къ истокамъ Индигирки, а также пройти поперекъ Оймяконскаго нагорья. Вся эта область была до сихъ поръ terra incognita и настоящей сказочной землей, потому что о ней можно было слышать самые противорѣчивые рассказы. Собственно, было довольно безразлично кто изъ насъ пройдетъ эту мѣстность, было важно только пройти ее, вести правильный дневникъ и сдѣлать съемку. Топографъ своею поѣздкою на Омолонъ только что доказалъ, что онъ и одинъ можетъ старательно вести маршрутъ, а относительно дневника я могъ совершенно положиться на Неймана. Но спрашивалось, будутъ ли эти господа въ стояніи выказать достаточные энергію и авторитетъ по отношенію къ людямъ и сьумѣютъ ли они заставить вести себя туда, куда они пожелаютъ. Съ перваго взгляда такой вопросъ звучитъ нѣсколько странно, но на самомъ дѣлѣ надъ нимъ стоило подумать. Обыкновенный сибирскій казакъ и туземцы безпрекословно ведутъ путешественника изъ чиновниковъ по торнымъ дорогамъ, но вести себя безъ дороги можно ихъ заставить только очень настойчи-

вымъ требованіемъ, потому что они придерживаются постоянно того мнѣнія, что такія мѣста для чиновниковъ непроходимы и опасаются, чтобы ихъ впослѣдствіи не обвинили въ незнаніи дороги и въ томъ, что они повели путешественника черезъ непроходимыя болота, лѣса и т. п. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ намѣчаешь совершенно необычное направление, они всегда склонны отвѣчать, что дескать тамъ пройти невозможно, что тамъ по пути будто бы находятся непреодолимыя высоты, пропасти и Богъ вѣсть какія другія препятствія, справиться съ которыми, по ихъ словамъ, невозможно. Мнѣ самому приходилось довольно часто имѣть дѣло съ подобными отговорками, когда я былъ еще новичкомъ въ сибирской тайгѣ, а потому я уже зналъ, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ можно было уломать людей, только спокойно выслушивая эти возраженія и отвѣчая, что хотя все это и возможно, но что молъ противъ предписанія начальства идти нельзя. Послѣднее заявленіе всегда дѣйствуетъ и имъ всегда достигаешь цѣли, потому что слово начальство имѣетъ волшебную силу, которой никто не сопротивляется; всѣ рассказанныя затрудненія оказываются на дѣлѣ легко преодолимыми, такъ какъ въ Сибири или по крайней мѣрѣ въ Якутской области, съ которой я только и знакомъ очень хорошо, вовсе нѣтъ непроходимыхъ горныхъ хребтовъ. Обо всемъ этомъ я очень подробно рассказалъ моимъ спутникамъ, они выслушали меня очень внимательно и заявили, что съумѣютъ заставить проводниковъ идти туда, куда имъ прикажутъ. Однако это меня не успокоило и я съ тяжелымъ сердцемъ отпустилъ ихъ однихъ, а между тѣмъ я не могъ отправиться вмѣстѣ, потому что инструкція, которую я получилъ, не оставляла никакого выбора.

По моимъ расчетамъ мы могли приготовиться къ отъѣзду — мои спутники на югъ, я на сѣверъ — приблизительно черезъ двѣ или двѣ съ половиною недѣли по моемъ прибытіи въ Среднеколымскъ. Но тутъ случилось событіе, которое вызвало болѣе продолжительную и крайне нежелательную задержку: по дорогѣ изъ Среднеколымска на Индигирку разразилась неслыханно-силь-

ная эпидемія сибирской язвы. Благодаря этому, всѣ мои распоряженія нарушились самымъ непріятнымъ образомъ: моимъ лошадямъ, которыя въ числѣ 75 головъ были распределены партіями у различныхъ якутовъ и часть которыхъ я приказалъ выслать впередъ въ Верхнеколымскъ, былъ прегражденъ путь черезъ зараженную мѣстность. Ихъ приходилось доставлять туда большими обходами, на что нужно было очень много времени, такъ какъ онѣ должны были сохранить свои силы ко времени прибытія моихъ спутниковъ, отправившихся изъ Колымска въ Верхнеколымскъ водой. Съ другой стороны для выполненія моей специальной задачи мнѣ пришлось избрать тоже иной путь. Мамонтъ, котораго мнѣ предстояло посѣтить, находился, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, на рѣкѣ Ковчечей, впадающей въ Ледовитый океанъ между рѣками Алазеей и Индигиркой. По этому я предполагалъ сначала подойти къ Индигиркѣ по дорогѣ, которою обыкновенно ходятъ купцы, а затѣмъ направиться на сѣверъ; въ этомъ случаѣ я могъ, по словамъ людей, дойти до мѣста моего назначенія хорошей, сухой дорогой вдоль восточнаго склона Пелеваго хребта. Теперь это было невозможно, потому что, въ этомъ направленіи, мнѣ приходилось бы пересѣчь зараженную мѣстность. Такимъ образомъ пришлось измѣнить весь планъ, а вслѣдствіе этого я могъ снарядить моихъ товарищей въ путь только 20 іюля, самъ же выѣхалъ тремя днями позже. Впрочемъ, мои спутники вовсе не сѣтовали на эту задержку и прекрасно провели время въ Колымскѣ. Ко времени моего приѣзда въ Колымскъ главная масса купцовъ не успѣла еще уѣхать, и хотя они отправлялись въ обратное путешествіе постепенно, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, жизнь въ городѣ была очень веселая, — ежедневно танцовали и играли въ карты, устраивали пикники въ окрестности и путешественники чувствовали себя прекрасно. Приѣхавшій мнѣ на смѣну новый исправникъ, г. Иващенко, со своей молодой женой тоже воспользовались случаемъ повеселиться. Погода была восхитительная, солнце не сходило съ горизонта ни ночью, ни днемъ, какъ тутъ было не воспользоваться прекраснымъ време-

немъ. Красавицы Среднеколымска, которыхъ, по правдѣ сказать, было довольно много, имѣли прекрасный случай показать себя и свои наряды; онѣ дѣлали это такимъ способомъ, который, хотя и нѣсколько страненъ, но тѣмъ не менѣе очень характеризуетъ прекрасный полъ; дѣйствительно, изъ описанія жизни пионеровъ въ беквудахъ на западѣ Сѣверной Америки мы знаемъ, что Герштекеръ нашелъ тамъ точно такіе же обычаи. Какъ уже сказано, были ежедневные танцы, которые носили тамъ названіе вечерковъ и на которыхъ молодыя женщины и дѣвушки являлись въ своихъ нарядахъ. При этомъ обращало на себя вниманіе то, что онѣ мѣняли свой туалетъ въ теченіе вечера, а болѣе состоятельныя доходили до трехъ или четырехъ смѣнъ; это дѣлали не только дочери хозяина, у которыхъ было, конечно, все нужное подъ рукой, но и гости. Красавицы исчезали на короткое время и возвращались въ залу для танцевъ въ новомъ нарядѣ: очевидно, онѣ являлись въ гости съ запаснымъ гардеробомъ. Такіе нравы объяснимы лишь тѣмъ, что прекрасному полу въ Среднеколымскѣ представляются только рѣдкіе случаи являться въ нарядахъ и потому онѣ пользуется этой возможностью на сколько въ состояніи. Въ средствахъ на наряды нѣтъ недостатка, но городъ круглый годъ бываетъ пустъ и малообитаемъ, онѣ оживляется только на короткое время зимой и весной, когда черезъ него проѣзжаютъ купцы; а такъ какъ имѣются основанія опасаться, что не удастся показать весь свой гардеробъ, если каждый вечеръ надѣвать только одинъ туалетъ, то его мѣняютъ, прибѣгая такимъ образомъ къ очень остроумному способу лишній разъ показать себя.

23 Юля я могъ, наконецъ, отправиться къ мѣстонахожденію мамонта. Чтобы не утомлять напрасно моихъ лошадей — предвидѣлось, что путешествіе будетъ для нихъ очень затруднительно — я направилъ 39 изъ 45 шедшихъ со мной животныхъ далекою, окольною дорогою, къ югу отъ зараженнаго участка, въ Абый къ западу отъ Индигирки; я приказалъ вести ихъ туда съ легкимъ вьюкомъ, медленными и короткими переходами и оставить до моего прибытія въ мѣстности, гдѣ будутъ найдены въ

изобилии хороших пастбища. Шесть самых крепких животных я выслал на границу древесной растительности, а на путь до Ковчечей и оттуда до Индигирки, нанял лошадей. Таким способом я надеялся пробиться до Индигирки, от этой же реки до Абыя обойтись моими собственными шестью лошадьми. Это была очень долгая история, но дело изменить было нельзя, потому что животные летом бывают очень мало выносливы, несмотря на хороший корм в это время года. Они жестоко страдают от жары, их сильно утомляют мягкие дороги, да кроме того комары не дают им как следует есть. Благодаря всему этому, они менее способны к работе, чем можно было бы ожидать в такое прекрасное время года.

Сначала я спустился вниз по Колыме в лодке до урочища Куджины, откуда начиналось путешествие сухим путем. Тут я нашел все в исправности и мог поэтому на другой же день навьючить лошадей и сесть в седло. В виду того, что карта Генеральнаго Штаба содержит несколько неточностей по отношению многих озер, которые нам встречались на всем этом пути, да и вообще нельзя достигнуть большой точности при таком малом масштабе, к моей карте приложена маленькая добавочная карточка, по которой можно несколько ориентироваться. Сначала мы шли по хорошей, твердой дороге, так как находились на дамбообразном возвышении, сопровождающем левый берег Колымы; но скоро мы вступили в область озер. Загем мы направились на большой олбуть Сылгытарь, который образовался, по словам колымских жителей, из находившагося тут прежде озера лет пятьдесят или шестьдесят тому назад. Таким образом сток последовал, по всей вероятности, во времена Врангеля; у послѣдняго мы встречаем название урочища Сыгли-этарь, которое, очевидно, то же самое, что Сылгытарь; однако из его слов не видно, представляло ли это место в то время вновь образовавшийся олбуть или нет. Это то самое место, на основании котораго Врангель развивает свой взгляд относительно стока озер при посредстве трещин

отъ морозовъ, что я считаю положительно ошибочнымъ. Въ другомъ мѣстѣ я подробно привожу причины, заставившія меня считать невозможнымъ такой способъ образования олбутовъ, тутъ же я укажу только какимъ образомъ стекло озеро Сылгытаръ, имѣвшее по всей вѣроятности около тридцати или болѣе верстъ въ поперечникѣ. Мы частью объѣхали верхомъ тоже очень красивое озеро Палгино и достигли невысокаго возвышенія почвы, которое отдѣляетъ его отъ Сылгытара. Такъ какъ мнѣ было извѣстно, что Сылгытаръ изливался сначала въ Палгино, а уже затѣмъ при посредствѣ этого послѣдняго въ Колыму, то я выразилъ моимъ людямъ удивленіе, какимъ образомъ между двумя озерами могъ находиться валъ, хотя и не очень высокій; въ самомъ дѣлѣ здѣсь была не тераса, а настоящій валъ, потому что, взобравшись на возвышеніе, мы должны были скоро спуститься. Люди отвѣчали на это, что Сылгытаръ однимъ изъ своихъ концовъ прежде касался вала, но какъ-то разъ весной прорвалъ его въ половодье и затѣмъ стекъ въ Палгино. Если же внимательно осмотрѣть олбуть, то найдешь, что онъ представляетъ изъ себя обширную, повидимому совершенно ровную плоскость, покрытую кое-гдѣ маленькими, наполненными водой углубленіями; между самымъ западнымъ изъ этихъ углубленій и озеромъ Долгулахомъ, которое, простираясь на 25 верстъ, имѣетъ стокъ въ Алазею, находится полоса совершенно ровной земли едва въ одну версту шириной. При такихъ условіяхъ крайне удивительно, что Сылгытаръ прорвался не на западъ, а на востокъ, къ Колымѣ. Долгулахъ представляетъ изъ себя озеро съ крайне извилистыми берегами и, повидимому, является скорѣе цѣлой группою озеръ, носящихъ одно общее названіе; только крайній восточный конецъ его носить особое имя Тангулахъ. Отъ этого послѣдняго всего въ пяти верстахъ разстоянія находится озеро Сунганахъ, несущее свои воды въ Большую Чукочью. Такимъ образомъ, на небольшомъ разстояніи мы находимъ озера, вовсе нераздѣленные какими либо замѣтными на глазъ возвышеніями и имѣющія стокъ въ три, совершенно раз-

личныя, рѣчныя системы. Тотчасъ за этимъ озеромъ мы должны были перейти вису, которая, пройдя цѣлый рядъ озеръ, изливаетъ въ концѣ концовъ свои воды въ Чукочью. Она принадлежала къ такъ называемымъ травянымъ вискамъ; насколько неприятно имѣть съ ними дѣло, я испыталъ здѣсь въ первый разъ. Мы только что выѣхали изъ лѣса и очутились на узкой низменности, за которой тотчасъ же начинался вновь лѣсъ. Меня удивило, что люди спѣшились, привязали лошадей и пошли передъ нами съ пестами. На мой вопросъ они отвѣтили, что хотятъ убѣдиться, можно ли удобно проѣхать въ этомъ мѣстѣ, такъ какъ передъ нами находилась травяная виска. Тогда я внимательно вглядѣлся въ мѣстность и, дѣйствительно, нашелъ, что можно было явственно различить извилистую полосу земли, саженой въ двадцать шириной, рѣзко выдѣлявшуюся своею болѣе яркой, зеленой окраской отъ остальной, тоже сплошь покрытой растеніями, болотистой низменности. Другихъ признаковъ, по которымъ удавалось бы замѣтить присутствіе текущей воды, вовсе не было, — такъ сильно все заросло цвѣтущими лютиками, *Caltha palustris* и другими болотными растеніями. Исслѣдованія показали, что проѣхать можно, и мы спустились въ странную рѣку. Лошади съ большимъ трудомъ брели по вязкой, черной, илистой грязи, достигавшей имъ до половнины живота, но тѣмъ не менѣе мы благополучно выбрались на другой берегъ, не подмочивъ нашего багажа и оставивъ за собой широкую черную полосу ила. Растенія засѣли довольно рѣдко, такъ что не было настоящаго дерна; казалось, будто корни ихъ потому только не сплелись вмѣстѣ, что почва, на которой они росли, была слишкомъ жидка; но тѣмъ не менѣе растительность была роскошная и обильная и покоилась не на водѣ, а въ кашицеобразной торфяниковой массѣ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что подобное мѣсиво изъ ила совсѣмъ непригодно для существованія рыбъ, но опытъ убѣждалъ, что оно нисколько не мѣшаетъ имъ неутомимо странствовать къ мѣстамъ нереста. Въ этихъ очень богатыхъ рыбою озерахъ, помимо свойственныхъ имъ рыбъ, на-

ходятъ также и чисто рѣчныя формы, каковы: таймень, нельма и чирь, а въ только что пройденной нами вискѣ ведется даже очень добычливый ловъ двухъ послѣднихъ, только что упомянутыхъ видовъ,—нельмы и чира. Верши для ловли ихъ съ большимъ трудомъ устанавливаютъ въ илистую массу, но результатъ оказывается очень удовлетворительнымъ и, слѣдовательно, рыба должна имѣть возможность пробираться сквозь тину и иль и подвигаться впередъ.

27 Іюля достигли мы урочища Талась, въ которомъ жилъ якутскій голова, провожавшій меня изъ Колымска до Алазеи. Тутъ добрались мы, наконецъ, опять до прекрасныхъ луговъ и покосовъ, которые до сихъ поръ встрѣчались намъ не часто: покрытыя травой пространства попадались въ достаточномъ количествѣ, но было замѣтно, что мы болѣе и болѣе приближаемся къ сѣверной тундрѣ, — росла одна жесткая, мало питательная, болотная трава, такъ что лошади никогда не могли наѣсться досыта. Послѣднее обстоятельство, по словамъ головы, и было причиною того, что въ пройденной нами мѣстности не было видно ни рогатаго скота, ни лошадей. Хотя по озерамъ и живутъ якуты, но только такіе, которые не держатъ скота, а кормятся рыбнымъ промысломъ, здѣсь во всякомъ случаѣ достаточно прибыльнымъ. Владѣльцы стадъ предпочитаютъ верхнее теченіе Колымы, гдѣ травы обладаютъ гораздо большею питательностью. Въ томъ же мѣстѣ, гдѣ поселился голова, условія были другія, но, конечно, этотъ возвышенный сухой участокъ былъ не великъ, такъ что корма для стадъ хватало только ему да нѣсколькимъ другимъ якутамъ.

Покинувши мѣсто стоянки головы, мы скоро пришли къ двумъ, недалеко другъ отъ друга расположеннымъ озерамъ, Унарбѣ и Сень-кѣль; каждое изъ нихъ имѣло въ окружности по сту верстъ и такимъ образомъ они превосходили обыкновенные средніе размѣры здѣшнихъ озеръ. Унарба, подобно Долгулаху, представляетъ изъ себя группу озеръ, Сень же, наоборотъ, почти совершенно кругло. Оба они не глубоки, особенно послѣднее, которое ни гдѣ не глубже семи футовъ; по всей вѣроятности

это зависѣло частью отъ того, что и они спали нѣсколько времени тому назадъ, подобно нѣкоторымъ другимъ нами посѣщеннымъ озерамъ. На Сени это пониженіе уровня воды было очень ясно замѣтно; такъ, желая выбрать болѣе удобную дорогу, мы спустились съ бывшаго его берега, круто поднимавшагося футовъ на десять, и прекрасно себѣ проѣхали верхомъ по твердой почвѣ обсохшей полосы его дна. Судя по этому, теперешній уровень воды озера долженъ быть болѣе чѣмъ на двѣнадцать футовъ ниже прежняго, если только справедливы слова головы, что вода хватала до верхняго края бывшаго берега. По словамъ жителей такое частичное пониженіе уровня озеръ случается очень часто; вода начинаетъ спадать вслѣдъ за половодьемъ и, понизивши свой уровень до извѣстныхъ предѣловъ, вдругъ останавливается. Во многихъ случаяхъ уровень воды въ теченіе продолжительнаго времени остается неизмѣнившимся, но часто онъ начинаетъ постепенно подниматься, пока не достигнетъ своей прежней высоты; черезъ нѣсколько лѣтъ вновь повторяется то же самое явленіе. На оборотъ, совершенное исчезновеніе озеръ наблюдается крайне рѣдко. На основаніи всего этого возникаетъ предположеніе, что какъ будто повышеніе уровня озеръ находится въ тѣсной связи съ состояніемъ високъ и особенно травянныхъ високъ. Причину образованія этихъ безчисленныхъ водовмѣстилищъ нужно искать, по всей вѣроятности, въ отсутствіи стока воды, получающейся вслѣдствіе таянія зимняго снѣга: весною она неминуемо должна собраться въ углубленія этой богатой котловинами мѣстности, потому что испареніе въ тѣхъ широтахъ очень слабо. Благодаря тому, что поверхность земли въ этой мѣстности горизонтальна, вѣски текутъ очень медленно, легко заростають болотными растеніями и тѣмъ самымъ мѣшаютъ оттоку воды, пока напоръ ея не увеличится настолько, что она силою прорветъ препятствіе, размоетъ отводящіе каналы, и не понизитъ тогда своего уровня. Точно также и здѣсь два большія, лежащія другъ около друга водовмѣстилища имѣютъ различныя стоки: Унарба питаетъ Алазею, а Сень — Большую Чукотскую.

Отсюда я поспѣшилъ какъ можно скорѣе на озеро Сень, гдѣ меня ожидало зрѣлище, на которое я былъ приглашенъ и которое давно уже хотѣлъ видѣть. Уже въ Колымскѣ мнѣ сказали, чтобы я поторопился, если хочу посмотрѣть готовившійся на Сени ловъ ляньющихъ утокъ, но несмотря на то, что мы спѣшили, я всетаки опоздалъ, такъ какъ ловить пришлось наканунѣ моего приѣзда. Желая доставить мнѣ удовольствіе, люди откладывали это дѣло, но птицы начали уже дѣлать попытки летать, поэтому нельзя было откладывать ловъ безъ опасенія, что утки разлетятся на глазахъ охотниковъ.

Промыселъ ляньющихъ утокъ и гусей очень важная статья на сѣверѣ; въ этомъ дѣлѣ принимаетъ участіе все населеніе и количество добываемыхъ птицъ такъ велико, что, напримѣръ, въ Колымскѣ, въ хорошо поставленныхъ хозяйствахъ, засоленной птицы хватаетъ до весны и до начала пролета. На время лова образуются временныя товарищества, такъ какъ для успѣха его необходимо значительное количество участниковъ; добыча раздѣляется потомъ по опредѣленному расчету на равныя части. Расчетъ этотъ состоитъ въ томъ, что каждому изъ участниковъ, смотря по его заслугамъ, назначается по нѣскольку паевъ, изъ которыхъ каждый заключаетъ извѣстное количество птицъ; за пай принимается обыкновенно сто штукъ. Для лова необходимы извѣстныя приготовленія: вокругъ озера нужно предварительно поставить стражу; затѣмъ на одномъ изъ его концовъ, обыкновенно на томъ, который находится ближе всего къ сосѣднему озеру, устанавливаютъ ловушку. Большою частью устраиваютъ загонъ, стѣны котораго отстоятъ въ началѣ другъ отъ друга сажень на сто, отсюда онѣ быстро сближаются и въ концѣ концовъ переходятъ въ постепенно возвышающуюся и сдѣланную изъ шестовъ дорожку, которая круто обрывается въ круглое пространство, огороженное заборомъ, составляющимъ собственно ловушку. Для утокъ заборъ дѣлается изъ палокъ высотой не больше трехъ футовъ; палки слабо втыкаются крестъ на крестъ въ землю, при чемъ нѣтъ надобности ставить ихъ

очень прочно; на оборотъ, для гусей все сооруженіе должно быть гораздо солиднѣе и стоять большаго труда; именно въ этомъ случаѣ пользуются большою частью тенетами, потому что птицы, замѣтивъ опасность, легко ломають жерди. Всѣ эти приготовленія, какъ и самая ловля, требуютъ много труда и извѣстной ловкости, да кромѣ того ловъ гусей представляетъ нѣкоторую опасность. Благодаря всему этому участники выговариваютъ себѣ большее или меньшее число паевъ, смотря по количеству затраченнаго труда; въ соглашеніе по этому поводу вступаютъ еще до начала лова.

Такой способъ охоты основанъ на обыкновеніи какъ утокъ, такъ и гусей собираться передъ наступленіемъ времени линьки въ большія стаи на какомъ нибудь изъ озеръ, гдѣ онѣ и линяютъ. Во все это время птицы держатся очень тихо, вовсе не оставляютъ воды и подплываютъ къ берегу очень рѣдко. Стеречь утокъ въ общемъ легко; не нужно только шумѣть и не зажигать огня въ непосредственной близости озера; утки въ этомъ случаѣ остаются спокойны. Иначе дѣло обстоитъ съ гусями, которые въ высшей степени строги и хитры. Люди, стерегущіе ихъ, должны постоянно находиться на чеку, особенно ночью, и сохранять полнѣйшую тишину; разводить сторожевой огонь и костеръ для варки пищи безусловно запрещается. Несмотря на всѣ эти предосторожности, нерѣдко случается, что птицы начинаютъ подозрѣвать опасность и становятся безпокойными. Это выражается тѣмъ, что гуси суетливо плаваютъ въ теченіе дня, нѣкоторые изъ нихъ время отъ времени приближаются къ берегу, внимательно осматриваютъ его и затѣмъ уплываютъ. Если загонъ готовъ, въ такихъ случаяхъ сейчасъ же надо начинать ловлю, если же этого не сдѣлать, то неудачной охоты можно избѣжать, только принимая особенныя предосторожности, такъ какъ у птицъ существуетъ несомнѣнное намѣреніе прорваться. Онѣ дѣлаютъ это всегда ночью: все стадо, состоящее часто изъ нѣсколькихъ тысячъ штукъ, подплываетъ къ берегу въ полнѣйшей тишинѣ и также тихо направляется черезъ лѣсъ

прямо къ ближайшему озеру. Если случится замѣтить гусей въ то время, когда они находятся еще на водѣ, то большею частью удастся отогнать ихъ, но разъ они выбрались уже на берегъ, — все потеряно и не остается ничего больше какъ убивать изъ нихъ столько, сколько возможно. Для этого сторожа запасаются длинными, тонкими жердями или хворостинами, которыми они бьютъ въ густую, послѣшно убѣгающую стаю гусей, однимъ ударомъ часто убивая двухъ или трехъ птицъ. Но прибыль отъ этого не велика, ловъ слѣдуетъ считать неудачнымъ, а труды и особенно дорогое время пропавшими даромъ: только въ рѣдкихъ случаяхъ удается въ томъ же году наверстать на другомъ озерѣ то, что потеряно на первомъ. Если подозрительность птицъ не возбуждена, охота начинается непосредственно передъ тѣмъ, какъ маховыя перья у гусей достаточно отросли для полета. Такъ долго ждутъ съ тою цѣлью, чтобы дать птицамъ хорошенько откормиться; въ началѣ линьки онѣ очень тощи, а промедленіе въ охотѣ никакой опасности не представляетъ, потому что опытные люди по поведенію птицъ тотчасъ же замѣчаютъ въ какомъ состояніи онѣ находятся.

При началѣ ловли съ двухъ сторонъ загона ставятся сторожа, чтобы гуси непрорвались; люди, берущіе на себя обязанность убивать гусей, направляются въ ловушку, а въ воду спускаютъ лодки. Послѣднія въ различныхъ мѣстахъ устраиваются не одинаково и дѣлаются въ видѣ маленькихъ челноковъ или изъ бересты, или сколачиваются изъ тонкихъ досокъ, по три штуки на каждый челнокъ. Въ такую лодку садится одинъ человекъ, двигающій ее посредствомъ длиннаго шеста, къ каждому концу котораго придѣлана маленькая лопатообразная дощечка; вообще эти лодки напоминаютъ тѣ, которыя употребляются для охоты за дикими сѣверными оленями, да и способы управлять челнами въ обоихъ случаяхъ одинаковы. Сначала челноки располагаются линіей вдоль берега, за исключеніемъ того мѣста, гдѣ начинается загонъ; отсюда они медленно подвигаются къ срединѣ озера. Замѣчая приближеніе ловцовъ, птицы собираются въ

большую стаю, которую охотники и гонятъ мало по малу къ тому мѣсту берега, гдѣ находится замаскированный свѣжими вѣтвями загонъ. Въ концѣ концовъ птицы выходятъ на сушу, направляются въ загонъ, приводящій ихъ къ западнѣ, въ которую онѣ сваливаются съ возвышенной дорожки; тутъ хватаютъ ихъ люди, сворачиваютъ имъ шею и сбрасываютъ въ кучу. При охотѣ за утками это не трудное дѣло, но если приходится имѣть дѣло съ гусями, то людей нужно часто мѣнять, такъ какъ сильныя, крайне возбужденныя и падающія въ западню въ большомъ количествѣ птицы царапаютъ и ранятъ охотниковъ. Если умерщвление гусей представляетъ утомительную работу, то загонять ихъ въ свою очередь очень опасно. Если птицы, медленно подплывая къ загону, замѣтятъ съ этой стороны какую нибудь опасность, то случается, что онѣ разомъ поворачиваютъ и въ рассыпную, съ шумомъ и гамомъ стараются прорвать цѣпь челноковъ, что часто оканчивается очень плохо. Въ слѣпкомъ страхѣ, гонимые находящимися за ними птицами, гуси вовсе не стараются избѣжать лодки, а валяютъ прямо черезъ нее. Стоитъ только нѣсколькимъ испуганнымъ птицамъ сѣсть на челнокъ, выдающійся изъ воды всего не болѣе какъ на полтора дюйма, и онъ перевертывается, а сидящій въ немъ человекъ тонетъ, потому что тамъ почти никто не умѣетъ плавать.

На этотъ разъ было поймано 2300 утокъ, большинство которыхъ принадлежало къ тремъ видамъ, — *Anas fuligula*, *A. caudacuta* и *A. glacialis*. Ловъ не былъ особенно удачнымъ, потому что птицъ приходилось загонять на очень большомъ Сень-озерѣ и предпріятіе значительно превосходило силы немногихъ участниковъ, которыхъ было всего около двадцати человекъ. Вслѣдствіе этого имъ удалось отрѣзать и загнать только небольшую часть лняющихъ утокъ, остальные же проскочили въ сторону. Добыча была раздѣлена на сто паевъ, изъ которыхъ два были предназначены для меня, такъ что руководители охоты отсчитали мнѣ 46 утокъ. За удовлетворительный ловъ считается такой, въ который добывается отъ пяти до шести тысячъ штукъ,

но иногда птицъ ловится и многимъ больше. Три года тому назадъ было поймано на одномъ озерѣ 40.000 штукъ, а на слѣдующій годъ 31.000 штукъ; но это были исключительные случаи, уловъ же въ 10.000 не составляетъ рѣдкости. Жители городовъ заготавливаютъ птицъ въ прокъ такимъ образомъ, что ощипываютъ ихъ, потрошатъ, разрѣзываютъ вдоль позвоночнаго столба и, распластавъ, солятъ въ бочкахъ. Якуты на оборотъ, вынувъ всѣ кости, распластываютъ тушку, на которой остаются только ноги. Приготовленныхъ такимъ образомъ птицъ развѣшиваютъ на сушки изъ древесныхъ вѣтвей, подъ которыми разводять слабо глѣющій, но дающій много дыма, огонь изъ свѣжихъ травъ. Нѣсколько прокопченныхъ такимъ образомъ тушки досушиваются на воздухѣ и въ этомъ видѣ считаются достаточно приготовленными для сохраненія на зиму. За успѣшный ловъ гусей считается тотъ, въ который добыто 3.000 штукъ и выше, а при благоприятныхъ обстоятельствахъ ловятъ шесть и болѣе тысячъ штукъ. Главныя мѣста лова утокъ находятся въ предѣлѣхъ древесной растительности, гуси же предпочитаютъ для линянія озера, расположенныя въ тундрѣ; ловлей ихъ занимаются преимущественно жители Русскаго Устья и Нижнеколымска. Заготовка гусей впрокъ нѣсколько отличается отъ способа приготовленія утокъ тѣмъ, что гусей не врѣзываютъ, а вынимаютъ только кости, благодаря чему изъ гуся получается родъ мѣшка съ всяцкими на немъ ногами; внутрь такого растянутого мѣшка вкладываютъ двѣ другія, свернутыя въ трубку гусинныя тушки; такимъ образомъ три птицы представляютъ какъ бы одно цѣлое. По поводу того, насколько вкусны приготовленные такимъ образомъ гуси, трудно придти къ соглашенію: тамошніе жители считаютъ ихъ очень вкусными, я же не могу раздѣлить этого взгляда. Во время моего пребыванія зимой 1866 года въ Русскомъ Устьѣ мнѣ съ трудомъ удавалось выбрать изъ большаго количества имѣвшихся тамъ запасовъ нѣсколько хорошо сохранившихся птицъ, большинство же сильно воняло и не удовлетворяло вкусу европейца.

Еще ранѣе, чѣмъ мы достигли озера Сень-кѣля, время отъ времени съ лѣвой стороны дороги показывались немногіе холмы, но они были не высоки и только по одиночкѣ поднимались среди ровной тундры. Съ лѣвой стороны на горизонтѣ были замѣтны также низкія цѣпи горъ, — послѣдніе отроги Алазейскаго хребта. Но начиная отъ озера Сень-кѣля, мѣстность приняла холмистый характеръ и оставалась такой на довольно значительномъ разстояніи. Пройдя приблизительно тридцать верстъ отъ озера Сень, мы снова достигли двухъ довольно большихъ озеръ, Улаханъ-Чокурдахъ и Куранахъ-Чокурдахъ, лежащихъ близко другъ отъ друга; сначала я предполагалъ даже, что отдѣляющая ихъ узкая, всего въ пятьдесятъ сажень шириною, полоса земли должна быть прорѣзана вислою, но я не могъ найти ея, да и якутъ полагалъ, что никакой вислои здѣсь нѣтъ. Несмотря на такое близкое сосѣдство озеръ другъ отъ друга, Улаханъ спускаетъ свои воды въ Алазею, а Куранахъ въ Большую Чукочью. Благодаря холмистому характеру мѣстности, здѣсь находились кое-гдѣ сухіе участки, а вслѣдствіе этого и хорошіе покосы, которые отыскивали-таки якуты и стали пользоваться ими. Въ качествѣ постоянного обитателя тутъ жилъ староста со своимъ братомъ; это былъ послѣдній поселокъ, послѣдній форпостъ въ Большой тундрѣ. Якуты эти занимались здѣсь еще скотоводствомъ, дальнѣйшія же поселенія къ сѣверу были только жилищами рыбаковъ. Далѣе холмы приняли уже видъ горъ; древесная растительность становилась все ниже и рѣже и въ семидесяти верстахъ къ сѣверу отъ Сень-кѣля вовсе прекратилась, чтобы впрочемъ появиться еще разъ на Алазеѣ. Мы находились тутъ въ очень гористой мѣстности, такъ что легко можно было забыть, что мы проходили по безконечной равнинѣ между Пелевымъ хребтомъ и Колымой. Съ возвышенной вершины, на которую мы вѣхали верхомъ на лошадяхъ, насколько можно было различать сквозь слегка туманный воздухъ, мы видѣли только горы и лежащія между ними озера, — это была маленькая горная страна среди необозримой равнины. Конечно, она тянулась на небольшомъ

протяженіи, но мы ѣхали среди этого хаоса горъ и холмовъ все же около тридцати верстъ. Прежде чѣмъ описывать дальнѣйшій ходъ путешествія, я долженъ упомянуть еще объ одномъ обстоятельстве, которое впоследствии имѣло для насъ очень большое значеніе. Выше уже было сказано, что я поручилъ одному изъ моихъ якутскихъ проводниковъ лѣтомъ 1869 года, когда мы находились въ Чукотской землѣ, разыскать то мѣсто, на которомъ тунгузъ Фока нашелъ мамонта. Якутъ это исполнилъ и рассказалъ мнѣ о томъ, что онъ тамъ видѣлъ. Однако результаты его изслѣдованій были такъ мало утѣшительны, что я долгое время колебался, ѣхать-ли мнѣ туда или нѣтъ; какъ уже было замѣчено, я предпочелъ бы пройти поперекъ Оймяконскаго нагорья. Единственной побудительной причиной съѣздить самому на Ковчечью и лично убѣдиться нельзя ли тамъ добыть что-нибудь, было то обстоятельство, что Императорская Академія Наукъ, признавъ необходимымъ изслѣдовать мѣстонахожденіе мамонта, могла остаться не вполне довольной результатами поѣздки моего проводника. Благодаря этимъ свѣдѣніямъ я находился все время въ плохомъ расположеніи духа, которое вовсе не улучшалось отъ того, что я разъѣзжалъ по болотистой тундрѣ. Лошадямъ идти было очень трудно, такъ что мы дѣлали только тридцать или сорокъ верстъ въ день, т. е. не болѣе того, что можетъ сдѣлать пѣшеходъ. Дождя до сихъ поръ вовсе не было и люди напрасно ломали себѣ голову, отыскивая причину того, почему тундра такъ размякла, а озера и виски такъ переполнены водой. Впоследствии, когда мы пришли на Индигирку, эта затруднявшая намъ дорогу и портившая наше расположеніе духа загадка объяснилась. При такихъ обстоятельствахъ на меня очень хорошо подѣйствовало пріятное извѣстіе, которое принесъ мнѣ одинъ якутъ; онъ искалъ меня въ Среднеколымскѣ, а когда узналъ, что я оттуда уже уѣхалъ, то пустился вслѣдъ за мной. Какъ всегда весной, вмѣстѣ съ двумя другими якутами онъ направился въ тундру, искать мамонтовы клыки. Они пытали свое счастье на берегу рѣки Шандрона, тоже текущей между Алазеей и Индигиркой и

впадающей въ Ледовитый океанъ, однако не достигли особеннаго результата. Разъ вечеромъ, когда они собрались уже на ночлегъ и разбрелись по разнымъ сторонамъ за хворостомъ и дровами для костра, одинъ изъ нихъ увидалъ ногу мамонта, торчавшую изъ береговаго обрыва, оторвалъ ее и принесъ съ собой. Нагнавшій меня якутъ, зная, что тунгузъ Фока былъ награжденъ мною табакомъ, тотчасъ заявилъ, что мѣсто нужно точно отмѣтить и извѣстить объ этомъ меня. Они такъ и поступили. По словамъ якута нога была болѣе аршина длиной и состояла изъ мяса и кожи, которая мѣстами была еще покрыта волосами; она торчала горизонтально изъ обвала; нашедшему удалось вытащить ее оттуда послѣ того, какъ онъ ее нѣсколько разъ покачалъ и отломилъ. Выкопавши въ землѣ яму, они всунули въ нее отломанную ногу и засыпали; затѣмъ они направились на мѣсто находки и отмѣтили мѣсто, гдѣ находилась нога, мамонтовымъ ребромъ, которое нашли тутъ же валявшимся на землѣ, а затѣмъ его послали съ извѣстіемъ ко мнѣ. Якутъ тотчасъ же получилъ отъ меня такое же количество табаку какъ и Фока, и кромѣ того я пообѣщалъ ему награду, если тамъ дѣйствительно что-нибудь найдется; онъ остался очень доволенъ и согласился отправиться со мной, чтобы довести меня до мѣста. Если опытъ, вынесенный мною изъ исторіи съ первымъ мамонтомъ, и не располагалъ меня питать черезъ-чуръ радужныя надежды, то я все же не могу скрыть, что на этотъ разъ я ожидалъ найти хоть что-нибудь: якутъ говорилъ очень разумно и врядъ-ли пустился бы за мной на розыски съ предложеніемъ указать мнѣ мѣсто находки, если бы не былъ въ ней вполне увѣренъ. Это обстоятельство дало намъ возможность продолжать наше путешествіе въ болѣе веселомъ расположеніи духа.

Когда мы выбрались изъ гористой мѣстности, и горизонтъ передъ нами очистился, мы могли различить на сѣверѣ три горныя вершины, изъ которыхъ западную называли Улаханъ-Албей, среднюю — Ачыги-Албей и восточную — Киселяхъ-Тасъ. Двѣ первыя лежатъ къ западу отъ Алазен, а послѣдняя расположена

на правой сторонѣ этой рѣки. Съ Улахангъ-Албей и Ачыгги-Албей текутъ рѣки, впадающія въ Ледовитый океанъ между Алазеей и Индигиркой, а съ Киселяхъ-Таса берутъ начало рѣчки, расположенныя между Алазеей и Большой Чукочьею. Приблизительно въ тридцати верстахъ отъ того мѣста, гдѣ прекратилась лѣсная растительность, лѣсъ появился снова и былъ довольно хорошъ. Это указывало на то, что мы приближались къ Алазеѣ, и дѣйствительно, мы пришли къ ней въ тотъ же день. Здѣсь, выше впаденія въ нее большаго лѣваго притока Россохи, Алазея все еще довольно узка, несмотря на кажущуюся массу воды, которую несутъ въ нее виски и безчисленныя озера. Однако на обѣихъ ея берегахъ тянутся широкія, покрытыя иломъ пространства, указывающія на то, что весною, во время таянія снѣга, рѣка несомнѣнно бываетъ очень многоводною; впрочемъ и теперь вода въ ней вновь начала прибывать, чего никакъ не могли объяснить себѣ якуты; не понимали они и того, отчего тундра размякла на поверхности. Подпочва ея оказалась, какъ и всегда, замерзшей, талая земля лежала до глубины не болѣе 12—14 дюймовъ, но была такъ сильно пропитана водой, какъ никогда не наблюдалось въ это время года. Перебравшись черезъ Алазею на плоту, предоставленномъ въ наше распоряженіе якутами, ловившими тутъ рыбу, мы продолжали наше путешествіе по безлѣсной мѣстности. Однако граница лѣса проходитъ не здѣсь, а находится нѣсколько ниже впаденія Россохи или Гаврилы въ Алазею. Вѣрнѣе сказать, мы находились на мѣстѣ, опустошенномъ пожаромъ, потому что то тамъ, то сямъ видны были обуглившіеся стволы, а изъ земли торчали старые пни. Только послѣ того, какъ мы перебравшись черезъ Гаврилу у впаденія въ нее Солдаты-ыряха и достигли озера Андрей-кѣля, мы подошли къ границѣ лѣса и очутились у тундры, простирающейся вдоль побережья Ледовитаго океана. Отсюда лѣсъ тянется по направленію къ западу и напоминаетъ своимъ видомъ стѣну вслѣдствіе того, что состоитъ тутъ изъ довольно толстыхъ деревьевъ въ двѣ или три сажени высотой и прекращается разомъ. Все нижнее теченіе рѣки Буи находится

еще въ предѣлахъ лѣсной растительности, которая однако встрѣчается только при устьѣ Солдаты-ыряха и, продолжаясь вдоль сѣвернаго берега озера Балыктахъ-кѣля, достигаетъ восточной подошвы Пелеваго хребта, гдѣ граница лѣса поворачиваетъ къ югу. Наблюденіе Миддендорфа, что лѣсная растительность выдвигается на сѣверъ по долинамъ рѣкъ въ видѣ заостренныхъ, напоминающихъ остріе копья, полосъ, подтверждается, насколько я могъ замѣтить, только на большихъ рѣкахъ. Очень хорошо это замѣтно на Ленѣ, гдѣ несомнѣнное вліяніе на распространеніе лѣса оказываютъ также возвышенности, простирающіяся вдоль обѣихъ береговъ. Точно также наблюдается, какъ будетъ указано далѣе, выдвиганіе лѣса по правому гористому берегу Индигирки, тогда какъ на лѣвомъ, ровномъ берегу онъ не распространяется такъ далеко на сѣверъ. На Алазеѣ, которая представляетъ изъ себя лишь небольшую рѣку и оба берега которой одинаковой высоты, лѣсъ выдвигается лишь незначительно, но все же заходить за границу смежныхъ съ ней участковъ верстъ на 10—15. Сѣверная граница лѣсной растительности отличается отъ восточной тѣмъ, что на ней встрѣчается исключительно одна порода деревьевъ, именно — лиственница, тогда какъ на Анадырѣ, точно такъ же какъ и на Пенжинѣ, лиственница замѣняется топодемъ и осиною. Вообще съ тѣхъ поръ, какъ мы вступили въ область озеръ, мы вовсе не встрѣчали другихъ древесныхъ породъ кромѣ лиственницы. Ольха, береза — *Betula nana*, а также ивы попадаются еще въ этой области въ видѣ кустарниковъ, но деревьевъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, кромѣ лиственничныхъ, мы вовсе тутъ не встрѣчали. Лѣсъ къ сѣверу отъ Верхоянскаго хребта безспорно имѣетъ другой видъ, чѣмъ къ югу отъ него. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ корявъ, потому что время отъ времени попадаются очень стройныя деревья, но въ общемъ стволы становятся тоньше, нѣтъ уже той силы роста, какая бросается въ глаза къ югу отъ хребта и кладетъ на тамошніе лиственничные лѣса отпечатокъ мощности. Если проѣзжать верхомъ черезъ простирающуюся, повидимому, на безконечное раз-

стояніе лиственничную тайгу Якутскаго и Вилюйскаго округовъ, въ которыхъ часто нѣтъ никакихъ прогалинъ на протяженіи 50-ти и болѣе верстъ, то можно замѣтить, что здѣсь эта древесная порода безусловно преобладаетъ, не допускаетъ примѣси никакихъ другихъ породъ и уступаетъ только топору да огню. Лѣсъ горитъ ежегодно отъ различныхъ причинъ: частью отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ, частью же его поджигаютъ намѣренно—съ цѣлью получить хорошее пастбище; но если человѣкъ не постарается довершить работу огня топоромъ, такіе пожары не приносятъ большаго вреда: черезъ нѣсколько лѣтъ все вновь покрывается густымъ подлѣдомъ и прогалина зарастаетъ. Проѣхать лиственничный лѣсъ къ югу отъ хребта можно только по тропинкамъ, съ давнихъ поръ протореннымъ якутами и пересѣкающимъ его по всевозможнымъ направленіямъ; иначе онъ положительно непроходимъ ни для лошадей, ни для человѣка, развѣ только на каждомъ шагу прокладывать себѣ дорогу топоромъ. Кто не знакомъ лично съ тамошней тайгой, тому трудно представить себѣ густоту подлѣда: даже въ самой чащѣ лѣса, куда солнце проникаетъ только съ большимъ трудомъ, густо растущіе стройные стволы молодыхъ деревцевъ напоминаютъ собой скорѣе конопляникъ и вовсе не оставляютъ мѣста для произрастанія травы. Къ сѣверу отъ Верхоянскаго хребта нѣтъ уже этой могучей силы роста, деревья отстоятъ одно отъ другаго на болѣе значительномъ разстояніи, лѣсъ рѣже, его можно исходить по всѣмъ направленіямъ или проѣхать верхомъ безъ тропы,—однимъ словомъ, онъ походитъ до извѣстной степени на сосновый боръ.

Чѣмъ дальше подвигаешься къ сѣверу, тѣмъ рѣже становится лѣсъ, кочковатыя болота, калгусы, становятся все обширнѣе, олений мохъ (который къ югу отъ Верхоянскаго хребта встрѣчается сплошными пространствами только на значительныхъ высотахъ) начинаетъ преобладать на равнинахъ, а деревья хотя и растутъ еще, но видно, что имъ тутъ уже непривольно. Здѣсь нельзя такъ злоупотреблять выжиганіемъ лѣса, какъ на югѣ, да и нѣтъ надобности прибѣгать къ этому, потому что лѣсъ уже не

стѣсняеть человѣка, не тяготитъ его, а наоборотъ служить ему охраной противъ снѣжныхъ бурь. Къ югу отъ Верхоянскаго хребта якутъ считаетъ удобной землей только обнаженные отъ лѣса земли, лѣсъ же считается неудобнымъ мѣстомъ, потому что онъ ни на что негоденъ. Каждый наслѣгъ, на вопросы объ его владѣніяхъ, называетъ только открытыя мѣста—поляны, берега рѣкъ и озеръ, которые ему принадлежать, о лѣсѣ же онъ никогда не упоминаетъ и не принимаетъ его вовсе въ расчетъ.

Начиная приблизительно съ Сень-кѣля, мы уже часто встрѣчали деревья съ засохшими верхушками, насажденія становились все рѣже и рѣже, часто они встрѣчались только островами посреди широко раскинутыхъ болотистыхъ пространствъ, однимъ словомъ, лѣсъ становился ничтожнымъ и въ концѣ концовъ, приблизительно подъ 69° 30' сѣверной широты, прекратился совсѣмъ.

Такимъ образомъ нашъ послѣдній ночлегъ въ границѣ лѣсной растительности былъ на Андрей-кѣлѣ, маленькомъ озерѣ, на которое я врядъ-ли обратилъ бы особенное вниманіе, если бы не натолкнулся на его берегу на одно явленіе; со времени оставленія устья Анадыря я сильно ломалъ голову надъ этимъ явленіемъ, потому что въ то время никакъ не могъ объяснить себѣ причины его. Тогда мы пустились уже въ обратный путь и шли на сѣверъ восточнѣе рѣки Нерпичей; и вотъ здѣсь-то, на берегу одной маленькой незначительной рѣчки, которая въ то время была уже совершенно высохшей, мы замѣтили подъ дерномъ ледъ. Спрашивается, какимъ образомъ онъ могъ попасть сюда? Мы находились на слабо-волнистой равнинѣ и только на сѣверѣ, на горизонтѣ были видны нѣсколько болѣе высокія горныя цѣпи. Какъ обыкновенно въ той мѣстности, равнина представляла изъ себя кочковатое болото, да и самое дно совершенно тогда пересохшей рѣченки было тоже покрыто кочками: очевидно, что проточная вода могла находиться тутъ только во время весенняго таянія снѣга. Толщина ледянаго пласта, выступавшаго на поверхность, равнялась двумъ съ половиною футамъ и ледъ располагался на вершинѣ маленькаго хол-

мика, который со стороны русла рѣки былъ подмытъ весенней водой и въ этомъ видѣ сохранился его разрѣзъ. Поверхъ льда находился слой земли и дерна приблизительно въ четырнадцать дюймовъ толщиной. Подмытая водой сторона холма имѣла протяженіе отъ шести до восьми саженой и по всей ея длинѣ находился указанный выше слой льду. При ближайшемъ разсмотрѣніи ясно можно было видѣть, что примыкавшая къ дерну часть льда была молочно-бѣлаго цвѣта, а подъ нимъ главная толщина слоя состояла изъ прозрачнаго, совершенно крѣпкаго льда интенсивно-синяго цвѣта, при постукиваніи же молоткомъ (при температурѣ воздуха въ 4° холода по Реомюру) какъ бѣлый, такъ и синий ледъ давали ясный звукъ. По аналогіи слѣдовало бы заключить, что всѣ волнистыя возвышенія, окружавшія насъ въ тундрѣ, состояли изъ такого же льда; далѣе, съ такой же долей вѣроятности можно было предположить, что и вся тундра Чукотской Земли покоится на подпочвенномъ льду, такъ какъ тундра эта повсюду носитъ такой же слабо-волнистый характеръ, какой мы видѣли въ то время. Почва въ ту пору уже замерзла, орудій для раскапыванія у насъ съ собой не было, а потому я не изслѣдовалъ этого явленія; я все еще полагалъ, что имѣлъ передъ собой единичный случай и считалъ тогда это наслоеніе льда за маленькій тарынь, который былъ прикрытъ до своего оттаиванія пескомъ, нанесеннымъ какой нибудь бурей, и такимъ образомъ благодаря этому прикрытію сохранился.

На озерѣ Андрей мы расположились лагеремъ, остановившись на его берегу, который возвышался около пяти саженой. Мѣстность стала холмистой уже тотчасъ по переходѣ черезъ Гаврилу, да и озеро было окружено небольшими возвышеніями. Берегъ круто спускался къ поверхности воды и здѣсь тоже непосредственно подъ дерномъ находился слой льда по крайней мѣрѣ въ сажень толщиной, т. е. на столько онъ былъ виденъ; углублялся ли онъ подъ почву далѣе, я не могъ прослѣдить, потому что при мягкомъ, вязкомъ, илистомъ грунтѣ нельзя было раскапывать. Относительно строенія льда я тоже не могъ ничего узнать, потому что, косо

спадая къ берегу, онъ былъ совершенно закрытъ тонкимъ текучимъ слоемъ ила. Казалось вѣроятнымъ, что въ данномъ случаѣ я имѣлъ дѣло съ сохранившимся въ теченіе лѣта снѣжнымъ обваломъ, потому что профиль его былъ направленъ на сѣверъ. Чтобы добыть болѣе точныя данныя, я велѣлъ принести кирку и лопаты. На самомъ обрывѣ, какъ уже было сказано, ничего нельзя было предпринять: люди глубоко вязли въ илѣ и могли отбивать только маленькіе кусочки льда, которые къ тому же совершенно пачкались въ илѣ раньше, чѣмъ я получалъ ихъ въ руки. Вслѣдствіе этого я попыталъ свое счастье на краю обрыва и выкопалъ тутъ въ твердой землѣ яму около двухъ аршинъ ($4\frac{2}{3}$ англійскихъ фута) глубиной. При этомъ я нашелъ слой мха въ семь дюймовъ толщиной, затѣмъ дюймовый слой глины и, наконецъ, чистый твердый ледъ. Въ другой ямѣ, вырытой въ четырехъ саженьяхъ отъ берега и въ столькихъ же отъ первой, мы нашли полтора фута желтоватой, будто только что обнаженной глины, затѣмъ два дюйма крѣпкой сѣрой глины и наконецъ чистый твердый ледъ. Третья яма была сдѣлана въ пяти саженьяхъ отъ первой и въ четырехъ — отъ второй, такъ что она отстояла отъ берега озера по крайней мѣрѣ на восемь саженей. Тутъ я нашелъ подъ слоемъ мха въ семь дюймовъ толщиной пластъ сѣрой глины въ два дюйма, а затѣмъ крѣпкій ледъ, перемеженный съ кусками глины. Такимъ образомъ мы имѣли дѣло со слоемъ льда по меньшей мѣрѣ въ одну сажень толщиной, находившимся подъ очень тощимъ покровомъ изъ мха, при томъ же въ мѣстности, покрытой деревьями; словомъ, это не былъ простой снѣжный обвалъ. Я не могъ рыть землю подъ самыми корнями деревьевъ, но тѣмъ не менѣе убѣдился, что не очень сильно разросшіеся корни плотно прилежали къ замерзшей почвѣ, такъ что всѣ деревья въ началѣ августа оказались еще сильно примерзшими къ подпочвѣ. Объ этомъ предметѣ будетъ еще подробно сказано въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи, но тутъ я упомянулъ о немъ частью потому, что я нашелъ ледъ впервые въ этой тундрѣ, а отчасти для того, чтобы указать на его широкое распространеніе.

На слѣдующій день мы въѣхали въ безконечную безлѣсную тундру. Единственнымъ, но очень вѣрнымъ путеводителемъ служили намъ вершины Малаго или Ачыги-Албея, возвышавшіяся надъ горизонтомъ ровной тундры. До этого времени я еще могъ наносить на карту озера, мимо которыхъ мы проходили, хотя мѣстами и было ихъ очень много; но съ тѣхъ поръ, какъ мы попали въ тундру, это стало невозможно: куда ни взглянешь, всюду видишь озера, озерки и болотины въ безчисленномъ количествѣ; поэтому, для того, чтобы дать полную картину этой мѣстности, собственно говоря, было бы достаточно взять краску кистью и брызнуть ею на бумагу, — это было бы самой вѣрной передачей истиннаго положенія вещей.

Послѣ двухдневнаго пути мы добрались до подошвы Ачыги-Албея и къ моему величайшему удовольствію нашли тутъ тунгуза, пришедшаго сюда на поиски нѣсколькихъ заблудившихся оленей. Онъ жилъ въ области нижняго теченія Индигирки, а потому зналъ здѣсь всѣ ходы и выходы. Это было какъ разъ то, въ чемъ я нуждался, потому что мой проводникъ взялся довести меня только до мѣстонахожденія мамонта, заявляя, что далѣе онъ мѣстности не знаетъ и что вывести меня на Индигирку онъ не можетъ, такъ какъ никогда не посѣщалъ этой рѣки. Послѣднее неудобство было бы еще несущественно, потому что такую рѣку какъ Индигирка всегда можно найти, но важно было выйти на нее въ такомъ мѣстѣ, гдѣ находились люди, которые могли бы переправить насъ черезъ рѣку и тѣмъ избавить отъ странствованія вдоль берега для того, чтобы отыскать какое нубудь населенное мѣсто. Тунгузъ же взялся выполнить эту задачу, потому что онъ зналъ мѣсто, гдѣ Лазарь Струковъ, староста живущихъ по Индигиркѣ русскихъ, занимался рыбнымъ промысломъ; онъ обѣщалъ ѣхать вмѣстѣ съ нами и довести насъ туда послѣ того, какъ мы съѣдимъ на мѣсто находки мамонта.

Перейдя черезъ невысокій хребетъ, мы очутились въ области истоковъ Улаханъ-Хомось-ыряха, или Большой Ковчечьей, принимающей слѣва Ачыги-Хомось-ыряхъ, или Малую Ковчечью,

на которой долженъ былъ находиться открытый тунгузомъ Фокой мамонтъ. Какъ ни спѣшили мы идти впередъ, я все же долженъ былъ просидѣть на мѣстѣ цѣлый день, потому что шелъ сильный дождь и тунгузъ боялся промочить свое платье, которое было у него, конечно, единственнымъ. Ясная погода стала вообще рѣже, часто бывали туманы и ненастье, что въ безлѣсной тундрѣ является во всякомъ случаѣ очень неприятнымъ обстоятельствомъ, такъ какъ нѣтъ никакой возможности высушить промокшія вещи. Снова встрѣтивъ на одномъ обрывѣ Большой Ковчечьей выходъ почвеннаго льда, мы пришли 11 августа къ мѣстонахожденію перваго мамонта, т. е. того, о которомъ извѣстилъ насъ тунгузъ Фока.

Мнѣ кажется тутъ умѣстнымъ нѣсколько нарушить историческій ходъ разсказа и, забѣгая впередъ, дать краткое описаніе той мѣстности, въ которой должны были находиться указанные выше трупы допотопныхъ животныхъ. Это значительно поможетъ уяснить послѣдующее.

Къ западу отъ равнины, области озеръ и Алазеи, на правомъ берегу Индигирки поднимается высокій Пелевой хребетъ, самая высочайшая вершина котораго имѣетъ около 4.000 футовъ. Онъ начинается, подъ именемъ хребта Чайдахъ, на правомъ берегу впадающей въ Индигирку рѣки Шангина, нѣсколько къ югу отъ 69° широты, затѣмъ тянется подъ названіемъ хребта Пелеваго въ сѣверо-восточномъ направленіи до самой высокой изъ своихъ вершинъ, Хилимилнга, находящейся у истоковъ впадающаго въ Балыктахъ Отъ-ыряха. Начиная отсюда, хребетъ носить различныя наименованія, которыя, судя по нѣсколько сбивчивымъ объясненіямъ тунгузовъ, представляютъ изъ себя, по всей вѣроятности, только названія наиболѣе высокихъ вершинъ, выдающихся изъ общей горной цѣпи. Считая съ запада на востокъ, онѣ слѣдующія: Соръ-Джета (73), Сыряхъ-Таха, Улаханъ-Албей и Ачыгы-Албей; простираніе хребта, начинающагося съ Хилимилнга, почти чисто восточное и оканчивается онъ только на лѣвомъ берегу Алазеи. На правомъ берегу рѣки этотъ

хребетъ продолжается въ видѣ Кихеляхъ- или Киселяхъ-Таса, что означаетъ хребетъ мужчинъ, названіе, данное по причинѣ большаго числа керуловъ, которые, судя по рассказамъ, попадаютъ тамъ. Кихеляхъ-Тась къ востоку становится все ниже и положе и наконецъ оканчивается на высокомъ берегу устья Большой Чукочей. На сѣверо-западъ отъ Хилимилнга тянется вдоль Индигирки еще одинъ горный кряжъ, Пунга-Тага, который теряется въ тундрѣ въ области дельты этой рѣки.

Такимъ образомъ низменная равнина средняго теченія Алазеи отдѣлена отъ Ледовитаго океана возвышенностью, которая тянется отъ Индигирки почти до Колымы и отстоитъ отъ побережья океана на разстояніи приблизительно ста верстъ; эта обширная низменность усѣяна безчисленными озерами. Съ Пелеваго хребта и его продолженій течетъ на сѣверъ, въ Ледовитый океанъ, большое количество небольшихъ рѣкъ; между Индигиркой и Алазеей изъ нихъ очень хорошо извѣстны людямъ, отыскивающимъ мамонтовы клыки, слѣдующія: Хара-ыряхъ, или Вшивая, Шандронъ со своимъ притокомъ Эрби, или Пилюю, и Улаханъ-Хомось-ыряхъ, или Большая Ковчечья; на берегахъ всѣхъ ихъ находятъ особенно много цѣнныхъ бивней мамонта. Рѣка Эрби обязана своимъ русскимъ названіемъ Пила тому обстоятельству, что заново размытые послѣ половодья ея береговые обрывы бываютъ настолько богаты клыками, что имѣютъ видъ пилы. Если послѣднее названіе и представляетъ изъ себя только гиперболу, то тѣмъ не менѣе вполне справедливо, что эти берега съ большимъ успѣхомъ обшариваютъ не мало промышленниковъ. Они отправляются туда всегда весной по окончаніи половодья, отмѣчаютъ найденные ими клыки зарубками — каждый промышленникъ имѣетъ свой особый знакъ — и оставляютъ ихъ лежать до осени въ полной увѣренности, что никто не тронетъ ихъ находку. При такихъ условіяхъ казалось вовсе неудивительнымъ, что кромѣ зубовъ и костей люди время отъ времени находятъ и цѣлыя трупы, а потому надежда на счастливый результатъ

моей поѣздки была вполне основательна, по крайней мѣрѣ относительно послѣдней находки.

Что касается перваго мамонта, надежды, которыя съ самаго начала были не вполне основательными, въ концѣ концовъ свелись на минимумъ свѣдѣніями, полученными проводникомъ, котораго я посылалъ годъ тому назадъ. Фока открылъ мамонта уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ видалъ высунувшуюся изъ земли ногу или, вѣрнѣе, кость ноги, на которой держалось еще нѣсколько обрывковъ мускуловъ, а черезъ годъ хищныя животныя растащили эту ногу; но за то Фока нашелъ здѣсь другую ногу мамонта, послѣ чего уже и сдѣлалъ свое заявленіе. Якутъ Яковъ, отправленный мною на мѣсто находки, могъ найти только кусокъ шкуры мамонта, которая свободно лежала на землѣ, на ровномъ уступѣ высокаго обрыва; по его мнѣнію само животное было вымыто и увлечено полой водою. Затѣмъ ниже онъ нашелъ выдававшійся изъ земли черепъ, но не могъ убѣдиться, принадлежалъ ли онъ цѣлому животному, или по крайней мѣрѣ скелету, или онъ лежалъ тутъ одинъ.

Осмотръ мѣста далъ слѣдующіе результаты. Мы находились у такъ называемаго яра, т. е. крутаго берега, который имѣлъ приблизительно двадцать сажень или болѣе сорока метровъ высоты. Небольшой потокъ, который впадалъ тутъ въ Ачиги-Хомось-ыряхъ, вырылъ въ обрывѣ глубокую пропасть, круто спускающуюся внизъ, но образовавшую почти по срединѣ высоты обрыва, однако все же нѣсколько ближе къ рѣкѣ, ровный уступъ. По словамъ Фоки трупъ животнаго лежалъ почти на пять сажень выше только-что упомянутаго уступа.

При нашемъ осмотрѣ мы не нашли тутъ никакого животнаго и, по всей вѣроятности, его не было здѣсь и раньше: тунгузъ, очевидно, былъ обманутъ тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ земли выдавались кости ногъ, на которыхъ еще висѣли обрывки мускуловъ и шкуры. Между тѣмъ, судя по характеру мѣстности, присутствіе трупа въ этомъ мѣстѣ было для него вполне вѣроятно, потому что по всей округѣ въ землѣ находится большое количество ма-

монтовыхъ костей и бивней. Въ виду же того, что мѣсто находки располагалось какъ разъ въ руслѣ вырывшаго пропасть маленькаго потока, не было никакихъ причинъ сомнѣваться, что ноги или другія кости были вымыты ручьемъ; благодаря всему этому у тунгуза явилось предположеніе, что въ землѣ лежить скелеть спиною внизъ и ногами кверху. Какъ на этомъ мѣстѣ, такъ и по близости его дѣйствительно находились остатки мамонта въ видѣ громадныхъ костей ногъ, на которыхъ еще висѣли частью очень сильно повредившіяся отъ времени части мышечныхъ волоконъ и остатки сухожилій; но это не были части одного и того же животнаго, онѣ походили скорѣе на случайное скопленіе обломковъ костей. Далѣе, мѣсто, гдѣ, по словамъ очевидца, лежало животное, находилось значительно выше возможнаго уровня полой воды; такимъ образомъ трупъ никакъ не могъ быть унесенъ полой водой: ручей былъ слишкомъ слабъ для такой работы, но онъ могъ вновь зарыть скелеть. Исходя изъ послѣдняго предположенія, мы стали рыть, пока не дошли до замерзшей почвы, но нигдѣ не нашли слѣдовъ скелета. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ рыли, тоже въ мягкой, незамерзшей землѣ мы наткнулись на кусокъ шкуры мамонта значительныхъ размѣровъ, — именно около десяти футовъ въ длину и въ пять или шесть футовъ шириной. Несмотря на то, что одна кожа безъ волосъ имѣла въ толщину три четверти дюйма, она была такъ сильно измята, гнила и разорвана, что только съ большимъ трудомъ ее удалось расправить на землѣ. Она была еще покрыта волосами и я предполагаю, что мы имѣли дѣло съ кускомъ шкуры со спины, потому что, несмотря на то, что она была выпачкана и изорвана, ясно можно было различить на нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе длинные волосы. Казалось, какъ будто вдоль куска тянулась полоса, болѣе густо усаженная волосами, доходившими по срединѣ до семи или восьми дюймовъ въ длину и постепенно укорачивавшимися къ бокамъ. Поэтому я думаю, что полоса, на которой были самые длинные и самые густые волосы, приходилась къ хребту. и что какъ густота, такъ и длина волосъ постепенно уменьшалась по

направленію къ лопаткамъ. Я могъ различить на шкурѣ съ большою точностью три сорта волосъ. Впервыхъ, грязно-желтый подшерстокъ, похожій на тотъ, который имѣютъ сибирскія лошади зимой; по всей вѣроятности онъ согрѣвалъ животное во время очень сильной стужи. Вовторыхъ, болѣе длинная, дюйма въ полтора, красновато-бурая ость, которая совершенно покрывала подшерстокъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ волосяной покровъ хорошо сохранился; то же самое мы и до сихъ поръ наблюдаемъ у всѣхъ пушныхъ звѣрей. Наконецъ, третій сортъ волосъ былъ чернаго цвѣта и составлялъ гриву; мѣстами эти волосы доходили до семи или восьми дюймовъ, а въ другихъ мѣстахъ были немного длиннѣе красновато-бурыхъ покровныхъ волосъ. Я охотно захватилъ бы съ собой весь кусокъ шкуры, но, съ одной стороны, онъ былъ очень великъ и тяжелъ, а съ другой — настолько пропитанъ сыростью, что везти его въ такомъ видѣ не было никакой возможности. Волосяной покровъ, правда, замѣчательно хорошо сохранился, но всѣ волосы сидѣли въ слоѣ эпидермиса, а онъ очень легко отставалъ отъ собственно кожи. Стоило только захватить пальцами пучокъ волосъ, и онъ тотчасъ же очень легко отдѣлялся вмѣстѣ съ тонкимъ какъ бумага эпидермисомъ отъ подлежащей кожи; такимъ образомъ не было сомнѣнія въ томъ, что изъ шкуры, если ее везти влажной, повылѣзли бы всѣ волосы, а вмѣстѣ съ тѣмъ она потеряла бы свою цѣнность. О томъ, чтобы сушить ее не могло быть и рѣчи: съ большимъ трудомъ и усиліями намъ удавалось собирать только небольшое количество хвороста и плавучаго лѣса, чтобы вскипятить воду въ маленькомъ котлѣ. Нечего было и думать о томъ, чтобы сушить мокрая вещи, если только вѣтеръ не принималъ этой работы на себя. Поэтому я удовольствовался двумя кусками шкуры, которые вырѣзалъ изъ наиболѣе сохранившихся мѣстъ и осторожно свернулъ волосами внутрь въ надеждѣ, что эпидермисъ съ волосами крѣпко пристанетъ къ кожѣ и останется такъ при развертываніи.

Затѣмъ мы приступили къ дальнѣйшему изслѣдованію мѣста

и въ скоромъ времени нашли черепъ, о которомъ говорилъ якутъ. Онъ лежалъ на уступѣ, который раздѣлялъ крутой обрывъ на двѣ неравныя части. Черепъ крѣпко сидѣлъ въ замерзшей землѣ, виднѣлась только незначительная его часть, такъ что можно было предположить, что онъ находился въ связи со скелетомъ. Сначала надо было отвести воду, струившуюся сверху; для этого мы отвели рѣчку въ сторону, а затѣмъ принялись копать замерзшую почву. Дѣло подвигалось впередъ медленно, потому что замерзшій мелкій илъ, изъ котораго состоялъ обрывъ, сильно затруднялъ работу. Когда стало темнѣть, мы запрудили прорытое нами русло рѣчки и дали возможность водѣ въ теченіе ночи размягчить мѣсто, въ которомъ сидѣлъ черепъ. Благодаря этому, на слѣдующій день рыть и копать было легче, такъ что мы скоро вытащили черепъ. Казалось, онъ принадлежалъ молодому животному, былъ сильно поврежденъ и вовсе не находился въ соединеніи со скелетомъ; нижней челюсти при немъ не было. Можно было точно установить, что черепъ лежалъ въ плотно наслоившейся глинѣ, которая непрерывно простиралась вглубь, такъ что въ ней не могъ заключаться скелетъ; такимъ образомъ здѣсь нечего было ожидать отъ раскопокъ. Я фотографировалъ обрывъ и громадную глыбу, состоявшую изъ мха и замерзшей земли, державшуюся на сравнительно тонкомъ карнизѣ и сводобно выдававшуюся вверхъ надъ дерномъ. Казалось, что она ежеминутно можетъ свалиться въ пропасть, а между тѣмъ она лежала неподвижно во все время нашей работы и очень возможно, что находится тамъ и до сихъ поръ.

Чтобы сохранить куски, которые я не могъ захватить съ собой, но которые могли потребоваться впослѣдствіи, я вырылъ въ шести саженьяхъ отъ обрыва яму въ четыре фута въ квадратъ. При этомъ сначала шелъ слой оттаявшей земли въ 14 дюймовъ толщиною, затѣмъ пластъ мерзлой земли въ 6 дюймовъ и наконецъ чистый ледъ. Яма была выкопана или, вѣрнѣе, вырублена въ твердомъ льду на четыре фута въ глубину; этотъ ледъ окружалъ ее со всѣхъ четырехъ сторонъ и только одинъ край по

всей его длинѣ состоятъ изъ замерзшей земли. Кромѣ того на одной изъ стѣнъ среди крѣпкаго льда тянулась косая жилка земли приблизительно въ три дюйма толщиной. Ледъ былъ плотенъ и крѣпокъ, растрескивался подъ киркою какъ свѣжій рѣчной ледъ и вовсе не обнаруживалъ стремленія распадаться на лучеобразные осколки, что наблюдается на ледяныхъ глыбахъ, подвергавшихся нѣкоторое время влiянiю весенняго солнца. Тѣмъ не менѣе онъ былъ пронизанъ громаднымъ количествомъ мелкихъ пузырьковъ, которые образовали всегда совершенно прямыя вертикальныя линiи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ было меньше и гдѣ расположенiе ихъ можно было отчетливо прослѣдить. Ледъ не былъ прозраченъ, что въ данномъ случаѣ могло зависѣть отъ большаго количества воздушныхъ пузырьковъ. Въ эту яму мы сложили черепъ, кости ногъ съ висѣвшими на нихъ мышечными волокнами сухожилиями и оставшуюся часть шкуры. Затѣмъ въ чистомъ льду была вырыта другая яма и полученнымъ изъ нея холоднымъ льдомъ совершенно наполнена первая, поверхъ которой изъ мха и земли былъ насыпанъ курганъ, увѣнчанный крестомъ. Отмѣченное такимъ образомъ мѣсто можетъ быть легко вновь найдено каждымъ русскимъ съ Индигирки.

Въ самой пропасти мы не нашли мерзлоты. Бока ея состояли изъ осыпавшейся сверху земли, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы вырыли черепъ, льда въ землѣ очевидно не было.

Теперь намъ приходилось спѣшить, такъ какъ ежедневно шли болѣе или менѣе сильныя ливни, рѣки начали подниматься и являлось опасенiе, что мы не будемъ имѣть возможности перебраться верхомъ черезъ Шандронъ, на которомъ находился второй мамонтъ.

До этой рѣки по прямому пути на западъ было около сорока верстъ. Здѣсь, въ горахъ, почва была во всякомъ случаѣ нѣсколько тверже, такъ что животнымъ идти было легче, а между тѣмъ къ нашему прискорбию мы замѣтили, что лошади стали слабѣть. Причиной этому, очевидно, были плохiя пастбища: грубая трава, которую животныя еще кое-какъ ѣли лѣтомъ, теперь,

осенью, сдѣлалась по видимому вовсе несъѣдобной; конечно, они ѣли и ее, но только потому, что никакой другой не было, питательность же ея сдѣлалась слишкомъ ничтожной и силы лошадей стали падать. Предстоявшія намъ сорокъ верстъ мы проѣхали верхомъ большею частью по холмистой мѣстности; кругомъ насъ были болѣе высокіе хребты, особенно съ юга и востока, но намъ не приходилось черезъ нихъ переходить. Тѣмъ не менѣе вокругъ насъ находились керулы, или каменные столбы, такіе же, какіе бросались намъ въ глаза уже издали какъ на мысѣ Керульномъ, такъ и на другихъ хребтахъ по близости побережья Ледовитаго океана и, наконецъ, на обонхъ Барановыхъ камняхъ. Въ тѣхъ мѣстахъ намъ казалось, что керулы всегда располагаются на гребняхъ болѣе высокіхъ хребтовъ, но здѣсь мы убѣдились, что хотя преимущественно и въ бѣльшемъ количествѣ они и украшаютъ именно хребты, но, тѣмъ не менѣе, встрѣчаются одиноко и среди долины. Они имѣли самыя причудливыя формы; были столбы высотой въ четыре и болѣе сажени, а также и такіе, размѣры которыхъ не много превосходили эратическіе валуны Остзейскихъ провинцій. Нижняя часть этихъ странныхъ образований была большею частью тоньше, чѣмъ верхняя; были даже такіе керулы, что, проѣзжая мимо нихъ верхомъ, невольно задаешь себѣ вопросъ — не лучше ли ихъ объѣхать, потому что колоссы стояли на столь тонкой ножкѣ, что могли, казалось, обрушиться каждую минуту. Они поднимались большей частью непосредственно изъ дерна и мха и состояли, на сколько я могъ замѣтить, изъ содержавшаго очень мало слюды гранита, кварцевые кристаллы котораго были окрашены въ дымчато-сѣрый цвѣтъ. Ребра керуловъ были остры, но все же нѣсколько вывѣтрились, ножка же большею частью была отшлифована. У нѣкоторыхъ изъ колонъ ножки были на столько красиво вогнуты и кругло отшлифованы, что лучше не отдѣлалъ бы и камнетесъ. Надо думать, что нижняя часть столбовъ, часто до высоты одной сажени, была подвержена продолжительному дѣйствию морскихъ волнъ; вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко бросалось въ глаза то обстоятельство, что пред-

положеніе о такомъ вліяніи волнъ противорѣчило современной конфигураціи поверхности суши. Именно, я находилъ слѣды этого вліянія не только на колонахъ, стоявшихъ на возвышенныхъ точкахъ, но и на такихъ, которыя находились болѣе глубоко въ долинѣ, а между тѣмъ отшлифована была въ большинствѣ случаевъ только нижняя часть и никогда я не находилъ слѣдовъ шлифовки выше, чѣмъ на сажень отъ земли. За предѣлами этой черты всѣ столбы, которые я видалъ, имѣли острия, только нѣсколько вывѣтрившіеся ребра и выступы (74).

Вечеромъ 14-го августа мы достигли мѣстонахожденія второго мамонта. На правомъ берегу рѣки Шандрона находилась яма, въ которой спрятана была отдѣлившаяся нога. Мы вынули ее и нашли, что она была оторвана въ колѣнѣ и что длина ея полтора аршина, т. е. метръ. Мѣсто разрыва не было однако свѣжимъ, потому что кость подъ кожей оказалась окрашенной въ темно-бурый цвѣтъ, который обыкновенно принимаютъ въ землѣ мамонтовы кости и клыки. Нѣсколько ниже мѣста перелома начиналась кожа, но вначалѣ подъ нею не было мускуловъ и она плотно прилежала къ кости; далѣе нога дѣлалась толще и переходила въ стопу, сохранившую еще одно копыто и имѣвшую нормальную форму. Якутъ утверждалъ, что копытъ было два, но что второе тогда сломалось и тоже было брошено въ яму; однако мы его не могли найти, несмотря на всѣ старанія, да и послѣднее копыто въ концѣ концовъ мы тоже потеряли; оно легко отстало, потому что съ внутренней, вогнутой своей стороны было прикрѣплено къ пальцу только тонкими роговыми пластинками. Въ скоромъ времени мы нашли мелкое мѣсто, такъ что имѣли возможность переѣхать верхомъ черезъ глубокую въ другихъ мѣстахъ рѣку и такимъ образомъ перебрались на правый берегъ. Между тѣмъ сильно стемнѣло, и я не рѣшался осматривать мѣсто, гдѣ находился мамонтъ, чтобы не сдѣлать въ темнотѣ чегонибудь такого, что впослѣдствіи могло бы оказаться нежелательнымъ. На слѣдующій день якутъ привелъ насъ къ мѣсту, гдѣ въ стѣнѣ, дѣйствительно, торчало ребро. Мѣсто представляло изъ

себя небольшую полукруглую выемку, въ верхней части которой подъ дерномъ былъ слой почвеннаго льда около аршина толщины, далѣе слѣдовалъ вязкій илъ, который спускался къ рѣкѣ въ косомъ направленіи. Глубина выемки была приблизительно въ шесть саженой; тамъ, гдѣ стѣна выемки становилась ниже, съ одной стороны ея, на высотѣ около одной сажени надъ поверхностью рѣки и въ такомъ же разстояніи отъ верхняго края, торчало изъ земли ребро. Въ то время, какъ я осматривалъ мѣсто, одинъ изъ казаковъ влѣзъ на стѣну и закричалъ, обращаясь ко мнѣ: «гдѣ же тутъ мѣсто для мамонта, если онъ такъ великъ, какъ Вы говорите». Я послѣдовалъ за нимъ и съ перваго взгляда, конечно, увидѣлъ, что мы понапрасну ѣхали сюда и собственно могли бы прямо отправиться домой. На другой сторонѣ находилась точно такая же выемка, но только болѣе древняго происхожденія, потому что вся она успѣла уже покрыться дерномъ. Такимъ образомъ нога торчала въ раздѣлявшей обѣ выемки земляной перегородкѣ, которая была тутъ около аршина толщиной. Было несомнѣнно, что цѣлый мамонтъ здѣсь не могъ помѣститься да и поверхность излома ноги, которая у меня находилась, очевидно была старая, такъ что здѣсь ничего не было. Когда находишься въ путешествіи и испытаешь одну неудачу за другой, какъ это случалось съ нами въ теченіе всей экспедиціи, перестаешь достаточно владѣть собой, чтобы рѣшиться подняться и уѣхать, не теряя напрасно времени. Такъ и я былъ тогда вполне убѣжденъ въ томъ, что тутъ находился мамонтъ, но что его унесло теченіемъ передъ моимъ приходомъ; я придерживался этого мнѣнія также и въ моемъ первомъ отчетѣ Академіи, составленномъ еще подъ впечатлѣніемъ неудачи. Теперь же я охотно признаю, что оно было абсурдомъ и что Л. И. Шренкъ былъ несомнѣнно правъ, полагая, что собранные здѣсь мною остатки были занесены сюда теченіемъ. Становится досадно, когда убѣдишься, что не только напрасно работалъ, но и вмѣстѣ съ тѣмъ упустилъ другіе случаи, гдѣ можно было бы лучше воспользоваться временемъ.

Такъ какъ вторая выемка все таки существовала, да и возрастъ ея, судя по толстому дерну, нельзя было признать менѣе какъ въ пятнадцать лѣтъ, то я предположилъ, что мамонтъ лежалъ на спинѣ: въ такомъ положеніи онъ могъ еще кое-какъ помѣститься въ быстро расширявшейся стѣнкѣ выемокъ. Я началъ осторожно снимать гребень стѣнки. Сначала я встрѣтилъ, какъ это вполнѣ было понятно, рыхлую землю, въ которой были большія глыбы льда, принесенныя водой и потомъ опять примерзшія другъ къ другу. Тутъ я нашелъ вторую ногу или, вѣрнѣе, нижнюю часть ея. Ступня была значительно толще, чѣмъ у первой ноги; она была переломлена, да кромѣ того при отламываніи вывернута, такъ что куски костей были сильно смѣщены. На ногѣ находились еще кожа и мышцы, но волосы сохранились только въ немногихъ отдѣльныхъ мѣстахъ, точно также какъ и на первой ногѣ. Они были коротки, жестки и имѣли желтовато-буроватый цвѣтъ, какъ это всегда замѣчается на ногахъ мамонта.

Послѣ того, какъ мы вырыли ногу и удалили всѣ ледяныя глыбы, мы добрались до плотнаго слоя земли, который, однако, все еще не носилъ слоистаго строенія. Онъ косо спускался къ рѣкѣ и, будучи толщиной въ три дюйма, состоялъ изъ смѣси сѣрой глины и мамонтовыхъ волосъ. Обстановка имѣла совершенно такой видъ, какъ будто трупъ животного соскользнулъ отсюда въ рѣку и оставилъ свои волосы, слабо державшіеся въ кожѣ благодаря ея гнилости. Затѣмъ слѣдовалъ пластъ плотной, слоистой почвы, который я очень старательно разрывалъ въ продолженіе нѣкотораго времени, но затѣмъ оставилъ эту работу, какъ совершенно напрасную. Среди найденныхъ волосъ я нашелъ такіе, которые равнялись по длинѣ лошадиной гривѣ; я упаковалъ ихъ вмѣстѣ съ ногой, потому что столь длинныхъ волосъ не видалъ на томъ кускѣ шкуры, который нашелъ раньше.

Такимъ образомъ я покончилъ съ мамонтомъ. Однако берегъ Шандрона представлялъ еще одно интересное явленіе, которое я хотѣлъ изслѣдовать поближе и съ этой цѣлью провелъ тутъ нѣсколько дней. Рѣка въ этомъ мѣстѣ дѣлала сильный изгибъ къ

западу; мы находились у восточнаго конца этой излучины и видѣли передъ собой обрывъ, приблизительно въ десять сажени высотой, имѣвшій протяженіе около полуторы версты, обращенный къ югу и сильно подверженный дѣйствию солнечныхъ лучей. Рѣка подмыла обрывъ на всемъ его протяженіи; болѣе удаленная отъ насъ, расположенная въ западномъ концѣ, часть его была подрыта рѣкой довольно давно, такъ что осыпавшіяся выемки успѣли уже покрыться дерномъ. Часть же, лежащая на востокѣ, была болѣе новаго происхожденія, такъ что разрушеніе продолжалось тутъ еще безостановочно за исключеніемъ отдѣльныхъ, небольшихъ участковъ, гдѣ оно тоже уже прекратилось, какъ доказывала выемка, расположенная у мѣста, гдѣ найдены были ноги. Въ очень многихъ изъ этихъ еще оттаивающихъ котловинъ, находилась мерзлота, толщина которой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была очень значительна (75).

Прежде всего я принялся за изслѣдованіе одной большой выемки, въ которой слой льда, начинавшійся тотчасъ подъ дерномъ, по моимъ изслѣдованіямъ оказался одинадцати съ половиной аршинъ въ толщину, т. е. на полъ-аршина меньше четырехъ сажени. Выемка имѣла очень странный видъ. Она представляла большой полукругъ, который въ серединѣ, въ самомъ высокомъ мѣстѣ, имѣлъ почти четыре сажени въ вышину, а по бокамъ высота уменьшалась приблизительно на половину. Въ разрѣзѣ выемка, однако, состояла не исключительно изъ одного льда: непосредственно у того мѣста, гдѣ я измѣрялъ высоту льда, послѣдній, казалось, былъ прерванъ вертикальной прослойкой земли, имѣвшей въ ширину полторы сажени и довольно правильное горизонтальное напластованіе. Слѣва, въ нѣкоторомъ разстояніи, находилась такая же прослойка земли, которая, однако, въ вышину имѣла всего полторы сажени, а далѣе слѣдовалъ опять чистый ледъ. Еще далѣе влѣво ледъ не доходилъ до дерна, а простирался подъ нимъ волнистой лентой, приблизительно въ полъ-сажени толщиной, то ближе, то далѣе отъ дерна; промежутки между льдомъ и дерномъ былъ заполненъ землей, которая имѣла тоже не гори-

зонтальное простираніе, а повторяла форму верхняго контура льда. На нѣкоторомъ разстояніи вправо отъ вышеупомянутой наибольшей прослойки земли находилась другая, нѣсколько болѣе широкая, но болѣе короткая, такъ какъ выемка тутъ уже опускалась; затѣмъ слѣдовала опять отдѣленная льдомъ и находящаяся подъ дерномъ прослойка земли почти въ сажень толщиной и только далѣе лежалъ снова ледъ. Обѣ полосы земли имѣли горизонтальное напластованіе. Правый восточный конецъ этой выемки соприкасался съ сосѣдней выемкой конусомъ земли, который лежалъ на льду и дерновая покрывка котораго находилась еще въ связи съ общимъ дерновымъ покровомъ поверхности земли. Я велѣлъ снять сначала этотъ дернъ и нашелъ, что конусъ, который имѣлъ тоже горизонтальное напластованіе, плотно примыкалъ къ ледяной стѣнѣ. Какъ только былъ снятъ небольшой кусокъ дерна, расположенный на земляномъ конусѣ, тотчасъ за нимъ показался чистый ледъ подъ остальнымъ дерновымъ покровомъ. Для того, чтобы убѣдиться, тянется ли первая изъ вышеупомянутыхъ вертикальныхъ прослоекъ земли черезъ всю толщю льда, или представляетъ ограниченное въ немъ включеніе, я велѣлъ на разстояніи одной сажени отъ края выемки, какъ разъ на границѣ льда съ землей, вырыть яму со сторонами въ сажень длиною. При этомъ я нашелъ слой талой земли въ шестнадцать дюймовъ толщиной, подъ нимъ такой же толщины пластъ сѣрой, мерзлой глины и затѣмъ чистый ледъ. Такимъ образомъ было ясно, что эта большая вертикальная прослойка земли была лишь ограниченнымъ включеніемъ земли въ плотномъ льду. Поверхность земли отъ обрыва поднималась въ гору, благодаря чему выкопанная яма имѣла двѣ восходящія стороны; на этихъ сторонахъ можно было видѣть, что верхній контуръ льда шелъ параллельно съ поверхностью земли и, слѣдовательно, талая земля и сѣрая замерзшая глина тянулись повсюду равномерно-толстымъ слоемъ въ 18 вершковъ т. е. около 32 дюймовъ. Кромѣ этой ямы въ различныхъ мѣстахъ холма, склонъ котораго былъ подмытъ водой, я велѣлъ выкопать еще нѣсколько другихъ; при этомъ мѣстами я нашелъ чи-

стый ледъ, мѣстами же землю. И такъ ледъ, который образуетъ холмъ, имѣетъ на всемъ своемъ протяженіи включенія земли различной величины и формы.

Затѣмъ я приступилъ къ изслѣдованію второй выемки. Въ виду того, что холмъ тутъ значительно понижился, много ниже былъ и его обрывъ; онъ отличался кромѣ того еще тѣмъ, что ледяная стѣна была не вертикальна, а шла косо сверху внизъ, такъ что подошва ея выступала болѣе чѣмъ на сажень. Сплошныхъ земляныхъ прослоекъ тутъ не было, но ледъ въ трехъ мѣстахъ не доходилъ до дерноваго покрова, а представлялъ три выемки. Одна, меньшихъ размѣровъ, имѣла ясно выпуклую форму, вслѣдствіе чего земля, которая ее выполняла вплоть до дерна, представляла тоже параллельные, выпуклые слои, принимавшіе кверху меньшіе размѣры, какъ будто бы она правильно насыпалась слоями одинаковой толщины. Двѣ другія выемки были длиннѣе, но имѣли нѣсколько разъ изогнутую поверхность, поверхъ которой и здѣсь лежали параллельные, выполнявшіе ихъ слои земли. Далѣе я нашелъ тутъ нѣсколько ледяныхъ конусовъ, которые, какъ было уже указано и при описаніи первой выемки, тоже примыкали къ ледяной стѣнѣ. Очевидно и они были прежде совершенно окружены льдомъ и освободились отъ него только впоследствии, послѣ того, какъ ледъ постепенно растаялъ. Но въ то время какъ вышеупомянутый конусъ своей задней стороной примыкалъ еще ко льду и его дернъ былъ соединенъ еще съ общимъ дерновымъ покровомъ, здѣсь ни того, ни другаго уже не наблюдалось. У основанія своего конусъ, конечно, еще плотно сидѣлъ на льду и частью былъ окруженъ ледянымъ слоемъ, но верхняя часть его уже освободилась; вслѣдствіе этого онъ не имѣлъ правильнаго напластованія и осѣлъ, такъ что казалось, будто онъ составленъ изъ отдѣльныхъ комьевъ, которые были набросаны другъ на друга безъ всякаго порядка. Въ землѣ, изъ которой онъ состоялъ, находилась масса ледяныхъ частицъ и, понятно, когда онѣ оттаивали, земля должна была осѣдать и терять свое прежнее правильное напластованіе.

На второй и третій день нашего пребыванія на Шандронѣ выяснилось, что и безъ вырыванія вышеуказанной ямы я могъ бы убѣдиться, что вертикальныя прослойки земли не представляли изъ себя непрерывныхъ стѣнъ во льду, а были только ограниченными включениями. Уже на слѣдующій день часть этого слоя обрушилась, а на третій день онъ совершенно обвалился, образовавъ у подошвы склона земляной конусъ и обнажилъ находящуюся за нимъ ледяную стѣну; но я не могъ узнать какъ далеко простирался ледъ за лежавшимъ у его подошвы слоемъ глины, мнѣ даже не удалось разслѣдовать продолжался ли онъ тамъ вообще. Сначала мнѣ казалось, что при изслѣдованіи вязкой глины палкой, я, въ концѣ концовъ, попадаю на ледъ, потому что получалось ощущеніе, какъ будто палка касалась чего-то твердаго и плотнаго, но я имѣлъ случай убѣдиться, что такое же ощущеніе испытываешь, если палка попадаетъ на замерзшую землю; такимъ образомъ нельзя утверждать, что я тогда добрался до льда.

Мнѣ хотѣлось бы сообщить здѣсь еще объ одномъ мною изслѣдованномъ разрѣзѣ, такъ какъ я нашелъ на немъ ледъ въ видѣ двухъ, повидимому совершенно разъединенныхъ, слоевъ. Обрывъ въ томъ мѣстѣ былъ довольно высокъ; толщина ледянаго слоя подъ дерномъ была около десяти футовъ и передъ нимъ находилось нѣсколько земляныхъ конусовъ, примерзшихъ еще своимъ основаніемъ ко льду. Но въ слѣдующемъ затѣмъ слоѣ глины были еще нѣсколько такихъ же конусовъ болѣе древняго происхожденія и частью покрытыхъ уже растительностью. За этимъ горизонтальнымъ уступомъ не начиналась, какъ это бываетъ обыкновенно, поверхность воды, а за нимъ слѣдовалъ еще второй уступъ, хотя и значительно меньшей высоты, но тоже съ обнаженнымъ слоемъ льда, и только затѣмъ уже почва въ комъ направленіи спускалась къ рѣкѣ.

Если проходить вдоль по берегу и разсматривать разрѣзы, какъ такіе, которые находятся еще въ состояніи оттаиванія, такъ и тѣ, которые давно уже пришли въ состояніе покоя, то

легко выяснитъ себѣ ходъ всего процесса. Рѣка во время ледохода подмываетъ берегъ, вслѣдствіе чего образуется обвалъ, который, увеличиваясь на слѣдующій годъ, долженъ обнаружить ледъ, находящійся внутри холма. Такъ начинается оттаиваніе этого льда и, продолжаясь все далѣе и далѣе, приводитъ къ образованію глубокой выемки. При этомъ съ одной стороны обваливается дерновой покровъ, остающійся на днѣ котловины, а съ другой — земляныя включенія во льду образуютъ конусообразныя земляныя кучи, число которыхъ постоянно увеличивается, пока наконецъ изъ осыпавшейся земли не образуется на столько толстый слой глины, что онъ въ состояніи прикрыть ледъ и защитить его отъ дальнѣйшаго таянія. Въ виду того, что послѣ этого рѣка въ половодье уже не можетъ подмывать сильно пологій берегъ, здѣсь наступаетъ прекращеніе процесса: поверхность глины покрывается дерномъ и выемка со временемъ принимаетъ видъ косо спускающейся къ рѣкѣ отлогости, покрытой глыбчатыми, но заросшими травой, земляными конусами. Какъ разъ такой видъ имѣли тѣ древнія береговыя выемки рѣки Шандрона, на которыхъ уже наступило заростаніе травой.

Что касается до самого льда, то на обвалахъ онъ имѣлъ большею частью сѣрую, грязную окраску, потому что на него стекала всегда глина съ нависшаго надъ нимъ дерна. Но если отбить кусокъ льда, то оказывается, что онъ прозраченъ и чистъ, но въ то же время пронизанъ расположенными вертикально прослойками изъ мелкихъ пузырьковъ воздуха, которыя замѣчены были уже на Маломъ Хомосъ-ыряхѣ. Далѣе тутъ можно было видѣть одно явленіе, на которое я не обратилъ вниманія на Хомосѣ, хотя и предполагаю, что оно было и тамъ. Во льду, который самъ по себѣ прозраченъ, замѣчается много трещинъ, а въ нихъ находятся необыкновенно тонкіе слои очень мелкой глины. Поэтому, если дать растаять льду, то вода никогда не получается столь же прозрачною какъ самъ ледъ, — она дѣлается мутною отъ этой глины. Трещинки были необыкновенно малы и слои глины вслѣдствіе этого очень тонки, что можно было замѣтить, когда удава-

лось разбить кусок льда по этимъ трещинамъ; тѣмъ не менѣе такого незначительнаго количества глины достаточно, чтобы замутить воду, получавшуюся при растаиваніи.

Въ томъ мѣстѣ Шандрона, гдѣ мы находились, подмытый рѣкой берегъ имѣлъ, какъ уже было сказано, въ длину не болѣе полуторы или двухъ верстъ; но когда мы шли къ Пелевому хребту, еще до того времени какъ намъ достигнуть Хелимилги, мы встрѣтили нѣсколько мѣстъ, гдѣ выходилъ наружу почвенный ледъ, и дважды нашли покрытыя дерномъ и составленныя какъ-бы изъ глыбъ конусообразныя земляныя кучи, имѣвшія видъ колоніи громадныхъ муравейниковъ.

Но какимъ же способомъ могъ получиться этотъ ледъ, мѣстами выходившій, по моимъ наблюденіямъ, наружу на протяженіи цѣлыхъ сотенъ верстъ? Жители Русскаго Устья и Ожогина на Индигиркѣ также не разъ увѣрили меня, что онъ составляетъ въ тундрѣ очень обыкновенное явленіе, на столько распространенное, что они почти всегда бываютъ увѣрены въ томъ, что найдутъ естественные ледники для сохраненія пойманныхъ осенью гусей и рыбы. Такимъ образомъ, въ высшей степени вѣроятно, что подъ волнистыми холмами, покрывающими тундру побережья Ледовитаго океана, находится широко раскинувшееся ледяное поле и не подлежитъ даже никакому сомнѣнію, что почвенный ледъ продолжается по направленію къ югу за границу области древесной растительности.

Врангель, Геденстрѣмъ и другіе путешественники на крайній сѣверъ сообщаютъ намъ о ледяныхъ пластахъ, встрѣченныхъ ими на берегахъ рѣкъ. Такіе, чередующіеся со слоями земли, ледяные пласты я наблюдалъ не только по близости Ледовитаго океана, но и гораздо южнѣе, среди тайги, на берегахъ Селегнаха. Способъ ихъ образованія объясняется очень просто. Зимній ледъ, крѣпко примерзая къ берегу, особенно если послѣдній плоскій и низкій, не всегда отдѣляется одновременно со вскрытіемъ рѣки. Если теперь одна часть береговаго обрыва обрушится, прикроетъ плотно еще примерзшій ледъ (который такимъ

образомъ останется погребеннымъ навсегда), да если такіе обвалы будутъ повторяться нѣсколько разъ, то получится береговой разрѣзъ съ чередующимися ледяными и земляными пластами. Но такого рода образованія не имѣютъ ничего общаго съ тѣми массивными ледяными горами, которыя занимаютъ насъ въ настоящее время и тянутся на протяженіи многихъ миль. Эти послѣднія могли произойти, по моему мнѣнію, только изъ снѣжныхъ полей. Въ настоящее время на сѣверномъ побережьи Сибири, даже до самаго мыса Челюскина, нѣтъ нерастаивающихъ лѣтомъ снѣжныхъ полей; поверхность земли обнажается лѣтомъ отъ снѣга и покрывается растительнымъ ковромъ. Но тотъ, кто путешествовалъ лѣтомъ по тундрѣ, можетъ засвидѣтельствовать какъ долго снѣгъ противостоитъ здѣсь вліянію солнечныхъ лучей и какъ, въ концѣ концовъ, коротко то время, впродолженіе котораго поверхность земли на самомъ дѣлѣ бываетъ совершенно обнажена отъ снѣга. Но и теперь есть не мало мѣстъ въ тундрѣ, гдѣ онъ въ сущности не растаиваетъ, хотя бы только незначительными участками, даже и лѣтомъ. Въ этомъ случаѣ я вовсе не имѣю въ виду узкихъ, наполненныхъ глубокимъ снѣгомъ, ущелій, потому что они представляютъ собою слишкомъ исключительныя условія, чтобы принимать ихъ въ соображеніе. Я хочу только указать, что вполне достаточно обращеннаго на сѣверъ склона, котловинообразнаго или какой нибудь другой формы углубленія почвы, въ которомъ накопилось бы нѣсколько больше снѣга, чѣмъ въ окрестностяхъ и онъ уже лежитъ здѣсь чуть не до конца іюля мѣсяца, а въ болѣе прохладное лѣто и вовсе не растаиваетъ. Но это только небольшія снѣговыя пятна на сильно согрѣтой солнцемъ земляной поверхности.

Снѣжный покровъ въ Якутской области имѣетъ въ среднемъ въ толщину двадцать одинъ дюймъ; на берегу Ледовитаго океана онъ, по всей вѣроятности, нѣсколько толще, но въ открытой мѣстности онъ едва-ли бываетъ въ сложности толще двадцати восьми дюймовъ. Для того, чтобы такой слой снѣга растаялъ, въ большинствѣ случаевъ достаточно апрѣля и мая мѣсяцевъ: къ

началу іюня большая часть его сходитъ и только защищенные отъ солнечныхъ лучей и болѣе обширныя массы снѣга не таютъ до іюля. Но если теперъ предположить, что тундра покроется снѣгомъ вмѣсто двадцати восьми дюймовъ въ толщину—въ пятьдесятъ или еще болѣе, то спрашивается, что будетъ въ такомъ случаѣ? Сомнительно, чтобы солнце было въ состояніи растопить такую массу снѣга въ теченіе одного лѣта, особенно если послѣ снѣжной зимы май и іюнь окажутся пасмурными и холодными. Количество тепла, которое потребно для того, чтобы растопить весь снѣгъ, очень велико и солнце справляется съ этой работой только при помощи уже раньше оттаившихъ участковъ земли. До тѣхъ поръ, пока снѣгъ имѣетъ еще видъ сплошнаго покрова, таяніе подвигается впередъ очень медленно, несмотря на палящіе лучи солнца: осѣданіе снѣга едва замѣтно и то, что растаивъ въ теченіе дня, замерзаетъ ночью. Но какъ только на бѣлой пеленѣ образуются отдѣльныя обнаженныя мѣстечки, на которыхъ по какой нибудь причинѣ снѣгу было меньше, — дѣло подвигается быстро впередъ. Земля нагрѣвается и вокругъ нея снѣгъ ставиваетъ быстрѣе, чѣмъ подъ исключительнымъ вліяніемъ солнечныхъ лучей. Но этотъ важный для таянія моментъ можетъ наступить только очень поздно въ случаѣ, если земля покрыта слоемъ снѣга не въ одинъ, а въ два аршина, и даже при современныхъ условіяхъ это легко можетъ случиться въ любомъ году. Если же часть снѣга пролежитъ въ теченіе лѣта, то за этимъ легко можетъ послѣдовать очень обильная снѣгомъ зима, такъ какъ при низкой температурѣ, обусловленной лежащимъ въ высокихъ шпротахъ въ теченіе лѣта снѣгомъ, осенью, т. е. въ концѣ іюля и въ августѣ, выпалъ бы вмѣсто дождя снѣгъ. Поэтому возможно допустить, что земля покроется слоемъ снѣга въ два или болѣе аршина толщиной, а при этихъ условіяхъ солнце уже не въ состояніи съ нимъ справиться: тогда долженъ снова наступить снѣжный періодъ, который можетъ прекратиться только подъ вліяніемъ особенно благоприятныхъ и продолжительно дѣйствующихъ температурныхъ условій. Такимъ образомъ наступленіе снѣговаго

періода при настоящихъ условіяхъ температуры и осадковъ кажется мнѣ очень возможнымъ именно потому, что солнце не легко справляется даже и со сравнительно незначительнымъ количествомъ снѣга, которое выпадаетъ на крайнемъ сѣверѣ и при обыкновенныхъ условіяхъ настоящаго времени. Но стоять только допустить наступленіе такого снѣговаго періода, чтобы безъ труда объяснить всѣ мною наблюдавшіяся явленія; наоборотъ, безъ этого предположенія трудно представить себѣ какъ могъ образоваться слой льда, который находится какъ на холмахъ, такъ и въ долинахъ и тянется на протяженіи сотенъ верстъ. Уже и при настоящихъ условіяхъ приходится иногда быть свидѣтелемъ пертурбацій, которыя вызываетъ буря, и убѣждаться какъ она въ теченіе какихъ нибудь полу-сутокъ взрываетъ зеркально-гладкую поверхность снѣга, на столько крѣпкую, что ни сани, ни люди не оставляютъ на ней ни малѣйшихъ слѣдовъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обнажается поверхность земли, на другихъ воздвигаются высокія снѣжныя горы, ровная поверхность исчезаетъ и кажется, что находишься въ холмистой мѣстности. Кому случалось видѣть такіе перевороты, тому уже не покажется страннымъ, что всѣ эти явленія при тройной и четверной толщинѣ снѣжнаго покрова должны имѣть гораздо большіе размѣры, что могутъ нагромоздиться высокія горы снѣга, содержація въ себѣ земляныя включенія, и что эти горы могутъ, въ концѣ концовъ, превратиться въ ледяныя, подъ влияніемъ собственной тяжести.

Но откуда же берется та земля, которая бываетъ включена въ ледъ, а также какъ образуется верхній покровъ, на которомъ впоследствии образуется дернъ? Несомнѣнно, что даже самая сильная буря, бушующая на сѣверѣ, не была бы въ состояніи разорвать плотнаго дерна и разнести по вѣтру находящуюся подъ нимъ подпочву. Но дѣло въ томъ, что на крайнемъ сѣверѣ нѣтъ непрерывнаго растительнаго покрова и, наоборотъ, можно найти много мѣстъ вовсе лишенныхъ растений или покрытыхъ только отдѣльными плохо развитыми былинками. На родинѣ кочковатыхъ болотъ — въ Чукотской Землѣ, намъ довольно-таки

часто приходилось страдать отъ массы земляныхъ частицъ, которыя метали намъ въ лицо разыгравшіяся бури. Если же буря случалась въ мѣстности съ болѣе сухой почвой, то пыли и камешковъ, наполнявшихъ воздухъ, было такъ много, что приходилось надѣвать очки, чтобы защитить по крайней мѣрѣ глаза отъ сильныхъ ударовъ мелкихъ земляныхъ частицъ. Побережье же Ледовитаго океана окаймлено широкой полосой мелкаго песку и вполне понятно, что бури поднимали его въ достаточномъ обиліи для того, чтобы покрыть снѣжныя поля и защитить ихъ отъ дальнѣйшаго вліянія солнечныхъ лучей (76).

Керулы, нижняя часть которыхъ почти безъ исключенія гладко отшлифована водой, указываютъ на то, что земля тутъ вѣкогда была покрыта моремъ. Если снѣговой періодъ начался вскорѣ послѣ осушенія мѣстности, то здѣсь не могло быть даже растительнаго покрова и всѣ вышеназванныя явленія объясняются при этомъ еще проще. Однако мнѣ не удалось изслѣдовать нижней границы льда, — повсюду оказался лежащій слой ила, который нельзя было удалить; поэтому я не могу сказать находится ли подо льдомъ древній растительный слой или нѣтъ. Точно также я не въ состояніи опредѣлить въ какомъ отношеніи къ слою льда находятся открытые мною остатки мамонта. То, что я нашелъ, по моему мнѣнію, было занесено сюда впоследствии; даже черепъ мамонта, который я хотя и долженъ былъ вырывать изъ плотной повидимому земли, тоже попалъ сюда изъ другаго мѣста, иначе онъ не могъ бы получить такихъ сильныхъ поврежденій. Кромѣ того мамонты владѣли тутъ жили, потому что эти животныя не могли бы наполнить своего желудка черезъ-чуръ скудною растительностью тундры, даже въ томъ случаѣ, если бы они умѣли щипать низкую траву; лѣсной же растительности во время снѣжнаго періода здѣсь не было, какъ нѣтъ ея и въ настоящее время (77).

22-го Августа покинулъ я Шандронъ, чтобы направиться на Индигирку, которой я, по увѣренію тунгуза, обѣщавшагося довести меня туда, долженъ былъ достигъ у селенія Похвальнаго. Семь дней стояли мнѣ раскопки на Шандронѣ, но моя на-

дежда, что такая долгая остановка укрѣпить нашихъ лошадей для предстоящаго труднаго путешествія черезъ горы, не оправдалась; наоборотъ, животныя оказались слабѣе прежняго. Горныя пастбища не могли подкрѣпить ихъ силъ: на сколько хороша могла быть здѣсь трава лѣтомъ, на столько же мало питательною оказалась она, противъ ожиданія, осенью. По всей вѣроятности сѣверное положеніе и доступность холоднымъ вѣтрамъ вліяютъ на растенія въ томъ смыслѣ, что въ нихъ чрезмѣрно развиваются деревянистыя, волокнистыя части на счетъ болѣе цѣнныхъ и питательныхъ. Послѣдствія этого очень скоро обнаружались самымъ неприятнымъ образомъ: уже послѣ перваго перехода лошади оказались настолько изнуренными, что ѣхать на нихъ верхомъ нельзя было и думать, — въ противномъ случаѣ мы потеряли бы ихъ всѣхъ. Поэтому я рѣшилъ идти пѣшкомъ и навьючить на нихъ только багажъ. Благодаря этому мы имѣли возможность съ одной стороны облегчить вьючныхъ лошадей, а съ другой—давать имъ отдыхъ, оставляя порожними двухъ или трехъ животныхъ. Въ первый день путешествія мы еще проѣхали 35 верстъ, но на мѣстѣ ночевки намъ пришлось оставить одну изъ лошадей, потому что она была не въ состояніи слѣдовать за нами. Мы перешли черезъ нѣсколько мелкихъ истоковъ Шандрона и черезъ притокъ его Эрби, чтобы выйти на Шангинъ или Шандунунъ, по теченію котораго мы должны были подняться на хребетъ. Въ одномъ мѣстѣ по дорогѣ я могъ замѣтить какъ легко мѣняють тутъ рѣки свое теченіе. Съ одного болѣе высокаго обрыва мы взглянули на долину Шандрона, который образовалъ тутъ такую же излучину какъ тамъ, гдѣ мы нашли мамонтовыя ноги. Сначала онъ протекалъ у одного полукруглаго обрыва, но въ послѣдствіи сильно подмылъ его, какъ это видно по многимъ выемкамъ, которыя въ настоящее время болѣею частью были уже покрыты растительностью. Я старательно присматривался не попадутся ли и тутъ профили льда, но мнѣ не удалось ихъ видѣть: глина и илъ успѣли уже снова покрыть ихъ; но что они въ дѣйствительности были подъ этимъ покровомъ,

*

безъ сомнѣнія доказывало присутствіе уже извѣстныхъ, похожихъ на муравьиныя кучи, глыбчатыхъ холмиковъ, которые въ покрытыхъ дерномъ выемкахъ были здѣсь такъ же многочисленны, какъ и на мѣстѣ нахожденія мамонта. Но вся эта рѣчная излучина была теперь занесена иломъ и уже заросла травой; рѣка же вырыла себѣ другое русло въ томъ мѣстѣ, гдѣ излучина образовала самую узкую косу. Старое русло было между тѣмъ вполне явственно замѣтно по гораздо болѣе свѣтлomu тону растительности и рѣзко выдѣлялось изъ окружавшей его мѣстности. Въ одномъ пунктѣ стараго русла былъ даже замѣтенъ островокъ, покрытый болѣе темной растительностью; — все это рисовалось такъ же ясно, какъ только могъ бы землемѣръ изобразить на своемъ планѣ.

Влѣво отъ нашего пути виднѣлся Сыряхъ-Таха, или по-русски Сердце-камень, который тунгузы называютъ Мегонъ; далѣе слѣдовалъ Соръ-Джетя, что значитъ воронье гнѣздо; вправо отдѣлялся Пунга-Таха, который направляется къ Индигиркѣ и простирается до урочища Ужинина, расположеннаго выше дельты этой рѣки. Этотъ невысокій горный хребетъ интересенъ въ томъ отношеніи, что подходитъ въ одномъ мѣстѣ очень близко къ рѣкѣ, которая в прорвала его однимъ изъ своихъ рукавовъ, вслѣдствіе чего образовался скалистый островъ, единственный на всемъ длинномъ протяженіи рѣки. Самъ островъ называется Каменнымъ, а рукавъ рѣки, отдѣляющій его отъ берега, — Закаменной Протокой. Соръ-Джетя, Сыряхъ-Таха и ихъ продолженія оба Албея представляютъ изъ себя, какъ уже сказано, ничто иное какъ отдѣльныя, болѣе высокія вершины Пелеваго хребта, принимающаго отъ высокаго Хелимилнга (железное остріе стрѣлы) болѣе восточное направленіе. Мы поднимались на хребетъ по теченію рѣки Шангина и съ одного уступа Хелимилнга намъ представилась превосходная панорама: на сѣверо-востокъ тянулась длинная цѣпь вышеназванныхъ вершинъ, къ сѣверо-западу отходилъ Пунга-Таха, на югѣ мы видѣли передъ собой безпорядочно нагроможденные, покрытые снѣгомъ гребни и вершины Пелеваго

хребта; если взглянуть на востокъ и на юго-востокъ, тамъ виднѣется безконечная равнина и область озеръ. Хелимилнга, который казался болѣе высокимъ, чѣмъ остальные окружающія его вершины, поднимается надъ уровнемъ моря, какъ кажется, на 3000 футовъ. Онъ былъ покрытъ легкой снѣжной пеленой, вершины же, которыя мы видѣли къ югу и юго-западу, казалось, уже давно одѣлись въ свой бѣлый нарядъ и очевидно имѣли много болышую высоту.

Сначала мы пошли на югъ по восточному склону хребта и 25-го августа, приблизительно въ ста пятидесяти верстахъ отъ Шандрона, достигли границы лѣсной растительности, однако на очень короткое время, потому что лиственница скоро исчезла, когда мы начали переходить горную дѣль. Только пройдя еще семьдесятъ верстъ, мы вступили въ область сплошнаго лѣса, котораго съ этихъ поръ уже не оставляли. Въ большинствѣ случаевъ я могъ наблюдать, что лѣсъ прекращается разомъ и сравнительно недурными насажденіями. Деревья на самой границѣ имѣютъ, конечно, невысокіе стволы и поднимаются, считая отъ корня, самое большее на двѣ сажени въ вышину; ежегодные побѣги необыкновенно малы, но я нигдѣ не могъ замѣтить, чтобы растенія стлались по землѣ. Только въ томъ мѣстѣ, гдѣ на Пелевомъ хребтѣ мы окончательно вступили въ лѣсную область, мы встрѣтили такую стелющуюся по землѣ форму лиственницы. Она имѣла необыкновенно оригинальный видъ: на буромъ, усѣянномъ мхомъ дернѣ, выдѣлялись крупныя, въ большинствѣ случаевъ совершенно правильныя круги интензивнаго желтаго цвѣта, какой принимаетъ лиственничная хвоя осенью. Они представляли собою лиственничныя деревца со стволикомъ приблизительно двухъ дюймовъ въ діаметрѣ, а вышину самое большее въ семь дюймовъ; стволы давали во всѣ стороны вѣтробразныя вѣтви, плотно прилегавшія къ землѣ и тѣсно переплетавшіяся другъ съ другомъ, такъ что онѣ совершенно закрывали почву. Только у немногихъ, единичныхъ лиственницъ стволы имѣли въ длину отъ двухъ до трехъ футовъ, и въ этомъ случаѣ

стволъ прижимался плотно къ самой землѣ, высылая вѣтви съ каждой изъ своихъ сторонъ и изъ верхушки, такъ что получался не кругъ, а продолговатый овалъ; но все растеньице всегда плотно прилегалo къ землѣ.

Переходъ черезъ хребетъ былъ очень труденъ и утомителенъ, особенно для лошадей; пѣшій же могъ идти много безопаснѣе, хотя и съ большой осторожностью. Причиной этихъ неудобствъ, жертвой которыхъ пали двѣ лошади, были каменистыя пространства, черезъ которыя мы должны были идти. Эти ужасныя кучи камней тянулись иногда на протяженіи нѣсколькихъ верстъ; онѣ состояли изъ большихъ, очень различной величины и толщины, плиты съ острыми ребрами, нагроможденныхъ безъ всякаго порядка и представлявшихъ опасность въ томъ отношеніи, что многія изъ нихъ находились въ неустойчивомъ положеніи и сваливались, какъ только мы занесли на нихъ ногу. Мы, пѣшеходы, могли предотвратить опасность, обходя сомнительные камни или пробуя плиты палками; кромѣ того мы часто имѣли возможность пробираться по крутымъ краямъ каменистыхъ полей; но для лошадей все это было, конечно, невозможно, такъ что несмотря на заботливость проводниковъ двѣ изъ нихъ на столько повредили ноги, что ихъ пришлось оставить.

Наконецъ 29-го августа, пройдя всего 250 верстъ, мы увидѣли долину Индигирки, а вскорѣ послѣ того и эту величавую рѣку, которая широкой серебрястой лентой извивалась среди пожелтѣвшихъ листовенничныхъ лѣсовъ и омывала многочисленныя острова. Однако мы не достигли еще цѣли нашего путешествія, намъ оставалось еще около пятидесяти верстъ труднаго пути, но тѣмъ не менѣе мы вздохнули свободно, потому что наше положеніе сдѣлалось къ этому времени такимъ, что его можно было бы назвать неприятнымъ. Обыкновенно я рассчитываю очень недурно и въ путешествіи иду впередъ на столько, на сколько это возможно при моихъ запасахъ жизненныхъ припасовъ, потому что съ голодомъ бороться нельзя. Но на этотъ разъ я, несомнѣнно, сдѣлалъ ошибку, оставаясь такъ долго на мѣстѣ

нахожденія мамонта; однако быстрѣе окончить раскопки было невозможно и я надѣялся, что путь черезъ горы будетъ недурень, да кромѣ того я считалъ его болѣе короткимъ, а между тѣмъ наши запасы истощались, лошади же не могли двигаться впередъ. Въ среднемъ мы шли, болѣе тридцати верстъ въ день, тогда какъ я рассчитывалъ идти свѣше срока, да кромѣ того намъ пришлось остаться на мѣстѣ цѣлый день, потому что тунгузъ объявилъ, что онъ не можетъ вести насъ въ сильную снѣжную бурю, не позволявшую разсмотрѣть горныя вершины, служившія ему единственнымъ путеводителемъ. Въ концѣ концовъ я разстался съ моими людьми и лошадьми, оставивъ при себѣ только двухъ человѣкъ — проводника и казака Дунаева — съ двумя лошадьми, и отправился впередъ. Остальные люди должны были дать отдохнуть совершенно изнуреннымъ животнымъ, а затѣмъ потихоньку идти по нашимъ слѣдамъ, пока я не вышлю имъ помощь. У насъ оставалась только сухари и чай; раздѣливши ихъ поровну, я отправился впередъ. Чай и сухари изъ чернаго хлѣба въ маломъ количествѣ далеко недостаточны для питанія въ дорогѣ. Мы оставили весь багажъ, въ томъ числѣ и палатку, и взяли съ собой только наши матрасы, потому что одна лошадь не могла больше нести; другую же мы взяли на тотъ случай, чтобы се убить, если бы сухарей не хватило. Я долженъ сознаться, что я частенько посматривалъ на клячу и подумывалъ не пора ли положить конецъ ея трудовой жизни, потому что сухарей оставалось очень мало; но осмотръ всегда кончался помилованіемъ: ея сухія, обтянутыя кожей кости обѣщали слишкомъ плохое жаркое.

Наконецъ мы достигли Индигирки и всѣмъ бѣдствіямъ былъ положенъ конецъ. Утромъ 30-го августа мы перешли черезъ послѣдніе гребни горъ и спустились затѣмъ въ широкую, лѣсистую и болотистую низменную долину, которая вечеромъ, когда солнце стояло надъ горизонтомъ уже очень низко, привела насъ къ рѣкѣ. Считаю нужнымъ упомянуть еще объ одной группѣ керуловъ, которая показалась мнѣ очень оригинальной. Она нахо-

дилась на послѣднемъ хребтѣ и состояла изъ громаднѣхъ столбовъ, которые тянулись широкой полосой вверхъ по горѣ вплоть до ея гребня, гдѣ они прекращались на широко раскинувшемся каменистомъ полѣ. Замѣчательнымъ при этомъ было то, что всѣ столбы слегка склонялись на одну сторону и что всѣ они до самаго гребня имѣли округлую форму; такимъ образомъ, они должны были подвергаться почти на всей своей высотѣ вліянію морскихъ волнъ, чего прежде я никогда не замѣчалъ. Къ сожалѣнію, я не нахожу въ своихъ замѣткахъ указанія на какую сторону казались склоненными столбы и никакъ не могу теперь вспомнить этого съ точностью; но вмѣстѣ съ тѣмъ у меня отлично сохранилось въ памяти — да я и нахожу письменную замѣтку объ этомъ, — что столбы не производили впечатлѣнія наклоненныхъ, если разсматривать каждый въ отдѣльности, но это бросалось въ глаза при общемъ взглядѣ на весь длинный рядъ ихъ на нѣкоторомъ разстояніи, со стороны. При этомъ казалось, будто видишь передъ собой вереницу человѣческихъ фигуръ, которыя нѣсколько наклонились впередъ, стараясь защититься отъ сильнаго порыва бури. У меня хорошо сохранилось еще въ памяти, что иногда мнѣ казалось, будто ось столбовъ вертикальна, а сами они были наклонны вслѣдствіе того, что задняя сторона ихъ была отшлифована косо. На сколько явственны были слѣды вліянія морскихъ волнъ на керулахъ, на столько же были совершенно не тронуты моремъ острогранные валуны каменистаго поля, которое въ этомъ отношеніи походило на всѣ мною встрѣченныя каменистыя пространства Пелеваго хребта: именно, я нигдѣ не могъ найти на нихъ никакихъ слѣдовъ шлифовки волнами.

Чтобы дать знать о себѣ людямъ, находившимся на другомъ берегу, мы зажгли большой костеръ; послѣ этого насъ перевезли. Въ то время я нашелъ только Лазаря Струкова, старосту жившихъ въ Ожогинѣ русскихъ (78). Все остальное русское населеніе было теперь разсѣяно вдоль берега Индигирки и усердно занималось рыбной ловлей. Къ моему величайшему удивленію уровень рѣки былъ высокъ, несмотря на осень, когда рѣкѣ пола-

галось быть маловодной. Я узналъ отъ Струкова, что всѣ жители были крайне этимъ озабочены: не задолго до моего прїѣзда они вовсе не могли приступить къ рыбной ловлѣ, потому что рѣка затопила всѣ берега и населеніе опасалось, что оно не успѣетъ сдѣлать достаточныхъ запасовъ на зиму; уровень рѣки понизился всего лишь нѣсколько дней тому назадъ. Свѣдѣніями, собранными нами у здѣшнихъ жителей, объяснилось также и богатство тундры водой. Весна была очень хороша и ловъ вначалѣ былъ весьма удаченъ, но затѣмъ, въ концѣ іюня и началѣ іюля, на нижнемъ теченіи рѣки Селегняха начались ливни и продолжались въ теченіе всего іюля и августа. Вслѣдствіе этого все было залито водой и Индигирка вышла изъ береговъ, хотя къ сѣверу отъ Ожогина дождей было не много. Это были очень плохія извѣстія, такъ какъ они показывали, что лошади съ моимъ багажомъ должны были идти всю дорогу подъ проливнымъ дождемъ; такимъ образомъ, съ достаточной долей вѣроятности, можно было думать, что весь вьюкъ промокъ и что животныя очень сильно пострадали. Впрочемъ была еще слабая надежда на то, что проводники избѣгли дождей, сдѣлавши по моимъ указаніямъ большой крюкъ къ югу, чтобы обойти захваченный эпидеміей районъ; но эта надежда держалась на слишкомъ шаткомъ основаніи, да и послѣдствія показали, что она была тщетною. Еще болѣе неприятнымъ въ данный моментъ было то обстоятельство, что я не могъ разсчитывать получить лошадей, — въ Ожогинѣ ихъ не было, да и достать ихъ въ то время, когда всѣ разбрелись на рыбную ловлю, оказалось невозможнымъ. Только веретъ сто къ югу, въ урочищѣ Тасъ могъ я надѣяться нанять нѣсколькихъ лошадей. Такимъ образомъ путешествіе пришлось продолжать на первыхъ порахъ пѣшкомъ, а къ этому я вовсе не былъ подготовленъ.

Сначала приходилось позаботиться объ освобожденіи оставшихся въ горахъ людей и лошадей; съ этой цѣлью я тотчасъ же послалъ нѣсколькихъ человекъ. Далѣе, прежде чѣмъ думать о дальнѣйшемъ путешествіи, надо было дать отдохнуть животнымъ,

по крайней мѣрѣ тѣмъ изъ нихъ, которыя были еще годны, и кормить ихъ возможно лучше. Черезъ два дня пришли болѣе крѣпкія лошади, день спустя еще нѣсколько, остальные же прибыли только тогда, когда мы уже собрались въ путь, почему мы и оставили ихъ въ Похвальномъ. Семь дней пробылъ я въ этомъ мѣстѣ и могъ воспользоваться такой вынужденной остановкой только для того, чтобы собрать нѣсколько цѣнныхъ данныхъ о нижнемъ теченіи Индигирки отъ людей, хорошо ее знавшихъ. При этомъ, конечно, рѣчь часто заходила о мамонтовыхъ клыкахъ и ихъ мѣстонахожденіи; Струковъ очень сожалѣлъ, что извѣщеніе о наградахъ за находку дошло до него такъ поздно; сожалѣлъ потому, что иногда представлялись случаи кое-что заработать на этомъ. Такъ напримѣръ, одинъ изъ его знакомыхъ, Рожинъ, всю свою жизнь занимался отыскиваніемъ мамонтовыхъ клыковъ и чаще всѣхъ остальныхъ жителей Русскаго Устья и Усть-Янска посѣщалъ острова Ледовитаго океана; лѣтъ тридцать тому назадъ онъ объѣзжалъ, по словамъ старосты, вмѣстѣ со своимъ сыномъ Прокофіемъ, и понинѣ еще живущимъ въ Русскомъ, рѣку Шангинъ, впадающую у Ожогина въ Индигирку, и нашель, верстахъ въ 150-ти выше мѣста ея впаденія, мамонта въ береговомъ откосѣ. При этомъ была видна только низко опустившаяся голова да обѣ переднія ноги, все же остальное туловище было скрыто въ землѣ. Въ виду того, что мамонтъ находился въ землѣ ногами внизъ, старикъ Рожинъ вывелъ заключеніе, что эти животныя умирали стоя: — «всяко бываетъ, значить этотъ звѣрь стоя уснывалъ». По его рассказамъ, голова, грудь и брюхо были въ волосахъ; животное имѣло два короткихъ клыка, которые Рожинъ отбилъ и взялъ съ собой. Я очень сожалѣлъ, что лично не могъ переговорить съ нимъ, чтобы разузнать отъ него не подразумѣвалъ ли онъ подъ низко висѣвшей головой — хоботъ, потому что иначе не понятно какъ можетъ низко свѣшиваться голова мамонта. Струковъ же не могъ ничего сообщить мнѣ объ этомъ; своего пріятеля онъ подробно не спрашивалъ и могъ только передать вышеприведенное заключеніе Рожина о привычкѣ животнаго умирать стоя (79).

У Похвальнаго подходятъ къ рѣкѣ послѣдніе отроги хребта Полоуснаго. Этотъ хребетъ, начинаясь у Жанкы на Янѣ, гдѣ онъ примыкаетъ къ сѣверному концу Тасъ-Хаяхтаха, тянется въ экваторіальномъ направленіи до Индигирки. Съ него берутъ начало, съ одной стороны лѣвые притоки рѣки Уяндины, а съ другой — рѣки, текуція въ Ледовитый океанъ; у Яны хребетъ высокъ и дикъ, далѣе же на востокъ становится пологимъ, такъ что отъ его отроговъ у Похвальнаго отходятъ къ рѣкѣ только низкіе холмы.

8-го Сентября мы выступили въ путь. За день до этого я выслалъ мало-мальски еще годныхъ лошадей впередъ, въ Полоусное, чтобы онѣ шли какъ можно тише, а самъ проплылъ это разстояніе въ сопровожденіи Струкова на лодкѣ. У Полоуснаго находится въ настоящее время ожогинская церковъ, съ тѣхъ поръ какъ ее отстроили вновь; прежде она была расположена южиѣе и находилась ближе къ Ожогину, но была снесена рѣкой. Теперь ее поставили на старомъ рукавѣ Индигирки, у истока Полоусной, въ совершенно безопасномъ мѣстѣ. Полоусная есть стокъ большаго озера Ожогина (по-якутски называемаго Тыгымей-кѣль), которое расположено въ тридцати верстахъ дальше, на лѣвомъ берегу Индигирки и у подошвы Полоуснаго хребта.

Въ Полоусномъ я остался одинъ день, чтобы дать лошадямъ отдохнуть и воспользоваться тамошнимъ хорошимъ пастбищемъ. Проживающій здѣсь священникъ, узнавши о моемъ пріѣздѣ, пришелъ ко мнѣ; онъ приходился братомъ мисіонеру въ Марковѣ и былъ очень радъ узнать что нибудь о немъ, потому что не получалъ отъ него никакихъ извѣстій въ теченіе многихъ лѣтъ.

На слѣдующій день, т. е. 10 сентября, вновь началось путешествіе пѣшкомъ. Мы вышли утромъ и еще засвѣтло пришли къ озеру, до котораго ожогинцы считаютъ тридцать верстъ, мнѣ же показалось, что это разстояніе ни въ какомъ случаѣ не болѣе двадцати шести. Это прекрасное озеро; южный низменный берегъ его имѣетъ добрыхъ тридцать верстъ протяженія, сѣверная же сторона окаймлена высокими, покрытыми въ то

время снѣгомъ, горами, образующими три обширныхъ бухты. Во время нашего пребыванія здѣсь погода была тихая, такъ что вода только слегка билась о берегъ, въ бурю же, какъ говорятъ, на озерѣ поднимается большое волненіе; окрестные жители никогда не переплываютъ черезъ него поперекъ, потому что ихъ легкія вѣтки не могутъ выдержать вѣтровъ, дующихъ изъ горныхъ ущелій. Очень естественно, что такая непривѣтливость озера послужила источникомъ многихъ разсказовъ, среди которыхъ отъ жителей можно слышать и страшное сказаніе о томъ, что на немъ нельзя плавать благодаря существованію громадной величины щукъ, которыя, выскакивая изъ воды, хватаютъ отважнаго пловца изъ вѣтки и увлекаютъ его въ глубину; даже ожогинскій священникъ, въ общемъ очень разсудительный человекъ, питалъ къ большому озеру вѣкоторый ужасъ, потому что ледъ на немъ приходилъ въ движеніе даже и при совершенно тихой погодѣ. Но въ этомъ вполнѣ естественномъ явленіи нѣтъ ничего удивительнаго, — оно объясняется вполнѣ легко. Ожогино отличается особенностью, которая свойственна также и другимъ большимъ озерамъ, какъ напр., Унарбѣ, Сѣнь-кѣлю и т. д.: съ осени оно замерзаетъ совершенно гладко, но вполсѣдствія, обыкновенно около января, ледъ приходитъ въ движеніе, трескается, льдины надвигаются одна на другую и образуютъ иногда довольно высокіе торосы. Это происходитъ, очевидно, отъ пониженія уровня воды, которое къ концу зимы становится очень замѣтнымъ на всѣхъ озерахъ и рѣкахъ крайняго сѣвера. Въ виду того, что почва на извѣстной глубинѣ большею частью остается постоянно мерзлою, и притокъ воды зимой очень слабъ, оттокъ же къ морю продолжается непрерывно, уровень воды какъ въ рѣкахъ, такъ и въ безчисленныхъ озерахъ долженъ замѣтно понижаться. Что это въ дѣйствительности такъ, легко замѣтить при переѣздѣ черезъ широкую рѣку или черезъ озеро; именно, ступивъ на ледъ, путешественникъ не сразу падаетъ на горизонтальную поверхность; прежде чѣмъ достигнуть ея, онъ ѣдетъ еще нѣкоторое время по нѣскольکو наклонной плоскости; точно также, выѣзжая изъ предѣловъ льда на рѣкѣ

или озерѣ и выбираясь на берегъ, онъ долженъ подниматься нѣсколько въ гору. Въ виду того, что ледъ обладаетъ значительной гибкостью, онъ обыкновенно не'даетъ при этомъ трещинъ, а образуетъ непрерывную вогнутую поверхность, точно такъ же, какъ весной, при подъемѣ воды въ рѣкахъ, онъ становится выпуклымъ и остается въ этомъ видѣ нѣкоторое время до тѣхъ поръ, пока не начнется ледоходъ и онъ не отойдетъ отъ береговъ. Каждый, кто весной переѣзжалъ на большомъ сибирскомъ трактѣ черезъ Енисей, Обь, Иртышъ и другія большія рѣки, можетъ засвидѣтельствовать, что ему приходилось сначала ѣхать въ лодкѣ, затѣмъ идти пѣшкомъ съ версту или болѣе и, въ концѣ концовъ, снова садиться въ лодку, которая уже перевозила его на противоположный берегъ. На очень большихъ озерахъ дѣло обстоитъ нѣсколько иначе въ томъ отношеніи, что ледяная поверхность слишкомъ велика и тяжела, благодаря чему она не выдерживаетъ собственной тяжести, рвется съ сильнѣйшимъ трескомъ на мелкія части, которыя разносятся волнами, надвигаются другъ на друга и образуютъ торосы. На такомъ озерѣ, которое, подобно Ожогину, съ одной стороны окружено высокими горами, изрѣзанными множествомъ ущелій, очень легко можетъ случаться, что часть водной поверхности приходитъ въ движеніе подъ вліяніемъ порывистаго отраженнаго вѣтра въ то время, какъ на противоположномъ, низменномъ южномъ берегу озеро находится въ полномъ покоѣ; такимъ образомъ при невнимательномъ отношеніи къ дѣлу легко можетъ показаться, что ледяныя горы движутся при совершенно спокойной погодѣ и при неподвижной поверхности воды. Это мое мнѣніе на слѣдующій день подтвердилъ одинъ старый якутъ, который живетъ тамъ уже двадцать лѣтъ и занимается рыбной ловлей. О громадныхъ щукахъ онъ, конечно, ничего не зналъ, но заявилъ, что самъ онъ чрезъ озеро никогда не переѣзжалъ въ виду того, что на него никогда нельзя положить. Ширина его только немного меньше длины, къ тому же пловецъ всегда рискуетъ неожиданно попасть подъ шквалъ и сильное волненіе, несмотря на то, что покинулъ берегъ при

совершенно спокойной погодѣ. Поэтому самъ якутъ никогда не отъѣзжалъ далеко отъ берега, а всегда держался вдоль него; впрочемъ изрѣдка молодые люди, незнакомые съ озеромъ, дѣлали попытки переѣхать его поперекъ, но большею частью дѣло кончалось плохо: обыкновенно они долго носились изъ стороны въ сторону прежде, чѣмъ имъ удавалось выйти опять на твердую почву. Обращало на себя вниманіе большое количество *Nostoc pruniforme*, которое выбрасываетъ озеро; южный берегъ его на всемъ своемъ протяженіи былъ покрытъ толстымъ слоемъ этого растенія. Я нашелъ его только на этомъ озерѣ, жители же Колымска утверждали, что его выбрасываютъ также и другія озера. Въ то время, когда мы были здѣсь, на озерѣ находилось много рыбаковъ—какъ якутовъ и тувгузовъ, такъ и русскихъ,—занимавшихся въ ту пору ловлей рыбы, носящей названіе красной и отличающейся отъ всѣхъ остальныхъ своимъ краснымъ мясомъ, чего у другихъ рыбъ Колымскаго округа не наблюдается. Впрочемъ, въ Усть-Янскѣ я встрѣтилъ очень похожую на нее рыбу, которую русскіе называютъ тамъ зубаткой, потому что она имѣетъ даже бѣльшее количество зубовъ нежели таймень. Благодаря красному мясу, русскіе на Ожогинѣ называли ее красной, якуты же таймень-балыкъ, что значитъ господская рыба. Между собранными мною рыбами долженъ находиться экземпляръ этого вида. Вообще озеро очень богато рыбой, почему его знаютъ по всей округѣ и посѣщаютъ издалека.

На слѣдующій день мы отправились дальше и прошли около тридцати верстъ у самаго берега озера, а затѣмъ сдѣлали еще двѣ версты по лѣсу; это была послѣдняя хорошая дорога на нашемъ пути до Абыя. Берегъ былъ сухъ и твердъ, такъ что идти было легко. Отсюда становилось замѣтнымъ, что мы приближаемся къ обширной области озеръ Уяндины и нижняго теченія Селегняха. До нихъ мы сдѣлали еще около 260-ти верстъ, двигаясь преимущественно по гористой или по крайней мѣрѣ по холмистой мѣстности, но излишекъ сырости почвы давалъ себя чувствовать и тутъ. Индигирка принимаетъ въ себя, на пространствѣ

отъ Полоусной до дельты, собственно говоря, только одинъ болѣе или менѣе значительный притокъ — Аллаху: Полоусный хребетъ, простираясь съ запада на востокъ, подходитъ здѣсь къ самой рѣкѣ, такъ что не остается достаточно мѣста для развитія рѣчной сѣти. То же самое наблюдается на правомъ берегу, гдѣ Пелевой хребетъ вмѣстѣ съ Пунга-Тахою на всемъ своемъ протяженіи допускаетъ впаденіе въ Индигирку только одной рѣки — Эрчи. За Полоусной же начинается цѣлый рядъ, иногда очень значительныхъ, лѣвыхъ притоковъ, изъ которыхъ до Абыя намъ пришлось частью перейти, частью же обойти въ истокахъ шесть слѣдующихъ: Костроманъ, Курунгъ-ыряхъ, Салу, Судороху, Конептеръ и Уяндину. Всѣ эти рѣки, за исключеніемъ Уяндины, имѣютъ небольшую длину, но ихъ питаетъ множество озеръ, находящихся въ сообщеніи преимущественно съ заросшими травою висками, такъ что общее количество перерѣзывающихъ мѣстность озеръ и потоковъ очень значительно. Судороха кромѣ того очень многоводна, потому что представляетъ изъ себя виску Эджегетей-кѣля, озеро, которое самъ я не видалъ, но которое, по рассказамъ, не уступаетъ въ величинѣ Ожогину и, подобно этому послѣднему, лежитъ на южномъ склонѣ Полоуснаго хребта, почему сѣверный его берегъ окаймленъ тоже высокими горами.

До сихъ поръ погода была однообразна: изрѣдка былъ морозъ, а затѣмъ термометръ поднимался опять выше нуля; иногда выпадалъ небольшой снѣгъ, который солнце снова стогнало. Но 14-го сентября, когда мы находились въ урочищѣ Тась, куда для рыбной ловли собралось довольно много якутовъ, на незамерзшую землю выпалъ снѣгъ слоемъ около семи дюймовъ и болѣе не растаивалъ. Уже въ то время, когда при тихой погодѣ онъ падалъ крупными хлопьями, жители были очень озабочены и полагали, что это можетъ кончиться плохо. Все лѣто были сильные дожди, вслѣдствіе чего трава повсюду была очень хороша, но сѣна запасено было мало, потому что непрерывная дождливая погода задерживала, а иногда и вовсе прекращала его уборку.

Это являлось очень тяжелым обстоятельствомъ для якутовъ, которые не могутъ оставлять свой скоть на свободѣ зимою, подобно тому, какъ это дѣлаютъ буряты въ Забайкальѣ; съ одной стороны морозъ очень значителенъ, а съ другой — якутамъ приходится считаться со спѣжнымъ покровомъ около двадцати дюймовъ толщиной, чего буряты въ своей степи обыкновенно не знаютъ, за исключеніемъ развѣ несчастныхъ годовъ. Лошадей, конечно, и якутъ можетъ въ продолженіе зимы предоставить самимъ себѣ: густая зимняя шерсть этихъ животныхъ достаточно защищаетъ ихъ отъ стужи, пищу же они сами себѣ отрываютъ изъ-подъ снѣга. Но рогатый скоть безусловно требуетъ содержанія въ хлѣвахъ въ теченіе всего холоднаго времени года. Если бы снѣгъ не выпадалъ еще въ теченіе одного мѣсяца, населеніе могло бы кое-какъ рассчитывать на сносную зиму: для лошадей были бы превосходныя зимнія пастбища, такъ какъ трава была повсюду высока и густа, рогатый же скоть можно было бы выгонять еще довольно продолжительное время, потому что морозъ въ 20—25° ниже нуля онъ выдерживаетъ довольно сносно. Теперь же обстоятельства мѣнялись: въ случаѣ, если бы этотъ снѣгъ не растаялъ, чего можно было довольно серьезно опасаться, то густая трава была бы придавлена къ мокрой землѣ и въ теченіе нѣсколькихъ дней сдѣлалась бы негодной въ качествѣ корма. Эти разговоры тамошнихъ жителей такъ свѣжи въ моей памяти, какъ будто бы я слышалъ ихъ только вчера, потому что всѣ опасенія, тогда высказывавшіяся, дѣйствительно въ скоромъ времени оправдались и, главное, въ такой степени, въ какой люди даже и не ожидали. Въ урочищѣ Тасъ я нашелъ, наконецъ, лошадей и такимъ образомъ четырехсотъ-верстовое путешествіе пѣшкомъ окончилось. Очень пріятно было снова получить возможность сидѣть въ сѣдлѣ, вмѣсто того, чтобы тащиться по мягкой, и къ тому же покрытой снѣгомъ, землѣ.

18-го Сентября я достигъ, наконецъ, Абыя и нашелъ помѣщеніе у головы улуса Эльгета, Василя Ефимова, юрта котораго находилась на большомъ озерѣ Абый. Мои лошади были

тоже уже здѣсь; ихъ должно было прибыть 38, но оказалось только 36, потому что двѣ пали въ дорогѣ. Да и въ какомъ состояніи я нашелъ лошадей, на которыхъ надо было совершить долгое обратное путешествіе до Якутска! На основаніи того, что я зналъ о состояніи погоды въ этомъ году, я безъ сомнѣнія уже ожидалъ найти животныхъ не въ полной силѣ, но все же еще такими, которыми можно было бы пользоваться, а между тѣмъ я увидалъ тридцать шесть скелетовъ, печально повѣсившихъ головы, они предпочитали лучше стоять, чѣмъ ходить.

Я сомнѣваюсь, чтобы когда нибудь человѣку приходилось испытывать больше неприятностей и неудачъ, чѣмъ мнѣ въ это двухъ-лѣтнее путешествіе изъ Якутска и обратно. Я не говорю уже о томъ, что намъ удалось выполнить только часть того, что мы рассчитывали исполнить, — это такія обстоятельства, надъ которыми человѣкъ не властенъ, это надежды и ожиданія, которыя могутъ исполниться или нѣтъ. Но едва-ли когда бывало, чтобы расчеты, основанные на долголѣтнемъ опытѣ и практическомъ знакомствѣ со страной и ея климатомъ, не оправдывались въ такой степени, какъ на этотъ разъ постоянно случалось со мной. Теперь я находился уже на большой дорогѣ въ Якутскъ, путешествіе было такимъ образомъ, собственно говоря, уже окончено, а между тѣмъ я очутился вдругъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ: какъ переправить мнѣ всѣ собранные съ такимъ большимъ трудомъ научные матеріалы въ Якутскъ? На моихъ лошадей рассчитывать было нельзя; все, чего отъ нихъ можно было ожидать въ ихъ состояніи, такъ это то, чтобы онѣ сами себя дотащили до дому, потому что пришлось тотчасъ кинуть также и мысль оставить ихъ до слѣдующаго года въ Абыѣ, такъ какъ онѣ не перенесли бы отсутствія зимняго пастбища и сѣна. Но какимъ же образомъ очутились онѣ въ такомъ состояніи? Это случилось очень просто, какъ объяснилъ мнѣ голова Василій Ефимовъ; весьма дѣльный и сообразительный человѣкъ. 28-го Августа весь караванъ пришелъ въ Абыѣ; въ дорогѣ двѣ лошади на столько сильно повредили себя при паденіи, что слѣ-

лались негодными. Животныя были если и не въ полной силѣ, — чего и нельзя было ожидать послѣ совершеннаго ими изъ Колымска путешествія, — то все же въ такомъ состояніи, что можно было рассчитывать на то, что они вполне поправятся до моего приѣзда, а также и на то, что достаточно хорошо перенесутъ путь до Якутска. До начала сентября все обстояло вполне благополучно. Ефимовъ пустилъ лошадей на хорошія пастбища, которыхъ въ этомъ году было вполне достаточно, такъ что животныя уже замѣтно оправились и были совершенно бодры и здоровы. Но тутъ выпалъ снѣгъ, который шелъ здѣсь много сильнѣе, потому что онъ легъ слоємъ въ цѣлый футъ толщиною и уже черезъ два дня ни лошади, ни скоть не ѣли прокишпей и заплесѣвшей травы; тѣхъ немногихъ дней, которые съ того времени прошли, было вполне достаточно, чтобы въ конецъ подорвать силы всего моего табуна! Люди объясняли это тѣмъ обстоятельствомъ, что мои животныя были уже утомлены и только что начали поправляться; ихъ собственныя лошади, спокойно пасшіяся въ теченіе лѣта, не успѣли еще исхудать въ такой степени, но въ скоромъ времени, по увѣренію Ефимова, и ихъ нельзя будетъ отличить отъ моихъ животныхъ. Это пророчество вполне исполнилось, какъ мы это скоро увидимъ, но мое положеніе черезъ то вовсе не улучшилось. Тутъ я долженъ прямо сказать, что населеніе, особенно Ефимовъ и старосты якутовъ, такъ старались помочь мнѣ, какъ я вовсе этого не ожидалъ, хотя и зналъ ихъ очень хорошо. Когда я приѣхалъ въ Абый, самого Ефимова не было дома, но я нашелъ все готовымъ для моего приѣма: вмѣсто себя онъ оставилъ одного изъ своихъ сыновей и велѣлъ сказать, что самъ вернется въ скоромъ времени. Когда же онъ приѣхалъ, первымъ его дѣломъ было успокоить меня; онъ заявилъ, что хотя всѣ они и находятся въ такомъ печальномъ положеніи, но все же постараются дать мнѣ возможность отправиться дальше, такъ какъ имъ хорошо извѣстно, что я путешествую не для своего удовольствія, а по порученію губернатора, которому всѣ они преданы. Онъ только просилъ меня обождать нѣсколько дней, такъ какъ онъ

послалъ за своими старостами, чтобы посовѣтоваться и затѣмъ сообщить мнѣ ихъ мнѣніе, какъ слѣдуетъ поступать далѣе. И такъ я остался ждать и воспользовался этимъ временемъ для того, чтобы распаковать мои ящики и посмотрѣть, какъ сохранились коллекціи, сушкой и приведеніемъ въ порядокъ которыхъ я и занялся; однимъ словомъ, дѣла было довольно. Къ счастью, непрерывные дожди, подѣ которые почти ежедневно попадалъ мой караванъ, не причинили особеннаго вреда коллекціямъ: сильнѣе всего пострадалъ гербарій, который частью сильно заплеснѣвѣлъ, шкурки же находились въ довольно сносномъ видѣ и высушить ихъ было вполне возможно; такимъ образомъ въ этомъ отношеніи не было непоправимой бѣды. Наконецъ появился Ефимовъ съ цѣлой толпой якутовъ и сообщалъ планъ, который они считали самымъ лучшимъ при настоящихъ обстоятельствахъ. Онъ состоялъ въ слѣдующемъ: о немедленномъ отправленіи нечего было и думать, потому что ни мои лошади, ни лошади якутовъ не были въ состояніи выдержать пути до перваго населеннаго мѣста Верхоянскаго округа. До этого послѣдняго, по словамъ якутовъ, было болѣе шестисотъ верстъ, изъ которыхъ первыя двѣ сотни хотя и приходились на область ихъ улуса, гдѣ было сѣно, но затѣмъ слѣдовали четыреста верстъ по абсолютно ненаселенной пустынѣ. Въ нормальные годы это послѣднее обстоятельство не имѣетъ особеннаго значенія, потому что вдоль теченія Селегняха, на пространствахъ приблизительно двухсотъ верстъ, растеть чибоба, отъ которой животныя на столько поправляются, что вполне хорошо выдерживаютъ остальные двѣсти верстъ, приходящіяся на область Догдо. Въ этомъ же году уровень воды Селегняха, благодаря постояннымъ дождямъ, былъ необыкновенно высокъ, такъ что онъ затопилъ и занесъ пескомъ всѣ мѣста, гдѣ растеть чибоба, обыкновенно придержающаяся самаго берега; такимъ образомъ здѣсь вовсе не было корма. Вслѣдствіе этого якуты предложили мнѣ ѣхать до Верхоянска на оленьихъ нартахъ, но всѣ олени въ то время находились еще въ горахъ, да кромѣ того и нартами нельзя было воспользоваться благодаря отсутствію зим-

няго пути. Поэтому я долженъ былъ ждать, пока не наступятъ постоянные морозы и не замерзнуть всё озеро, чего можно было ожидать приблизительно въ серединѣ октября. Якуты обѣщали, что къ этому времени для меня будутъ приготовлены легкія нарты съ необходимымъ числомъ оленей, которыхъ я буду мѣнять на каждой станціи и такимъ образомъ доберусь до Верхоянска. Багажъ будетъ отправленъ за мной на грузовыхъ нартахъ до Верхоянска по частямъ, такъ какъ на станціяхъ нѣтъ достаточно повозокъ и животныхъ, чтобы отправить его разомъ. Моихъ лошадей они предложили кормить сѣномъ. Нѣкоторые изъ якутовъ, не имѣя достаточно сѣна, собирались перерѣзать свой рогатый скотъ пока онъ еще годенъ въ пищу, а потому предлагали мнѣ купить сѣно по дешевой цѣнѣ. Мнѣ оно, по ихъ словамъ, еще могло послужить въ помощь, для нихъ же оно было бесполезно: имъ не было никакого расчета, продержавъ животныхъ, да и то съ большимъ трудомъ, до декабря или января, въ концѣ концовъ все-таки зарѣзать ихъ, почему они и рѣшались на это теперь же. При такихъ условіяхъ мои лошади на всемъ пути до Селегняха могли получать хорошій кормъ; въ послѣднемъ изъ урочищъ, гдѣ имѣлся запасъ сѣна, лошадей предполагалось завьючить такимъ количествомъ багажа, какое только онѣ могли вынести, т. е. около шести пудовъ, а затѣмъ попытаться гнать ихъ до первыхъ селеній Верхоянскаго округа. Шансы на то, удастся или не удастся этотъ планъ, были одинаковы, а другаго исхода между тѣмъ не было.

Такое положеніе вещей подѣйствовало на меня въ высшей степени непріятно; я отлично зналъ, что дѣла плохи, но я никакъ не предполагалъ, чтобы бѣдствіе было на столько велико, что жителямъ приходилось думать объ уничтоженіи скота, составлявшаго почти единственный источникъ ихъ существованія. Изъ послѣдующихъ разговоровъ однако выяснилось, что, намѣчая этотъ планъ, они имѣли въ виду лишь случай самаго дурнаго оборота дѣла, къ которому слѣдовало однако подготовиться. Хотя они и не были въ состояніи продержать свой скотъ

дома, но все же еще оставалась слабая надежда прокормить его гдѣ нибудь на сторонѣ. Поэтому они разослали въ разные концы посланцевъ съ цѣлью разузнать, нельзя-ли дать перезимовать скоту на Колымѣ или по верхнему теченію Индигирки, на Оймеконскомъ нагорьѣ; въ благопріятномъ случаѣ имѣлось въ виду угнать его съ наступленіемъ холодовъ. Но якуты не скрывали отъ себя, что надежда ихъ мало основательна, потому что очень трудно было предположить, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ условія были инныя; наоборотъ, нужно было приготовиться къ тому, что и оттуда получатся дурныя вѣсти, такъ какъ по всѣмъ признакамъ дождливая погода въ теченіе лѣта охватила обширный районъ.

Такъ оно и вышло: въ началѣ октября пришли сюда люди съ верхняго теченія Индигирки, чтобы освѣдомиться нельзя-ли имъ найти пріютъ въ озерной области. На Оймеконскомъ нагорьѣ снѣгъ выпалъ въ іюлѣ и лежалъ нѣсколько дней; онъ такъ испортилъ траву, что жители не могли запастись сѣна; кромѣ того обильный снѣгъ выпалъ очень рано также и осенью, такъ что дѣла были тамъ еще хуже, чѣмъ вокругъ Абыя. Съ Колымы тоже получились неутѣшительныя вѣсти; сборъ сѣна въ этомъ году былъ здѣсь плохой, потому что уборкѣ часто мѣшали дожди; тѣмъ не менѣе надѣялись, что небольшое количество скота все-таки можетъ найти тутъ пріютъ: раннимъ лѣтомъ мѣстный скотъ такъ сильно пострадалъ отъ заразы, что можно было уступить часть сѣна. Этимъ соображеніемъ и руководствовались.

9-го Октября Ефимовъ велѣлъ зарѣзать большую часть своихъ лошадей, потому что онѣ съ трудомъ могли держаться на ногахъ и нечего было и думать о томъ, чтобы онѣ перезимовали. Я самъ видѣлъ ихъ; лошадей было около пятидесяти и онѣ имѣли еще болѣе печальный видъ, чѣмъ мои лошади три недѣли тому назадъ. Послѣ того какъ ихъ убили, мясо оказалось такимъ жесткимъ и мало питательнымъ, что его нельзя было ѣсть, несмотря на то, что въ теченіе лѣта животныя пользовались прекраснымъ подножнымъ кормомъ. Такъ же поступили и дру-

гіе якуты: каждый разсчиталъ сколько животныхъ онъ долженъ былъ убить, чтобы дать возможность просуществовать хотя остальнымъ. Дѣло не ограничилось однѣми лошадьми, потому что не было надежды прокормить также и весь остальной скоть. Наконецъ населеніе потеряло и послѣдній якорь спасенія, на который оно возлагало еще нѣкоторыя упованія: въ виду того, что лѣтомъ уровень воды въ озерахъ былъ очень высокъ, не было возможности скосить траву по берегамъ, которые доставляютъ самое лучшее сѣно. Это бываетъ довольно часто и населеніе старается въ такихъ случаяхъ помочь себѣ тѣмъ, что оставляетъ высокую траву въ покоѣ до наступленія морозовъ и даетъ озерамъ замерзнуть у береговъ, гдѣ вода мелка. Замерзаніе наступаетъ обыкновенно рано осенью и часто совершенно еще зеленую траву скашиваютъ поверхъ льда, получая при этомъ довольно значительное количество сноснаго корма на зиму. Люди все еще надѣялись, что трава, росшая въ водѣ, окажется годной для корма; но когда наступилъ морозъ и начали косить, то тотчасъ же убѣдились, что скоть отказывался отъ этой травы. Такимъ образомъ надъ страной разразилось неслыханное бѣдствіе, но можно было только удивляться, какъ спокойно и безропотно переносили люди потерю своего достоянія. Конечно, не надо забывать, что рыбное богатство озеръ избавляло ихъ отъ голодной смерти и что стада ихъ были далеко не такъ многочисленны, какъ въ Якутскомъ и Вилюйскомъ округахъ; тѣмъ не менѣе благосостояніе населенія подрывалось на цѣлые годы, потому что послѣ такого несчастія скоть поправляется только по прошествіи долгаго времени. Никому и въ голову не приходило поживиться на мой счетъ, продавая мнѣ сѣно по возможно высокой цѣнѣ: чуть не каждый ребенокъ понималъ, что мнѣ оно было необходимо, а между тѣмъ отъ двухъ или трехъ якутовъ я получилъ очень значительные стоги сѣна просто въ подарокъ. Въ отвѣтъ на предложеніе этого подарка я замѣтилъ, что желалъ бы лучше купить сѣно, такъ какъ не стѣсняюсь въ средствахъ, имъ же вырученныя деньги могли бы послу-

жить маленькой помощью въ несчастіи, заставившемъ ихъ убить рогатый скотъ; но объ этомъ якуты не хотѣли и слышать и заявили, что имъ это не можетъ помочь, такъ какъ они все равно разорены; съ купцовъ они взяли бы плату за сѣно, но они отлично знаютъ, что лошади принадлежатъ не мнѣ, а царю, которому они его очень охотно отдаютъ. Ту же причину всегда приводили, когда я выражалъ удивленіе по поводу незначительности цѣны, какую они спрашивали за сѣно; они не желали наживаться на счетъ царя во время нужды, которою вовсе не хотѣли пользоваться. И такъ они поступали до самаго конца. Мои лошади вышли изъ Абыя раньше меня; мы условились, что на тѣхъ станціяхъ, гдѣ онѣ будутъ останавливаться только на короткое время, я не буду покупать сѣно цѣлыми стогами, а заплачу по-денно опредѣленную сумму съ каждой головы. Если не ошибаюсь, назначено было платить по десяти копѣекъ, что соответствовало цѣнѣ при обыкновенныхъ условіяхъ. Когда при моемъ проѣздѣ я производилъ расчеты съ людьми, оказалось, что лошади въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стояли по полутора и болѣе сутокъ и такимъ образомъ мнѣ слѣдовало бы доплачивать. Однако нигдѣ не допускали этой доплаты; повсюду мнѣ отвѣчали, что этого не надо, такъ какъ животныя, придя на станцію уже сытыми, ѣли дескать не много, или что нибудь въ этомъ родѣ. Побудительной причиной такого отношенія служило то обстоятельство, что лошади были царскія. Достойно сожалѣнія, что такая готовность къ жертвамъ въ концѣ концовъ осталась безъ результата: мнѣ не удалось сохранить лошадей, всѣ онѣ пали по дорогѣ и ни одна не дошла до Верхоянска.

До 14-го октября я долженъ былъ оставаться въ Абыѣ, быть свидѣтелемъ всего этого несчастія и видѣть попытки бороться съ нимъ. Рука объ руку съ заботами спасти возможно большее количество скота шли старанія населенія сдѣлать усиленные, сравнительно съ обыкновенными, запасы рыбы. Ефимовъ отправился на Ипдигирку, гдѣ осенью якуты обыкновенно устраиваютъ большой ловъ рыбы снарядами, имѣющими много

сходства съ употребляемыми у насъ вершами. Для этого они избираютъ мѣсто на рѣкѣ, гдѣ послѣдняя не очень глубока и имѣетъ много острововъ. Когда ледъ уже окрѣпъ, подобное мѣсто такъ далеко какъ это возможно перегораживается жердями, которыя должны идти до самого дна. Въ виду того, что рѣка очень быстра, такіе заколы стѣять большаго труда, но все же никогда не бываютъ сплошными. Затѣмъ во многихъ мѣстахъ ставятся такъ называемыя мерѣжи, представляющія, собственно говоря, мотню отъ большихъ неводовъ, которую съ этой цѣлью отвязываютъ и ставятъ наподобіе вершъ. Рыба, зимой имѣющая обыкновеніе спускаться въ море, ловится здѣсь въ эти мѣшки часто въ очень значительномъ количествѣ, такъ что уловъ иногда бываетъ весьма богатый. Въ этомъ году населеніе вернулось хотя и не съ пустыми руками, но тѣмъ не менѣе уловъ нельзя было назвать обильнымъ. Ефимовъ привезъ на свою долю слишкомъ тридцать пудовъ, но утверждалъ, что обыкновенно онъ получаетъ отъ пятидесяти до семидесяти пудовъ. Въ общемъ недостатка въ рыбѣ не было, да жители постоянно и увѣряли, что имъ нечего бояться голода, такъ какъ въ безчисленныхъ озерахъ всегда можно добыть себѣ достаточно пищи, чтобы просуществовать.

Наконецъ насталъ и день моего освобожденія. Уже давно наступили холода, всѣ озера замерзли и оленей пригнали, такъ что болѣе нечего было ждать. 14-го Октября мы могли сѣсть въ наши нарты и начать путешествіе по озерамъ. Какъ видно изъ дополнительной карты, этотъ путь былъ именно путешествіемъ черезъ озера, которыя безконечной вереницей тянутся отъ Уяндины до Селегняха; на моей картѣ видны два такихъ ряда, которые то сходятся, то вновь расходятся. На картѣ Генеральнаго Штаба сдѣлана ошибка въ томъ отношеніи, что были смѣшаны два маршрута—топографа Аюнасъева и мой: мы ѣхали далеко не всегда однимъ и тѣмъ же путемъ. Но эта мѣстность до такой степени усѣяна озерами, что совершенно безразлично, гдѣ ни ѣхать, а въ маршрутѣ всегда будетъ находиться цѣпь озеръ,

раздѣленныхъ едва замѣтными промежутками твердой земли. Само собою разумѣется, что эта область представляетъ собою чистѣйшую равнину; и дѣйствительно, мѣстность столь ровна, что уже отъ самого Абыя можно видѣть на горизонтѣ высочайшія изъ вершинъ Сылгы-Итгарскаго хребта. Олени были свѣжи, такъ что въ общемъ мы подвигались впередъ порядочно и уже 17-го октября достигли Селегнаха, а вмѣстѣ съ тѣмъ и хребта. Ѣхать по Селегнаху было очень плохо: на немъ во многихъ мѣстахъ были полыньи, да кромѣ того путешествіе особенно затруднялось большимъ количествомъ воды, стекавшей съ береговъ рѣки и стоявшей поверхъ льда; иногда она разливалась во всю ширину рѣки. Какъ уже раньше на Маломъ Анюѣ, такъ и тутъ я часто могъ видѣть, что между полыньями и водой, находящейся поверхъ льда, не было никакого отношенія; иными словами, послѣдняя обязана своимъ происхожденіемъ не тому обстоятельству, что уровень воды въ рѣкѣ поднялся послѣ того, какъ большая часть ея успѣла покрыться льдомъ: вода просачивается изъ самой земли, которая поэтому не можетъ находиться въ постоянно замерзшемъ состояніи. Была еще только вторая половина октября, а потому въ данномъ случаѣ почва еще могла не замерзнуть, но на Анюѣ можно видѣть большое количество воды поверхъ льда даже во время возвращенія съ ярмарки, т. е. тогда, когда зима приходитъ уже къ концу. Ниже впаденія Тонгмота я встрѣтилъ тунгуза, который взялся доставлять почтовыхъ оленей, и намъ пришлось смѣнить уставшихъ животныхъ на новыхъ. Это потребовало остановки на два дня, такъ какъ, благодаря плохимъ пастбищамъ, онъ пасъ своихъ оленей далеко въ горахъ. Лѣтомъ этотъ человѣкъ былъ свидѣтелемъ высокаго уровня воды, который поставилъ его съ семьей въ почти безвыходное положеніе. Его палатка находилась на выступѣ скалы у самаго берега Селегнаха, а позади возвышался на столько крутой склонъ, что подняться на него было не подъ силу даже тунгузу. Онъ считалъ себя тутъ въ полной безопасности, да и былъ правъ въ томъ отношеніи, что вода не дошла до его палатки; но

когда въ одно прекрасное утро онъ проснулся, то нашелъ рѣку поднявшеюся до такой степени, что бурный потокъ отрѣзалъ ему послѣднюю горную тропянку, дававшую ему возможность вести сношенія со внѣшнимъ міромъ. Въ теченіе двухъ недѣль держался высокой уровень рѣки, питаемой постоянными ливнями, которые превратили обыкновенно сухія горныя ущелья въ бурные потоки. Всѣ жизненные припасы, которые имѣлъ тунгузъ, въ концѣ концовъ вышли и семья начала страдать отъ голода. Къ счастью ему удалось такъ убить въ лѣтъ трехъ утокъ, что онъ упали на его, сдѣлавшуюся очень малою, территорію. Эти три птицы спасли его и его семью, и хотя опять уже стала приближаться нужда, но къ этому времени уровень воды понизился на столько, что онъ могъ снова предпринимать свои охотничьи экскурсіи. Для меня этотъ тунгузъ былъ очень полезенъ въ томъ отношеніи, что я нашелъ въ немъ человѣка съ замѣчательной памятью мѣста; онъ считалъ своимъ охотничьимъ райономъ всю мѣстность отъ Ойменконскаго нагорья до нижняго теченія Япы и зналъ ее очень хорошо. Я могъ поэтому не только отлично провѣрить уже раньше мною собранныя свѣдѣнія, но, съ помощью тунгузъ, въ значительной степени дополнить мою карту. Наши якутскіе проводники конечно знали о существованіи Тонгмота, но его система была имъ неизвѣстна, да кромѣ того они перенесли впаденіе этой рѣки въ другое мѣсто: они выдали топографу устье Береляха за устье Тонгмота. О Береляхѣ, который самъ по себѣ представляетъ уже громадную рѣчную систему, они не имѣли никакого представленія и никакъ не могли объяснить мнѣ какимъ образомъ путь шелъ въ прежнее время по южному Догдо на Зашиверскъ. По ихъ мнѣнію, съ верхнихъ истоковъ Догдо попадаютъ на притоки Индигирки. Но это вовсе не согласовалось со старыми данными Зауера и другихъ путешественниковъ, которые шли по этой дорогѣ. Мой же тунгузъ очень точно зналъ область Береляха, такъ что карта, которую я могъ составить по его указанію, вполне согласовалась со старинными источниками. Путешествіе до Тасъ-Хаяхтаха въ такое раннее время зимы имѣло

для меня значительный интересъ въ томъ отношеніи, что большіе тарыны, которые въ срединѣ декабря покрываютъ все своимъ льдомъ на большое разстояніе, теперь находились лишь въ состояніи зарожденія, такъ что берега рѣкъ, которыхъ прежде нельзя было вовсе отличить, теперь ясно обрисовывались. Якутскіе проводники утверждали, что Ньехаранъ течетъ въ Киру, а между тѣмъ оказалось, что онъ впадаетъ въ Селегняхъ самостоятельнымъ устьемъ, такъ что намъ пришлось ѣхать довольно значительное время по кочковатымъ болотамъ прежде, чѣмъ мы переправились съ него на Киру. Просто трудно себѣ вообразить, какая громадная масса льда собирается тутъ въ теченіе зимы и какъ мало выдерживаетъ критики теорія вѣчно мерзлой почвы при томъ количествѣ воды, которая постоянно течетъ здѣсь въ теченіе всей зимы. Сама Кира, на которую мы попали до восхожденія на хребетъ, оставивши этотъ послѣдній, довольно быстро течетъ по широкой, плоской долинѣ. Справа и слѣва принимаетъ она притоки, которые, на сколько можно видѣть ихъ долины съ главной рѣки, образуя безчисленные боковые рукава, несутъ къ ней свои воды тоже по широкимъ, плоскимъ низменностямъ. Такія топографическія условія будто нарочно созданы для образованія тарыновъ. Дѣйствительно, для того, чтобы послѣдніе могли появиться, безусловно необходимо, чтобы не только былъ постоянный притокъ воды, но и наклонъ долины былъ не очень силенъ; это даетъ возможность водѣ распредѣляться по уже раньше образовавшемуся льду тонкимъ слоемъ и благодаря этому быстро замерзаетъ. Если наклонъ долины очень крутъ, дѣло рѣдко доходитъ до образованія тарыновъ. При этомъ условіи вода или течетъ не замерзая всю зиму, или изъ грунтоваго льда образуется валъ, обуславливающій собою запруду рѣки; первое бываетъ въ томъ случаѣ, если воды достаточно, а послѣднее тогда, когда притокъ ея незначителенъ. На такихъ рѣкахъ уровень воды подымается до тѣхъ поръ пока, наконецъ, преграда изъ льда не перестанетъ сдерживать напора всей массы воды, которая тогда прорывается и стекаетъ; затѣмъ снова начинается образовываться

вагъ. Всѣ эти рѣки и рѣчки замерзли въ то время совершенно гладко, а безчисленные гальковыя отмели, выдававшіяся въ видѣ острововъ среди сильно развѣтвленнаго русла рѣкъ, съ перваго взгляда казались покрытыми снѣгомъ. Однако, стояло только попробовать, во избѣжаніе ѣзды по гладкому льду, свернуть на одинъ изъ подобныхъ острововъ, какъ животныя тотчасъ останавливались въ трехъ- или четырехъ-дюймовомъ слоѣ воды или, вѣрнѣе, въ кашцеобразной массѣ изъ воды и снѣга: это начиналъ образовываться тарынъ. Далѣе въ горахъ мы встрѣтили на рѣкѣ другое явленіе. Кира, какъ уже было раньше сказано, беретъ начало изъ болотистаго озера, находящагося на сѣдловинѣ Тасъ-Хаяхтаха, съ западнаго конца котораго начинается одинъ изъ истоковъ Догдо. Вверху на водораздѣлѣ и на нѣкоторомъ разстояніи книзу отъ него всѣ воды уже замерзли, по всей вѣроятности до самаго дна, потому что количество воды, которое получала Кира сверху, было очень незначительно и казалось, что дѣятельность воды къ концу октября тамъ совершенно прекратилась. Но приблизительно въ серединѣ восточнаго склона Кира получаетъ два притока, очевидно текущіе подъ землей, потому что до сихъ поръ въ высшей степени маловодная рѣка дѣлаетъ тутъ сильныя, зигзагообразныя изгибы, которые подходятъ въ двухъ мѣстахъ къ отвѣсной стѣнѣ береговыхъ скалъ, кажущихся подмытыми и нависшими надъ рѣкой. Въ этомъ мѣстѣ рѣка разомъ становится очень многоводною и съ большою силою стремится впередъ, такъ что въ теченіе всей зимы на ней не можетъ образоваться постояннаго ледянаго покрова. Это самое опасное мѣсто перевала, поэтому проходить его ночью по возможности избѣгаютъ, такъ какъ очень легко подвергнешься опасности выкупаться вопреки собственному желанію. Въ то время, когда мы переходили рѣку, уровень воды былъ не высокъ, но было крайне интересно наблюдать какъ рѣка только-что собиралась образовать преграду изъ льда. Въ нижней части незамерзшаго участка она уже сильно засорилась грунтовымъ льдомъ, такъ что вода стала прокладывать себѣ путь черезъ этотъ послѣдній и выступала по бокамъ, при

чемъ постоянно выкидывала грунтовой ледъ на препятствующую стоку воды преграду. Благодаря этому, отъ берега къ берегу, вдоль края плотнаго льда образовался изъ грунтоваго льда валъ вышиною приблизительно въ одинъ футъ; онъ, понятно, не былъ еще достаточно крѣпокъ, чтобы совершенно препятствовать стоку воды, которая просачивалась черезъ него, но сверху она все же уже застывалась. Въ то время было довольно холодно: днемъ термометръ Реомюра показывалъ 14—18° ниже нуля, а minima иногда достигали 26° холода; вслѣдствіе этого ледяная преграда постоянно крѣпла, а уровень воды долженъ былъ повышаться. Образование тарына, благодаря сильному паденію рѣки, было тутъ невозможно, но здѣсь находились всѣ условія для образованія запруды. Впрочемъ, по опыту извѣстно, что уровень воды поднимается здѣсь не очень сильно: если я не ошибаюсь, рѣка не вздувается выше пяти или шести футовъ, а затѣмъ она прорываетъ препятствіе и снова возстановляетъ свой прежній уровень.

Передъ тѣмъ какъ оставить это мѣсто, мы могли убѣдиться, какъ быстро можетъ замерзать вода, если она течетъ по льду тонкимъ слоемъ. Казакъ Дунаевъ имѣлъ при себѣ большую красивую собаку. Въ то время какъ мы изслѣдовали образованіе льда, собака улеглась и заснула. Мы не обратили на нее вниманія, а продолжали наше путешествіе послѣ остановки въ полъ или въ три четверти часа. Въ скоромъ времени жалобный вой собаки заставилъ насъ обернуться, при чемъ оказалось, что несчастное животное совершенно примерзло и должно было бы погибнуть въ мученіяхъ, если бы мы не успѣшили его освободить. Вытянувшись во всю длину, собака очень удобно улеглась бокомъ на ледъ, покрытый тонкимъ слоемъ снѣга; подтекавшая вода напитала снѣгъ и затѣмъ замерзла, чего животное, защищенное своимъ густымъ мѣхомъ, не замѣтило. Теперь оно напрасно старалось освободиться, потому что, лежа на боку, не могло упереться ногами и очутилось въ совершенно безпомощномъ положеніи.

Перейдя черезъ Тасъ-Хаяхтахъ, мы вступили въ систему

Яны и попали въ область, которая значительно отличалась отъ пройденной нами мѣстности. Къ западу отъ хребта нѣтъ болѣе такихъ котловинныхъ образований, какія мы встрѣчали къ востоку отъ него, въ области озеръ Алазеи и Уяндины. Какъ только мы вышли изъ горной долины Догдо, передъ нами открылось обширное плоскогорье, которое почти не прерывалось до самого Верхоянска; послѣдніе отроги Верхоянскаго хребта едва доходятъ до большой дороги, а главная горная цѣпь, поднимающаяся у мѣста соединенія Яны съ Адычей, отчетливо видна съ этого пути, но до него не простирается. Озеро тутъ не много и въ теченіе цѣлаго года дорога суха и тверда. Едва мы покинули верхній поясъ хребта, какъ еще въ долинѣ Догдо замѣтили, что на эту мѣстность произвели набѣгъ зайцы: повсюду снѣгъ былъ покрытъ слѣдами этихъ животныхъ, часто въ такомъ неимовѣрномъ количествѣ, что на большомъ разстояніи съ каждой стороны дороги нельзя было замѣтить свободнаго отъ слѣдовъ мѣста; время отъ времени попадались главныя тропы, которыя были такъ широки и такъ плотно утоптаны, что казалось будто имѣешь передъ собой дорогу, по которой шли вьючныя животныя. Количество зайцевъ должно было быть необычнымъ; это и оказалось на дѣлѣ, когда мы приблизились къ населеннымъ мѣстамъ. Крыши каждой юрты были завалены битыми животными; послѣднихъ была такая масса, что люди не успѣвали ихъ обдирать. Зайцевъ намъ не продавали, но предлагали столько, сколько мы хотѣли, съ единственнымъ условіемъ, чтобы мы помогали сдирать съ нихъ шкуру. Такіе набѣги встрѣчаются не только въ одномъ Верхоянскомъ округѣ, но я наблюдалъ это явленіе также и на Вилюѣ; подчиняясь, повидимому, извѣстной правильности, оно повторяется приблизительно черезъ каждыя восемь или десять лѣтъ и рѣдко продолжается болѣе одного года, но обыкновенно сопровождается появленіемъ значительнаго количества лисицъ, такъ что населеніе постоянно привѣтствуетъ его съ большою радостью. Самый мѣхъ не имѣетъ большой цѣны; купцы рѣдко платятъ за него болѣе двухъ или трехъ копѣекъ, но если на одного человѣка приходится по нѣсколько сотъ шкуръ, то и

это уже прибыльно. Во всякомъ случаѣ такой годъ представляетъ большую выгоду для населенія, которому не приходится тратить деньги на покупку оленьихъ шкуръ. Но самое важное значеніе имѣеть то обстоятельство, что люди на всю долгую зиму обеспечены мясомъ, — для бѣдной рыбой южной части Верхоянскаго округа это крайне выгодно потому, что жителямъ на мясо не нужно убивать животныхъ изъ собственныхъ стадъ.

Наконецъ, 28-го октября прибылъ я въ Верхоянскъ, но долженъ былъ оставаться тутъ до 7-го ноября. Здѣсь тоже выпалъ очень глубокой снѣгъ, особенно сильно затруднившій сообщеніе черезъ самый хребетъ; было уже извѣстно, что, благодаря истощенію животныхъ, нѣкоторымъ купеческимъ караванамъ пришлось сложить товары на пути. Своего багажа я не могъ дожидаться, но мнѣ предстояло позаботиться объ оленяхъ, которые должны были доставить его отъ Верхоянска въ Якутскъ. Я воспользовался свободнымъ временемъ для составленія карты системы Яны, такъ какъ въ купцѣ Семенѣ Гороховѣ я нашелъ человѣка, который, занимая въ теченіе долгаго времени мѣсто писаря Верхоянскаго улуса, прекрасно зналъ мѣстность и могъ снабдить меня крайне цѣнными указаніями.

7-го Ноября поѣхалъ я дальше, но благодаря плохому состоянію пути и частымъ снѣжнымъ бурямъ, могъ лишь медленно подвигаться впередъ, такъ что только 14-го ноября добрался до перевала черезъ хребетъ и приготовился къ спуску. Въ то время какъ нарты привязывались съ этой цѣлью одна къ другой, а олени къ нимъ сзади, нашъ дальнозоркій якутъ могъ замѣтить, что у подошвы склона находятся люди съ нартами и собираются подыматься. При такихъ условіяхъ нельзя было допустить встрѣчи на крутизнѣ и намъ не оставалось ничего болѣе, какъ ждать, пока восходившіе не достигнутъ перевала. На такомъ возвышенномъ и открытомъ мѣстѣ это было очень неприятно, тѣмъ болѣе, что вѣтеръ началъ сильно дуть съ сѣвера и не щадилъ насъ своими порывами. Наконецъ они взобрались и оказались старыми знакомыми. Это былъ казакъ Котельниковъ, который

участвовалъ въ нашей экспедиціи и былъ отправленъ мною съ другими ея участниками. Теперь онъ возвращался въ Нижне-колымскъ и очень обрадовался, что встрѣтилъ меня, такъ какъ имѣлъ ко мнѣ письма отъ Неймана. Изъ послѣднихъ я прежде всего узналъ, что Нейманъ съ товарищами уже давно находятся въ Якутскѣ и не могутъ понять, гдѣ я такъ долго оставался. Последнее обстоятельство являлось для меня новой побудительной причиною какъ можно скорѣе самому спѣшить въ Якутскъ, что я и сдѣлалъ.

Первой моей потребностью по приѣздѣ туда было, понятно, желаніе разузнать, что удалось сдѣлать моимъ товарищамъ и повезло ли имъ счастье больше, чѣмъ мнѣ. Но и въ данномъ случаѣ послѣдовало полное разочарованіе: они не могли направиться желаннымъ мною путемъ, а допустили вести себя черезъ Оймяконское нагорье по давно извѣстной дорогѣ — по притоку Алдана, Хандыгѣ; но печальнѣе всего было то обстоятельство, что они не довели маршрута даже до Алдана, а закончили его Колымою. Это было достойно большаго сожалѣнія потому, что не только рушились мои надежды собрать свѣдѣнія о совершенно неизвѣстной области самаго верхняго теченія Колымы и Индигирки, но и былъ пропущенъ представлявшійся на этотъ разъ счастливый случай соединить начало и конецъ одного и того же очень длиннаго маршрута въ одномъ пунктѣ: путешественники вышли на Алданъ съ востока въ то же самое мѣсто, съ котораго мы отправились два года тому назадъ на сѣверъ, т. е. на устье Тукулана (80).

Съ момента нашего возвращенія въ Якутскъ путешествіе было окончено; мнѣ оставалось только дожидаться багажа и отправить его въ Иркутскъ, но это уже не относится къ предмету настоящаго труда.

Примѣчанія

къ путешествію въ сѣверо-восточную часть Якутской области въ
1868—1870 годахъ.

1. Иркутскій губернаторъ Трескинъ былъ во многихъ отношеніяхъ человѣкомъ крайне оригинальной природы и необыкновенныхъ дарованій. Последнее видно уже изъ того, что онъ понынѣ живетъ, какъ въ дурномъ, такъ и въ хорошемъ смыслѣ, въ народной памяти, въ которой различныя административныя лица, даже и самыхъ высшихъ слоевъ, остаются очень не долго. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что дурная молва о немъ все болѣе и болѣе начинаетъ блѣднѣть, а добрая — наоборотъ, выступать на первый планъ. Бывшій чиновникъ почтоваго вѣдомства въ Москвѣ, Трескинъ былъ взятъ въ Иркутскъ вновь назначеннымъ генералъ-губернаторомъ Пестелемъ, а когда этотъ послѣдній въ скоромъ времени покинулъ Сибирь, чтобы управлять этой страной изъ Петербурга, то оставилъ Трескина иркутскимъ губернаторомъ. Какъ важна была задача, выпавшая на долю этого послѣдняго, явствуетъ уже изъ того обстоятельства, что тогдашняя Иркутская губернія почти совпадала съ теперешней Восточной Сибирью, иными словами, обнимала собой всю ту сѣверо-восточную часть Азіи, которая лежитъ къ востоку отъ Тобольской и Томской губерній. Нынѣшнихъ губерній тогда не было, а имѣлись повсюду, собственно говоря, только окружныя управленія, которыя должны были руководиться изъ Иркутска. Всѣми этими обширными и разнохарактерными обла-

стями, слабо населенными различными туземными племенами инородцевъ и лишь не многими русскими, часть которыхъ состояла изъ ссыльныхъ преступниковъ, долженъ былъ управлять теперь бывший почтовый чиновникъ. Для этой трудной задачи онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи съ одной стороны — крайне недостаточное образованіе, состоявшее, собственно говоря, только въ умѣньи читать и писать, да въ заученной служебной рутинѣ. Но съ другой стороны онъ обладалъ непоколебимой силою воли, которая не отступала ни передъ чѣмъ, и дѣловымъ практическимъ смысломъ. Съ такими задатками вступилъ онъ въ свое неограниченное правленіе, которое извѣстной партіей въ Иркутскѣ и до сего дня считается въ высшей степени плохимъ. Но простой народъ всегда высоко цѣнилъ Трескина какъ справедливаго, хотя и строгаго губернатора. Онъ былъ строгъ, часто даже жестоко строгъ, но простолюдинъ, который въ тѣ времена вполне свыкъся съ крайнею строгостью начальства, цѣнилъ его практическій взглядъ на вещи и его искусство воспитывать народъ. Такъ, ему ставятъ въ заслугу, что научились земледѣлю буряты ближайшихъ къ Иркутску деревень, которые въ настоящее время преимущественно и снабжаютъ городъ хлѣбомъ. Этотъ народъ монгольскаго племени, съ древнихъ временъ жившій въ Иркутской губерніи и въ Забайкальской области, и до сего дня ведетъ большею частью кочевой образъ жизни; только ближайшая къ Иркутску часть бурятовъ занимается земледѣіемъ, которое они усвоили со временъ Трескина. Чтобы заставить ихъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ, сначала вмѣстѣ со скотоводствомъ, а впоследствии преимущественно однимъ первымъ, онъ пустилъ въ ходъ два средства. Съ одной стороны онъ привлекъ ихъ къ казеннымъ поставкамъ и платилъ имъ за хлѣбъ очень высокія цѣны, съ другой же стороны — очень щедро пускалъ въ ходъ паку. Онъ имѣлъ обыкновеніе часто посѣщать деревни какъ бурятовъ, такъ и русскихъ крестьянъ и подробно осматривалъ отдѣльные хозяйства. Прилежныхъ хозяевъ, имѣвшихъ большія и хорошо обработанныя

поля, онъ хвалилъ и часто даже награждалъ, лѣнтыевъ же немилосердно наказывалъ.

Но дѣятельность его не ограничивалась ближайшими къ Иркутску мѣстностями, гдѣ онъ лично могъ знакомиться съ положеніемъ дѣлъ. Отдаленная Якутская область, уже съ 1805 года отдѣленная отъ Иркутска въ качествѣ особаго, но состоявшаго еще подъ главнымъ руководствомъ этого послѣдняго, административнаго округа, тоже пользовалась благодѣтельнымъ вліяніемъ практическаго смысла Трескина. Здѣсь между прочимъ между жителями нижняго теченія Колымы и чукчами возникли сильныя недоразумѣнія изъ-за торговыхъ дѣлъ. Въ виду того, что власти въ Якутскѣ не сумѣли справиться съ затрудненіями и ввести дѣло въ настоящую колею, въ концѣ концовъ, пришлось обратиться къ Трескину. Тогда Трескинъ на основаніи полученныхъ данныхъ издалъ, приблизительно въ 1817 году, для чукотской ярмарки на Алюѣ торговыя правила, которыя оказались весьма практичными и держались до 1870 года, когда ихъ пришлось смѣнить вслѣдствіе измѣнившихся условій. Нужно удивляться, съ какимъ тактомъ попалъ этотъ человѣкъ на настоящую дорогу, несмотря на несомнѣнную односторонность данныхъ, потому что чукчей онъ не имѣлъ возможности выслушать; между тѣмъ его правилами остались вполне довольны какъ жители Колымы, такъ и чукчи.

Въ историческихъ замѣткахъ я буду еще говорить о Трескинѣ и особенно о томъ затруднительномъ положеніи, въ которое онъ попалъ съ самаго начала, очутившись лицомъ къ лицу со всемогущей олигархіей мѣстныхъ купцовъ и денежной аристократіи, привыкшей ко всевозможнымъ вымогательствамъ и произволу. Съ этимъ закоренѣлымъ зломъ Сибири, съ безцеремонной эксплуатаціей бѣднаго богатымъ, Трескинъ велъ борьбу на жизнь и на смерть, и то была, по всей вѣроятности, главная причина того, что онъ оставилъ о себѣ добрую память среди простаго народа. Для продолжающагося еще и понынѣ положенія вещей въ Сибири крайне характерно, что, заводя рѣчь въ

городѣ Иркутскѣ о старыхъ, давно прошедшихъ временахъ, слышишь самые ужасные рассказы о Трескинѣ и его главныхъ помощникахъ. Въ глазахъ иркутскаго купца или торговца Трескинъ является злодѣемъ изъ злодѣевъ — страшнѣйшимъ тираномъ и кровопійцемъ. Совершенно иное приходится слышать о старинныхъ дѣлахъ изъ устъ жителей большихъ деревень, которые окружаютъ городъ со всѣхъ сторонъ. Найдутся ли теперь люди, помнящіе то время, — я не рѣшаюсь сказать, но въ концѣ пятидесятихъ годовъ я говорилъ съ весьма многими стариками, которые очень хорошо лично знали Трескина. Отъ нихъ я часто слышалъ о его необыкновенной дѣятельности, о его проникательномъ взглядѣ на вещи, о его заботливости и справедливости, одинаково относившейся какъ къ незначительному чловѣку и его дѣламъ, такъ и къ сильному.

Какъ извѣстно, Трескинъ впоследствии былъ смѣщенъ Сперанскимъ и привлеченъ къ суду вполне основательно, потому что при всѣхъ его выдающихся качествахъ въ немъ сильно была развита страсть къ наживѣ и, по всей вѣроятности, онъ не упустилъ случая запятнать свое высокое положеніе различными вымогательствами. Какъ уже сказано, я буду имѣть случай поговорить объ этомъ чловѣкѣ въ другомъ мѣстѣ, но тутъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что, несмотря на многіе свои недостатки, онъ оставилъ теплое воспоминаніе среди тѣхъ, сужденія и мнѣнія которыхъ обыкновенно не выслушиваются. Въ Иркутскѣ перебивало много губернаторовъ и генераль-губернаторовъ, они тамъ правили и распоряжались, передавая въ концѣ концовъ посты своимъ пріемникамъ, а между тѣмъ никто объ нихъ не помнитъ. Но Трескина знаютъ не только въ Иркутской губерніи, я слышалъ о немъ какъ въ Иркутскѣ, такъ и въ Верхнеколымскѣ и, какъ уже сказано, болѣе хорошаго, чѣмъ дурнаго: всегда относились съ особеннымъ уваженіемъ къ его необыкновенной проникательности и его неутомимой, заботливой дѣятельности. Сперанскій, хотя и удалил его съ этого поста, но тѣмъ не менѣе высоко цѣнилъ прак-

тическую дѣятельность Трескина, о чемъ высказывается въ своихъ, свидѣтельствующихъ о трезвомъ взглядѣ на вещи письмахъ. Каждый, кто хотя немного знаетъ Сибирь, сейчасъ пойметъ, что духъ Трескина живетъ въ сводѣ законовъ, который страна получила хотя уже и послѣ Сперанскаго, но благодаря его трудамъ.

2. Неудача первыхъ попытокъ соединить кабелемъ Америку съ Европой черезъ Атлантическій океанъ дала поводъ главному западно-американскому телеграфному обществу войти въ переговоры съ русскимъ правительствомъ съ цѣлью устроить сообщеніе по Берингову морю. Съ американской стороны телеграфъ долженъ былъ дойти до залива Нортонъ; отсюда имѣлось въ виду проложить кабель по Берингову морю приблизительно до устья Анадыра, откуда снова собирались устроить воздушный телеграфъ къ Охотскому морю по долинамъ рѣкъ Анадыра, Майна и Пенжины; далѣе его хотѣли провести вдоль западнаго берега этого послѣдняго моря до устья Амура, гдѣ онъ долженъ былъ соединиться съ сибирскимъ телеграфомъ. Въ Петербургѣ это предложеніе было принято и съ 1867 года начались работы. Въ Сибири онъ очень дѣятельно и весьма успѣшно велись подъ руководствомъ Сергѣя Сергѣевича Абазы, но при этомъ встрѣтилась необходимость собрать болѣе подробныя свѣдѣнія о чукчахъ, корякахъ, юкагирахъ и другихъ племенахъ, которыя жили въ области Анадыра и Пенжины. Это обстоятельство очень сильно повліяло на ускореніе экспедиціи, отправленіе которой въ противномъ случаѣ, по всей вѣроятности, значительно затянулось бы. Тѣмъ не менѣе съ этой стороны интересъ ея пропалъ еще прежде, чѣмъ мы окончательно покинули Якутскъ, потому что уже во время окончательныхъ нашихъ сборовъ къ отъѣзду пришло извѣстіе, что послѣдняя попытка проложить кабель по Атлантическому океану вполне удалась и что этотъ послѣдній удачно работаетъ. Такимъ образомъ исчезла разумная причина прокладывать воздушную телеграфную линію черезъ

такую негостепримную область и было ясно, что предприятие будетъ тотчасъ оставлено; такъ оно и случилось.

3. Можетъ показаться страннымъ, что мошки и комары встрѣчаются на крайнемъ сѣверѣ въ количествѣ, которое въ состояніи затруднить сообщеніе. Однако, при этомъ не нужно упускать изъ виду продолжающагося хотя и короткое время, но все же очень жаркаго континентальнаго лѣта. Средняя температура лѣта въ Верхоянскѣ, выражаясь цифрою $+ 13,6^{\circ}$ Цельсія, безъ сомнѣнія на два градуса ниже, чѣмъ таковая въ Эстляндіи ($+ 15,8^{\circ}$); точно также средняя температура отдѣльныхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ ниже таковой въ Эстляндіи:

іюнь	въ Верхоянскѣ	$+ 13,4$	въ Эстляндіи	$+ 15,4$
іюль	»	»	$+ 15,4$	»
августъ	»	»	$+ 11,9$	»

Но это не препятствуетъ въ Верхоянскомъ округѣ, по ту сторону полярнаго круга, время отъ времени наблюдать болѣе сильную жару, чѣмъ въ Эстляндіи. Если въ концѣ мая и началѣ іюня наступаютъ одинъ за другимъ нѣсколько ведренныхъ дней (что обыкновенно и бываетъ), то температура воздуха въ тѣни тотчасъ же достигаетъ $23—26^{\circ}$ тепла по Цельсію и выше; этого вполне достаточно, чтобы прошлогоднія яйца комаровъ развились массами. То обстоятельство, что въ слѣдующіе затѣмъ дождливые и вѣтренные дни температура снова опускается до $7—8^{\circ}$ тепла по Цельсію, и даже остается на этихъ цифрахъ въ теченіе продолжительнаго времени, нисколько, къ сожалѣнію, не вліяетъ на комаровъ; послѣдніе чувствуетъ себя, повидимому, очень хорошо, и холодъ, кажется, только увеличиваетъ ихъ кровожадные инстинкты. Въ нашихъ благодатныхъ мѣстностяхъ, гдѣ болота отступаютъ значительно на задній планъ сравнительно съ осушенной землей, положительно нельзя составить себѣ никакого представленія о тѣхъ облакахъ комаровъ, которыя окружаютъ въ сибирскомъ захолустьѣ несчастнаго путешественника,

принужденнаго совершать свой трудный путь лѣтомъ на сѣверо-востокѣ и тѣмъ болѣе въ іюнѣ, въ особенности изобилующемъ комарами. Хорошо упитанное, жирное животное противостоитъ нападенію насѣкомыхъ: послѣднія въ очень скоромъ времени перестаютъ его беспокоить, потому что толстая, лежащая на жировой подкладкѣ шкура сильно затрудняетъ сосаніе крови; но исхудавшія лошади и рогатый скотъ представляютъ для комаровъ желанную добычу и часто погибаютъ подъ ихъ укусами. Послѣднее обстоятельство нужно приписать менѣе потери крови, чѣмъ состоянію возбужденія, въ которое приходятъ въ концѣ концовъ животныя: они перестаютъ ѣсть, постоянно бѣгаютъ и, выбившись изъ силъ, наконецъ издыхаютъ. Этой участи подвергаются не только домашнія животныя, но иногда и дикія. На одно изъ мѣстъ нашихъ остановокъ между Индигиркой и Колымой однажды прибѣжалъ дикій сѣверный олень, который въ иныхъ случаяхъ крайне боится людей. Люди поймали и убили его безъ большаго труда, но въ скоромъ времени убѣдились, что они понапрасну лишили его жизни, потому что въ пищу онъ не годился: желудокъ былъ почти совершенно пустъ, мышцы такъ исхудали, что трупъ пришлось кинуть.

4. Между станціями не всегда ровно сто пятьдесятъ верстѣ. Отъ Якутска до Среднеколымска офиціально считается 2315 верстѣ, но это только предположеніе, не основанное ни на какомъ измѣреніи. Что же касается станцій и разстояній между ними, то весь путь раздѣляется на двѣ очень различныя части: съ одной стороны мы имѣемъ разстояніе отъ Якутска до Алдана въ 180 верстѣ съ восемью станціями, а съ другой — участокъ отъ Алдана черезъ Верхоянскъ до Среднеколымска въ 2135 верстѣ и только съ шестнадцатью станціями. Такимъ образомъ на каждую станцію послѣдняго участка приходится въ среднемъ 138 верстѣ, но въ дѣйствительности отдѣльныя станціи расположены все же довольно неправильно; такъ напр., есть станція Суруктахъ всего въ 80 верстѣ, и другая Кыреляхъ въ

*

270 верстѣ. Но и это, еще очень недостаточное сообщеніе, нужно считать большимъ шагомъ впередъ сравнительно съ прежнимъ, когда приходилось дѣлать по 400—500 верстѣ прежде, чѣмъ смѣнить почтовыхъ животныхъ. Правительство идетъ медленными шагами въ улучшеніи почтоваго сообщенія; на большомъ трактѣ изъ Европы въ Иркутскъ еще недавно между станціями были разстоянія въ 40 — 50 верстѣ, которыя теперь раздѣлены. Точно также дѣло обстояло съ трактомъ между Иркутскомъ и Якутскомъ, и тоже уже устранено. Но со здѣшними, лежащими такъ сказать на концѣ свѣта, путями, которые правительство устроило на первыхъ порахъ только для собственной надобности, оно еще осмотрительнѣе и поступаетъ такъ вполне справедливо. Публика стала бы пользоваться этими дорогами такъ рѣдко, что нельзя было бы рассчитывать на мало-мальски сносный доходъ съ проѣзжающихъ, а между тѣмъ для правительственныхъ цѣлей вполне достаточно и того, что уже имѣется, особенно съ тѣхъ поръ, какъ раздѣлили бывшія четырехъ - сотъ - верстныя разстоянія. Въ виду того, что важнѣе всего дешевизна содержанія станцій, эти послѣднія устраиваются на такихъ мѣстахъ, гдѣ легко содержать лошадей и оленей, т. е. выбираютъ хорошія пастбища; этой причиной и объясняется неодинаковость разстояній между отдѣльными станціями. Конечно никакъ нельзя сказать, чтобы путешествіе по этимъ дорогамъ было удобно, да и при ихъ устройствѣ имѣлось въ виду все что угодно, кромѣ быстрого и безостановочнаго слѣдованія почты и чиновниковъ. Въ Азии вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ Сибири, время пока еще не имѣетъ никакой цѣнности и съ этимъ волей неволей приходится мириться. Мнѣ довольно часто случалось пріѣзжать на одну изъ такихъ станцій и не находить на ней ни людей, ни почтовыхъ животныхъ. Если то же самое приключится съ простымъ, везущимъ почту казакомъ или съ нарочнымъ, которому поручены дѣловые бумаги, то онъ преспокойно тутъ останавливается; если дѣло происходитъ зимой, онъ топить, на сколько позволяютъ обстоятельства, юрту, стряпаетъ себѣ изъ дорожныхъ запасовъ ку-

шанье и ждетъ, пока не явится содержатель почты съ почтовыми животными. Но чиновникъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи лишняго времени, менѣе терпѣливъ и старается помочь себѣ какънибудь иначе. Сначала онъ осматриваетъ животныхъ, на которыхъ прибылъ, и если они еще способны къ работѣ, то просто на просто объявляетъ ямщику, что онъ долженъ ѣхать до слѣдующей станціи. Это большею частью людямъ не нравится, но на нихъ не обращаешь вниманія, потому что служебныя дѣла имѣютъ преимущество передъ интересами частныхъ лицъ, а стаканъ водки, данный въ надлежащее время, въ концѣ концовъ заставляеть людей взглянуть въ розовомъ свѣтѣ на свое положеніе. Если же животныя сильно утомлены, то даешь имъ отдохнуть день или два, а затѣмъ продолжаешь на нихъ свое путешествіе. Последнее случается однако очень рѣдко, потому что, будучи знакомъ со случайностями на этихъ дорогахъ, уже съ самого начала ѣдешь осторожно и стараешься не утомлять животныхъ; никогда нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что еще предстоитъ въ лишенной человѣческаго жилья глуши, а потому прежде всего нужно стараться сохранить силы животныхъ.

5. Городъ Якутскъ является до извѣстной степени центромъ мѣховой торговли всей области одного съ нимъ наименованія: сюда стекается бѣльшая часть цѣнныхъ мѣховъ, добытыхъ въ Вилюйскомъ, Верхоянскомъ и Колымскомъ округахъ; только Олекминскій округъ, да части округовъ Вилюйскаго и Якутскаго распродаютъ свою пушнину по дорогѣ между Олекминскомъ и Якутскомъ и преимущественно въ городѣ Олекминскѣ, гдѣ недѣли на двѣ останавливаются якутскіе купцы, спускающіеся по Ленѣ на баркахъ и павозкахъ. Якуты часто привозятъ свою добычу и въ города; но этимъ занимаются не сами охотники, а скупщики и барышники, которые ѣздятъ по глухимъ мѣстамъ и вымѣниваютъ пушнину у промышленниковъ. Въ Верхоянскъ же и въ Колымскъ ѣдутъ купцы изъ Якутска, потому что разстоянія до этихъ городовъ слишкомъ велики для мелкихъ скупщиковъ.

Купцы закупаютъ съ этою цѣлью въ Якутскѣ на ярмаркѣ, которая продолжается съ 10-го іюня по 1-е августа, необходимые товары и выступаютъ изъ Якутска обыкновенно въ половинѣ сентября, чтобы отправиться на Алданъ, откуда собственно и начинается путешествіе; въ Якутскѣ они возвращаются въ серединѣ іюня слѣдующаго года. Такимъ образомъ они находятся въ путешествіи почти цѣлый годъ и ведутъ тяжелую, напряженную, переполненную бѣдствіями и трудностями жизнь, которая только немногимъ приноситъ столько, чтобы успокоиться на старости лѣтъ. Но большинство ихъ заканчиваетъ свое земное существованіе въ путешествіи; случается даже, что они умираютъ буквально въ сѣдлѣ. До Алдана, гдѣ товары для перевозки окончательно перекаладываются на вьючныхъ животныхъ, всѣ купцы идутъ одной дорогой; черезъ Верхоянскій хребетъ всѣ они переваливаютъ тоже однимъ и тѣмъ же путемъ; но отсюда каждый идетъ по тому направленію, которое кажется ему самымъ лучшимъ.

Чтобы яснѣе представить себѣ условія этой торговли, необходимо ближе познакомиться съ охотой на цѣнныхъ пушныхъ звѣрей въ сѣверной Сибири вообще. Настоящимъ промышленникомъ, единственное занятіе котораго составляетъ охота, является тунгузъ; въ теченіе цѣлаго года бродитъ онъ по принадлежащимъ его племени съ незапамятныхъ временъ охотничьимъ районамъ и кормится исключительно тѣмъ, что доставляютъ ему лукъ, ружье и рыбная снасть. То, что онъ добылъ въ теченіе охотничьяго періода — первая, лучшая, половина котораго продолжается съ октября до конца ноября, а вторая, менѣе важная, съ февраля до половины марта — онъ несетъ большею частью на рынокъ самъ и продаетъ безъ посредниковъ. — Якутъ, собственно говоря, представляетъ собою скотовода; охота у этого народа уже давно перестала быть источникомъ существованія, впрочемъ и между ними есть хорошіе стрѣлки и люди, которые кормятся преимущественно охотой. Это большею частью бѣдняки, которые поступаютъ на службу въ качествѣ батраковъ къ какому ни-

будь состоятельному якуту или русскому предпринимателю, получая опредѣленное жалованье и харчи. Онъ исполняетъ въ этомъ случаѣ различныя работы, но когда наступаетъ охотничій сезонъ, получаетъ охотничьи припасы и продовольствіе на дорогу и отправляется на охоту, возвращаясь не ранѣе окончанія охотничіею періода. То, что онъ добудетъ, принадлежитъ его хозяину, который тогда снова отправляетъ его за добычей на второй охотничій сезонъ. Чтобы имѣть возможность получать добытые такимъ способомъ мѣха отъ самихъ промышленниковъ, которые только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ въ состояніи сами доставлять ихъ въ городъ, въ Сибири съ незапамятныхъ временъ среди непроходимой глуши возникли рынки, такъ называемые сугланы, на которые въ точно установленные дни собираются со всѣхъ сторонъ охотники за пушнымъ звѣремъ и торговцы мѣхами, чтобы вымѣнивать самые различные товары на пушнину, очень рѣдко покупаемую на деньги. Якутское слово сугланъ значитъ, собственно говоря, праздничное собраніе, но повсюду въ Сибири, вплоть до Забайкалья, оно присвоено этимъ рынкамъ въ глуши. Послѣдніе находятся во всей широко раскинувшейся области системы Лены, по Анюямъ, а также на Янѣ, Колымѣ и Индигиркѣ. Какъ они возникли, никто не можетъ въ настоящее время сказать, но для нѣкоторыхъ изъ нихъ можетъ быть доказано существованіе въ теченіе многихъ сотенъ лѣтъ, потому что хорошо извѣстно, что на такихъ опредѣленныхъ мѣстахъ сходились для мѣновой торговли сибирскія племена еще задолго до того времени, какъ появились въ странѣ казаки-завоеватели. Они, по всей вѣроятности, такъ же стары, какъ тунгузскія и якутскія дороги, которыхъ тоже никто не прокладывалъ; времени устройства послѣднихъ по крайней мѣрѣ нельзя доказать, а между тѣмъ онѣ по всѣмъ направленіямъ прорѣзываютъ необозримые лиственничные лѣса и только благодаря имъ въ эти лѣса и можно проникнуть. Безъ этихъ дорогъ, по всей вѣроятности, никто не могъ бы попасть въ непроницаемую чащу лиственницъ, не продѣлывая въ ней тропы топоромъ;

да и имѣя въ рукахъ этотъ послѣдній, онъ скоро прекратилъ бы неблагодарный трудъ. Что же касается путей якутскихъ купцовъ въ Верхоянскомъ и Кольымскомъ округахъ, то дѣло обстоитъ здѣсь иначе въ томъ отношеніи, что настоящихъ суглановъ на нихъ расположено еще очень мало; охотники за пушшиной собираются тутъ въ извѣстные дни въ разъ на всегда установленныхъ пунктахъ, лежащихъ въ мѣстахъ, которыхъ обязательно должны коснуться купцы во время своихъ путешествій. Для этого обыкновенно избираются жилия юрты или дома, находящіяся у хорошихъ покосовъ, гдѣ жители въ теченіе лѣта прилежно заготавливаютъ сѣно въ надеждѣ продать его проходящимъ мимо купцамъ, нуждающимся въ немъ для своихъ изнуренныхъ лошадей. Въ такихъ пунктахъ караваны останавливаются на одинъ или нѣсколько дней, чтобы покормить вьючныхъ животныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ является удобный случай вести торговлю. Но какъ въ непроходимую глушь, такъ и на мѣста купеческихъ приваловъ промышленникъ несетъ всегда то, что даетъ ему мѣстность, въ которой расположенъ сугланъ. Если послѣдній лежитъ на Учурѣ, то выдающуюся роль играютъ высокоцѣнные соболи области верхняго теченія Алдана, весьма красивыя бѣлки очень темнаго цвѣта, оплачиваемыя китайцами большими деньгами рога благороднаго оленя, шкуры лося и байбака, мускусныя мѣшки кабарги и лисицы различныхъ цвѣтовъ. Съ Оймеконскаго нагорья идутъ бѣличьи шкурки высшаго качества; съ Вилюя прекрасныя горностаи, но лисицы и бѣлки такой плохой доброты, что правительство не принимаетъ ихъ въ качествѣ ясака. Къ сѣверу отъ Верхоянскаго хребта промышленникъ доставляетъ прекрасныхъ лисицъ, особенно чернобурыхъ, и бѣлокъ средней доброты, но тутъ уже нѣтъ соболя. Послѣдніе добывались въ прежнее время и въ тѣхъ мѣстахъ въ большомъ количествѣ, но теперь окончательно тамъ вымерли; за то побережье Ледовитаго океана доставляетъ много песцовъ бѣлаго цвѣта, а берега впадающихъ въ него рѣкъ цѣнные мамонтовы бивни. Наконецъ, на чукотской ярмаркѣ на Маломъ Анюѣ снова по-

являются кунницы, бобры и лисицы прелестнѣйшихъ отгѣнковъ, но всѣ они добываются не въ Азіи, а въ Америкѣ. Торговцы съ своей стороны везутъ на ярмарку листовую табакъ, бумажныя матеріи, всевозможныя желѣзные товары; огнестрѣльное оружіе, бисеръ, русское масло, чай, особенно кирпичный, сахаръ и сахара. Торговля имѣетъ чисто мѣновой характеръ, сдѣлки на деньги почти вовсе не въ ходу. Тѣмъ не менѣе товары оцѣниваются на деньги; на мѣха принимаются цѣны, существующія на нихъ въ городѣ Якутскѣ: — соболь высокаго качества цѣнится въ сорокъ рублей за шкурку, красная лисица въ 3 рубля 50 копѣекъ, бѣлка отъ 12—18 копѣекъ за шкурку, смотря по ея добротѣ, причѣмъ принимаются въ расчетъ не отдѣльныя шкурки, а мѣстность, изъ которой онѣ происходятъ; такъ, за бѣлку съ Оймяконскаго нагорья платятъ 18 копѣекъ, а съ Учюра — 16 коп. и т. д. Купеческіе товары поставляются однако по совершенно другимъ цѣнамъ, чѣмъ тѣ, которыя приняты въ Якутскѣ: масло, играющее большую роль у охотниковъ за пушнымъ звѣремъ и продаваемое въ Якутскѣ отъ 4—5 рублей за пудъ, идетъ на сугланѣ по 20 рублей; кирпичный чай вмѣсто 60 копѣекъ за одинъ или два рубля, а аршинъ бумажной матеріи вмѣсто 25 копѣекъ за пятьдесятъ и шестьдесятъ копѣекъ; листовая же табакъ, который въ Якутскѣ получаешь по сорока копѣекъ за фунтъ, продается тутъ въ оптовой торговлѣ по 1 руб. 50 коп. за то же самое количество. Но бѣдный человѣкъ, имѣющій лишь незначительное количество шкурокъ, покупаетъ табакъ по нѣсколькимъ листовъ и платитъ за одинъ листъ по горностаю или по бѣлкѣ; въ виду того, что на фунтъ табака идетъ отъ двадцати до тридцати листовъ, цѣна этого любимаго наркотическаго средства оказывается непомерно высокою. Въ общемъ въ торговлѣ установилось правило, что извѣстные промышленники ведутъ мѣновыя дѣла всегда съ одними и тѣми же торговцами и что другіе въ нихъ не должны вмѣшиваться. Это очень древній обычай, имѣющій своимъ основаніемъ по всей вѣроятности то обстоятельство, что промышленникъ забираетъ

всегда въ долгъ, а потому, само собою разумѣется, долженъ явиться къ тому купцу, у котораго забралъ въ прошломъ году, и заплатить ему прежде всего долгъ изъ добычи даннаго года, послѣ чего онъ вновь можетъ получить товаръ въ кредитъ. На торговыхъ путяхъ по ту сторону Верхоянскаго хребта охотники за пушнымъ звѣремъ отлично знаютъ какого направленія обыкновенно придерживаются купцы, съ которыми они ведутъ торгъ, и ожидаютъ ихъ всегда на опредѣленномъ мѣстѣ. Если сюда приходятъ раньше другіе купцы, то они не входятъ съ послѣдними въ торговля сдѣлки, а дожидаются пока не придутъ ихъ знакомые. Такъ заключаются условія, и въ большинствѣ случаевъ такъ оно и бываетъ, особенно если каждый купецъ приѣзжаетъ въ опредѣленное время и тѣмъ предупреждаетъ перехватъ пушнины. Но и тутъ довольно часто проявляются человѣческія слабости; тогда бываетъ очень трудно добиться истины и рѣшить кто обманщикъ и кто обманутый, потому что одна сторона всегда винитъ другую. Отъ охотниковъ, промышляющихъ мѣхами, конечно, слышишь жалобы на то, что они несмотря на всѣ старанія никогда не выходятъ изъ долговъ, а, наоборотъ, счетъ ихъ съ купцами все болѣе и болѣе разрастается. Купцы съ своей стороны заявляютъ, что охотники никогда не выплачиваютъ сполна своего стараго долга, а только часть его, а между тѣмъ постоянно требуютъ вновь товара въ кредитъ и, само собою разумѣется, получаютъ его. Во всякомъ случаѣ бываетъ не очень рѣдко, что какой нибудь купецъ вдругъ направится путемъ, по которому обыкновенно ѣздитъ другой. Въ такихъ случаяхъ онъ появляется въ мѣстахъ остановокъ раньше, чѣмъ это имѣлъ обыкновеніе дѣлать другой купецъ, и начинаетъ предлагать свой товаръ. Промышленники, которые должны вернуть добытые ими мѣха за взятые ими раньше въ долгъ товары, даютъ себя уговорить и продаютъ ихъ за наличный товаръ дѣйствующему нахрапомъ купцу; этотъ же послѣдній отправляется дальше, чтобы и въ другомъ мѣстѣ поступить такимъ же образомъ. Купецъ, избравшій данный путь мѣстомъ своихъ торго-

выхъ операций, пріѣзжаетъ и разсчитываетъ получить свои долги, но находитъ районъ уже обобраннымъ. Тогда начинаются безконечныя взаимныя обвиненія на обирание и т. д., распутать которыхъ однако никогда не удается и которыя служатъ только для того, чтобы постоянно поддерживать взаимныя зависть, раздраженіе и подозрѣніе. Оттого-то купцы такъ безпокойно рвутся впередъ; каждый старается самымъ тщательнымъ образомъ скрывать свои операціи отъ другихъ, а всѣ вмѣстѣ сходятся въ томъ, чтобы всячески препятствовать проникновенію новыхъ лицъ въ ихъ торговый районъ. Въ какихъ натянутыхъ отношеніяхъ находятся всѣ, я имѣлъ случай убѣдиться лично. Въ 1868 году я получилъ порученіе отъ губернатора обревизовать Верхоянскій и Колымскій округи. Сначала я направился внизъ по теченію Лены (это было въ декабрѣ 1868 года), а затѣмъ поѣхалъ черезъ Сихтяхъ, Усть-Явскъ и Русское Устье въ Нижнеколымскъ. Тутъ съ весенней почтой среди другихъ дѣловыхъ бумагъ я получилъ предписаніе отъ губернатора позаботиться объ охранѣ товара и имущества купца Бережнева, который скоропостижно скончался въ дорогѣ и оставилъ вдову съ пятью дѣтьми. Это былъ очень печальный случай. Бережневъ, еще молодой человекъ, занялся, какъ мнѣ рассказывали, съ большою энергіей мѣховою торговлею и въ виду того, что онъ умѣлъ очень хорошо обходиться съ инородцами и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ менѣе другихъ падохъ до наживы, снискалъ себѣ большую любовь среди промышленниковъ; благодаря этому его связи очень расширились, а торговые обороты начали увеличиваться съ года на годъ. Въ этомъ году онъ тоже снарядилъ свои караваны въ Колымскъ и уже самъ отправился въ дорогу, но вдругъ захворалъ въ одной поварнѣ горячкой и умеръ черезъ нѣсколько дней. Вдова съ четырьмя или пятью малыми дѣтьми очутилась въ самомъ отчаянномъ положеніи: товары были разсѣяны по колымской дорогѣ смотря по тому, гдѣ находились съ ними вожакі отдѣльныхъ каравановъ; собрать же долги — Бережневъ имѣлъ тоже большое количество должниковъ — было

почти безнадежно, потому что трудно было предположить, чтобы должники стали платить, не имѣя возможности получить кредитъ отъ учреждавшейся опеки; не согласись они платить добровольно, торговыя книги потеряли бы всякую цѣнность, потому что о пропесахъ съ тунгузскими и другими мѣхопромышленниками нельзя было и думать.

Я не зналъ ни Бережнева, ни его семьи, а также не былъ знакомъ и съ положеніемъ его торговыхъ дѣлъ; поэтому съ предписаніемъ губернатора я обратился къ собравшемуся какъ разъ въ то время въ Нижнеколымскъ купечеству; я дѣлалъ это тѣмъ охотнѣе, что Бережневъ, самъ уроженецъ Среднеколымска, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, имѣлъ среди торговаго люда многихъ пріятелей и родственниковъ. Но къ моему величайшему удивленію мое предложеніе позаботиться кому нибудь изъ его сотоварищей объ интересахъ вдовы и сиротъ было встрѣчено очень холодно. Купцы, пожимая плечами, заявляли, что въ данномъ случаѣ ничего нельзя сдѣлать, что это посланное Богомъ несчастіе, которому помочь нельзя, что состояніе потеряно, такъ какъ получить долги нечего и думать, потому что мѣхопромышленники платятъ ихъ по старинному обычаю только въ томъ случаѣ, если получаютъ новыя кредиты. Купцы указывали на то, что иначе и быть не можетъ, такъ какъ, не получая въ долгъ, охотники не имѣютъ возможности просуществовать зиму, и такимъ образомъ до известной степени принуждены перейти къ другимъ торговцамъ. Если бы промышленникамъ былъ открытъ новыя кредиты, дѣло обстояло бы, конечно, нѣсколько лучше, но все же еще довольно плохо, такъ какъ самъ руководитель дѣла уже умеръ; въ настоящемъ же случаѣ опека сдѣлала распоряженіе о ликвидаціи дѣла покойнаго, а потому по ихъ словамъ всякія старанія напрасны, да къ тому же у каждаго изъ нихъ и безъ того есть много собственныхъ заботъ и хлопотъ. Купцы считали почти потерянными даже тѣ товары Бережнева, которые мало по малу прибывали въ Колымскъ. Они заявляли, что каждый тутъ уже имѣетъ свой запасъ товаровъ, а потому

они никому не нужны, да къ тому же мелочная торговля ведется лишь въ кредитъ. По ихъ словамъ былъ только одинъ исходъ, именно, продать по окончаніи ярмарки весь товаръ покойнаго съ аукціона; при этомъ однако они предупреждали, что надѣяться на благоприятный результатъ было нельзя, потому что всякій знаетъ, что привезенные сюда товары не могутъ быть увезены обратно, а потому каждый постарается воспользоваться этимъ безвыходнымъ положеніемъ. Коментаріи къ этимъ неутѣшительнымъ объясненіямъ купечества услышалъ я въ Нижнеколымскѣ отъ тамошнихъ жителей, которые всѣ очень жалѣли о смерти Бережнева. Онъ былъ очень любезный и обходительный человѣкъ, никогда не пользовавшійся затруднительнымъ положеніемъ бѣдныхъ промышленниковъ, за что его очень любили и цѣнили. Вслѣдствіе этого народная молва склонялась къ тому, что якутскіе купцы очень довольны, что такъ удачно отдѣлались отъ опаснаго соперника и уже радовались прибрать къ своимъ рукамъ то, что въ противномъ случаѣ перешло бы къ Бережневу. Такимъ образомъ мнѣ приходилось считать дѣло почти потеряннымъ и я не имѣлъ возможности исполнить желаніе губернатора; я не могъ начать торговать для наслѣдниковъ покойнаго, а если бы и пожелалъ это сдѣлать, то не зналъ бы какъ приняться. Тутъ, поздно вечеромъ, зашелъ ко мнѣ купецъ Николай Алексѣевичъ Соловьевъ; это былъ человѣкъ, не принадлежавшій къ числу состоятельныхъ, но пользовавшійся среди колымскихъ жителей хорошей репутаціей. Онъ сказалъ мнѣ, что очень охотно желалъ бы оказать услугу семьѣ Бережнева, потому что покойный (которому онъ, собственно говоря, и обязанъ тѣмъ, что торгуетъ въ качествѣ купца) сдѣлалъ ему не мало добра. Онъ заявилъ однако, что опасается непріятностей, такъ какъ мало знакомъ съ законами, а потому легко можетъ попасть въ затруднительное положеніе, если его товарищи возстанутъ противъ него. Я попросилъ показать мнѣ рѣшеніе опеки въ виду того, что прежде всего нужно знать, въ чемъ оно заключается. Тогда оказалось, что опека предписала по возможности ликвидировать дѣла

и отправить въ Якутскъ то, что можно было еще спасти. Далѣе обнаружилось, что Бережневъ очень хорошо велъ свои книги и держалъ ихъ въ полномъ порядкѣ, такъ что Соловьевъ, по его словамъ, могъ вполне освоиться со всѣмъ ходомъ дѣла. Должники были большею частью хорошіе люди, отъ которыхъ несомнѣнно можно было ожидать уплаты долговъ, если дать имъ вновь, хотя бы и ограниченный, кредитъ на товары. Но послѣднее обстоятельство болѣе всего смущало Соловьева, такъ какъ онъ слышалъ отъ своихъ товарищей, что кредитъ вовсе невозможенъ, потому что каждый, кто при подобныхъ обстоятельствахъ рѣшится дать въ кредитъ, подвергнется будто бы отвѣтственности передъ закономъ за растрату сиротскаго имущества. Послѣ тщательнаго разсмотрѣнія всѣхъ бумагъ, я могъ его успокоить въ томъ отношеніи, что опека вовсе не запрещала въ категорической формѣ давать кредитъ, а выразила только желаніе, чтобы спасено было возможно больше и чтобы затѣмъ дѣло было ликвидировано. Но въ виду того, что какъ то, такъ и другое не достижимо безъ открытія хотя бы уменьшеннаго кредита, я, вслѣдствіе даннаго мнѣ губернаторомъ предписанія позаботиться о спасеніи имущества, съ своей стороны предписалъ Соловьеву вести дѣла покойнаго за счетъ наследниковъ тѣмъ путемъ, какой онъ найдетъ болѣе удобнымъ, и дѣлать мнѣ время отъ времени донесенія о ходѣ ликвидаціи. Послѣ такого съ моей стороны заявленія у Соловьева свалился камень съ сердца: онъ только страшно боялся сѣдовъ — въ чемъ его, конечно, уже менѣе всего можно винить — и тотчасъ же очень энергично взялся за дѣло, которое и увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Чтобы нѣсколько облегчить ему его задачу, я призвалъ къ себѣ начальника чукчей Амвраоргина, а также старшинъ ламутовъ, юкагировъ, чуванцевъ и всѣхъ остальныхъ инородцевъ, сообщилъ имъ о положеніи этого дѣла и предложилъ повліять на своихъ соплеменниковъ въ томъ смыслѣ, чтобы послѣдніе какъ слѣдуетъ заплатили долги. Всѣ они обѣщали мнѣ исполнить мое приказаніе, но просили о нѣсколько болѣе широкомъ кредитѣ въ

виду того, что положеніе заемщиковъ окажется въ противномъ случаѣ совершенно безвыходнымъ. Они тоже хвалили Бережнева на всѣ лады, чѣмъ я воспользовался и взялъ съ нихъ обѣщаніе всѣми силами позаботиться объ интересахъ дѣтей такого прекраснаго человѣка. Они сдержали свое обѣщаніе; Соловьевъ же такъ хорошо повелъ возложенное на него дѣло, что, понятно, судъ, котораго онъ такъ страшился, вовсе его не беспокоилъ. Въ самое короткое время ему удалось спасти все состояніе, такъ что въ 1889 году, когда я вновь посѣтилъ Колымскъ, онъ могъ сказать мнѣ, что получаетъ какъ разъ послѣдніе долги, — изъ имущества почти ничего не потерялось.

Этотъ случай, конечно, выставляетъ не въ очень красивомъ свѣтѣ якутское купечество, но изъ этого нельзя еще заключить, что всѣ купцы нехорошіе люди: не нужно забывать, что имъ приходится зарабатывать свой хлѣбъ среди непрерывныхъ трудовъ и лишеній, отъ чего они нѣсколько позачерствѣли и сдѣлались корыстолюбивыми; но то же самое случилось бы и съ каждымъ при одинаково тяжелыхъ условіяхъ. Жизнь, дѣйствительно, дается имъ не легко. Выйдя въ началѣ ноября съ Алдана, каждый изъ нихъ направляется своей дорогой въ суровое зимнее время по трудно-проходимой снѣжной пустынѣ, — одни идутъ черезъ Верхоянскъ, другіе черезъ Усть-Янскъ, третьи черезъ Русское Устье или черезъ Зашиверскъ, но всѣ стремятся къ одной общей конечной цѣли путешествія, къ Нижнеколымску и чукотской ярмаркѣ на Анюѣ. Тамъ, гдѣ представляется удобный случай, они торгуютъ, но нигдѣ не имѣютъ возможности остановиться на болѣе продолжительное время и только въ мѣстахъ, расположенныхъ на Колымѣ, въ Среднеколымскѣ, Нижнеколымскѣ и на Анюѣ остаются они по одной или по двѣ недѣли. Затѣмъ точно такимъ же образомъ начинается обратное путешествіе и, наконецъ, въ началѣ іюля купцы прибываютъ въ Якутскъ. Тутъ мѣха и мамонтовы клыки вымѣниваются на товары иркутскихъ купцовъ, а въ сентябрѣ уже снова начинается долгое торговое путешествіе. Такимъ образомъ изъ двѣнадцати мѣсяцевъ года эти

люди бываютъ дома только около двухъ, — это время ихъ отдыха и время радостнаго пребыванія съ семьей. Такъ проходитъ годъ за годомъ и вся жизнь. У нѣкоторыхъ изъ нихъ есть, конечно, возможность успокоиться на старости лѣтъ, но съ одной стороны путешествія и странствованія успѣли сдѣлаться уже второю натурой, а съ другой, по приведеннымъ выше причинамъ, очень трудно прекратить дѣло, такъ что его продолжаютъ обыкновенно до тѣхъ поръ, пока надломленное здоровье наконецъ не выдержитъ и человѣкъ не умретъ въ дорогѣ. Такъ, я зналъ одного старика, Теофана Васильевича Соловьева, совершавшаго годъ за годомъ свои путешествія, пока онъ не умеръ въ Верхоянскѣ отъ истощенія силъ, семидесяти шести лѣтъ отъ роду. Другой купецъ по дорогѣ свалился мертвымъ съ лошади и былъ привезенъ въ Верхоянскъ уже покойникомъ. Женившись, купецъ въ первые годы брачной жизни беретъ съ собою, конечно, свою молодую жену, но женщина не можетъ выдерживать такихъ тягостей продолжительное время. Разъ одинъ молодой купецъ, съ которымъ я нѣкоторое время ѣхалъ, указалъ мнѣ на обширное, совершенно лишенное лѣса, кочковатое болото и прибавилъ: «тутъ, на этомъ болотѣ я родился». Когда путешествіе верхомъ тянется почти цѣлый годъ, трудно мужчинѣ и женщинѣ ѣздить вмѣстѣ, а потому жена и дѣти живутъ въ Якутскѣ, мужъ же постоянно разъѣзжаетъ по глухимъ мѣстамъ. Что такая жизнь можетъ заставить зачерствѣть человѣка, нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго.

6. Хорошая лошадь, уже приученная ко вьюку, стоитъ въ Якутскѣ отъ сорока до пятидесяти рублей; за лошадей же, которыя должны выдержать тяжелый путь на Колымскъ, приходилось платить отъ пятидесяти до шестидесяти рублей. Въ виду того, что подрядчикъ требовалъ за путь въ Колымскъ двадцать рублей съ лошади и за обратное путешествіе, конечно, столько же, а намъ для послѣдняго требовалось сравнительно небольшое число лошадей, я сначала имѣлъ намѣреніе воспользоваться наемными лошадьми. Дорога для вьючныхъ животныхъ дѣйствительно очень

тяжела, а потому очень легко ихъ потерять. Хотя совершенно справедливо, что якутскія лошади отлично выдерживаютъ зиму на подножномъ кормѣ, и даже жирѣютъ при этомъ, но при такомъ содержаніи ихъ нельзя пускать въ работу. Животное въ этомъ случаѣ имѣетъ время и днемъ и ночью отыскивать себѣ пищу изъ подъ снѣга и находить ее въ достаточномъ количествѣ. Если же лошади приходится идти цѣлый день со вьюкомъ, то для возстановленія силъ ей не хватаетъ даже долгой ночи, особенно если на мѣстахъ остановокъ окажется пастбище нехорошаго качества. Правда, что въ теченіе времени вдоль купеческихъ путей мало по малу появились станціи для корма лошадей; якуты, а также русскіе, которые сами скота не держатъ, поселяются на мѣстѣ хорошаго покоса и заготавливаютъ лѣтомъ возможно большее количество сѣна съ исключительной цѣлью продавать его проходящимъ мимо караванамъ. Такія станціи, конечно, значительно облегчаютъ животнымъ путь, но до сихъ поръ онѣ еще такъ рѣдки и отдѣлены одна отъ другой такими большими разстояніями, что ихъ можно считать лишь за пункты для отдыха, а главную роль играетъ все же пастбище. Если, теперь, трава лѣтомъ плохо уродилась, если пастбище, расположенное по рѣкѣ, занесется въ половодье пескомъ, если осенью трава покроеся ледяной корой или если зимой снѣгъ выпадетъ слоемъ болѣе 22-хъ дюймовъ толщины, то пастбища не могутъ доставить животнымъ требуемой пищи, и самыя лучшія, крѣпкія лошади въ теченіе немногихъ дней лишаются силъ. Выше я привелъ причины, которыя заставили меня по зрѣломъ обсужденіи въ концѣ концовъ отправиться въ путешествіе на собственныхъ лошадяхъ; но изъ послѣдующаго читатель увидитъ, что мнѣ съ ними не повезло: изъ 75 прекрасныхъ животныхъ, которыхъ я имѣлъ въ пути, только двадцать пять достигли Алдана, да и эти ослабѣли настолько, что впоследствии тоже пали. Но въ тотъ несчастный годъ погибла также и большая часть купеческихъ лошадей.

7. Махорка, называемая въ Сибири также черкасскимъ табакомъ, есть листовая табакъ, который получается съ Нижегородской ярмарки. Онъ настолько крѣпокъ и наркотиченъ, что его курять только изъ самыхъ малыхъ трубокъ, допускающихъ лишь небольшое число затяжекъ, да и при этомъ его нельзя употреблять безъ посторонней примѣси. Поэтому у курильщиковъ подымѣшкомъ, въ которомъ сохраняется табакъ, всегда виситъ кусокъ осиновой коры, отъ котораго они соскабливаютъ ножомъ нѣсколько стружекъ и примѣшиваютъ ихъ въ равномъ количествѣ къ табаку прежде, чѣмъ набьютъ свою трубку. Въ виду того, что инородцы Сибири предпочитаютъ этотъ сортъ табака всѣмъ остальнымъ и онъ сдѣлался имъ безусловно необходимымъ вкусовымъ средствомъ, много разъ пробовали разводить его какъ въ окрестностяхъ Иркутска, такъ и въ Забайкальѣ, и достигали, по видимому, вполнѣ удачныхъ результатовъ, потому что эта трава растетъ тамъ очень хорошо и даетъ богатый урожай. Тѣмъ не менѣе этимъ платанціямъ не удалось вытѣснить крайне дорогой, благодаря перевозкѣ, черкасскій табакъ, потому что какъ якуты, такъ и тунгузы, чукчи и другіе инородцы отдають ему преимущество передъ сибирскимъ продуктомъ, заявляя, что послѣдній слабъ и мало ароматенъ. Мнѣ это казалось всегда непонятнымъ, потому что какъ европейскій, такъ и сибирскій табакъ распространяетъ одинаково невыносимый запахъ; чукчи же, и особенно этотъ народъ, замѣчаютъ разницу уже при первой затяжкѣ изъ трубки и берутъ исключительно европейскій продуктъ. Очевидно, нужно быть знатокомъ, а иначе нельзя пускаться въ сужденія.

8. Такъ было раньше; впоследствии правительство къ большому ущербу для страны, отказалось отъ соляной монополіи также и въ Сибири. То, что для другихъ частей имперіи должно считать за большой шагъ впередъ, не послужило къ счастью Восточной Сибири. Эта широко раскинутая страна располагаетъ значительнымъ количествомъ соли, но мѣсторожденія послѣдней рас-

предѣлены въ ней столь неравномѣрно, что помочь этому и доставить безусловно необходимый для народонаселенія предметъ по сносной цѣнѣ могло только само правительство. Въ Забайкальской области соль находится у Селенгинска, а затѣмъ на китайской границѣ между Онономъ и Аргуною; въ Иркутской губерніи соляныя залежи встрѣчаются съ одной стороны между Красноярскомъ и Иркутскомъ, а съ другой, какъ уже сказано, на Ленѣ, но этимъ дѣло и кончается. Такимъ образомъ весь сѣверъ и востокъ Сибири, вплоть до Ледовитаго океана и Охотскаго моря, вовсе лишены соли. Исключеніе представляетъ, понятно, только среднее теченіе Вилюя, на правомъ берегу котораго, въ области его притока Кемпендея, выступаютъ мощныя соляныя скалы; да кромѣ того встрѣчаются богатые солью источники. Были попытки разработывать тутъ соль для Якутской области съ цѣлью сдѣлать ненужнымъ ея привозъ изъ Усть-Кута. Расходы по доставкѣ однако оказались на дѣлѣ столь значительными, что предпріятіе было оставлено и область снова начали снабжать солью съ Лены. Несмотря на сказанное, нашли все же возможнымъ упразднить монополію, благодаря которой населеніе получало соль по недорогой цѣнѣ, и такимъ образомъ отдали беззащитную страну на жертву спекуляціи.

9. Окружный городъ Киренскъ, принадлежащій къ сѣверному округу Иркутской губерніи, теперь имѣетъ лишь небольшое значеніе. Однако онъ служитъ промежуточной станціей для торговли между золотомойнями Олекмо-Вилюйскаго золотопромышленнаго округа и центральнымъ пунктомъ мѣховой торговли всей округи; именно, въ этотъ городъ сносятъ свою добычу охотники за пушнымъ звѣремъ долины Киренги и сѣверной части Байкальскаго хребта. Но такъ было не всегда; было время, когда Лена отъ устья Кута до мѣстности, расположенной приблизительно въ пятидесяти верстахъ ниже Киренска, представляла собою арену неистовыхъ бранныхъ подвиговъ и неумолкавшаго бряцанія оружіемъ. Въ этомъ мѣстѣ система Енисея близко подходитъ къ Ленѣ,

такъ что изъ первой на послѣднюю можно попасть, перейдя лишь узкій и не очень высокій хребетъ. Истоки Илима находятся очень недалеко отъ устья Кута; онъ мѣняетъ свое, въ началѣ сѣверное, направленіе въ скоромъ времени на западное, а затѣмъ впадаетъ въ Ангару, которая, принявъ этотъ притокъ, мѣняетъ, до этого тоже сѣверное, направленіе на западное и впадаетъ въ Енисей нѣсколько выше города Енисейска. Еще замѣчательнѣе приближеніе системы Енисея къ Ленѣ верстахъ въ пятидесяти ниже Киренска у деревни Баншиково. Горы лѣваго берега Лены достигаютъ тутъ, по наблюденію Миллера, высоты 562 футовъ надъ уровнемъ рѣки, а въ виду того, что этотъ послѣдній самъ расположенъ почти на восьмистахъ футахъ надъ поверхностью моря, то абсолютная высота горнаго хребта можетъ быть принята приблизительно въ 1360 футовъ. Къ Нижней Тунгузкѣ, которая удалена тутъ отъ Лены по прямому направленію не болѣе какъ на двадцать верстъ, этотъ водораздѣлъ опускается тоже круто, такъ что въ высшей степени вѣроятно, что Тунгузка и Лена въ этомъ мѣстѣ имѣютъ одинаковую абсолютную высоту. Но уже здѣсь рѣзко бросается въ глаза, что Лена отличается отъ другихъ большихъ рѣкъ Сибири тѣмъ, что течетъ на всемъ своемъ протяженіи глубоко врѣзавшись въ окружающую ее возвышенность. Если спускаешься на лодкѣ внизъ по рѣкѣ, видишь, что послѣдняя съ двухъ сторонъ сопровождается горными цѣпями, которыя то близко подступаютъ къ берегу, то удаляются отъ него, оставляя съ какой нибудь стороны незначительныя низменные пространства. Въ верхнемъ теченіи, при истокахъ, это обстоятельство не обращаетъ на себя никакого вниманія; далѣе же книзу сначала никакъ не можешь объяснить себѣ этихъ нескончаемыхъ горныхъ цѣпей. У Киренска же, взойдя на возвышенія какъ лѣваго, такъ и праваго берега, можно уже убѣдиться, что имѣешь дѣло не съ береговыми хребтами, а съ самимъ нагорьемъ. Между Тунгузкой и Леной несомнѣнно находится водораздѣлъ въ 560 футовъ, но если углубиться въ страну, то горныхъ хребтовъ не примѣчаешь и повсюду видишь слабо волнистую, покрытую гус-

тымъ листовничнымъ лѣсомъ мѣстность. Подобно Ленѣ и Киренга, истоки которой лежатъ по близости отъ истоковъ первой изъ этихъ рѣкъ, тоже окружена высокими гористыми берегами, представляющими изъ себя однако лишь склоны нагорья, въ которое глубоко врѣзалась рѣка. Эта особенность главной рѣки распространяется на всю систему ея притоковъ: повсюду находятся глубокия, узкія рѣчныя долины; этимъ объясняется, что во всемъ бассейнѣ Лены не бываетъ такихъ обширныхъ наводненій, которыя нормальны въ системахъ Енисея и особенно Оби, но съ другой стороны, благодаря той же причинѣ, вешнія воды могутъ достигать часто такой высоты, съ какою вовсе не знакомы въ Западной Сибири.

Какъ сказано выше, два большихъ притока Енисея—Ангара или Верхняя Тунгузка и Нижняя Тунгузка приближаются къ Ленѣ. Это обстоятельство имѣло крайне роковыя послѣдствія для древнихъ обитателей долины Лены — якутовъ, потому что въ то время какъ различнымъ племенамъ Сибири приходилось обыкновенно обороняться лишь отъ одного непріятели и въ концѣ концовъ подчиняться одному повелителю, на несчастныхъ якутовъ эта благодать съ запада въ видѣ огня и меча посыпалась дважды. Въ 1600 году по иниціативѣ Тобольска была основана на Тасѣ крѣпость Мангазейскъ, которая съ своей стороны въ качествѣ дальнѣйшаго форпоста на востокъ основала въ 1607 году на нижнемъ Енисеѣ, не далеко отъ впаденія въ него Нижней Тунгузки — Туруханскъ. Эта крѣпосца тотчасъ же начала развивать очень оживленную дѣятельность; но при этомъ постоянные походы за добычей стали совершать не столько казаки, сколько такъ называемые промышленники, — тѣ отчаянные бродяги, которыхъ не останавливали никакой путь, никакое препятствіе, разъ представлялся случай поживиться. По крайней мѣрѣ изъ старинныхъ источниковъ, въ которыхъ приводится составъ отдѣльныхъ отрядовъ, снаряжавшихся въ походы, мы узнаемъ, что число казаковъ по сравненію съ числомъ промышленниковъ было обыкновенно не велико. Такъ въ 1626 году мы находимъ одну партію, состояв-

шую изъ 28 казаковъ и 189 промышленниковъ, а другую изъ 312 промышленниковъ и 44 казаковъ. Направляясь вверхъ по Нижней Тунгузкѣ, эти люди узнали отъ тунгузовъ, что на нижнемъ теченіи Вилюя и на Ленѣ живетъ богатый народъ якуты; въ 1620 году они дали знать объ этомъ въ Москву, прося разрешенія покорить могущественный народъ. Вслѣдъ за тѣмъ наступилъ покой; прошло десять лѣтъ прежде, чѣмъ туруханцы вновь появились на этихъ рѣкахъ. Между тѣмъ изъ Енисейска были предприняты походы вверхъ по Ангарѣ и около 1628 года повели къ открытію Илима и Лены. Изъ Енисейска дѣйствовали самостоятельныя и уже въ 1629 году выслали на Лену Хрипунова съ 30 казаками, за которыми въ 1630 году послѣдовалъ атаманъ Галкинъ, который немедленно выстроилъ у впаденія Кута въ Лену первое укрѣпленіе — Усть-Кутъ. Но, кажется, и Галкинъ не угодилъ имѣвшимъ власть въ Енисейскѣ, потому что уже въ слѣдующемъ 1631 году появляется новый предводитель и притомъ никто иной какъ крайне дѣятельный Петръ Бекетовъ, который спустился по Ленѣ и основалъ Якутскъ; какъ это будетъ подробно разсказано въ историческихъ замѣткахъ, этотъ человекъ былъ единственный, умѣвшій не только грабить и обирать, но и созидать. Въ 1630 году явились сюда туруханскіе казаки и промышленники съ Нижней Тунгузки и, основываясь на московскомъ указѣ, пожелали, чтобы ихъ тоже признали за повелителей страны. Для бурятовъ, которые жили въ то время по верхнему теченію Лены еще далѣе къ сѣверу, чѣмъ теперь, и для якутовъ это обстоятельство имѣло прежде всего тотъ непріятный результатъ, что они были обложены двойнымъ ясакомъ, т. е. были дважды обобраны, потому что въ то время подчиниться игу значило одно и то же, что быть ограбленнымъ. Оба завоевателя требовали себѣ богатой дани изъ соборей, основывая свое на нее право на мечѣ и огнестрѣльномъ оружіи. На верхнемъ теченіи Лены туруханцы, предводительствуемые сначала Мартыномъ Васильевымъ, а потомъ Иваномъ Корытовымъ, на первыхъ порахъ въ спорѣ съ отрядомъ Бе-

кетова, понятно, не вступали, потому что послѣдній былъ въ то время занять важными дѣлами на сѣверѣ. Но въ послѣдствіи туруханды устроили на Вилюѣ нѣчто въ родѣ самостоятельнаго государства, представлявшаго изъ себя, собственно говоря, гнѣздо грабителей, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вели отсюда кровавыя войны какъ съ якутами, такъ и съ енисейскими казаками, причиняя тѣмъ несказанныя бѣдствія. При впаденіи Кяренги въ Лену крѣпость была выстроена только въ 1649 году.

10. Вся область къ востоку отъ верхняго теченія Лены, до Верхней Ангары и системы Витима съ одной стороны и до Олекмы съ другой, сдѣлалась вообще ближе извѣстна лишь со времени возникновенія золотомоенъ какъ на Баргузинѣ, такъ и въ мѣстности между Леной, Вигимомъ и Олекмой. Это произошло въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія; прежде вся эта мѣстность была лишена человѣческаго жилья и посѣщалась только охотниками за пушнымъ звѣремъ. Вскорѣ послѣ того начала свои работы въ этой странѣ и Забайкальская экспедиція; географическія изслѣдованія ея были закончены членами экспедиціи топографами Усольцевымъ и Орловымъ. Изъ сдѣланныхъ ими маршрутовъ и измѣреній высотъ мы впервые узнали, что западная часть этой области представляетъ изъ себя сильно развѣтвленную альпійскую страну, а восточная является обширнымъ высокимъ плато, по которому широко раскинулась система Витима, огибающая высокія горныя цѣпи и впадающая въ Лену. Байкальская горная цѣпь, начинающаяся отъ лѣваго берега Селенги и тянущаяся вдоль озера, имѣетъ тутъ отъ 2—3000 футовъ абсолютной высоты, но становится по направленію къ сѣверу значительно выше; такъ что въ области верхняго Баргузина (между истоками котораго и таковыми же Витима эта цѣпь носитъ названіе хребта Икатъ) она должна достигать значительно болѣе 5000 футовъ абсолютной высоты. У насъ, конечно, нѣтъ прямыхъ измѣреній пиковъ этого хребта, но мы имѣемъ высоту одного перевала, который ведетъ съ истоковъ одной рѣки на

другую, и она выражается цифрой въ 5800 футовъ; въ виду того, что перевалы тутъ обыкновенно значительно вѣзаны, поднятіе вершинъ надъ гребнемъ, по всей вѣроятности, значительно превзойдетъ 1000 футовъ. Тотъ же самый хребетъ простирается далѣе въ сѣверо-восточномъ направленіи и, переходя Витимъ, идетъ до Чары; тутъ онъ получаетъ названіе Муйскаго и Чарскаго хребтовъ отъ рѣкъ того же наименованія. Это — дикая горная страна, которая тянется отсюда на западъ до Лены и отличается крайней неприступностью, несмотря на то, что самыя высокія изъ ея вершинъ не превосходятъ 5000 или 6000 футовъ надъ поверхностью моря. Съ восточнаго склона хребта Икатъ беретъ начало Витимъ, вытекая изъ небольшого озера, носящаго названіе Витимскаго и лежащаго на высотѣ 4700 футовъ абсолютной высоты; рѣка дѣлаетъ большой изгибъ сначала къ югу, а затѣмъ къ востоку. Истоки Витима лежатъ почти на одной широтѣ съ истоками Лены, но на значительно большей абсолютной высотѣ, потому что деревня Ленскій Десятокъ, гдѣ находятся источники послѣдней рѣки, расположена немного выше 1900 футовъ надъ уровнемъ моря. Лена всегда считалась за главную рѣку, а Витимъ за ея притокъ, по всей вѣроятности по той только причинѣ, что первая открывала новымъ пришельцамъ, русскимъ, путь на сѣверъ, тогда какъ Витимъ былъ мало кому знакомъ кромѣ тунгузскихъ охотниковъ. Но это обстоятельство является единственнымъ преимуществомъ, которое имѣетъ за собой верхнее теченіе Лены, во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ ее далеко превосходитъ горделивый Витимъ. Не только его теченіе длиннѣе теченія Лены на добрыхъ 400 верстъ, но и система его притоковъ развита гораздо сильнѣе и несетъ въ главную рѣку несравненно большую массу воды. Да иначе это и быть не можетъ. Лена въ своемъ верхнемъ теченіи имѣетъ въ свое распоряженіе крайне ограниченную область: съ запада къ ней близко подходятъ притоки Енисея, а съ востока тѣснить ее Байкальскій хребетъ. Вслѣдствіе этого до впаденія Витима она принимаетъ въ себя, если не считать впадающей нѣсколько

выше Витима Чуи, только одинъ болѣе значительный притокъ— бурно несущуюся съ Байкальскаго хребта Киренгу; всѣ остальные рѣчки, въ нее впадающія, крайне незначительны; въ нее текутъ тутъ слѣва: Кулинга, Улга и Куть, называемый также Кутà, а справа — Чая. Наоборотъ, Витимъ принимаетъ въ себя слѣва, кромѣ безчисленныхъ рѣчекъ и ручьевъ: Чѣну, Цѣпу съ Амалáтомъ, Мѣю и Мáсну, а справа: Холой, Кондѣ, Кáренгу, Калакáнь, Кáларь, Сыльбу или Куáнгу вмѣстѣ со многими другими мелкими рѣчками. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если уже значительно выше, въ области впаденія въ него Муи, Витимъ является величественной рѣкой, имѣющей болѣе версты въ ширину, а при соединеніи съ Леной дѣлаетъ впечатлѣніе главной рѣки. Но Витимъ имѣетъ тотъ недостатокъ, что, несмотря на свою величину, долженъ быть отнесенъ къ несудоходнымъ рѣкамъ, и по всей вѣроятности это обстоятельство находится въ связи съ тѣмъ, что онъ несетъ свои воды по мало населенной мѣстности. Дѣло въ томъ, что въ своемъ нижнемъ теченіи онъ имѣетъ два порога, которые не допускаютъ никакого судоходства, въ особенности же плаванія вверхъ по рѣкѣ. Сѣверное продолженіе хребта Икатъ — Муйскій хребетъ — тянется, какъ уже сказано, въ сѣверо-восточномъ направленіи почти параллельно теченію Лены и становится такимъ образомъ Витиму поперекъ дороги на западъ. Въ теченіе тысячелѣтій онъ, конечно, преодолѣлъ это препятствіе и по двумъ узкимъ ущельямъ проложилъ себѣ дорогу черезъ главный хребетъ и параллельный съ этимъ восточный; но въ его руслѣ остались однако такія мощныя скалы, что, только дико пѣнясь, воды рѣки могутъ пробиваться черезъ эти ущелья, проѣхать же по нимъ на судахъ, понятно, вовсе невозможно. Верхній изъ пороговъ, находящійся у лѣваго притока, Парамы, носитъ названіе Парамскаго, или Большаго порога, а расположенный приблизительно въ ста верстахъ книзу отъ перваго называется Делюнь-Оронскимъ порогомъ. Прибрежные жители пытаются — и при высокомъ уровнѣ воды эти попытки иногда удаются — сплавлять сѣно на плотахъ, привя-

зывая его къ балкамъ послѣдняго; по близости водопада они покидаютъ плотъ на срединѣ рѣки, обходятъ порогъ по берегу, а сойдя внизъ, осматриваютъ то, что перебралось черезъ пучину. По рассказамъ плоты появляются вновь на поверхности воды большею частью сильно пострадавшими, но въ виду того, что на золотыхъ прискахъ сѣно покупается по очень хорошей цѣнѣ, а Витимъ очень богатъ роскошными лугами, такого рода попытки постоянно возобновляются. Тѣмъ не менѣе вполне очевидно, что такимъ рискованнымъ способомъ можно перевозить только очень не многіе, не боящіеся порчи предметы и рѣку поэтому приходится считать несудоходною. Муйскій хребетъ переходитъ, понижаясь, къ юго-востоку въ глубокую долину, по которой на высотѣ 1300 футовъ надъ поверхностью моря течетъ Муя. Этимъ хребтомъ оканчивается на востокѣ дикая горная страна Байкала. Впрочемъ, съ праваго берега рѣки поднимается еще болѣе высокій Южно-Муйскій хребетъ, но онъ носитъ совершенно другой характеръ. Отъ долины рѣки къ своему гребню, имѣющему болѣе 5000 футовъ абсолютной высоты и увѣчанному безлѣсными вершинами, превышающими его на 800—1000 футовъ, хребетъ поднимается очень постепенно; къ востоку же паденіе очень незначительно, такъ что тутъ гребень возвышается надъ подошвою всего на 1000 футовъ, а далѣе, до Яблоноваго хребта, простирается обширная холмистая равнина, прорѣзанная большимъ количествомъ рѣкъ и рѣчекъ, которыя всѣ принадлежатъ къ системѣ Витима. Эта обширная область имѣетъ слабое желобообразное углубленіе, по самой глубокой части котораго течетъ Витимъ; отъ долины послѣдняго мѣстность снова постепенно поднимается, такъ что въ томъ мѣстѣ, гдѣ склонъ Яблоноваго хребта перерѣзывается большимъ трактомъ отъ города Читы, абсолютная высота достигаетъ 3600 футовъ. На сколько гориста и дика страна къ западу отъ Муйскаго хребта до Лены, на столько же она ровна и плоска въ области системы Витима. Чтобы попасть съ Муи на Верхнюю Ангару, приходится перевалить черезъ водораздѣлъ въ 3000 футовъ надъ

поверхностью рѣкъ, а переходъ съ Муи къ Баргузину тунгузы считаютъ положительно невозможнымъ; наоборотъ, истоки Конды, текущей въ Витимъ, и Уды, впадающей въ Селенгу, лежатъ на равнинѣ другъ около друга. Это возвышенное плато прежде было тоже мало извѣстно, но съ 1866 года стало часто посѣщаться. Въ названномъ году его прошла снаряженная золото-промышленниками Олекмо-Витимской системы экспедиція въ направленіи отъ Тихоно-Задонскаго золотаго прииска въ системѣ западныхъ притоковъ Чары до Читы. Въ этой экспедиціи, которая была послана съ цѣлью разузнать, есть ли возможность и выгода доставлять къ золотымъ приискамъ скоть изъ Забайкалья, принялъ участіе также и князь Крапоткинъ и подробно изложилъ результаты своихъ изслѣдованій въ «Отчетѣ объ Олекминско-Витимской экспедиціи». Благодаря появленію этого труда мы можемъ составить себѣ довольно ясное представленіе обо всей мѣстности въ востоку отъ Икатъ-Муйскаго хребта; страны же къ западу отъ этого хребта Крапоткинъ касался очень мало, только на нижнемъ теченіи Витима, а потому не даетъ намъ о ней никакихъ свѣдѣній. Онъ передаетъ лишь то, что ему рассказывали тунгузы, а это вполне совпадаетъ съ извѣстными уже данными о дикости и неприступности тамошней альпійской страны. Возможно, что въ ближайшемъ будущемъ намъ предстоитъ узнать о послѣдней болѣе подробно: ходятъ слухи, что собираются провести сибирскую желѣзную дорогу къ сѣверу отъ Байкала; въ этомъ случаѣ мѣстность будетъ, вѣдь, подробно изслѣдована. Остается, конечно, не вполне понятнымъ съ какой стати хотятъ провести дорогу какъ разъ по самой пустынной и дикой части страны, на что правительство должно впрочемъ имѣть свои основанія.

Объ отношеніи хребтовъ, тянущихся въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ восточнаго конца Байкала по ту сторону Витима, будетъ сказано въ географическомъ поясненіи къ картѣ, тутъ же остается еще указать на то вліяніе, которое они оказали на нижнюю часть долины Витима. У Большихъ или Парамскихъ

пороговъ русло рѣки до такой степени суживается, что во время половодья Витимъ не въ состоянїи прогнать всю массу своей воды и она принуждена выступать съ боковъ. Выше пороговъ, на правомъ берегу, находится стѣсненная крутыми горами долина Сыльби, которая затопляется лишь незначительно; съ лѣвой же стороны впадаетъ Муя, текущая по ровной, расположенной между двумя, много разъ уже упоминавшимися горными цѣпями — Сѣвернымъ и Южнымъ Муйскими хребтами, — долиной въ двадцать или тридцать верстъ шириной. Въ послѣднюю-то долину обильно изливаются воды Витима и, запружая вмѣстѣ съ тѣмъ теченіе Муи, превращаютъ ее въ громадное, растянувшееся въ длину озеро. Но въ противоположность Ленѣ и большинству рѣкъ и рѣчекъ Сибири, полая вода на Витимѣ бываетъ не весной. Въ это время, т. е. во вторую половину апрѣля и первую мая, уровень воды въ Витимѣ поднимается не высоко, потому что своимъ среднимъ теченіемъ она пролегаетъ главнымъ образомъ по степной мѣстности, покрытой лишь незначительнымъ слоемъ зиняго снѣга. Въ юнѣ же, когда солнце сильно припекаетъ, начинаютъ таять снѣга какъ на истокахъ главной рѣки, такъ и въ верхнемъ поясѣ горъ области его двухъ правыхъ притоковъ — Калакана и Калара, и въ рѣку устремляется громадная масса воды. Къ этому времени повсюду уже появилась растительность; если теперь, во время сильного зноя, луга лѣваго берега Витима и низменной долины Муи затопятся дней на семь, то на нихъ развивается такая растительность, какой я не видалъ въ самыхъ благословенныхъ долинахъ Восточной Сибири. Какъ ни напоминаютъ собою луга Барабинской степи, вдоль береговъ Оби и Иртыша, волнующуюся ниву, какъ ни высока, доходящая по брюхо лошадямъ трава низменностей Вилюя, по тамъ нѣтъ такой пышной растительности какъ на заливныхъ лугахъ Витима и Муи. Когда мы проѣзжали по этому морю пестрыхъ цвѣтовъ и роскошныхъ травъ, верхушки ихъ ударялись другъ о друга надъ нашими сѣдлами. Веревица всадниковъ, шедшихъ намъ на встрѣчу, представляла необыкновенно странное зрѣлище: видны были

только головы, руки и грудь, а все остальное было скрыто въ травѣ. Можно было ясно замѣтить какъ сильно повліяло на растительность разлитіе водъ лѣтомъ; не только деревья и кустарники были покрыты необыкновенно роскошной листвою, но и остатки ила, слѣды котораго были всегда примѣтны у самыхъ верхушекъ травъ, указывали на то, что пышность растительности обуславливалась исключительно лѣтнимъ наводненіемъ. Если у верхняго, Большаго порога Муйскій хребетъ и въ настоящее время оказываетъ вліяніе на рѣку въ томъ смыслѣ, что заставляеть ее выходить изъ береговъ, то далѣе книзу, надъ Делюнь-Оронскими порогами, можно видѣть какъ эти послѣдніе вліяли на русло рѣки въ прежнія эпохи. Нижніе пороги не высоки, тутъ нѣтъ тѣснящихъ рѣку ущелій, но они заставили Витимъ расширить свое русло въ видѣ озера на протяженіи свыше двадцати верстъ: рѣка образуетъ тутъ лабиринтъ изъ безчисленныхъ острововъ и подошла своимъ правымъ берегомъ на столько близко къ большому Оронскому озеру, что послѣдовалъ прорывъ, результатомъ котораго было соединеніе озера и рѣки въ одно цѣлое. Оронское озеро интересно въ томъ отношеніи, что въ немъ, какъ и въ Байкалѣ, встрѣчаются тюлени, которыхъ нѣтъ нигдѣ ни на Ленѣ, ни на Енисеѣ. Въ Байкальскомъ озерѣ тюлени такъ часты, что шкурами ихъ ведется обширная торговля; на Оронѣ же ихъ не такъ много, но тѣмъ не менѣе животныя были въ состояніи удержаться тутъ и до сихъ поръ.

14. Станція, расположенная на лѣвомъ берегу Лены, называется Нохтуйской. Это названіе однако отступило совершенно на задній планъ съ тѣхъ поръ, какъ въ пятидесятыхъ годахъ на правомъ берегу рѣки, при впаденіи въ послѣднюю маленькую рѣчки Мачи, начали возникать резиденціи золотопромышленниковъ; въ настоящее время всѣ жители Лены называютъ это мѣсто Мачей. Въ другихъ золотопромышленныхъ округахъ тоже существуетъ обыкновеніе устраивать, помимо собственно золотомоенъ, еще такъ называемыя резиденціи, гдѣ находятся главное

управление всего предприятия и важнейшие склады. Но особенно сильное развитие резиденции получили на Ленѣ благодаря исключительнымъ условіямъ здѣшняго округа. Въ золотопромышленныхъ центрахъ Енисея, Баргузина и Забайкалья вообще, резиденція не играетъ особенно выдающейся роли, потому что въ эти мѣста необходимые на одинъ годъ запасы матеріаловъ могутъ быть доставляемы въ томъ же году, да къ тому же ихъ большею частію можно привезти на однѣхъ и тѣхъ же повозкахъ, безъ перегрузки. На Ленѣ же видимъ совершенно другое: въ самомъ благопріятномъ случаѣ барки съ различными товарами, которыхъ требуетъ столь значительное, занимающее сотни человѣческихъ рукъ предприятие, могутъ доплывать сюда въ концѣ мая, — производство же начинается уже въ мартѣ. Большинство золотомоенъ расположено отъ берега Лены на разстояніи свыше ста верстъ, среди самаго ужаснаго лабиринта горъ и ущелій; поэтому дальнѣйшая доставка товаровъ можетъ производиться только на вьючныхъ лошадяхъ или на оленяхъ и, слѣдовательно, можетъ быть выполняема поздною осенью и зимой. Такимъ образомъ все, въ чемъ встрѣчается необходимость, приходится свозить на Лену годомъ раньше и складывать тутъ въ магазины, иначе же производство не можетъ идти. Вслѣдствіе этого на пустынномъ прежде берегу возникло селеніе съ бойкой дѣловой жизнью и со складами, въ которыхъ лежатъ на сотни тысячъ товары, ожидающіе дальнѣйшаго отправленія. Для управленія всей этой колоніей золотопромышленники избрали изъ себя комисію и платятъ ей извѣстное число рублей съ cadaго работника, котораго они занимаютъ на своихъ золотомойняхъ. Составляющаяся такимъ образомъ очень значительная сумма идетъ во первыхъ на содержаніе полиціи, играющей тутъ, какъ само собою понятно, выдающуюся роль, потому что составъ рабочихъ образуется преимущественно изъ сосланныхъ на поселеніе; далѣе изъ той же кассы покрываются расходы по содержанію духовенства, церкви, почты и наконецъ санитарнаго дѣла. Все это должно быть оплачено золотопромышленниками; правительство

назначаетъ чиновниковъ, но вознаграждать ихъ предоставляетъ тѣмъ, на пользу которыхъ они должны исключительно работать. Церковь обставлена очень хорошо, такъ что богослуженіе совершается вполне какъ слѣдуетъ, а больнымъ и умирающимъ не приходится чувствовать недостатка въ попеченіи о спасеніи души. Полиція однако поглощаетъ львиную долю расходовъ и постъ здѣшняго горнаго исправника принадлежитъ къ числу наилучше оплачиваемыхъ во всей Восточной Сибири. Официально этотъ чиновникъ подчиненъ исправнику Олекминска и находится къ нему въ такомъ же отношеніи, какъ засѣдатель окружнаго управленія къ начальнику послѣдняго — исправнику. На самомъ же дѣлѣ положеніе его независимое, а окладъ необыкновенно высокъ. Прежде онъ получалъ съ золотопромышленниковъ содержаніе въ 16.000 рублей, впоследствии же оно было возвышено до 22.000, такъ что исправникъ ежегодно получаетъ (если въ послѣднее время окладъ не уменьшился) только немногимъ меньше, чѣмъ генераль-губернаторъ Восточной Сибири, но многимъ болѣе, чѣмъ любой другой чиновникъ. Такъ же хорошо обставлена и почта; но почтовымъ чиновникамъ приходится исполнять массу дѣлъ, которыя не относятся къ ихъ служебнымъ обязанностямъ. Собственно говоря, чиновникъ обязанъ только получать письма, посылки и т. д. и выдавать ихъ адресатамъ. Но золотопромышленникамъ отъ этого пользы еще мало. Правда, до тѣхъ поръ, пока резиденціи въ Мачѣ находятся въ полной дѣятельности, туда очень легко пересылать почту черезъ рѣку; но руководители золотопромышленнаго предпріятія живутъ въ Мачѣ не постоянно, а посѣщаютъ резиденціи лишь тогда, когда тамъ есть какое нибудь дѣло — пріемка и отправка товара или осенній расчетъ рабочихъ, которые въ это время увольняются массами. Въ резиденціяхъ обыкновенно держатъ только необходимыхъ смотрителей магазиновъ и сторожей, главные же руководители находятся на золотомойняхъ. Благодаря этому крайне важно, чтобы корреспонденція доставлялась имъ безъ всякаго замедленія; съ этою-то цѣлью почтовый чиновникъ такъ

хорошо и вознаграждается. За то онъ долженъ имѣть въ служебнѣи извѣстное число смѣльчаковъ, потому что далеко не каждый въ состояннн нести службу посыльнаго для доставки корреспонденціи съ Лены въ захоластье золотомоенъ во всякую погоду, — въ снѣжную бурю, дождь и распутицу во время полои воды. Но, какъ извѣстно, за хорошія деньги можно все получить. Если къ этому прибавить образцово устроенныя больницы, то этимъ будетъ изчерпано почти все, что находится въ Мачѣ: все то, что тутъ существуетъ, устроено прекрасно, вызвано золотопромышленными предпріятіями, но и поддерживается исключительно ими же. Работаютъ и трудятся тамъ цѣлый годъ. Весною, какъ только вскрыется рѣка, появляются барки и пароходы и выгружаютъ свои товары, что продолжается непрерывно въ теченіе цѣлаго лѣта. Когда же Лена покроеся льдомъ, появляются, съ одной стороны длинные обозы, доставляющіе масло, мороженное мясо, рыбу, сѣно и т. п., а съ другой идутъ якуты съ выючными лошадьми и тунгузы съ оленями съ цѣлью перевозить запасы изъ складовъ на золотомойни; это тоже продолжается всю зиму безъ остановки, — однимъ словомъ, люди заняты тамъ круглый годъ. Но самымъ оживленнымъ временемъ является конецъ сентября, когда масса рабочихъ покидаетъ золотомойни и стремится къ резиденціямъ, чтобы получить тамъ расчетъ; въ ту пору самая кипучая дѣятельность проявляется однако не на правомъ, а на лѣвомъ берегу Лены. Нохтуйская станція представляетъ изъ себя маленькую деревушку, состоящую лишь изъ восьми или десяти жилыхъ домовъ; въ теченіе всего года она, кромѣ проѣзжихъ, почти никѣмъ не посѣщается. Осенью же дѣло измѣняется. Уже въ началѣ сентября замѣчаешь, что берега рѣки оживляются, появляется масса крупныхъ и мелкихъ лодокъ, владѣльцы которыхъ усиленно занимаются постройкой всевозможныхъ жилыхъ помѣщеній на берегу. Нѣкоторые строятъ настоящіе легкіе домики, другіе разбиваютъ палатки, третьи довольствуются тѣмъ, что врываютъ столбы и такимъ образомъ огораживаютъ мѣсто. Все это — импровизированные рестораны,

устроенные съ исключительною цѣлью доставить покидающимъ золотомойни рабочимъ съѣстные припасы и различные напитки. На правомъ берегу Лены, входящемъ въ золотопромышленный округъ, такія рестораціи, а особенно питейные дома, по закону не могутъ возводиться. Вслѣдствіе этого рабочіе, получивши расчетъ, должны тотчасъ же переправляться на приготовленныхъ лодкахъ на лѣвый берегъ рѣки, гдѣ уже все готово къ ихъ приему. У станціи недѣля на двѣ собирается нѣсколько тысячъ рабочихъ съ единственною цѣлью предаваться разнузданнымъ оргіямъ послѣ многихъ мѣсяцевъ только-что счастливо оконченной ими трудной работы; поэтому во время выселенія рабочихъ приходится зорко слѣдить за порядкомъ, тѣмъ болѣе, что большинство этихъ людей сами по себѣ не особенно склонны щадить имущество, здоровье и даже жизнь своихъ товарищей. Исправнику золотопромышленнаго округа нѣтъ до нихъ никакого дѣла, такъ какъ его районъ кончается на правомъ берегу рѣки; вслѣдствіе этого на станцію приѣзжаетъ всегда исправникъ Олекминскаго округа, которому Иркутскій губернаторъ присылаетъ еще подкрѣпленіе. Такъ и мнѣ, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, приходилось функціонировать тамъ во время выселенія, — слѣдить за порядкомъ. Прежде всего нужно запастись значительнымъ числомъ надежныхъ и дюжихъ людей, чтобы имѣть возможность держать непрерывно, въ теченіе дня и ночи, патрули. Въ виду того, что обыкновенныхъ средствъ окружнаго управленія на это далеко не хватаетъ, изыскиваютъ чрезвычайные источники. Изъ крестьянъ смежныхъ со станціями деревень избираешь себѣ около тридцати порядочныхъ, здоровыхъ молодецъ и принимаешь ихъ на это время подъ присягою на службу. Они получаютъ за свою далеко не легкую работу поденную плату, расходы по которой покрываются сборомъ, налагаемымъ исправникомъ на владѣльцевъ упомянутыхъ выше летучихъ ресторацій, при чемъ торговцы спиртными напитками облагаются еще болѣе значительнымъ налогомъ. Это дешево и справедливо, потому что всѣ они прекрасно торгуютъ въ эти дни; платятъ они къ тому же

очень охотно, такъ какъ только благодаря постоянно разгуливающимъ по берегу патрулямъ съ ихъ внушающими уваженіе тяжелыми дубинами и является возможность поддерживать сносный порядокъ среди дикой, пьяной толпы. Торговля спиртными напитками разрѣшается съ ранняго утра, какъ только станетъ свѣтло, до девяти часовъ вечера, затѣмъ всѣ питейныя заведенія должны быть закрыты. Однако это обстоятельство нисколько не препятствуетъ шуму, пляскамъ, играмъ и попойкамъ продолжаться въ теченіе всей ночи: на дворѣ тепло, разводитъ огонь на берегу Лены позволено сколько душѣ угодно и такимъ образомъ приходится позаботиться только о томъ, чтобы запастись достаточнымъ количествомъ водки до девяти часовъ вечера. Полиція слѣдитъ очень строго лишь за тѣмъ, чтобы въ это время въ деревнѣ не появлялись женщины; всѣ, кто не можетъ доказать, что постоянно, въ теченіе цѣлаго года, живетъ на станціи Нохтуйской, должны безъ всякихъ отговорокъ покинуть мѣсто; гости и родственники тоже не допускаются: свои посѣщенія они должны перенести на другое время года.

Приготовившись такимъ образомъ, ожидаютъ пріѣзда гостей. Наконецъ появляется первое судно съ транспортомъ рабочихъ. Толпа высыпаетъ на берегъ съ громкимъ ура и люди первымъ дѣломъ срываютъ съ себя шапки и кидаютъ ихъ прочь, чтобы тотчасъ же запастись новымъ головнымъ уборомъ. Кому позволяютъ средства, тотъ заставляетъ слѣдовать за шапкой и остальную одежду и является, по крайней мѣрѣ наружно, новымъ человекомъ. Да оно и не мѣшаетъ, потому что въ громадномъ большинствѣ случаевъ люди приходятъ въ крайне сомнительныхъ костюмахъ; однако я не могъ узнать, почему непременно шапки замѣняются новыми. На мои вопросы мнѣ отвѣчали, что такъ должно быть.

Лишь только пріобрѣтенъ новый головной уборъ, все общество отправляется подкрѣпиться въ привѣтливо манящія питейныя заведенія. Между тѣмъ непрерывно прибываютъ новыя лодки съ рабочими, которые, тоже смѣнивъ шапки, стремятся къ

тѣмъ же рестораціямъ, и въ скоромъ времени видишь себя окруженнымъ колыхающею толпой довольно дикаго и непривѣтливаго народа, количество котораго непрерывно прибываетъ. Вначалѣ все идетъ довольно спокойно и прилично; но скоро давно желанная водка начинаетъ свое дѣйствіе и патрули по горло заняты тѣмъ, чтобы смѣху и пѣснямъ не давать переходить въ побоища и убійства. Намъ приходилось тоже не мало трудиться до усталости: съ пяти часовъ утра, какъ только встанешь, до поздняго вечера нельзя было найти ни минуты для себя лично; все время ведешь слѣдствія, снимаешь допросы, улаживаешь споры, присуждаешь виновныхъ къ штрафу и т. д., пока наконецъ не ляжешь спать поздней ночью и остаешься очень доволенъ, если удастся поспать до утра безъ того, чтобы не разбудили тебя ночью. Несмотря на то, что приходится судить и рядить въ теченіе цѣлаго дня, каждое утро, въ шесть часовъ, происходитъ еще, такъ сказать, общее судебное разбирательство, въ которое допрашиваются и судятся всѣ забранные за пьянство и тѣ, которые были арестованы ночью. Всякій разъ привлекается очень значительное число отвѣтчиковъ, такъ что засѣданіе происходитъ подъ открытымъ небомъ, да къ тому же при весьма значительномъ стеченіи публики: на судебное разбирательство не упускаетъ случая явиться чуть не все присутствующее количество народа. Сначала появляются передъ судьями арестованные за пьянство. Имъ не приходится ожидать никакого дальнѣйшаго наказанія; но патрулямъ самымъ строгимъ образомъ предписано тотчасъ забирать каждаго, кого находятъ валяющимся пьянымъ, осматривать его карманы и представлять ихъ содержимое. Самая большая комната въ нашей служебной квартирѣ была заставлена возможно большимъ количествомъ столовъ, на которыхъ отдѣльными кучками было разложено все то, что находилось въ карманахъ опьяненныхъ; комната содержалась подъ замкомъ. Такого рода мѣропріятіе безусловно необходимо, чтобы, по возможности, предохранить людей отъ потери ихъ имущества. Когда на слѣдующее утро призываютъ отрезвившихся, въ нихъ за-

мѣтно, помимо вполне понятнаго похмѣлья, еще чувство тревожнаго любопытства, которое объясняется тѣмъ, что имъ обыкновенно неизвѣстно, что было найдено въ ихъ карманахъ. Многіе выражаютъ большое удовольствіе, найдя все свое имущество въ цѣлости, и благодарятъ за ночлегъ и попеченіе; большинство же горько разочаровывается, когда оказывается, что въ ихъ карманахъ нашлось гораздо меньше, чѣмъ они предполагали: ихъ успѣвали обобрать прежде, чѣмъ ихъ нашелъ патруль. Отправивъ пьяницъ, приступаютъ къ настоящимъ преступникамъ: эти большею частію принадлежатъ къ категоріи карманныхъ воровъ; довольно часто привлекаются къ отвѣтственности за драку и въ общемъ только очень рѣдко встрѣчаются грабежи и убійства. Серьезное вниманіе обращается лишь на двѣ послѣднія категоріи преступленій, и виновниковъ передаютъ судебному слѣдователю. Всѣ остальные дѣла разбираются на мѣстѣ, рѣшенія постановляются немедленно и наказаніе, которое бываетъ исключительно тѣлесное, приводится тотчасъ же въ исполненіе. Въ такихъ случаяхъ только быстрый и огульный судъ является хорошимъ судомъ, и я смѣло могу сказать, что за все время моей служебной дѣятельности въ Якутскѣ тяжкія преступленія при выселеніи рабочихъ въ Мачѣ бывали очень рѣдко, хотя, какъ уже сказано, большинство рабочихъ состояло изъ сосланныхъ.

Тѣмъ не менѣе то, что тутъ встрѣчается каждую осень, крайне дико и достойно глубокаго сожалѣнія. Рабочіе, какъ видно по счетоводнымъ книгамъ резиденцій, переносятъ черезъ Лену сумму въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей и очень большая часть этихъ денегъ остается въ рукахъ шинкарей. Ежегодно случается, что золотопромышленники помимо суммъ, которыя они выплачиваютъ въ видѣ заработной платы, въ теченіе этихъ двухъ недѣль, расходуютъ еще очень значительную сумму въ качествѣ задатка. Это объясняется тѣмъ, что рабочіе, прокутивъ весь свой заработокъ, возвращаются за рѣку и законтрактовываютъ себя на слѣдующій годъ. Въ этомъ случаѣ они получаютъ задатокъ и обязуются, подъ страхомъ строгой отвѣтственности,

снова явиться на золотомойню къ марту мѣсяцу; такимъ образомъ они опять запродаютъ себя на цѣлое лѣто: заработанныхъ въ потѣ лица денегъ хватило всего на нѣсколько дней, а впереди предстоитъ еще пробиваться всю зиму. Сравнительно очень невелико число рабочихъ, которые дѣлаютъ сбереженія изъ своего заработка, и потому черезъ нѣсколько лѣтъ прекращаютъ работу на золотомойняхъ, чтобы на заработанные и сбереженные гроши предпринять какое нибудь дѣло. Этимъ людямъ работа на золотыхъ приискахъ не вредитъ, такъ какъ здоровый человѣкъ легко выдерживаетъ ее нѣкоторое время. Но тѣ, которые нанимаются на золотомойни изъ года въ годъ, а зиму кое-какъ пробиваются подаяніемъ, въ ожиданіи каторжной работы грядущаго лѣта, выносятъ не долго и скоро погибаютъ. На Ленѣ, гдѣ работы, благодаря мѣстнымъ условіямъ, во всякомъ случаѣ очень тяжелы, обыкновенно принимается, что человѣкъ въ состояніи выдержать такого рода напряженіе въ среднемъ не болѣе шести лѣтъ; я не знаю на сколько вѣрно это предположеніе, но по всей вѣроятности оно правильно. Въ другихъ золотопромышленныхъ округахъ дѣлались попытки тотчасъ же отправлять далѣе рассчитанныхъ рабочихъ, не дозволяя имъ такъ безразсудно растрачивать тяжело заработанные деньги; увѣнчались ли эти попытки успѣхомъ, я не могу сказать, такъ какъ не имѣю на то достовѣрныхъ данныхъ. Конечно, легко предупредить, чтобы при исходномъ пунктѣ не собиралось такое большое число кровосійцевъ, какъ оно обстояло, да по всей вѣроятности существуетъ и до сихъ поръ на Ленѣ, — но я не понимаю, какъ можно воспрепятствовать работнику пропить деньги, когда въ немъ существуетъ на то потребность: кабаки онъ можетъ найти, вѣдь, повсюду.

12. Обязанность проводника каравана въ высшей степени утомительна и отвѣтственна. Онъ долженъ вести пятнадцать лошадей и заботиться о томъ, чтобы животныя благополучно совершили путешествіе; далѣе, онъ, конечно, отвѣчаетъ за ввѣ-

ренное ему имущество купца. Во время путешествія животныя привязаны другъ къ другу такимъ образомъ, что вокругъ шеи передней лошади совершенно свободно накидывается петля, затѣмъ веревка привязывается къ хвосту животнаго и, наконецъ, прикрѣпляется къ уздечкѣ слѣдующей за ней лошади, шея которой въ свою очередь окружается петлей, и т. д. до послѣдней лошади. Въ томъ случаѣ, если задняя лошадь заставляетъ себя тянуть, передняя лошадь, благодаря такому устройству тянетъ ее по крайней мѣрѣ не шеей; тѣмъ не менѣе она можетъ быть сильно отягощена, если погонщикъ не достаточно внимателенъ. Лошади же, которыя имѣютъ склонность заставлять тащить себя, а это свойство встрѣчается довольно часто, мало пригодны въ качествѣ вьючныхъ животныхъ, особенно для большихъ растояній. Далѣе встрѣчаются такія животныя, которыя не умѣютъ держать шага, — они отстаютъ и время отъ времени, хотя не надолго, бѣгутъ рысью, чтобы догнать караванъ; такія вовсе не могутъ быть взяты въ пугъ. Если же лошадь имѣетъ привычку постоянно ѣсть на ходу, срывая по дорогѣ торчащій изъ педъ свѣга пучекъ травы или вѣтку ивы, то такая лошадь цѣнится очень высоко, и за нее дорого платятъ, потому что, оставаясь постоянно сытой, она всегда сохраняетъ свои силы. Затѣмъ, нѣкоторыя лошади имѣютъ высоко цѣнимую добродѣтель подвигаться очень медленно во время ѣды: онѣ не сдѣлаютъ ни шагу далѣе прежде, чѣмъ не ошиплютъ все вокругъ себя, и только тогда подвигаются постепенно дальше. Другія, на оборотъ, во время ѣды постоянно подвигаются впередъ или очень разборчивы, — пробуютъ то тамъ, то сямъ, и переходятъ съ мѣста на мѣсто. Такія вовсе не пригодны, такъ какъ, во первыхъ, проходитъ часто много времени прежде, чѣмъ ихъ сыщешь утромъ; во вторыхъ, желудокъ ихъ въ это время еще пустъ, потому что онѣ, теряя время въ поискахъ, не успѣли наѣсться. Однимъ словомъ, у вьючныхъ животныхъ встрѣчается масса хорошихъ качествъ и недостатковъ, которые могутъ либо облегчить, либо до невозможности затруднить обязанности погонщика. Не малую заботу доставляетъ хорошему проводнику выборъ

пастбищъ. Купцы, во время ночлега, придерживаются большею частию исключительно поварень, но хорошій проводникъ никогда не дѣлаеть этого. Во время всего долгаго путешествія онъ долженъ держать въ умѣ тѣ мѣста, гдѣ находятся хорошія пастбища, независимо отъ поварень; поэтому онъ путешествуетъ предпочтительно одинъ: въ такомъ случаѣ онъ имѣеть возможность располагаться на хорошихъ пастбищахъ и, не будучи стѣсненъ чужими лошадьми, доставляетъ своимъ достаточно корма. Далекое не легкой задачей представляется вести въ продолженіе цѣлаго дня пятнадцать лошадей, постоянно наблюдая за тѣми, чтобы которая нибудь изъ нихъ не заставляла себя тянуть, или чтобы идущія вольно не отставали слишкомъ далеко, или чтобы не съѣхали на животныхъ сѣдла, и т. п. Когда пройденъ дневной переходъ и найдено хорошее пастбище, проводнику предстоитъ большею частию одному, безъ всякой посторонней помощи, тотчасъ же развьючить пятнадцать лошадей, т. е. онъ долженъ снять съ каждаго животнаго и положить въ полномъ порядкѣ на землю шесть съ половиной пудовъ багажа, что составляетъ въ общемъ приблизительно около ста пудовъ. Сначала на лошадахъ оставляють чепраки, потому что онѣ вспотѣли на ходу и могли бы легко простудиться, такъ какъ спина подверглась бы непосредственному вліянію зимней стужи. Но черезъ часъ погонщикъ долженъ снять ихъ, тщательно осмотрѣть спины лошадей, нѣтъ ли на нихъ какихъ либо ссадинъ, а затѣмъ подвергнуть внимательному изслѣдованію всѣ пятнадцать чепраковъ и, въ случаѣ гдѣ нибудь на нихъ обнаружится твердое мѣсто (они сдѣланы изъ соломы и обшиты съ двухъ сторонъ холстомъ) или утолщеніе, тотчасъ же ихъ исправить. Только теперь, когда онъ окончилъ свой утомительный дневной трудъ, можетъ онъ подумать объ ѣдѣ и отдыхѣ. Онъ набираетъ сухаго дерева и раскладываетъ костеръ для походнаго котелка. Въ томъ случаѣ, если мѣсто остановки расположено у поварни, онъ пользуется по крайней мѣрѣ тѣми малыми удобствами, которыя доставляетъ эта послѣдняя. Если же онъ, какъ надлежитъ заботливому про-

воднику, не обращая вниманія на себя, остановился на мѣстѣ, которое оказалось болѣе выгоднымъ для его животныхъ, то кровомъ служить ему само небо, а огонь доставляетъ единственное пріятное ощущеніе, которое выпадаетъ на его долю. Ночевка подъ открытымъ небомъ сама по себѣ, даже зимою, вовсе не такъ тягостна, какъ можно было бы вообразить себѣ. Застигнутому врасплохъ снѣжной бурей, или по какимъ либо другимъ причинамъ, мнѣ случалось ночевать на открытой тундрѣ; тянущейся вдоль берега Ледовитаго океана; при этомъ часто нельзя было вовсе разводить огня или съ большимъ трудомъ разложить настолько слабый, что удавалось только вскипятить воду для чая, послѣ чего онъ скоро гасъ; тѣмъ не менѣе было довольно сносно, хотя, конечно, затруднительно и утомительно. Но, понятно, никто не избираетъ себѣ для бивака такую мѣстность ради одного удовольствія. Ночевка же при сорока градусахъ Реомюра ниже нуля въ лѣсу уже очень сносна въ томъ случаѣ, если имѣется подъ рукой все необходимое. Вотъ почему люди такъ легко справляются съ ней. Обыкновенно на снѣгъ кладутъ войлочное одѣяло, а поверхъ его разстилаютъ медвѣжью шкуру; затѣмъ покрываются очень широкимъ и длиннымъ одѣяломъ, которое, при надобности, съ одной стороны заходитъ за голову, а съ другой — со стороны ногъ, оканчивается мѣшкомъ, въ которомъ помѣщаются ноги до колѣнъ. При такихъ условіяхъ собственной теплоты человѣческаго тѣла совершенно достаточно для поддержанія хорошаго самочувствія какъ при тихой погодѣ, такъ и во время бури, даже если термометръ опускается до пятидесяти градусовъ ниже нуля; нужно только устроиться такъ, чтобы ножной конецъ постели былъ обращенъ противъ вѣтра, тогда не проберетъ никакая непогода. Но простой якутъ никогда не располагаетъ такимъ количествомъ постельныхъ принадлежностей, какое имѣемъ обыкновеніе брать съ собой — мы, извѣженные люди, отправляясь въ путешествіе, да ему и жалко понапрасну обременять свое выючное животное. Онъ обходится безъ этихъ принадлежностей, подстилая подъ себя нѣсколько чепраковъ съ

лошадей и прикрываясь шубой, которую онъ всегда одѣваетъ на ночь. Этимъ и костромъ онъ удовлетворяется даже при самой сильной непогодѣ. Проснувшись однажды ночью, я замѣтилъ, что нашъ костеръ почти потушалъ, а потому всталъ и собралъ нѣсколько дерева, чтобы его опять возобновить. При этомъ случаѣ я замѣтилъ, что съ одного погонщика съѣхалъ тулупъ, а его голова и верхняя часть туловища уже совершенно заиндѣвѣли. Было очень холодно, и я опасался, что человѣкъ можетъ замерзнуть, почему разбудилъ его, чтобы онъ согрѣлся въ движеніи. Однако онъ остался этимъ очень недоволенъ и, поворачавъ, только перевернулся на другой бокъ: никакихъ другихъ согрѣвательныхъ мѣръ ему не потребовалось. Тяжелымъ трудомъ зарабатываетъ свой хлѣбъ погонщикъ, и только невѣроятная нечувствительность сѣверныхъ народовъ къ непогодѣ даетъ возможность, за столь ничтожное вознагражденіе, находить любителей такого рода занятій.

13. Границы обѣихъ древесныхъ породъ на Тукуланѣ лежать такъ близко одна къ другой, что ихъ можно считать совпадающими. На самой дорогѣ сначала исчезаетъ *Pinus sylvestris*, а очень скоро пропадаетъ и *Pinus abies*; однако возможно, что въ другихъ пунктахъ это отношеніе какъ разъ обратное. Впрочемъ, сколько я могъ наблюдать, оба дерева никогда не растутъ въ Сибири совмѣстно, такъ какъ ель, (*Pinus abies*) встрѣчается исключительно по берегамъ рѣкъ и на мелкихъ островахъ. На Вилюѣ и на Оленекѣ Миллеръ нашелъ границы отстоящими другъ отъ друга на нѣсколько болѣе значительное разстояніе; послѣднія сосны онъ встрѣтилъ на Кихинти, (притокъ Іейко, впадающемъ въ Нижнюю Тунгузку) къ сѣверу отъ 64 градуса сѣверной широты, ель же (*Pinus abies*) попадалась ему до озера Сурунгны, въ области истоковъ Вилюя; это составляетъ приблизительно разницу въ одинъ градусъ широты. Сѣверная граница обѣихъ деревъ идетъ такимъ образомъ на Вилюѣ далѣе на сѣверъ, чѣмъ на Верхоянскомъ хребтѣ; это объ-

ясняется по всей вѣроятности тѣмъ, что абсолютная высота первой мѣстности меньше, чѣмъ послѣдней. Относительно востока мнѣ извѣстно только, что сосна встрѣчается на нижнемъ теченіи Охоты; тамъ она настолько высокоствольна, что Сарычовъ могъ употребить ее на постройку судовъ. Если тутъ проходить ея сѣверная граница, то она, сравнительно съ Вилюемъ, лежитъ здѣсь южняе на цѣлые четыре градуса, что составило бы во всякомъ случаѣ слишкомъ большую кривую. Если же принять въ соображеніе, какъ сильно хвойныя деревья избѣгаютъ близости моря, то очень вѣроятно, что сѣверная граница деревъ на востокѣ на самомъ дѣлѣ опускается такъ далеко къ югу благодаря Охотскому морю; такъ напр. въ Камчаткѣ распространеніе древесныхъ породъ ограничивается внутреннею частію горной страны и вовсе не доходитъ до морскаго побережья, а самая выносливая изъ породъ, лиственница, не переходитъ на востокъ за Становой хребетъ.

14. Миллеръ «Unter Tungusen und Jakuten», стр. 233 и слѣд. — Миллеръ, который подобно Нейману былъ очень зябокъ, находился 2 декабря 1874 года по всей вѣроятности въ очень песимистическомъ настроеніи, потому что онъ рисуетъ страхъ наводящую картину Верхоянскаго перевала. Конечно этотъ перевалъ не особенно привлекателенъ, но и не настолько плохъ, какъ его описываетъ Миллеръ. Несомнѣнно то, что если взглянуть на него сверху, то онъ представляется величественнѣе, чѣмъ снизу, такъ какъ сверху видишь разомъ весь склонъ, и глазъ, обманутый однообразной бѣлизной снѣжнаго покрова, получаетъ ложное представленіе о крутизнѣ спуска. Я спускался въ долину Тукулана какъ въ іюнь, такъ и въ ноябрѣ, и конечно долженъ согласиться съ тѣмъ, что зимою перевалъ кажется много круче, чѣмъ въ то время, когда онъ не покрытъ снѣгомъ; въ іюль мѣсяцѣ я пробовалъ даже спускаться верхомъ на лошади, приказавъ какъ можно сильнѣе подтянуть сѣдло волосяными ремнями. Сначала спускъ удавался, хотя и съ трудомъ, но затѣмъ

наклонъ становился столь крутымъ, что я былъ поднять на сѣдлѣ и поэтому долженъ былъ слѣзть; пѣшкомъ же путешествіе шло вполне сносно. Точно также погонщики нарты, провожавшіе Миллера и Чекановскаго, были, по всей вѣроятности, очень неопытные люди, потому что мои проводники зимою 1870 года спустили нарты очень удачно, припрегши оленей сзади. Гужи были привязаны къ заднему концу нарты, а затѣмъ проведены животнымъ на зашеекъ; олени очень ловко бѣжали рысцою внизъ и при этомъ высокоподнятыми головами легко сдерживали ходъ нарты, такъ что все сошло вполне благополучно. Уже одно то обстоятельство, что переваль преодолѣваютъ какъ при спускѣ, такъ и при восхожденіи, выючныя животныя, нагруженныя шестью пудами, доказываетъ, что онъ не можетъ быть черезъ-чуръ крутъ.

15. Находящіяся въ городахъ юрты устраиваются исключительно для людей, якутъ же постоянно соединяетъ свою юрту съ хотѣномъ, т. е. съ хлѣбомъ, въ которомъ онъ содержитъ свой рогатый скоть. Такая полная якутская юрта представляетъ собой продолговатый четырехугольникъ; снаружи она тщательно смазана толстымъ слоемъ смѣси, состоящей изъ глины съ коровьимъ навозомъ; она имѣетъ всего одну дверь, а именно, входную дверь въ жилое помѣщеніе, которая всегда находится на одномъ изъ концовъ четырехугольника и почти всегда образуетъ полный квадратъ. Жилое помѣщеніе отдѣлено отъ хотѣна простой, несмазанной стѣнкой изъ жердей, такъ что оно несомнѣнно согрѣвается тепломъ, выдѣляемымъ скотомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ него свободно проникаетъ и запахъ отъ него. Рогатый скоть менѣе выносливый, чѣмъ лошадь, ни въ какомъ случаѣ нельзя держать зимою подъ открытымъ небомъ; да къ тому же снѣгъ въ Якутской области выпадаетъ слишкомъ глубокимъ слоемъ, чтобы рогатый скоть могъ выкапывать изъ подъ него свой кормъ; благодаря этому его приходится держать всю зиму на снѣгѣ. Скоть выпускается всего одинъ разъ въ день, частью на водопой,

*

частью же для чистки хотона: якуты тщательно слѣдятъ за тѣмъ, чтобы навозъ вычищался ежедневно. При этомъ скотъ долженъ постоянно проходить черезъ самую юрту, т. е. черезъ жилое помѣщеніе, потому что, какъ уже сказано, строеніе имѣеть всего одинъ выходъ. При такихъ условіяхъ каминъ находится какъ разъ у мѣста: только благодаря той сильной тягѣ, которую онъ производитъ, и является возможность жить вмѣстѣ со скотомъ и дышать вообще довольно здоровымъ воздухомъ.

15 bis¹⁾. Я говорю объ этомъ на память, потому что уже давно сдалъ наблюденія и въ точности не припомню, сколько мѣсяцевъ они обнимають собой. Помню только одно, что въ зимніе мѣсяцы, именно въ части декабря и въ январѣ наблюденія производились дважды, и что январь одного года былъ гораздо холоднѣе января другого года; если я не ошибаюсь, то разница выражалась пятью градусами Реомюра. Вслѣдствіе этого повтореніе наблюдений крайне желательно: необходимо рѣшить, которая изъ двухъ температуръ нормальна.

Съ Худяковымъ впоследствии я болѣе не говорилъ; его перевели въ Усть-Янскъ или куда-то въ другое мѣсто, и это послужило исправнику Бубякину достаточнымъ основаніемъ отнять у него инструменты. Благодаря этой совершенно неумѣстной заботливости о казенномъ яко бы имуществѣ (а именно о двухъ моихъ термометрахъ) пропалъ совершенно даромъ прекрасный случай получить многолѣтнія наблюденія. Все это имѣло видъ, какъ будто благородный исправникъ заботился не столько о сохраненіи казеннаго имущества (которому не грозило никакой опасности, такъ какъ Худяковъ и на новомъ своемъ мѣстѣ жительства находился подъ строжайшимъ наблюденіемъ полиціи), какъ о томъ, чтобы насолить несчастному сосланному, отнявъ у него занятіе, которое было ему пріятно и помогало коротать долгіе, томительные дни одиночества.

¹⁾ Въ текстѣ это примѣчаніе выпущено на 20-й строкѣ 44-й стр.

16. Въ объясненіи къ картѣ я подробно излагаю, что Верхоянскій хребетъ, какъ настоящій крайній хребетъ, имѣетъ только одинъ высокій склонъ, именно южный, и что къ сѣверу онъ опускается очень постепенно. Вслѣдствіе этого страна, если проходить по ней на широтѣ Верхоянска, вовсе не имѣетъ характера горной страны, а представляетъ изъ себя высокое плато. Верхнее и среднее теченіе большихъ правыхъ притоковъ Яны, т. е. могучая Адыча съ ея притоками Бѣрылахомъ, Нелгэгъ и Тостахомъ, сопровождается еще, какъ говорятъ, высокими горами (тамъ вовсе нѣтъ луговъ, такъ что якуты избѣгаютъ эту страну), но дорога на Колымскъ уже совершенно ровна. Мои спутники, которые, какъ уже было сказано, взяли нѣсколько болѣе южное направленіе (именно они свернули у урочища Чепаны на Ленѣ), должны были подняться на очень высокій горный хребетъ, чтобы выдти на рѣчку Хапчагай и вмѣстѣ съ тѣмъ проникнуть въ долину Бѣрылаха. Между тѣмъ мнѣ кажется, что слово «высокій» слѣдуетъ передать тутъ «крутымъ», такъ какъ очевидно, что имъ пришлось взобраться только на склонъ долины Яны, котораго мы избѣгли благодаря тому, что ѣхали прямо на Верхоянскъ, и такимъ образомъ не покидали долины этой рѣки. Какъ Яна, такъ и Адыча, Тостахъ и другіе большіе притоки вырыли себѣ подобно Ленѣ глубокія и широкія долины; но это не измѣняетъ характера страны, не мѣшаетъ ей являться высокимъ плато, а доказываетъ только, что абсолютная высота мѣстности на широтѣ города еще очень значительна. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ Ыгнахъ-Хасей и Кигеляхъ-Тасомъ, которые, круто возвышаясь со всѣхъ сторонъ, образуютъ мощный, врѣзывающійся въ уголъ между Яною и Адычею горный массивъ, горизонтальное простираніе котораго крайне ничтожно. Продольная ось горнаго массива имѣетъ въ длину около пятидесяти верстъ; не доходя приблизительно двадцати верстъ до слиянія Яны съ Адычею, онъ довольно круто обрывается на сѣверъ, къ югу же отсылаетъ отъ обѣихъ главныхъ вершинъ еще другой, нѣсколько болѣе низкій хребетъ, который однако тоже не дохо-

доть до Колымской дороги. На обѣихъ вершинахъ Бунге нашель границу лѣса почти на 2000 футахъ надъ уровнемъ моря, отдѣльные же корявые экземпляры *Pinus Cembra pumila* распространялись за 3000 футовъ абсолютной высоты.

17. Изъ Якутска въ урочище Табалахъ можно попасть разными путями, но тутъ всѣ дороги соединяются, потому что изъ этого мѣста перейти хребетъ Тасъ-Хаяхтахъ удастся только по одному перевалу, по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ оставленъ путь по южному Догдо, выходящій на Зашиверскъ. Но чтобы попасть и на этотъ послѣдній, не легко избѣгнуть Табалаха, такъ какъ къ югу снова встрѣчаются горы и опять нѣтъ луговъ. Въ объясненіяхъ къ картѣ указано, какъ замѣчательно повліяла на географію системы Япы едва замѣтная рѣчка, которая, собственно говоря, представляетъ изъ себя вису, или каналъ, соединяющій цѣлый рядъ мелкихъ озерковъ. Это можно объяснить себѣ только тѣмъ, что названіе Табалахъ очень хорошо знакомо на сѣверѣ каждому, кому приходится путешествовать въ Колымскъ, а потому ученые географы Иркутскаго Главнаго Штаба заключили изъ этого, что Табалахъ долженъ быть большой рѣчкой. Рѣчка, если ее уже такъ называть, имѣетъ серьезное значеніе исключительно для ѣдущихъ въ Колымскъ, потому что рядъ озеръ, которыя тянутся тамъ по лѣвому берегу Тостаха, доставляетъ большое количество покосовъ; благодаря этому тамъ поселились якуты, которые не только пользуются достаточнымъ количествомъ корма для своихъ стадъ, но и заготавливаютъ ежегодно для проходящихъ мимо каравановъ большое число стоговъ сѣна. Однако это крайнее восточное поселеніе якутовъ: на востокъ отъ Тостаха на болѣе или менѣе значительномъ протяженіи нѣтъ уже болѣе пастбищъ, а вскорѣ затѣмъ начинается хребетъ Тасъ-Хаяхтахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ тянется на нѣсколько сотъ верстъ абсолютно необитаемый участокъ земли.

18. Моя оцѣнка разстоянія между Верхоянскомъ и Средне-Колымскомъ на сорокъ пять верстъ короче, чѣмъ сдѣланная моими

спутниками, съ обыкновенно же принимаемой правительствомъ цифрой (1415) она расходится на 105 верстъ. Тѣмъ не менѣе я того убѣжденія, что правильное измѣреніе цѣпью значительно сократитъ и мою цифру. Топографъ говорилъ мнѣ, что снятые лишь при помощи пель-компаса маршруты всегда нѣсколько длиннѣе дѣйствительныхъ, и что даже у очень опытныхъ работниковъ ошибка въ среднемъ въ шесть верстъ на сто встрѣчается не особенно рѣдко. Этотъ же самый опытъ вынесъ также и я самъ: при нанесеніи на карту, несмотря на всѣ предосторожности во время наблюденій, мнѣ приходилось сокращать снятыя разстоянія. Эго имѣло значеніе уже при короткихъ маршрутахъ и въ сравнительно однообразной мѣстности; когда-же приходится проходить большія разстоянія, да къ тому въ очень разнообразной мѣстности, и нѣтъ возможности дѣлать время отъ времени вѣрныхъ астрономическихъ опредѣленій, ошибки начинаютъ сильно мѣшаться, — но онѣ всегда таковы, что разстоянія выходятъ черезъ-чуръ велики. Далѣе въ текстѣ подробно указывается на тѣ обстоятельства, которыя дѣлаютъ данныя, получаемыя отъ якутовъ, особенно неточными, а въ виду того, что разстоянія, принятыя правительствомъ, основаны исключительно на якутской оцѣнкѣ, несомнѣнно, что они значительно превышаютъ дѣйствительныя.

19. Въ данномъ случаѣ у меня нѣтъ никакихъ мало-мальски вѣрныхъ источниковъ, а потому я не нанесъ на свою карту Русскую Россоху. Между людьми, въ остальномъ прекрасно знавшими дороги въ глуши, я не могъ найти ни одного человѣка, который зналъ бы хорошо дорогу на Зашиверскъ. Въ мое обратное путешествіе въ Якутскъ я сдѣлалъ распоряженіе еще въ Колымскѣ, чтобы на Селегняхъ меня встрѣтилъ тунгузъ, который могъ бы дать о ней вѣрныя свѣдѣнія. Какъ я узналъ впоследствии, этотъ человѣкъ дѣйствительно былъ тамъ и прождалъ меня цѣлую недѣлю; но меня задержалъ на пути цѣлый рядъ несчастныхъ случаевъ, такъ что я достигъ названной рѣки только гораздо позже, тун-

*

гузь же не могъ ждать такъ долго. Хотя я и нашелъ на Селегняхъ другаго тунгуза, который тутъ охотился и отлично зналъ всю округу на большомъ разстояніи, но тѣмъ не менѣе онъ не могъ дать мнѣ никакихъ свѣдѣній о Россохѣ: онъ не имѣлъ никакого дѣла съ торговыми путями, а ходилъ за дичью лишь по своимъ собственнымъ тропамъ. Ему было извѣстно большое количество ручьевъ, но исключительно подъ тунгузскими названіями, и изъ его рассказовъ нельзя было заключить, относятся ли они къ названной тутъ и отличающейся дурною славою глубокой долиной. Какъ Сордахъ, такъ и Бѣрылахъ съ его притоками берутъ начало въ горной странѣ, образуемой Кэхъ - Тасомъ и отдѣляющимся отъ него Тасъ-Хаяхтахомъ. Эта горная страна простирается на сѣверъ до впаденія Селегняха въ Индигирку и прорѣзана по всѣмъ направленіямъ горными цѣпами.

20. Ловля рыбы неведомъ подо льдомъ очень распространена по всей Якутской области и часто даетъ очень прибыльный ловъ. Люди утверждаютъ, что во время сильныхъ холодовъ рыба стоитъ неподвижно густыми стадами и что для удачнаго лова необходимо, слѣдовательно, наткнуться на такое стадо или, какъ они тамъ называютъ, табунъ. Это, конечно, всегда дѣло счастливаго случая, но я самъ видѣлъ въ Вилюйскомъ округѣ, какъ ловцы, вытянувъ два-три раза пустыя сѣти, какими нибудь двумя цугами въ другомъ направленіи имѣли такую удачу, что сѣти рвались отъ количества рыбы. Для подобной ловли во льду сначала дѣлается нѣсколько большихъ прорубей, и только по окончаніи этой работы принимаются за установку сѣтей. Въ одну изъ такихъ большихъ прорубей опускаютъ неводъ, а затѣмъ острымъ желѣзнымъ ломомъ пробиваютъ во льду два ряда мелкихъ дырокъ, въ которыя всовываются жерди съ крючками, служащія для направленія длинныхъ, тонкихъ прутьевъ, посредствомъ которыхъ сѣть направляется подо льдомъ до слѣдующей большой проруби, изъ которой и вытягивается неводъ. Большія проруби содержатся открытыми даже въ очень силь-

ные морозы постояннымъ удаленіемъ вновь образующагося льда; это продолжается до тѣхъ поръ, пока озеро не перестанетъ доставлять добычу, послѣ чего рыбаки переходятъ на другое.

21. Впослѣдствіи будетъ сказано подробнѣе объ охотѣ на оленей при ихъ переправѣ черезъ Анадырь, тутъ же надо замѣтить, что такого рода охота была еще во времена Врангеля очень прибыльна на большомъ Анюѣ. Съ теченіемъ времени олени подвинулись далѣе на востокъ, а потому ихъ колютъ въ настоящее время только на одномъ Анадырѣ.

22¹⁾. Кольмскій округъ очень слабо населенъ; именно, число якутовъ, принадлежащихъ къ нему, всего на всего 3500 душъ обо-его пола. Они составляютъ одно цѣлое, одинъ улусъ, который въ свою очередь распадается на десять подраздѣленій или наслеговъ. Во главѣ каждаго наслега стоитъ староста, а во главѣ улуса голова, который избирается на три года старостами изъ ихъ же среды. Человѣкъ, который въ то время занималъ этотъ постъ и жилъ по близости станціи и озера Бержестяхъ, былъ весьма дѣльный и отлично понималъ свое дѣло. Тогда онъ владѣлъ еще прекрасными стадами и пользовался полнымъ достаткомъ, но лѣтомъ 1870 года онъ все потерялъ. Какъ разъ въ области этихъ озеръ разразилась эпидемія сибирской язвы, ужасной болѣзни, опасной не только для лошадей и скота, но заражающей также и людей. Несмотря на сѣверное положеніе, жаркіе дни іюня мѣсяца въ пропитанныхъ водою болотахъ Кольмскаго округа порождаютъ, повидимому, такія же лихорадки какъ и въ степяхъ Барабы. Черезъ извѣстные промежутки времени эпидемія этой болѣзни вспыхиваетъ то тамъ, то сямъ въ области озеръ, и если не удастся достаточно скоро угнать стада изъ окрестностей, то всѣ они безошадно погибаютъ. Лѣтомъ

¹⁾ Прим. 22 относится къ стр. 59, строка 3 снизу.

1870 года голова какъ разъ уѣхалъ въ Якутскъ, а по возвращеніи нашелъ почти все стадо уничтоженнымъ. Въ Барабинской степи такое несчастіе не имѣетъ еще столь важнаго значенія, потому что изъ южной части Киргизскихъ степей всегда можно снова получить скотъ, такъ что черезъ нѣсколько лѣтъ стада снова достигаютъ прежнихъ размѣровъ. Но къ сѣверу отъ Верхоянскаго хребта дѣло сильно усложняется тѣмъ, что плодливость какъ лошадей, такъ и коровъ очень слаба, и приростъ стада вслѣдствіе этого идетъ очень медленно.

24¹⁾. Ламутъ является во всѣхъ отношеніяхъ щеголемъ дикаго захолустья: стоитъ только взглянуть на его одежду, которая, будучи легкой и удобной, не только не стѣсняетъ движеній тѣла, но и такъ всегда разукрашена, какъ только позволяютъ ему средства. Кафтанъ изъ оленьихъ шкуръ шить всегда съ большою тщательностью: на цвѣтъ идущихъ на него шкурокъ обращается большое вниманіе, вслѣдствіе чего кажется, что платье шито изъ одноцвѣтной матеріи, а не изъ сильно варьирующихъ въ своихъ отгѣнкахъ шкурокъ животныхъ. Сапоги, поясъ, огнестрѣльное оружіе, колчанъ и все остальное, что онъ имѣетъ на себѣ и вокругъ себя, изящно украшено шитьемъ и рѣзбой; однимъ словомъ, на стройномъ и ловкомъ ламутѣ все взятое вмѣстѣ производитъ пріятное впечатлѣніе. Но особенное вниманіе обращаютъ женщины и дѣвушки на свой нарядъ. Подобно мужчинамъ, онѣ носятъ открытый спереди кафтанъ, не покрывающій груди; эту послѣднюю прикрываетъ вплоть до живота нѣчто въ родѣ жилетки, которая однако спереди совершенно закрыта и у мужчинъ разукрашена мелко вырѣзанными кистями изъ кожи, у женщинъ же во всю длину обшита бусами. Любимыми цвѣтами ламута являются, очевидно, синій и бѣлый, вслѣдствіе чего грудная вставка всегда вышита синими арабесками

¹⁾ Прим. 23 въ русскомъ переводѣ становится излишнимъ.

по бѣлому фону. Встрѣчаются также черныя и красныя бусины, но ихъ употребляютъ лишь въ очень незначительномъ числѣ, частью для тѣней, частью же для того, чтобы сдѣлать костюмъ наряднѣе. Волосы, которые почти всегда содержатся въ порядкѣ, переплетены нитками крупныхъ бѣлыхъ и голубыхъ бусъ и составляютъ пріятный для глаза контрастъ съ почти постоянно высклоченными головами чукотскихъ женщинъ. Все это стоитъ большихъ денегъ, такъ какъ торговцы, отлично зная пристрастіе ламутокъ къ нарядамъ, заставляютъ дорого платить за свои стекляшныя бусы. Серебряныя монеты, которыя ламутки тоже носятъ въ волосахъ, очевидно составляютъ семейное достояніе и передаются по наслѣдству отъ матерей къ дѣтямъ и внукамъ, потому что среди нихъ встрѣчаются очень старыя и въ Азіи несомнѣнно очень рѣдкіе экземпляры. Такъ напр., въ кося одной ламутки на ярмаркѣ въ Островномъ я нашелъ монету величиною съ рубль и съ надписью Людовикъ XIV. Ламуты переносятъ свою любовь къ красотѣ и изяществу также и на свое жилище и утварь. Уроса, представляющая изъ себя у якутовъ большой, высокій и открытый сверху конусъ изъ воткнутыхъ въ землю и сдерживаемыхъ кольцомъ на верхнемъ концѣ жердей, которыя покрываются возможно однообразными кусками бересты, имѣютъ совершенно иной видъ у ламутокъ. Впрочемъ цѣль и назначеніе уросы у якутовъ совершенно иныя, чѣмъ у ламутокъ. Первые живутъ преимущественно въ юртѣ, но состоятельные якуты очень охотно устраиваютъ себѣ на лѣто уросу, съ одной стороны потому, что въ ней всегда прохладно и много воздуха, а съ другой, въ лѣтнее время паразитовъ въ юртѣ становится всетаки черезъ-чуръ много. Такимъ образомъ якутъ очень легко можетъ обходиться и безъ уросы, для него она представляетъ изъ себя предметъ роскоши, которую можетъ позволить себѣ только состоятельный человѣкъ. Тунгузу же и ламуту уроса служить единственнымъ жилищемъ, да они и не могутъ жить ни въ какомъ другомъ, имъ повсюду слишкомъ тѣсно и непривольно. Но въ виду того, что ламуты постоянно находятся въ странствованіяхъ,

ураса его имѣеть очень малые размѣры, и устроена такъ, что ее легко нагрузить и увезти на спинѣ такого слабаго животнаго, какъ олень. Жерди сдѣланы такъ легко и удобно, какъ только то допускаеть требуемая отъ нихъ прочность, а на берестовую покрывку обращается особенное вниманіе. Бѣлая береста спшивается двойнымъ слоємъ въ длинныя полосы шириною въ локоть; она тщательно разглаживается и становится мягкой и гибкой отъ выдѣлки, а въ концѣ концовъ по ней выводятся красивые узоры изъ бусъ и пестрыхъ кусочковъ кожи. Такая ураса очень изящна, ее легко снять, уложить и вновь поставить, потому что гибкія полосы бересты, около десяти футовъ длиною, легко скатать и прикрѣпить къ спинѣ оленя.

25. Въ данномъ случаѣ дѣло касается такъ называемаго закона тайги. Тайгою въ Сибири называется мало обитаемая глушь. Такого рода законовъ имѣется большое множество, и несмотря на то, что они нигдѣ не записаны, исполняются они въ точности. Въ русскихъ деревняхъ и селеніяхъ обыкновенно въ ходу общее государственное право; но въ случаѣ возникновенія гражданскихъ дѣлъ среди инородцевъ принимаются въ расчетъ еще и обычай тайги. Уголовныя же дѣла судятся всегда по государственнымъ законамъ. Въ разсматриваемомъ случаѣ дѣло идетъ о принятомъ изстари обычаѣ: осенью, какъ только дикій сѣверный олень готовится къ переселенію на югъ, по всему теченію рѣки Анадыра запрещается стрѣлять изъ огнестрѣльнаго оружія. Ламуты, которые вообще не интересуются общественными предпріятіями, вовсе не заботятся объ исполненіи этого обычая; тѣмъ не менѣе не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если бы исправнику подали жалобу, и было бы доказано, что извѣстное лицо дѣйствительно стрѣляло, то виновника пришлось бы наказать. Многіе изъ этихъ обычаевъ тайги сами по себѣ хорошо извѣстны чиновникамъ, но время отъ времени случается, что стороны ссылаются на такіе обычай, о которыхъ не приходилось слышать. Въ такихъ случаяхъ обращаются къ заслуживающимъ довѣрія

и вліятельнымъ лицамъ изъ инородцевъ, главнымъ образомъ къ старостамъ, показанія которыхъ о существованіи указываемаго обычая и берутся въ соображеніе.

Чтобы дать понятіе о значеніи, какое имѣеть въ жизни тѣхъ племенъ это обычное право, мнѣ кажется умѣстнымъ привести здѣсь нѣсколько примѣровъ подобныхъ обычаевъ. Прежде всего слѣдуетъ указать на то, что сибирскія племена, не исключая и якутовъ, считаютъ воровство еще за гражданское преступленіе, и въ томъ случаѣ, если въ немъ какъ нибудь не замѣшанъ русскій, оно всегда и судится какъ таковое. При этомъ характерно то, что въ основаніе вознагражденія за убытокъ, которое долженъ внести виновный, до сихъ поръ кладется еще животное, какъ нѣкогда единственный предметъ достоянія, принимавшійся въ расчетъ. Старинное правило гласить: «за одну ногу — одно животное». Если теперь украдены двѣ лошади, двѣ коровы или два теленка, то виновный, когда его удастся обнаружить, долженъ доставить восемь лошадей, коровъ или телятъ. Точно также поступаютъ, когда украденъ мѣхъ: похитителю тоже приходится платить на основаніи правила — по животному за ногу, т. е. уплатить вчетверо тѣмъ же, что украдено. Но несмотря на то, что съ теченіемъ времени списокъ вещей, которыя стоило красть, очень увеличился, люди всетаки въ общемъ придерживались того же правила: и во всѣхъ другихъ случаяхъ уличенный воръ долженъ былъ вознаградить вчетверо стоимость украденной вещи. Если же онъ не въ состояніи уплатить, то отдается потерпѣвшему въ качествѣ работника на опредѣленный, соотвѣтствующій стоимости вознагражденія срокъ; когда потерпѣвшій не нуждается въ работникѣ, онъ можетъ передать осужденнаго другому и въ этомъ случаѣ получаетъ его заработную плату.

Несмотря на противодѣйствіе церкви и правительства, большую роль играютъ въ бытѣ инородцевъ и брачныя обычая. По этимъ обычаямъ, дочери безусловно принадлежатъ своимъ родителямъ и не могутъ безъ ихъ согласія вступать въ бракъ, а

тѣмъ болѣе покидать родительскій домъ. У чукчей и коряковъ существуетъ обычай, по которому будущій зять отслуживаетъ тестю за дочь известное число лѣтъ, подобно тому, какъ прародитель Іаковъ служилъ за Ліу и Рахиль; у остальныхъ же народовъ существуетъ выкупъ невѣсты, или такъ называемый калымъ. Сватъ приходитъ къ отцу невѣсты и условливается съ нимъ о размѣрѣ калыма. Разъ это установлено, и калымъ въ видѣ лошадей и рогатаго скота окончательно переданъ тестю, приступаютъ къ свадьбѣ, т. е. къ передачѣ дочери, которая и отправляется теперь съ своимъ приданымъ въ домъ мужа. Противъ всего этого церковь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правительство, еще ничего не могли бы имѣть, да ничего и не имѣютъ; но вся бѣда въ томъ, что люди имѣютъ обыкновеніе заключать бракъ, не по церковнымъ обрядамъ, а ограничиваются на первыхъ порахъ простымъ семейнымъ договоромъ. Хотя духовенство и приложило всѣ свои старанія (по крайней мѣрѣ у якутовъ, которые по спискамъ всѣ значатся православными), однако ему не удастся вывести это злоупотребленіе. Церковный бракъ заключается у якутовъ, особенно у знатныхъ и богатыхъ, только въ такомъ случаѣ, если окажется, что мужъ можетъ рассчитывать на потомство. До тѣхъ поръ онъ медлитъ, и по его мнѣнію онъ имѣетъ на то полное право; онъ заявляетъ, что бралъ жену, чтобы имѣть дѣтей; но разъ женщина бесплодна, то она не выполняетъ своего назначенія, почему онъ и возвращаетъ ее обратно въ домъ отца. По обычаямъ своего народа онъ не дѣлаетъ этимъ преступленія, потому что отецъ отпущенной получилъ калымъ, который мужъ такимъ образомъ потерялъ; приданое же, принесенное женой, ей опять возвращается; слѣдовательно, ни одной изъ сторонъ нѣтъ причинъ жаловаться. Если же онъ обвѣнчался съ самага начала по церковному обряду, то онъ неразрывно связанъ на всю жизнь съ бездѣтной женщиной, такъ какъ, по законамъ православной церкви, бракъ есть таинство: онъ на всегда остается лишеннымъ всякой надежды имѣть потомство. Когда, наоборотъ, молодая женщина по какой нибудь причинѣ

не пожелаетъ остаться при мужѣ, отецъ ея можетъ потребовать ее обратно, но въ такомъ случаѣ долженъ вернуть калымъ, да кромѣ того при этомъ пронадаетъ и приданое. Тутъ нужно при-совокупить, что послѣдніе случаи бывають очень рѣдко, тогда какъ первые довольно часты. По обычнымъ взглядамъ якутовъ, на отпущенную такимъ образомъ женщину не падаетъ никакого позора, но на практикѣ людскія страсти и чувства относятся къ дѣлу не такъ спокойно и подобныя происшествія портятъ много крови. Во время моего пребыванія въ Вилюйскомъ округѣ въ 1865 году я имѣлъ возможность самъ наблюдать такой случай. Въ улусѣ Сунтарь, на среднемъ Вилюѣ, староста одного наслега женился на дочери такого же старосты, но другаго наслега. Оба они происходили изъ знатнѣйшихъ семействъ Хачи, или области, которую Вилюй омываетъ своимъ большимъ колѣномъ, на южномъ изгибѣ котораго находится Сунтарская церковь. Расположенные на этомъ полуостровѣ наслеги считаютъ себя, да и всѣми принимаются за самыхъ родовитыхъ; ихъ древніе роды ведутъ свое происхожденіе изъ области верхняго теченія Лены, и никто въ цѣломъ улусѣ не сомнѣвается, что голова можетъ быть избираемъ исключительно изъ этихъ знатныхъ и богатыхъ семействъ. Свадебный поѣздъ происходилъ съ большой торжественностью, но бракъ былъ заключенъ безъ содѣйствія церкви. Два года прошло въ полномъ безоблачномъ счастіи, недоставало только одного: оказалось, что женщина была бесплодна. Мужъ, ничего не давъ замѣтить женѣ, высмотрѣлъ себѣ другую подругу жизни, которую онъ могъ взять, понятно, только изъ круга высшей аристократіи. Окончивши благополучно переговоры по этому дѣлу, онъ безъ дальнѣйшихъ околичностей сообщилъ женѣ, чтобы она взяла свое приданое и возвращалась къ отцу, нотому что въ самомъ непродолжительномъ времени онъ собирается привести себѣ въ домъ другую жену. Дѣлать было нечего, ей пришлось уложить вещи, а онъ позаботился о томъ, чтобы ея довольно продолжительное путешествіе прошло благополучно и съ должнымъ ей почетомъ; вскорѣ послѣ того онъ взялъ себѣ другую жену. Въ

то время, какъ я прибылъ въ Сунтаръ, все это было уже свершившимся фактомъ; я узналъ обстоятельства дѣла уже тогда, когда отецъ отпущенной пришелъ ко мнѣ за совѣтомъ, какіе сдѣлать ему шаги, чтобы возстановить поруганную честь своей дочери. Но въ данномъ случаѣ нечего было дѣлать: если-бы онъ даже подалъ жалобу въ судъ, было бы трудно добиться обвиненія его бывшего зятя въ виду того, что его дочь сама согласилась отправиться въ домъ своего жениха безъ благословенія священника. Такимъ образомъ она не имѣла права жаловаться на нарушеніе брачнаго договора и на разрывъ союза, или по крайней мѣрѣ не могла рассчитывать добиться рѣшенія въ свою пользу. Очень характернымъ однако является то, что самолюбіе ихъ было настолько сильно оскорблено, что они сдѣлали попытку поколебать силу древняго обычая, сообразно которому сами же они прежде поступали. Но эти попытки довести съ ихъ стороны дѣло до суда очень осуждались якутами. Въ виду того, что обѣ спорящія стороны принадлежали къ знатнѣйшимъ родамъ, дѣло это надѣлало много шума, и очень уважаемые люди высказывали мнѣ свое мнѣніе, которое было крайне благопріятно для покинутой женщины. Правда, никто и не думалъ оспаривать правъ мужчины заботиться прежде всего о потомствѣ и отпускать жену, которая совершенно лишаетъ его надежды имѣть дѣтей; но послѣдняго-то по ихъ словамъ въ данномъ случаѣ вовсе не было. Они говорили, что чета жила слишкомъ короткое время въ супружествѣ, оба они были еще очень молоды и мужъ преспокойно могъ бы еще подождать нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ рѣшиться на такой шагъ. По мнѣнію всѣхъ благоразумныхъ людей тутъ были какія то другія причины, и не сдѣлай отецъ необдуманнаго шага и не обратись съ этимъ дѣломъ къ русскимъ властямъ, многое можно было бы еще измѣнить; но что теперь уже поздно, и что каждый долженъ оправдать человѣка, который развелся съ своей бесплодной женой. Таковы были взгляды вліятельныхъ людей, полагавшихъ, что общественное мнѣніе легко могло бы заставить мужа взять къ себѣ въ домъ первую жену,

а вторую, которая ее вытѣснила, отправить обратно къ отцу: причина, которую мужъ приводилъ въ свое оправданіе, была не достаточно уважительна.

Я указалъ здѣсь на важнѣйшіе изъ обычаевъ; но помимо ихъ существуетъ еще много другихъ, которыми управляется жизнь въ глуши и съ которыми встрѣчаешься на каждомъ шагу. Такъ напр., мнѣ часто случалось наблюдать, какъ провожавшіе меня люди, найдя въ силкахъ пойманныхъ животныхъ, не задумываясь вынимали ихъ преспокойно и брали себѣ. Такое дѣйствіе вполнѣ позволительно, но только въ томъ случаѣ, если добыча принадлежитъ къ числу съѣдобныхъ животныхъ, пушныхъ же звѣрей нельзя брать. Нѣтъ никакого преступленія въ томъ, что возьмешь животное годное для пищи; берущій обязанъ только, вынувши его, снова какъ слѣдуетъ насторожить силокъ, ловушку или какой либо другой снарядъ, чтобы животныя могли вновь попадаться. Точно также поступаютъ, если встрѣчаютъ сѣти, поставленныя на рѣкѣ или на озерѣ; мнѣ случалось даже, что какъ якуты, такъ и тунгузы, сами обращали мое вниманіе на то, что въ извѣстныхъ мѣстахъ рѣки, вдоль которой мнѣ приходилось ѣхать, поставлены сѣти; они предупреждали меня, что я найду въ нихъ свѣжую рыбу, но просили только, чтобы мои люди снова какъ слѣдуетъ поставили сѣти для ловли. Все это касается однако лишь съѣдобныхъ животныхъ, а то, что составляетъ цѣнный предметъ торговли, никто не имѣетъ права трогать. Люди, промысляющіе мамонтовыми клыками, отправляются на свой промыселъ обыкновенно весною, послѣ половодья. Когда рѣки вновь достигли своего обыкновеннаго уровня, они отыскиваютъ на свѣжеподмытыхъ мѣстахъ берега высовывающіеся изъ земли мамонтовы клыки. Найдя подобный клыкъ, нашедшіе помѣчаютъ его нѣсколькими надрѣзами и преспокойно оставляютъ на мѣстѣ, чтобы увезти въ удобное для того время. При этомъ они могутъ быть вполнѣ увѣрены, что никто не дотронется до ихъ находки, подобно тому, какъ никто не вынетъ изъ чужой ловушки пушнаго звѣря. Наконецъ слѣдуетъ замѣтить, что охотничьи районы от-

дѣльныхъ племенъ разграничены на основаніи древнихъ соглашеній, и что эти границы соблюдаются самымъ добросовѣстнымъ образомъ; впрочемъ, въ мѣстностяхъ, изобилующихъ пушнымъ звѣремъ, заинтересованныя лица сами не особенно строго стоятъ за свои права.

26. Ясакомъ называется подать, которую ежегодно должны платить сибирскія племена. Это единственная подать, которою они обложены. Отъ другихъ государственныхъ податей она отличается слѣдующими особенностями: во первыхъ, она поступаетъ не въ государственную казну, а въ собственный Его Величества кабинетъ; во вторыхъ, она платится не денежными знаками, а мѣхами, и при томъ такими, которые достаточно обыкновенны въ охотничьемъ районѣ извѣстнаго племени; берутся впрочемъ исключительно соболи, лисицы, бѣлки и горностаи. Таково было первоначальное опредѣленіе ясака, сдѣланное императрицей Екатериной II. Но эта государыня только санкціонировала то, что впервые ввелъ казакъ Петръ Бекетовъ, основатель и вмѣстѣ съ тѣмъ единственный дѣльный встарину управитель Якутской области. Въ третьихъ, ясакомъ облагаются не единичныя лица, а всегда цѣлое племя; въ этомъ заключается главнѣйшая заслуга Бекетова передъ несчастными и угнетенными якутами. Каждое племя и каждый родъ (въ данномъ случаѣ родъ понимается въ болѣе обширномъ смыслѣ и часто обнимаетъ собою цѣлый рядъ семействъ, связанныхъ между собою общностью происхожденія, такъ что число членовъ такого рода достигаетъ часто нѣсколькихъ сотъ душъ обоюгаго пола) обложены опредѣленнымъ числомъ шкурокъ извѣстнаго сорта мѣха. За правильность доставки ихъ долженъ отвѣчать исключительно староста, такъ что сборщику ясака вовсе не приходится имѣть дѣло съ членами отдѣльныхъ племенъ и родовъ.

Съ теченіемъ времени регламентація ясака потерпѣла измѣненіе только въ томъ отношеніи, что доставляемыя инородцами шкуры оцѣнены на деньги, и отъ собирающихъ ясакъ чиновни-

ковъ требуется, чтобы они не принимали шкурокъ ниже извѣстной стоимости; впрочемъ оцѣнка принята очень снисходительная. Далѣе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ Вилюйскомъ округѣ, правительство перестало принимать пушнину вслѣдствіе того, что послѣдняя оказывалась слишкомъ малоцѣнной, а потому стало требовать вмѣсто ясака деньги. Съ другой стороны, племена, платившія ясакъ мѣхами, которые въ торговлѣ стали значительно дороже, чѣмъ ихъ цѣнила ясачная комиссія, начали обращаться съ просьбами дозволить имъ платить на будущее время деньгами; такого рода ходатайства, понятно, всегда удовлетворялись. Помимо всего сказаннаго, есть еще одно обстоятельство, въ силу котораго платящіе ясакъ считаютъ его для себя болѣе выгоднымъ, чѣмъ другія подати: съ одной стороны размѣръ этого рода подати очень ничтоженъ, съ другой же — онъ не можетъ быть увеличенъ. Вслѣдствіе этого люди, платящіе ясакъ, всѣми силами придерживаются его, и ихъ очень трудно заставить перейти къ другой категоріи податей. Въ Сибири существуютъ три главныя группы, на которыя раздѣлено населеніе относительно платежа податей, а именно: на осѣдлыхъ, кочевыхъ и бродячихъ жителей; подъ послѣдними разумѣютъ охотниковъ и рыболововъ. Первая категорія должна платить подати полностью, подобно тому, какъ въ губерніяхъ Европейской Россіи платятъ крестьяне; вторая категорія обложена тоже податями, но отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ она освобождена; наконецъ третья — платитъ только ясакъ, да кромѣ того освобождена отъ воинской повинности; такимъ образомъ, послѣдняя категорія находится въ исключительно благоприятномъ положеніи. При такихъ условіяхъ очень понятно, что люди изъ всѣхъ силъ стараются уклониться отъ перехода изъ болѣе низшей податной категоріи въ болѣе высшую, какъ бы то слѣдовало при измѣненіи образа жизни даннаго лица или племени. Какъ только какое нибудь охотничье племя перестаетъ находить въ охотѣ главный источникъ своего существованія и переходитъ къ скотоводству, оно должно было бы переводиться, въ янтессахъ какъ казны, такъ и его собственныхъ, во вторую катего-

рію, а кочевому народу, занявшемуся главнымъ образомъ земледѣіемъ, переписываться въ первую. Но большею частью этого не случается; народонаселеніе до такой степени еще неразвито, что люди вовсе не въ состояніи оцѣнить тѣхъ выгодъ, которыя вытекають изъ перехода въ высшую категорію, и потому видятъ въ такомъ переходѣ исключительно повышеніе своихъ ежегодныхъ платежей, которому всѣми силами и противятся. Очень странное впечатлѣніе получаешь, если завернешь въ Забайкальѣ въ какойнибудь большой красивой деревнѣ, къ богатому хозяину, у котораго въ домѣ можно получить все, что доступно зажиточному крестьянскому хозяйству, и изъ разговора съ нимъ узнаешь, что онъ платитъ ясакъ. Онъ ведетъ свое происхожденіе отъ тунгузовъ, которые поселились болѣе ста лѣтъ тому назадъ среди крестьянъ Забайкалья, приняли осѣдлый образъ жизни, мало по малу начали заниматься земледѣіемъ, и въ концѣ концовъ до такой степени обрусѣли, что ровно ничѣмъ не отличаются отъ русскихъ, кромѣ того, что продолжаютъ звать себя тунгузами, числятся въ спискѣ послѣднихъ и платятъ ясакъ. Эти люди, благодаря постояннымъ смѣшаннымъ бракамъ, до такой степени измѣнились даже въ своей внѣшности, что исчезли всякіе слѣды азіатскаго типа въ образованіи черепа и лица; о тунгузскомъ языкѣ они уже давно не имѣютъ никакого понятія, а между тѣмъ они платятъ крайне ничтожный ясакъ въ то время, какъ ихъ сосѣди привлекаются ко всѣмъ тѣмъ податямъ, какія тяготѣють на крестьянствѣ.

Такія вещи могутъ происходить, конечно, лишь при томъ поверхностномъ и шаблонномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ, какія еще до сихъ поръ въ высшей степени присущи нашимъ чиновникамъ. Въ законѣ, дѣйствительно, сказано, что не слѣдуетъ силою принуждать бродячихъ и кочующихъ племень къ осѣдлому образу жизни, а только помогать имъ, по возможности облегчая переходъ къ нему, если они сами пожелаютъ. Чиновникъ выводитъ изъ этого, что онъ не можетъ принудить платить болѣе высокую подать даже и тѣхъ, которые сами того не же-

лаютъ, хотя и сдѣлались осѣдлыми уже много поколѣній тому назадъ; онъ терпѣливо ждетъ, пока имъ не придетъ это самимъ въ голову, а до тѣхъ поръ убытокъ терпитъ казна и, повидному, имѣются всѣ шансы на то, что она еще долго будетъ оставаться въ накладѣ.

27. Русское населеніе на Индигиркѣ и на Колымѣ вовсе незнакомо со ржанымъ хлѣбомъ; хотя время отъ времени оно и употребляетъ мучную пищу, однако приготовленіе хлѣба ему неизвѣстно. Главнѣйшая причина заключается въ томъ, что къ сѣверу отъ Верхоянскаго хребта до сихъ поръ хлѣбные злаки не воздѣлывались, да врядъ ли когда и будутъ разводиться; перевозка же хлѣба изъ Якутска вьюкомъ обходится тѣмъ дороже, чѣмъ дальше разстояніе. На Янѣ люди еще пекутъ хлѣбъ, потому что изъ Якутска до Верхоянска всего около восьми сотъ верстъ; въ виду того, что большая часть этого пути доступна оленьимъ нартамъ, провозъ туда обходится сравнительно дешево. Но нельзя сказать, чтобы и на Янѣ хлѣбъ ѣли ежедневно: онъ все таки и тутъ составляетъ извѣстную роскошь, которую часто можетъ позволить себѣ только состоятельный человѣкъ; на Индигиркѣ же и на Колымѣ съ такою пищею знакомы вообще лишь по наслышкѣ: онъ достается какъ лакомство развѣ тѣмъ, у которыхъ останавливаются мимоѣзжіе купцы, удѣляющіе своимъ хозяевамъ часть дорожныхъ запасовъ. Правда, что правительство содержитъ на обѣихъ рѣкахъ, въ центрахъ русскихъ поселеній, склады ржаной муки, но цѣны на нее такъ высоки, что населеніе обыкновенно ея вовсе не покупаетъ. Вслѣдствіе этого такіе магазины имѣютъ значеніе исключительно въ голодные годы, когда ловъ рыбы былъ неудаченъ и страшная нужда заставляетъ прибѣгать къ мукѣ правительственныхъ складовъ. Однако и въ подобныхъ случаяхъ хлѣба не пекутъ, а варятъ изъ муки родъ супа на водѣ съ незначительнымъ количествомъ рыбы; такъ населеніе и пробивается самое голодное время вплоть до весны, когда рыба начинаетъ вновь подниматься вверхъ по рѣкѣ.

Но въ годы такой крайности, когда бѣднымъ людямъ не удается даже ничего себѣ заработать, мука становится имъ еще менѣе доступною благодаря ея непомерно высокой цѣнѣ, доходящей на Янвѣ до четырехъ, а на Колымѣ до пяти и шести рублей за пудъ. Вслѣдствіе этого исправникъ имѣетъ предписаніе отпускать во время голода муку въ долгъ, чтобы впослѣдствіи снова собрать эти долги. Но при существующей бѣдности послѣднее не такъ-то легко: уплата недоимокъ откладывается съ года на годъ, потому что большею частью наступаетъ вновь голодъ прежде, чѣмъ уплачены старые долги. Если бы мука была достояніемъ казны, то было бы еще легко добиться, при посредствѣ генералъ-губернатора, сложенія недоимокъ, тѣмъ болѣе что дѣло касается, собственно говоря, безнадежныхъ долговъ, сдѣланныхъ въ годы крайней нужды. Но мука составляетъ собственность Якутской области и покупается на деньги изъ капитала, основаніе которому положено еще Трескинымъ.

Этотъ государственный человѣкъ пришелъ къ убѣжденію, что относительно главнѣйшаго предмета первой необходимости, хлѣба, вся Якутская область находится въ полнѣйшей зависимости отъ небольшого числа торговцевъ, крѣпко держащихъ хлѣбное дѣло въ своихъ рукахъ. Лена является единственнымъ путемъ сообщенія, по которому мука можетъ дешево доставляться изъ богатаго хлѣбомъ Балаганскаго округа Иркутской губерніи въ Якутскъ и даже къ самому устью рѣки. Но этотъ путь открытъ лишь короткое время: какъ только Лена покрывается льдомъ, всякая перевозка тяжелыхъ грузовъ прекращается. Въ то время, когда барки съ мукой спускались лѣтомъ внизъ по рѣкѣ, цѣны на муку падали, она становилась всѣмъ доступной и все оживлялось. Такъ обыкновенно продолжалось все лѣто, но затѣмъ наступало время, когда каждый, кто не имѣлъ намѣренія зазимовать въ Якутскѣ, начиналъ подумывать о возвращеніи домой. Иркутскіе торговцы попадали тогда не въ особенно пріятное положеніе: о проданномъ, конечно, заботиться не приходилось, но что же было дѣлать съ тѣмъ, что оставалось на ру-

какъ? Везти товаръ вверхъ по рѣкѣ обходилось слишкомъ дорого; торговля же зимой въ Якутскѣ рѣдко приносила барыши: такимъ образомъ они должны были стараться сбыть нераспроданный товаръ за мало-мальски сходную цѣну. Этого-то момента и дожидались съ нетерпѣніемъ два—три торговца, захватившихъ въ свои руки мучную торговлю. Мука представляетъ продуктъ, необходимый каждому русскому человѣку, но при бѣдности, въ общемъ преобладающей въ Якутской области, не каждый покупаетъ ее въ запасъ, тѣмъ болѣе, что за отсутствіемъ булочниковъ всѣ пекутъ хлѣбъ только для своего обихода. Такимъ образомъ вся непроданная мука съ барокъ поступала въ руки этихъ немногихъ торговцевъ и притомъ по цѣнамъ, которыя они сами назначали, послѣ чего потребители попадали въ полную отъ нихъ зависимость. Наученные горькимъ опытомъ, якутскіе купцы стали сплавлять внизъ по Ленѣ лишь столько муки, сколько они могли рассчитывать навѣрное распродать въ теченіе лѣта; мучная же торговля, собственно говоря, все таки оставалась въ рукахъ нѣсколькихъ кулаковъ, которые непомерно наживались на счетъ населенія. Въ настоящее время, когда воздѣлываніе хлѣбовъ, хотя и очень медленно и съ большими затрудненіями, но тѣмъ не менѣе все больше и больше распространяется по сѣверу и уже проникло въ область Адана и Вилюя, сосредоточеніе торговли въ немногихъ рукахъ не столь опасно: земля начала сама доставлять хлѣбъ населенію. Во время Трескина положеніе было много тяжелѣе, и онъ нашелъ средство, которое, конечно, могло помочь только впоследствии, но зато оказалось тѣмъ дѣйствительнѣе. Всѣхъ русскихъ и якутовъ—остальныя мелкія инородческія племена здѣсь въ расчетъ не принимались—онъ заставилъ платить по нѣсколько копѣекъ съ каждой мужской души и взыскивалъ этотъ налогъ очень энергично. Деньги поступали въ кассу Якутскаго Областнаго Управленія и, какъ только образовался небольшой капиталъ, Трескинъ началъ закупать муку въ прилегающемъ къ верховьямъ Лены Балаганскомъ округѣ и сплавлять ее на баркахъ въ Якутскъ. Лѣтомъ,

пока съ барокъ иркутскихъ купцовъ мука продавалась по сравнительно низкой цѣнѣ, казенную муку не пускали въ продажу, а напротивъ, скупали остатки привезенной купцами; только зимой, когда якутскіе торговцы начинали поднимать цѣны, Трескинъ открывалъ свои склады для населенія и тѣмъ самымъ регулировалъ мучную торговлю. Сначала, когда капиталъ былъ невеликъ, дѣло подвигалось медленно, но съ каждымъ годомъ онъ росъ и вмѣстѣ съ тѣмъ закупка муки производилась все въ болышихъ размѣрахъ. Во время моего пребыванія въ Якутскѣ, т. е. въ 60-хъ годахъ, налогъ былъ отмѣненъ, такъ какъ образовался уже капиталъ въ двѣсти тысячъ рублей, вполне достаточный для того, чтобы обезпечить страну, потому что въ Якутскѣ, гдѣ въ настоящее время завѣдуютъ расходованіемъ капитала, всегда держались стараго правила не вести торговлю мукой отъ себя, а только регулировать ее. Но казенные мучные магазины продаютъ товаръ только за наличныя деньги; торговля же въ долгъ производится по особому распоряженію губернатора, когда наступаетъ слишкомъ большая нужда. По самымъ условіямъ возникновенія и по назначенію капитала въ немъ не допускается никакихъ потерь, хотя бы въ видѣ прощенія долговыхъ обязательствъ. Впрочемъ въ годы болышихъ бѣдствій, время отъ времени наступающихъ на сѣверѣ, муку отпускали и безвозмездно, стараясь вознаградить убытки причисленіемъ ихъ къ покупной цѣнѣ муки и соотвѣтственнымъ увеличеніемъ ся продажной цѣны. На это рѣшались несмотря на уставъ, по которому мука должна была продаваться, какъ въ самомъ Якутскѣ, такъ и въ округѣ, по покупной цѣнѣ, включая, конечно, расходы по доставкѣ въ мѣстный магазинъ и съ надбавкой 6% на оборотный капиталъ. По послѣднему расчету мука стоила въ самомъ Якутскѣ немного дороже, чѣмъ въ Иркутскѣ, потому что закупалась она въ Балаганскомъ округѣ, самомъ плодородномъ во всей Иркутской губерніи, а перевозка внизъ по Ленѣ очень дешева.

Дорога была мука только на Индигиркѣ и Колымѣ, благодаря издержкамъ по доставкѣ, которыхъ, однако, нельзя было

устранить. Но, чтобы хотя немного помочь и тамошнимъ жителямъ въ голодныя времена, нашли способъ, который дѣлаетъ большую честь завѣдующимъ капиталомъ, т. е. Управленію Якутской Области и который, кажется, вполне достигаетъ цѣли. При этомъ исходили изъ неоспоримаго положенія, что мука и особенно хлѣбъ не представляютъ необходимаго пищевого продукта для обитателей обѣихъ названныхъ рѣкъ; по этому нѣтъ никакой нужды снабжать ихъ мукой по пониженной цѣнѣ въ ущербъ другимъ. Между тѣмъ при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ мука безусловно необходима для того, чтобы спасти населеніе отъ голода, и тогда нужно было ее туда доставлять, да къ тому же по той цѣнѣ, которая не превышала бы существующей въ Якутскѣ. Но для этого, какъ легко вычислить по опыту прежнихъ лѣтъ, нужно такое незначительное количество муки, которое можетъ вовсе не приниматься въ расчетъ сравнительно съ общей массой ея, продаваемой въ Якутскѣ. Руководясь этими соображеніями, разрѣшили верхоянскому и колымскому исправникамъ продавать муку изъ расположенныхъ по Индигиркѣ и Колымѣ складовъ по якутскимъ цѣнамъ, но къ сожалѣнію упустили изъ виду пояснить, что распоряженіе это касается исключительно голоднаго времени и что мука должна отпускаться въ строго опредѣленномъ количествѣ на каждую душу. Будь это очень разумное условіе выполнено, тамошнее населеніе было бы вполне обеспечено на случай нужды, а мука въ Якутскѣ вздорожала бы на какія нибудь двѣ—три копѣйки пудъ. Это простое, вѣрное постановленіе и рѣшено впоследствии привести въ исполненіе, — оно несомнѣнно окажетъ услугу жителямъ. Крайне характернымъ является то обстоятельство, что неясность въ предписаніи повела къ обманамъ и барышничеству, послѣдствія которыхъ почувствовали не только мѣстные жители, но и я самъ съ моими товарищами по путешествію. Мой предшественникъ по должности, Анатовскій, который уѣхалъ и сдалъ постъ своему помощнику еще лѣтомъ, получилъ разрѣшеніе продавать муку по якутскимъ цѣнамъ до своего отъѣзда. Онъ немедленно же открылъ продажу и, ни мало не

задумываясь, отпускалъ муку въ неограниченномъ количествѣ каждому желающему. Въ виду того, что въ очень непродолжительномъ времени нашлись люди, понявшіе выгоду положенія, вся мука очень быстро перешла въ ихъ цѣпкія руки, такъ что почувствовался даже недостатокъ ея. Между тѣмъ спросъ на муку со стороны все тѣхъ же лицъ продолжался и магазины совершенно опустѣли. Но въ распоряженіи исправника Анатовскаго были еще провіантскіе магазины, принадлежавшіе не Управленію Якутской Области, а военному вѣдомству, которое снабжало изъ нихъ провіантомъ казаковъ и чиновниковъ по извѣстнымъ правиламъ. Несмотря на то, что продажа изъ этихъ складовъ ни въ какомъ случаѣ не разрѣшалась, исправникъ отдалъ приказъ отпускать муку и изъ нихъ. Понятно, что и этихъ запасовъ хватило не надолго и скоро вся мука была въ частныхъ рукахъ. Въ концѣ декабря я пріѣхалъ въ Колымскъ и первымъ моимъ распоряженіемъ было предписаніе о выдачѣ слѣдующей мнѣ, какъ исправнику, муки, чтобы возможно скорѣе приступить къ приготовленію сухарей для нашего путешествія. Это важное дѣло я отложилъ до пріѣзда въ Колымскъ, чтобы напрасно не везти съ собою изъ Якутска большой тяжести. Я былъ назначенъ исправникомъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того года и для меня долженъ былъ уже накопиться запасъ муки, котораго при достаточной экономіи хватило бы для нашей экспедиціи. Въ отвѣтъ мнѣ сообщили непріятное извѣстіе, что и въ магазинѣ военного вѣдомства также больше нѣтъ муки. Къ сожалѣнію оно такъ и было: всѣ прежніе запасы какъ въ казенномъ, такъ и въ различныхъ магазинахъ продовольственнаго капитала были проданы по самымъ дешевымъ цѣнамъ въ руки спекулянтовъ, которые могли требовать за муку сколько хотѣли. Конечно они и не преминули такъ поступить; мало того, между торговцами нашлись даже люди, которые вообразили, что могутъ воспользоваться моимъ, по ихъ мнѣнію, безвыходнымъ положеніемъ, и нажиться на мой счетъ; они стали предлагать мнѣ ржаную муку по три рубля за пудъ, между тѣмъ, какъ изъ книгъ можно было убѣ-

даться, что въ магазинѣ они сами платили за нее всего по рублю. Но они слишкомъ туго натянули струны, которыя, конечно, порвались, — ихъ неумѣстныя притязанія не помѣшали мнѣ снабдить экспедицію мукой въ совершенно достаточномъ количествѣ. Оказалось, что эти господа покупали свой товаръ въ провіантскомъ магазинѣ, а такъ какъ хранящіеся тамъ запасы продавать ни подъ какимъ видомъ не допускалось, то я наложилъ запретъ на ихъ муку, пополнилъ отчасти магазинъ военнаго вѣдомства, торговцамъ же предоставилъ право жаловаться. Насколько я могъ узнать объ этомъ дѣлѣ, о которомъ въ другомъ мѣстѣ сообщу подробнѣе, они не воспользовались своимъ правомъ. Какъ уже сказано, обстоятельства этого интереснаго дѣла будутъ изложены въ другомъ мѣстѣ, но здѣсь мнѣ хочется привести еще примѣръ, до чего вообще доходила наглость этихъ кулаковъ. Въ Якутскѣ купцамъ отпускалась мука, которую они брались доставлять выюкомъ въ Средне-Колымскъ; они получали за ея доставку изрядную сумму, клали ее себѣ въ карманъ, а въ Колымскъ отправлялись безъ муки. Чтобы скрыть эту продѣлку, они сами или ихъ подставныя лица являлись тутъ къ смотрителю магазина и фиктивно покупали у него по якутскимъ цѣнамъ и за наличныя деньги разомъ всю муку, которую на самомъ дѣлѣ вовсе не привозили. Между тѣмъ Якутское Управленіе получало свѣдѣнія, что мука прибывала въ Колымскъ и продавалась тамъ и, понятно, не имѣло никакого повода тревожиться.

Производить удручающее впечатлѣніе то обстоятельство, что подобныя продѣлки въ состояніи парализовать самыя благія начинанія и приводятъ ихъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Можно считать за величайшее счастье, что въ то время, т. е. въ 1869, 70 и 71 годахъ въ Колымскомъ округѣ не было голода; случись это послѣднее, окружное управленіе очутилось бы въ самомъ беспомощномъ положеніи. До уменьшенія цѣнъ на муку магазины были всегда полны, а потому можно было доставить пропитаніе населенію, хотя бы по очень высокой цѣвѣ. Но Якутское Областное Управленіе задалось благою цѣлью

удешевить муку, чтобы приходиться на помощь населенію во время нужды, а на самомъ дѣлѣ достигло только того, что всѣ запасы округа перешли изъ рукъ правительства въ руки кулаковъ, которые и стали самымъ безсовѣстнымъ образомъ выжимать соки изъ населенія. Вѣдь они пробовали сдѣлать это и со мной, но въ дапномъ случаѣ имѣли дѣло съ болѣе сильнымъ; а какъ-бы сталъ бороться съ ними въ несчастіи какой нибудь рыболовъ или охотникъ за пушнымъ звѣремъ?—они неминуемо и безпомощно попали бы въ ихъ когти.

Какъ уже сказано, всему этому впоследствии былъ положенъ предѣлъ: въ Якутскѣ я нарисовалъ живую картину всѣхъ найденныхъ мною злоупотребленій и окружнымъ властямъ была дана подробная инструкція относительно условій выдачи муки по дешевой цѣнѣ,—время, количество и обстоятельства были точно определены. Несомнѣнно, что при такой строгой регламентаціи дѣло это должно было принести безусловную пользу. Впрочемъ, въ настоящее время я не имѣю о положеніи его никакихъ свѣдѣній, а вмѣстѣ съ тѣмъ наступили значительныя перемены въ условіяхъ хлѣбопашества и хлѣбной торговли Якутской области. По слухамъ страна производитъ теперь столько хлѣба, что привозъ его изъ Иркутской губерніи значительно сократился. Однимъ словомъ, мнѣ неизвѣстно, какими мѣропріятіями обезпечивается въ настоящее время населеніе въ случаѣ голода; знаю только одно, что такія мѣропріятія безусловно необходимы, такъ какъ страшныя голодовки, которымъ подвергаются жители, лежатъ въ самой природѣ мѣстности и съ ними приходится считаться. Точно также говорятъ, что нынѣшнее управленіе Якутской области собирается отказаться отъ перевозки хлѣба сухимъ путемъ черезъ Верхоянскъ и замѣнить ее доставкой муки на Колыму съ Охотскаго моря, т. е. изъ Гижигинска. Этотъ проектъ обсуждался много разъ и раньше, но несмотря на то, что онъ имѣлъ многое за себя, его все не приводили въ исполненіе, такъ какъ онъ былъ сопряженъ, съ другой стороны, съ такими большими и важными затрудненіями, что къ нему не рѣшались приступить. Такимъ

образомъ въ послѣднее время условія должны были сильно измѣниться, но мнѣ судить объ нихъ не представляется возможности.

28. Эти данныя относятся къ 1870 году. Очень вѣроятно, однако, что казацкая станица въ Нижнеколымскѣ въ настоящее время уже упразднена, потому что существованіе ея объяснялось только тѣмъ, что о ней совершенно забыли. Составлявшимъ ее казакамъ рѣшительно нечего было дѣлать; ихъ наряжали, впрочемъ, каждую весну въ Островное, чтобы они очищали мѣсто и дома отъ снѣга и запасали топливо до того времени, когда люди стануть собираться на ярмарку. Но это занятіе не представляло еще государственной службы, а потому не было никакой причины существовать и станицѣ. — Не менѣе странно и то обстоятельство, что какъ на Колымѣ, такъ и на Янѣ есть крестьяне. Конечно возникаетъ вопросъ, откуда могутъ взяться земледѣльцы въ странѣ, въ которой единственными источниками пропитанія являются охота и рыбная ловля? Такое странное явленіе можно объяснить только тѣмъ, что крестьяне по какой нибудь причинѣ нѣкогда были переселены сюда изъ другого мѣста; по крайней мѣрѣ въ архивахъ Якутска и Колымска я не могъ найти этому другаго объясненія. Подобныя переселенія не составляютъ рѣдкости и въ другихъ частяхъ Сибири; они случаются и до сихъ поръ. Если правительство находитъ по какимъ либо причинамъ нужнымъ заселить извѣстный пунктъ, оно дѣлаетъ это въ высшей степени простымъ способомъ. Въ ближайшихъ къ мѣсту деревняхъ оно обращается къ потребному числу крестьянскихъ семей и дѣлаетъ имъ предложеніе переселиться. Оно щедро надѣляетъ ихъ на новомъ мѣстѣ жительства землей, которой въ Сибири къ его услугамъ несчетное количество десятинъ, — принимаетъ на себя путевыя издержки, выдаетъ наличными деньгами сумму на первоначальное обзаведеніе и, наконецъ, самое главное, объявляетъ избавленіе отъ податей на извѣстное число лѣтъ. Послѣднее средство всегда достигаетъ цѣли, а если на него не поддаются, то не трудно оказать и нѣкоторое, даже вовсе не сильное

давление, которому люди и уступают обыкновенно безъ особеннаго неудовольствія. Впрочемъ къ послѣдному приходится прибѣгать лишь очень рѣдко. Да оно и вполнѣ естественно; русскій крестьянинъ не имѣетъ земельной собственности, онъ пользуется землею лишь временно; отсюда вытекаетъ съ одной стороны то, что у него нѣтъ ровно никакой привязанности къ ней, а съ другой — правительство, какъ единственный собственникъ, всегда можетъ сказать: «это поле я не отдамъ тебѣ болѣе въ аренду, но ты можешь получить за него другое, да въ придачу еще средства на обзаведеніе и освободиться на много лѣтъ отъ податей».

Такимъ образомъ, очень вѣроятно, что предки нынѣшнихъ крестьянъ, живущихъ на нижнемъ теченіи Колымы и Яны, на самомъ дѣлѣ были земледѣльцами въ мѣстахъ прежняго своего жительства; но тѣмъ не менѣе очень странно, что и по переселеніи къ побережью Ледовитаго океана ихъ оставили въ спискахъ крестьянъ и обложили податью, которую они платятъ еще до сихъ поръ, тогда какъ живущіе въ одинаковыхъ съ ними условіяхъ якуты и юкагиры обложены лишь ясакомъ.

29. Обитатели нижняго теченія Колымы и низовьевъ двухъ Анюевъ, предки которыхъ были русскіе, якуты и юкагиры, въ настоящее время составляютъ одно смѣшанное племя, составные элементы котораго различаются теперь лишь съ большимъ трудомъ. Это единственное мѣсто, гдѣ удалось совершенно обрусить якутовъ, повсюду сильно придерживающихся своихъ племенныхъ обычаевъ и особенностей; обрусѣніе такъ полно, что они едва знаютъ свой родной языкъ, говорятъ же и одѣваются по-русски. Въ остальныхъ частяхъ Якутской области сплошь и рядомъ наблюдается удивительное явленіе: русскіе необыкновенно легко превращаются въ якутовъ, принимаютъ якутскіе обычаи, одѣваются какъ якуты, живутъ въ юртахъ и наконецъ не только выучиваются бѣгло говорить по-якутски, но усваиваютъ себѣ только этотъ языкъ и совершенно забываютъ свой. Я умалчиваю

объ очень частыхъ единичныхъ случаяхъ этого рода, но только укажу на двѣ деревни по близости Олекминска и на деревню Нюрбу въ Вилюйскомъ округѣ. Въ первыхъ двухъ деревняхъ живетъ около 1800 душъ обоого пола, въ послѣдней приблизительно 300 человѣкъ. Всѣ три деревни богаты, жители ихъ занимаются хлѣбопашествомъ и, какъ обыкновенно въ тѣхъ мѣстахъ, преимущественно скотоводствомъ, — но населеніе ихъ почти сплошь превратилось въ якутовъ. Въ обѣихъ деревняхъ Олекминскаго округа у меня были служебныя дѣла съ головою, почему я и послалъ за нимъ; онъ явился, но мы не могли понять другъ друга. Полагая, что мнѣ предстоитъ имѣть дѣло съ русскими крестьянами, я не взялъ своего переводчика, голова же не понималъ ни слова по-русски. Я послалъ въ деревню за человѣкомъ, который зналъ бы русскій языкъ, но только послѣ долгихъ поисковъ привели мнѣ парня, съ грѣхомъ пополамъ говорившаго по-русски, и въ двухъ деревняхъ это былъ единственный человѣкъ, владѣвшій своимъ роднымъ языкомъ! Такимъ образомъ слишкомъ двѣ тысячи русскихъ, живущихъ вмѣстѣ, не могли отстоять своей національной самобытности и подчинились вліянію азіатскаго племени. Точно также и въ Якутскѣ довольно часто приходится слышать, что тамошніе жители, русскіе, говорятъ между собою не на своемъ родномъ языкѣ, а по-якутски. Мнѣ сообщали, что прежде это бывало и въ высшемъ кругѣ, но въ мое время тамъ всѣ говорили только по-русски, за исключеніемъ развѣ нѣсколькихъ старыхъ купчихъ, которые считали для себя болѣе удобнымъ болтать между собою по-якутски; среди простаго сословія послѣднее наблюдается однако очень часто. — Въ прямую противоположность этому, нѣтъ вовсе примѣровъ полваго обрусѣнія якутовъ, кромѣ лишь того наслѣга, который поселился на нижнемъ теченіи Колымы. Но мнѣ кажется, что именно то обстоятельство, что только одинъ этотъ наслѣгъ отказался отъ своихъ національных особенностей, и проливаетъ настоящій свѣтъ на явленіе, которое иначе остается совершенно непонятнымъ. Русскіе пришли въ Якутскую область въ сравнительно незначительномъ числѣ семей и

поселились въ странѣ, гдѣ могучая сѣверная природа должна была повліять на нихъ крайне энергично и навязать имъ образъ жизни, сильно противорѣчившій ихъ прежнимъ привычкамъ. Прежде всего они должны были оставить свое главное занятіе — хлѣбопашество и приняться за скотоводство. Но въ этомъ новомъ для нихъ родѣ промышленности они нашли себѣ образцовыхъ учителей въ древнихъ обитателяхъ страны и неминуемо должны были принять ихъ обычаи потому, что способы разведенія рогатаго скота и лошадей въ Якутской области значительно отличаются отъ принятыхъ въ остальной Россіи. Если кромѣ того принять въ соображеніе, что какъ среди первыхъ русскихъ завоевателей, такъ и среди позднѣйшихъ переселенцевъ — это можно, повидимому, наблюдать и до сихъ поръ — сильно преобладалъ мужской полъ надъ женскимъ и что благодаря этому новые пришельцы часто брали себѣ въ жены якутскихъ дочерей, то легко объяснить себѣ постепенное провикновеніе якутскихъ нравовъ и обычаевъ въ жизнь новыхъ повелителей. Совершенно другое мы видимъ у якутовъ: имъ нечего было перенимать отъ новыхъ пришельцевъ такого, что могло бы приносить матеріальную выгоду; точно также русскія дѣвушки, по крайней мѣрѣ въ древнія времена, не выдавались замужъ въ якутскія семьи. Далѣе, якутамъ было легко отстоять свою національную самобытность уже вслѣдствіе того, что численностію и сплоченностію они преобладали надъ покорившимъ ихъ народомъ. Но что послѣднее являлось не результатомъ духовнаго преобладанія, въ достаточной мѣрѣ доказываетъ тотъ единственный случай, въ которомъ обрусѣли якуты. Наслѣгъ колымскаго улуса, поселившійся на нижнемъ теченіи Колымы, отказался благодаря этому переселенію отъ образа жизни своего народа. Какъ уже часто было говорено ранѣе, якутъ является истымъ кочевникомъ и все его существованіе зависитъ отъ его стадъ; охота и рыбная ловля всегда, какъ и до сихъ поръ, были для него только побочными занятіями. Но на новомъ мѣстѣ жительства разведеніе скота оказалось невозможнымъ. Правда, и тамъ есть простран-

ства, покрытыя травою, но жесткія осоки (*Carices*) большихъ широтъ обладаютъ лишь незначительною питательностью; и если не исключена возможность держать на низовьяхъ Колымы нѣсколько коровъ и лошадей, то о настоящемъ скотоводствѣ или коневодствѣ не можетъ быть тамъ и рѣчи. Последнее хотя еще и не окончательно доказано, но почти несомнѣнно, иначе якуты никогда не отказались бы отъ кочевой жизни, разъ нашли бы ее возможной. Первоначальной родиной якутовъ была область истоковъ Лены. Отсюда они были постепенно и послѣдовательно вытѣсняемы за Верхоянскій хребетъ, но во всѣхъ пройденныхъ ими областяхъ остались они якутами, т. е. кочевниками. Вездѣ они настолько крѣпко держались своихъ обычаевъ и нравовъ, что нельзя замѣтить ни малѣйшей разницы ни въ языкѣ, ни въ одеждѣ, ни въ жилищѣ, ни въ утвари, если сравнить якутскую юрту на среднемъ теченіи Колымы съ высоко-аристократическимъ жилищемъ Хачи или области Лены. Только на нижнемъ теченіи Колымы дѣло измѣняется: тутъ уже нѣтъ юртъ, якутъ живетъ въ домѣ; здѣсь кочевникъ-скотоводъ превратился въ осѣдлаго рыболова; тутъ якутъ говоритъ по-русски, совершенно забывъ свой родной языкъ, и носитъ русское платье. — Живущіе въ Колымскомъ округѣ юкагры и чуванцы тоже давно потеряли свою національную самобытность, но немногочисленные остатки этихъ племенъ не могутъ быть сравниваемы съ якутами, да они и не обладаютъ достаточной силой для борьбы съ иноплеменными вліяніями, а потому они очукотились среди чукчей подобно тому, какъ обрусѣли, живя съ русскими.

30. Главнѣйшая причина голодовокъ, которымъ подвергаются жители области устьевъ сѣверныхъ рѣкъ, заключается въ томъ, что единственнымъ источникомъ ихъ существованія является рыболовство, а разстоянія между устьями отдѣльныхъ рѣкъ настолько велики, что въ случаѣ неудачнаго лова даже на какойнибудь одной изъ рѣкъ нельзя рассчитывать получить помощь съ другихъ. Въ наиболѣе благоприятныхъ усло-

віяхъ въ этомъ отношеніи находится еще Лена. Во первыхъ, рѣка эта необыкновенно многоводна, а дельта ея, простирающаяся слишкомъ на двѣсти верстъ и имѣющая безчисленное множество устьевъ, даетъ возможность войти такой массѣ рыбы, что недостатка послѣдней нечего бояться. Во вторыхъ, населеніе нижняго теченія Лены и ея дельты зависитъ не отъ одной этой рѣки: очень близко отъ нихъ расположено устье Оленека, а съ другой стороны крайне богатая рыбою и обширная губа Боръ-хая, особенно помогающая зимою. — Яна сравнительно незначительная рѣка; она много бѣднѣе рыбою, чѣмъ Лена, но за то и число прибрежныхъ жителей ея нижняго теченія не велико, а въ распоряженіи ихъ находятся многочисленныя озера, расположенныя къ югу отъ Святаго Носа и оказывающія населенію очень значительную помощь. — Индигирка и Колыма, при извѣстной предприимчивости ихъ обитателей, могли бы еще тоже прокормить населеніе въ плохіе годы, если бы для ѣзды тутъ употреблялись олени, а не выгѣснвшія ихъ собаки. Какимъ образомъ и когда случилось это замѣщеніе, трудно сказать съ точностью, но чреватый своими тяжелыми послѣдствіями фактъ на лицо и съ нимъ приходится считаться. Нельзя отрицать того обстоятельства, что собака, въ качествѣ упряжнаго животнаго, имѣетъ много преимуществъ передъ оленемъ. Ее легко обучить и она обладаетъ невѣроятной выносливостью, такъ что въ случаѣ несчастія несомнѣнно можетъ явиться спасительницей своего господина. Голодная, обезсиленная, тянетъ она нарту какъ по глубокому снѣгу, такъ и по оголенной землѣ, не обращая вниманія на то, что лапы ея иногда сильно повреждаются и оставляютъ кровяные слѣды; собака везетъ до тѣхъ поръ, пока вообще въ состояніи держаться на ногахъ. Далѣе, собака чисто домашнее животное, которое остается всегда у дома; запречь ее и пустить въ дѣло можно, поэтому, въ любое время. Наоборотъ, олень не можетъ жить у человѣческаго жилья и долженъ считаться обитателемъ пустыни. Лѣтомъ онъ ѣстъ еще траву и преимущественно ивовыя вѣтки, но и въ это время года его не находишь у

жиля, — его приходится угонять въ глушь; но послѣднее касается особенно зимы, когда олень придерживается исключительно моховой тундры, гдѣ онъ переходитъ съ мѣста на мѣсто, занятый откапываніемъ себѣ пищи изъ подъ снѣга. Такимъ образомъ, если онъ повадился для ѣзды, его нужно прежде еще найти или по крайней мѣрѣ держать для него сторожа; ничего подобнаго не требуетъ собака. Кромѣ того олень далеко не такъ выносливъ, какъ собака; при плохой пищѣ онъ быстро теряетъ силы и отказывается работать. Даже въ снѣжную бурю онъ является вовсе не такимъ надежнымъ спутникомъ, какъ собака, и измѣняетъ именно въ тотъ моментъ, когда болѣе всего рассчитываешь на его помощь. Когда вихрь бѣшено мчитъ по равнинѣ, лишенной на большомъ разстояніи всякой древесной и кустарной растительности, когда уже болѣе нельзя отличить, падаютъ ли хлопья съ неба или буря вздымаетъ снѣгъ съ земли, подобно тому какъ самумъ нагромождаетъ песочныя горы въ Сахарѣ, — собака нѣтъ-нѣтъ да и притащитъ нарту къ родному очагу: ея тонкое чутье даетъ ей возможность и въ разгарѣ самой ужасной непогоды находить дорогу къ дому, гдѣ она привыкла ежедневно получать свою пинцу.

Олень же не выноситъ встрѣчнаго вѣтра, его нельзя заставить долгое время бороться съ бурей, онъ всегда сворачиваетъ и старается бѣжать по вѣтру. По этой именно причинѣ, даже самый опытный путешественникъ по тундрѣ въ концѣ концовъ сбивается съ пути и перестаетъ соображать, гдѣ онъ находится. Принято однако за общее правило не бороться съ разсвирѣпѣвшею непогодой, если только какія нибудь побудительныя причины въ извѣстномъ случаѣ не потребуютъ этого: лишь только становится невозможнымъ разсмотрѣть окрестности, распрягаютъ животныхъ, ложатся и спокойно ждутъ пока буря утихнетъ. Несомнѣнно, что такое выжиданіе скучно, особенно, когда непогода продолжается нѣсколько дней, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно самое благоразумное: при этомъ сохраняются силы какъ животныхъ, такъ и людей, тогда какъ при блужданіи наудачу

только понапрасну изнуряешь ихъ и рискуешь довести до гибели. При поѣздкахъ на собакахъ въ такомъ случаѣ легко прокормиться захваченными съ собою запасами, но когда путешествуешь на оленяхъ, этихъ послѣднихъ приходится отпускать, чтобы они могли отыскивать себѣ пастбище,—а это всегда крайне опасно; во время бури олени разбѣгаются часто такъ, что ихъ потомъ не удается находить; иногда же случается, что, стараясь уйти отъ непогоды, они бѣгутъ до тѣхъ поръ, пока не погибнуть въ какой либо пропасти или не упадутъ отъ изнеможенія и не издохнуть. Всѣ эти непріятности, доставляемые оленемъ въ качествѣ упряжнаго животного, несомнѣнно существуютъ, но онѣ вовсе не такого рода, чтобы съ ними нельзя было справиться. Если чукчи могутъ ѣздить на оленяхъ по своей пустынной странѣ, то это не можетъ не удаваться и русскимъ; впрочемъ послѣдніе уже пользуются исключительно оленями на Ленѣ, а частью также и на Янѣ, гдѣ прежде собаки служили единственнымъ упряжнымъ животнымъ. Съ 1856 года тутъ снова завели оленей и въ настоящее время держатъ обоюродныхъ животныхъ, несмотря на непріятности, которыя влечетъ за собою подобное совмѣстное содержаніе собакъ и оленей въ одномъ и томъ же селеніи. Но всѣ дурныя стороны ѣзды на оленяхъ блѣднѣютъ передъ тѣмъ преимуществомъ, что это животное само себѣ отыскиваетъ пищу, благодаря чему его легко содержать. Однако еще важнѣе то обстоятельство, что олень питается не той пищей, на которую въ тѣхъ мѣстахъ исключительно осужденъ человѣкъ; это-то и имѣетъ во всякомъ случаѣ рѣшающее значеніе. При тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, въ которыя поставлено населеніе устьевъ сѣверныхъ рѣкъ относительно добыванія пищи, просто непростительно было заводить домашнихъ животныхъ, которыя питаются тѣмъ же, чѣмъ и человѣкъ. Можно ли будетъ путемъ болѣе полнаго пользованія богатствами, доставляемыми Ледовитымъ океаномъ, иными словами ловлею рыбы въ самомъ морѣ, въ любой годъ добывать достаточно пищи для населенія и для собакъ, — это особый вопросъ; но заниматься имъ въ настоящее

время нѣтъ никакого смысла, потому что пройдетъ еще много времени прежде, чѣмъ косное населеніе крайняго сѣвера возвысится до усовершенствованнаго пользованія рыбнымъ промысломъ. Пока стараются помочь дѣлу тѣмъ, что устроили рыбные магазины, которые могутъ давать средство по крайней мѣрѣ отчасти бороться съ ужасными голодовками. Распоряженія, сдѣланныя въ этомъ отношеніи правительствомъ, сами по себѣ были вполне цѣлесообразны, но исполнялись они, какъ это часто случается, очень неряшливо, а потому и принесли мало пользы. Въ Кольмѣ, которая насъ въ данномъ случаѣ болѣе всего интересуетъ, начиная съ весны, ловятъ слѣдующіе виды рыбы: нельму, муксуна, омуля и чира, затѣмъ тайменя и налима, къ которымъ осенью присоединяется еще осетръ. Муксунъ, нельма и омуль въ среднемъ достигаютъ отъ 30 до 50 фунтовъ вѣса; тутъ же слѣдуетъ прибавить, что ловящійся въ Сѣверномъ морѣ омуль носить развѣ только одно названіе той рыбы, которая въ Байкальскомъ озерѣ ловится въ такой массѣ, что составляетъ главную пищу простаго народа какъ въ Забайкальѣ, такъ и въ Якутской области. Чирь — мелкая рыба и вѣситъ рѣдко болѣе двадцати фунтовъ; наоборотъ, таймень достигаетъ вѣса трехъ пудовъ, налима болѣе пуда, а осетровъ ловятъ вѣсомъ до четырехъ пудовъ. Всю весну и все лѣто продолжается ловъ этой крупной рыбы, осетръ же, какъ уже сказано, входитъ въ рѣку еще позже, осенью; такимъ образомъ у людей достаточно времени, чтобы дѣлать запасы и готовить ихъ на зиму. Страннымъ образомъ рыбу въ Нижнеколымскѣ не солятъ, а сушатъ и дѣлается это такимъ способомъ: съ самыхъ крупныхъ и хорошихъ рыбъ срѣзаютъ кожу такъ, что на ней остается слой мяса въ три четверти дюйма толщиною; снятую такимъ образомъ часть вѣшаютъ для просушки, либо просто на воздухѣ, или же въ коптильнѣ; то же самое продѣлываютъ съ остовомъ, на которомъ оставляютъ также значительный слой мяса. Приготовленная какъ слѣдуетъ этимъ способомъ рыба составляетъ очень вкусную и здоровую пищу; она носитъ названіе *юкколы* и отлично

сохраняется въ теченіе цѣлаго года. Кромѣ того существуетъ еще другой способъ заготовки въ прокъ, и тогда рыбѣ даютъ названіе *порсы*: на половину провяленную на воздухѣ рыбу освобождаютъ отъ костей, разрубаятъ на мелкіе куски, и варятъ съ рыбьимъ жиромъ; сваривши такимъ образомъ, ее сохраняютъ въ боченкахъ и обыкновенно берутъ съ собою въ путешествіе, потому что она представляетъ собою сравнительно очень удобную форму консерва. Идущій на приготовленіе порсы жиръ добывается изъ чира, у котораго онъ наполняетъ почти всю полость тѣла; тутъ онъ въ видѣ жироваго лоскута прилегаетъ къ кишечнику и вынимается при чисткѣ рыбы. Къ сожалѣнію погода въ Нижнеколымскѣ не всегда благопріятна для явленія на воздухѣ, а потому сплошь и рядомъ случается, что пропадаютъ это рода приготовленные запасы. Тѣмъ не менѣе это не побуждаетъ до невѣроятности лѣнивыхъ и безпечныхъ людей солить свою рыбу, хотя правительство и снабжаетъ ихъ въ неограниченномъ количествѣ солью по якутскимъ цѣнамъ. Безпечность и легкомысліе тамошняго населенія превосходятъ всякую мѣру. Лишь только прошла зима и первые табуны рыбы начинаютъ подыматься вверхъ по покрытой еще льдомъ рѣкѣ, тотчасъ же разомъ измѣняется картина жизни селенія: всѣ приступаютъ къ постановкѣ сѣтей, вечеромъ видишь радостно возвращающихся домой людей, нагруженныхъ рыбою, — всюду царитъ довольство и раздаются громкія, веселыя пѣсни. Вполнѣ естественно, что никто не думаетъ о немедленной заготовкѣ запасовъ на зиму, — у всѣхъ одна мысль, досыта наѣсться послѣ долгаго поста. Но къ несчастію такая ѣда или, лучше сказать, объяденіе продолжается до поздняго лѣта. Просто невѣроятно, какое количество пищи въ состояніи истреблять эти люди; когда же они наѣлись по горло, они ложатся отдыхать, а вставши, снова садятся къ котлу, и такъ продолжается все время. Рѣка необыкновенно богата рыбою; каждая тоня доставляетъ отъ тридцати до сорока крупныхъ рыбъ, а иногда случается, что вытягиваютъ до сотни и болѣе. Но населеніе не умѣетъ, какъ слѣдуетъ, пользоваться

временемъ, слишкомъ много его идетъ на ѣду и отдыхъ, а между тѣмъ приходится дорожить каждымъ тихимъ, безвѣтреннымъ днемъ, дающимъ возможность ловить рыбу безъ перерыва. Если лѣто вообще благопріятно, солнце свѣтитъ ясно, а поверхность рѣки незыблема, то и при такой лѣтней работѣ удастся кое-что сдѣлать и собрать все же достаточные запасы на зиму. Но многолѣтній горькій опытъ долженъ былъ бы научить людей, что никогда нельзя полагаться на погоду въ Нижнеколымскѣ и его окрестностяхъ, такъ какъ сплошь и рядомъ цѣлыми недѣлями идетъ дождь и дуетъ вѣтеръ, которые не даютъ возможности ни ловить, ни сушить рыбы. Но ничто не помогаетъ, люди живутъ изо дня въ день, пока не придетъ нужда.

Главнѣйшая цѣль лѣтняго лова — сдѣлать запасы пищи для людей, и только случайно попадающаяся мелкая рыба да менѣе крупные экземпляры цѣнной рыбы, распластанные вдоль и значительно менѣе тщательно проявленные, вдутъ на кормъ собакамъ. Въ отличіе отъ приготовленной для людей юкколы, рыба эта носитъ названіе юхалы. Но главнѣйшую пищу для собакъ составляетъ такъ называемая селедка, которая входитъ въ рѣки лишь въ августѣ. Названіе это чисто мѣстное и рыба (*Coregonus clupeoides*) относится не къ роду селедки, а къ семейству лососевыхъ, и лишь по величинѣ приближается къ норвежской сельди, такъ что на одинъ пудъ приходится до ста штукъ такихъ рыбокъ. Если погода благопріятна, эта такъ называемая селедка ловится массами и тогда удастся сдѣлать обильные запасы на зиму. Стараются насушить возможно большее количество этой рыбы, но обыкновенно это не удается, потому что воздухъ во второй половинѣ августа слишкомъ сыръ, чтобы допускать сушку. Вслѣдствіе этого населеніе принуждено большую часть этихъ запасовъ сохранять въ замороженномъ видѣ. Для потребленія на мѣстѣ это еще не имѣетъ большаго значенія, но въ путешествіи далеко не одно и то же, берешь ли съ собой въ пищу для собакъ сушеную или мороженую рыбу. Поѣздки на собакахъ представляютъ именно то крупное неудобство, что прихо-

дится везти съ собою запасъ корма для нихъ на все путешествіе; вслѣдствіе этого возможность странствовать на собакахъ по совершенно глухимъ, необитаемымъ мѣстамъ крайне ограничена. При усиленной ѣздѣ каждая собака нуждается ежедневно въ восьми селедкахъ, что на четырнадцать собакъ составляетъ въ день сто двѣнадцать рыбъ, которыя вѣсятъ, слѣдовательно, болѣе пуда. При быстрой ѣздѣ нарту нельзя нагружать болѣе, чѣмъ сорока пудами; отсюда слѣдуетъ, что на собакахъ можно предпринимать лишь недалекія путешествія или по крайней мѣрѣ нужно устроиться такъ, чтобы предварительно дѣлать на пути склады, которыми потомъ и пользоваться. Вслѣдствіе сказаннаго въ путешествіе стараются брать по возможности исключительно юхалу, или сушеную рыбу, которая значительно легче мороженой. Но благодаря тому, что въ это время года случаются бури, ловъ сельдей очень часто бываетъ неудаченъ. Поэтому правительство уже давно распорядилось, чтобы въ каждомъ селеніи были устроены запасные склады; конечно, такого рода приказаніе было немедленно приведено въ исполненіе, но, понятно, такъ рутинно и такимъ шаблоннымъ способомъ, что воплнѣ разумное распоряженіе не привело ни къ чему. Само собою очевидно, что почва въ области нижняго теченія Колымы находится въ вѣчно мерзломъ состояніи; съ поверхности, правда, она оттаиваетъ на восемь или на десять вершковъ или на 14—17 дюймовъ, но глубже земля остается совершенно мерзлою. При такихъ условіяхъ устройство запасныхъ складовъ не трудно и оно хорошо знакомо населенію, которое къ тому же умѣетъ пользоваться въ достаточной мѣрѣ особенностями этой почвы; такъ напримѣръ, при ловлѣ рыбы въ озерахъ, добычу не берутъ тотчасъ же съ собою, а сохраняютъ въ импровизованныхъ ледникахъ, выламывая ямы въ замерзшей землѣ. Въ хорошо же и рационально устроенныхъ погребкахъ можно сохранять запасы цѣлыми годами. Въ одномъ обществѣ, въ которомъ я присутствовалъ, зашла рѣчь о мѣстныхъ погребкахъ; во время обѣда хозяинъ дома велѣлъ подать два блюда, — на одномъ взъ нихъ

лежала громадная нельма, которая была поймана уже три года тому назадъ, а на другомъ рыба, добытая въ день происшествія или наканунѣ его, — хорошо не помню. Ихъ попробовали и стали спорить о томъ, которая рыба свѣжая и которая сохранялась въ ледникѣ, но рѣшить этотъ споръ пришлось самому хозяину. Конечно, если хочешь на долгое время сохранить запасы, а тѣмъ болѣе удержать ихъ пріятный вкусъ, необходимо каждую рыбу отдѣльно окружить герметической оболочкой. Съ этою цѣлью совершенно промерзшую рыбу несутъ къ рѣкѣ, и каждую рыбину обмакиваютъ безчисленное число разъ въ воду. Берутъ первую, погружаютъ ее и, вынувъ, ставятъ; затѣмъ поступаютъ также со второй, третьей и т. д. Обмокнувъ послѣднюю рыбину, продѣлываютъ эту процедуру вновь, начиная съ первой. Въ виду того, что на рыбѣ каждый разъ остается лишь очень тонкій слой льда, работа эта, если она дѣлается какъ слѣдуетъ, совершается довольно медленно; но зато каждая рыбина окружается слоемъ льда въ полдюйма толщиною и можетъ уже сохраняться много лѣтъ. Въ этихъ погребахъ температура воздуха лѣтомъ остается нѣсколькими градусами ниже нуля; благодаря этому ледяная оболочка не можетъ оттаять, несмотря на то, что съ теченіемъ времени она испаряется и становится тоньше. Какъ доказываетъ приведенный выше примѣръ, она хорошо держится въ продолженіе трехъ лѣтъ. Такимъ образомъ при сохраненіи запасовъ рыбы въ магазинахъ не предстояло, казалось бы, наткнуться ни на какія затрудненія. Между тѣмъ опытъ показалъ противное. Въ годы голоднокъ обнаружилось, что погреба были пусты какъ разъ въ то время, когда они должны были оказать свою благотѣльную помощь. При ближайшемъ разслѣдованіи обстоятельствъ этого дѣла дѣйствительно можно было убѣдиться, что погреба наполнялись ежегодно рыбою и послѣ каждой осенней ревизіи доносилось, что все обстоитъ благополучно; однако при этомъ умалчивалось, что зимніе запасы погребовъ весною снова раздавались жителямъ съ условіемъ вернуть ихъ къ зимѣ. Дѣлалось это

будто бы для того, чтобы рыба не портилась летом и не падала даромъ. Порча рыбы дѣйствительно на самомъ дѣлѣ наблюдалась, но она гнила потому, что магазины устраивались на поверхности земли, какъ для склада муки, а не въ видѣ погребовъ. Понятно, что такого рода исполненіемъ значеніе распоряженія о погребяхъ было уничтожено, такъ какъ складъ долженъ былъ открываться именно тогда, когда ловъ былъ очень неудаченъ и нельзя было сдѣлать запаса рыбы на зиму. То, что здѣсь рассказано, не басня, а дѣйствительный фактъ. Нужно замѣтить, что только энергическія угрозы подвергнуть наказанію всѣхъ членовъ общины мужскаго пола, начиная съ 21 года, могли наконецъ принудить людей завести въ сравнительно короткое время погреба при всѣхъ магазинахъ. Такимъ образомъ исчезъ поводъ раздавать весной рыбу, нужно было только наблюдать за тѣмъ, чтобы въ годы удачнаго лова, хранившаяся въ магазинахъ рыба была постоянно и правильно замѣняема свѣжею. Будетъ ли однако это предписаніе исполняться въ дѣйствительности, крайне сомнительно, если принять въ соображеніе сказанное выше.

Рыбные склады несомнѣнно могутъ приносить пользу во время крайней нужды, но никакъ нельзя сказать, чтобы они вполне обезпечивали населеніе: неудачный ловъ можетъ случиться и два года сряду, а при такомъ бѣдствіи магазины безсильны помочь. Вообще говоря, есть только два радикальныхъ способа справиться съ затруднительнымъ положеніемъ сѣверныхъ поселеній. Одно изъ нихъ заключается въ томъ, что бы жители отказались пользоваться собаками въ качествѣ упряжныхъ животныхъ; другое же — въ привлеченіи чукчей съ ихъ стадами на тундру по сю сторону Колымы. Обширныя пространства тундръ между Колымою, Алазеею и Индигиркою могутъ доставлять пропитаніе громаднымъ стадамъ оленей, которыя одни только и въ состояніи уравновѣсить недостатокъ пищевого матеріала въ голодные годы.

31. Пушнина, которую чукчи привозятъ на Анюйскую ярмарку, почти вся идетъ изъ Америки; небольшое исключеніе составляютъ только бѣлые песцы да красныя лисицы. Боберъ, по всей вѣроятности, часто встрѣчавшійся въ древнія времена въ Сибири (какъ доказываютъ не рѣдкія въ Якутской области названія въ родѣ: Бобровая рѣчка, Бобровая роща и т. д.), въ настоящее время совершенно вывелся, по крайней мѣрѣ на востокъ; въ западной же Сибири, какъ говорятъ, онъ еще время отъ времени попадается. Куница въ Якутской области не водится; по крайней мѣрѣ, сколько мнѣ извѣстно, куньи шкурки никогда не привозятся на ярмарку. Лисица же, которая широко распространена по всей Азіи и за которой часто охотятся, окрашена въ этой части свѣта иначе, чѣмъ добываемая въ Америкѣ. Въ Азіи, особенно въ восточной ея части, лисица встрѣчается трехъ цвѣтовъ — красная, черная съ бѣлыми кончиками волосъ, носящая въ Сибири названіе чернобурой, и собственно черная. Все это лишь индивидуальныя цвѣтовыя разности, но даже не стойкія варіаціи, такъ какъ нерѣдки случаи, что при вырываніи молодыхъ (чѣмъ особенно любятъ заниматься якуты, хорошо зарабатывающіе воспитываніемъ лисинятъ) находятъ въ одномъ гнѣздѣ красныхъ и черныхъ или красныхъ съ чернобурыми. Но красный цвѣтъ сибирскихъ лисицъ далеко не такъ интензивенъ, какъ цвѣтъ привозимыхъ на ярмарку чукчами американскихъ экземпляровъ или такъ называемыхъ огневокъ. Время отъ времени и въ Якутской области попадаются очень красивыя лисицы краснаго цвѣта, но только въ видѣ исключенія и эти прекрасныя шкурки встрѣчаются чаще лишь въ Камчаткѣ, гдѣ животныя вообще сильно приближаются къ своимъ американскимъ сородичамъ. Но исключительно изъ Америки идутъ лисицы, которыя носятъ названіе сиводушекъ. Мѣхъ этихъ животныхъ имѣетъ желтый основной цвѣтъ, т. е. волосъ или, какъ выражается торговецъ пушшиной, «вода» черновато-желтаго цвѣта, крестъ же болѣе или менѣе ясно выступающій на спинѣ каждой лисицы, у этой разности чернаго цвѣта. Это сочетаніе желтоватаго общаго цвѣта шкуры съ

чернымъ крестомъ спины очень красиво. Помимо того, такая лисица имѣетъ еще на нижней сторонѣ тѣла, отъ горла до хвоста, широкую полосу глубокаго чернаго цвѣта, которая цѣнится очень высоко. Въ прежнее время въ Якутскѣ былъ большой спросъ на такія шкурки и за нихъ платили отъ пятнадцати до восемнадцати рублей, тогда какъ красный лисій мѣхъ стоилъ самое большее четыре рубля. Далѣе у чукчей попадался такъ называемый голубой песецъ, представляющій довольно частую Американскую разность обыкновеннаго песца, встрѣчающагося по всему сибирскому побережью Ледовитаго океана. Голубой песецъ, правда, время отъ времени убивается и въ Сибири, но онъ такъ рѣдокъ, что на нижнемъ теченіи Лены миѣ разъ принесли такую шкурку и спрашивали что это такое за необыкновенное животное. Я видѣлъ уже раньше у колымскихъ купцовъ въ Якутскѣ подобные экземпляры, почему и могъ дать принесшимъ желаемое разъясненіе.

Какъ видно изъ текста сочиненія, товары, составлявшіе главный предметъ торговли, были точно разцѣнены, а потому не должно было бы происходить никакихъ споровъ. Впрочемъ въ общемъ послѣдніе случались рѣдко; но время отъ времени все же приходилось судить и мирить, да и то только благодаря тѣмъ особенностямъ сибирской мѣховой торговли, которыя опять-таки опираются на особомъ законѣ тайги. Какъ непреложная истина существуетъ правило, что всякая шкурка есть шкурка, какая бы она ни была, что нельзя выбирать себѣ одни мѣха и отбрасывать другіе и что десять напр. лисьихъ шкурокъ такъ и должны идти за десятокъ, — однимъ словомъ, при мѣнѣ не полагается дѣлать различія между хорошими и плохими. Всѣ подчиняются этому правилу и никто въ немъ не сомнѣвается; но все же бываютъ случаи, когда доброта мѣховъ настолько рѣзко бросается въ глаза, что люди не хотятъ соглашаться. Особенно часто это бываетъ по поводу связокъ бобровыхъ шкурокъ, величина которыхъ иногда очень различна. Когда начинается настоящій мѣховой торгъ, чукчи связываютъ свои лисьи и куньи мѣха въ связки по десяти, а

бобровъ и сиводушекъ по пяти штукъ вмѣстѣ; они большею частью настолько добросовѣстны, что равномерно распредѣляютъ по связкамъ дурныя и хорошія шкурки, такъ что никто изъ покупателей не можетъ пожаловаться, что на его долю выпали худшія пачки, чѣмъ на долю другаго. Но однажды какой-то ловкій и быстрый купецъ перерѣзалъ веревки, которыя связывали бобровые мѣха, и выбралъ себѣ изъ нихъ самые лучшіе; понятно, что это обстоятельство надѣлало много шума. Другой разъ одинъ чукча включилъ въ свои связки бобровъ по шкуркѣ молодого, не болѣе десяти дюймовъ въ длину, животнаго, не успѣваго еще смѣнить своей первой шерсти; онъ тоже хотѣлъ придерживаться правила, что всякая шкурка есть шкурка, какая бы она ни была. Однако было рѣшено, что такое толкованіе не соотвѣтствуетъ смыслу этого правила, и ему пришлось выступить съ другими мѣхами.

32. Объ этомъ народѣ и о торговлѣ чукчей съ нимъ рѣчь будетъ ниже.

33. Изъ прежнихъ войнъ русскихъ съ чукчами становится очевиднымъ, что у послѣднихъ не было начальниковъ въ томъ смыслѣ, какъ они встрѣчались у другихъ сибирскихъ народовъ во времена завоеванія этой страны. Въ нѣкоторыхъ донесеніяхъ начальниковъ гарнизона Анадырскаго острога проглядываютъ тѣ затрудненія, на которыя натыкались русскіе при всѣхъ переговорахъ съ чукчами, благодаря тому обстоятельству, что у послѣднихъ вовсе не было отвѣтственныхъ лицъ, которыя могли бы вступать въ обязательныя для всего народа соглашенія. Такимъ образомъ несомнѣнно, что у чукчей не было ни выборныхъ, ни мѣстныхъ начальниковъ; однако изъ этого еще нельзя заключать, чтобы между ними господствовала полная анархія. Точно также изъ сагъ, которыя рассказывались Врангелю объ одномъ начальникѣ, бѣжавшемъ на сѣверъ, и о подобныхъ провѣдствіяхъ, еще нельзя выводить заключеніе о существованіи у чукчей главарей: сами по себѣ эти сказанія настолько сбивчивы и такъ часто терпѣли превращенія въ людской молвѣ, что въ нихъ нельзя доискаться правды.

Но то обстоятельство, что чукчи имѣютъ въ своемъ языкѣ слово *еремъ* для обозначенія начальствующаго лица, указываетъ на то, что этого рода институтъ былъ имъ не совершенно чуждъ. Во времена борьбы среди нихъ всегда выступали лица, которыя играли роль предводителей, но только имена этихъ послѣднихъ постоянно мѣнялись; въ каждомъ новомъ походѣ почти безъ исключенія были и другіе распорядители и лишь рѣдко случалось, что одно и то же лицо пользовалось долго вліяніемъ. Кажется несомнѣннымъ, что вліяніе этихъ временныхъ предводителей всегда основывалось исключительно на ихъ бѣльшемъ богатствѣ стадами, которое позволяло имъ содержать и бѣльшее число подвластныхъ лицъ и что въ свою очередь доставляло имъ бѣлье, сравнительно съ другими, уваженія и вѣса. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что у такого народа, спорадически разбросаннаго по широко раскинутой странѣ и постоянно кочующаго со своими стадами, о существованіи правильнаго государственнаго строя не можетъ быть серьезно и рѣчи. Дѣйствительно, даже у якутовъ, которые вели бѣлье осѣдлый образъ жизни и перемѣщенія которыхъ ограничивались лишь постоянною смѣною однихъ и тѣхъ же зимнихъ и лѣтнихъ мѣстъ жительства, верховная власть начальниковъ была чисто номинальная и приобрѣла большій авторитетъ лишь во время войнъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что абсолютной равноправности у чукачей никогда не было: всегда у нихъ существовали состоятельные и богатые роды, которые составляли аристократію и оказывали такое же вліяніе на другихъ, какимъ пользовался Яторгинъ, а впоследствии еще въ большей мѣрѣ его сынъ Амвраоргинъ, сохранившій власть, какъ мы видимъ, и до сихъ поръ. Да и вся исторія Анадырскаго острога указываетъ на то, что у чукачей была аристократія, но не было общаго главы народа. Во всѣхъ отчетахъ начальниковъ Анадырскаго острога, какъ о столкновеніяхъ, такъ и о мирныхъ переговорахъ, указывается, что дѣла всегда велись съ большимъ или меньшимъ числомъ вліятельныхъ лицъ и что переговоры оставались постоянно

безрезультатными потому, что чукотскіе предводители признавали себя некомпетентными вступать въ обязательныя соглашенія; они заявляли, что явились не всѣ представители народа и что они не могутъ поручиться за одобреніе договора и отсутствующими. Очень трудно рѣшить причину неявки нѣкоторыхъ изъ нихъ, — заключалась ли она въ томъ, что чукчи желали имѣть предлогъ не принимать невыгодныхъ для нихъ соглашеній, или зависѣла отъ постоянного антагонизма между отдѣльными чукотскими начальниками. Однако существованія аристократіи нельзя отрицать, но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что авторитетъ отдѣльныхъ представителей этой аристократіи былъ менѣе устойчивъ, чѣмъ у якутовъ, въ силу того, что благосостояніе кочевника-оленевода само по себѣ менѣе устойчиво, чѣмъ кочевника, имущество котораго составляютъ табуны лошадей и стада рогатаго скота. У кочевниковъ возникновеніе аристократіи обусловливается и является необходимымъ слѣдствіемъ большаго количества подчиненныхъ лицъ, которыя нужны для ухода за стадами. Владѣющій большимъ количествомъ стадъ имѣетъ возможность сильнѣе вліять на своихъ бѣдныхъ соплеменниковъ, чѣмъ напр. богатый землями собственникъ на своего мелкопомѣстнаго собрата. Конечно, за сѣвающій обширныя поля землевладѣлецъ долженъ имѣть тоже много работниковъ; но онъ не станетъ сѣять больше, чѣмъ онъ въ состояніи продать, а собранный хлѣбъ представляетъ для него капиталъ, изъ котораго ему предстоитъ прежде всего покрыть расходы по веденію хозяйства, и только остатокъ этихъ денегъ онъ можетъ назвать своею собственностью. Такой землевладѣлецъ, особенно въ Сибири, гдѣ нѣтъ частной земельной собственности, является по отношенію къ своимъ людямъ лишь хозяйномъ-наимателемъ, оплачивающимъ трудъ своихъ работниковъ, какъ и всякій другой состоятельный человекъ, деньгами, а при такихъ отношеніяхъ не устанавливается никакого особеннаго сближенія между ними. Богатый же стадовладѣлецъ находится въ совершенно иномъ положеніи. Несомнѣнно, что стада его представляютъ для него тоже капиталъ, но далеко не въ той мѣрѣ, какъ

хлѣбъ для землевладѣльца: большое количество скота онъ держитъ вовсе не для того, чтобы продавать какъ можно больше, а лишь для того, чтобы имѣть его много, а также потому, что ростъ стадъ ему ничего не стоитъ. Своимъ многочисленнымъ пастухамъ онъ платитъ очень мало денегъ, но онъ даетъ имъ съ ихъ семьями полное содержаніе, которымъ пастухи пользуются отъ стадъ, ими оберегаемыхъ. Подобно тому, какъ богатство господина переходитъ къ его сыну, такъ и сыновья и потомки пастуховъ наследуютъ мѣста своихъ отцовъ, а вмѣстѣ съ ними остаются и служебныя отношенія; такимъ образомъ между богатымъ и бѣднымъ устанавливается тѣсная связь, какъ у патрона къ его кліенту, какъ у господина къ его крѣпостному. Ко всему этому присоединяется еще полная возможность для богатаго кочевника оказывать благодѣянія своимъ бѣднымъ землякамъ безо всякаго риска причинить этимъ ущербъ своему благосостоянію. Онъ ни чуть не пострадаетъ, если накормитъ мясомъ голоднаго: животныя его стадъ сами по себѣ не имѣютъ цѣны или по крайней мѣрѣ далеко не всегда могутъ быть обращены въ цѣнность, а между тѣмъ они расплодятся бы до безконечности, если бы онъ ихъ не рѣзалъ. Однимъ словомъ, онъ въ состояніи, если это требуется, ежедневно насыщать массу людей, самъ того, такъ сказать, не замѣчая, — безъ ущерба для себя онъ можетъ разыгрывать роль щедрого, а ничто такъ не характеризуетъ въ глазахъ толпы знатнаго, какъ широкая щедрость.

Въ Восточной Сибири, среди казаковъ Забайкалья, и въ настоящее время можно наблюдать образование подобной аристократіи изъ равныхъ прежде по положенію людей. Съ древнѣйшихъ временъ существовали въ Сибири казаки, т. е. ратники, которые частью представляютъ изъ себя поселенцевъ, частью же воиновъ, и которыхъ правительство вознаграждаетъ только во время дѣйствительной военной службы; въ остальное, мирное время они должны сами заботиться о средствахъ своего существованія, содержать лошадей и приобрѣтать оружіе. До генералъ-губернаторства графа Муравьева такіе казаки населяли цѣлый рядъ

станіць и деревень вдоль русско-китайской границы; у нихъ не было, собственнoговоря, никакого дѣла, по крайней мѣрѣ никакого военнаго дѣла, такъ какъ съ незапамятныхъ временъ повсюду тутъ царилъ невозмутимый миръ и никому и въ голову не приходило нарушать его. Но графъ Муравьевъ, которому хотѣлось расширить русскія владѣнія, не могъ избѣжать частыхъ споровъ съ сосѣдами, а потому въ обезпеченіе себя отъ всякихъ случайностей нашелъ нужнымъ имѣть въ своемъ распоряженіи большее количество войска. Въ виду же того, что изъ С.-Петербурга ему предлагали быть по возможности бережливымъ, а система казацкихъ поселковъ доставляетъ наиболѣе дешевое войско, онъ старался помочь себѣ тѣмъ, что устроилъ массу новыхъ казацкихъ станицъ какъ въ Иркутской губерніи, такъ и въ Забайкальѣ, Амурской и Приморской областяхъ; для этого онъ частью преобразовывалъ въ казаковъ уже существовавшія крестьянскія общины, частью же вновь поселялъ людей цѣлыми деревнями. Благодаря этому сибирское казацкое войско очень увеличилось. Если уже замѣтна значительная разница между ставицами, существующими два столѣтія, и вновь созданными казаками, ничѣмъ собственно не отличающимися отъ крестьянъ сосѣднихъ деревень, — то различіе это бросается въ глаза еще рѣзче, если посѣтить древнія станицы и переходить изъ селеній, живущихъ хлѣбопашествомъ въ такія, которыя занимаются исключительно скотоводствомъ. Жители первыхъ тоже казаки, но ихъ воинственное настроеніе совершенно исчезло, по крайней мѣрѣ въ настоящее время: они очень неохотно служатъ и скорѣе предпочли бы сдѣлаться просто крестьянами. Наоборотъ, послѣдніе представляютъ изъ себя воиновъ въ мирное время, они съ большою охотою идутъ на службу, когда очередь доходить до нихъ, и были бы очень довольны, если бы началась желанная ими война. Я имѣлъ возможность лично убѣдиться въ этомъ въ то время, когда въ Забайкальѣ и на Амурѣ сильно опасались столкновенія между Россіей и Китаемъ изъ за Кульджи. По всей линіи лѣваго берега Амура были очень озабочены и

имѣли къ тому полное основаніе, такъ какъ селенія вдоль этой рѣки очутились бы въ такомъ случаѣ совершенно беззащитными при нападении китайцевъ. Они не многолюдны и слабо вооружены въ то время, какъ именно Китайская Манджурія, служащая пекинскому правительству главнымъ мѣстомъ ссылки, густо усажена большими и многолюдными деревнями. Въ Забайкальѣ точно также не могли не сознавать, что нападеніе монгольскихъ ордъ было не особенно желательно, такъ какъ было хорошо извѣстно, что между Ургою и Кяхтою находились въ сборѣ значительные отряды конницы подъ начальствомъ китайскихъ генераловъ. Какъ разъ въ то время мнѣ пришлось совершать свою обычную служебную поѣздку вдоль границы, т. е. отъ мѣста впаденія Газимура въ Аргунь до станицы Букукунской на верхнемъ теченіи Онона. Дѣло происходило въ январѣ и, какъ только становилось извѣстно о моемъ прибытіи, моя комната обыкновенно быстро наполнялась жителями деревень, которые являлись частью изъ вполне понятнаго въ такихъ отдаленныхъ мѣстахъ любопытства, частью же изъ желанія получить свѣдѣнія о состояніи въ этомъ году снѣговъ. Последнее является всегда жизненнымъ вопросомъ для той части границы, которая тянется отъ станціи Олочи, вблизи Нерчинскаго завода, до Онона, потому что тутъ живутъ казаки-скотоводы, имѣющіе, подобно бурятамъ, обыкновеніе выгонять скотъ въ теченіе зимы на пастбище, что вообще вполне и допускаютъ тамошнія безлѣсныя степи. При такихъ условіяхъ приходится очень плохо, если время отъ времени въ отдѣльныхъ мѣстахъ снѣга выпадетъ столько, что онъ совершенно закроетъ траву, и скотъ лишится возможности добираться до нея. Въ такихъ случаяхъ стадовладѣльцамъ не остается ничего больше, какъ отправляться странствовать со своимъ скотомъ для отыскиванія мѣстъ, гдѣ снѣга выпало меньше. Поэтому для всѣхъ представляетъ большой интересъ узнать о глубинѣ снѣга на границѣ. Такимъ образомъ я бывалъ всегда очень желаннымъ гостемъ, такъ какъ объѣзжалъ границу на всемъ ея протяженіи и могъ давать полныя свѣдѣнія. Но на этотъ разъ

ожидавшаяся война составляла главный предмет разговора и было очень интересно наблюдать настроеніе народонаселенія. Жители земледѣльческихъ деревень крайне непріязненно ожидали войны и въ разговорѣ обсуждали ее исключительно съ точки зрѣнія обезпеченія своего имущества; они старались разузнать какимъ образомъ проще и надежнѣе всего скоронить его въ лѣсахъ. Совершенно иначе относились къ этому вопросу казаки-скотоводы. Большою частью они считали войну за нѣчто само собою понятное и полагали, что уже давнымъ давно пора отправиться въ гости къ язычникамъ. У нихъ вовсе не возникала мысль о возможности нападенія монголовъ на русскихъ, а говорилось только о желательности наискорѣйшаго похода въ Китайскую Монголію. У меня отлично сохранилось въ памяти, что въ нѣкоторыхъ станицахъ на Ононѣ и вокругъ Чинданта воинственный пылъ до такой степени разгорѣлся, что, по прибытіи въ Читу, я счелъ необходимымъ извѣстить объ этомъ губернатора и посоветовать ему принять мѣры для охлажденія страстей, чтобы не случилось какой нибудь бѣды. Именно, тамошнее населеніе выработало себѣ уже собственный планъ похода: владѣльцы обширныхъ стадъ, большею частію находившіеся въ такомъ возрастѣ, что не могли подлежать первому призыву къ знаменамъ, намѣревались образовать изъ своихъ пастуховъ и изъ другой гольтыбы конныя полчища съ цѣлью ворваться съ ними въ Монголію и грабить стада. Обо всемъ уже было переговорено; каждый изъ участниковъ имѣлъ уже свое мѣсто и свою задачу въ задуманномъ предпріятіи; даже уже выслѣдили и точно обозначили тѣ мѣста, гдѣ находились въ то время стада богатыхъ монголовъ. Однимъ словомъ, все было устроено и предусмотрѣно самымъ лучшимъ манеромъ и казаки сгорали отъ нетерпѣнія двинуться впередъ при первой надежной вѣсти, что началась война, дабы противникъ не имѣлъ времени угнать своихъ стадъ въ безопасную даль. Все это вызывало на серіозныя размышленія, потому что среди этого возбужденнаго народа до невѣроятности легко распространились ложные слухи и въ такихъ обстоятельствахъ каждый

охотно вѣрилъ тому, чего онъ желалъ. При этихъ условіяхъ преждевременный пограничный инцидентъ легко могъ бы повести къ настоящей войнѣ.

Но болѣе, чѣмъ когда либо выступали въ то горячее время аристократическія привычки казаковъ-скотоводовъ. Въ деревняхъ, занимавшихся земледѣіемъ, какъ богатые, такъ и бѣдные говорили каждый за себя, каждый имѣлъ собственное мнѣніе, за которое онъ стоялъ и которое всѣми признавалось за равноправное. Нельзя тутъ было замѣтить, что слова человѣка, владѣвшаго сотней или болѣе десятинъ, имѣли больше вѣса, чѣмъ того, который засѣвалъ какихъ нибудь десять; только, конечно, первый обнаруживалъ больше страха передъ войной, чѣмъ послѣдній. Напротивъ, въ станицахъ казаковъ-скотоводовъ народная масса вовсе не принимала участія въ разговорахъ; она лишь слушала, какъ разсуждали и развивали свои планы вліятельные люди и только тогда, когда эти послѣдніе считали нужнымъ обратиться къ ней, выражала свое полное согласіе и полнѣйшую готовность сдѣлать все, что ей прикажутъ. Однажды, когда общество уже разошлось отъ меня, я спросилъ у своего хозяина, «маленькаго человѣка», не задумывается ли онъ вступить съ ушедшими въ общее предпріятіе послѣ того, какъ онъ услышалъ мое разъясненіе имъ о томъ, что безъ особаго приказанія со стороны начальства ни въ какомъ случаѣ нельзя рѣшиться сдѣлать набѣгъ на непріятельскую страну. Онъ возразилъ мнѣ, что это его не касается, потому что по собственному почину онъ не возьмется за оружіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ исполнять то, что ему прикажутъ «большіе люди»; они — господа, они и должны отвѣчать за все, онъ же долженъ только повиноваться имъ. Но и въ мирной повседневной жизни аристократическія начала въ тѣхъ деревняхъ даютъ себя чувствовать на каждомъ шагу. Богатый стадовладѣлецъ живетъ и одѣвается, какъ и всякій другой казакъ, по внѣшности его ни въ чемъ нельзя отличить отъ остальныхъ, да и разговариваютъ они другъ съ другомъ какъ равные; и несмотря на это слова богача являются приказаніями и все

дѣлается такъ, какъ онъ того желаетъ. Вслѣдствіе этого въ деревняхъ, населенныхъ скотоводами, часто очень трудно найти замѣстителей на высшія должности. Если станичный атаманъ выбранъ изъ знатнаго рода, то всѣ дѣла идутъ какъ слѣдуетъ; но тамошняя знать всѣми силами старается уклониться отъ выборовъ, не потому, что они не желаютъ имѣть власть въ своихъ рукахъ, но потому, что не хотятъ служить въ качествѣ младшихъ чиновниковъ окружнаго и войсковаго управленія, которымъ подчинены казакія станицы. Вслѣдствіе этого большинство атамановъ избирается изъ плебейскихъ семей и вовсе не имѣетъ авторитетнаго вліянія на казацкую знать. Ничего изъ описаннаго здѣсь не встрѣчается въ станицахъ, занимающихся земледѣліемъ.

34. Самый крайній полуостровъ сѣверо-восточной Азіи, считая отъ Колючинской губы, называется въ Нижнеколымскѣ Чукотскимъ Носомъ, а живущіе тамъ осѣдло чукчи — Носовыми чукчами; но вообще всѣ торговцы изъ чукчей носятъ названіе Носовыхъ, потому что они оттуда пріѣзжаютъ на ярмарку. Однако это вовсе не значить, чтобы они и родомъ происходили съ крайняго сѣверо-востока, хотя въ большинствѣ случаевъ они дѣйствительно уроженцы области, лежащей къ востоку отъ Колючинской губы.

35. Достойно большаго сожалѣнія, что при раздачѣ знаковъ милости и почетныхъ наградъ поступаютъ не достаточно систематично и обдуманно. Всѣ азіаты очень гонятся за ними и готовы часто на значительныя жертвы, лишь бы получить ихъ. Такими знаками и наградами считаются — почетный кафтанъ, почетная сабля, серебряная и золотая медали. По первоначальному смыслу этихъ знаковъ отличій они являются знаками признательности монарха за усердную службу. Впрочемъ, обыкновенно ихъ такъ и принимаютъ; но тогда не вполне логично, что знаки эти до известной степени продаютъ, а это дѣлаютъ довольно-таки часто. Управленіе Собственнаго Его Величества Кабинета награждаетъ серебряной и даже золотой медалью между прочимъ тѣхъ изъ

инородцевъ, якутовъ, тунгузовъ и т. д., которые кромѣ своего ясака приносятъ въ даръ казнѣ какой либо особенно цѣнный мѣхъ, напр. черную лисицу, роскошнаго соболя и т. д. Поэтому, стоитъ только какому нибудь состоятельному якуту купить и представить подобный мѣхъ, чтобы получить и желаемое украшеніе. Далѣе, такую погоню различныхъ лицъ за отличіями довольно часто пользуются исправники и даже губернаторы въ случаяхъ дѣловыхъ затрудненій отдѣльныхъ частей области или учреждений: если, напр., на какомъ нибудь обществѣ числится долгъ или остается недоимка и нельзя ожидать, что люди ихъ заплатятъ или по крайней мѣрѣ будутъ въ состоянн что сдѣлать въ непродолжительномъ времени. Въ виду того, что на недоимки въ центральныхъ учрежденіяхъ смотрятъ косо, мѣстные власти обращаются въ такихъ случаяхъ къ какому либо состоятельному лицу и предлагаютъ ему уплатить долгъ общества; при этомъ ему дается обѣщаніе представить его въ качествѣ благотворителя къ наградѣ медалью. Подобные случаи предусмотрѣны закономъ и они часто встрѣчаются въ Сибири; противъ этого, понятно, возразить нечего: закономъ это допущено и почему же людямъ не стремиться къ подобнымъ украшеніямъ, если средства имъ позволяютъ. Но дѣло совершенно измѣняется, если оно касается чукчей, тунгузовъ, якутовъ и другихъ полудикихъ инородцевъ. У этихъ племенъ старосты, въ знакъ отличія, носятъ такъ называемый кортикъ. Впервые этотъ знакъ отличія былъ дарованъ имъ по приказу императрицы Екатерины II, и съ тѣхъ поръ до настоящаго времени тѣ же самые экземпляры кортиковъ переходятъ отъ одного старосты къ другому, который его замѣстилъ. Но если какой либо староста или голова особенно отличился по службѣ, то ему можетъ быть данъ почетный кортикъ, который онъ имѣетъ право носить уже пожизненно. Такіе кортики въ высшей степени цѣнятся въ качествѣ почетныхъ знаковъ и, собственно говоря, ихъ никому не слѣдовало бы давать кромѣ старостъ, да и имъ только въ награду за отличіе по службѣ. Но этого то, къ сожалѣнію, и нѣтъ: поступаютъ не достаточно систематично и раздаютъ кор-

тики людямъ, которымъ ихъ никогда не слѣдовало бы давать. Такъ напр., какъ мы увидимъ ниже, такого рода награду дали одному простому чукчѣ, Ваалергину, за то, что онъ подарилъ оленей во время голода, тогда какъ всѣми уважаемый Амвраоргинъ ходилъ безъ кортика. Это надѣлало много шума среди чукчей и очень имъ не понравилось. Точно также и Хотто, безпутный, негодный малый, получилъ медаль, да къ тому же еще большую золотую, которая дается очень рѣдко, — и все это только для того, чтобы онъ не учинилъ какого либо безчинства.

36. Собачья нарта представляетъ собою сани, имѣющія въ длину двѣнадцать, въ ширину два фута, а въ вышиину около десяти дюймовъ; отдѣльныя части ихъ скрѣплены между собой исключительно ремнями изъ оленьей кожи, такъ что въ нихъ нѣтъ ни одного гвоздя. Благодаря этому нарта обладаетъ гибкостью и упругостью, которая очень кстати при путешествіяхъ по мѣстности, гдѣ нѣтъ дорогъ. Спереди, къ загнутымъверху полозьямъ прикрѣплена въ горизонтальномъ направленіи дуга, къ которой прикрѣпляется гужь для собакъ. Непосредственно позади этой горизонтальной дуги находится другая — вертикальная, служащая для управленія нартою, а позади ея расположено сидѣнье для каюра, или кучера. Ремень или гужь, за который тянуть собаки, шить въ самой лучшей тюленьей кожи и имѣетъ по своей длинѣ шесть или семь петель, смотря по числу запрягаемыхъ собакъ. Каждой собакѣ надѣваютъ на шею кожаный ошейникъ на подкладкѣ; отъ него съ двухъ сторонъ отходятъ два шнура, связанные на концѣ узломъ, въ который втыкается деревянный гвоздь приблизительно въ два дюйма длиною. При помощи этого деревяннаго гвоздя къ каждой петлѣ гужа припрягаютъ всегда по двѣ собаки, — одна съ правой, а другая съ лѣвой стороны гужа, а тянуть онѣ обѣ вмѣстѣ. Для домашней службы, для возки воды, дровъ и другихъ легкихъ грузовъ довольствуются двумя или четырьмя собаками; но я не видалъ, чтобы на болѣе дальнія поѣздки запрягали менѣе двѣнад-

пяти собакъ, и то это рѣдко, а большою частью по четырнадцати. Передовая собака служитъ вожакомъ, но обыкновенно къ ней припрягаютъ другую молодую, смышленную собаку, которая такимъ образомъ и научается искусству. Вожей при нартѣ нѣтъ, а собаки управляются тремя возгласами: «право», «лѣво» и «стой»; передовая собака должна ихъ тотчасъ же замѣчать и повиноваться имъ. Кромѣ того для управленія нартой каюръ пользуется еще только оштеломъ — здоровой дубиной, имѣющей на нижнемъ концѣ крѣпкій и острый желѣзный шипъ, а на верхнемъ — нѣсколько желѣзныхъ колець. Этимъ оштеломъ каюръ можетъ тормозить нарту, втыкая его въ снѣгъ передъ копылами; кромѣ того онъ гремитъ кольцами, если замѣчаетъ, что животныя плохо тянутъ, или кусаютъ другъ друга, или производятъ какое нибудь другое безчинство. Это лишь предварительное предостереженіе, и если оно не помогаетъ, то каюръ кидаетъ свою дубину проказнику въ голову и затѣмъ съ большою ловкостью ловить ее на лету. Въ виду того, что длинная, узкая нарта не имѣетъ дышла, а тянется лишь пятнадцати- или шестнадцати-футовымъ ремнемъ, при быстрой ѣздѣ она неминуемо должна сильно раскачиваться и непремѣнно часто опрокидывалась бы, если бы искусный каюръ не умѣлъ предупреждать этого. Какъ уже сказано, онъ сидитъ позади вертикально къ нартѣ придѣланной дуги. Если онъ замѣчаетъ, что нарта наклоняется, напр., на правый бокъ, то онъ вскакиваетъ, становится слѣва на полозья и, держась за дугу, перевѣшивается на лѣвую сторону, уравновѣшивая такимъ образомъ тяжестью своего тѣла наклонившуюся нарту. Когда же нарта наклоняется влѣво, онъ однимъ прыжкомъ очутится на правой сторонѣ ея, снова становится на полозья и нагибается въ соотвѣтственномъ направленіи. При быстрой ѣздѣ, особенно во время бѣга по зеркально-гладкой дорогѣ, обязанность каюра въ высшей степени утомительна и требуетъ много ловкости и силы.

Подобно тому, какъ имѣются ломовыя и бѣговыя лошади, есть и собаки для возки тяжестей и легковыя; первыя легко

справляются съ большими грузами, но не могут равняться съ послѣдними въ быстротѣ бѣга. Въ дальнихъ путешествіяхъ на тяжело нагруженной нартѣ дѣлають, смотря по дорогѣ, отъ четырехъ до шести верстъ въ часъ; если путь хорошъ и собаки сильны, нарту, запряженную двѣнадцатю или четырнадцатю собаками, можно нагрузить шестьюдесятью пудами. Но если дорога плоха, если приходится ѣхать по мягкому снѣгу, какъ это часто бываетъ въ лѣсу, то нарты нельзя нагружать болѣе, какъ тридцатю или сорока пудами, сообразно съ силами животныхъ. Въ такихъ случаяхъ передъ нартою идетъ на лыжахъ человѣкъ, который придавливаетъ снѣгъ своею тяжестью. Однако, послѣднее дѣлается только при очень продолжительныхъ путешествіяхъ на тяжело нагруженныхъ нартахъ; а если на нартѣ сидитъ кромѣ кучера одинъ сѣдокъ съ небольшимъ количествомъ багажа, то собаки бѣгутъ, даже при продолжительномъ путешествіи, верстъ по десяти въ часъ, и на нихъ можно дѣлать въ среднемъ отъ шестидесяти до семидесяти верстъ въ день, не рискуя ихъ особенно утомить. Когда путешествіе длится нѣсколько дней, ѣхать быстрѣе не совѣтуютъ, потому что при этомъ черезъ-чуръ страдаютъ лапы животныхъ и наконецъ могутъ быть ссажены до крови. Но если ѣдутъ на почтовыхъ собакахъ, которымъ предстоитъ пробѣжать всего одну станцію въ пятьдесятъ или шестьдесятъ верстъ, чтобы затѣмъ вновь отдохнуть, то дѣлають не менѣе пятнадцати верстъ въ часъ. Тутъ указано какъ собаки могутъ бѣжать при нормальныхъ условіяхъ, но подъ вліяніемъ непогоды, вѣтра, снѣжной бури и распутицы приведенные результаты могутъ сильно измѣняться, такъ что отдѣльныя поѣздки въ этомъ отношеніи до невѣроятности разнятся между собой.

Но совершенно другихъ результатовъ можно ожидать отъ собачьяго спорта; въ этомъ случаѣ скорость бѣговыхъ собакъ подчасъ просто необычайна и часто превосходитъ быстроту бѣга хорошихъ лошадей. Одинъ изъ моихъ казаковъ, Котельниковъ, сравнительно состоятельный человѣкъ, былъ прекрасный охот-

никъ за медвѣдями и вообще мастеръ на всѣ руки. Отецъ его, бывшій еще въ живыхъ при моемъ первомъ посѣщеніи нижняго теченія Колымы въ 1866 году, сопутствовалъ Врангелю въ путешествіяхъ по льду Ледовитаго океана. Сынъ его не хотѣлъ отстать отъ отца и продѣлалъ съ нами все путешествіе; когда же я разстался въ Марковѣ съ докторомъ Нейманомъ, я далъ его этому послѣднему какъ самаго опытнаго проводника для поѣздокъ по льду Сѣвернаго моря. Котельниковъ славился тѣмъ, что имѣлъ самыхъ лучшихъ собакъ въ Каретовѣ, деревнѣ, гдѣ онъ жилъ; онъ просилъ меня, когда я возвращусь изъ имѣвшейся въ виду зимою 1869 — 70 года поѣздки въ Гижигинскъ, проѣхать изъ Каретова въ Нижнеколымскъ (приблизительно 23 — 25 верстъ) на его собакахъ, обѣщая, что онѣ доведутъ меня менѣе, чѣмъ въ часъ времени. Дѣйствительно, прибывъ въ Каретово, я нашелъ тутъ все готовымъ; но они не ожидали меня именно въ тотъ день, когда я пріѣхалъ, а потому обыкновенно ѣздившій на бѣговыхъ собакахъ сынъ не былъ случайно дома. Другой изъ сыновей, сильный молодой малый, просилъ меня подождать до слѣдующаго дня; онъ хотѣлъ немедленно послать за своимъ братомъ, отправившимся осмотрѣть отцовскіе капканы на песцовъ. Онъ очень настаивалъ на своей просьбѣ, полагая, что отецъ разсердится, если я проѣду разстояніе до Нижняго не достаточно быстро; между тѣмъ онъ самъ не могъ поручиться за хорошій результатъ ѣзды, такъ какъ собаки болѣе привыкли къ брату, чѣмъ къ нему, а потому побѣгутъ-де не такъ хорошо. Мнѣ же было важнѣе какъ можно скорѣе добраться до Нижнеколымска, чѣмъ испытывать собакъ Котельникова, а потому мы отправились тотчасъ. При отѣздѣ было замѣчено время и по моему мнѣнію путешествіе было совершено очень быстро и удобно. Ледъ на Колымѣ былъ въ хорошемъ состояніи, кучеръ отлично зналъ свое дѣло, и мы быстро неслись впередъ. Лай собакъ при нашемъ прибытіи вызвалъ Котельникова и онъ встрѣтилъ насъ у дверей; лишь только я всталъ съ нарты, онъ первымъ дѣломъ освѣдомился о часахъ. Оказалось, что мы ѣхали

часть и десять минутъ; старикъ покраснѣлъ отъ гнѣва и, не промолвивъ ни единого слова, схватилъ дубинку, такъ что мнѣ пришлось вмѣшаться въ дѣло, чтобы избавить молодаго парня отъ нѣсколькихъ здоровыхъ ударовъ. Когда причины медленности ѣзды были выяснены, Котельниковъ успокоился, но все же полагалъ, что я могъ бы отдохнуть одинъ день въ Каретовѣ и тогда онъ не осрамился бы со своею нартою. Эта поѣздка во всякомъ случаѣ была совершена быстро, но все же она выясняетъ не все, что можно ожидать при благоприятныхъ условіяхъ отъ собакъ: разстояніе въ двадцать пять верстъ сравнительно коротко, чтобы на немъ можно было судить о выносливости животныхъ. Въ Нижнеколымскѣ наилучшіе результаты въ этомъ отношеніи были достигнуты, сколько я знаю, во время состязанія моего предшественника по должности Анатовскаго съ богатымъ купцомъ Барамыгинымъ, происходившаго между мѣстомъ ярмарки на Анюѣ и Нижнеколымскомъ на разстояніи 250 верстъ. Оба названныя лица были спортсменами, но каждый занимался спортомъ по своему. Анатовскій постоянно возился со своею нартою, передѣлывалъ ее, мѣнялъ собакъ, постоянно приобретаая новыхъ подъ влияніемъ идеи составить себѣ возможно лучшую бѣговую нарту. Барамыгинъ, ежегодно совершавшій въ качествѣ купца путешествіе изъ Якутска въ Колымскъ и обратно, не жилъ въ Нижнеколымскѣ, а пріѣзжалъ туда только на время ярмарки. Но онъ желалъ, какъ прилично богатому купцу, имѣть самую лучшую нарту и ѣздить быстрее всѣхъ другихъ. Поэтому онъ сдѣлалъ предложеніе одному изъ жителей Нижнеколымска, чтобы тотъ приобрѣлъ на его, Барамыгина, деньги нарту и забиралъ бы на его счетъ круглый годъ кормъ для собакъ; но за то Барамыгинъ имѣлъ право безвозмездно пользоваться нартой во время своего пребыванія въ Нижнеколымскѣ. Конечно, житель Нижнеколымска, очень ловкій каюръ, охотно согласился на такое выгодное предложеніе, избавлявшее его отъ хлопотъ по заготовленію корма для собакъ, — а Барамыгинъ ѣздилъ между Нижнеколымскомъ и Анюемъ съ быстротою молвіи. Въ время

пребыванія на ярмаркѣ Анатовскій съ Барамыгинымъ поспорили о томъ, у кого лучшая нарта. Купецъ указывалъ главнымъ образомъ на то обстоятельство, что Анатовскій постоянно мѣнялъ своихъ собакъ, что отъ вѣчной смѣны собакъ нельзя ожидать ничего путнаго, такъ какъ онѣ не успѣваютъ привыкать одна къ другой и къ каюру и что при этомъ легко промѣнять хорошихъ животныхъ на негодныхъ. Анатовскій оспаривалъ это, и наконецъ было условлено рѣшить дѣло состязаніемъ. Последнее произошло по окончаніи ярмарки. Нарты выѣхали въ четыре часа утра; обѣ онѣ были нагружены очень малымъ количествомъ корма для собакъ, сидѣли на нихъ только каюрь да владѣлецъ, которые тоже взяли для себя лишь немного провіанта, чтобы ѣхать по возможности налегкѣ. Для собакъ дорога была въ очень сносномъ состояніи благодаря тому, что уже и безъ того окрѣпшій снѣгъ былъ хорошо наѣзженъ тяжелыми нартами съ кладью, предназначенною для ярмарки, и имѣлъ видъ полированной поверхности. Но для каюра работа была необыкновенно трудна, такъ какъ грузныя нарты, скользящія то вправо, то влево, сдѣлали дорогу выпуклой; такимъ образомъ, при бѣшенномъ бѣгѣ состязавшихся нарты, эти послѣднія должны были очень сильно раскачиваться изъ стороны въ сторону и каюру предстояло во все время долгаго путешествія продѣлывать свои *salto mortale*, чтобы удерживать нарту въ равновѣсіи. Барамыгинъ выигралъ споръ, прибывъ въ Нижнеколымскъ въ семь часовъ вечера, тогда какъ Анатовскій приѣхалъ приблизительно часомъ позже. Такимъ образомъ разстояніе въ 250 верстъ купецъ проѣхалъ безъ смѣны собакъ въ пятнадцать часовъ съ двумя остановками, чтобы дать передохнуть и поѣсть собакамъ, да подкрѣпиться самимъ сѣдокамъ. Тутъ нужно прибавить кромѣ того, что въ двухъ мѣстахъ нарты покидали рѣку, чтобы перерѣзать ея излучины по землѣ. Это требовало не малой потери времени, потому что оба раза приходилось карабкаться почти на отвѣсный склонъ берега въ сорокъ или пятьдесятъ футовъ вышиною. Полученный результатъ нужно признать за

крайне удачный, достигъ котораго возможно только при очень хорошихъ собакахъ, да и то лишь при тщательной ихъ подготовкѣ. Безъ предварительной тренировки нельзя рѣшиться пустить собаку такимъ бѣшеннымъ бѣгомъ; впрочемъ то же самое относится и къ сибирскимъ лошадямъ. Послѣднихъ тоже нельзя взять на продолжительную быструю поѣздку прямо съ пастбища: ихъ всегда заставляютъ предварительно сильно проголодаться въ теченіи нѣсколькихъ дней, чтобы, какъ тамъ выражаются, «мягкій жиръ окрѣпъ». Въ Забайкальѣ, напр., буряты и усвоившіе отъ нихъ этотъ способъ казаки привязываютъ предназначенныхъ къ бѣгамъ лошадей покороचे по крайней мѣрѣ на двадцать четыре часа, не давая имъ ѣсть и обливая животныхъ передъ началомъ бѣга холодной водой, пока они не станутъ дрожать всѣмъ тѣломъ. Подобнымъ же процедурамъ подвергаютъ и собакъ, если отъ нихъ требуются такія необыкновенныя усилія. За нѣсколько дней передъ тѣмъ заставляютъ ихъ пробѣгать несобольшія разстоянія въ двадцать, тридцать и болѣе верстъ и нѣсколько ограничиваютъ количество даваемой имъ пищи, все для того же, — чтобы «мягкій жиръ окрѣпъ». Если же бѣгъ назначенъ на шестьдесятъ или семьдесятъ верстъ, то предварительной тренировки не требуется и животныхъ можно пустить въ дѣло безъ всякой подготовки. Въ приведенномъ здѣсь случаѣ каюру купца Барамыгина состязаніе стоило здоровья: по прибытіи въ Нижнеколымскъ у него появилось сильное кровохарканье, которое почти уложило высокаго, сильнаго человека въ постель; впослѣдствіи онъ, правда, нѣсколько оправился, но его здоровье было надломлено и онъ навсегда остался неспособнымъ къ тяжелой работѣ.

Объ этомъ состязаніи иногда довольно горячо спорили еще въ то время, когда я былъ въ Нижнеколымскѣ, т. е. нѣсколько лѣтъ спустя. Результатъ его являлся все же чѣмъ-то изъ ряда вонъ выходящимъ, а потому оно вызывало у любителей собачьяго спорта всевозможныя соображенія относительно выбора, кормленія и тренировки собакъ. Въ Нижнеколымскѣ очень сильно при-

держиваются того мнѣнія, что животныя уже рождаются съ очень различными задатками и что, слѣдовательно, нужно только умѣть развить эти способности; вслѣдствіе этого принимаютъ, что разумнѣе всего начать обученіе съ молодости. Поэтому многіе утверждаютъ, что выгоднѣе покупать не взрослыхъ животныхъ, а щенковъ, чтобы затѣмъ воспитывать ихъ уже съ опредѣленной цѣлью. Въ виду того, что для ѣзды употребляются почти исключительно кастраты, то далеко не всѣ держать для приплода сукъ и кобелей, а довольствуются ѣздовыми собаками, утрату которыхъ вознаграждаютъ путемъ покупки; въ то время собака средняго достоинства стоила приблизительно рубля три. Но помимо обыкновенныхъ качествъ, какъ-то выносливость, быстрота, сила, отъ ѣздовыхъ собакъ требуются еще нѣкоторыя другія. Прежде всего каждая нарта должна имѣть передовую собаку, которая, идя во главѣ упряжки, умѣла бы различать команду и не сбиваться съ пути. Три возгласа — право, лѣво и стой — собаки въ общемъ усваиваютъ очень легко, и пониманіе ихъ не составляетъ еще какого либо особеннаго достоинства. Наоборотъ, умѣнье держаться опредѣленнаго направленія дается собакамъ въ высшей степени трудно. Какъ извѣстно, на сѣверѣ, особенно же въ безлѣсной тундрѣ, нѣтъ дорогъ; постоянное теченіе воздуха, несущееся надъ покрытой снѣгомъ и лишенной всякой древесной и кустарной растительности равниной, заставляетъ такъ сильно крѣпнуть снѣгъ, что нужна уже очень тяжело нагруженная нарта, чтобы оставить на немъ слабый слѣдъ; да и этотъ послѣдній уже на слѣдующій день становится еле замѣтнымъ. Такимъ образомъ есть только одно направленіе, по которому приходится ѣхать, именно то, которое даетъ нартѣ каюрь, пускаясь въ путь: задача передовой собаки въ томъ и заключается, чтобы неукоснительно держаться этого направленія до тѣхъ поръ, пока команда не заставитъ ее свернуть вправо или влѣво. Но это усваивается трудно: большинство собакъ имѣетъ привычку отклоняться то болѣе вправо, то слишкомъ въ лѣво, и каюру постоянно приходится слѣдить, чтобы этого не случилось. Послѣдняя задача не-

обыкновенно утомительна, особенно въ пасмурную погоду и на необозримой равнинѣ; однако ее надо неуклонно преслѣдовать, если не хочешь совершенно сбиться съ пути. Уже при тихой погодѣ непрерывное наблюденіе, какъ выше сказано, утомительно, но работа эта становится въ высшей степени затруднительной, если начинаетъ смеркаться и особенно тогда, когда разыгрывается вѣтеръ. Поэтому въ очень темное время, т. е. во второй половинѣ ноября и въ теченіи всего декабря, избѣгаютъ безъ крайней нужды предпринимать далекія путешествія по открытой тундрѣ или въ открытое море. Въ это время, правда, не абсолютно темно, полной темноты не допускаетъ отблескъ отъ снѣга и преломляющіеся въ верхнихъ слояхъ воздуха лучи отъ находящагося подъ горизонтомъ солнца. Но тѣмъ не менѣе видъ въ даль все-же настолько сильно ограниченъ, что ѣхать затруднительно и путешествіе можетъ быть даже опаснымъ. Если есть какая либо возможность, поѣздокъ избѣгаютъ въ это время уже по той причинѣ, что собственно день, когда кое-что все-же видно, очень непродолжителенъ; потому на сравнительно короткія путешествія приходится тратить слишкомъ много времени, да къ тому же расходовать очень много корму, который, конечно, нужно тащить съ собой. Точно также не пускаются въ путь, если свирѣпствуетъ снѣжная буря; нѣтъ никакой возможности мало-мальски ориентироваться, когда непогода бушуетъ до такой степени, что уже нельзя болѣе различить, падаетъ ли кружащійся вокругъ нарты снѣгъ сверху или онъ поднимается вѣтромъ снизу. Въ такихъ случаяхъ преспокойно останавливаешься тамъ, гдѣ тебя застала непогода. Но такъ поступаютъ, конечно, только при абсолютной невозможности продолжать путешествіе, а это случается все-же не такъ часто; при сравнительно не очень сильномъ вѣтрѣ приходится ѣхать дальше, такъ какъ иначе не пришлось бы двинуться съ мѣста. И такъ, при вѣтрѣ, пасмурномъ небѣ и особенно при снѣгѣ съ вѣтромъ, который часто тоже сильно затрудняетъ видъ въ даль, нельзя прерывать путешествіе, и если при такихъ обстоятельствахъ передовая собака не держитъ на-

правленія, то попадаешь въ высшей степени непріятное положеніе. Поэтому-то хорошая передовая собака просто неоцѣнима, въ полномъ значеніи этого слова, потому что ее нельзя достать путемъ покупки. На всякаго рода собакъ существуютъ цѣны, но опредѣлить стоимость передовой собаки мнѣ никто не могъ. На всѣ мои вопросы по этому поводу я получалъ всегда одинъ отвѣтъ: ее нельзя купить, потому что никто не продаетъ своей передовой собаки; ихъ въ продажѣ вовсе не имѣется. Въ извѣстныхъ случаяхъ можно купить цѣлую упряжку для нарты, но отдѣльныхъ передовыхъ животныхъ не продаютъ. Такимъ образомъ умѣнье держаться одного и того же направленія есть главное требованіе, которое предъявляютъ передовой собакѣ, а съ нимъ связаны два другихъ, которыя выполняются собаками тоже очень не легко: въ случаѣ, если встрѣтятся слѣды какого либо животнаго, собака не должна обращать на нихъ никакого вниманія; точно также она не смѣетъ бѣжать за взлетѣвшей птицей или за показавшимся на дорогѣ звѣремъ. Подобныя требованія, конечно, предъявляются, но удовлетворяютъ имъ только очень хорошія и опытныя животныя, потому что это зависитъ не только отъ самой передовой собаки, но послѣдней приходится въ этомъ случаѣ имѣть дѣло со всѣми, позади ея бѣгущими товарищами по упряжкѣ. Лишь только на пути появилось какое нибудь животное или наткнулись на слѣдъ, какъ вся свора съ бѣшенной быстротой пускается въ догонку, и лишь очень хорошія передовыя собаки не даютъ себя сбить и держать направленіе. Впрочемъ, это далеко не такъ опасно, какъ постепенное отклоненіе отъ принятаго направленія, въ которомъ повинна дурная собака и помимо подобныхъ экстраординарныхъ обстоятельствъ. Внезапный, часто сопутствуемый сильнымъ лаемъ, бѣшенный бѣгъ неминуемо обращаетъ на себя вниманіе каюра и онъ тотчасъ же можетъ вернуться на правильный путь.

До сихъ поръ рѣчь шла исключительно о способностяхъ собакъ, которыя относятся спеціально до ѣзды на нихъ; но хорошему ѣздовому животному предъявляются иногда и другія тре-

бования. Особенно высоко цѣнятся тѣ качества, которыя присущи такъ называемымъ нерпичьимъ собакамъ. Зимю на побережья Ледовитаго океана очень усиленно охотятся за тюленями. Это очень обыкновенное тамъ животное имѣетъ привычку въ теченіи всей зимы поддерживать во льду отдушину. Вначалѣ послѣднія представляютъ изъ себя лишь круглыя отверстія, но по мѣрѣ нарастанія льда въ толщину изъ нихъ образуется довольно длинный, косо идущій каналъ, служащій животному для того, чтобы высовываться и вдыхать въ себя воздухъ. Отверстія этихъ каналовъ отыскиваетъ охотникъ за тюленями и вставляетъ въ нихъ мѣшкообразную сѣть. Послѣдняя снабжена такимъ искуснымъ механизмомъ, что захлопывается въ то время, когда вѣрный своей привычкѣ тюлень выскакиваетъ изъ воды, будто выкинутый какой-то метательной машиной; пойманный такимъ образомъ, онъ долженъ задохнуться подъ водой. Когда охотникъ за нерпами нашелъ подобный каналъ и поставилъ въ немъ свою сѣть, онъ ставитъ знакъ, при помощи котораго всегда легко вновь найти мѣсто и дальнѣйшихъ затрудненій въ этомъ отношеніи не является. Но вовсе не такъ легко отыскать воздушныя отдушныя тюленей и помочь въ данномъ случаѣ должна нерпичья собака. Такія животныя, запряженныя въ качествѣ передовыхъ собакъ, имѣютъ способность издали чуютъ нерпичью отдушину и ведутъ нарту прямо къ ней; точно также, благодаря своему тонкому чутью, они находятъ дорогу домой даже въ темнотѣ и во время снѣжной бури. За такихъ собакъ платятъ очень дорого, потому что при извѣстныхъ обстоятельствахъ отъ ихъ способностей зависить жизнь охотниковъ. Далѣе имѣются еще такъ называемыя лисьи собаки, которыя, будучи пущены по слѣду лисицы, догоняютъ ее и загрызаютъ, но не съѣдаютъ, а приводятъ къ ней своего хозяина.

Почти всѣ безъ исключенія ѣздовые собаки охотно идутъ на бѣлаго медвѣдя, а потому подобная охота составляетъ любимое удовольствие молодежи; помимо того она имѣетъ еще особенное значеніе въ годы неудачнаго лова рыбы, когда медвѣжье мясо очень

охотно даютъ собакамъ въ пищу. На охоту за медвѣдями ѣдутъ обыкновенно обществами въ три или четыре человѣка и направляютъ свой путь къ такъ называемымъ торосамъ, т. е. образуемымъ льдомъ холмамъ, которые высятся на гладкомъ льдѣ группами или цѣпями и достигаютъ иногда высоты отъ 50 до 90 футовъ. Въ этихъ ледяныхъ горахъ почти навѣрное можно разсчитывать встрѣтить медвѣдей, тогда какъ на гладкой ледяной поверхности поиски за ними остаются тщетными. Когда по поведенію собакъ, почуявшихъ животное, замѣчаешь, что оно близко, слѣдуетъ принять мѣры къ тому, чтобы медвѣдь не напалъ внезапно; необходимо имѣть время остановить нарту и отпречь по крайней мѣрѣ одну или нѣсколько заднихъ собакъ отъ гужа, чтобы онѣ начали наступленіе на медвѣдя и отвлекали его вниманіе, пока освобождаетъ остальную свору. Лишь только псы спущены, они съ отчаяннымъ воемъ кидаются на медвѣдя, который тотчасъ же садится на заднія лапы и раздаетъ сильные удары обливашимъ его со всѣхъ сторонъ и то тутъ, то тамъ хватающимъ его собакамъ. Крайне рѣдко удается животному схватить какую нибудь изъ нихъ и швырнуть се съ разодраннымъ бокомъ на ледъ; большую же частью нападающія достаточно ловки и не допускаютъ до этого. Между тѣмъ охотники успѣли уже освободить свои копыя, которыя всегда прикрѣпляются по сторонамъ нарты, и сами переходятъ въ наступленіе. Если они дѣйствуютъ хладнокровно и обдуманно, то одинъ изъ нихъ выстукаетъ впередъ, становится противъ медвѣдя и выжидаетъ момента, когда занятое исключительно собаками животное подымаетъ лѣвую ногу, съ цѣлью дать ударъ, — тогда онъ оканчиваетъ битву, всаживая вѣрно намѣченное копые въ сердце. Такъ охота должна вестись по правиламъ, но не всегда протекаетъ она столь гладко, по программѣ: случается порой, что выходитъ не одинъ, а разомъ два, даже три медвѣдя, и тогда обстоятельства дѣла усложняются. Далѣе можетъ быть, что медвѣдю удастся съ самаго начала схватить и задушить собаку, что иногда ведетъ къ плачевнымъ послѣдствіямъ. Если

собака ранена въ разгарѣ борьбы, когда животныя разъярены, ихъ уже не тревожить жалобный вой полураздавленного товарища, а наоборотъ заставляетъ ихъ придти въ еще ббольшую ярость и энергичнѣе бросаться на медвѣдя. Но если послѣднему посчастливилось уже въ началѣ битвы разорвать собаку, то псы, особенно молодые безъ опытнаго въ битвахъ ветерана въ ихъ средѣ, отступаютъ и прячутся за охотниковъ, предоставляя имъ играть первую роль. Искусившихся въ этой охотѣ людей, въ родѣ Ивана Котельникова, это нисколько не обезкураживаетъ; старикъ постоянно придерживался того мнѣнія, что медвѣдь слишкомъ глупъ, чтобы съ успѣхомъ бороться противъ человѣка: нужно только внезапнымъ движеніемъ направить копые на глаза животнаго, тогда онъ будто-бы сейчасъ же высоко поднимаетъ обѣ лапы и затѣмъ уже легко попасть въ сердце. Это опять такой маневръ, который могъ привести въ исполненіе лишь самъ Котельниковъ, да еще одинъ молодой парень съ Индигирки. Но эти два человѣка по всему побережью Ледовитаго океана славилась за лучшихъ охотниковъ на медвѣдей; остальные же полагали, что всегда крайне неприятно, если собаки покажутъ тылъ и особенно тогда, когда это случается очень быстро, неожиданно и раньше, чѣмъ приготовиться, какъ слѣдуетъ, къ борьбѣ. Охота на медвѣдей считается спортомъ, да къ тому же еще такимъ, гдѣ человѣкъ можетъ показать себя; происшествія, которыя случаются при этомъ, составляютъ часто предметъ очень оживленныхъ, то порицающихъ, то хвалебныхъ разговоровъ. Мнѣ хотѣлось купить нѣсколько шкуръ бѣлаго медвѣдя; невыдѣланныя онѣ стоятъ недорого, такъ какъ, собственно говоря, ихъ вовсе нельзя пускать въ дѣло: волосы жестки и шкура необыкновенно тяжела. Дубить ихъ нелегкая работа, потому что онѣ точно насквозь пропитаны жиромъ, очистить же ихъ крайне трудно. Мнѣ было предоставлено на выборъ нѣсколько такихъ шкуръ людьми, пріѣхавшими изъ Русскаго устья, особенно же упомянутымъ выше и слышшимъ за прекраснаго охотника молодымъ парнемъ. Въ то время какъ я осматривалъ товаръ,

собралась цѣлая толпа народа, которая очень внимательно разсматривала шкуры съ внутренней стороны, съ цѣлью найти дыры отъ удара копій. Большинство медвѣдей было убито по правиламъ, а нѣкоторыя шкуры имѣли всего одну рану, — доказательство того, что смертельный ударъ былъ нанесенъ вѣрной рукой. Вдругъ поднялся ужасный шумъ и смѣхъ: нашли шкуру, принадлежавшую, судя по величинѣ, не очень-то опасному животному, но вся спина котораго, такъ же какъ бока и грудь, была покрыта массой незначительныхъ дыръ. И напали же тогда на бѣднаго малаго; онъ покраснѣлъ какъ ракъ и старался защищаться, но среди посыпавшихся на него со всѣхъ сторонъ насмѣшекъ не могъ вымолвить ни одного слова. Его спрашивали не позволяли онъ на помощь всѣхъ своихъ сестеръ и тетокъ и не заставляли ихъ колоть медвѣдя сзади въ то время, какъ самъ плясалъ передъ нимъ; — однимъ словомъ, ему приходилось плохо. Лишь спустя нѣкоторое время могъ онъ заставить толпу выслушать себя и сказать ей, что эта шкура была вовсе не его добыча и что она только случайно попала къ нему: онъ услышалъ, что мигъ нужно много шкуръ, а потому постарался добыть, какъ можно больше. Въ концѣ концовъ ему пришлось повѣрить, такъ какъ онъ былъ черезъ-чуръ ловкій охотникъ, но насмѣшливыя замѣчанія, какъ объ этой шкурѣ, такъ и о другихъ, которыя помнѣнію людей имѣли больше дыръ, чѣмъ это допускалось, слышались еще долго.

37. Пангао былъ молодой купецъ съ мыса Пээкъ, очень предприимчивый и интеллигентный человекъ, но въ то же время крайне вспыльчивый и буйный въ гнѣвѣ. Зимой 1865—66 года онъ сдѣлалъ на ярмаркѣ какой-то скандалъ и для успокоенія и въ наказаніе былъ посаженъ мною подъ арестъ. Вслѣдствіе этого трусливые нижнеколымцы полагали, что онъ поклялся мнѣ отомстить и считали своею обязанностію предостеречь меня. Но это было совершенно напраснымъ трудомъ, потому что желаніе видѣть меня было связано у Пангао съ совсѣмъ иными причинами. Онъ

подалъ мнѣ жалобу на америкапскихъ китолововъ, которые торговали на мысѣ Пээкъ въ большихъ размѣрахъ водкою, спаввали людей, а затѣмъ за гроши получали отъ нихъ пушные товары. Кромѣ того Пангао ставилъ въ упрекъ китоловамъ то обстоятельство, что они охотились за тюленями у самаго Сибирскаго побережья и наносили большой вредъ живущимъ тамъ чукчамъ, которые занимались тѣмъ же промысломъ. По его словамъ прежде приходили въ тѣ воды русскіе военные корабли и оберегали жителей отъ хищничества американцевъ, въ настоящее же время этого больше нѣтъ, а потому онъ просилъ меня, чтобы опять было учреждено наблюдение за побережьемъ. Я обѣщалъ ему представить его жалобу на усмотрѣніе генераль-губернатора Восточной Сибири и на самомъ дѣлѣ сдержалъ это обѣщаніе. По разнымъ причинамъ прошло нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ туда дѣйствительно были отправлены корабли; Пангао же полагалъ, что это послѣдуетъ немедленно, а потому намѣреніе разузнать отъ мѣня причину ихъ отсутствія и заставило его выразить желаніе увидать меня.

38. Страннымъ образомъ Амвраоргинъ не получилъ никакихъ почетныхъ знаковъ, хотя было бы прямо логично отличить его передъ всѣми остальными. Никто не имѣлъ на его соотечественниковъ даже приблизительно такого вліянія и не пользовался такимъ уваженіемъ среди нихъ, какъ онъ, а потому было необходимо все болѣе и болѣе усиливать это вліяніе, чтобы въ концѣ концовъ пріобрѣсти среди разсѣяно живущихъ въ мало доступной странѣ чукчей личность, съ которой и можно было бы имѣть дѣло въ случаѣ какой либо надобности. Среди азіатскихъ инородцевъ стремленіе украшать себя значками и отличіями развито еще сильнѣе, чѣмъ въ образованной Европѣ, и какъ онъ самъ, такъ и знатнѣйшіе изъ его приверженцевъ очень нервно относились къ тому, что его такъ обходили. До нѣкоторой степени онъ старался, конечно, самъ помочь себѣ въ этомъ отношеніи. Капитанъ Биллингсъ получилъ нѣсколько медалей для раздачи и во время своего путешествія по Чукотской Землѣ

воспользовался даннымъ ему правомъ. Отъ нихъ, кажется, не осталось никакихъ слѣдовъ, но отецъ Ятыргина, повидному, тоже получилъ двѣ подобныя большія медали, — одну оловянную, а другую бронзовую; онѣ перешли по наслѣдству къ сыну, а затѣмъ ко внуку и носились этимъ послѣднимъ. Кромѣ того старикъ Ятыргинъ получилъ почетный кафтанъ изъ краснаго сукна, который присвоилъ себѣ также и сынъ его. Такимъ образомъ въ торжественныхъ случаяхъ Амвраоргинъ появлялся въ красномъ мундирѣ и съ двумя большими медалями на шеѣ, на что онъ не имѣлъ ровно никакого права, потому что всѣ такія украшенія даются, само собою разумѣется, только лично, безъ права передачи по наслѣдству. Поэтому, нужно было бы, собственно говоря, запретить ему ношеніе этихъ вещей, но было безусловно необходимо выставить его въ глазахъ единоплеменниковъ какъ единственнаго главу. И такъ оставалось только изъ незаконнаго поступка сдѣлать законный и приказать ему являться въ официальныхъ случаяхъ не иначе, какъ въ своемъ красномъ кафтанѣ и съ медалями. Онъ дѣлалъ это, понятно, очень охотно, а распоряженіе имѣло хорошія послѣдствія особенно благодаря тому, что чукчей никогда не принимали иначе, какъ въ присутствіи Амвраоргина: если у нихъ была какая либо надобность до русскихъ властей, они должны были предварительно испросить аудіенцію у него.

39. Обыкновенныя чукотскія палатки являются не очень-то пріятнымъ жилищемъ по двумъ причинамъ: съ одной стороны спишь въ обществѣ самихъ хозяевъ, а съ другой — освѣщаются и согрѣваются онѣ въ большинствѣ случаевъ салными лампами, которыя распространяютъ отчаянную вонь. Осѣдые чукчи имѣютъ возможность употреблять на это исключительно тюлений жиръ и измѣнить этого конечно нельзя; но въ распоряженіи чукчей-оленоводовъ есть еще другой матеріалъ для освѣщенія и топлива, и если они не употребляютъ его постоянно, то виновата въ томъ исключительно ихъ лѣнь, такъ какъ приготовить

его нѣсколько хлопотливо. Чукчи варятъ свою оленину всегда безъ костей, которыя тщательнѣе отдѣляются отъ мяса раньше, чѣмъ послѣднее поступаетъ въ котель. Оставшіяся кости разбираются большими деревянными молотками и затѣмъ варятся въ теченіи многихъ часовъ съ большимъ количествомъ воды въ котлѣ. На поверхности воды образуется при этомъ толстый слой жиру, который собираютъ и остуживаютъ. Тогда получается бѣлая, твердая, походящая на стеаришъ масса, при сгораніи дающая очень хорошее, горящее бѣлымъ огнемъ пламя, которое вовсе не имѣетъ запаха. Лампа, въ которой горитъ этотъ жиръ, отличается очень простымъ устройствомъ: иногда она представляется изъ себя глиняный сосудъ, иногда въ качествѣ ея служитъ простая круглая сковорода изъ чугуна, какія обыкновенно привозятъ купцы на ярмарку. Такую сковороду ставятъ въ палаткѣ на плоскій камень въ нѣсколько наклонномъ положеніи; на приподнятую сторону кладутъ кусокъ вышеописаннаго жира величиною въ кулакъ, а на опущенную помѣщаютъ родъ фитиля изъ мха, толщиною приблизительно въ дюймъ. Если теперь поднести къ жиру зажженную лучину, то онъ таетъ, пропитываетъ фитиль и послѣдній можно тогда зажечь; далѣе правильное питаніе фитиля поддерживается уже развиваемою пламенемъ теплою. Такой лампой палатка не только хорошо освѣщается, но и быстро и вполне достаточно нагрѣвается, такъ что въ ней удобно можно оставаться въ легкомъ мѣховомъ платьѣ даже во время сильной стужи.

40. Вся тундра покрыта травой и не слѣдуетъ представлять ее себѣ въ видѣ равнины, поросшей мхомъ, хотя послѣдній встрѣчается тамъ тоже въ большомъ изобиліи. Но изъ травъ въ тундрѣ растутъ только осоки, *Carices*, питательность которыхъ крайне сомнительна. Лѣтомъ, особенно же весною, эти растенія доставляютъ еще довольно сносный кормъ, но позднѣе они становятся такими жесткими, что животныя, хотя и ѣдятъ ихъ, но остаются постоянно голодными и теряютъ силы. Изъ дальнѣй-

шаго разсказа будетъ видно, насколько я самъ терпѣлъ отъ того, что моя лошади во время поѣздки къ мамонту и въ то время, когда мы были заняты тамъ работами, не могли найти себѣ хорошей пищи. Въ данномъ случаѣ дѣло было еще не такъ серьезно, потому что съ нами было не много багажа и я могъ вернуться оттуда пѣшкомъ. Но въ Чукотской Землѣ, слишкомъ удаленной отъ мѣстъ человѣческой осѣлости, я не могъ рискнуть на такого рода опыты. Правда, съ Анюя въ Гижигинскѣ ѣздили на лошадяхъ, и на нихъ же путешествовали американскіе рабочіе во время проведенія телеграфа; но эти поѣздки совершались на короткомъ разстояніи и въ самое лучшее время года, а потому онѣ не могли служить примѣромъ для моей экспедиціи, которая отправлялась въ неизвѣстную землю и продолжительность которой нельзя было опредѣлить.

41. Можно было бы предполагать, что оленье мясо много питательнѣе рыбы. Вообще это очень возможно, но только не по отношенію къ собакамъ. Послѣднія такъ привыкли къ рыбѣ, что желудокъ ихъ, по всей вѣроятности, хорошо усваиваетъ лишь ее, а мясная пища частью выводится непереваренной. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что собаки, которыхъ кормятъ оленьей, способны значительно менѣе къ работѣ, чѣмъ тѣ, которыя получаютъ въ пищу рыбу.

42. Обращеніе чукчей въ христіанство шло, по крайней мѣрѣ во время нашего тамъ пребыванія, крайне медленно, да и заключалось-то оно лишь въ томъ, что миссіонеръ ежегодно присылалъ списокъ крещенныхъ. Миссіонеровъ для чукчей два: одинъ имѣетъ своимъ постояннымъ мѣстомъ жительства Нижнеколымскъ, а другой Марково на Анадырѣ. Въ этомъ выразились заботы о распространеніи среди чукчей христіанской религіи, и на этомъ и успокоились. Въ описаніи путешествія Врангеля, Матюшкинъ говоритъ объ одной ярмаркѣ на Анюѣ, на которой онъ присутствовалъ, и рассказываетъ о сценѣ, которую онъ видѣлъ тамъ во время крещенія. Нѣкій чукча сторговался съ мис-

сіонеромъ креститься за нѣкоторое количество табаку. Когда же дѣло дошло до священнаго обряда и передъ находящейся тамъ маленькой часовни поставили большую купель съ водой, собиравшагося креститься взяло раздумье стоитъ ли подвергаться такой холодной ваннѣ при господствовавшей въ то время температурѣ? И такъ, креститься онъ не пожелалъ, но ему напомнили, что онъ вѣдь заключилъ условіе, далъ свое согласіе и что, слѣдовательно, онъ не можетъ теперь отказываться. Наконецъ онъ собрался съ духомъ, прыгнулъ въ купель, но окунулся не три раза, какъ того требуетъ церковный обрядъ, а всего одинъ разъ, а затѣмъ быстро выскочилъ и началъ громко требовать свой табакъ. Всѣ попытки убѣдить его, что ему слѣдуетъ окунуться еще два раза, остались тщетными: отъ холода онъ какъ бѣшеный бѣгалъ въ кругу, образованпомъ зрителями, собравшимися посмотрѣть на эту сцену, и только и зналъ, что кричалъ, — табакъ, табакъ! Подобныхъ сценъ мы не видали, но намъ извѣстно, что миссіонеру Петру Суворову ежегодно дается, или по крайней мѣрѣ давалось въ то время, правительствомъ большое количество табаку и желѣзныхъ издѣлій для того, чтобы онъ распространялъ Слово Божіе среди чукчей. Какой смыслъ въ этихъ подаркахъ миссіонеру, просто непонятно, да и миссіонеръ, живущій на Анадырѣ, ихъ не получаетъ: по теоріи человѣкъ долженъ вступать въ православную церковь добровольно, побуждаемый исключительно силою правды, — къ чему же тутъ табакъ и желѣзо? Впрочемъ, для миссіонера послѣдніе представляютъ очень пріятную прибавку къ содержанію: онъ получалъ свой табакъ и въ такіе годы, когда слой выпавшаго снѣга былъ настолько глубокъ, что купеческіе караваны не могли достигнуть Нижнеколымска благодаря гибели всѣхъ лошадей по дорогѣ. Такимъ образомъ товаръ миссіонера пріобрѣталъ невѣроятно высокую цѣнность и его можно было продавать, какъ это по рассказамъ въ такихъ случаяхъ и бывало, по количествамъ, достаточнымъ лишь для того, чтобы наполнить одну трубку: — шкурка бѣлки или горностая за право набить и выкурить трубку величиною съ лѣсной орѣхъ.

Конечно, нижнеколымскій миссіонеръ ежегодно подаетъ списокъ крещенныхъ, но есть ли это результатъ его миссіонерской дѣятельности или бѣольшую роль играетъ табакъ, — провѣрить трудно. Но необходимо обратить вниманіе на то, что миссіонеръ Петръ Суворовъ не зналъ ни единого слова по чукотски, несмотря на то, что онъ функционировалъ въ качествѣ миссіонера въ теченіи многихъ лѣтъ; далѣе онъ встрѣчался съ чукчами всего только разъ въ году — на ярмаркѣ на Анюѣ, когда положительно не имѣлъ времени бесѣдовать съ ними о религіозныхъ вопросахъ. Какъ уже сказано, онъ жилъ въ Нижнеколымскѣ, куда чукчи попадали крайне рѣдко; да если бы они и посѣщали это мѣсто чаще, толку отъ этого не было бы, поелику миссіонеръ не считалъ для себя нужнымъ заниматься языкомъ того народа, просвѣщать который онъ былъ призванъ. Ему, правда, былъ данъ постоянный переводчикъ, но онъ жилъ не въ Нижнеколымскѣ, а гдѣ-то на Анюѣ и являлся къ миссіонеру на время ярмарки, да еще одинъ или два раза въ году, когда тотъ предпринималъ поѣздку къ устью Большой Баранихи. Въ старое время, когда чукчи густо населяли островъ Айоку и побережье Чаунской губы купецъ Трифоновъ основалъ тутъ торговое поселеніе. Когда чукчи въ послѣдствіи начали покидать эту мѣстность и двигаться къ юго-востоку, по направленію двухъ Анюевъ, Трифоновъ уничтожилъ и свое поселеніе на устьѣ Баранихи; но въ виду того, что какъ разъ въ то время искали помѣщеніе для чукотскаго миссіонера, онъ велѣлъ передѣлать товарный магазинъ въ церковь и отдалъ ее, какъ и свой жилой домъ, въ распоряженіе епархіальнаго начальства, для чукотской миссіонерской станціи. Въ то время былъ туда назначенъ священникъ Аргентовъ, который не пренебрегалъ жить среди чукчей и изучать, насколько позволяли обстоятельства, ихъ языкъ. Ему было очень тяжело, такъ какъ онъ былъ первый, взявшій на себя не легкій трудъ проповѣдывать ученіе бѣдному отвлеченными понятіями народу, для котораго онъ часто не находилъ выраженій въ имѣвшемся у нихъ запасѣ словъ. Но его труды сопровождались успѣхомъ въ томъ отно-

шеніи, что чукчи его любили; а если люди, которыхъ онъ обра- щалъ въ православіе, дѣйствовали еще не изъ полного убѣжденія, то онъ все-же несомнѣнно подготовилъ почву и имѣлъ полное право сказать, что работалъ въ этомъ направленіи, насколько поз- воляли силы. Благопріятнаго результата онъ могъ достигъ, какъ само собою разумѣется, только среди подроставшаго поколѣ- нія; да онъ и строилъ всѣ свои надежды, какъ самъ мнѣ гово- рилъ, исключительно на молодежи. Но онъ былъ нѣсколько эксцен- тричнымъ человѣкомъ и благодаря этой чертѣ своего характера имѣлъ столкновенія — не съ чукчами, сохранившими о немъ теп- лое воспоминаніе, — а со своимъ коллегой въ Нижнеколымскѣ, такъ что въ концѣ концовъ долженъ былъ оставить свой постъ. Съ его уходомъ дѣло дѣйствительнаго религіознаго просвѣщенія чукчей окончательно заглохло: его пріемникъ счелъ невозмож- нымъ жить у одинокой часовни на устьѣ Баранихи, переѣхалъ въ Нижнеколымскъ и отсюда сталъ распространять христіанство при помощи табака и желѣзной утвари. Конечно и теперь еще крестятъ чукчей, но исключительно въ интересахъ ежегодно представ- ляемыхъ списковъ: крестящіеся не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что съ ними дѣлается, и остаются язычниками какъ и прежде.

Такъ обстояло дѣло въ 1870 году, но возможно, что впослед- ствіи оно улучшилось. По крайней мѣрѣ чукчи, очень желавшіе, чтобы среди нихъ начало распространяться христіанство, воз- лагали въ то время большія надежды на новую часовню и мис- сіонерскій домъ, которые были выстроены Амвраоргинымъ на устьѣ Эломбала. Они сами выбрали это мѣсто въ виду того, что въ округѣ постоянно держалось большое число семей, и та- кимъ образомъ, они могли имѣть миссіонера у себя. Когда я съ ними прощался, они очень усердно просили меня позаботиться о томъ, чтобы къ нимъ былъ посланъ возможно скорѣе миссіонеръ, кото- рый жилъ бы среди нихъ, какъ Аргентовъ, и просвѣщалъ бы въ христіанскомъ духѣ ихъ дѣтей. Къ этой просьбѣ чукчи приба- вили: «скажи ему, чтобы онъ пришелъ къ намъ и не боялся; ему

будетъ у насъ хорошо, мы будемъ считать его за своего отца и станемъ стараться, чтобы онъ ни въ чемъ не нуждался». Съ тою же самою просьбою чукчи обращались раньше къ архіерею во время его пребыванія на Анюѣ, и этотъ послѣдній дѣйствительно очень скоро сдержалъ свое обѣщаніе: когда осенью 1870 года я возвращался въ Якутскъ, мнѣ повстрѣчался вновь назначенный миссіонеръ, которому было уже предписано жить на Эломбалѣ и первымъ дѣломъ стараться изучить чукотскій языкъ. Поэтому есть основаніе полагать, что въ этомъ отношеніи послѣдовало значительное улучшеніе.

Что же касается миссіонера на Анадырѣ, то это названіе врядъ-ли можетъ быть ему присвоено, такъ какъ онъ, собственно говоря, вовсе не миссіонеръ, да и самыя окружающія его условія не позволяютъ ему заниматься дѣломъ просвѣщенія язычниковъ. Онъ живетъ въ маленькомъ мѣстечкѣ Марковѣ, расположенномъ выше соединенія Анадыра съ его большимъ правымъ притокомъ Майномъ. Тамъ находится небольшая церковь, въ которой миссіонеръ и совершаетъ богослуженіе. Все это прекрасно, потому что священника посылаютъ туда, гдѣ живутъ люди, но только его служеніе не представляетъ изъ себя миссіонерской дѣятельности среди язычниковъ, которыхъ вокругъ Маркова совѣмъ нѣтъ. Судя по тому, что рассказывалъ мнѣ миссіонеръ Митрофанъ Шипицынъ, если я не ошибаюсь, онъ былъ назначенъ, собственно говоря, проповѣдывать Слово Божіе корякамъ, но онъ не могъ этого выполнить потому, что вовсе ихъ не видалъ или встрѣчался съ ними время отъ времени только случайно. Именно, коряки живутъ по берегу Гижигинскаго и Пенжинскаго заливовъ, такъ что ближайшія юрты ихъ удалены отъ Маркова болѣе, чѣмъ на 450 верстъ, — гдѣ же тутъ возможно добратъся до нихъ миссіонеру? Въ одномъ отношеніи ему было бы, конечно, легче вести съ ними дѣло, чѣмъ чукотскому миссіонеру на Анюѣ: чукчи представляютъ изъ себя разбросанно живущихъ кочевниковъ, тогда какъ коряки живутъ осѣдло въ селеніяхъ у моря. Но, если мѣстомъ жительства миссіонеру назначаешь Анадырѣ,

то отъ него нельзя требовать, чтобы онъ исполнялъ миссіонерскія обязанности на побережьи Охотскаго моря; съ него нельзя даже требовать, чтобы онъ предпринималъ туда поѣздки, такъ какъ ему не было дано средствъ на такія путешествія. Вообще съ этимъ миссіонеромъ поступали такъ, что рассказъ о положеніи, въ какомъ онъ находился, кажется невѣроятнымъ, какъ сказка. Свою миссію онъ долженъ исполнять у моря, но жить онъ обязанъ у своей церкви, которая находится въ 400 верстахъ отъ побережья; жалованье и провіантъ онъ имѣеть получать въ Гижигинскѣ, удаленномъ отъ мѣста его жительства на Анадырѣ слишкомъ на 600 версть (между Марковымъ и Гижигинскомъ мѣстные жители считаютъ, по моему мнѣнію ошибочно, 800 версть); онъ долженъ совершать этотъ длинный путь черезъ горные хребты и безлѣсную тундру ежегодно на свой собственный счетъ, если желаетъ получать деньги и провіантъ на содержаніе своей семьи и себя. Шипицынъ былъ того мнѣнія, что съ этимъ еще можно мириться; но что главнѣйшее затрудненіе состоитъ въ томъ, что его содержаніе присылается неисправно. Отъ чего зависитъ эта неисправность, сказать съ точностью онъ не могъ, но результатомъ ея являлся тотъ фактъ, что пріѣхавъ въ Гижигинскъ на нанятыхъ или содержимыхъ имъ самимъ собакахъ, онъ узнавалъ, что его содержаніе на этотъ разъ еще не было прислано. Между тѣмъ жить ему чѣмъ нибудь было нужно, и тогда не оставалось ничего другаго, какъ выпрашивать у купцовъ въ долгъ необходимыя для жизни въ теченіе года деньги. Такъ онъ до сихъ поръ, конечно, и поступалъ, но купцы брали, по его словамъ, такой громадный процентъ, что средства его черезъ это очень урѣзывались; впрочемъ въ концѣ концовъ ему всегда выплачивали его содержаніе. Онъ полагалъ, что неправильность, которая такъ часто случалась относительно полученія его жалованья и провіанта, имѣла своею причиною то, что снабжающее его всѣмъ необходимымъ начальство находится въ Благовѣщенскѣ на Амурѣ, слѣдовательно онъ получалъ свое содержаніе морскимъ путемъ, а корабли приходятъ въ Ги-

жигинскъ не ежегодно. Возможно, что такъ оно и было, но тѣмъ не менѣе уже черезъ-чуръ легкомысленно со стороны подлежащей администраціи посылать чиновника на постъ, — миссіонеръ вѣдь можетъ же считать себя чиновникомъ епархіальнаго вѣдомства, — и даже не позаботиться сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія о снабженіи его средствами къ жизни. Есть, конечно, полное основаніе содержать въ Марковѣ церковь и священника, потому что живущіе вдоль Анадыра крещенные юкагиры и чуванцы нуждаются въ духовномъ пастырѣ; послѣдній можетъ также (но конечно подъ условіемъ, что ему будутъ даны средства для поѣздокъ) исправлять требы, необходимыя христіанамъ на Пенжинѣ, такъ какъ разстояніе между Марковымъ и Пенжинскомъ составляетъ всего двѣсти верстъ. Но если помимо того хотять устроить миссіонерскій постъ и у коряковъ, то такое благотворное стремленіе не можетъ быть исполнено только путемъ награжденія священника въ Марковѣ титуломъ миссіонера и означеніемъ въ годовыхъ отчетахъ, что существуетъ миссіонеръ для коряковъ. О существующемъ на самомъ дѣлѣ, а не на одной только бумагѣ, миссіонерскомъ постѣ рѣчь можетъ быть лишь тогда, когда миссіонеръ будетъ жить среди самихъ коряковъ. Нигдѣ въ Сибири нельзя такъ легко устроить миссіонерскую станцію среди несчастныхъ, нуждающихся въ духовномъ просвѣщеніи людей, и нигдѣ не чувствуется въ ней такой настоятельной потребности, какъ у коряковъ Охотскаго моря, которые находятся на пути къ гибели подъ вліяніемъ пьянства и другихъ пороковъ. Побережье этого моря лишено древесной растительности, но на Пенжинѣ растетъ высокоствольный осинный и тополевый лѣсъ, болѣе удобный для построекъ, чѣмъ тотъ, изъ котораго сооружены церковь и дома въ Марковѣ; нѣтъ никакой особенной трудности сплавить строевой лѣсъ внизъ по Пенжинѣ до моря, а затѣмъ вдоль побережья къ устью Шестаковки, гдѣ находится корякское селеніе и притомъ самое большое на всемъ побережьѣ. Отсюда миссіонеръ могъ бы, зимою на нартахъ, а лѣтомъ на байдарахъ, посѣщать всѣ корякскія

селенія и такимъ образомъ исполнять свои обязанности. Мало того, этимъ не исчерпывалась бы его дѣятельность, такъ какъ въ побережной цѣпи горъ живетъ еще много семей коряковъ-оленеводовъ, которые каждое лѣто приходятъ на берегъ моря, чтобы пользоваться его рыбнымъ богатствомъ: имъ тоже можно было бы проповѣдовать христіанское ученіе. Когда во-очію увидишь все рассказанное, то корякскій миссіонеръ на Анадырѣ является чѣмъ-то въ родѣ насмѣшки, какъ будто желали обмануть высшія власти, которыя въ отдаленномъ С.-Петербургѣ не могутъ составить себѣ никакого представленія о дѣйствительномъ положеніи вещей.

43. (Стр. 143) ¹⁾. Въ описаніи своего путешествія Врангель приводитъ отчетъ Матюшкина о ярмаркѣ на Аноѣ. Онъ написанъ очень живо и интересно; особенно ярко набросана картина торговъ съ чукчами на льду. Тотъ однако, кто прочтетъ это описаніе, неминуемо увидитъ чукчей въ слишкомъ выгодномъ свѣтѣ и можетъ подумать, что вообще они стоятъ выше русскихъ. На самомъ дѣлѣ этого конечно нѣтъ, а потому, чтобы отдать справедливость русскимъ, необходимо было сдѣлать поправку въ текстѣ. Дѣло въ томъ, что на этихъ торгахъ русскіе находятъ въ положеніи значительно менѣе выгодномъ, чѣмъ чукчи; это зависитъ отъ того, что различные сорта мѣховыхъ товаровъ, которые на Аноѣской ярмаркѣ оплачиваются одинаковымъ количествомъ табаку, на якутскомъ рынкѣ имѣютъ очень различную стоимость.

44. На чукотской ярмаркѣ установленныя съ самаго начала цѣны удержались безъ измѣненія до послѣдняго времени, тогда какъ на европейскомъ мѣховомъ рынкѣ произошли нѣкоторыя перемѣны. Такъ напр., въ прежнее время офицеры русской арміи носили бобровые воротники, что въ одной Россіи рождало громадный спросъ на этого рода мѣха.

¹⁾ Въ текстѣ два примѣчанія «43»; послѣднее на стр. 148 вмѣсто 46-го.

Богатый офицеръ носилъ, конечно, воротникъ изъ мѣха морскаго бобра, животнаго, которое въ Россіи называется также настоящимъ бобромъ, но относится къ отряду хищныхъ; обыкновенно же требовался рѣчной боберъ, *Castor fiber*, именно то животное, шкурки котораго чукчи привозили на Анюйскую ярмарку. Благодаря этому бобровый мѣхъ требовался въ прежнее время въ большомъ количествѣ; но послѣ того, какъ въ царствованіе Императора Александра II бобровые воротники въ войскѣ были замѣнены мерлушковыми, положеніе дѣлъ быстро измѣнилось и въ настоящее время на европейскихъ рынкахъ почти вовсе нѣтъ спроса на рѣчнаго бобра.

На оборотъ, куница, привозимая чукчами, постоянно была въ хорошей цѣнѣ и такъ и осталась въ ней до настоящаго времени. Мѣхъ ея превосходитъ, ростъ очень великъ и она отличается отъ соболя только тѣмъ, что волосъ ея («вода») желтаго цвѣта; въ Россіи ее считаютъ за дешевый сортъ соболя. Далѣе, временами необыкновенно высоко цѣнилась цвѣтная разновидность лисицы, такъ называемая сиводушка, такъ что каждый купецъ на Анюѣ изъ всѣхъ силъ старался ее получить. Но уже много лѣтъ, какъ чукчи привозятъ на ярмарку почти только однѣ бобровыя шкурки, да развѣ немного лисицъ и куницъ вмѣстѣ съ моржевыми клыками малой величины. Зависитъ оно отъ того, что всѣ цѣнные предметы торговли вымѣниваются у нихъ американскими китоловами уже въ проливѣ, прилежащемъ къ мысу Пээкъ; это обстоятельство доставляетъ большія непріятности купцамъ, но противъ него врядъ-ли можно было бы что нибудь предпринять, если бы подобная мѣновая торговля не влекла за собой неминуемой гибели чукотскаго народа. Для серьезной торговли съ чукчами у американскихъ китолововъ не достаетъ двухъ важныхъ предметовъ ея — черкаскаго табаку и оленьихъ шкуръ, т. е. двухъ безусловно необходимыхъ вещей, какъ чукчамъ, такъ и кергауламъ. Если бы китоловы могли предлагать въ мѣну эти предметы, то по всей вѣроятности среди чукотскихъ торговцевъ не нашлось бы желающихъ совершать крайне долгое и затрудни-

тельное путешествіе отъ мыса Пээкъ къ Анюю и обратно. Но въ виду того, что китоловы не могутъ предлагать этимъ инородцамъ необходимыхъ имъ вещей, они пускаютъ въ дѣло водку съ совершенно вѣрнымъ расчетомъ, что дикари не устоятъ противъ этого соблазна. По рассказамъ Пангао торгъ начинается съ того, что предлагаются желѣзные товары, которые американцы имѣютъ во всякомъ случаѣ въ большемъ разнообразіи и по значительно низшей цѣнѣ, чѣмъ анюйскіе купцы. Если на желѣзные издѣлія спросъ прекращается, то на сцену является водка, сначала въ качествѣ дружескаго угощенія, а когда дикари опьянѣютъ и потеряютъ всякую способность критически относиться къ происходящему — водка становится уже предметомъ торговли. Наконецъ чукча отрезвляется и видитъ себя обладателемъ одной или нѣсколькихъ бутылокъ водки, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишеннымъ всѣхъ своихъ шкуръ. Большое несчастіе и нищету причиняетъ чукчамъ этотъ безсовѣстный торгъ и многіе изъ нихъ погибли благодаря ему.

45. Чукчи ни въ какомъ случаѣ не отличаются ловкостью; для этого они сложены слишкомъ неуклюже и черезъ-чуръ неповоротливы, но они сильны и выносливы. Главнѣйшею же отличительной чертой ихъ нужно, однако, признать полнѣйшую нечувствительность къ холоду. Правда, они носятъ теплую одежду изъ двойной оленьей шкуры; но если принять въ соображеніе, что эта двойная рубаша надѣвается при сорокаградусномъ морозѣ на голое тѣло, то нельзя сказать, чтобы они одѣвались слишкомъ тепло. Когда же чукчи находятъ эту одежду слишкомъ стѣснительною для себя, то, ничуть не задумываясь, снимаютъ ее и при этомъ, повидимому, не чувствуютъ ничего непріятнаго. Рубашка и панталоны чукотскихъ женщинъ составляютъ одно цѣлое; этого рода одежда надѣвается черезъ очень свободный воротъ, а затѣмъ крѣпко завязывается ниже колѣнъ ремнемъ. Верхняя, приходящаяся на туловище часть ея очень широка, и снабжена тоже очень широкими рукавами, въ которые руки всовываются изну-

три. Если женщина выходит изъ дому, то поверхъ этого одѣянія она надѣваетъ еще широкую рубаху изъ лѣтней шкуры оленя, которая своими короткими волосами обращена къ тѣлу; дома же она носитъ только вышеописанный костюмъ, который оставляетъ шею совершенно обнаженною, потому что верхнее отверстіе его, какъ уже сказано, на столько свободно, что въ него проходитъ самая широкая часть туловища. Но какъ вся одежда, такъ и широкіе рукава часто мѣшаютъ имъ въ работѣ, а потому въ своемъ пологѣ женщины сидятъ почти постоянно со спущенною рубашкою, иными словами, совершенно обнаженными ниже, чѣмъ по поясъ. Когда спальный пологъ опущенъ и въ немъ зажжена лампа, то вынести это, конечно, возможно, такъ какъ температура въ столь маломъ помѣщеніи свосная. Но днемъ дѣло другое: лампа не зажигается и, чтобы въ пологѣ было свѣтло, передняя стѣнка его приподнимается и привязывается; тогда температура въ пологѣ едва отличается отъ наружной. На Анюйской ярмаркѣ я проходилъ однажды по лагерю чукчей и увидалъ, что передъ одной изъ палатокъ сидѣли двѣ женщины, которыя очень прилежно занимались какою-то портняжною работою. Онѣ растянули на свѣгу нѣсколько дубленыхъ шкуръ, мѣрили и кроили ихъ. При этомъ женщины, конечно, спустили ради удобства свою одежду и сутились около работы полунагими, а между тѣмъ было около тридцати градусовъ холода и дулъ свѣжій вѣтеръ. Я выразилъ моему переводчику свое удивленіе по поводу столь легкаго одѣянія; женщины немедленно же постарались узнать, что я сказалъ; получивъ отъ него отвѣтъ, онѣ разсмѣялись и тотчасъ же одѣли платье въ рукава. Изъ интонаціи его голоса я легко могъ замѣтить, что онъ далеко не буквально передалъ имъ смыслъ моего замѣчанія: онъ пояснилъ имъ, что неприлично являться передъ чиновникомъ неодѣтыми. Поэтому я велѣлъ немедленно же передать имъ, что мнѣ рѣшительно все равно какой у нихъ туалетъ, но что я только опасался, чтобы онѣ не прозябли. Вслѣдъ за этимъ раздался взрывъ хохота, женщины тотчасъ же опять спустили платье и принялись голыми за шитье.

Подобно женщинамъ поступаютъ и мужчины, но ихъ платье гораздо удобнѣе, а потому снимать его приходится рѣдко; однако время отъ времени они тоже это дѣлаютъ, какъ напр. во время любимыхъ ими состязаній въ борьбѣ. Разъ во время ярмарки я устроилъ въ палаткѣ Амвраоргина маленькое торжество: это случилось по окончаніи переписи и послѣ приѣма ясака. Старый еремъ пригласилъ знатнѣйшихъ изъ своихъ ставовладѣльцевъ, а потому пирушка не могла обойтись безъ водки. Но, конечно, были приняты мѣры къ тому, чтобы она не была слишкомъ крѣпкою; однако, на чукчей, употребляющихъ этотъ напитокъ лишь крайне рѣдко, она подѣйствовала все же очень сильно, а потому весьма скоро завязался необыкновенно оживленный разговоръ. Кромѣ меня тутъ присутствовали другіе члены нашего общества,—Николай Алексѣевичъ Соловьевъ и еще нѣсколько купцовъ. Въ общемъ чукчи держали себя очень хорошо: когда кто либо изъ нихъ начиналъ говорить нѣсколько несвязно, онъ весьма быстро исчезалъ изъ палатки, появляясь въ ней снова лишь черезъ значительный промежутокъ времени и, очевидно, въ много лучшемъ видѣ, чѣмъ удалился. Казалось, что все сойдетъ благополучно, какъ вдругъ завязался оживленный разговоръ между старикомъ Амвраоргинымъ и однимъ чукчею съ мыса Пээкъ, который явился тоже въ качествѣ гостя. Изъ за чего они поспорили я не могъ понять, но видѣлъ какъ Амвраоргинъ въ гнѣвѣ взялъ здоровую палку и такъ сильно ударилъ своего гостя по головѣ, что тотъ свалился. Поднялся громкій смѣхъ, Соловьевъ же перепугался, вскочилъ и хотѣлъ уѣхать, такъ какъ думалъ, что разгоряченные чукчи схватятся теперь за ножи. Я напрасно старался его успокоить, а потому вышелъ съ нимъ изъ палатки, съ цѣлью найти когонибудь, кто бы подалъ ему нарту. На небѣ ярко свѣтила луна, такъ что мы отчетливо могли видѣть странную сцену, которая происходила внѣ палатки. На снѣгу лежало нѣсколько чукчей, скинувшихъ свои мѣховыя рубашки, такъ что верхняя часть туловища была совершенно обнажена до бедеръ; въ такомъ упрощенномъ костюмѣ они валялись по снѣгу,

причемъ иногда глубоко засовывали головы въ собранный въ кучи снѣгъ. На наши вопросы они отвѣчали, что это прекрасное средство освободиться отъ излишняго жара и отъ винныхъ паровъ. Они дѣлали это уже нѣсколько разъ въ теченіе вечера и такимъ образомъ постоянно освѣжались, когда напитокъ слишкомъ отуманивалъ имъ голову.

46. (Стр. 148)¹⁾ Такого рода состязанія въ бѣгахъ не всегда оканчиваются благополучно. На этотъ разъ только одинъ чукча, да и то на короткое время, лишился чувствъ, благодаря тому, что кусокъ льда или комокъ снѣга попалъ ему въ голову; дальнѣйшихъ дурныхъ послѣдствій это, впрочемъ, не имѣло. Но можетъ случиться, что ѣздока потащатъ олени, причемъ иногда онъ получаетъ сильныя увѣчья. Упряжь устроена такъ, что каждая вожжа имѣетъ петлю въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее держать; черезъ эту петлю просовывается рука и вожжей можно время отъ времени не держать, — онѣ прикрѣплены къ запястью той петлей или ушкомъ. При обыкновенной ѣздѣ, когда животныхъ легко сдерживать описаннымъ въ текстѣ приспособленіемъ, такое окончаніе вожжей несомнѣнно очень удобно: руки свободны и пальцы поэтому не такъ коченѣютъ во время сильнаго холода. Но при бѣшенномъ бѣгѣ пользоваться этимъ удобствомъ часто очень опасно. Животныя до такой степени возбуждены, что вѣрно управлять ими болѣе невозможно, и если при этомъ сани, взлетѣвъ на воздухъ, опустятся не на полозья, а перевернутся, то ѣздока выброситъ на землю и онъ, не будучи въ состояніи освободиться отъ вожжей, разбивается о камни и глыбы льда.

Я самъ могъ убѣдиться въ томъ, что при быстромъ бѣгѣ возможность управлять оленями становится значительно меньше. Это случилось во время нашего обратнаго путешествія съ устья Анадыря въ Марково. Установился уже санный путь, хотя снѣгъ, особенно на кочкахъ, былъ еще очень не глубокъ; чукчи вытащили

¹⁾ Примѣчаніе 46-ое въ текстѣ обозначено 48-имъ.

оленьи санки и, какъ обыкновенно, катили на нихъ передъ нашимъ караваномъ. На своихъ саняхъ, запряженныхъ парой прекрасныхъ оленей, я поотсталъ, заинтересовавшись слѣдами какого-то животнаго, и только что догонялъ ѣхавшихъ впереди чукчей, какъ среди нихъ произошла суматоха и раздался крикъ. Одинъ изъ оленей оторвался и побѣжалъ въ сторону, въ тундру. На этотъ крикъ чукчи тоже свернули въ сторону, стараясь его поймать; въ виду того, что всѣ они заѣзжали оленю впередъ, я погнался за ними, надѣясь перерѣзать ему путь сзади. Такъ я быстро несся нѣкоторое время впередъ; нельзя сказать, чтобы это было очень удобно, но я все же сталъ нагонять животное. До сихъ поръ оно бѣжало скорой рысью, но обративъ, повидимому, вниманіе на приближеніе опасности, оно вдругъ остановилось на одно мгновеніе, быстро осмотрѣлось и, подобно пущенной изъ лука стрѣлѣ, полетѣло впередъ. Лишь только замѣтили этотъ маневръ мои олени, какъ пригнули свои рога къ спинѣ, вертикально подняли свои морды къ небу и понеслись съ такою быстротою, будто за ними гналась стая голодныхъ волковъ. То и дѣло взлетали сани на воздухъ, но становились опять правильно на полозья благодаря тому, что послѣднія очень длинны, а кочки расположены все же съ извѣстною правильностью, — однимъ словомъ, балансировать въ общемъ было не очень трудно. Но, что мнѣ было всего непріятнѣе въ этой исторіи, такъ это масса снѣга, которою олени забрасывали меня; снѣгъ, правда, летѣлъ лишь въ видѣ пыли, такъ какъ зима только начиналась и тундра не успѣла еще покрыться твердой корой, но смотрѣть впередъ все же было въ высшей степени неудобно. Поэтому я счелъ болѣе выгоднымъ остановить животныхъ и предоставить самимъ чукчамъ поймать своего бѣглеца. Но удержать оленей было уже не легко: животныя находились въ такомъ дикомъ возбужденіи, что они не чувствовали болѣе надавливанія рычажка, а тормазъ, находящійся у полозьевъ саней всегда съ правой стороны и состоящій изъ очень остроумно приспособленнаго куска оленьихъ роговъ, который вдавливаешь ногой въ снѣгъ, — не дѣйствовалъ благодаря тому, что

последній былъ еще слишкомъ рыхлъ. Въ то время, какъ я старался всѣми силами подобрать вожжи, меня нагналъ одинъ чукча; будучи вполне убѣжденъ, что я вожусь съ вожжами, считая бѣгъ животныхъ недостаточно быстрымъ, онъ, весело разсмѣявшись, началъ еще болѣе подгонять ихъ. Среди бѣшеннаго бѣга я не могъ достаточно ясно дать ему понять, что мнѣ нужно, а когда я вторично крикнулъ ему, чтобы онъ задержалъ животныхъ, онъ подумалъ, что мнѣ нуженъ его арканъ для поймки бѣглеца и тотчасъ же предложилъ его. Какъ разъ въ этотъ моментъ мнѣ залѣпило снѣгомъ все лицо и я ничего болѣе не могъ рассмотреть. Это обстоятельство, повидимому, выяснило ему, что для меня было много важнѣе остановиться, чѣмъ ловить утекавшаго оленя арканомъ; тогда онъ быстро перерѣзалъ мнѣ путь и черезъ нѣсколько времени ему удалось остановить и свои и мои сани. Последняго маневра я видѣть, однако, не могъ, я только почувствовалъ, что мы остановились, и прежде всего принялся протирать глаза, чтобы хоть что нибудь видѣть.

47. Олений мохъ встрѣчается, конечно, въ тундрѣ и на горахъ повсюду, но какъ уже сказано, онъ не всегда обладаетъ одинаковой питательностию; есть четыре сорта, отличающихся различными качествами. Одинъ изъ нихъ особенно полезенъ осенью и въ началѣ зимы, другой составляетъ главную пищу оленей въ холодное время года; наконецъ есть еще зеленовато-желтый сортъ мха, который особенно полезенъ коровамъ въ то время, когда онѣ телятся, а также и молодымъ телятамъ. Однимъ словомъ, хороший пастухъ долженъ зорко слѣдить за выборомъ мха. Далѣе, важное значеніе имѣеть количество мху на выбранномъ для пастбища мѣстѣ. Отъ этого зависитъ не только хорошее состояніе стада, но и то, что оно держится все вмѣстѣ. Стада оленей состоятъ все же изъ полудикихъ животныхъ, которымъ, конечно, нравится уходъ человѣка и которыя остаются у него до тѣхъ поръ, пока они чувствуютъ себя при этомъ хорошо; но съ другой стороны они всегда готовы покинуть своего хозяина, лишь

только начать терпѣть въ чемъ либо недостатокъ. Пастухъ во всякомъ случаѣ долженъ посвятить оленямъ до извѣстной степени всю свою жизнь, думать исключительно объ ихъ благосостояніи и приучить себя къ той мысли, что его благосостояніе всецѣло зависитъ отъ того, насколько довольны животныя, находящіяся на его попеченіи. Но все это легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Если пастуху удастся помѣстить свое стадо близъ границы древесной растительности, то онъ, конечно, ни въ чемъ болѣе не нуждается, потому что все необходимое для существованія доставляетъ ему въ изобиліи олень, — который не можетъ дать ему только тепла. Но на границѣ лѣса расположены мѣста кочевокъ самыхъ крупныхъ стадовладѣльцевъ, и такимъ образомъ всѣ хорошія пастбища заняты тутъ уже стадами, за которыми они наблюдаютъ лично; поэтому для служащихъ у нихъ пастуховъ остается мѣсто только въ отдаленной открытой тундрѣ, гдѣ нужно умѣть обходиться безъ топлива. Какъ мы уже видѣли, чукча можетъ прекрасно просуществовать и безъ него: для варки пищи огня ему не надо, онъ ѣстъ свою оленину очень охотно и въ сыромъ видѣ, а парное мясо представляетъ для него даже лакомство. Во время нашего путешествія довольно часто бывало, что Амвраоргинъ, имѣвшій полную возможность ѣсть вареное мясо, проходя мимо женщинъ, занятыхъ разбираніемъ только что убитаго животнаго, приказывалъ отрѣзать ногу, какъ можно скорѣе, пока животное не успѣло остыть, и принимался съ большимъ наслаженіемъ уплетать теплое мясо. Такимъ образомъ безъ костра для варки пищи чукча можетъ обойтись; труднѣе ему отказать отъ огня, какъ отъ источника теплоты, но онъ обходится и безъ него, если требуютъ обстоятельства. Но даже и для закаленного чукчи крайне тяжело проводить бурныя ночи не въ своемъ пологѣ, а оставаться у стада изъ опасенія, чтобы оно не разбѣжалось. Въ хорошую погоду и при обильномъ мхомъ пастбищѣ пастуху зимою дѣла, конечно, немного, но далеко не всегда встрѣчаются оба эти условія, а потому служба пастуха превращается въ тяжелую и утомительную обязанность даже для закаленного во

всякихъ трудахъ человѣка. Но пастуха всегда находятъ, стадовладѣлецъ никогда не остается безъ такового, потому что предложеніе больше спроса: съ одной стороны оленеводство составляетъ задачу жизни этого народа, а съ другой — пастухъ при выдержкѣ и знаніи дѣла всегда навѣрное можетъ рассчитывать въ сравнительно непродолжительномъ времени сдѣлаться самостоятельнымъ стадовладѣльцемъ.

48 ¹⁾. Трудно допустить, чтобы личинка, по величинѣ и по формѣ напоминающая собою личинку майскаго жука, могла принадлежать насѣкомому, которое ростомъ не больше нашего шмеля. Но съ другой стороны ничѣмъ нельзя объяснить себѣ того паническаго страха, какой овладѣваетъ оленями при появленіи этого не имѣющаго возможности жалить насѣкомаго. Чукчи съ своей стороны съ полной увѣренностью указывали на это насѣкомое, какъ на производителя тѣхъ личинокъ, которыя часто пронизываютъ органы сѣвернаго оленя. Но въ большинствѣ случаевъ личинка сидитъ подъ самымъ эпидермисомъ и выдѣлится ее настолько легко, что дѣти часто занимаются добываніемъ ея для себя. Они очень охотно ѣдятъ ее и утверждаютъ, что она сладка какъ сахаръ; поэтому время отъ времени взрослые дѣлаютъ имъ удовольствіе и, поймавши какого нибудь сильно взъерошеннаго оленя, валяютъ его на землю. Тотчасъ же все молодое общество накидывается на животное, и видишь какъ то тотъ, то другой съ величайшимъ наслажденіемъ отправляетъ себѣ въ ротъ выдавленную личинку.

49. Впрочемъ существующій у чукчей обычай имѣетъ прецедентъ уже въ глубокой древности. Стоитъ только прочесть въ книгѣ Бытія исторію о Лаванѣ и Іаковѣ, чтобы убѣдиться, что обычай послѣпотопныхъ азіатскихъ кочевниковъ очень сходны съ тѣми, которые существуютъ у чукчей. Что касается до сватов-

¹⁾ Примѣчаніе 48-ое пропущено на стр. 156, строка 34.

ства Иакова за дочерей Лавана, то оно вполне тождественно съ нынѣшнимъ сватовствомъ чукотской молодежи; въ дѣлѣ же управленія стадами древній сиріецъ оказался значительно менѣе щедрымъ, чѣмъ нынѣшніе оленеводы. Но не нужно упускать изъ виду, что при окончательномъ разставаніи Иаковъ сдѣлалъ серьезный упрекъ Лавану въ томъ, что онъ долженъ былъ возвратитъ послѣднему потери въ стадѣ, обусловленныя его содержаніемъ и хищничествомъ волковъ. Изъ этого приходится сдѣлать выводъ, что въ основаніи такого рода требованій лежало не совсѣмъ-то мягкое отношеніе господина къ своимъ подчиненнымъ. Но въ общемъ нельзя, кажется, отрицать, что одинаковыя причины вызываютъ и одинаковыя послѣдствія въ видѣ дѣйствій и мѣропріятій даже въ томъ случаѣ, если задатки и условія существованія народовъ совершенно различны.

50. Счисленіе чукчей несомнѣнно оставляетъ многого желать. Судя по тому, что при счетѣ они пускаютъ въ ходъ всѣ свои десять пальцевъ, можно было бы ожидать, что и въ основаніи ихъ счисленія положено число десять; но, какъ видно изъ дальнѣйшаго, на самомъ дѣлѣ оно не такъ. Названія чиселъ слѣдующія:

1 enné	15 kilgĩnkin
2 ŋgirák	16 kilgĩnnok enné
3 ŋgrok	17 kilgĩnnok ŋgirák
4 ŋgrak	18 kilgĩnnok ŋgrok
5 méllengä	19 kilgĩnnok ŋgrak
6 enné méllengä	20 klĩkin
7 ŋgirák méllengä	21 klĩkin enné
8 amroókin	22 klĩkin ŋgirák
9 kon-ádshinkin	23 klĩkin ŋgrok
10 mengĩtkin	24 klĩkin ŋgrak
11 enné párol	25 klĩkin méllengä
12 ŋgirák párol	26 klĩkin enné méllengä
13 ŋgrok párol	27 klĩkin ŋgirák méllengä
14 ŋgrak párol	28 klĩkin amrookin

29	kl̄fkin kon-adshinkin	46	ngirák kl̄fkin enné́n méllengá
30	kl̄fkin mengítkin párol	47	ngirák kl̄fkin ngirák méllengá
31	kl̄fkin enné́n párol	48	ngirák kl̄fkin amroókin
32	kl̄fkin ngirák párol	49	ngirák kl̄fkin kon-ádshinkin
33	kl̄fkin ngrók párol	50	ngirák kll̄kin mengítkin párol
34	kl̄fkin ngrak párol	60	ngrok kl̄fkin
35	kl̄fkin kilgínkin	70	ngrok kl̄fkin mengítkin párol
36	kl̄fkin kilgínnok enné́n	80	ngrak kl̄fkin
37	kl̄fkin kilgínnok ngirák	90	ngrak kl̄fkin mengítkin párol
38	kl̄fkin kilginnok ngrok	100	méllenga kl̄fkin
39	kl̄fkin kilgínnok ngrak	200	ngirák méllengá kll̄kin.
40	ngirák kl̄fkin		
41	ngirák kl̄fkin enné́n		
42	ngirák kl̄fkin ngirák		
43	ngirák kl̄fkin ngrok		
44	ngirák kl̄fkin ngrak		
45	ngirák kl̄fkin méllengá		

Въ этомъ родѣ таблица чиселъ идетъ далѣе до 999. Для обозначенія тысячи чукчи довольствуются исключительно искаженнымъ соответственнымъ русскимъ числительнымъ; далѣе же сочетанія отдѣльныхъ тысячъ дѣло у нихъ, конечно, не идетъ, такъ какъ нѣтъ соответственныхъ понятій. При вышеприведенномъ способѣ обозначенія числительныхъ счетъ долженъ составлять для нихъ большой трудъ. Это станетъ очевиднымъ, если принять въ соображеніе, что напр. 242 выразится слѣдующимъ сочетаніемъ: ngirák méllengá kl̄fkin ngirák kl̄fkin ngirák, а число 275 — ngirák méllengá kl̄fkin ngrok kl̄fkin kilginkin. Возможно ли, чтобы при этомъ постоянномъ повтореніи числительныхъ двадцать, пятнадцать, десять и пять, не произошло путаницы? Поэтому-то въ тѣхъ случаяхъ, когда чукчи сидятъ и сводятъ другъ съ другомъ какіе либо счеты, и видишь ихъ наморщенные лбы и сильно озабоченныя лица: десять пальцевъ постоянно въ ходу, а для обозначенія числа двадцать, на которомъ основано счисленіе употребляются

маленькія палочки. Однимъ словомъ, дѣло крайне затруднительное и сложное.

51. Количество поставленныхъ въ большой наружной палаткѣ малыхъ спальныхъ палаточекъ или пологовъ — какъ ихъ называютъ русскіе, тоже пользующіеся ими во время путешествій — всегда соотвѣтствуетъ числу женъ и семей. Обыкновенно во всякой большой палаткѣ виситъ лишь по одному пологу, потому что моногамія является все же господствующей формой брака среди чукчей. Если пріѣдетъ неожиданно гость, то ему приходится провести ночь въ одномъ пологѣ съ семьей хозяина. Но если о посѣщеніи знаютъ заранѣе, или гость остается на продолжительное время, то для него устраивается особый пологъ. Въ томъ случаѣ, если пологовъ въ палаткѣ нѣсколько, бываетъ также, что жены хозяина помѣщаются въ одинъ, предоставляя такимъ образомъ освободившійся посѣтителю. Когда у ставовладѣльца есть въ услуженіи молодые парни, то въ большинствѣ случаевъ они пользуются совершенно отдѣльной большой палаткой съ особымъ пологомъ.

52. Несомнѣнно было что-то проблематическое въ этой связи. По обычаю чукчей Амвраоргинъ имѣлъ право завести себѣ столько женъ, сколько ему заблагоразсудится; но эта молодая особа, за которую онъ такъ дорого заплатилъ, сначала жила у него не постоянно, а являлась къ нему время отъ времени гостить на нѣсколько дней. Не говоря уже о двухъ старшихъ женахъ Амвраоргина, отношенія къ ней и другихъ чукчей были очень странныя: когда она проходила, чукчи посмѣивались, поглядывали на нее, пожимали плечами, — однимъ словомъ, все это бросалось въ глаза, тѣмъ болѣе, что старикомъ въ данномъ случаѣ не было, повидимому, сдѣлано никакого проступка противъ общественной морали. Такимъ большимъ почетомъ, какой всѣ оказывали первой женѣ, *Аинь*, вторая жена, конечно, не пользовалась, но обѣ эти женщины прекрасно ладили другъ съ другомъ и вторая считалась всѣми за полноправную жену ерема; на-

оборотъ, на молодую женщину всё смотрѣли совершенно другими глазами. Казалось, будто чукчи находили все же не совсѣмъ приличнымъ, что старикъ позволилъ себѣ это прибавленіе къ своей семьѣ и что общественная мораль дѣлала нѣкоторыя ограниченія въ этомъ отношеніи.

53. Я съ самаго начала предложилъ Амвраоргину ѣсть съ нами; онъ, повидимому, остался этимъ очень доволенъ и очевидно считалъ очень важнымъ ежедневно обѣдать съ нами. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ большіе праздники приглашались къ намъ въ гости другіе чукчи, Тинеймитъ и Айгинватъ, онъ любилъ показывать, что ему знакомы европейскія кушанья и что они ему нравятся; онъ дѣлалъ это даже въ томъ случаѣ, когда очень легко было замѣтить какъ разъ противное. Такъ напр., однажды къ завтраку былъ поданъ холодный оленій ростбифъ и въ видѣ приправы къ нему горчица и соя-кабуль. Айгинватъ и Тинеймитъ, попробовавъ блюдо, тотчасъ же выплюнули и нашли соусъ отвратительнымъ, Амвраоргинъ же усердно обмакивалъ въ него свое мясо и ѣлъ съ гордымъ спокойствіемъ, хотя по его щекамъ такъ и струились слезы. Но время отъ времени онъ все же приказывалъ извиниться предъ нами и обѣдалъ со своимъ семействомъ, чтобы снова поѣсть своихъ національныхъ блюдъ. Особенность чукотской кухни состояла главнымъ образомъ въ томъ, что мясо подавалось сырымъ или полуваренымъ; его ѣли съ ужаснѣйшей приправой, существованіе которой Амвраоргинъ старательно скрывалъ отъ насъ, такъ что мы узнали о ней совершенно случайно. Съ нашимъ караваномъ шли между прочимъ сани, на которыхъ лежало что-то напоминавшее дохлаго тюленя и распространявшее сильнѣйшую вонь. Мы думали, что это тюленье сало, которое везли для освѣщенія въ палаткахъ, и не обращали на эту кладь никакого вниманія. Но однажды я почувствовалъ ужасную вонь въ нашемъ пологѣ и вышелъ, чтобы разузнать причину ея, увидѣлъ, что сани, о которыхъ идетъ рѣчь, были поставлены у самой палатки,

чего прежде никогда не случалось, и что изъ предполагаемаго животнаго что-то вынимали и подавали старику Амвраоргину. Послѣдній очень сконфузился, когда я подошелъ и спросилъ его, что онъ тутъ дѣлаетъ; ему было крайне непріятно, что его застали за такой ѣдой: онъ отличался сильнымъ самолюбіемъ и тщательно скрывалъ всѣ привычки своего племени, которыя, какъ онъ предполагалъ, могутъ вызвать отвращеніе въ постороннихъ. Въ данномъ случаѣ онъ ѣлъ гнилую оленью кровь съ сырымъ мясомъ. Съ нами былъ большой мѣшокъ изъ оленьей шкуры, куда сливалась вся кровь, получавшаяся при убоѣ животныхъ; въ мѣшкѣ кровь, понятно, очень скоро загнивала и въ этомъ видѣ считалась лакомой приправой къ сырому мясу.

54. Буря 14-го и 15-го мая была самой сильной, какую мы вообще пережили въ Чукотской Землѣ. Она застала насъ въ мѣстности, крайне неудобной какъ для насъ самихъ, такъ въ особенности для нашихъ стадъ: долина, въ которой были поставлены наши палатки, была совершенно открыта для порывовъ юго-восточнаго вѣтра, а для животныхъ въ томъ мѣстѣ не было подходящаго корму. Собственно говоря, Амвраоргинъ вовсе не имѣлъ въ виду это мѣсто для ночнаго привала, и хотѣлъ возможно скорѣе пройти извѣстную своею бесплодностью горную сѣдловину; но обильный снѣгъ, начавшій падать уже вечеромъ 14-го мая, затемнилъ горизонтъ и принудилъ насъ остановиться. Когда вѣтеръ къ ночи началъ все болѣе и болѣе усиливаться, всѣ мужчины оставили свои полога и отправились къ стаду, которое они ни на минуту не покидали до вечера 15-го мая, несмотря на то, что разыгрался сильнѣйшій ураганъ. Утромъ 14-го мая всѣ мы находились въ нашемъ отдѣльно поставленномъ пологѣ, который тогда еще выдерживалъ жестокіе порывы вѣтра, но начиналъ все же такъ сильно раскачиваться, что мы вышли съ цѣлью осмотрѣться; но вокругъ уже ничего нельзя было различать. Насъ встрѣтила такая бѣшеная снѣжная буря, что мы положительно не могли ориентироваться,

гдѣ находятся остальные палатки, — разглядѣть ихъ не представлялось никакой возможности. Въ то время, какъ мы стояли у нашего все подозрительнѣе и сильнѣе трещавшаго полога, непосредственно передъ нами вынырнула совершенно занесенная снѣгомъ фигура, — то былъ одинъ изъ нашихъ казаковъ, который пришелъ затѣмъ, чтобы отвести насъ въ палатку Амвра-оргина, такъ какъ, по его словамъ, оставаться въ нашей было немислимо. Ему удалось довести насъ туда благополучно и мы оставались тамъ съ женщинами и дѣтьми, а ураганъ между тѣмъ становился все сильнѣе и свирѣпѣе. Тотъ день и слѣдовавшая за нимъ ночь были ужасны. Кромѣ насъ и бабъ въ палаткѣ были еще наши казаки; чукчи не взяли ихъ съ собой потому, что не были увѣрены въ ихъ умѣньи обходиться съ животными. Казаки должны были непрерывно наблюдать за палаткою и держать на готовѣ Т-образныя подпорки, о которыхъ я уже говорилъ. Какъ только замѣчали, что одна изъ сторонъ палатки подвергается болѣе сильному напору вѣтра, тотчасъ же пускали въ дѣло подставку и такимъ образомъ силѣ урагана оказывалось вѣрное противодѣйствіе. Это была очень трудная работа, но она давала хорошіе результаты, потому что наша палатка выдержала бурю, хотя постоянно скрипѣла и трещала такъ, что каждую минуту казалось готова была рухнуть. Къ вечеру перваго дня мы получили новыхъ сожителей: палатки Айгинвата и Тинеймита не устояли противъ бури, свалились, и семьямъ пришлось переселиться къ намъ. Время отъ времени мы пробовали выходить, чтобы взглянуть на непогоду, но нельзя было отойти болѣе чѣмъ на десять шаговъ отъ палатки, не рискуя потерять ее изъ виду. Сдѣлалось тепло, такъ что снѣгъ валилъ громадными хлопьями, которые въ такой массѣ наполняли воздухъ, что, какъ сказано, нельзя было разсмотрѣть большой палатки на разстояніи десяти шаговъ. А чукчи между тѣмъ, несмотря на бушевавшій ураганъ, оставались все время у стада. Только изрѣдка являлся кто нибудь изъ нихъ, чтобы поѣсть и выкурить трубку табаку, а затѣмъ тотчасъ вновь удалялся къ своему посту,

да съ такимъ равнодушіемъ, будто все шло какъ слѣдуетъ. Отъ нихъ я узналъ, что стадо нельзя оставлять безъ присмотра ни на минуту: по ихъ словамъ оно уже старалось разбѣжаться, такъ какъ олени за снѣгомъ не могли разсмотрѣть людей; только непрерывными возгласами и крикомъ можно было давать знать животнымъ, что они не одни. Чукчи говорили также, что олени отказываются ѣсть при сильномъ вѣтрѣ и что это животнымъ вовсе не полезно. Лишь къ вечеру 15-го мая вѣтеръ началъ стихать, снѣжная буря прекратилась и мы могли отправиться въ дальнѣйшій путь. Мы сдѣлали это тотчасъ же, чтобы поскорѣе распространиться съ такимъ негостеприимнымъ мѣстомъ. Я никогда не повѣрилъ бы, что возможно перенести такую отчаянную непогоду въ открытой мѣстности, а между тѣмъ мы ее здѣсь выдержали и казалось, что казаки тоже не видѣли въ этомъ ничего удивительнаго. Кот ельниковъ же полагалъ, что съ оленями онъ, конечно, не сумѣлъ бы справиться, но что на собакахъ онъ могъ бы продолжать путь и въ такую непогоду въ мѣстности, окруженной горами, очертанія которыхъ все же оставались бы видными; но онъ прибавилъ, что въ открытой мѣстности въ такую бурю и при такомъ обильномъ снѣгѣ ѣхать нельзя, непременно собьешься съ дороги.

55. Это замѣчаніе не совсѣмъ вѣрно. Въ своей памятной книжкѣ я нахожу замѣтку, что уже въ первую зиму послѣ нашего путешествія явилась одна или двѣ чукотскія семьи съ Анадыра на Колыму съ цѣлью ближе ознакомиться съ мѣстностью къ западу отъ послѣдней рѣки.

56. Винтовками въ Сибири называются наиболѣе распространенныя тамъ ружья. Эти ружья крайне несовершеннаго устройства, но охотники ихъ очень любятъ потому, что они приспособлены къ очень малому количеству пороха и свинца. Тяжелый стволъ, имѣющій въ діаметрѣ болѣе дюйма, снабженъ очень узкимъ дуломъ, такъ что пуля, которою стрѣляютъ изъ такой винтовки, едва достигаетъ величины картечи, которою бьютъ дикихъ козъ.

Большинство охотниковъ доволствуется однимъ ружьемъ для крупной и мелкой дичи, но у другихъ имѣются ружья двухъ калибровъ: болѣе широкаго, въ который входитъ крупная картечь для стрѣльбы по дикимъ козамъ, и болѣе узкаго, едва пропускающаго горошину обыкновенныхъ размѣровъ. Рѣшительно всё ружья снабжены кремневыми замками очень плохой работы; вообще ружья рѣдко стоятъ на рынкѣ въ Якутскѣ болѣе семи или восьми рублей. Стрѣлки обыкновенно придѣлываютъ къ ложу ружья рогатину, которою подпираютъ тяжелые стволы при стрѣльбѣ. Никакъ нельзя сказать, чтобы сибирскіе охотники были хорошими стрѣлками; они никогда не стрѣляютъ дичи въ летъ и не бьютъ бѣгущаго звѣря, а всегда стоящаго или сидящаго; кромѣ того они обязательно подпираютъ чѣмъ нибудь стволъ ружья. Но зато они способны съ невѣроятной выдержкой преслѣдовать дичь до тѣхъ поръ, пока она не очутится въ выгодномъ для нихъ положеніи и только тогда стрѣляютъ. Охотникъ больше заботится о томъ, чтобы не потратить напрасно пороха и дроби, чѣмъ о томъ, чтобы добыть животное. Поэтому-то онъ и стрѣляетъ по возможности меньше, и всегда охотнѣе ловить звѣря въ ловушки, которыхъ у него масса и которыя часто устроены въ высшей степени остроумно.

57. Мы встрѣчались съ айгванами лишь во время нашего короткаго пребыванія на устьѣ Анадыра. Айгваны часто приходили въ нашъ лагерь съ цѣлью что нибудь вымѣнять или, вѣрнѣе, получить въ подарокъ отъ нашихъ чукчей. Только одна семья этого племени совершенно поселилась вблизи насъ и разбила приблизительно на одну недѣлю свою палатку у самого берега моря. По внѣшности эти люди рѣшительно ни чѣмъ не отличались отъ осѣдлыхъ чукчей и такъ же свободно говорили на ихъ языкѣ, какъ сами чукчи, отъ которыхъ мы впервые и узнали, что у айгвановъ есть еще свой особый языкъ. Впрочемъ крайне сомнительно, чтобы мы имѣли возможность разузнать что либо объ обычаяхъ, и особенно о древнихъ сагахъ и сказкахъ этого на-

рода даже и въ томъ случаѣ, если бы мы вовремя получили инструкцію Ринка. Судя по опыту, вынесенному нами въ этомъ отношеніи отъ чукчей, я не думаю, чтобы наши изысканія могли увѣнчаться успѣхомъ. Было до такой степени трудно разубнать что нибудь объ ихъ языкѣ, нравахъ и обычаяхъ, что мы никакъ не могли выяснитъ себѣ, зависѣла ли эта трудность отъ того, что чукчи тупы отъ природы, или отъ того, что они умышленно не желали сообщать ни о чемъ подобномъ. Старикъ Амвраоргий, которому ни въ какомъ случаѣ нельзя было отказать въ умѣ, будучи спрошенъ о религіозныхъ вѣрованіяхъ своего народа, давалъ постоянно одинъ и тотъ же отвѣтъ: у насъ все такъ же, какъ и у васъ. Но и разговоры съ другими чукчами приводили къ такимъ же неудачнымъ результатамъ: я всегда натыкался на невѣроятное незнаніе всего того, что касалось прошлаго этого народа и его религіозныхъ вѣрованій. Сравнительно обширныя свѣдѣнія я получилъ изъ бесѣды, которую велъ съ довольно большимъ числомъ чукчей весною 1870 года на мысѣ Эрри и о которой я далъ отчетъ Академіи Наукъ подъ заглавіемъ «Antworten auf einige Fragen des Herrn Akademikers Baer». Но и изъ той бесѣды я вынесъ не очень много; особенно мало знали чукчи относительно сраженій, которыя происходили прежде на Анадырѣ, а также въ ихъ собственной странѣ и о которыхъ изрѣдка встрѣчаешь довольно подробныя саги и пересказы среди чуванцевъ и юкагировъ. О чемъ бы я ни начиналъ рассказывать въ моихъ бесѣдахъ съ ними по поводу битвъ, все они слушали съ интересомъ, иногда прося меня кое-что пояснить имъ подробнѣе; но все, что они слышали, было для нихъ совершенно ново и незнакомо. Только одна древняя сага о бѣгствѣ нѣсколькихъ изъ ихъ соплеменниковъ на сѣверъ произвела на нихъ сильное впечатлѣніе и вызвала возраженія. Они всѣ были согласны въ томъ, что подобнаго происшествія никогда не было, да и не могло быть; но съ другой стороны они заявили, что въ очень древнія времена партія стадовладѣльцевъ дѣйствительно отправилась со своими женами, дѣтьми и оленями на западъ,

поселилась сначала на Медвѣжьихъ островахъ, но затѣмъ снова переехала на материкъ, а въ концѣ концовъ совершенно исчезла. Когда я завелъ рѣчь объ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и высказалъ имъ свое удивленіе по поводу того, что они совершаютъ различные обряды и церемоніи, а между тѣмъ не отдають себѣ въ нихъ никакого отчета, Тинеймитъ, съ полнаго одобренія всѣхъ остальныхъ присутствовавшихъ, отвѣтилъ мнѣ, какъ было говорено мною уже раньше, слѣдующее: «наши старики, конечно, многое знали, но мы ни о чемъ болѣе не знаемъ, для насъ все темно и единственной нашей надеждой является церковь, которая строится на Эломбалѣ. Постарайся, чтобы тамъ поселился среди насъ священникъ и скажи, чтобы онъ не боялся идти къ намъ, что ему будетъ хорошо у насъ. Мы сами, конечно, уже стары, мы ничему болѣе не научимся, но дѣтей нашихъ онъ можетъ научить и наставить». Изъ дальнѣйшей бесѣды выяснилось, что они все же чтутъ добраго духа, который по ихъ вѣрованіямъ живетъ на солнцѣ. Чукчи рѣшительно увѣрили, что они молятся не самому солнцу, а поклоняются живущему на немъ доброму духу, потому что отъ солнца исходитъ все хорошее — свѣтъ и тепло. Затѣмъ рѣчь зашла о сотвореніи людей и мнѣ бросилось въ глаза то обстоятельство, что они поинтересовались узнать мое мнѣніе по этому поводу, такъ какъ отъ своихъ стариковъ они слыхали объ этомъ различно. Отцы говорили имъ, что добрый духъ сотворилъ съ самаго начала разомъ нѣсколько народовъ, а другіе утверждали, что сначала были созданы всего *одинъ* мужчина и *одна* женщина, отъ которыхъ уже и произошли всѣ люди. Но съ теченіемъ времени люди сдѣлались очень злы; тогда въ наказаніе добрый духъ послалъ ужасную снѣжную бурю, которая разразилась надъ нераздѣленной до тѣхъ поръ землей. Эготъ ураганъ не только умертвилъ большинство людей и разсѣялъ остальныхъ, но и разорвалъ и раскинулъ даже самую землю. Благодаря этому произошли Земля Кергауловъ, Колочинская губа, Земля Врангеля, Медвѣжьихъ острова и другія земли; изъ разсѣянныхъ же людей возникли племена и

народы: чукчи, ламуты, юкагиры, русскіе и т. д. Несомнѣнно что у чукчей нѣтъ ничего напоминающаго жреческое сословіе. Шаманы, правда, встрѣчаются и здѣсь, но рѣдко кому изъ нихъ удается добиться вліянія и уваженія, потому что этого можно достигать только тогда, когда пророчества шаманствующаго исполняются, чего почти никогда не бываетъ. Шаманомъ можетъ быть почти всякій, и женщина и мужчина, и многіе занимаются этимъ, но вліянія на соплеменниковъ они никакого не оказываютъ; это скорѣе предсказатели, чѣмъ жрецы и значеніе въ глазахъ народа они могутъ имѣть только тогда, когда сказанное ими оправдывается на дѣлѣ. Среди провожавшихъ насъ чукчей была одна чета, прекрасная половина которой почти постоянно была занята со своимъ барабаномъ, употребляемомъ при шаманеніи, но рѣшительно никто не обращалъ на нее вниманія. Время отъ времени намъ приходилось однако просить ее, чтобы она шаманила либо днемъ, либо — если она непремѣнно считала нужнымъ употреблять на это ночь — барабанила бы какъ можно тише и не мѣшала бы спать другимъ.

О характерѣ и природныхъ качествахъ чукчей можно сказать, что они миролюбивый и добродушный народъ. Между собою они живутъ въ полномъ согласіи; мужъ и жена почти всегда ладятъ между собой и первый никакъ не считаетъ послѣднюю за подчиненное ему существо, за рабыню, а смотритъ на нее, какъ на подругу жизни. Взрослые обращаются съ дѣтьми всегда очень хорошо; они охотно балуютъ ихъ, такъ что ребятишки всегда веселы и довольны. Въ Нижне-колымскѣ меня часто увѣряли, что чукчи жестоко обращаются съ больными и престарѣлыми и даже убиваютъ ихъ, чтобы освободиться отъ нихъ, какъ отъ лишней обузы. Но самъ я не встрѣчалъ ничего подобнаго; напротивъ, я могъ только замѣтить, что они относятся къ такимъ людямъ очень внимательно. Однажды, когда мы остановились на устьѣ Анадыря, къ нашему лагерю приблизилась партія молодыхъ чукотскихъ парней; они пришли, чтобы посмотрѣть на насъ и поболтать со

своими, издалека приѣхавшими земляками. Самое интересное во всемъ этомъ посѣщеніи было то, что они тащили съ собою одного убѣленнаго сѣдинами старика, который, собственно говоря, и былъ инициаторомъ ихъ увеселительной прогулки. Самъ онъ былъ слишкомъ старъ, чтобы идти такъ далеко, а ѣхать по моховой тундрѣ безъ того, чтобы до крайности не изнурить оленей, было нельзя; вслѣдствіе этого молодежь рѣшила по очереди нести старика на плечахъ. Старикъ, который во все время пребыванія у насъ едва могъ двигаться съ мѣста, приподымался и класть руки на плечи подошедшаго къ нему молодца; послѣдній бралъ старика за руки, наклонялся впередъ и, взваливъ его себѣ на спину, отправлялся въ путь. Если одинъ юноша уставалъ, его замѣнялъ другой и такимъ образомъ продѣляли они путешествіе, тянувшееся нѣсколько дней, и всѣ, какъ молодежь, такъ и старикъ, находились въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. Точно также я могъ наблюдать ихъ внимательныя и заботливыя отношенія къ больнымъ. Чукчи, правда, рассказывали мнѣ, что въ старыя времена дѣйствительно бывали случаи, что старики и неизлѣчимые больные, которымъ жизнь становилась въ тягость, избавлялись отъ страданій, прося своихъ дѣтей или родственниковъ вонзить имъ ножъ въ сердце. Но чукчи заявляли, что это всегда исполнялось только по особому желанію заинтересованнаго лица и что въ настоящее время этого уже вовсе не бываетъ. Покойниковъ своихъ чукчи хоронятъ въ тундрѣ, прямо на поверхности земли; чтобы доставить имъ общество, они закалываютъ также оленей, возившихъ покойнаго; впрочемъ это случается довольно рѣдко, такъ какъ въ общемъ чукчи слишкомъ расчетливы для такихъ жертвъ. Но, собственно говоря, этотъ обычай не представляетъ собою первоначальнаго способа погребенія. Дѣйствительно, мы видимъ, что коряки, которые составляли прежде съ чукчами одинъ народъ, и до сихъ поръ сжигаютъ своихъ покойниковъ. Когда чукчи удалились въ безлѣсную область, имъ, повятно, пришлось отказаться отъ сжиганія труповъ. Да и у коряковъ этой чести удостоиваются только богатые стадовладѣльцы, останки кото-

рыхъ везуть часто нѣсколько дней прежде, чѣмъ достигнуть мѣста, гдѣ найдется достаточно лѣсу, чтобы разложить костеръ для сожиганія трупа. Костеръ, повидимому, воздвигается очень высокій, такъ какъ коряки жалуются, что для полнаго сожженія необходимо очень большое количество дерева; по ихъ словамъ особенно долго противостоятъ огню внутренности. На костеръ ставятъ нарту умершаго, а на нее кладутъ самого покойника; если костеръ обрушится и окажется, что трупъ сгорѣлъ не совсѣмъ, то подбавляютъ дровъ, пока не исчезнутъ всякіе слѣды тѣла.

58. Вѣткой въ Якутской области къ югу отъ Верхоянскаго хребта называется маленькая, сдѣланная изъ бѣлой бересты лодочка, которая въ большомъ ходу у жителей и отличается своею легкостью и подвижностью. Одинъ человекъ очень легко и удобно можетъ нести на плечѣ вѣтку, въ которой могутъ помѣститься три человекъ; при помощи двойнаго весла она до такой степени легко управляется однимъ пловцомъ, что на ней можно ѣздить по пѣвающимся быстринамъ, по которымъ вовсе нельзя пройти даже на самой легкой лодкѣ изъ дерева. Къ сѣверу отъ названнаго выше хребта я уже не встрѣчалъ болѣе вѣтокъ, сдѣланныхъ изъ бересты, по всей вѣроятности по той причинѣ, что съ одной стороны береза попадаетъ тамъ не достаточно часто, а съ другой — стволы ея не достигаютъ уже той толщины, которая допускала бы возможность получать отъ нея достаточно крупные куски бересты. Для вѣтокъ стараются содрать со ствола березы возможно большія полосы бѣлой бересты, да помимо того выбираютъ мѣста безъ сучковъ, чтобы въ нихъ не было дыръ. Такія полосы сшиваются одна съ другой посредствомъ длинныхъ, очень крѣпкихъ и тонкихъ (приблизительно въ линію) корешковъ лиственицы; если въ берестѣ встрѣтится дыра, то на нее кладутъ берестяную же заплатку, которую пришиваютъ тоже лиственичными корешками. Приготовивъ такимъ образомъ обшивку будущей лодки, приступаютъ къ сооруженію остова. Для этой цѣли берутъ двѣ березовыя жерди, толщиной приблизи-

тельно въ дюймъ; онѣ должны быть совершенно прямы и такой длины, какой желаютъ имѣть вѣтку. Такія жерди связываются по концамъ одна съ другой, а затѣмъ распираются въ двухъ мѣстахъ поперечинами въ аршинъ длиною; такимъ образомъ получается фигура, напоминающая продольный разрѣзъ веретена. Къ этому остову прикрѣпляется береста такъ, что образуется съуживающееся къ обоямъ концамъ корыто. Теперь получилась фигура лодки, но берестяную обшивку необходимо еще укрѣпить и сдѣлать болѣе прочной; для этого отыскиваютъ въ лѣсу сухую елку или сосну, стволъ которой легко расколоть на дранки въ три или четыре дюйма шириною и приблизительно въ одну линію толщиною. Дранки эти сгибаютъ и привязываютъ къ продольнымъ жердямъ такимъ образомъ, чтобы онѣ въ то же время подпирали бересту и придавали лодкѣ стойкость и крѣпость. Въ такомъ видѣ вѣтка готова и ее нужно только еще просмолить. Смолистую массу получаютъ, кипятя мелко наръзанные куски березовой коры съ молокомъ до тѣхъ поръ, пока это послѣднее совершенно не испарится. Въ концѣ концовъ получается черная масса, которая въ охлажденномъ видѣ столь же тверда, какъ варъ, а въ разогрѣтомъ состояніи обладаетъ свойствами воска. Поэтому сибиряки и называютъ эту массу березовымъ воскомъ. Предусмотрительные проводники всегда берутъ ее съ собою, если отправляются въ продолжительное путешествіе, потому что она представляетъ собою единственный необходимый для вѣтки матеріалъ, который за отсутствіемъ молока нельзя приготовить повсюду въ пути. На всѣхъ торныхъ дорогахъ Якутской области можно съ большою долею вѣроятности разсчитывать найти у слишкомъ глубокихъ для перехода въ бродъ рѣкъ и рѣчекъ спрятанную гдѣ нибудь въ кустахъ вѣтку. Когда пріѣзжаешь къ такому мѣсту, то проводникъ тотчасъ же отправляется на поиски и въ большинствѣ случаевъ, какъ уже сказано, находитъ спрятанную подъ листвою и вѣтвями лодку; ею пользуешься для переправы и слѣдишь только за тѣмъ, чтобы она была опять защищена листвою и вѣтвями отъ дѣйствія солнечныхъ лучей. Но

находимыя такимъ образомъ вѣтки не всегда въ совершенно годномъ для переѣзда состояніи, часто нужно ихъ просмолить и поэтому очень полезно имѣть при себѣ березовый воскъ. Последнимъ смазываются не только мѣста, гдѣ сходятся другъ съ другомъ куски бересты, но и всѣ швы, на которые тоже накладывается слой воска, легко впрочемъ соскакивающей. Мнѣ только однажды пришлось самому строить такую вѣтку; трое бывшихъ со мною якутовъ справились съ этой работой въ теченіе одного дня.

Тамъ, гдѣ береза вовсе не встрѣчается или попадаетъ такая, которая не годна болѣе для устройства лодокъ, послѣднія дѣлаются изъ тонкихъ досокъ. Одна доска составляетъ дно, а двѣ идутъ на бока; такіе досчатые челноки въ употребленіи на всѣхъ рѣкахъ Верхоянскаго и Колымскаго округовъ.

59. Россомаха встрѣчается во всей Якутской области. Тамошніе охотники, особенно же тѣ, которые промышляютъ ловушками, такъ глубоко ненавидятъ ее, что даже надѣлили ее названіемъ «пакостника». Ставить на росомаху капканы не стоитъ труда, потому что она повсюду рѣдка; попадаясь не настолько часто, чтобы составлять предметъ охоты, она тѣмъ не менѣе въ состояніи причинить много вреда и непріятностей. Дѣло въ томъ, что росомаха особенно прилежно обыскиваетъ поставленные на лисицъ и песцовъ капканы и съѣдаетъ находящуюся въ нихъ привадку. Эти капканы не достаточно сильны, чтобы причинить ей вредъ, и охотникъ такимъ образомъ, посѣщая тщательно настороженные ловушки, находитъ ихъ спущенными и безъ приманки. Но этимъ еще не исчерпываются всѣ бѣды, причиняемыя росомахой: этотъ воръ не брезгаетъ и тѣми капканами, въ которыхъ поймалась и подохла лисица; онъ съѣдаетъ послѣднюю цѣликомъ, оставляя въ ловушкѣ только голову. Особенно дурно отзывались о росомахѣ жители Русскаго Устья. Эти люди ставятъ вдоль побережья Ледовитаго океана множество капкановъ на песцовъ. Въ тѣхъ мѣстахъ встрѣчаешь зимою

длинные, тянущіяся на протяженіи многихъ верстъ вереницы этихъ, сооруженныхъ изъ пловучаго лѣса ловушекъ; онѣ выдаются изъ безукоризненно бѣлаго снѣга и всегда очень пріятно, особенно же въ метель, имѣть такой прекрасный указатель пути. Въ зимнее время жители побережья постоянно и правильно занимаются осматриваніемъ своихъ капкановъ и выборомъ изъ нихъ добычи, а потому они приходятъ въ сильное негодованіе, когда окажется, что росомаха побывала тутъ и обривизовала ловушки прежде ихъ самихъ.

60. Да, это была очень печальная исторія. Вернувшись въ Иркутскъ, я сдалъ всѣ наши собранія Сибирскому Отдѣлу Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и особенно указывалъ на то, что они состоятъ изъ двухъ совершенно различныхъ коллекцій, — одной съ Колымы, а другой, собранной въ безлѣсной области Анадыра. Но на это не обратили никакого вниманія. Черскій, состоявшій въ то время хранителемъ музея, отвѣтилъ мнѣ, что это все равно и что въ такихъ сѣверныхъ широтахъ нельзя обращать вниманіе на отдѣльныя рѣзки; всѣ птицы собраны на сѣверовостокѣ Сибири и дѣло этимъ и кончается. Далѣе, изъ обѣихъ коллекцій я выбралъ ипіса и предложилъ отправить ихъ въ Зоологическій Музей Академіи, высказывая убѣжденіе, что вообще неудобно сохранять ипіса въ провинціальныхъ музеяхъ, а особенно въ столь отдаленныхъ, какъ Иркутскій, и что ихъ слѣдуетъ отсылать въ доступный всему ученому міру музей столицы. Но въ Сибирскомъ Отдѣлѣ Географическаго Общества объ этомъ ничего и слышать не хотѣли. Въ то время Иркутскъ кишѣлъ поляками, которые разыгрывали тамъ роль ученыхъ чуть ли не по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній и увѣрили секретаря Отдѣла г. Усольцева въ томъ, что они въ состояніи научно обрабатывать матеріалы такъ же хорошо, какъ и петербургскіе ученые. Благодаря такого рода внушеніямъ г. Усольцевъ уже мечталъ о появленіи въ изданіяхъ Сибирскаго Отдѣла

цѣлаго ряда выдающихся работъ и его никакъ нельзя было убѣдить выпустить изъ рукъ дѣйствительно цѣнные экземпляры тамошняго собранія. Но плачевнѣе всего была участь моихъ скелетовъ, которыхъ я привезъ довольно большое число. Всѣ они были сохранены каждый въ отдѣльномъ пакетѣ изъ бумаги и снабжены надписями. Въ такомъ видѣ передалъ я ихъ Черскому, но онъ, взглянувъ на нихъ, сказалъ, что они никуда не годятся. На мое объясненіе, что каждый мѣшечекъ содержитъ всѣ кости одного животнаго, этотъ господинъ возразилъ, что все это можетъ быть, но только кости отъ варки и при очисткѣ отъ мяса были частью оторваны другъ отъ друга, а потому ихъ нельзя болѣе собрать, трудъ же потраченный на нихъ нужно считать напраснымъ. Впослѣдствіи я видѣлъ какъ мои скелеты валяются на полу комнаты и ихъ преспокойно топчутъ ногами. Большую коллекцію рыбъ, изъ которыхъ виды родъ *Accipenser* я собралъ съ большимъ трудомъ, по специальному порученію академика Брандта, тоже удержали въ Иркутскѣ, заявляя, что я не имѣлъ никакого права собирать для кого бы то ни было; весь мой сборъ по ихъ словамъ составлялъ собственность Сибирскаго Отдѣла. Впрочемъ впослѣдствіи, какимъ-то мнѣ незвѣстнымъ способомъ, все же удалось переправить по крайней мѣрѣ часть рыбьихъ шкурокъ въ С.-Петербургъ. Точно также я не могъ получить для Академіи и гербарій, хотя и показывалъ присланные на мое имя письма съ просьбою выслать его въ виду того, что нашелся желавшій его обработать. Мнѣ просто на просто отвѣтили, что Академія можетъ сама снаряжать экспедиціи, если она желаетъ имѣть коллекціи, но что гербарій принадлежитъ Отдѣлу. Въ концѣ концовъ я переговорилъ объ этомъ дѣлѣ съ теперь уже умершимъ Чекановскимъ и ему пришла мысль потребовать гербарій для просмотра (въ чемъ отказать ему заправили Отдѣла сочли не совсѣмъ удобнымъ), чтобы затѣмъ отвезти его въ Петербургъ. Намѣреніе свое онъ исполнилъ и такимъ образомъ была спасена хоть малая часть того, что мы собрали, — все остальное (вмѣстѣ съ очень цѣнными коллекціями Сибирскаго Отдѣла, на-

ходившимися въ старомъ деревянномъ домѣ) погибло во время большаго пожара, свирѣпствовавшаго въ Иркутскѣ въ 1879 году.

61. Это обстоятельство необходимо принимать въ расчетъ, когда нужно опредѣлить общую численность чукотскаго народа. При рѣшеніи этой задачи вообще принимается, что чукчи живутъ съ одной стороны въ области двухъ Анюевъ, а съ другой по побережью Ледовитаго океана отъ мыса Эрри до устья рѣки Анадыра; центральная же часть Чукотской земли считается безлюдною пустыней. До нѣкоторой степени оно, конечно, такъ; но только нельзя сказать, чтобы эта пустыня была абсолютно необитаема. Во время нашего путешествія мы постоянно встрѣчались съ людьми, и если съ одной стороны пространство отъ истоковъ до устья Анадыра не слишкомъ обширно, то съ другой стороны не слѣдуетъ забывать, что эти отдѣльныя семьи могутъ быть разбросаны по всей области. Какъ я уже сказалъ, самъ Амвродоргинъ говорилъ мнѣ, что онъ не думалъ встрѣтить такое множество чукотскихъ палатокъ. Понятно, всѣ намъ попадавшіеся чукчи были стадовладѣльцами и за очень небольшимъ исключеніемъ жили, повидимому, въ очень сносныхъ условіяхъ. Вслѣдствіе этого мою фразу, въ статьѣ «Einiges über die Tschuktschen» (*Deutsche Geographische Blätter, Bremen, Bd. VI, 1883, p. 146*)— «das Innere des Landes aber ist fast vollständig unbewohnt» (p. 147), не слѣдуетъ принимать буквально. Несомнѣнно, что эта страна крайне слабо заселена, но тѣмъ не менѣе въ ней всегда можетъ помѣститься тысяча душъ такъ, что путешествующій не многихъ изъ нихъ замѣтитъ.

62. См. *Die Bevölkerungsverhältnisse der Tschuktschenhalbinsel* въ *Deutsche Geographische Blätter, Bremen, 1883, № VI. S. 255.*

64¹⁾. Въ ниже прилагаемыхъ при этомъ сочиненіи истори-

¹⁾ Примѣчаніе 63-ье, приведенное на страницѣ 274, становится въ русскомъ переводѣ лишнимъ.

ческихъ замѣткахъ о Якутской области, я вовсе не упоминаю о корякахъ, потому что этотъ народъ встрѣчается въ названной области спорадически, да и то исключительно на истокахъ Омолона. Но въ прежнія времена коряки играли значительную роль на Анадырѣ; именно, этотъ народъ былъ главнымъ виновникомъ нескончаемыхъ войнъ русскихъ съ чукчами. Вслѣдствіе этого необходимо сказать о немъ нѣсколько словъ и особенно объ отношеніи коряковъ къ мѣстнымъ русскимъ властямъ и къ Анадырскому острогу. Изъ послѣдующаго съ одной стороны сдѣлается многое понятнымъ, но съ другой—поведеніе распорядителей судебъ крѣпости станетъ еще менѣе объяснимымъ. Изъ данныхъ, найденныхъ въ Сибирскихъ архивахъ, можно съ удивленіемъ замѣтить, что по какой-то непонятной причинѣ казаки начинаютъ войну съ народомъ, который, какъ они отлично знаютъ, не имѣетъ цѣнныхъ мѣховъ, благодаря чему его оставляютъ въ полномъ покоѣ въ первыя пятьдесятъ лѣтъ по основаніи острога. И вдругъ русскіе начинаютъ борьбу по простому заявленію коряковъ, жалующихся, что чукчи увели у нихъ ихъ стада. Но кто же такіе эти коряки, которые плачутся, что они обворованы? Можно было бы предположить, что это мирный, подчиненный русскимъ народъ, который, платя ясакъ, пользуется несомнѣннымъ правомъ требовать себѣ защиты отъ разбоевъ и насилія враговъ. Но на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не оказывается: коряки вовсе не были такимъ миролюбивымъ, терпѣвшимъ несправедливости отъ своихъ сосѣдей племенемъ, чтобы Анадырскій острогъ долженъ былъ изъ за нихъ начинать войну противъ народа, который занималъ почти неприступную позицію въ своихъ покрытыхъ льдомъ и снѣгомъ пустыняхъ. Изъ послѣдующаго напротивъ выяснится, что коряки разыгрывали роль вѣрноподанныхъ русскаго царя только тогда, когда находили для себя выгоднымъ втянуть гарнизонъ Анадырскаго острога въ борьбу съ чукчами; на самомъ же дѣлѣ при всякомъ удобномъ случаѣ они возмущались, нападали на русскихъ чиновниковъ убивали ихъ, да грабили казаковъ. Однимъ словомъ, этотъ народъ

пролил больше русской крови и причинил больше вреда, чѣмъ какой бы то ни было другой изъ живущихъ въ Якутской области.

Въ старыхъ архивныхъ свиткахъ повѣствуется, что въ 1650 году былъ впервые возведенъ на Анадырѣ блокгаузъ, такъ называемое зимовье, и что вмѣстѣ съ тѣмъ тогда же было рѣшено основать тамъ постоянное и болѣе значительное военное поселеніе. Такимъ образомъ въ 1666 году и былъ выстроенъ тутъ острогъ, въ которомъ помѣстили постоянный гарнизонъ. Вскорѣ практичные начальники крѣпостцы сообразили, что отъ чукчей ничего кромѣ оленей нельзя получить, а потому обратили свои взоры на югъ, гдѣ по Пенжинѣ, Оклану и по всему побережью Охотскаго моря густо селились коряки. Къ тому же воевать съ послѣдними было много легче и выгоднѣе, такъ какъ съ непріятелемъ можно было посчитаться лицомъ къ лицу, что относительно чукчей удавалось лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ. Помимо этого коряки владѣли не только такими же прекрасными оленьими стадами, какъ и чукчи, но кромѣ того имѣли массу роскошнѣйшихъ мѣховъ, добывавшихся ими изъ Камчатки, откуда вывозятся и понынѣ самыя лучшія шкурки. До 1690 года Анадырскій острогъ покорилъ всѣхъ коряковъ, которые жили по западному берегу Охотскаго моря приблизительно до Тауйска, на восточномъ — до рѣчки Манача, а внутри страны распространялись до рѣки Олуторы. Но когда отъ коряковъ узнали, что самыя дорогіе мѣха они добываютъ не сами, а вымѣниваютъ ихъ отъ живущихъ на югѣ полуострова камчадаловъ, то казаки рѣшили, понятно, покорить и ихъ. Въ указанномъ году первымъ въ Камчатку отправился казакъ Царицынъ, а за нимъ послѣдовали и другіе и подтвердили присенныя Царицынымъ извѣстія о богатствѣ страны дѣнной пушшиной. Владиміръ Атласовъ, сдѣлавшись въ 1695 г. комендантомъ Анадырска, въ слѣдующемъ году послалъ Луку Морозко съ шестнадцатью казаками въ Камчатку, чтобы обложить тамошнихъ коряковъ ясакомъ. Морозко это исполнилъ, но не считалъ себя, само собою разумѣется, обязаннымъ ограничиться

покореніемъ однихъ коряковъ, а продолжалъ свое завоевательное нашествіе и въ области камчадаловъ почти до рѣки Камчатки. Отчетъ, данный Морозко по возвращеніи, въ такой сильной степени заинтересовалъ Атласова, что въ 1697 году онъ самъ выступилъ въ походъ съ цѣлью дать прочное и надежное основаніе русскому владычеству надъ коряками и находившимися съ ними въ постоянныхъ связяхъ камчадалами. До тѣхъ поръ русскіе посѣщали коряковъ только время отъ времени и облагали ихъ лишь такимъ ясакомъ, какой тѣ сами соглашались давать; но вѣрною и постоянною эту дань никакъ нельзя было считать. Атласовъ первый обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что, коряки, какъ и камчадалы, въ прямую противоположность всѣмъ остальнымъ инородцамъ Якутской области, имѣли укрѣпленные родовыя селитьбенныя мѣста, въ которыхъ имъ удобно было защищаться. Изъ историческихъ данныхъ въ точности не видно сколько было подобныхъ бурговъ, но можно принять съ большою долею вѣроятности, что каждый изъ начальниковъ, которыхъ среди этихъ инородцевъ было очень много, имѣлъ свою крѣпостцу, въ которой онъ постоянно и жилъ. Эти укрѣпленные селитьбы часто располагались такъ, что вблизи ихъ находились также и пастбища для оленей, но это условіе не считалось прямою необходимостью; вообще же главная масса этого народа жила либо въ палаткахъ, либо, какъ это мы видимъ и въ настоящее время, въ постоянныхъ юртахъ на берегу моря вдоль болѣе значительныхъ и очень богатыхъ рыбою рѣкъ. Во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого сомнѣнія, что коряки имѣли на побережьи не малое число мѣстъ, частью на недоступныхъ скалахъ, частью же сильно укрѣпленныхъ, и въ нихъ защищались столь отважно, что о штурмѣ ихъ нельзя было и думать, а заставить ихъ сдаться можно было только посредствомъ осады и измора. При этомъ однако неминуемо возникалъ вопросъ, у кого раньше почувствуется недостатокъ жизненныхъ припасовъ, — у осаждавшихъ или у осажденныхъ. Искусствомъ возводить укрѣпленія, умѣншемъ ихъ защищать, а также

со своей стороны удачно вести наступательныя дѣйствія, коряки и камчадалы въ значительной степени отличались отъ чукчей, не имѣвшихъ никакого понятія о такомъ способѣ веденія войны. Но эта осѣдлость и была причиною того, что наступательныя дѣйствія русскихъ направлялись именно на инородцевъ, жившихъ къ югу отъ Анадыра: ихъ можно было настить, съ ними можно было сражаться, а въ виду того, что казаки были лучше вооружены, имъ удавалось и побѣждать. Однако же походы противъ коряковъ и камчадаловъ требовали большихъ трудовъ и правильной боевой организаціи: если послѣдняя у казаковъ имѣлась, то ихъ предпріятія всегда кончались побѣдою; если же ея не было, какъ это часто случалось у распущенныхъ, недисциплинированныхъ ратниковъ, то казаки испытывали опутительныя пораженія со стороны хитраго и коварнаго непріятеля.

Атласовъ началъ съ того, что обложилъ постоянной данью три главныхъ укрѣпленія — Окланскъ, Каменскъ и Усть-Таловскъ, и затѣмъ пошелъ на югъ. Онъ велъ съ собою шестьдесятъ казаковъ и столько же юкагировъ. Изъ нихъ онъ отдѣлилъ тридцать человѣкъ подъ начальство Морозко и послалъ послѣдняго къ расположеннымъ на востокѣ укрѣпленіямъ, особенно имѣя въ виду очень значительную корякскую крѣпостцу Олуторскъ. Самъ же онъ отправился вдоль берега Охотскаго моря, намѣреваясь обложить ясакомъ и тамошнее населеніе. На Тигилѣ онъ снова соединился съ отрядомъ Морозко и проникъ до рѣки Камчатки, на верхнемъ теченіи которой основалъ крѣпостцу Верхнекамчатскъ и оставилъ въ ней подъ начальствомъ Потапа Сѣрюкова гарнизонъ изъ пятнадцати казаковъ. Впродолженіе почти трехъ лѣтъ оставался Атласовъ въ Камчаткѣ и лишь въ 1700 году вернулся, наконецъ, въ Анадырскъ. Доказательствомъ того, что онъ работалъ тамъ недаромъ, служили привезенные имъ для казны 3200 соболей, много сотъ лисьихъ шкуръ и около сотни морскихъ бобровъ, да кромѣ того онъ собралъ и для себя 400 соболейхъ мѣховъ. Но насколько вѣрными собирались оставаться вновь покоренные Анадырскому острогу, — это они успѣшили

тотчасъ же доказать. Потапъ Сѣрюковъ, найдя для себя не-приятнымъ дальнѣйшее пребываніе въ Верхнекамчатскѣ и узнавъ, что Атласовъ вскорѣ по прибытіи въ Анадырскъ ушелъ въ Якутскъ, поднялся со своимъ отрядомъ и со всей добычей, которую онъ собралъ для казны и для себя, и отправился также въ Анадырскъ. По дорогѣ его подстерегли обозлившіеся коряки, убили его и его спутниковъ и отобрали обратно всю дань. Вслѣдъ затѣмъ они разрушили покинутую крѣпостцу Верхнекамчатскъ и снова почувствовали себя независимыми. Атласовъ, собиравшійся скоро отправиться въ Москву, былъ въ то время еще въ Якутскѣ и выставилъ отпаденіе вновь покоренныхъ коряковъ и камчадаловъ въ крайне опасномъ видѣ. Благодаря этому туда тотчасъ же послали боярскаго сына Тимофея Кобенева со свѣжимъ отрядомъ якутскихъ казаковъ, съ цѣлью отомстить за нападеніе и возстановить русское владычество. Приказаніе это и было исполнено. Кобеневъ на голову разбилъ коряковъ, вновь построилъ крѣпостцу Верхнекамчатскъ и основалъ еще два важныхъ укрѣпленія — одно на юго-западѣ, Большерѣцкѣ, а другое на сѣверо-востокѣ, Нижнекамчатскѣ. Оставивши повсюду въ крѣпостцахъ гарнизоны, онъ вернулся въ 1702 году въ Якутскъ съ очень богатой добычей какъ для казны, такъ и для себя. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ коряки и камчадалы были спокойны, но, повидимому, только для того, чтобы оправиться и собраться съ новыми силами. Дѣйствительно, мы видимъ, что въ 1706 году (когда на полуостровъ былъ посланъ свѣжій отрядъ изъ ста казаковъ для подкрѣпленія гарнизоновъ тамошнихъ крѣпостей) инородцы опять возстали, напали на только что прибывшій отрядъ и совершенно уничтожили его прежде, чѣмъ онъ достигъ укрѣпленій. Возставшіе успѣли кромѣ того завоевать и уничтожить даже крѣпость Большерѣцкѣ. Несмотря на все это гарнизонамъ Верне- и Нижнекамчатска удалось снова возстановить спокойствіе, и когда Атласовъ въ 1707 году опять появился на полуостровѣ, ему донесли, что возстаніе прекращено. Послѣдній между тѣмъ успѣлъ побывать въ Москвѣ,

гдѣ его отиѣнно милостиво приняли, повелѣли быть казацкимъ головою и въ изобиліи снабдили пушками, ядрами, порохомъ и свинцомъ. Казалось бы, что при воцарившемся всеобщемъ спокойствіи завоеватели тоже стануть держать себя мирно, довольствуясь достигнутымъ результатомъ и не стануть болѣе прибѣгать къ оружію. Однако вышло не такъ. Казаки приносятъ высшимъ властямъ жалобу на своего коменданта Атласова въ томъ, что онъ дурно съ ними обращается, притѣсняетъ ихъ и удерживаетъ въ свою личную пользу половину ясачной дани, собираемой имъ отъ имени правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ они встаютъ противъ своего предводителя, сажаютъ Атласова въ заключеніе и завладѣваютъ всѣмъ награбленнымъ имъ богатствомъ. Атласовъ очень скоро бѣжалъ изъ подъ стражи въ Нижнекамчатскъ, собираясь вновь завладѣть тамъ властью; но тамошній комендантъ Ѳеодоръ Ярыгинъ не призналъ его болѣе за начальника. Между тѣмъ въ Якутскѣ успѣли уже получить жалобу и отправленному, съ новыми запасами, пушками и пятьюдесятью казаками къ Атласову на подкрѣпленіе, боярскому сыну Петру Чирикову посылается въ догонку приказаніе разслѣдовать ближе обстоятельства дѣла. Такимъ образомъ снова впадаютъ въ практиковавшуюся на Востоку ошибку, поручая подчиненному разслѣдованіе преступныхъ дѣяній начальника. По дорогѣ Чирикова постигло еще несчастіе; на него напали камчадалы и въ сраженіи онъ потерялъ не только десять человѣкъ изъ отряда, но и почти всѣ свои пушки и военные запасы. Противъ Атласова ему, повидимому, ничего не удалось сдѣлать, потому что уже въ 1709 году появляется съ сорока казаками въ качествѣ новаго начальника Осипъ Мироновъ и такимъ образомъ въ странѣ, жители которой имѣютъ — какъ показываетъ нападеніе на Чирикова — очень своеобразныя понятія объ обязанностяхъ подданныхъ, существуютъ одновременно три распорядителя: Атласовъ, Чириковъ и Мироновъ, которые находятся въ непріязненныхъ отношеніяхъ другъ къ другу и ведутъ междоусобную войну.

Два года продолжались эти междоусобія, и въ концѣ концовъ подчиненные казаки рѣшили, что этому пора положить конецъ. На Атласова они напали въ его собственномъ домѣ и умертвили его. Возвращавшагося съ ревизіи крѣпостей Миронова убили изъ засады. Чирикова, который шелъ въ Якутскъ съ цѣлью отвезти туда накопившуюся въ Камчаткѣ ясачную дань, казаки поймали у Пенжинскаго залива и бросили его въ воду. Вслѣдъ затѣмъ предводители возмущившихся Данило Анцыферовъ и Иванъ Козыревскій составили оправдательную челобитную, въ которой объясняли, что притѣсненія и дурное обращеніе съ подчиненными трехъ начальниковъ не оставляли камчатскимъ казакамъ иного исхода, какъ избавиться отъ нихъ.

До полученія въ Якутскѣ этой челобитной, въ 1711 году появляется въ Камчаткѣ еще Василій Щепетной, чтобы въ качествѣ коменданта занять мѣсто Миронова. Хотя онъ и принялъ начальство, однако повидимому ничего не предпринималъ противъ Козыревскаго и Анцыферова, да и вообще противъ нихъ ничего не предпринимается: къ ужасающимъ неурядицамъ, непрерывно длившимся въ Камчаткѣ съ 1707 по 1711 годы, и къ неслыханному преступленію тамошнихъ казаковъ высшая власть въ Якутскѣ остается совершенно равнодушною. Между тѣмъ Анцыферовъ уже въ слѣдующемъ году сходитъ со сцены, убитый вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ своихъ подчиненныхъ камчадалами, нападшими на него близъ Авачинской губы. Въ томъ же 1712 году уходитъ изъ Камчатки и Щепетной подъ предлогомъ необходимости отвезти наконецъ въ Якутскъ накопившійся за все это время ясакъ. Это ему счастливо удается несмотря на то, что на него нападаютъ олуторскіе коряки и намѣреваются отнять у него ясакъ; но онъ благополучно отражаетъ ихъ нападеніе. Непосредственно послѣ него появляется въ качествѣ начальника Колесовъ, которому наконецъ дается приказаніе положить конецъ всѣмъ смутамъ и привлечь къ отвѣтственности зачинщиковъ мятежа, имѣвшаго результатомъ умерщвленіе трехъ начальниковъ. Начинается слѣдствіе, произносится рѣшеніе суда,

но въ немъ постановляется частью казнить, частью же заклеить нѣсколькихъ казаковъ, игравшихъ въ этомъ дѣлѣ второстепенную роль, а Козыревскій отдѣляется лишь денежнымъ штрафомъ и вскорѣ снова получаетъ видное назначеніе. Въ 1713 году Колесова смѣняетъ Иванъ Енисейскій, о которомъ говорится, что онъ выстроилъ въ Нижнекамчатскѣ церковь. Въ высшей степени странно, что при всѣхъ этихъ, понятнo, глубоко потрясавшихъ страну происшествіяхъ, въ старыхъ свиткахъ, на которыхъ писалась лѣтопись, ни разу не упоминается объ Анадырскомъ острогѣ, которому Камчатка въ то время все же была подчинена.

Наконецъ въ 1713 году, жившій въ то время еще въ Тобольскѣ сибирскій губернаторъ Гагаринъ послалъ въ Анадырскъ капитана Петра Татаринова съ новыми силами и далъ ему специальное порученіе водворить въ Камчаткѣ миръ и спокойствіе и положить конецъ тамошнимъ неурядицамъ. Татариновъ прибылъ съ небольшимъ числомъ подчиненныхъ 26 апрѣля 1714 года въ Анадырскъ, главныя же его силы, 58 драгуновъ и 140 казаковъ, остались, къ счастью, позади. Мы говоримъ — къ счастью потому, что 1 мая разразилась въ острогѣ оспенная эпидемія, причинявшая до октября страшныя опустошенія. Укрѣпленіе это въ теченіе времени значительно разрослось; въ немъ жило съ женами и дѣтьми нѣсколько сотъ казаковъ, имѣвшихъ большое число рабовъ изъ мѣстныхъ инородцевъ; кромѣ того въ Анадырскѣ же поселилось много семей юкагировъ, коряковъ и чуванцевъ. Вслѣдствіе этого вокругъ обнесенной заборомъ и снабженной башнями крѣпостцы, образовалось значительное мѣстечко, въ которомъ было свыше тысячи жителей и которое въ Сибири являлось такимъ образомъ однимъ изъ наиболѣе населенныхъ пунктовъ, если не самымъ населеннымъ въ то время, за исключеніемъ одного Якутска. Тутъ-то и вспыхнула эпидемія, да къ тому еще въ такое время, когда велась война съ коряками. Прежде, чѣмъ Татариновъ пришелъ въ Анадырскъ, тогдашній начальникъ острога Афанасій Петровъ съ сильнымъ отрядомъ,

состоявшимъ изъ сотни казаковъ, большаго числа юкагировъ съ Омолона и Ходынскихъ юкагировъ, а также чуванцевъ, выступилъ съ Анюя въ Олуторскъ, чтобы наказать коряковъ за ихъ непрестанныя нападенія. На нихъ постоянно поступали жалобы, а тутъ они напали еще въ 1712 году на Щепетнаго, такъ что походъ съ цѣлью наказать ихъ былъ окончательно рѣшенъ. Юкагиры и чуванцы были въ значительной мѣрѣ привлечены къ пособничеству: имъ пришлось не только нести военную службу въ настоящемъ значеніи этого слова, но и доставить упряжныхъ животныхъ для перевозки военнаго обоза и убойныхъ оленей для продовольствія войска. Все это они исполнили по доброй волѣ и очень бодро держались во все время похода. По открытіи военныхъ дѣйствій оказалось, что коряки храбро защищали свою, выстроенную изъ земли и камней крѣпость Олуторскъ. Она была заложена на холмѣ, снаружи обнесена землянымъ валомъ, къ которому внутри примыкалъ еще каменный брустверь. Осада укрѣпленія не привела ни къ чему, а потому Петровъ рѣшилъ его штурмовать. Чтобы лучше защитить своихъ людей отъ огня, открытаго изъ крѣпости, начальнику пришла мысль переколоть юкагирскихъ и чуванскихъ оленей и изъ труповъ ихъ образовать для прикрытія наступающихъ валъ, благодаря которому послѣднимъ и удалось подойти подъ самую стѣну крѣпости. Иностранцы спокойно покорились и этому распоряженію, въ то же время усердно помогая штурмовать непріятели. Штурмъ привелъ 6-го августа къ паденію Олуторска. Въмѣсто того, чтобы прежде всего отпустить хотя часть юкагировъ и чуванцевъ, какъ они просили, Петровъ сначала отослалъ обратно въ Анадырскъ 42 казаковъ подъ предлогомъ, что они тамъ нужны. При этомъ однако онъ зналъ, что туда долженъ былъ уже придти Татариновъ съ подкрѣпленіями и что никакого недостатка въ войскѣ тамъ не могло ощущаться. Такимъ образомъ онъ просто хотѣлъ сдѣлать облегченіе своимъ соратникамъ на счетъ чуванцевъ и юкагировъ. Оставшимся людямъ пришлось нести очень тяжелую службу. Казаки строили новую крѣпость на другомъ берегу рѣки съ

цѣлью предупредить возведеніе укрѣпленій непріателемъ, а вспомогательныя войска съ одной стороны должны были преслѣдовать коряковъ, а съ другой—постоянно содержать караулъ для прикрытія работавшихъ казаковъ отъ возможнаго нападенія обозленнаго врага. Несмотря на всѣ тягости, выпавшія на долю инородцевъ, Петровъ сталъ требовать отъ нихъ со всею строгостью сдачи ясака, срокъ которому уже подходилъ. Мало того, когда постройка крѣпостцы была окончена, онъ оставилъ въ ней, нисколько не подумавъ что онъ дѣлаетъ, гарнизонъ въ пятьдесятъ изъ бывшихъ въ его распоряженіи казаковъ, и вмѣсто того, чтобы разрѣшить наконецъ юкагирамъ и чуванцамъ отправиться домой, принудилъ ихъ провожать до Анадырска себя и двухъ начальниковъ изъ Камчатки, Колесова и Енисейскаго, которые везли камчатскій ясакъ и присоединились къ Петрову. Напрасны были просьбы инородцевъ о разрѣшеніи имъ возможно скораго возвращенія домой: имъ необходимо было позаботиться какъ о приведеніи въ порядокъ своихъ пострадавшихъ стадъ, такъ и объ охотѣ на пушнаго звѣря; имъ пришлось-таки остаться до зимы, такъ какъ Петровъ хотѣлъ выступить только съ наступленіемъ зимняго пути. Но они поклялись отомстить ему и лишь откладывали приведеніе заговора въ исполненіе до тѣхъ поръ, пока не выйдутъ изъ предѣловъ военныхъ операцій Олуторска: они собирались дѣйствовать навѣрняка. Въ концѣ ноября выступили соединенные отряды въ путь и 2 декабря находились въ области истоковъ рѣки Таловки. Тутъ Колесовъ и Енисейскій рѣшили отправиться быстрѣе впередъ съ провожавшими ихъ людьми, которыхъ было всего около 20 человекъ. Лишь только они успѣли скрыться изъ виду, юкагиры и чуванцы напали на Петрова и на немногихъ остававшихся съ нимъ казаковъ, всѣхъ ихъ перебили и завладѣли какъ казеннымъ ясакомъ, такъ и тѣмъ, который принадлежалъ убитымъ лично. Между тѣмъ Колесовъ и Енисейскій, благодаря разыгравшейся бурѣ, сбились съ пути и вернулись обратно на мѣсто бывшаго ночлега. Увидѣвши трупы убитыхъ валявшимися въ лагерь, они смекнули въ чемъ дѣло

и приложили всё усилія къ тому, чтобы скрыться въ Окланскъ. Последнее имъ удалось несмотря на преслѣдованіе повстанцевъ и 5-го декабря они благополучно достигли этой крѣпостцы. На слѣдующій день явились туда и ихъ преслѣдователи; они начали съ того, что стали ловить у русскихъ ѣздовыхъ животныхъ, а затѣмъ попробовали возмутить тамошнихъ коряковъ и, при помощи ихъ, овладѣть крѣпостцею.

Изъ различныхъ имѣющихся относительно этого событія источниковъ нельзя выяснитъ всѣхъ его подробностей; известно только, что мятежники убили десять человѣкъ и завладѣли ясакомъ. Последній состоялъ изъ 5640 соболей, 751 красной лисицы, 10 сиводушекъ, 137 морскихъ бобровъ, 11 спитыхъ лисьихъ шубъ, 2 выдръ, 22 золотниковъ золота и 40 рублей наличными деньгами; кромѣ того возмутившіеся награбили еще много частнаго имущества. Судя по приведенному списку, слѣдовало бы предположить, что крѣпостца была взята инородцами; но этого очевидно не случилось; забравши все награбленное имущество, бунтовщики разошлись, предварительно условившись между собою напасть осенью слѣдующаго года на Анадырскій острогъ. Послѣ ихъ ухода осажденный въ крѣпостцѣ Окланскѣ Енисейскій отправилъ посланца къ Татаринovu съ просьбою о немедленной помощи. Но таковой ему нельзя было оказать, такъ какъ; вслѣдствіе оспенной эпидеміи, Анадырскій острогъ крайне обѣднѣлъ людьми; въ немъ оставалось едва сто человѣкъ, уцѣлѣвшихъ отъ болѣзни. Совершенно непонятны тѣ обстоятельства, которыя дали возможность возмутившимся инородцамъ завладѣть ясакомъ и имуществомъ казаковъ безъ взятія самой крѣпостцы. Однако несомнѣнно, что весь упомянутый въ выше приведенномъ, очень подробномъ списокѣ ясакъ былъ расхищенъ, а крѣпостца между тѣмъ непобѣдимо держалась въ теченіе всего слѣдующаго года.

Послѣ этого наступаетъ крайне смутное время въ достаточно и безъ того уже обогрившейся кровью области, благодаря тому, что всегда находившійся на высотѣ своей задачи Анадырскій

острогъ очутился въ очень критическомъ положеніи. Не имѣя въ своихъ стѣнахъ достаточнаго числа защитниковъ, острогъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ непріятелями. Мятежники, къ которымъ, конечно, присоединились и коряки съ Пенжины и Оклана, рѣшились, какъ казалось, окончательно сбросить съ себя чужеземное иго. Какъ уже сказано, они раздѣлились: коряки отправились къ Олуторску, съ цѣлью штурмовать этотъ вновь возведенный острогъ или принудить его къ сдачѣ голодомъ; чуванцы же и юкагиры ушли сначала къ мѣстамъ своего жительства въ области истоковъ Анадыра и Анюя, чтобы охотиться, а затѣмъ было условлено, что они отправятъ къ чукчамъ посланцевъ, которые убѣдили бы и этихъ инородцевъ вступить съ ними въ союзъ. Предполагалось именно напасть на Анадырскій острогъ и сжечь его; нападеніе должно было произойти осенью, во время рыбной ловли и охоты на оленей, когда часть крѣпостнаго гарнизона, какъ было извѣстно, отправлялась, обыкновенно подъ предводительствомъ самого начальника, дѣлать осенніе запасы провіанта. Далѣе имѣлось въ виду подослать лѣтомъ въ острогъ нѣсколькихъ незамѣшанныхъ непосредственно въ мятежъ коряковъ, которые должны были подать жалобу на нападавшихъ будто бы на нихъ чукчей и требовать, чтобы противъ всѣмъ извѣстныхъ грабителей былъ предпринятъ походъ. Такого рода хитростью предполагалось еще болѣе ослабить гарнизонъ Анадырска. Тутъ же прибавимъ, что предполагавшійся противъ чукчей походъ не былъ приведенъ въ исполненіе русскими. Но какою невѣроятною близорукостью, граничившею, можно сказать, почти съ наивностью, отличались казаки, видно изъ того, что въ старинной лѣтописи къ разсказу объ этомъ происшествіи съ сожалѣніемъ прибавляется, что вслѣдствіе громадныхъ потерь отъ оспы гарнизонъ Анадырска былъ крайне ослабленъ и не могъ предпринимать въ послѣдніе годы походовъ противъ чукчей, которые такимъ образомъ безнаказанно могли нападать на коряковъ и грабить ихъ. Какъ-то странно звучитъ, но тѣмъ не менѣе является несомнѣннымъ, что вѣчно бунтовавшіе, постоянно нападавшіе на русскихъ людей и

даже на чиновниковъ, грабившіе и убивавшіе ихъ коряки и юкагиры всегда умѣли обѣлечь себя и, сваливъ всю вину на никогда не дѣлавшихъ зла анадырскому гарнизону чукчей, пустить по всему свѣту дурную славу объ ихъ невѣроятной дикости и жестокости. Старые казаки досадовали на чукчей также и за то, что только они не были имъ подвластны и не поставляли заложниковъ. Между тѣмъ чукчей легко можно было тоже сдѣлать русскими подданными и лишь заставить платить ясачную дань, только бы не требовали отъ нихъ въ то же время этихъ заложниковъ. Послѣднихъ они наотрѣзъ отказывались давать, да и не могли этого дѣлать по неустойчивости бытоваго своего устройства, такъ какъ у нихъ, собственно говоря, некому было поведѣвать.

Между тѣмъ изъ широко задуманнаго въ 1715 году юкагирами, коряками и чуванцами плана мщенія ничего не вышло. Олуторскъ прекрасно продержался до весны, когда корякамъ, у которыхъ къ тому времени наступилъ недостатокъ продовольствія, пришлось самимъ удалиться. Чукчи не попали въ ловушку, которая была для нихъ разставлена, и не возстали противъ русскихъ, а такъ какъ Татариновъ съ малымъ числомъ ему подчиненныхъ казаковъ не рѣшался предпринимать никакихъ походовъ, то повсюду царилъ спокойствіе. На слѣдующій годъ онъ получилъ подкрѣпленіе, явившееся подъ начальствомъ Трифонова, а потому отправился со 120 казаками на Окланъ, побѣдилъ въ сраженіи тамошнихъ коряковъ, но не рискнулъ ихъ преслѣдовать когда они удалились къ морю. Всѣ послѣдующіе годы прошли въ мелкихъ и безплодныхъ походахъ: коряки то покорялись и платили ясакъ, то возмущались и отказывались отъ платежа дани. Еще печальнѣе обстояли дѣла въ Камчаткѣ: тамошніе начальники немилосердно грабили, какъ коряковъ и камчадаловъ, такъ и русскихъ; лѣтопись повѣствуетъ, что ихъ же собственные подчиненные низложили ихъ и лишили богатства, состоявшаго изъ многихъ тысячъ соболей и лисьихъ шкуръ. Изъ Якутска посылаются на мѣсто ихъ новые начальники, которымъ вновь дается

приказаніе произвести стройжайшее слѣдствіе и наказать кого слѣдуетъ; но и они тоже начинаютъ свою дѣятельность репрессивными мѣрами, снова ниспровергаются подчиненными, — и такъ безъ конца.

Въ 1729 году въ Охотскѣ появляется наконецъ облеченный чрезвычайными полномочіями, особенно противъ чукчей, пользующійся дурною славою казацкій голова Афанасій Шестаковъ и начинаетъ отсюда предпринимать свои походы противъ несчастныхъ коряковъ, которыхъ по полученнымъ изъ С.-Петербурга инструкціямъ онъ долженъ былъ, собственно говоря, защищать отъ дикихъ чукчей. Безжалостные и незаконные поступки въ Камчаткѣ, точно также какъ, хотя и въ меньшей степени—на Анадырѣ и на Пенжинѣ, конечно приводили въ сильное возбужденіе коряковъ и камчадаловъ, тогда какъ нужно было только немного пракческаго смысла, справедливости и человѣческаго отношенія со стороны власть имѣвшихъ, чтобы въ самомъ зародышѣ подавлять всякую мысль о непокорности и возмущеніи со стороны инородцевъ. Дѣйствительно, если мы до сихъ поръ и видимъ коряковъ и камчадаловъ въ непрерывномъ возстаніи, то ихъ побуждало къ этому безчеловѣчное обращеніе, которое могло бы заставить даже самый добродушный и самый смиренный народъ взяться за оружіе. Коряки держались еще спокойно, но поступленіе ясака шло туго, по всей вѣроятности по той причинѣ, что инородцамъ стало очевиднымъ, что лишь часть собираемой съ нихъ дани идетъ въ казну, остальное же служитъ къ обогащенію самихъ сборщиковъ ясака. На этомъ болѣе, чѣмъ на чемъ либо другомъ, можно убѣдиться въ здоровомъ смыслѣ основателя Якутска, Бекетова. Какъ извѣстно, онъ съ самаго начала установилъ, чтобы ясакъ взимался не съ отдѣльной личности, даже не съ отдѣльнаго селенія, а сдавался бы всегда по опредѣленной нормѣ старостой, какъ представителемъ цѣлаго колѣна или рода. Если сборщиками дани являлись недобросовѣстные люди, то, конечно, они могли выжимать нѣчто въ свою собственную пользу даже бывши представителями

народа, но въ такомъ случаѣ излишекъ распредѣлялся между цѣлымъ родомъ, да и вообще не могъ достигать того размѣра, какъ при сборѣ съ отдѣльныхъ жилищъ съ ихъ постоянно мѣняющимся составомъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда судьба сѣверныхъ инородцевъ была вручена въ руки Шестакова и Павлуцкаго. Одинъ изъ нихъ, Павлуцкій, столько же отличный воинъ, какъ и справедливый и прозорливый управитель, избралъ себѣ путь въ Анадырскъ черезъ Колымскъ; другой же, ни къ чему неспособный, кровожадный и падкій до наживы, Шестаковъ, хотѣлъ достигнуть того же острога черезъ Охотскъ, пройдя такимъ образомъ всю область коряковъ. Къ великому счастью для страны его неспособность равнялась его безчеловѣчности. Вмѣсто того, чтобы окружить себя достаточной толпой казаковъ, онъ частью посылалъ ихъ въ разныя экспедиціи, въ то время совершенно ненужныя, частью же разсовалъ своихъ людей по крѣпостцамъ, какъ - то въ Тауйскъ, Ямскъ и другія, а самъ отправился въ Анадырскъ съ тунгузами, якутами и тому подобной ненадежной голытьбой, имѣя при себѣ всего около двадцати казаковъ. Шестаковъ не сообразилъ, что при его незначительныхъ силахъ — у него было всего нѣсколько болѣе ста человѣкъ — онъ долженъ былъ во что бы ни стало дружить съ коряками, по области которыхъ ему приходилось проходить, начиная отъ Тауйска почти вплоть до стѣнъ Анадырскаго острога; хотя изъ нихъ нѣкоторые и плохо платили ясакъ, однако большинство все таки признавало себя русскими подданными. Между тѣмъ на своемъ пути онъ началъ собирать ясакъ, да еще такимъ способомъ, какой считался необыкновенно суровымъ даже для того далеко негуманнаго времени. Онъ устраивалъ дѣло такъ, что подходилъ къ жилищамъ (которыхъ было много по побережью богатаго рыбою Охотскаго моря и вдоль подошвы изобилующаго дичью и пушными звѣрями Становаго хребта) всегда ночью, когда всѣ жители находились въ хижинахъ и спали. Улье-

образныя жилища коряковъ выстроены изъ дерева и покрыты настилкой изъ земли; они имѣютъ два выхода — одинъ вровень съ землей, а другой вверху, въ сводообразной крышкѣ; послѣдній служитъ въ то-же время дымовымъ отверстіемъ. Только этими двумя ходами можно выйти наружу изъ плотно сложенного коряцкаго жилища. Шестаковъ приказывалъ закладывать нижній ходъ тѣми дровами, которыя были запасены каждымъ хозяиномъ, снимать лѣстницу, ведущую съ крыши, и когда это было исполнено, будилъ живущихъ въ хижинѣ. Затѣмъ онъ предоставлялъ корякамъ выбирать между добровольной уплатой ясака и смертью отъ сожженія. Если обитатели хижины по какой нибудь причинѣ отказывались отъ перваго, то Шестаковъ безо всякаго милосердія и пощады приказывалъ поджечь дрова и домъ сгоралъ со всѣмъ, что тамъ находилось. Изъ лѣтописнаго сказанія видно, что нѣкоторыя поселенія и отдѣльные дома платили, другіе же были преданы огню; число какъ тѣхъ, такъ и другихъ было, повидимому, приблизительно равное; изъ этого можно заключить, что такую страшную смерть заставляло людей выбирать не столько нежеланіе подчиниться требованіямъ, сколько бѣдность и невозможность платить. Понятно, что все населеніе на пути Шестакова было объято ужасомъ. Только въ январѣ 1730 года, придя на Гижигу, Шестаковъ замѣтилъ, что онъ былъ окруженъ находившимися въ тайномъ броженіи коряками, и только теперь показалась ему его свита слишкомъ ненадежною для обезпеченія его отъ случайностей на пути черезъ область коряковъ въ Анадырскъ. Поэтому онъ отправилъ гонца въ Анадырскій острогъ къ Татаринovu и просилъ его о помощи. Шесть недѣль прождалъ онъ напрасно лишь для того, чтобы въ концѣ концовъ узнать, что его посланецъ, не достигши острога, былъ перехваченъ и убитъ по дорогѣ коряками. Все подкрѣпленіе, которое онъ получилъ, заключалось въ пяти казакахъ, высланныхъ ему навстрѣчу съ дѣловыми бумагами Татариновымъ, изъ другихъ источниковъ узнавшимъ, что новый начальникъ пойдетъ черезъ

Охотскѣ. Въ виду того, что эти казаки болѣе или менѣе были знакомы съ главарями коряковъ, Шестаковъ послалъ ихъ впередъ съ порученіемъ склонить тѣхъ присоединиться со своими людьми къ нему. Казаки Татаринова должны были главнымъ образомъ обратиться къ сильнымъ, пользовавшимся большимъ вліяніемъ начальникамъ Умьевѣ и Яллаху, а также къ старшинамъ племени чагубовъ и напомнить имъ объ ихъ вѣрноподданническихъ обязанностяхъ. Какъ уже впередъ можно было ожидать, миссія этихъ посланцевъ имѣла лишь незначительный успѣхъ. Яллахъ, ссылаясь на различные предлоги, заявилъ, что онъ не можетъ придти; Умьева пришелъ, но, повидимому, очень неохотно и съ крайне ограниченной свитой; Юлта же, начальникъ корякского укрѣпленія Окланска, уговорилъ чагубовъ соединиться съ нимъ и отправиться на востокъ. Все это было крайне безотрадно для Шестакова, но въ виду того, что дальнѣйшее промедленіе, давая возможность и время корякамъ сговориться между собою, могло только ухудшить положеніе дѣла, онъ выступилъ въ дальнѣйшій путь. Когда онъ уже оставилъ за собой рѣку Парень, къ нему вдругъ явился бѣглый корякъ и заявилъ, что идетъ несмѣтная толпа чукчей и грабятъ и избиваетъ коряковъ. Такъ объ этомъ повѣствуется въ лѣтописи и такъ стали передавать объ этомъ впоследствии. Впрочемъ въ Якутскѣ отъ людей, хорошо знакомыхъ съ мѣстностью, я уже раньше слыхалъ сомнѣніе, что едва ли чукотскому полчищу удалось такъ далеко проникнуть въ безусловно враждебную ему область и ни съ того ни съ сего явиться на борьбу съ русскимъ войскомъ. Означенное же сказаніе положительно опровергается тѣмъ, что я самъ слыхалъ во время моего путешествія отъ одного юкагира, который былъ внукомъ послѣдняго знавшаго свой родной языкъ чуванца. Этому юкагиру подробно рассказывалъ всю эту исторію дѣдъ его, старикъ-чуванецъ, отецъ котораго былъ соратникомъ Павлуцкаго въ роковой для славнаго маіора битвѣ 1747 года. Юкагиръ особенно хорошо зналъ исторію похода Шестакова и всегда категорически заявлялъ, что на Шестаковкѣ противъ него вое-

вали коряки. По его словамъ они нарочно назвали себя чукчами, и эту ложь упорно продолжали поддерживать тѣ коряки, которые притворялись вѣрными русскимъ; дѣлалось это съ цѣлью избѣжать мести со стороны гарнизона Анадырскаго острога. По моему мнѣнію, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это есть единственная правильная версія сказанія: возмущаться противъ русскихъ и въ то же время заставлять русскихъ же расплачиваться за себя въ борьбѣ съ чукчами — тактика, которая очень характеризуетъ коряковъ. Послѣдніе дѣлали это всегда на одинъ и тотъ же манеръ, и тѣмъ не менѣе это постоянно имъ удавалось. Противъ русскихъ никогда не возмущались открыто всѣ корякскія колѣна; то или другое изъ нихъ всегда оставалось вѣрнымъ для вида и жаловалось на бѣды, причиненныя имъ чукчами. Между тѣмъ остальные колѣна нападали на русскихъ чиновниковъ, грабили правительственную почту и большею частью оставались ненаказанными, такъ какъ казаки въ это время отправлялись преслѣдовать и наказывать чукчей. Въ разсматриваемомъ случаѣ мы тоже видимъ, что одинъ изъ начальниковъ, Умьева, съ кучкой коряковъ провожаетъ Шестакова, а другіе предводители исчезаютъ на востокъ. Вдругъ, на рѣкѣ Егачѣ, которая со времени несчастнаго сраженія 14 марта 1730 года стала носить названіе Шестаковки, какъ изъ земли вырастаетъ войско, готовое вступить въ бой съ русскими, выдаваемое коряками за чукотское. И въ настоящее время трудно отличить чукчу отъ коряка, какъ по вѣшности, такъ и по языку, представляющему лишь незначительныя діалектическія различія. Благодаря этому поразительному сходству двухъ народовъ обманъ могъ хорошо удаваться. Но съ другой стороны очень возможно, и даже вполне вѣроятно, что въ полчищахъ коряковъ находилось и нѣсколько чукчей: вѣдь не могли же оба эти народа находиться въ непрерывной непріязни другъ къ другу; такъ напримѣръ, мы видѣли, что въ 1715 году коряки и юкагиры намѣревались соединиться съ чукчами, чтобы разгромить Анадырскій острогъ. Легко могло быть, что изъ жившихъ съ незапамятныхъ временъ на

правомъ берегу нижняго теченія Анадыра чукчей толпа буйной молодежи соединилась для общаго дѣла съ коряками, пошла вмѣстѣ на западъ, встрѣтилась на нижнемъ теченіи Певжины съ полчищемъ собравшихся тутъ коряковъ, а затѣмъ отправилась на Шестаковку. Этимъ же можно объяснить то обстоятельство, что Павлудкій впоследствии нашелъ у чукчей, жившихъ по нижнему теченію Анадыра, знамя отряда Шестакова, и нѣсколько ружей его и вообще оружія.

Шестаковъ могъ повести въ бой лишь очень незначительныя силы. Изъ Охотска онъ взялъ съ собою: тридцать ламутовъ, десять якутовъ, сорокъ восемь тунгузовъ и восемнадцать казаковъ; на Гижигѣ къ нему присоединились пять казаковъ изъ Анадырскаго острога и отъ двадцати до тридцати коряковъ подъ начальствомъ Умьевы. Шестаковъ напалъ на непріятеля близъ устья Егачи или Шестаковки. Коряки, предводимые Умьевою, покинули поле сраженія въ самомъ началѣ битвы; вслѣдствіе этого весь отрядъ Шестакова обратился въ безумное бѣгство, самъ же онъ погибъ въ битвѣ и вмѣстѣ съ нимъ убито десять русскихъ и двадцать одинъ человекъ изъ инородцевъ. По окончаніи сраженія корякское полчище, очевидно, тотчасъ разошлось; по крайней мѣрѣ въ лѣтописи ничего не говорится о его дальнѣйшихъ похжденіяхъ, а между тѣмъ оно уже достигло того, чего добивалось; да и вообще полчища дикарей никогда не могли долго держаться вмѣстѣ изъ за недостатка продовольствія. Тунгузы, якуты и ламуты, участвовавшіе въ отрядѣ Шестакова, отправились по домамъ, русскіе же оставались у Умьевы въ качествѣ плѣнныхъ друзей; впрочемъ имъ удалось въ скоромъ времени бѣжать и послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго скитанія добраться съ останками Шестакова до Анадырскаго острога.

Извѣстіе о пораженіи и смерти начальника быстро облетѣло побережье Охотскаго моря и Камчатку, а потому коряки повсюду возстали и принялись мстить своимъ угнетателямъ и врагамъ. Сначала они напали на гарнизоны Тауйска и Ямска, большую

часть которых перебили; взбунтовались также и олуторскіе коряки. Камчадалы получили извѣстіе о неудачѣ русскихъ лишь въ 1731 году, послѣ чего, какъ мы еще увидимъ впоследствии, среди нихъ тоже вспыхнуло кровавое возстаніе.

Павлуцкій узналъ о печальной участи, постигшей Шестакова и его отрядъ, уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Нижнеколымскѣ и тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы войско и прежде всего значительное количество военныхъ припасовъ, остававшихся еще въ Охотскѣ, были переведены въ Анадырскъ. Эти приказы дошли до мѣста назначенія вовремя, но они не были исполнены благодаря распущенности, которая господствовала въ отрядахъ Шестакова; вслѣдствіе этого изъ всѣхъ обширныхъ приготовленій, Павлуцкому, удалось привести въ исполненіе только часть: онъ сосредоточилъ въ острогѣ лишь тѣ войска и тѣ военные припасы, которые велъ и везъ самъ. Въ сентябрѣ 1730 года вступилъ Павлуцкій въ Анадырскъ и, само собою разумѣется, былъ уже встрѣченъ тамъ посланцами отъ коряковъ, жаловавшихся на чукчей и усердно просившихъ его помощи противъ нихъ.

Эта жалоба въ связи съ ловко выдуманной ложью о чукотскомъ полчищѣ, въ борьбѣ съ которымъ будто бы палъ Шестаковъ, весьма естественно заставила Павлуцкаго обратить все свое вниманіе и всю свою энергію на чукчей, которые казались ему въ высшей степени опаснымъ врагомъ. Поэтому онъ на первыхъ порахъ вовсе не беспокоилъ коряковъ и у нихъ было бы достаточно времени, чтобы серьезно приготовиться къ войнѣ для освобожденія себя изъ подъ русскаго владычества; но они это-то и не дѣлали; съ одной стороны они, повидимому, надѣялись, что энергія русскихъ истощится, какъ это уже и раньше бывало, въ борьбѣ съ чукчами, и они останутся снова ненаказанными; но съ другой стороны возможно, что ихъ бездѣйствіе обусловливалось вѣстями о прекрасно вѣденномъ и блистательно закончившемся походѣ новаго начальника; какъ бы то ни было, коряки, какъ и всегда, оставались несплоченными и не было ни

магѣйшаго проявленія какого либо общаго съ ихъ стороны предпріятія. Въ 1732 году Павлуцкій рѣшилъ наказать коряковъ, участвовавшихъ въ истребленіи гарнизоновъ крѣпостей, расположенныхъ у Охотскаго моря. Онъ выступилъ 10 февраля въ сопровожденіи 225 казаковъ, нѣсколькихъ юкагировъ, а также коряковъ; въ видѣ наказанія онъ обязалъ послѣднихъ выставить не только ѣздовыхъ животныхъ, но и оленей, необходимыхъ для ежедневнаго продовольствія отряда. Онъ узналъ, что повстанцы собрались въ значительномъ числѣ въ укрѣпленіи на рѣкѣ Парени и рѣшилъ разрушить эту крѣпостцу. 25 марта онъ достигъ со своимъ отрядомъ укрѣпленія и обложилъ его въ виду того, что всѣ попытки склонить мятежниковъ къ добровольной сдачѣ остались тщетными. Укрѣпленіе было выстроено на самомъ берегу моря, на крутомъ возвышеніи и обнесено со стороны суши крѣпкимъ частоколомъ и земляными валами. Для того, чтобы напрасно не подвергать своихъ людей дѣйствию корякскихъ стрѣлъ, Павлуцкій велѣлъ сколотить изъ пловучаго лѣса большіе щиты и подъ ихъ прикрытіемъ подошелъ къ самому частоколу. Но коряки храбро защищались и только тогда отступили отъ бруствера, когда русскимъ удалось перебросить къ нимъ ручныя гранаты. Тогда можно было разобрать ограду и проникнуть въ укрѣпленіе, гдѣ вновь завязался жаркій, отчаянный бой. Когда коряки увидѣли себя побѣжденными, они стали сначала убивать своихъ женъ и дѣтей, чтобы затѣмъ уже покончить и съ собою. Прежде, чѣмъ русскимъ удалось приостановить эту рѣзню, было перебито болѣе 200 человекъ. Много коряковъ было взято въ плѣнъ, а на мѣстѣ оставлено всего десять молодыхъ парней да пять женщинъ, чтобы, какъ замѣчено въ лѣтописномъ сказаніи, дать возможность населенію вновь расплодиться. По окончаніи этой битвы Павлуцкій вернулся обратно въ Анадырскъ, а съ пути послалъ унтеръ-офицера Атласова съ двадцатью пятью казаками въ Олуторскъ, чтобы разрушить выстроенныя тамъ коряками укрѣпленія.

По возвращеніи въ Анадырскъ Павлуцкій нашелъ приказа-

ніе обращаться съ инородцами мягче и пріостановить всѣ военныя дѣйствія впредь до новыхъ распоряженій о томъ, какъ держать себя относительно инородцевъ. Вслѣдствіе этого онъ не могъ предпринимать новыхъ походовъ и, считая, что въ Анадырскѣ ему болѣе нечего дѣлать, отправился въ Якутскъ, гдѣ осталась его семья; на время своего отсутствія онъ сдалъ начальство надъ острогомъ гренадеру Мамрукову.

Было величайшимъ несчастіемъ для обездоленныхъ и измученныхъ инородческихъ племенъ, что человекъ такой безукоризненной честности и справедливости, обладавшій такою энергіей и такимъ практическимъ смысломъ, какими несомнѣнно отличался Павлуцкій, взглянулъ на свою задачу съ чисто военной точки зрѣнія въ то время, какъ въ сущности она была главнымъ образомъ административнаго свойства. Другою ошибкою Павлуцкаго было то, что онъ не могъ отрѣшиться отъ однажды составившагося у него убѣжденія, что дѣйствительными нарушителями спокойствія являлись именно чукчи и что спасеніе страны заключалось въ полномъ ихъ подчиненіи, или, если бы это оказалось невозможнымъ, истребленіи. Вполнѣ понятно, что какъ энергичный воинъ онъ не желалъ вступать въ мирныя отношенія съ своимъ врагомъ прежде, чѣмъ окончательно не сломить его силу; но тѣмъ не менѣе очень странно, что, получивъ запрещеніе вести открытую войну безъ предварительнаго разрѣшенія, онъ тотчасъ же повѣсилъ ружье на стѣну и уѣхалъ, не испросивъ даже отпуска и сдавъ свой отвѣтственный и важный постъ простому солдату. А между тѣмъ въ 1732 году коряки повсюду еще бунтовали, хотя, какъ уже сказано, нѣкоторые изъ ихъ колѣнъ платили ясакъ и притворялись передъ русскими, выражая имъ преданность, которой въ душѣ вовсе не чувствовали. Вообще, это крайне запутанное дѣло, и получить на него правильный взглядъ на основаніи старинныхъ лѣтописей очень трудно. Тамъ говорится съ одной стороны только о жалобахъ вѣрныхъ коряковъ на чукчей, а съ другой стороны о возмущавшихся упоминается, что бунтовали какъ осѣдлые, такъ и кочевые ко-

ряки-оленеводы, но никогда не указывается, какія именно племена оставались вѣрными русскимъ и какія отказывали имъ въ повиновеніи. Судя по тогдашнимъ обстоятельствамъ, подвергаться нападенію чукчей могли главнымъ образомъ только олуторскіе коряки, если вообще эти нападенія были такъ часты и такъ сильны, какъ о нихъ говорится въ лѣтописи; а въ этомъ есть вполнѣ основательныя причины сомнѣваться. Между тѣмъ почти постоянно бунтовались, убивали русскихъ чиновниковъ и путешественниковъ, грабили казенную почту, однимъ словомъ, постоянно совершали постыдныя дѣла именно олуторскіе коряки. И несмотря на то коряки находятся въ чести не только у анадырскихъ казаковъ, но и у самого Павлуцкаго, который только въ крайности рѣшается предпринять противъ нихъ незначительный походъ въ то время, какъ онъ ведетъ непрерывную борьбу и наносить убійственные удары чукчамъ, которыми никогда не дѣлалось, да и нельзя было сдѣлать упрековъ въ томъ, что они нападали на русскихъ и убивали ихъ чиновниковъ. Въ то время, какъ Павлуцкій покинулъ Анадырскъ, коряки, какъ было уже сказано, далеко еще не были покорны русскимъ.

Теперь пора сказать нѣсколько словъ о томъ, что дѣлалось въ области камчадаловъ. Въ Камчаткѣ все было спокойно, несмотря на то, что именно тамъ вымогательства начальниковъ достигали наивысшей степени, и произволъ царилъ еще больше, чѣмъ на Анадырѣ и Пенжинѣ. Плохо тамъ обстояло, если чиновникамъ удавалось въ теченіе одного года наворовывать 6500 соболей, 2000 лисицъ, 207 морскихъ бобровъ и 169 выдръ, какъ рассказывается о свергнутомъ своими же подчиненными Алексѣемъ Петриковскомъ. Если бы даже не всѣ чиновники были такими отчаянными грабителями, то все-же каждый изъ нихъ всѣми силами старался обогатиться въ возможно короткое время; въ виду же того, что число начальниковъ и казаковъ въ трехъ находившихся тамъ укрѣпленіяхъ было не малое, можно себѣ представить, что должно

было при такихъ обстоятельствахъ выносить населеніе. Впрочемъ камчадалы были спокойны вовсе не по доброй волѣ, а потому, что тамъ была экспедиція Беринга и въ Нижнекамчатскѣ зимовалъ корабль «Гавріилъ», который долженъ былъ доставить команды въ Анадырскъ. Въ 1729 году Берингъ ушелъ изъ Камчатки, а весною 1731 пришла сюда вѣсть о низложеніи и умерщвленіи коряками Шестакова; однако камчадалы все еще оставались спокойными и не рѣшались напасть на гарнизоны русскихъ укрѣпленій, опасаясь присутствія въ странѣ команды «Гавріила», состоявшей изъ ста человекъ. Судно же по различнымъ причинамъ, которыхъ нѣтъ надобности тутъ приводить, оставалось въ Нижнекамчатскѣ до іюля 1831 года. Но лишь только оно подняло якорь и ушло въ открытое море, возстаніе вспыхнуло и въ Камчаткѣ. Повидимому все было подготовлено ранѣе, такъ какъ въ самомъ непродолжительномъ времени камчадалы уже овладѣли Нижнекамчатскимъ укрѣпленіемъ и выслали отряды для взятія Верхнекамчатска и Большерѣцка. Русскихъ избивали повсюду, гдѣ только могли ихъ захватить, и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Камчатка была бы потеряна для русскихъ, если бы не подоспѣла неожиданная помощь.

«Гавріилъ», команда котораго вообще не совсѣмъ-то охотно отправлялась къ устью Анадыра, чтобы потомъ подняться вверхъ по этой рѣкѣ до острога, вдругъ вернулся назадъ: онъ былъ недостаточно годенъ для морскаго плаванія, а между тѣмъ разыгралась буря. Экипажъ тотчасъ же былъ высаженъ на берегъ и выступилъ противъ мятежниковъ. Удалось отстоять обѣ крѣпости, которымъ угрожала опасность со стороны повстанцевъ, а затѣмъ пошли на Нижнеколымскъ, куда бѣжали и собрались въ значительномъ числѣ возмущившіеся камчадалы. Послѣдніе храбро защищались и всѣ попытки штурмовать укрѣпленіе сначала оставались тщетными. Но когда одна изъ гранатъ попала въ пороховой погребъ и произвела взрывъ, которымъ повредило частоколъ, русскіе проникли въ крѣпостцу и, перебивъ всѣхъ

мужчинъ, попавшихся имъ подъ клинки, взяли въ рабство женщинъ и дѣтей.

Такимъ образомъ здѣсь очень скоро было возстановлено спокойствіе и въ Якутскѣ можно было послать извѣстіе, что бунтовщики получили возмездіе. Но въ Якутскѣ посмотрѣли на дѣло съ другой точки зрѣнія и нашли наконецъ своевременнымъ произвести строгое дознаніе о причинахъ, побудившихъ населеніе къ возмущенію и убійствамъ. При обыкновенномъ ходѣ дѣлъ подобное разслѣдованіе, предпринятое въ то время въ Сибири, не привело бы еще ни къ какимъ результатамъ. Большою частію такого рода слѣдствія не давали ничего потому, что производившіе дознаніе въ свою очередь позволяли себѣ столько незаконныхъ поступковъ, что и ихъ приходилось отдавать подъ судъ. Въ концѣ концовъ все это надоѣдало начальству и разслѣдованіе дѣла прекращалось. Но на этотъ разъ случилось иначе. Въ 1733 году предписаніе было составлено такъ, что два судебныхъ слѣдователя — маіоры Мехлинъ и Павлуцкій — отправились въ Камчатку, и нужно приписать серіозному отношенію къ дѣлу и справедливости послѣдняго изъ нихъ то, что причины возмущенія были дѣйствительно какъ слѣдуетъ выяснены, а виновниковъ постигла заслуженная кара. Слѣдствіе и судъ велись вплоть до 1739 года, — такъ трудно было добиться истины въ цѣломъ рядѣ преступныхъ дѣяній; но въ этомъ году былъ объявленъ приговоръ: управляющій Новгородовъ, казаккій офицеръ Штинниковъ и казакъ Сапожниковъ, точно также какъ и два главныхъ зачинщика возстанія изъ камчадаловъ были казнены; остальные казаки почти всѣ наказаны, а всѣ рабы, которыхъ тѣ приобрѣли себѣ силою или покупкою, отпущены на свободу. Затѣмъ было вновь возстановлено разрушенное укрѣпленіе Нижнекамчатскъ. Наконецъ Мехлиномъ и Павлуцкимъ было предложено и приведено въ исполненіе административное постановленіе: Анадырскъ, Камчатка и мелкія, расположенныя на побережьи Охотскаго моря укрѣпленія были изъяты изъ подъ начальства Якутска и подчинены особому

управленію, которое должно было находиться въ Охотскѣ. Съ 1740 года Павлудскій былъ назначенъ воеводой Якутска и занималъ этотъ постъ до 1742 года, когда его вновь послали на Анадырь.

На Пенжинѣ, на побережьи Охотскаго моря и въ Олуторскѣ дѣла оставались въ томъ же положеніи, въ какомъ они находились при уходѣ Павлудскаго изъ Анадырска. Тутъ мѣсто солдата Мамрукова заступилъ въ скоромъ времени офицеръ Шадринъ, который въ свою очередь былъ замѣненъ офицеромъ же Шипицынымъ. Но никто изъ нихъ не могъ ровно ничего предпринять противъ бунтовщиковъ, потому что сенатскій указъ гласилъ, что безъ предварительнаго разрѣшенія нельзя было начинать войны. Коряки продолжали держать въ своихъ рукахъ укрѣпленія на Охотскомъ морѣ, такъ что изъ Охотска можно было сообщаться съ Анадырскомъ только черезъ Камчатку. Не помѣшало корякамъ и возстановленіе укрѣпленія на Олуторѣ. Они попрежнему продолжаютъ грабить и убивать мимоѣзжихъ купцовъ и чиновниковъ, а однажды напали на восемнадцать человѣкъ разомъ; они осаждаютъ даже укрѣпленіе со слабымъ гарнизономъ, заставляють послѣдній терпѣть голодъ и наконецъ проложить себѣ дорогу частью въ Анадырскъ, частью же бѣжать въ Камчатку. Анадырскъ довольствуется тѣмъ, что посылаетъ одного казака спросить, съ какой стати они убиваютъ народъ по дорогамъ, и получаетъ скорѣе шуточный, чѣмъ серьезный отвѣтъ: коряки, молъ, убили казака Клеханова съ семнадцатью его спутниками потому, что тотъ имъ заявилъ, что весною придутъ русскіе изъ Анадырска, перебьютъ всѣхъ коряковъ, а женъ ихъ и дѣтей заберутъ въ рабство. Этимъ объясненіемъ въ Анадырскѣ удовлетворились, а между тѣмъ отсюда ежегодно доносили о положеніи дѣлъ въ странѣ, заявляя, что нѣтъ болѣе sprawy съ чукчами, что послѣдніе день ото дня становятся все болѣе дерзкими и опасными и что они станутъ угрожать даже самому Анадырскому острогу, если не будетъ предпринятъ походъ противъ нихъ.

Эти постоянно повторявшіяся донесенія сенатъ наконецъ призналъ заслуживающими серіознаго вниманія и повелѣлъ избрать надежнаго человѣка и вручить ему начальство. Сначала выборъ палъ на семидесятилѣтняго капитана Максима Лебедева, который затѣмъ и получилъ очень подробную инструкцію; но вмѣстѣ съ тѣмъ ему было приказано посоветоваться кромѣ того съ Павлуцкимъ, который-де лучше всего знаетъ, какъ управляться съ чукчами.

Конечно, послѣднее было вполнѣ вѣрно, но все же крайне странно, что на такой трудный и отвѣтственный постъ былъ избранъ старикъ въ то время, какъ къ услугамъ правительства находился Павлуцкій, въ способностяхъ котораго, какъ видно изъ инструкціи, были вполнѣ убѣждены. Павлуцкій высказалъ свое мнѣніе въ томъ смыслѣ, что съ чукчами можно вести войну только на жизнь и на смерть; онъ требовалъ достаточныхъ военныхъ силъ, заявляя, что менѣе какъ съ 500 человѣкъ ничего нельзя сдѣлать; наконецъ онъ былъ того убѣжденія, что необходимо энергично вести войну до тѣхъ поръ, пока весь этотъ народъ не будетъ истребленъ окончательно. Однако съ высказанными Павлуцкимъ взглядами не соглашался иркутскій губернаторъ Лангъ, хотя и раздѣлялъ мнѣніе его въ томъ, что войну нужно было вести энергично. Онъ склонялся къ тому, что въ случаѣ заявленія покорности нѣкоторыми изъ чукчей, такихъ необходимо взять въ плѣнъ, увести съ женами и дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ изъ занимаемой ими области и поселить гдѣ-либо на западѣ среди русскихъ или среди дикихъ, но преданныхъ правительству инородцевъ. Но тѣхъ, которые стали бы противиться и не пожелали бы принять этой милости, слѣдовало и по мнѣнію Ланга истребить. Наконецъ сочли нужнымъ выслушать также и мнѣніе коменданта Охотска, Девьера. Этотъ послѣдній, соглашаясь во всемъ остальномъ со взглядомъ Ланга, указалъ лишь на то, что дѣла на Анадырѣ находятся въ крайне критическомъ положеніи и что нужно принять мѣры не только противъ чукчей, но и противъ коряковъ, потому что послѣдніе

постоянно бунтуютъ и даже заградили путь изъ Охотска въ Анадырскъ. Но чтобы справиться съ этой трудной задачей, прибавляя онъ далѣе, нельзя поручать ее 70-лѣтнему старику, а необходимо послать сильнаго, полнаго энергіи человѣка, которымъ правительство и располагаетъ въ лицѣ Павлуцкаго, доказавшаго свою способность какъ въ Анадырскѣ, такъ и въ Камчаткѣ; ему казалось совершенно непонятнымъ, съ какой стати Павлуцкій назначенъ воеводой въ Якутскъ въ то время, какъ на опасныхъ пунктахъ дѣятельность его можетъ быть применена съ большою пользою. Это подѣйствовало. Павлуцкій получаетъ приказаніе выступить и вдругъ ему предписываютъ, подъ угрозой смертной казни, снѣшить изъ всѣхъ силъ послѣ того, какъ совершенно напрасно потеряли много лѣтъ, ведя безцѣльную переписку. Но путь черезъ Охотскъ нельзя было избрать, или не хотѣли связываться на первое время съ коряками, — однимъ словомъ Павлуцкій пошелъ черезъ Колымскъ и, несмотря на всю свою энергію, употребилъ на этотъ переходъ все же болѣе десяти мѣсяцевъ, съ 25 декабря 1742 до 9 ноября 1743. Въ то время этотъ походъ считался за нѣчто необычайное, да впрочемъ онъ и былъ таковымъ, если принять въ соображеніе длину пути и то обстоятельство, что Павлуцкій велъ съ собою команду съ очень большимъ обозомъ. Уже по дорогѣ посылались ему на встрѣчу изъ Анадырска донесенія, въ которыхъ рисовалась ужасная картина постоянно производимыхъ чукчами злодѣяній, и между прочимъ рассказывалось, что въ теченіе всѣхъ послѣднихъ лѣтъ чукчи каждую зиму грозили казакамъ, а особенно корякамъ, въ слѣдующее же лѣто разрушить Анадырское укрѣпленіе до основанія: вѣдь нельзя же было рассказывать, что чукчи дѣйствительно напали на Анадырскъ и разрушили его.

И такъ, Павлуцкій энергично принялся за дѣло и въ послѣдующіе четыре года, проведенныхъ имъ тамъ, дѣйствительно совершилъ противъ чукчей четыре похода, послужившихъ самымъ блистательнымъ доказательствомъ какъ его искусства

вести войска по самымъ негостепрѣимнымъ мѣстамъ, такъ и выносливости его людей и способности ихъ переносить самыя неслыханныя невзгоды. Но этими походами достигнуто было лишь одно, именно что чукчи почувствовали непреодолимый страхъ передъ русскими, вслѣдствіе чего они, и послѣ упраздненія въ 1770 году Анадырскаго острога, оставались спокойными, и только изрѣдка имѣли стычки съ коряками. То-есть, таковъ выводъ старыхъ лѣтописей о походахъ Павлуцкаго; на самомъ же дѣлѣ кажется, что чукчи оставались бы спокойными и безъ этихъ вторженій въ ихъ землю, потому что большая часть приписывавшихся имъ злодѣяній основывалась, какъ уже часто упоминалось, на клеветѣ и лжи. Если же разобрать тогдашнее положеніе дѣлъ и привести съ нимъ въ связь вѣчныя, но никогда не повѣрявшіяся жалобы коряковъ на чукчей, имѣя въ виду *сui prodest*, то истинныя стороны дѣла, которыя старинныя лѣтописи постоянно стараются скрыть, понять будетъ не трудно. Дѣйствительно, послѣ того, какъ коряки замѣтили, что внушавшій имъ страхъ полководецъ, желѣзный кулакъ котораго почувствовали не одни чукчи, но и они сами, не только не предпринималъ походовъ въ ихъ собственную область съ цѣлью наказать ихъ за пролитую ими кровь, но что, напротивъ, онъ направлялъ всю свою силу исключительно противъ чукчей, — они подумали, что пришло время возстать, и на этотъ разъ на самомъ дѣлѣ попытались сбросить съ себя русское господство и снова добиться независимости. Свои враждебныя дѣйствія они сначала открыли противъ Окланскаго острога. На полуостровѣ, образуемъ впаденіемъ Оклана въ Пенжину, и на этой послѣдней рѣкѣ издревле существовалъ корякскій бургъ; онъ былъ разрушенъ казаками въ 1679 году и тамъ же, или по крайней мѣрѣ вблизи этого мѣста, возведенъ впервые въ 1690 году острогъ. Много разъ разрушавшійся, снова возводившійся и опять уничтожавшійся, онъ былъ совершенно восстановленъ въ 1741 году энергичнымъ анадырскимъ сержантомъ Н. Енисейскимъ и занятъ гарнизономъ изъ двадцати

четырёхъ человекъ. Енисейскій съумѣлъ завязать дружелюбныя отношенія съ жившимъ на Гижигѣ могущественнымъ корякскимъ предводителемъ Эвонтой, а также съ 70-лѣтнимъ, всѣми уважавшимся Аликомъ, такъ что они не ставили ему препятствій въ его поѣздкахъ какъ въ Ямскъ и Тауйскъ, такъ и въ Охотскъ. При его содѣйствіи удалось даже возстановить двѣ первыя упомянутыя тутъ крѣпостцы и занять ихъ гарнизонами. Все шло прекрасно, царило полное спокойствіе и Енисейскій полагалъ, что ему удастся снова завладѣть мѣстностью между Охотскомъ и Анадырскомъ. Но для этого гарнизоновъ Тауйска и Ямска, состоявшихъ изъ десяти или двѣнадцати человекъ, и двадцати четырехъ ратниковъ, которыхъ онъ имѣлъ въ Окланскѣ, было слишкомъ недостаточно; поэтому, въ октябрѣ 1745 года онъ предпринялъ поѣздку въ Охотскъ, съ цѣлью просить о подкрѣпленіи. Но ему могли дать лишь немного людей; для Окланска ему отрядили всего двѣнадцать человекъ, такъ что онъ вернулся туда съ двадцатью четырьмя ратниками: двѣнадцать онъ взялъ съ собою, отправляясь изъ Окланска, гдѣ такимъ же образомъ оставалось столько же. Это было какъ разъ въ то время, которое заговорщики избрали для того, чтобы убить Енисейскаго и совершенно овладѣть всѣми крѣпостцами. До пріѣзда Енисейскаго покинулъ Охотскъ мисіонеръ Флавіанъ съ нѣсколькими спутниками и отправился въ Анадырскъ, чтобы совершать богослуженіе. Онъ считалъ себя въ совершенной безопасности, такъ какъ онъ шелъ въ сопровожденіи корякскаго предводителя Кине. Но этотъ послѣдній извѣстилъ Эвонту, что монахъ идетъ съ незначительной свитой; Эвонта напалъ на него на Шестаковкѣ, умертвилъ его и перебилъ всѣхъ его людей. Въ то же самое время къ востоку отъ Каменки коряки бурга Широва убили двухъ казаковъ, которые находились на пути изъ Камчатки въ Анадырскъ и везли дѣловыя бумаги, а также ѣхавшаго съ ними купца; вслѣдъ за тѣмъ они обратились къ Алику, который, узнавши о смерти просвѣтившаго и крестившаго его годъ тому назадъ Флавіана, счелъ тоже своевременнымъ

примкнуть къ возстанію. Ко всему этому присоединилось еще то обстоятельство, что жена Эвонты, всѣми уважавшаяся шаманка и предсказательница, возвѣстила о благополучномъ исходѣ возстанія; тогда отдѣльные корякскіе начальники, заключивъ между собой союзъ подъ предводительствомъ Эвонты и Алика, порѣшили вырѣзать всѣхъ русскихъ и скинуть съ себя зависимость. Они условились, что Аликъ направится на западъ, побудитъ всѣ тамошніе бурги къ возстанію, а главнымъ образомъ постарается справиться съ Енисейскимъ. Послѣднее и удалось. Когда Енисейскій добрался до Гижиги и достигъ области начальника тайгоносскихъ коряковъ, Тайкопа, жившаго на полуостровѣ между Гижигой и Пенжиной, этотъ послѣдній съумѣлъ разъединить команду Енисейскаго тѣмъ, что поставлялъ недостаточное число ѣздовыхъ животныхъ; вслѣдствіе этого справляться съ отдѣльными группами ратниковъ и избивать людей сонными было тѣмъ легче, что Енисейскій, вполне полагаясь на дружбу Эвонты и Алика, по всей вѣроятности упустилъ принять необходимыя предосторожности. Самого Енисейскаго закололи въ то время, когда онъ, только что подѣхавъ къ какой-то юртѣ, хотѣлъ выйти изъ саней. Тѣмъ же способомъ были умерщвлены еще нѣсколько казаковъ и унтеръ-офицеровъ, совершавшихъ служебныя поѣздки, — однимъ словомъ, постарались перебить всѣхъ русскихъ, которыхъ удалось захватить какимъ бы то ни было способомъ.

Между тѣмъ, во время отсутствія Енисейскаго, въ Окланскъ прибыли различные чиновники: сержантъ Мокрошубовъ съ казакомъ Скребыкинымъ съ цѣлью проводить монаха Флавіана изъ Окланска въ Анадырскъ, а также гренадеръ Мамруковъ съ четырьмя казаками, посланный къ Эвонтѣ за оленями для похода, рѣшеннаго Павлуцкимъ въ ближайшую весну противъ чукчей. Пробывъ тутъ нѣсколько дней, Мамруковъ направился далѣе, чтобы исполнить данное ему порученіе: въ то время въ Окланскѣ не было еще получено извѣстія о томъ, что вспыхнуло возстаніе. За нимъ послѣдовали черезъ короткій

промежутокъ времени два человѣка окланскаго гарнизона, чтобы привезти съ нижняго теченія Пенжины наловленную тамъ глѣтомъ рыбу. Уже въ виду юрты жившихъ здѣсь коряковъ замѣтили они на дорогѣ трупъ одного изъ спутниковъ Мамрукова; въ это время коряки вышли изъ юрты и стали приглашать ихъ къ себѣ, но они пустились бѣжать и несмотря на то, что за ними была погоня, достигли Окланска еще до прибытія преслѣдователей. Послѣднихъ было до ста человѣкъ; они собрались изъ бурговъ Ягача, Каменска, Широва и Коуша. Покончивъ съ Мамруковымъ и его спутниками, они явились подъ предводительствомъ Эвонты къ Окланску, не съ цѣлью штурмовать его, такъ какъ это было опасно даже при слабомъ горнизонѣ, а для того, чтобы овладѣть укрѣпленіемъ посредствомъ измора. Впрочемъ, коряки наблюдали за крѣпостью такъ плохо, что въ нее не только могъ войти въ началѣ декабря (посланный изъ Анадырска, для сбора ясака съ жившихъ вокругъ Окланска коряковъ) казакъ Сорокоумовъ съ двумя товарищами, но и послать отсюда человѣка къ Павлуцкому съ извѣстіемъ, что вспыхнуло возстаніе и онъ, Сорокоумовъ, запертый въ Окланскѣ, терпитъ недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ.

Павлуцкій, впрочемъ, уже зналъ, что коряки возстали, потому что еще передъ тѣмъ человѣкъ, посланный къ корякскому начальнику Шадре съ цѣлью тоже потребовать отъ него оленей для чукотскаго похода, вернулся безуспѣшно и донесъ, что населеніе взбунтовалось, что Эвонта со своимъ сыномъ Эвулхутомъ, а также Аликъ и Текіяттогъ возстали и что идутъ слухи объ убіеніи монаха Флавіана съ его спутниками. Когда же къ этимъ вѣстямъ присоединилось увѣдомленіе изъ Окланска, Павлуцкій, немедленно выслалъ на помощь окланскому гарнизону офицера Петра Прошина со 120 ратниками и вмѣстѣ съ тѣмъ написалъ и въ Охотскъ, чтобы отсюда были приняты мѣры къ защитѣ мѣстностей, расположенныхъ у Охотскаго моря, въ виду того, что онъ не располагаетъ достаточнымъ числомъ людей для успѣшнаго веденія войны одновременно на

сѣверѣ и на югѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Павлудкій легко справился бы съ возстаніемъ, если бы, оставивъ на нѣкоторое время чукчей въ покоѣ, направилъ всѣ свои силы на коряковъ; но въ то время всѣ безъ исключенія сильно вѣрили въ опасность со стороны чукчей; вслѣдствіе этого корякское возстаніе, начавшись въ 1745 году, продолжалось цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ и могло считаться прекратившимся лишь въ 1756 году. Но разъ Павлудкій не пошелъ противъ коряковъ самъ, то онъ долженъ былъ бы послать къ нимъ по крайней мѣрѣ кого нибудь изъ дѣльныхъ людей, которыхъ, конечно, у него было нѣсколько; но онъ считалъ всѣхъ ихъ необходимыми для похода противъ чукчей и поручилъ эту важную задачу совершенно неспособному Прошину, который, несмотря на свой отрядъ въ 120 ратниковъ, не отваживался ни на какія рѣшительныя мѣры и тѣмъ сдѣлалъ коряковъ еще болѣе дерзкими и болѣе увѣренными въ своей побѣдѣ. Въ Окланскъ онъ прибылъ лишь въ концѣ февраля, когда несчастный гарнизонъ давнымъ давно питался уже сѣтями, ремнями и подошвами отъ сапогъ; затѣмъ онъ пошелъ далѣе, а коряки потихоньку отступали передъ нимъ. Наконецъ онъ сталъ вести съ ними переговоры и получилъ обѣщаніе, что коряки станутъ вновь платить ясакъ и сложать оружіе. Когда же онъ сталъ требовать ясакъ, ему отвѣчали, что въ настоящее время они не могутъ платить, потому что руки ихъ еще обагрены русскою кровью, а это по толкованіямъ ихъ шамановъ должно считать за дурной знакъ. Такимъ неслыханнымъ отвѣтомъ Прошинъ довольствуется и, оставивъ подкрѣпленіе окланскому гарнизону, возвращается въ Анадырскъ. Коряки такъ ободрились подобнымъ образомъ дѣйствія, что тотчасъ же разослали повсюду посланцевъ и пригласили всѣхъ своихъ соплеменниковъ къ возстанію. Они поручили своему посланцу Чингину всюду сказать, что главари коряковъ возстали оттого, что одинъ бѣжавшій изъ русскаго плѣна корякъ, который понималъ по русски, слышалъ разговоръ казаковъ со своимъ духовенствомъ о томъ, что вышелъ приказъ взять въ плѣнъ всѣхъ коряковъ, самихъ окрестить насильно, а

женъ ихъ и дочерей увести. Когда впоследствии, по усмиреніи мятежа, нѣсколько корякскихъ главарей были приговорены къ пыткѣ, они на ней сознались, что причиной возстанія были не эти рассказы, а что они выдумали и распространили ихъ съ цѣлью возбудить и понудить своихъ соотечественниковъ къ возстанію. Какъ бы то ни было, но эта попытка удалась, и всѣ корякскія племена отъ Тауйска до Олуторы взяли за оружіе.

Когда въ августѣ Павлуцкій вернулся изъ своего похода на чукчей, онъ, конечно, засадилъ Прошина въ острогъ и приказалъ разслѣдовать обстоятельства дѣла; но бѣдствіе уже разлилось и даже усилилось въ томъ же году вслѣдствіе паденія Окланска. Незначительный гарнизонъ этого укрѣпленія, вмѣсто того, чтобы сидѣть спокойно или ограничить свою дѣятельность ближайшими окрестностями крѣпостцы, вздумалъ предпринимать походы по разнымъ направленіямъ; хотя при этомъ корякамъ и наносился кое-какой вредъ, однако въ концѣ концовъ отрядъ русскихъ, состоявшій изъ шестнадцати человѣкъ, столкнулся съ полчищемъ непріятелей въ 150 человѣкъ и при этомъ понесъ столь значительный уронъ, что начальникъ его рѣшилъ покинуть укрѣпленіе и съ немногими оставшимися у него людьми пробиться въ Анадырскъ. Имѣвшіяся у нихъ пушки и тотъ порохъ, который они не могли захватить съ собою, они зарыли и отправились въ путешествіе, которое длилось много мѣсяцевъ благодаря тому, что имъ повсюду приходилось скрываться отъ коряковъ. Наконецъ четверо изъ нихъ, измученные голодомъ, достигли въ мартѣ 1747 г. Анадырска, Окланскъ же былъ разрушенъ коряками. 15 Марта 1747 года палъ вслѣдствіе измѣны собственныхъ людей, послѣ геройской обороны, Павлуцкій, въ битвѣ съ чукчами, а только 6 декабря 1748 года прибылъ въ Анадырскъ, его замѣститель, Кекеревъ. Повидимому этотъ начальникъ наконецъ сообразилъ, что коряки представляютъ собою болѣе опасныхъ враговъ, а потому направилъ свои силы сначала противъ нихъ. Онъ выступилъ 30 января 1749 года съ 236 казаками, 146 коряками

и 88 юкагирами на югъ. Было бы лучше, если бы какъ онъ, такъ и его замѣститель не включали коряковъ въ свою рать, потому что они являлись слишкомъ ненадежными союзниками противъ своихъ соплеменниковъ; ихъ поведенію и слѣдуетъ приписать то, что этимъ походомъ было достигнуто такъ мало: непріятель все время получалъ отъ нихъ извѣстія о намѣреніяхъ и движеніи русскихъ. По дорогѣ Кекеревъ узналъ отъ двухъ пойманныхъ лазутчиковъ Текіэттога, что послѣдній находится со своими людьми на рѣкѣ Парени; поэтому онъ раздѣлилъ свою команду, оставилъ часть ратниковъ на Окланѣ, а со 130 самыми лучшими изъ людей пошелъ усиленными переходами на встрѣчу корякамъ. Онъ достигъ Парени, но Текіэттогъ такъ поспѣшно удался, что кинулъ на мѣстѣ и свой лагерь, и своихъ оленей. Его усиленно преслѣдовали, но въ это время разыгралась ужасная, свирѣпствовавшая двѣнадцать дней подъ рядъ снѣжная буря, которая дала Текіэттогу возможность бѣжать со своими людьми къ Охотскому морю. Тогда Кекеревъ направился на востокъ и напалъ на Каменскій бургъ, гдѣ собрались большія корякскія силы. Первый штурмъ бурга не удался, и самъ Кекеревъ получилъ двѣ раны; ночью же, во время бури, коряки перебили своихъ женъ и дѣтей, числомъ до 30, а сами тайно бѣжали изъ бурга, предоставивъ его русскимъ. Между тѣмъ бѣжавшіе, бѣгство которыхъ врядъ-ли удалось бы безъ содѣйствія со стороны находившихся въ войскѣ Кекерева соотечественниковъ, засѣли на одну изъ скалъ бурга, куда вела всего одна тропинка и подняться на которую можно было лишь съ помощью лѣстницъ и ремней. Кекеревъ послѣдовалъ за ними и туда, но убѣдился, что безъ особыхъ вспомогательныхъ средствъ ему не удастся завладѣть крутою скалою, съ которой осажденные могли скатывать камни, а потому снялъ осаду, такъ какъ принудить коряковъ сдаться голодомъ казалось ему слишкомъ долгимъ. Но походъ имѣлъ все же тотъ результатъ, что послѣ разрушенія двухъ бурговъ, Каменска и Ягача, коряки Широва, Парени и Олуторска обѣщали платить ясакъ и сдать

его осенью. Однако тотчасъ же по уходѣ русскихъ они забыли это обѣщаніе. На этотъ разъ Кекеревъ вернулся въ Анадырскъ, куда онъ прибылъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Онъ освободилъ изъ плѣна нѣсколькихъ русскихъ, а самъ взялъ въ плѣнъ 45 человѣкъ коряковъ. По прибытіи въ Анадырскъ послѣднихъ судили, нѣсколькихъ пытали, другихъ казнили, а остальныхъ наказали палочными ударами.

Лѣтомъ 1749 года Кекеревъ, какъ это обыкновенно бывало, оставилъ коряковъ въ полномъ покоѣ. Но зимою, повидимому, коряки снова выдали себя за чукчей, потому что въ отчетѣ говорится, что слѣдующею весною, 12 марта 1750 года, Кекеревъ со своимъ войскомъ отправился на Таловку, т. е. въ мѣстность со всѣхъ сторонъ окруженную возставшими корякскими племенами, съ цѣлью перехватить чукчей, пришедшихъ обложить данью коряковъ. Трудно себѣ объяснить что могло бы значить это сказаніе: коряки, конечно, имѣли расчетъ направлять гарнизонъ Анадырскаго острога на чукчей, но только въ томъ случаѣ, если походы его совершались въ область послѣднихъ или, какъ это практиковалось въ послѣдніе годы, по крайней мѣрѣ внизъ по Анадыру на лодкахъ; но никакъ не могло быть для нихъ выгоднымъ призывать страхъ наводящую рать русскихъ въ свои владѣнія. Собственно говоря, даже нельзя было рассчитывать найти чукчей на Таловкѣ, если бы они на этотъ разъ туда и проникли: отсюда до Анадырска по крайней мѣрѣ около 400 верстъ, а потому потребовалось бы довольно продолжительное время для посылки извѣстія въ острогъ и для прибытія оттуда помощи. Но съ другой стороны Кекеревъ на этотъ разъ выступилъ и шелъ съ необыкновенной поспѣшностью, потому что, придя на Таловку и не найдя ушедшихъ уже будто-бы чукчей, онъ тотчасъ же погнался съ частью своего отряда, состоявшею изъ ста человѣкъ, за главнымъ бунтовщикомъ Эвонтой, который по слухамъ находился за рѣчкой Пустой; онъ достигъ этого мѣста уже 22 марта, т. е. прошелъ въ десять дней по крайней мѣрѣ 600 верстъ. Конечно, войны его шли не пѣшкомъ, а ѣхали на

нартахъ, какъ это всегда бывало; но и олени, давшіе возможность совершить такое путешествіе, должны были обладать большою выносливостью. Во всякомъ случаѣ изъ этой большой поспѣшности можно заключить, что Кекеревъ дѣйствительно рассчитывалъ застать еще разбойниковъ. Какъ бы то ни было, но онъ настигъ Эвонту за рѣчкой Пустой на крутой, расположенной на морѣ верстахъ въ пяти отъ берега скалѣ, штурмовать которую оказалось невозможнымъ. Онъ могъ похвастаться развѣ однимъ незначительнымъ успѣхомъ: — по дорогѣ ему удалось напасть на небольшую группу коряковъ (часть которыхъ онъ перебилъ, остальныхъ взялъ въ плѣнъ) и отбить при этомъ 2500 принадлежащихъ Эвонтѣ оленей. Но вслѣдъ за тѣмъ онъ возвращается назадъ и приходитъ 22 апрѣля въ Анадырскъ съ сильно измученной командой, которая будто-бы очень страдала отъ голода благодаря тому, что при слишкомъ поспѣшномъ выступленіи изъ острога не могла захватить достаточныхъ запасовъ продовольствія. Опять-таки совершенно непонятно, какъ можно терпѣть голодъ, овладѣвши стадомъ оленей въ 2500 головъ; однимъ словомъ, отчетъ объ этомъ походѣ полонъ противорѣчій. Такимъ образомъ снова ничего не достигли, если не считать косвеннаго успѣха въ томъ, что на сторону русскихъ перешли два корякскіе начальника, Айвуланъ и Текіэттогъ, которые по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ сочли дѣло своего народа проиграннымъ; небольшимъ удовлетвореніемъ было также то обстоятельство, что Текіэттогъ возвратилъ Кекереву пушку, похищенную коряками изъ покинутаго гарнизона Окланскаго острога.

Въ концѣ 1750 года, 1 декабря, вступилъ въ Анадырскъ новый начальникъ, капитанъ Шатиловъ. По принятіи острога онъ тоже рѣшилъ предпринять немедленно походъ противъ коряковъ, но не былъ въ состояніи выступить изъ крѣпостцы до конца марта 1751 года. На этотъ разъ было рѣшено наказать западныхъ коряковъ, а потому онъ направился къ устью Гижиги. Дойдя до полуострова Тайгоноса, онъ отправилъ 1 апрѣля впередъ, на рекогносцировку, сотника Катковскаго съ пятьюде-

сятью ратниками. Послѣдній дѣйствительно наткнулся на толпу коряковъ съ женами и дѣтьми, которые оказали сопротивленіе Катковскому и даже сами напали на него. Потерявши въ бою двухъ человекъ, непріятель обратился въ бѣгство; войдя въ лагерь коряковъ, Катковскій нашелъ въ немъ тѣла ихъ дѣтей и женъ, которыя, чтобы не достаться русскимъ, умертвили или сами себя, или были перебиты своими мужьями и отцами. Отъ одного взятаго въ плѣнъ коряка, который впрочемъ заявилъ, что онъ уже давно собирался подчиниться русскимъ, Катковскій узналъ, что на полуостровѣ находятся большія корякскія силы; тогда Шатиловъ, основываясь на этомъ извѣстїи, направился туда. Чтобы скорѣе достигъ цѣли, онъ оставилъ свой лагерь подъ начальствомъ лейтенанта Бѣльскаго и поспѣшилъ впередъ съ 200 казаками и приблизительно съ 80 коряками и юкагирами, приказавъ главнымъ своимъ силамъ слѣдовать за нимъ съ возможной быстротой. Въ скоромъ времени онъ настигъ своего противника, который самъ выдалъ свое присутствіе, выславъ впередъ лазутчиковъ и поручивъ имъ выслѣдить русскихъ; такимъ образомъ послѣднимъ оставалось только идти по слѣду развѣдчиковъ, чтобы настичь бунтовщиковъ. Эти однако уже успѣли прибѣгнуть къ излюбленной коряками военной уловкѣ, — удалиться на неприступную скалу. Послѣдняя находилась приблизительно въ ста саженьяхъ отъ берега и казалась крайне неудобной для штурма. Въ виду того, что уже начало темнѣть, Шатиловъ разставилъ на льду моря, вокругъ скалы стражу, чтобы врагъ не бѣжалъ ночью, и приказалъ на разсвѣтѣ слѣдующаго дня обрекогносцировать окрестности и очистить ихъ отъ непріятеля. Затѣмъ онъ ждалъ еще нѣсколько дней и велъ съ посаженными переговоры, обѣщая легкое наказаніе и даже полное прощеніе, если они теперь же изъявятъ покорность и станутъ платить ясакъ. Но коряки, ободренные удачей подобной попытки въ прошломъ году, чувствовали себя на своей твердынѣ въ такой безопасности, что съ бранью отвергли всѣ предложенія Шатилова и крикнули ему, чтобы онъ самъ опасался того, какъ-бы ему не погибнуть со своимъ

войскомъ на полуостровѣ Тайгоносѣ. Тогда было рѣшено штурмовать скалу послѣ того, какъ во время рекогносцировки, не обнаружившей присутствія непріятеля, удалось все же захватить стадо оленей. Но штурмъ былъ дѣломъ не легкимъ. Скала, со всѣхъ сторонъ круто спускавшаяся къ морю, имѣла всего одинъ и то очень плохой подъемъ, который коряки постарались оборонить самымъ тщательнымъ образомъ. Они связали оленьи нарты и нагроузили ихъ мѣшками, наполненными крупными камнями; такимъ образомъ они могли спустить на штурмовавшихъ внизъ по крутизнѣ всю эту массу разомъ. Было заготовлено и поставлено другъ за другомъ три подобныхъ комплекта саней. Помимо этого коряки поставили въ снѣгу, какъ на подъемѣ, такъ и на другихъ мѣстахъ, гдѣ только допускалась возможность взобраться ловкимъ лазунамъ, желѣзные и приготовленные изъ костей лисьи и волчьи капканы; такимъ образомъ приходилось преодолевать порядочно препятствій. Шатиловъ раздѣлилъ свои силы на пять колонъ; одной изъ нихъ было поручено штурмовать подъемъ, а другія въ это время должны были своими выстрѣлами мѣшать оборонявшимся защищаться, а также пробовать взбираться поодиночкѣ на скалу въ другихъ мѣстахъ. Въ лагерь былъ оставленъ караулъ изъ двадцати двухъ коряковъ, которому было приказано ни подъ какимъ предлогомъ не оставлять его; точно также наблюдение за взятыми оленями было поручено другимъ двадцати двумъ корякамъ. Это былъ трудный и кровавый бой; то и дѣло штурмовавшіе валились съ крутаго обрыва и особенно страдали отъ поставленныхъ капкановъ. Наконецъ русскіе ворвались въ непріятельскій лагерь и завладѣли скалой послѣ того, какъ корякскій начальникъ Тыкопъ палъ со 130 изъ своихъ людей; кромѣ того тамъ же валялось около трехъ сотъ труповъ перебитыхъ женъ и дѣтей, въ плѣнъ же попалось всего трое мужчинъ и семь женщинъ, — что служить доказательствомъ того, съ какой яростью и отчаяньемъ дрались коряки. Со стороны русскихъ пали пять солдатъ и четыре казака, раненыхъ же оказалось пятьдесятъ одинъ человекъ и въ томъ числѣ нѣсколько

офицеровъ. Въ то время, какъ Шатиловъ дрался, напрягая всѣ свои силы, его постигла очень значительная непріятность: толпа изъ тридцати приблизительно коряковъ незамѣтнымъ для русскихъ образомъ ворвалась въ лагерь, совершенно его ограбила, захватила стадо оленей и удалилась прежде, чѣмъ скала была взята штурмомъ. Коряки, оставленные на караулѣ, преспокойно допустили все это, несмотря на то, что ихъ было сорокъ четыре человѣка, тогда какъ нападавшихъ всего тридцать. Стадо удалось отбить у непріятеля еще въ тотъ же день, но потеря обоза крайне огорчила Шатилова, и онъ приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы наказать коряковъ за это нападеніе. Онъ постоянно высылалъ развѣдочныя партіи, чтобы собрать данныя о мѣстопребываніи непріятеля, но долгое время совершенно безрезультатно. Повсюду находили уже покинутыя мѣста приваловъ и приводили съ собою лишь отбитыхъ у врага оленей, всего на всего болѣе 2600 головъ. Наконецъ Катковскій, предводитель одного изъ развѣдочныхъ отрядовъ, донесъ, что онъ выслѣдилъ непріятеля и что этотъ послѣдній опять находится на крутой скалѣ близъ берега моря. Шатиловъ поступилъ какъ и въ первый разъ: онъ пошелъ съ двумястами человѣкъ усиленными переходами впередъ и приказалъ остальнымъ догонять его. На скалѣ находился корякскій предводитель Эткивунъ, тотъ самый, который въ обществѣ съ другимъ начальникомъ, Чайвыгинымъ, произвелъ нападеніе на лагерь Шатилова. Несмотря на то, что обстоятельства настоятельно требовали штурмовать скалу и наказать защищавшихъ ее вмѣстѣ съ ихъ предводителемъ, Шатиловъ снова вступилъ въ переговоры и выставилъ требованія, которыя на этотъ разъ были очень скоро приняты, что служило явнымъ доказательствомъ ненадежности избранной коряками позиціи. Насколько искренно было изъявленіе покорности со стороны Эткивуна, видно уже изъ того, что послѣдній вернулъ лишь незначительную часть похищенныхъ вещей, заявляя, что остальное потерялъ, но постарается найти; этимъ Шатиловъ однако довольствуется и отпускаетъ коряковъ, не наказавъ ихъ. Со-

участника Эткивуна въ грабежѣ, Чайвыгина, тоже выслѣдили на скалѣ, но такъ какъ послѣдняя оказалась абсолютно неприступной, то Шатиловъ вовсе ее не штурмовалъ, отступилъ безъ успѣха и пошелъ обратно въ Анадырскъ, куда прибылъ 22 мая. Хотя еще во время его пребыванія на Тайгоносѣ и Гижигѣ ему и покорились нѣсколько корякскихъ начальниковъ (именно Чайвыгинъ, разграбившій лагерь, Наяхахла съ Парени и даже Аликъ съ Эвекой), уплатили ясакъ и выдали заложниковъ, но все это только для виду, съ цѣлью избавиться отъ опаснаго человѣка, потому что впоследствии мы видимъ ихъ, особенно же Алика, снова въ ряду и во главѣ бунтовщиковъ. Впрочемъ отчетъ объ этомъ походѣ вовсе не удовлетворялъ и власть въ Иркутскѣ, такъ какъ вмѣсто прежнихъ совѣтовъ быть гуманными, пришелъ строгій приказъ, указывавшій на то, что не слѣдуетъ полагаться на такое изъявленіе покорности, которое вовсе не согласуется съ данными поступками; вмѣсто приглашенія мятежниковъ къ сдачѣ русскимъ просто на просто предписывалось заковывать ихъ попарно въ цѣпи, а всѣхъ тѣхъ, кто будетъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ, избивать, лишь бы только водворить спокойствіе въ странѣ.

Этотъ походъ 1751 года составилъ такъ сказать эпоху въ войнѣ съ коряками въ томъ отношеніи, что былъ послѣдней попыткой положить конецъ возстанію изъ Анадырска. Уже Павлуцкій въ самомъ началѣ мятежа, въ 1745 году, высказался въ томъ смыслѣ, что со стороны Анадырска невозможно удержать въ повиновеніи одновременно и чукчей, и коряковъ, если бы имъ вздумалось подняться противъ русскихъ. И дѣйствительно, это была неразрѣшимая задача при тѣхъ средствахъ, которыя отпускались, и особенно при командѣ, состоявшей всего изъ 400 человѣкъ. Послѣднее станетъ яснымъ каждому, кто приметъ въ соображеніе одни только разстоянія. Мѣста разселенія чукчей въ то время фактически начинались нѣсколько къ западу отъ Чаунской губы и распространялись отсюда на востокъ до Берингова моря, спорадически захватывая и внутреннюю часть Чукот-

ской земли. До самаго Анадыра кочевки чукчей не простирались, а доходили къ югу самое большее до водораздѣла лѣвыхъ притоковъ великой рѣки. Только въ области устья приближались они къ этой рѣкѣ и заходили даже на правый ея берегъ, ютясь по обоимъ берегамъ Онемена. Такимъ образомъ гарнизону острога приходилось сдѣлать по меньшей мѣрѣ четыреста или пятьсотъ верстъ прежде, чѣмъ онъ могъ вообще увидѣть непріятеля. Съ другой стороны коряки селились, какъ мы видѣли выше, отъ Тауйска на берегу Охотскаго моря до рѣкъ Таловки и Пустой, на полуостровѣ Тайгоносѣ, на Гижигѣ, Парени, по Оклану, Шестаковкѣ, Каменкѣ и Таловкѣ, а затѣмъ поперекъ Камчатки по Олуторѣ. Изъ всѣхъ этихъ селеній ближайшими къ Анадырску были расположенныя по Оклану и отстояли отъ него болѣе, чѣмъ на 250 верстъ, находившіяся же по Таловкѣ слишкомъ на 400, а по Гижигѣ на 650—700 верстъ, не говоря уже о дальнѣйшихъ, каковы селенія Тайускѣ и Олуторскѣ. Что касается чукчей, то изъ всѣхъ начальниковъ одинъ только Павлуцкій ходилъ въ ихъ собственную землю, но до какой невѣроятной степени обременяли людей эти набѣги, а иначе ихъ и назвать нельзя, будетъ видно изъ исторической части настоящаго труда. Другіе начальники не рѣшались уже на подобныя предпріятія, а пользовались тѣмъ обстоятельствомъ, что нижнее теченіе Анадыра, приблизительно отъ впаденія въ него рѣки Бѣлой, представляло изъ себя позднимъ лѣтомъ и осенью сборное мѣсто, какъ для гарнизона острога, такъ и для различныхъ племенъ инородцевъ — чукчей, коряковъ, юкагировъ, чуванцевъ и другихъ; тутъ издревле ежегодно ловили рыбу и кололи сѣверныхъ оленей еще въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ теперь. Въ это время начальники Анадырска сажали своихъ людей на лодки и ежегодно спускались внизъ по рѣкѣ, чтобы охотиться за чукчами. Но съ коряками справляться было не такъ легко, да и цѣль войны съ ними была иная, чѣмъ съ чукчами. Послѣднихъ желали только наказывать, первыхъ же положительно хотѣли снова обратить въ данниковъ. Когда тундра не покрыта снѣгомъ, пробираться

по ней на оленяхъ очень трудно; рѣшиться на походъ глубокой зимой съ ея снѣжными бурями тоже очень рискованное дѣло; осенью олени очень слабы; такимъ образомъ для веденія войны можно было пользоваться только позднею частью зимы, т. е. очень ограниченною, строго опредѣленною для каждаго года порою. Если теперь принять во вниманіе, что изъ этого само по себѣ очень краткаго промежутка времени, который къ тому же всегда могъ быть вычисленъ врагомъ, приходилось терять большую часть на прохожденіе безлюдныхъ, пустынныхъ пространствъ, то станетъ понятнымъ, почему съ коряками не успѣвали, какъ это часто и бывало, справляться и отчего укрѣпленія ихъ оставались нетронутыми: было слишкомъ мало времени для продолжительныхъ осадъ, а тѣмъ болѣе для взятія укрѣпленій изморомъ,—нужно было думать лишь о томъ, какъ-бы поскорѣе вернуться во свояси.

Къ трудностямъ, съ какими сопряжены были переходы по пустынной, негостепріимной странѣ, присоединялись еще другія обстоятельства, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ серіозно занимавшія и ставившія въ немалое затрудненіе начальство въ Охотскѣ и Иркутскѣ. Походы съ ихъ чрезмѣрной затратой силъ и лишеніями утомляли даже тѣхъ закаленныхъ и выносливыхъ людей, которые тамъ служили; результатомъ утомленія и часто очень плохого и недостаточнаго питанія, вовсе не соответствовавшаго тягостямъ, съ которыми приходилось бороться полуголоднымъ, плохо одѣтымъ воинамъ, являлись болѣзни. Поэтому постоянно требовались подкрѣпленія, удовлетворять же этимъ требованіямъ было невозможно или по крайней мѣрѣ очень трудно, потому что русскихъ въ Сибири было въ то время очень мало. Содержаніе гарнизона, съ другой стороны, ложилось тяжелымъ бременемъ на главное управленіе; и хотя оно сильно обременяло всю Якутскую область, однако всѣ потребности не могли быть достаточно удовлетворяемы; такимъ образомъ воины никогда не получали всего того, что имъ слѣдовало: въ лучшіе годы имъ выдавалась только незначительная часть ихъ содержанія, а въ

дурные они лишались всего, а между тѣмъ обязаны были нести тяжелую службу. При полномъ комплектѣ команды, она должна была состоять изъ четырехъ сотъ нижнихъ чиновъ, нѣсколькихъ офицеровъ и чиновниковъ, такъ что всего на всего въ ней было около 420 человекъ. По минимальному расчету каждый человекъ долженъ былъ ежегодно получать двѣнадцать пудовъ муки и крупы и приблизительно половину этого количества остальныхъ, выдававшихся солдату припасовъ. На весь гарнизонъ это составляло уже 4920 пудовъ однихъ жизненныхъ припасовъ, но къ нимъ нужно прибавить соль, порохъ, свинець и остальные матеріалы для одежды, амуниціи и т. д. Такимъ образомъ по смѣтѣ, составленной въ Якутскѣ, на Анадырь приходилось ежегодно доставлять по крайней мѣрѣ 5400 пудовъ разныхъ товаровъ, — а это являлось необыкновенно тяжелой повинностью для малонаселенной области, жители которой должны были везти кладъ нѣсколько тысячъ верстъ по абсолютно обитаемой мѣстности. Не было ни одного года, когда бы удавалось дѣйствительно доставлять все на мѣсто назначенія; насколько тяжела была эта повинность для Якутской области, можно заключить изъ различныхъ, иногда крайне странныхъ предложеній, которыя дѣлались съ цѣлью облегчить ее. Въ излишнемъ мягкосердечіи и заботѣ о благѣ туземныхъ инородцевъ никакъ уже нельзя упрекнуть управленіе Якутска и если оно постоянно работало надъ открытіемъ лучшихъ способовъ транспортировки, то это зависѣло исключительно отъ того, что якуты и тунгузы положительно не были въ состояніи исполнять то, что отъ нихъ требовалось. Обыкновенный путь шелъ по нижнему теченію Алдана, вверхъ по Хандыгѣ на Оймеконское нагорье и на верховья Колымы. Затѣмъ внизъ по Колымѣ на лодкахъ до Нижнеколымска, а отсюда къ Анадыру частью по Омолону, преимущественно же по двумъ Анюямъ. Этотъ путь тянулся на протяженіи трехъ тысячъ верстъ и былъ очень затруднителенъ благодаря тому, что приходилось переходить много рѣкъ и болотъ. Вслѣдствіе этого предложили другую, нѣсколько болѣе короткую дорогу че-

резь Охотскъ и вдоль побережья Охотскаго моря до Гижиги, отсюда же поперекъ страны на Анадырь. Но выполнить это предложеніе было невозможно потому, что побережьемъ Охотскаго моря завладѣли возмущившіеся коряки. Далѣе, хотѣли везти транспорты до Охотска сухимъ путемъ, затѣмъ водой вокругъ Камчатки до устья Анадыра и наконецъ вверхъ по этой великой рѣкѣ до острога; но и этого нельзя было исполнить благодаря тому, что не имѣлось достаточнаго количества годныхъ кораблей, на которыхъ можно было бы рѣшиться предпринять путешествіе по мало извѣстному и очень бурному морю. Серіозно думали даже о пути внизъ по Ленѣ, затѣмъ вдоль побережья Ледовитаго океана до Яны, а отсюда предполагали везти товары на оленьихъ и собачьихъ нартахъ до Колымы, съ этой же рѣки направляться на Анадырь. Въ виду того, что все это оказалось неисполнимымъ, прибѣгли къ очень сомнительному средству и стали высылать людямъ лишь очень небольшое количество муки, а вмѣсто недостающаго выдавать имъ наличныя деньги, считая по якутскимъ цѣнамъ. Этотъ своеобразный способъ снабжать людей деньгами вмѣсто хлѣба основывали на слѣдующемъ разсужденіи. Люди будто-бы отвыкли отъ употребленія хлѣба, что видно-де изъ того, что они очень сносно чувствовали себя, даже цѣлыми годами не получая его; если же посылать имъ деньги, то они будутъ въ состояніи покупать себѣ оленину и рыбу: это-могъ имъ много выгодѣе, чѣмъ не получать ни муки, ни денегъ, какъ это бывало до тѣхъ поръ. Такъ и поступили. Вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ надъ Охотскомъ получилъ приказъ высказаться, не находить ли онъ возможнымъ выстроить близъ моря крѣпость, которую можно было бы снабжать всѣмъ необходимымъ морскимъ путемъ изъ Охотска и которая, давая возможность держать въ повиновеніи коряковъ, не находилась бы ни въ какой зависимости отъ Анадырска, чтобы послѣдній могъ направить всѣ свои силы противъ однихъ чукчей. Это распоряженіе было приведено въ исполненіе, какъ и все въ Сибири, очень не скоро, только въ 1752 году. Въ упоминаемомъ году казакій сержантъ

Бѣлобородовъ получилъ приказаніе выступить изъ небольшого укрѣпленія Таманска, расположеннаго на берегу Гижигинской губы, съ 88 ратниками, противъ коряковъ; казаку же Аврааму Игнатьеву было дано порученіе выстроить въ видѣ опыта крѣпость въ устьѣ Гижиги. Оба эти приказа и были приведены названными начальниками въ исполненіе соотвѣтственно инструкціямъ. Бѣлобородовъ все лѣто бился съ различными корякскими бандами, не одержавъ, конечно, громкихъ побѣдъ, такъ какъ 88 человекъ, бывшихъ въ его распоряженіи, были слишкомъ незначительной силой сравнительно съ многочисленнымъ врагомъ; тѣмъ не менѣе онъ преслѣдовалъ повсюду противника и наносилъ ему неоднократно пораженія. Очень чувствительный ударъ нанесъ онъ возстанію тѣмъ, что взялъ въ плѣнъ старика Алика, который однажды уже изъявилъ покорность Анадырску, но затѣмъ, когда опасность съ уходомъ войска миновала, снова соединился со своими земляками. Восьмидесяти-лѣтній старикъ былъ отправленъ въ Охотскъ на допросъ, но умеръ на пыткѣ. Игнатьевъ тоже бодро принялся за дѣло и выстроилъ въ устьѣ Гижиги, верстахъ въ пятнадцать отъ берега моря, крѣпость, конечно, среди голой тундры, на бесплодной, болотистой почвѣ; она представляла то преимущество, что отнынѣ явилась возможность получать все необходимое со стороны моря и имѣть врага, котораго приходилось побѣждать, въ непосредственной близости и доступнымъ во всякое время года. Начатое сооруженіе въ томъ же году подвинулось настолько, что на слѣдующій его можно было окончить и снабдить гарнизономъ. Уже въ 1753 году былъ сдѣланъ опытъ доставить все нужное для крѣпостцы моремъ, но онъ былъ неудаченъ, потому что самъ по себѣ не совсѣмъ годный для морскаго плаванія корабль наткнулся близъ Туманной на скалу, при чемъ часть экипажа утонула, а весь грузъ погибъ. Лишь въ 1757 году удалось разгрузить первый корабль въ Гижигѣ. Три года продолжалось, становясь все слабѣе и слабѣе, возстаніе, пока въ 1756 году не удалось наконецъ покорить послѣднія изъ возмущившихся племенъ.

Впослѣдствіи коряки уже не возмущались: вышло предприса-
ніе какъ имъ, такъ и комендантамъ Гижигинска, чтобы ясакъ
сдавался начальниками коряковъ и притомъ исключительно въ
крѣпости. Этимъ несомнѣнно устранялись самыя крупныя злоупо-
требленія, потому что губительные разѣзды сборщиковъ ясака,
часто превращавшіеся въ самовольные хищническіе набѣги, не
могли уже имѣть мѣста. Между тѣмъ не подлежитъ ни малѣй-
шему сомнѣнію, что именно эти-то сборщики ясака и были на-
стоящей причиною столь долго тянувшагося возстанія, Анадыр-
скій острогъ тотчасъ по своемъ основаніи въ сравнительно корот-
кое время обратилъ коряковъ въ данниковъ и въ теченіе многихъ
лѣтъ они терпѣливо сносили новое иго. Но затѣмъ, когда коряки
вполнѣ убѣдились, что ежегодно собиравшаяся съ нихъ разѣ-
зжавшими казаками и комисарами дань только частью посту-
паетъ въ казну, остальная же и гораздо большая часть ея идетъ
въ карманы этихъ изверговъ, среди нихъ вспыхнули въ 1715
году первые беспорядки, повлекшіе за собой избіеніе мучителей
съ ограбленіемъ какъ ихъ собственнаго, такъ и казеннаго иму-
щества, и продолжавшіеся до 1756 года. Дѣйствительно, хотя
древнія лѣтописи и считаютъ начало возстанія только съ 1745 г.,
однако нельзя отрицать того, что съ 1715 года не проходило,
собственно говоря, ни одного года безъ грабежа или нападенія
со стороны коряковъ. Основанная въ 1753 году крѣпость, ко-
нечно, содѣйствовала съ своей стороны усмиренію мятежа, но глав-
нѣйшей причиною успокоенія было все же лучшее съ этихъ поръ
обращеніе съ коряками. Когда въ 1771 году былъ упраздненъ
Анадырскъ, центръ административнаго управленія былъ пере-
несенъ въ Гижигинскъ; это обстоятельство тоже сдѣлало свое
дѣло для устраненія послѣднихъ остатковъ прежнихъ ожесточен-
ныхъ битвъ, — коряки покорились своей судьбѣ.

65. C. von Ditmar, Ueber die Korjaken und die ihnen sehr
nahe verwandten Tschuktschen. Mélanges russes изъ т. III Bullet.
der Akad. d. Wissenschaften.

66. Между Нижнеколымскомъ и Гижигинскомъ и въ древнія времена существовалъ хорошо извѣстный и часто посѣщавшійся путь, длину котораго опредѣляли въ тысячу верстъ, проходя его на нартахъ во время короткихъ зимнихъ дней въ двадцать шесть суточныхъ переходовъ. Послѣдніе распредѣлялись такъ: отъ Нижнеколымска до впаденія Омолона — два; отъ устья Омолона до селеній жившихъ на Большомъ Олоѣ юкагировъ — семь; отъ юкагировъ до Отворотной — тоже семь; отъ Отворотной, черезъ горный хребетъ до истоковъ Парени — пять, и отъ истоковъ Парени до Гижигинска также пять переходовъ.

67. Мнѣ рассказывали лишь объ одномъ смертномъ случаѣ отъ употребленія въ пищу мухомора; но его объясняли тѣмъ, что пострадавшій (это былъ русскій) поѣлъ его въ довольно большомъ количествѣ и въ свѣжемъ, непровиленномъ видѣ.

Замѣчательное вліяніе производитъ этотъ грибъ на мочу: содержащееся въ немъ наркотическое средство, какъ кажется, переходитъ преимущественно въ нее. Хорошо извѣстенъ фактъ, что коль скоро корякъ начинаетъ замѣчать исчезновеніе одуренія и у него нѣтъ болѣе гриба, онъ пьетъ свою собственную мочу; тогда наркотическое дѣйствіе проявляется снова, но вторично моча не оказываетъ вліянія и вызвать ею одуреніе уже нельзя. Мнѣ рассказывали объ одномъ человѣкѣ, который ѣхалъ съ корякомъ и остановился у одного осѣдлага коряка. Хозяинъ дома находился въ полномъ одуреніи и потому былъ въ крайне веселомъ расположеніи духа. Приѣхавшій съ путешественникомъ корякъ попросилъ, конечно, у хозяина дома порцію гриба, но этотъ къ своему величайшему сожалѣнію не могъ удовлетворить его желанія. Однако онъ тотчасъ же помочился и предложилъ выдѣленіе гостю, который его выпилъ и тоже впалъ въ одуреніе. Между тѣмъ у хозяина дома наркозъ прошелъ, а у гостя продолжался, и когда первый пожаловался, что не можетъ возобновить пріятнаго состоянія духа, послѣдній далъ ему своей мочи — но она уже не оказала дѣйствія.

69 ¹⁾. Очень замѣчательно далекое распространение на востокъ лиственничныхъ лѣсовъ на верхнемъ теченіи Анадыра, но трудно объяснимы причины, которыя его обуславливаютъ. Въ нашемъ путешествіи въ Чукотскую Землю мы встрѣчали лиственницу лишь до западнаго склона горной цѣпи и даже самое верхнее теченіе Большаго Анюя было уже лишено лѣсной растительности. Но какъ только мы перевалили черезъ тянущійся вдоль лѣваго берега Анадыра хребетъ и начали спускаться въ долину рѣки, мы тотчасъ же встрѣтили тутъ высокоствольный лиственничный лѣсъ, который съ тѣхъ поръ насъ уже не покидалъ за единственнымъ исключеніемъ самаго водораздѣла между Анадыремъ и Большимъ Анюемъ. Во время своей поѣздки изъ Маркова въ Нижнеколымскъ Нейманъ наблюдалъ, что лѣсъ тянулся не только по долинѣ самого Анадыра до впаденія въ него Менкеры, вверхъ по которой ему пришлось ѣхать, но распространялся даже по всему нижнему теченію этой послѣдней рѣки. Внизъ по Анадыру лѣсъ не доходитъ до Маркова всего около десяти верстъ. Къ сожалѣнію я не могъ узнать ничего опредѣленнаго о нахожденіи лиственничнаго лѣса на восточномъ склонѣ Колымскаго хребта на пространствѣ между истокомъ Карулевама и Охотскимъ моремъ. Верхнія теченія Пенжины, Парени, и Оклана лежатъ, какъ мнѣ говорили, въ предѣлѣ лиственничнаго лѣса, но источники, изъ которыхъ я заимствовалъ эти свѣдѣнія, были не вполне надежны. На Пенжинѣ, у селенія Пенжинска, я самъ нашелъ нѣсколько спорадическихъ, корявыхъ лиственницъ, а затѣмъ непрерывный лиственничный лѣсъ, который былъ однако не очень толстостволенъ и довольно рѣдокъ на Гижигѣ, гдѣ онъ начался у впаденія Черной и прекратился, не доходя нѣсколько верстъ до Гижигинска.

70. При бѣгѣ по рыхлому свѣгу, а также въ томъ случаѣ, если животнымъ приходится переутомляться, лапы собакъ начи-

¹⁾ Примѣчаніе 68 на стр. 248 становится въ русскомъ переводѣ излишнимъ.

наютъ кровоточить, такъ что слѣдъ, оставляемый нартой, становится совершенно краснымъ. Тогда шьютъ изъ кожи нѣчто въ родѣ сапогъ и надѣваютъ ихъ собакамъ. Но ихъ можно оставлять на лапахъ лишь въ то время, когда собаки бѣгутъ. При остановкахъ на болѣе продолжительное время совѣтуютъ тотчасъ же снимать сапоги, такъ какъ животныя ихъ терпѣть не могутъ и сейчасъ же начинаютъ срывать зубами, какъ только у нихъ найдется на то время.

71. Незначительные видѣнные мною слѣды древней постройки— было все, что въ печальной пустынѣ еще свидѣтельствовало о трагическомъ концѣ, которъ постигъ тутъ людей, обладавшихъ непоколебимой выносливостью и отвагою. Послѣ многократныхъ, но тщетныхъ попытокъ обогнуть по морю мысъ Пээкъ и войти въ Анадырь, послѣднимъ вышедшимъ изъ устья Колымы въ 1764 году былъ купецъ Шалауровъ, но онъ болѣе уже не возвращался. Не подлежитъ никакому сомнѣнiю, что онъ и его люди именно тутъ нашли свою гибель; слишкомъ хорошо памятенъ жителямъ Нижнеколымска фактъ его отплытiя и его долгаго отсутствiя и слишкомъ вѣрно преданiе въ этомъ мѣстечкѣ, что около того времени не было другихъ крупныхъ попытокъ проникнуть на востокъ, чтобы громкiя фразы барона Норденшельда, этого знатока Сѣвера, какъ онъ самъ себя называетъ, могли бы опровергнуть этотъ фактъ. Тѣмъ не менѣе этотъ случай остается неразъяснимымъ. Когда вечеромъ того дня лежали мы вокругъ сторожеваго костра, много разсуждалось объ этой древней катастрофѣ, но ни русскiе, ни чукчи не могли составить себѣ вѣрнаго о ней представленiя. Крушенiе корабля само по себѣ было, конечно, неудивительно: побережье трудно проходимо и сѣверная буря легко могла причинить течь тогдашнимъ лодкамъ, беспомощнымъ судамъ, носившимъ названiе кочей. Но необъяснимо то обстоятельство, что столько крѣпкихъ, закаленныхъ въ лишенияхъ людей, которые во время кораблекрушенiя были настолько здоровы и бодры, что были въ состоянiи вы-

строить большую и крѣпкую постройку и спасли повидимому достаточное количество провіанга, могли погибнуть при подобныхъ обстоятельствахъ. Жизненные припасы у нихъ несомнѣнно были, такъ какъ, очевидно, ихъ корабль былъ выкинутъ на берегъ; иначе они не спасли бы такихъ тяжеловѣсныхъ предметовъ, какъ желѣзные и мѣдные котлы а также наковальню, — всѣ эти вещи впоследствии нашлись въ домѣ. Даже въ томъ случаѣ, если они истратили свой провіантъ еще до кораблекрушенія, что недопустимо въ виду недалекаго разстоянія мѣста отъ Колымска, трудно было бы понять къ чему они принялись за сооруженіе крѣпкаго дома, рассчитаннаго на жизнь зимою, вмѣсто того, чтобы поберечь свои силы и постараться достигъ ближайшихъ чукотскихъ юртъ, которыя въ то время существовали на морскомъ побережьи не очень далеко къ западу отъ мѣста крушенія. Между жителями Колымска и чукчами издревле велись торговля сношенія, и въ то время не было никакихъ ссоръ, да къ тому же сорока хорошо вооруженнымъ людямъ не было причинъ бояться. Однимъ словомъ совершенно непонятно, что могло заставить этихъ хорошо знакомыхъ съ сѣверомъ, закаленныхъ въ непогодѣ людей оставаться такъ долго на одномъ мѣстѣ, пока половина ихъ не погибла тутъ отъ болѣзни или голода, а другая — настолько уже ослабла, что только одинъ изъ нихъ былъ въ состояніи добратъся до чукотской палатки, да и то лишь за тѣмъ, чтобы измученнымъ до смерти и не вымолвивъ ни единого слова, послѣдовать здѣсь за своими товарищами въ загробную жизнь. Можно было бы подумать о цынгѣ, но общество состояло изъ сибиряковъ или по крайней мѣрѣ изъ совершенно акклиматизированныхъ русскихъ изъ Европейской Россіи, между которыми нѣтъ ни одного примѣра заболѣванія этою болѣзнію. На сѣверѣ Восточной Сибири скорубта не знаютъ, да и не могутъ его знать; для этого мѣстности не достаетъ свойственныхъ Шпицбергену тумана и сырости, которымъ страшная болѣзнь обязана своимъ происхожденіемъ: непрерывный, сильный, держащійся тутъ въ теченіе всего темнаго времени года холодъ ей не благо-

пріятствуетъ. Пусть говорятъ, что Прончищевъ и другіе участники великой сибирской экспедиціи подверглись заболѣванію цынгой, но мы незнаемъ чтобы это было доказано, а покуда это не доказано, не слѣдуетъ приписывать скорбуту того, что могло быть вызвано въ той же мѣрѣ плохой, непригодной одеждой, голодомъ и изнуреніемъ во время плохо обставленнаго и съ необыкновенной настойчивостью проводившагося предпріятія.

72. Полозья нартъ приготовляются изъ самаго хорошаго березоваго дерева; они имѣютъ въ ширину около пяти дюймовъ, но толщиною всего въ дюймъ; чтобы придать имъ больше крѣпости и чтобы они легче скользили по затвердѣлому снѣгу, ихъ кладутъ въ воду и оставляютъ лежать здѣсь, уже окончательно согнутыми, отъ одного до двухъ мѣсяцевъ. Вынувъ изъ воды, ихъ тотчасъ же прикрѣпляютъ къ нартѣ и выставляютъ послѣднюю на зимнюю стужу. Благодаря замерзанію находящихся въ деревѣ водяныхъ частичекъ, ему дается замѣчательная крѣпость, и сани, дѣйствительно, очень легко скользятъ по снѣгу. Еще лучше удастся это тогда, когда полозья покрываютъ тонкимъ слоемъ льда, который предохраняетъ ихъ кромѣ того отъ стиранія. Достигается это многократнымъ обтираніемъ полозьевъ мокрою тряпкою; если вслѣдствіе ѣзды по каменистой дорогѣ или по какой либо иной причинѣ слой льда сотрется, не рѣдко случается, что останавливаются въ пути, раскладываютъ огонь и растапливаютъ снѣгъ, чтобы снова обледенить полозья. Но весной, когда солнце начинаетъ уже согрѣвать поверхность снѣга, или во время оттепели, покрыть полозья слоемъ льда становится уже невозможнымъ, и ѣзда по мягкому, смоченному водою снѣгу очень затрудняется. Тогда помогаютъ дѣлу тѣмъ, что придѣлываютъ къ полозьямъ тонкіе куски костей. Нартѣ, снабженной такими приспособленіями, влажность снѣга или стоящая поверхъ льда вода уже не мѣшаетъ двигаться и полозья скользятъ много легче. Но по словамъ жителей становится все труднѣе и труднѣе добывать эти тонкіе, плоскіе куски костей, которые вырѣзываются изъ челюстей кита.

73. Когда приближаешься къ этой горной странѣ съ юга и надъ горизонтомъ сначала становятся видными названныя вершины, то кажется, что имѣешь передъ собою отдѣльныя горныя группы; это зависитъ отъ того, что непрерывный гребень горной цѣпи много ниже пикъ, сильно надъ нимъ возвышающихся и показывается лишь черезъ нѣсколько дней пути къ сѣверу. Но находясь въ области истоковъ тѣхъ небольшихъ, впадающихъ въ Ледовитый океанъ рѣчекъ, все же убѣждаешься, что находишься въ непрерывно тянущейся горной странѣ и что названныя отдѣльныя вершины нельзя считать за обособленныя горныя группы. Впрочемъ высота гребня очень различна и допускаетъ значительныя пониженія между отдѣльными группами; этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ и объясняется то, что Алазая была въ состояніи проложить себѣ дорогу къ Ледовитому морю между Ачыги-Тасомъ и Киселяхъ-Тасомъ.

74. Эти каменные столбы или, какъ ихъ называютъ русскіе, кекуры распространены очень далеко. Я встрѣчалъ ихъ отъ мыса Якана до Большаго и Малаго Барановыхъ камней почти повсюду на тянущихся параллельно побережью Ледовитаго океана горныхъ хребтахъ; затѣмъ они вновь появляются въ Киселяхъ-Тасѣ и доходятъ до южнаго конца Пелеваго хребта; наконецъ Бунге нашелъ ихъ при соединеніи Адычи и Яны на высокой Ыгнахъ-Хаѣ и на Киселяхъ-(или Кихеляхъ-) Тасѣ. Наоборотъ, ихъ вовсе не было на Верхоянскомъ хребтѣ и на горныхъ цѣпяхъ, связанныхъ, какъ съ этимъ послѣднимъ, такъ и со Становымъ хребтомъ. При этомъ бросалось въ глаза то обстоятельство, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ удавалось ближе осматривать эти гранитные столбы, можно было установить на ихъ основаніяхъ слѣды шлифовки водою въ то время, какъ подобное вліяніе воды не обнаруживалось на громадныхъ каменистыхъ поляхъ, часто на широкомъ пространствѣ окружавшихъ самыя кекуры. Эти ужасныя каменистыя поля временами доводили насъ до полнаго отчаянія и стояли намъ многихъ лошадей. Въ громадномъ

большинствѣ случаевъ они располагались на гребнѣ хребтовъ и тянулись на такомъ большомъ пространствѣ, что обойти ихъ нельзя было и думать, а оставалось рѣшаться пересѣкать ихъ поперекъ. Но это было въ высшей степени рисковано, такъ какъ нужно было пробираться по грудамъ нагроможденныхъ другъ на друга гранитныхъ плитъ (около одного квадратнаго метра величиною и отъ семи до десяти дюймовъ толщиною), изъ которыхъ многія находились въ неустойчивомъ положеніи и обрушивались, лишь только завесешь на нихъ ногу. Намъ самимъ, конечно, всегда удавалось спастись быстрымъ прыжкомъ въ сторону, но лошади въ такихъ случаяхъ иногда ломали себѣ ноги и ихъ приходилось пристрѣливать. Всѣ гранитныя плиты, изъ которыхъ состояли поля, имѣли острыя грани и шероховатыя поверхности изломовъ, несмотря на то, что поля находились почти на одной высотѣ съ выдававшимися изъ нихъ кекурами. Итакъ, остается необъяснимымъ, какимъ образомъ однѣ имѣли возможность отшлифоваться, а другія удержали свою первоначальную шероховатую поверхность.

75. Подмытый рѣкою берегъ подступалъ къ ней ближе всего не самымъ верхнимъ своимъ краемъ, но частью своего склона, верхній же край отступалъ отъ рѣки дальше. Было очевидно, что подмываніе, а слѣдовательно и осыпаніе берега прежде совершались по прямой линіи, но что впоследствии это направленіе подрѣзыванія не могло удержаться благодаря тому, что находившійся подъ верхней дерновой покрывкой слой льда былъ вовсе не одинаковъ на всемъ своемъ протяженіи. Если бы рѣка подмыла прежде всего дерновую покрывку на своемъ уровнѣ, то находившаяся подъ послѣдней земля подверглась бы ея влиянію тѣмъ легче и была бы вымыта. Но этимъ обнажался ледяной слой и предоставлялся влиянію солнца и атмосферы. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ этимъ влияніямъ подвергался непрерывный слой чистаго льда, оттаиваніе должно было бы происходить равномерно и берегъ благодаря этому сталъ бы быстро отступать; но

въ томъ случаѣ, если, какъ приведено въ текстѣ, во льду находились значительныя земляныя включенія или если самъ ледъ не доходилъ до дерновой покрывки, а былъ покрытъ болѣе или менѣе толстымъ слоемъ земли, то передо льдомъ должно было въ скоромъ времени собраться такое количество земли, которое прикрыло бы его снова и предохранило бы отъ вліянія тепла, вслѣдствіе чего разрушительный процессъ прекратился бы на время. Подъ вліяніемъ указанныхъ причинъ размывъ водою берегъ представлялъ рядъ болѣе или менѣе полу-кругло-врѣзанныхъ въ высокій обрывъ выемокъ. Стѣнки тѣхъ изъ послѣднихъ, гдѣ процессъ оттаиванія еще продолжался, были либо отвѣсны, либо нѣсколько косо сбѣгали книзу и впередъ. Но у тѣхъ выемокъ, на которыхъ процессъ оттаиванія остановился вслѣдствіе того, что нависшій слой земли обвалился, нельзя было уже замѣтить отвѣсной стѣны: тутъ былъ только полого спускавшійся къ самой рѣкѣ слой ила, изъ котораго торчала масса коническихъ земляныхъ кучъ, происшедшихъ изъ неправильно наваленныхъ другъ на друга земляныхъ глыбъ и наминавшихъ издали, до извѣстной степени, колоссальныя муравейники. Нѣкоторыя изъ этихъ пришедшихъ уже въ покой выемокъ совершенно заросли травой и были слѣдовательно довольно древняго происхожденія, другія же не обнаруживали на своей илистой и землястой поверхности никакихъ слѣдовъ растительности.

76. Баронъ Толь, которому во время его подготовленія къ отъѣзду на Ново-Сибирскіе острова изъ С.-Петербурга я сообщилъ о моихъ наблюденіяхъ, прося его тоже обращать вниманіе на распространеніе почвеннаго льда, пришелъ къ иному взгляду на происхожденіе послѣдняго. Въ виду же того, что онъ собралъ объ этомъ обширныя матеріалы и чтобы полнѣе освѣтить дѣло, я передалъ ему также и свои наблюденія, измѣренія и чертежи. Тѣмъ не менѣе мнѣ кажется едва возможнымъ допустить иное возникновеніе того подпочвеннаго ледяного слоя, который

очевидно тянется по всей прилегающей къ Ледовитому океану тундрѣ Якутской области, какъ изъ снѣга, превратившагося въ ледъ подъ вліяніемъ собственной тяжести. Частый опытъ учить насъ, что сравнительно незначительные по занимаемому имъ пространству наледи, или тарыны, сохраняются въ теченіе цѣлаго лѣта даже въ значительно болѣе низкихъ широтахъ, если подобный тарынь подъ вліяніемъ какихъ либо причинъ съ одной стороны слишкомъ сильно разросся, а съ другой — слѣдующимъ лѣтомъ случилось меньше жаркихъ дней, чѣмъ обыкновенно. Насколько же легче допустимо сохраненіе въ теченіе лѣта болѣе обширнаго снѣжнаго слоя въ мѣстности, гдѣ солнце уже въ нормальные годы медленно и съ трудомъ развиваетъ небольшое количество тепла, которое потребно на образованіе первыхъ проталинъ въ бѣломъ снѣжномъ покровѣ. Затѣмъ дѣло, конечно, подвигается впередъ уже быстро, потому что главную часть работы принимаетъ на себя согрѣвшаяся почва. Но если въ какомъ нибудь году осадковъ выпадетъ столько, что первыя обнаженныя отъ снѣга мѣста появятся вмѣсто іюня—въ іюль, да сѣверный вѣтеръ пригонитъ къ берегу значительное количество никогда не растаивающихъ ледяныхъ полей Ледовитаго океана, то сохраненіе въ теченіе лѣта снѣжнаго покрова очень возможно даже при нынѣшнихъ температурныхъ условіяхъ. Мы видимъ, насколько велико количество освобождающагося при замерзаніи водныхъ поверхностей тепла, потому что оно препятствуетъ ежегодно тому, чтобы покрывающій озера и рѣки ледъ не становился толще семи или, по наблюденіямъ Миддендорфа, восьми англійскихъ футовъ; оно же является причиной того, что богатые водою болота, расположенныя на мерзлой землѣ, замерзаютъ только съ поверхности, въ глубинѣ же вовсе не затвердѣваютъ. По соотвѣтственно этому при замерзаніи громаднхъ массъ снѣга должно поглощаться такое громадное количество солнечнаго тепла, что остатка послѣдняго уже не хватитъ для обнаженія поверхности земли, а тѣмъ болѣе тогда, когда прибывшій въ большомъ количествѣ къ берегу морской ледъ тоже приметъ участіе своимъ таяніемъ въ погло-

ценіи солнечнаго тепла. Далѣе, наблюдаемая очень варьирующая толщина ледянаго слоя, а также и имѣющія крайне разнообразную форму земляныя включенія въ него, могутъ быть объяснены только допущеніемъ, что слой снѣга былъ въ полномъ безпорядкѣ перерытъ бурей, которая мѣстами обнажила землю и въ свою очередь засыпала ею снѣжную поверхность и выполнила всѣ находящіяся въ послѣдней углубленія. Если бы перерытое въ настоящее время бурей снѣжное поле тотчасъ же засыпать землею, то сдѣланный въ послѣднемъ профиль далъ бы какъ разъ такой же чертежъ, какой я наблюдалъ на берегу долины рѣки Шандрона.

Если возникновеніе почвеннаго льда такимъ образомъ легко объяснимо, то съ другой стороны я никакъ не могу составить себѣ яснаго представленія относительно частаго находженія остатковъ мамонта не только въ видѣ его бивней и костей, но и въ формѣ болѣе или менѣе хорошо сохранившихся мягкихъ частей. Въ первомъ своемъ отчетѣ Императорской Академіи Наукъ я высказалъ убѣжденіе, что на двухъ мѣстахъ находженія ногъ мамонта были прежде полныя трупы, но что они были унесены теченіемъ задолго до моего прибытія. Это очевидно была ошибка, а потому я вполне соглашаюсь съ мнѣніемъ академика Шренка, что я имѣлъ въ обоихъ случаяхъ дѣло съ принесенными теченіемъ обломками, да къ тому же еще различныхъ животныхъ. Но это дѣла не выясняетъ, потому что все же снова возникаетъ вопросъ, откуда и какимъ образомъ могло быть принесено теченіемъ въ тѣ мѣста такое большое количество остатковъ этого животнаго. Конечно, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мамонтъ могъ жить повсюду въ Якутской области, гдѣ только былъ лѣсъ. Но истоки небольшихъ, впадающихъ въ Ледовитый океанъ рѣкъ удалены отъ сѣвернаго предѣла лѣсной растительности болѣе, чѣмъ на пятьдесятъ верстъ, да кромѣ того между границею лѣса и истоками тянется хребетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ единственная рѣка, берущая свое начало въ глубинѣ лѣса, Алазея, какъ разъ замѣчательно бѣдна остатками

мамонта. Однимъ словомъ никакъ не объяснишь себѣ, какимъ образомъ попало въ тотъ уголокъ земли такое большое количество находимыхъ тамъ ископаемыхъ остатковъ.

77. Пловучій лѣсъ, какъ ископаемый, такъ и относящійся къ настоящему періоду, находишь въ тундрѣ во всякомъ случаѣ въ довольно значительномъ количествѣ. Ископаемые стволы на самомъ берегу моря встрѣчаются лишь рѣдко, но чаще внутри страны, какъ на поверхности земли, такъ и на небольшой глубинѣ. Это дерево тотчасъ отличается отъ теперешняго, лишь только его зажжешь: оно горитъ слабымъ пламенемъ и оставляетъ много угля, распадающагося въ желтый пепелъ; теперешній же пловучій лѣсъ, разъ онъ хорошо высохъ, сгораетъ прекрасно, оставляетъ бѣлый пепелъ и вообще отличается отъ ископаемаго только тѣмъ, что благодаря содержащимся въ немъ солямъ сильно трескается и раскидываетъ во всѣ стороны осколки углей. Но я никогда не встрѣчалъ по ту сторону нынѣшняго предѣла лѣсовъ, коль скоро удалялся отъ него на нѣсколько верстъ, ни корней, ни торчащихъ въ землѣ остатковъ стволовъ; точно также я не находилъ ихъ ни въ береговыхъ обвалахъ рѣкъ, ни при раскопкахъ, да и другіе, насколько позволяютъ мнѣ судить распросныя свѣдѣнія, не замѣчали этихъ остатковъ.

78. Живущіе въ настоящее время на нижнемъ теченіи Индигрки русскіе, все мѣщане, составляютъ собою преинтересный народецъ. Они ведутъ свое происхожденіе изъ окружнаго города Верхоянска, вслѣдствіе чего они и до сихъ поръ причисляются къ мѣщанскому сословію, хотя образъ ихъ жизни и занятій не заключаютъ въ себѣ ровно ничего мѣщанскаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они представляютъ разительный примѣръ странностей и несообразностей, къ которымъ ведутъ рутинный взглядъ на дѣла и шаблонное ихъ веденіе. Населеніе раздѣлено во всей необъятной Имперіи на извѣстныя сословія по причинамъ, основаннымъ на образѣ жизни и въ особенности на источникѣ заработка. Это является вполне цѣлесообразнымъ въ губерніяхъ

Европейской Россіи, гдѣ дѣленіе на сословія выработалось, конечно, исторически. Но иначе обстоитъ дѣло въ Азіатской части Имперіи: тамъ встрѣчаются источники заработка и условія жизни, о которыхъ въ губерніяхъ Европейской Россіи вовсе ничего не знаютъ, а съ другой стороны мѣщанство, какъ оно понимается въ послѣдней, и крестьянство, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, не нашли себѣ почвы во многихъ мѣстностяхъ Сибири. Это обстоятельство само по себѣ не составляло бы большой бѣды, если бы дѣло ограничивалось одними названіями: можно было бы, конечно, только удивляться, слыша о мѣщанахъ и крестьянахъ, живущихъ при устьѣ Индигирки или Яны, которые, несмотря на несоответствующія окружающей средѣ названія, занимаются охотой и рыбной ловлей, подобно тунгузамъ и юкагирамъ, и ни чѣмъ отъ нихъ не отличаются кромѣ языка. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это обстоятельство влечетъ за собою очень реальныя неудобства для носящихъ эти странныя названія людей, — неудобства, о которыхъ они мнѣ много разъ заявляли, прося сдѣлать объ этомъ представленіе генераль-губернатору и ходатайствовать объ исключеніи ихъ изъ состава этихъ сословій и приравненіи къ окружающимъ ихъ инородцамъ. Дѣло заключается въ томъ, что дѣленіе населенія на сословія основывается на источникахъ заработка и что подати соразмѣряются и регулируются сообразно сословіямъ. Мѣщанское сословіе имѣетъ въ основѣ ремесло, какъ крестьянское — земледѣліе, и за право заниматься ремесломъ или обработкой земли мѣщанинъ или крестьянинъ вноситъ свою лепту въ общую государственную кассу. Но за что же платить государству подати мѣщанинъ и крестьянинъ, живущій на границѣ лѣсной растительности или на тундрѣ побережья Ледовитаго океана? Онъ ничего не получаетъ отъ государства такого, что могло бы служить эквивалентомъ подати, онъ ничего не называетъ своимъ, кромѣ дома, который выстроилъ себѣ самъ, кромѣ охотничьихъ принадлежностей, да рыболовныхъ снастей, при помощи которыхъ съ грѣхомъ пополамъ удовлетворяетъ свои жизненныя потребности. Когда его поселили въ тѣхъ пустынныхъ мѣстахъ,

онъ не получилъ даже права охотиться и ловить рыбу, — онъ просто вторгся во владѣнія, принадлежавшія уже задолго до него юкагирамъ и тунгузамъ и пользуется правами ихъ эксплуатаціи только потому, что никому и въ голову не приходитъ оспаривать ихъ у него. По свѣдѣніямъ, собраннымъ отъ жителей, и по даннымъ, полученнымъ мною отъ Верхоянскаго окружнаго управленія, произошло это дѣло такъ: мѣщане нижняго теченія Колымы и крестьяне нижняго теченія Яны жили прежде въ Верхоянскѣ; послѣднее мѣсто является однимъ изъ самыхъ печальныхъ уголковъ во всей обширной Якутской области, — обстоятельство, которое принимается слишкомъ мало въ расчетъ особенно въ вопросѣ о мѣстѣ ссылки. Если я не ошибаюсь, въ росписаніи ссылочныхъ мѣстъ Верхоянскъ стоитъ довольно высоко, слѣдуя скоро вслѣдъ за Якутскомъ и улусами Якутскаго округа; онъ во всякомъ случаѣ стоитъ выше Колымска и, если не ошибаюсь, также выше нижняго теченія Лены, т. е. считается лучше Будуна и Сихтяха. Является крайне роковой ошибкой, если при назначеніи мѣста ссылки преступникамъ, все равно политическимъ или обыкновеннымъ, руководствоваться разстояніемъ и не принимать въ расчетъ вопроса, представляетъ ли данное мѣсто вообще возможность сосланному прокормиться честнымъ образомъ, хотя бы даже и очень скудно. Между тѣмъ и самый закоренѣлый преступникъ долженъ имѣть по крайней мѣрѣ возможность заработать столько, чтобы быть сытымъ, одѣтымъ и имѣть пристанище; въ противномъ же случаѣ должно извинить, если онъ раздобудетъ противозаконнымъ образомъ то, чего не могъ добиться честнымъ средствомъ. Если исходить изъ этого взгляда, за Якутскомъ долженъ слѣдовать Сихтяхъ и Булунъ, а за ними Средне- и Нижнеколымскъ, затѣмъ уже Усть-Янскъ, — Верхоянскъ же слѣдовало бы вовсе исключить изъ списка мѣстъ ссылки, потому что тамъ приходится положительно голодать. Онъ стоитъ на границѣ распространенія скотоводства и рыболовства; какъ то, такъ и другое даютъ тутъ крайне скудные результаты, а потому для несчастнаго сосланнаго недоступны даже предметы пер-

вой необходимости: благодаря тому, что разведеніе скота и рыбный промыселъ приносятъ такъ мало и такъ непостоянны, онъ не можетъ найти заработка, — онъ положительно обреченъ на голодовку или на воровство и обманъ. Что положеніе дѣлъ такъ безнадежно, видно достаточно ясно уже изъ того обстоятельства, что вышеупомянутые верховянскіе крестьяне и мѣщане обратились къ правительству съ просьбой переселить ихъ далѣе на сѣверъ, къ устьямъ большихъ рѣкъ по той причинѣ, что тамъ они рассчитываютъ найти достаточныя средства къ жизни. Въ Якутскѣ съ этимъ, наконецъ, согласились и отправили крестьянъ къ устью Яны, а мѣщанъ на нижнее теченіе Индигирки до ея дельты.

Тамъ они живутъ и по сіе время. На Янѣ они поселились частью въ Усть-Янскѣ, частью же въ различныхъ пунктахъ ея дельты и живутъ исключительно рыбнымъ промысломъ и ловлею песцовъ. Самымъ южнымъ мѣстомъ ихъ осѣлости на Индигиркѣ является Ожогино на рѣкѣ Полоусной, вытекающей изъ большаго Ожогинскаго озера; тутъ находятся церковь, хлѣбные магазины и тутъ же живетъ староста. Кромѣ этого селенія, состоящаго приблизительно изъ десяти домиковъ, есть еще нѣсколько мелкихъ, раскиданныхъ по нижнему теченію рѣки. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ насчитывается по пяти—шести, въ другихъ же только по одному или по два дома. Русское Устье такой же величины, какъ Ожогино, остальные же, раскинутыя по дельтѣ селенія гораздо меньше. Кромѣ этихъ, обитаемыхъ большую часть года селеній, есть еще нѣсколько такъ называемыхъ мѣстечекъ, гдѣ возведены лишь легкія постройки и гдѣ остаются только временно, для рыбной ловли. Такимъ именно мѣстечкомъ и служитъ Похвальное, у котораго я переправлялся черезъ Индигирку и гдѣ я нашелъ въ то время въ сборѣ почти все населеніе Ожогина. Вообще люди вполне довольны своимъ положеніемъ, но только они не хотятъ оставаться крестьянами и мѣщанами, а желаютъ быть сравнены съ плательщиками ясака, на которыхъ совершенно походятъ образомъ жизни. Это вполне разумное и умѣренное требованіе я представлялъ, гдѣ слѣдуетъ, въ Якутскѣ и усиленно

поддерживалъ, потому что нельзя же требовать съ людей податей, платить которыя они рѣшительно не въ состояніи. Если они осмотрительны и не лѣнятся, къ чему они впрочемъ очень склонны, то люди эти имѣютъ возможность прокормиться и кое-какъ одѣться, но платить податей они не могутъ, такъ какъ имъ нечего продавать. Они не могутъ сбывать свою рыбу, потому что никто не станетъ платить имъ за нее, — ее нельзя везти за сотни и тысячи верстъ; охота же ихъ заключается исключительно въ доступной только жителямъ дельты ловлѣ песцовъ на побережьи Ледовитаго океана, которая приноситъ очень немного потому, что въ ней принимаютъ участіе также юкагиры и тунгузы. Самое большее ихъ можно обложить ясакомъ,—это соотвѣтствовало бы принятому вообще въ Сибири правилу, что охотникъ платитъ государству изъ того, что даетъ ему охота; требовать же отъ нихъ податей, которыми обложены крестьяне и мѣщане, нѣтъ достаточнаго основанія. Во всемъ этомъ со мною охотно соглашался тогдашній губернаторъ Якутска, но онъ не хотѣлъ входить съ представленіемъ въ Иркутскѣ, не переговоривъ серьезно о дѣлѣ съ генералъ-губернаторомъ Корсаковымъ, потому что безъ такого предварительнаго обсужденія возникла бы только простая канцелярская переписка, которая навѣрное похоронила бы проектъ. Къ сожалѣнію, вскорѣ послѣ того тайный совѣтникъ Лохвицкій покинулъ свой постъ и занялъ мѣсто губернатора въ Красноярскѣ, а генералъ-губернаторъ генералъ Корсаковъ умеръ, — и люди, по всей вѣроятности, и до сихъ поръ платятъ крестьянскія и мѣщанскія подати.

Трудна жизнь тѣхъ людей, и закалены и выносливы они сами. Когда въ январѣ 1866 года я вѣхалъ въ Русское Устье, я никакъ не могъ взять въ толкъ—было, правда, довольно темно—гдѣ я находился и что вокругъ меня дѣлалось. Я повидимому вѣхалъ по совершенно ровному мѣсту, изъ котораго не выдавалось не только дома, но даже куста, а между тѣмъ со всѣхъ сторонъ видѣлись огненные столбы, выходявшіе изъ земли; на небольшомъ разстояніи отъ моей нарты я увидалъ даже крестъ,

который, казалось, выдавался изъ земли и о которомъ мой каюръ сказалъ мнѣ, что это крестъ часовни, находящейся въ Русскомъ Устьѣ. Но вотъ нарта остановилась, глубоко подъ нами открылась дверь и какъ-бы изъ подземелья вырвался мнѣ навстрѣчу лучъ свѣта. Мнѣ пришлось спуститься круто внизъ и я очутился передъ дверью маленькаго жилища домика съ плоскою крышею, въ которомъ ярко горѣлъ каминъ и гдѣ было очень пріятно и уютно послѣ долгой ѣзды по холоду. На слѣдующій день загадка объяснилась: все мѣстечко было занесено снѣгомъ, каждый домикъ былъ обнесенъ снѣговою стѣною точно такой же высоты, какъ онъ самъ, которая отстояла отъ него фута на три и оставляла, такимъ образомъ, лишь узкій проходъ. Каждый домохозяинъ поддерживаетъ отъ своей двери очень крутую тропинку на снѣжную стѣну, по которой на послѣднюю и попадаешь и только тогда и поймешь, что имѣешь дѣло не съ отдѣльной стѣной, а со сплошной снѣжной массой, которая, подобно плоскому холму, засыпала все селеніе. Передъ собою видишь только безконечную снѣговую поверхность, въ которой то тамъ, то здѣсь находятся четырехугольныя углубленія, посреди которыхъ всегда расположенъ продолговатый четырехугольникъ, — это дома съ окружающими ихъ, свободными отъ снѣга проходами. Таково Русское Устье зимою; въ теплое время года дома, конечно, висятся открыто, но окружены безконечной, однообразной тундрой побережья Ледовитаго океана, — нигдѣ не видно ни одного дерева, ни одного куста: тоже достаточно печальная картина. Уныло и пустынно все кругомъ и остается только спросить обитателей, что заставило ихъ избрать для жительства какъ разъ самый безотраднѣйшій уголокъ во всей обширной Якутской области. Отвѣтъ, который получаешь, крайне характеренъ: рыбный промыселъ здѣсь прибыленъ, а комаровъ нѣтъ тутъ вовсе, — потому что и для нихъ тамъ недостаточно уютно. Людей заставила избрать такое печальное мѣсто жительства опять-таки жалкая глѣнь и инертность. Дѣйствительно, мѣсто это выбрано довольно не дурно для того, чтобы добыть самое главное для жизни, чтобы такъ сказать просто удовлетворить

потребностямъ желудка, такъ какъ при сравнительно незначительномъ трудѣ все же можно считать себя обеспеченнымъ отъ голода, за исключеніемъ развѣ какихъ нибудь особенныхъ неблагоприятныхъ случайностей. То обстоятельство, что эти послѣднія встрѣчаются довольно часто, нисколько не беспокоитъ инертныхъ людей: имъ достаточно уже и того, что количество необходимаго труда при обыкновенныхъ условіяхъ много меньше, чѣмъ то, которое затрачиваетъ скотоводъ, а тѣмъ болѣе земледѣлецъ. Они вовсе не принимаютъ въ расчетъ, что они лишены рѣшительно всего, что заставляетъ дорожить жизнью, они и безъ того довольны и одного только и желаютъ,—платить меньше податей. Впрочемъ, очень рѣзко бросается въ глаза, что по умственнымъ ихъ способностямъ они стоятъ на болѣе низкой ступени, чѣмъ вообще средній человѣкъ въ Сибири, ниже даже, чѣмъ обитатели Колымы. Обыкновенно утверждаютъ, что это зависитъ отъ исключительно рыбной пищи; но житель Нижнеколымска находится въ томъ же положеніи, а между тѣмъ его умственныя способности гораздо выше. Поэтому я полагаю, что низкое развитіе жителей Индигирки должно приписать скорѣе ихъ обособленному положенію и постояннымъ бракамъ между собою. Православная церковь, которая, какъ извѣстно, имѣетъ очень строгія правила относительно вступленія въ бракъ лицъ, связанныхъ кровнымъ или духовнымъ родствомъ, должна была сдѣлать на Индигиркѣ нѣкоторыя поущенія въ этомъ отношеніи; иначе пришлось бы вовсе запретить тамъ браки, такъ какъ всѣ тамошніе жители связаны уже другъ съ другомъ близкимъ кровнымъ родствомъ. Браки заключаются на Индигиркѣ въ такихъ степеняхъ родства, которыя въ другихъ мѣстахъ положительно воспрещены, а если прибавить къ этому господствующую тутъ значительную половую распущенность, то этимъ легко объясняется вырожденіе населенія.

79. Очень жаль, что я былъ лишенъ возможности лично разспросить Рожина; самъ Струковъ животнаго вѣдь не видалъ, а оба упомянутыя лица показывали ему только бивни, ко-

торые они отпилили. Бивни эти были толсты и крѣпки, сохранились вполнѣ хорошо, но были коротки, такъ что вѣсили не болѣе пяти пудовъ каждый. Изъ разсказа Струкова можно убѣдиться только въ томъ, что животное было найдено не въ лежачемъ, а въ стоячемъ положеніи; это во всякомъ случаѣ единственный случай такого рода, о которомъ я слыжалъ въ Сибири. Академикъ Брандтъ (8/20 марта 1866. *Zug Lebensgeschichte des Mammuths von J. F. Brandt*) говоритъ, правда, что по полученнымъ изъ Сибири свѣдѣніямъ, мамонта находятъ въ замерзшей почвѣ всегда въ стоячемъ положеніи (стр. 599), но подобное показаніе могло бы имѣть значеніе лишь тогда, когда извѣстно, кто его давалъ. Въ Сибири найдется, по всей вѣроятности, не много лицъ, которыя дѣйствительно своими собственными глазами видали хорошо сохранившійся трупъ мамонта; но никто изъ этихъ людей не въ состояніи дать отвѣта на письменный вопросъ. Между тѣмъ повсюду приходится слышать личныя соображенія по поводу подобныхъ находокъ, — это роскошь, которую всякій можетъ себѣ позволить; но всѣ эти разглагольствованія не имѣютъ ровно никакого значенія и, по моему мнѣнію, не должны были бы приводиться въ научной работѣ. Въ видѣ примѣра, какъ легко фантазія нѣкоторыхъ лицъ создаетъ сказанія о найденныхъ будто бы цѣлыми трупахъ мамонтовъ, я укажу только на исторію приведеннаго въ прибавленіи къ выше цитированной «*Lebensgeschichte*» (стр. 604) мамонта, о которомъ Щукинъ сдѣлалъ сообщеніе въ журналѣ «*Натуралистъ*». Академикъ Брандтъ придалъ этой замѣткѣ большое значеніе и лично обратился съ запросами къ Щукину, чтобы получить болѣе подробныя свѣдѣнія; послѣднее, конечно, вполнѣ понятно, такъ какъ дѣло опять шло о находкѣ цѣлаго трупа животнаго, на зубахъ котораго были даже остатки пищи. Щукинъ со своей стороны указалъ Брандту на Нила, бывшаго епископа Иркутскаго, а затѣмъ епископа Ярославскаго, отъ котораго онъ, по его словамъ, и слыжалъ всѣ эти удивительныя вещи. Въ сообщеніи 26 апрѣля (8 мая) 1866 года, озаглавленномъ «*Einige Worte zur Ergän-*

zung meiner Mittheilungen über die Naturgeschichte des Mamuths von J. F. Brandt», на страницѣ 641 приведено письмо епископа Нила, въ которомъ говорится слѣдующее :

«1) Трупъ, видѣнный мисіонеромъ Хитровымъ, находился въ осыпи, сползшей съ береговаго склона Колымы. Мамонтъ находился такимъ образомъ не въ томъ положеніи, въ которомъ сохранялся въ теченіе тысячелѣтій».

«2) Холодъ препятствовалъ разложенію трупа, благодаря чему представленная мнѣ нога сохранилась въ цѣлости».

«5) Одновременно съ ногою мнѣ была прислана прядь черныхъ волосъ, которые покрывали позвоночный столбъ (хребетъ) животного подобно плащу. Тотъ, кто видалъ бизона, легко составитъ себѣ представленіе объ этомъ рода украшеніи».

«6) На нижнемъ теченіи Колымы, а можетъ быть и на другихъ рѣкахъ, встрѣчаются холмы, которые (какъ я не разъ слышалъ) распространяють трупный запахъ въ жаркую пору лѣта. Въ нихъ безъ сомнѣнія находятся въ замерзшей землѣ трупы, имѣющіе значеніе для естествознанія. Но кто о нихъ думаетъ».

Эти свѣдѣнія я получилъ отъ Императорской Академіи въ февралѣ 1871 года одновременно съ порученіемъ розыскать найденнаго на рѣкѣ Ковчечьей мамонта. Конечно, эта новая сказка должна была крайне удивить меня: я давнымъ давно зналъ уже о копытѣ мамонта; оно находилось въ Иркутскомъ музеѣ, гдѣ мнѣ сказали, что его доставилъ отецъ Хитровъ. Точно также я былъ знакомъ съ мисіонеромъ Хитровымъ, впоследствии епископомъ Якутскимъ Діонисіемъ, но я никогда отъ него не слышалъ, чтобы онъ когда либо въ своей жизни видалъ хорошо сохранившагося мамонта, какъ это достаточно ясно видно изъ письма епископа Нила. Изъ этого письма слѣдуетъ заключить, что отецъ Хитровъ писалъ своему начальнику съ большой точностью, что грива мамонта походитъ на гриву бизона и т. д. А я между тѣмъ много говорилъ съ Хитровымъ еще зимою 1868 года въ Верхоянскѣ (когда мы получили первое извѣстіе о находкѣ мамонта на Ковчечьей) объ этомъ дѣлѣ, въ которомъ онъ

принималъ живое участіе; однако онъ никогда не высказывалъ, что видалъ подобное животное. Напротивъ, онъ предлагалъ мнѣ такіе вопросы, изъ которыхъ явствовало, что онъ не имѣлъ никакого понятія о томъ, какой видъ имѣеть мамонтъ. Но какъ же все это могло случиться, если это былъ, судя по письму Нила, тотъ именно человѣкъ, который съ авторитетомъ опыта поучаетъ насъ всѣхъ о наружномъ видѣ мамонта и о томъ, чѣмъ онъ питался. Далѣе, меня крайне заинтересовали холмы съ допотопными остатками, о которыхъ никогда не слыжалъ ни я, ни мои проводники, ни даже обитатели Колымы и другихъ рѣкъ Якутской области. Странно, крайне странно!

Однимъ изъ первыхъ моихъ посѣщеній, по возвращеніи въ Якутскъ, былъ визитъ епископу Діонисію съ цѣлью разспросить его о видѣнномъ имъ мамонтѣ. Я узналъ то, что давно подозревалъ: онъ не видалъ ни на Колымѣ и Индигиркѣ, ни въ другомъ какомъ либо мѣстѣ упомянутаго епископомъ Ниломъ трупа мамонта, а все подробное описаніе было не болѣе, какъ измышленіемъ фантазіи. По разсказу епископа и прежняго мисіонера Хитрова, дѣло было такъ. Въ одной изъ его мисіонерскихъ поѣздокъ ему случилось заночевать въ поварнѣ на устьѣ Большой Чукочей. Эта хорошо и мнѣ знакомая поварня — я также ею пользовался — находится у подножія высокаго, саженой въ 10 или 15, крутаго береговаго обрыва, который, насколько мнѣ извѣстно, состоитъ изъ песку, чего я впрочемъ не могу утверждать съ положительностью. Когда Хитровъ пилъ утромъ чай, люди принесли ему копыто мамонта (то самое, которое впоследствии было отослано въ Иркутскій музей) и сказали, что они отняли его отъ глодавшихъ его собакъ. Тогда онъ вышелъ изъ поварни и нашелъ у обрыва различные, покрытые снѣгомъ обломки, изъ подъ которыхъ собаки вырыли копыто, почувявъ распространяемый имъ запахъ; такимъ образомъ, копыто лежало тамъ очень поверхностно. О волосахъ онъ не могъ вспомнить и полагалъ, что епископъ Нилъ получилъ ихъ отъ кого нибудь другаго. Когда я затѣмъ спросилъ его, сообщалъ ли онъ епископу

Нилу о курганахъ съ допотопными трупами на Колымѣ, которые испускали замѣтный запахъ, онъ очень живо отвѣтилъ: «нѣтъ, это взглядъ самого епископа, который онъ мнѣ высказалъ и отъ котораго онъ никакъ не хотѣлъ отказаться даже послѣ того, какъ я ему заявилъ, что самъ я не видалъ ничего подобнаго, а также ничего и не слышалъ. Эти курганы его крайне интересовали и онъ былъ вполне убѣжденъ, что они существуютъ, но я не могъ узнать отъ него, отъ кого и какимъ образомъ дошли до него эти свѣдѣнія». Таковъ разсказъ Хитрова и мы, такимъ образомъ, видимъ, что человѣкъ, которому приписывается этотъ мифъ, ровно ничего объ немъ не знаетъ и что, слѣдовательно, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ личнымъ взглядомъ епископа Нила.

80. Это непростительное упущеніе было поставлено Иркутскимъ Главнымъ Штабомъ, откомандировавшимъ топографа Аонасьева въ экспедицію, въ вину этому послѣднему; я же возлагалъ главную отвѣтственность на Неймана. Топографъ былъ молодой человѣкъ, который недурно работалъ, когда за нимъ непрестанно слѣдили — что я и дѣлалъ — и постоянно провѣряли то, что онъ наносилъ на бумагу; но самостоятеленъ онъ не былъ, да и не могъ еще быть. Нейманъ же, повидимому, потерялъ уже всю свою энергію и охоту къ экспедиціи послѣ того, какъ они выѣхали изъ Верхнеколымска, и предоставилъ все на произволъ судьбы. Только этимъ предположеніемъ и можно объяснить себѣ полную безрезультатность послѣдней части путешествія. Эти господа не только дозволили проводникамъ вернуться на торную дорогу и совершенно отклониться отъ Колымы и верхней части ея системы, но не снимали на своемъ пути даже маршрута; между тѣмъ маршрутъ уже самъ по себѣ имѣлъ бы большое значеніе потому, что этотъ путь знакомъ намъ изъ описанія Сарычева, но у насъ вовсе нѣтъ съ него съемки. Я совершенно не понимаю, что собственно эти господа дѣлали по дорогѣ. Дневниковъ они не вели и, несмотря на всѣ мои старанія, мнѣ не удалось и изъ разговоровъ съ ними узнать что нибудь,

имѣющее значеніе; будто они продремали или проспали все время. Однако, какъ Нейманъ, такъ и Аѳонасьевъ должны же были знать, насколько важно было довести маршрутъ до Тукулана, съ котораго мы вышли и куда имъ все же приходилось возвратиться. Это имѣло бы громадное значеніе для всей съемки, но они даже и этого не сдѣлали.



ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ И ПОГРѢШНОСТИ.

<i>Стран.</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
3	16 сверху	въ маленькомъ мѣстечкѣ	маленькаго мѣстечка
4	1 »	Афанасьевъ	Афонасьевъ
8	12 снизу	верховыхъ	нарочныхъ
9	2 сверху	Жессей	Джели
11	7 »	крѣпкую	сильную
12	2 »	оленьимъ	коровимъ
—	15 снизу	Самойловскій	Самыловскій
15	4, 10 снизу	павозокъ	павозекъ
19	15 сверху	Кочуги	Качуги
23	1 »	Золотомойня Мача	Мачинская резиденція
26	1 «	шубы	брюкъ
27	9 снизу	постоялые дворы	ночлеги
28 и 29	7 ст. и 8, 14, 29, 31 св.	Туколана	Тукулана
29	20 и 25 св.	Торей-ыряха	Тара-ыряха
—	21 сверху	Мелкясинской	Мелкасинской
—	22 и 30 св.	Ыкысъ-келоча	Ыгысъ-кѣлѣта
30	15 сверху	Якутскъ	Охотскъ
32	4 и 25 сверху	Туколанъ	Тукуланъ
35	11 снизу	Барда-кея	Барды-кея
36	9 сверху	хребеть	голецъ
37 и 88	5, 2 ст. и 7 св.	дышло	дугу
41	15 сверху	дверецъ	внутренности
47	19 »	Кигелехъ Тагъ	Кигеляхъ Тагъ
48	1 снизу	Берджигестяхъ	Берджестяхъ
49	2 »	Ущугея	Учугея
—	15 »	Бере-Ызеляха	Бере-Ызеляха
—	16 »	Тала-Кельны-Кѣлѣта	Тала-кяхъ-кѣлѣта
52	5 »	большая равнина	обширное плато
54	6 »	Туколану	Тукулану

<i>Стран.</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
54	9 сверху	Кута-селянь	Кытта-селянь
56	15 »	болѣе далекій	дальнѣйшій
—	7 снизу	проводникомъ	попутчикомъ
59	3 и 15 сверху	Бержегестяхъ	Бержестяхъ
65	7 сверху	недавно	поздно
66	3 »	свой уросъ	свою уросу
70	6 снизу	инородческая	инородная
71	14 »	ниже	выше
78	4 и 5 сверху	къ сѣверу отъ впаденія	до впаденія въ нее
—	12 сверху	около года	черезъ годъ
83	16 снизу	приплывали	являлись
88	8 »	Рыр-кайшія	Рирь-Кайшія
104	1 »	пекарни	пекарныя печи
121	14 »	сдерживать на вожжахъ	удерживать
138	11 и 5 снизу	вала	яра
141	10 сверху	куницъ	куницы
—	11 снизу	азіатамъ	американцамъ
147	1 сверху	и образующей стремитель- ные водопады	, но текущей со стремитель- ною быстротою
158	3 »	вырабатываются	выработались
170	1 »	Теннеке, притока Энны	Тенійке, притока Энму
—	3, 7 »	Яй	‘Яи
171	16 »	а на сѣверномъ	такъ какъ на сѣверномъ
218	7 »	Рыр-кайшія	Рирь-Кайшія
229	6 снизу	Кондерева	Кондеревы
—	4, 3 »	Ычигинскій, —аго	Ычгемскій, —аго
234	17 сверху	знаменитому	пресловутому
—	18 »	Ягача	Егача
236 и 237	4 и 3 »	стрѣлъ	для копья
243	14 »	августа	мая
253	5 »	притока рѣки	у притока ея, рѣки
260	16 »	очень вѣжливо	съ большою формаль- ностью
263	8 »	дальѣ, чѣмъ до мыса Пээкъ	много дальше мыса Кыбе ра
—	16 и 21 св.	Рыр-кайшія	Рирь-Кайшія
269	2 снизу	Пелинткиръ	Пеліуткиръ
270	13 сверху	восточнаго	сѣвернаго
277	9 »	Пээкъ	Эрри
277	12 сверху	обнесенъ заборомъ	снаружи обтянуть какой то тканью
278 и 279	9, и 6, 27, 32 св.	Рыр-кайшія	Рирь-Кайшія
282	6 снизу	Санниковъ изъ Якутска	Санниковъ, съ которымъ я видѣлся въ Якутскѣ
297	7 »	въ Покровскомъ	въ Походскомъ
307	7 сверху	очень красивое	довольно большое

<i>Стран.</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
807 и 809	13, 9 и 4 сн.	Долгулахъ, —омъ	Дойдылахъ, —омъ
810	1 снизу	Чукотскую	Чукочью
824	10 сверху	глубиной	отъ яра
827	3 »	керуловъ	кекурь
833	8, 12, 21, 28 св.	керулы	кекуры
—	9 сверху	Керульною	Кекурною
838	9 »	лежалъ на льду	примкнулъ ко льду
839	18 »	ледяныхъ	земляныхъ
846 и 351	11 св. и 1 сн.	керулы, —овъ	кекуры, кекурь
358	14 снизу	таймень-балыкъ, что значить господская рыба	товень-балыкъ, что значить рыба-господинъ
860	2 сверху	улуса Элгета	Элгетскаго улуса
864	14 снизу	багажа	сѣна
869	5 сверху	Сыгы-Итарскаго	Сыгы-ыттарскаго
371 и 372	6, 10, 14 и 10, 18 св.	Кира, —у	Кыра, —у
376	15 сверху	по притоку	къ притоку
380	5 снизу	Иркутскѣ, такъ и въ Верхнеколымскѣ	Якутскѣ, такъ и въ Среднеколымскѣ
391	12, 14 св.	1868	1865
401	21 сверху	Тасѣ	Тавѣ
406	5 снизу	отъ города Читы	къ западу отъ города Читы
407	5 сверху	часто	чаще
—	12 »	Крапоткинъ	Кропоткинъ
413	18 »	Иркутскій	Якутскій
421	1 »	одѣваетъ	снимаетъ съ себя
422	6 снизу	іюлѣ	іюлѣ
425	14 сверху	Ленѣ	Янѣ

Примѣчаніе. Авторъ, для одного инородческаго племени Якутской области ввелъ въ своемъ сочиненіи обозначеніе, слѣдую иѣстному произношенію— *юкары, юкарки*. Переводчикъ счелъ полезнымъ, во избѣжаніе недоразумѣній, въ книгѣ, назначенной для русскихъ читателей, сохранить для этого племени названіе, установившееся въ русской печатной литературѣ: *юкари, юкарки*.